1
том 22
2020

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

Bulletin of Kemerovo State University
2020, 22(1): 1–287

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020
том 22 № 1

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67989.

Издается с 1999 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik.kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Зам. главного редактора: *Овчинников В. А.*, д-р ист. наук, проф., КРИРПО (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф., Потсдамский университет (Потсдам, Германия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Ялта, Россия).

Микляева А. В., д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., д-р ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

16+

© Кемеровский государственный университет, 2020
© Авторы научных статей, 2020

BULLETIN KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2020
vol. 22 no 1

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67989.

Founded in 1999.

Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.;
8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., 8(3842)58-13-01;
vestnik@kemsu.ru; http://vestnik.kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University.
Articles are available to all without change, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Deputy Editor-in-Chief: *Vladislav A. Ovchinnikov*, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Prof.,Academician of the RAS, Institute of Phililogy of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof., Potsdam University (Potsdam, Germany).
Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).
Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Anastasiya V. Miklyaeva, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).
Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Prof., Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).
Marina V. Pimenova, Dr. of Philology, Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).
Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).
Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).
Lhagvasuren Erdenebold, Ph.D. History, Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).
Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

© Kemerovo State University, 2020
© The authors of scientific articles, 2020

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1

История и археология

История физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в середине 1980-х гг.
Ворожко Ю. В., Червева О. П. 1

Рейд отряда Олиферова по территории Кузбасса зимой 1920–1921 гг.: причины неудач красных
Ермолаев А. Н., Дубровская Е. Д. 13

Справочные издания по торговле, купечеству, предпринимательству в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: историографический обзор
Климова О. Г. 20

Заселение русскими бассейна реки Кия (на примере основания села Чумай Чебулинского района Кемеровской области)
Кузьмин О. Ю. 28

Комплексное историко-археологическое изучение сельских населенных пунктов XVII – начала XX в. в Среднем Притомье
Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Усков И. Ю., Васютин С. А., Сизёв А. С., Плац И. А., Горлышкин Н. Е. 36

Полицейское управление в Кузнецком, Барнаульском и Бийском округах (уездах) во второй половине XIX в.
Москвитин Ю. Н. 48

Подъемный материал со стоянки Урочище Кушек-4 на юге Тургайского прогиба
Подзюбан Е. В. 58

Ставрографическая коллекция Кривощековского некрополя (типология, семантика)
Сальникова И. В. 67

Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг.
Тихомиров Н. В. 78

Контрабандная торговля русской золотой и серебряной монетой в Западном Китае в 50-е гг. XIX в. (по материалам российского консула К. А. Скачкова)
Хамзин И. Р. 88

Борьба органов милиции с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов в 1941–1942 гг. (по материалам Алтайского края)
Шатилов С. П., Шатилова О. А. 98

Проблемы исследования памятников Нового времени в Притомье
Ширин Ю. В. 107

Психология

Здоровьеформирующие аспекты образа жизни студентов, обучающихся на разных направлениях подготовки вуза
Блинова Н. Г., Варич Л. А., Поддубняк А. О., Скалозубова Л. Е., Витязь С. Н. 115

Мотивационная доска: обучающие возможности метода в формировании внутренней мотивации контроля уровня сахара в крови больных сахарным диабетом
Дайнеко И. А., Кучер О. Н., Логинова И. О. 123

Клинический психолог в системе комплексной реабилитации
Козлова Н. В., Рогачева Т. В., Левицкая Т. Е., Цехмейструк Е. А., Назметдинова Д. Г. 131

Специфика образа жизни людей, проживающих в сложных климатогеографических условиях
Кулик А. А. 139

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1

Структурно-содержательный анализ экзистенциальной теории в ее значении для практики психологического консультирования
Куценко Н. Ю., Ярославцева И. В. 152
Образы представителей США и Китая у студенческой молодежи Владивостока
Марин Е. Б., Калита В. В. 163
Стратегии самопрезентации преподавателей как фактор восприятия их личности студентами в онлайн-взаимодействии (на примере медиалекции)
Микляева А. В., Панферов В. Н., Безгодова С. А., Васильева С. В. 175
Взаимосвязь особенностей моральной сферы и экстремистских установок в студенческой среде
Сычев О. А., Жихарева Е. В. 185
Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике
Яницкий М. С. 194

Языкознание

Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов)
Батюшкина М. В. 207
Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь / конь* в русской языковой картине мира
Бекмурзаева Ф. Ш. 216
Словообразовательная номинация в англоязычном терминообразовании смешанных единоборств
Дронякина Н. В., Старых Д. А. 226
Роль речевых стереотипов в организации дискурса французской песни протеста (*Chanson engagée*)
Желудкова Е. Г. 234
Русские эмотивные глаголы в семантической классификации предикатов
Кукатова О. А. 242
Гендерные и теоморфные признаки мифологемы *Земля-мать* в русской лингвокультуре
Мошина Е. А. 251
Способы перевода французских киноназваний с антропонимами
Ткачева А. Н. 258
Информационная структура простого предложения в телеутском языке: к постановке проблемы
Токмашев Д. М. 268
Переводческие приемы Питера Ньюмарка на материале переводов метафор в произведениях Стивена Кинга
Шалимова Д. В., Шалимова И. В. 278

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1

History and Archeology

History of the Physical Culture and Sports Movement in the Kemerovo Region in the Mid-1980s
Vorozko Y. V., Cherveva O. P. 11

Oliferov's Raid on the Territory of Kuzbass in the Winter of 1920–1921: Why the Red Failed
Ermolaev A. N., Dubrovskaya E. D. 19

Reference Books on Trade, Merchants, and Entrepreneurship in Siberia in the Second Half of the XIX – early XX Centuries: Historiographical Review
Klimova O. G. 25

Settlement of the Kiya River Basin by the Russians: Case Study of the Foundation of the Village of Chumay in the Chebulinsky District of Kemerovo Region
Kuzmin O. Yu. 34

A Complex Historical and Archaeological Study of the Rural Settlements of the XVII – Early XX Century in the Middle Tom' River Basin
Marochkin A. G., Yurakova A. Yu. , Uskov I. Yu., Vasyutin S. A., Sizyov A. S., Plats I. A., Gorlyshkin N. E. 45

Police Department in the Kuznetsk, Barnaul, and Biysk Districts (Parishes) in the Second Half of the XIX Century
Moskvitin Y. N. 56

Artifactual Remains from the Kushek-4 Site in the South of Turgai Depression
Podzuban E. V. 65

Staurographic Collection of the Krivoshchyokovo Necropolis (Typology, Semantics)
Salnikova I. V. 76

Development of Russian Unitary State in the Works of Domestic Historians of the Late 1930's – Early 1950's
Tikhomirov N. V. 85

Illicit Trade in Russian Gold and Silver Coins in West China in 1850's (based on the Materials of the Russian Consul K. A. Skachkov)
Hamzin I. R. 96

Militia Forces against Anti-Soviet Agitation, Propaganda, and Provocative Rumors in the Altai Territory in 1941–1942
Shatilov S. P., Shatilova O. A. 105

Issues of Researching the Modern-Time Sites of the Tom River Basin
Shirin Y. V. 113

Psychology

Health-Forming Lifestyle Aspects in Students of Various Higher Education Programs
Blinova N. G., Varich L. A., Poddubnyak A. O., Skalozubova L. E., Vityaz S. N. 121

Training Opportunities of the Motivation Board: Method of Internal Motivation Forming to Monitor Blood Sugar Level in Patients with Diabetes Mellitus
Dayneko I. A., Kucher O. N., Loginova I. O. 129

Clinical Psychologist in the System of Complex Rehabilitation
Kozlova N. V., Rogacheva T. V., Levickaya T. E., Tsehmeistruk E. A., Nazmetdinova D. G. 136

Lifestyle of People Living in Harsh Climatic and Geographical Conditions
Kulik A. A. 150

Structural-Content Analysis of Existential Theory and its Value for Psychological Consulting
Kutsenko N. Yu. , Yaroslavtseva I. V. 161

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1

The Image of the Representatives of the United States and China as seen by Vladivostok Students
Marin E. B., Kalita V. V. 172
Self-Presentation Strategies as a Factor of Lecturer's Personality Perception by Students in Online Interaction at a Media Lecture
Miklyaeva A. V., Panferov V. N., Bezgodova S. A., Vasileva S. V. 183
Moral Foundations vs. Extremist Attitudes in University Students
Sychev O. A., Zhikhaerva E. V. 192
System of Value Orientations of Personality and Social Communities: Structural and Dynamic Model and its Application in Psychological Research and Psychological Practice
Yanitskiy M. S. 204

Linguistics

Legal Concept and Legal Term: Specificity of the Correlation and Definitions (Based on Russian Laws)
Batyushkina M. V. 214
Mythosymbolic Component of the Animalistic Concept Horse (Loshad' / Kon') in the Russian Language Picture of the World
Bekmurzaeva F. Sh. 224
Word-formative Nomination in the English Terminology of the Mixed Martial Arts
Dronyakina N. V., Starykh D. A. 232
The Role of Speech Stereotypes in the Organization of French Protest Song Discourse (Chanson Engagée)
Zheludkova E. G. 240
Russian Emotive Verbs in the Semantic Classification of Predicates
Kukatova O. A. 249
Gender and Theomorphic Signs of the "Earth-Mother" Mythologeme in Russian Linguistic Culture
Moshina E. A. 256
French Film Titles with Anthroponyms: Translation Issues
Tkacheva A. N. 265
Simple Sentence Information Structure in Teleut: Problem Statement
Tokmashev D. M. 276
Peter Newmark's Translation Procedures as Applied to Metaphors of Literary Texts (Based on Stephen King's Works)
Shalimova D. V., Shalimova I. V. 286

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

оригинальная статья

УДК 93/94:796.01(571.17)

История физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в середине 1980-х гг.

Юрий В. Ворожко [a, ID]; Ольга П. Червева [b, @]

[a] Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Россия, г. Омск

[b] Музей физической культуры и спорта Кузбасса, Россия, г. Кемерово

[@] chervevaolga@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-2261-716X

Поступила в редакцию 14.01.2020. Принята к печати 03.03.2020.

Аннотация: Рассмотрены процессы перестройки в сфере физической культуры и спорта на примере деятельности Всесоюзного добровольного физкультурно-спортивного общества профсоюзов Кемеровской области, который фактически являлся наряду с Государственным комитетом СССР по физической культуре и спорту важнейшим органом управления спортом в Кемеровской области. Цель – проанализировать эффективность преобразований и результатов реформирования физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в середине 1980-х гг. Источниковую базу составили новые, неопубликованные ранее документы из фондов музея физической культуры и спорта Кузбасса. В статье проанализированы и подкреплены статистическими данными сведения о кадровом потенциале, спортивных сооружениях, изменениях и результатах преобразований физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в середине 1980-х гг. Выявлен положительный и отрицательный опыт работы Всесоюзного добровольного физкультурно-спортивного общества профсоюзов. Предлагается точка зрения авторов об эффективности реформ, итогах перестройки и периодизации истории физкультурного движения. Анализ данной проблемы позволит не только дополнить историю физической культуры, одного из важных направлений спортивной науки, но и определить с учетом предыдущего исторического опыта эффективные пути современного развития физической культуры и спорта в практическом ключе.

Ключевые слова: управление, физическая культура, спорт, физкультурно-спортивное общество, профсоюз, перестройка, коллектив

Для цитирования: Ворожко Ю. В., Червева О. П. История физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в середине 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 1–12. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

Введение

Как свидетельствуют результаты анализа источников, перестройка физкультурного движения началась с реформ государственных и общественных органов управления, изменения форм и методов спортивной работы. Вопросы перестройки профсоюзной работы, приведение ее в соответствие с задачами социально-экономического ускорения заняли центральное место на XVIII съезде профсоюзов СССР. Не осталось в стороне от перестройки и советское физкультурное движение. Решением президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) от 20 февраля 1987 г. «О мерах по совершенствованию руководства физкультурным движением профсоюзов» были упразднены Всесоюзные добровольные спортивные общества профсоюзов и создано единое Всесоюзное добровольное физкультурно-спортивное общество (ВДФСО) профсоюзов. Этим постановлением ВЦСПС, а также постановлением секретариата ЦК КПСС от 17 февраля 1987 г. «О некоторых мерах по изменению руководства физкультурным движением в профсоюзах» перед физкультурными организациями профсоюзов была поставлена задача: добиться, чтобы занятия физическими упражнениями стали всенародным делом, повседневной потребностью каждого человека [1]. На наш взгляд, цель и задачи реформ физкультурного движения с 1985 г. оставались прежними, нерешенными, перекочевавшими в период перестройки. Цель данной статьи – проанализировать эффективность преобразований и результатов реформирования физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в середине 1980-х гг.

Главное направление в деятельности физкультурно-спортивного общества профсоюзов оставалось прежним – работа в каждом трудовом коллективе и учебном заведении. В рекомендациях к деятельности указывалось, что необходимо уделить первоочередное внимание развитию таких форм работы общества, как организация самодеятельных спортивных и физкультурно-оздоровительных клубов, любительские объединения по интересам, группы здоровья и комплекса ГТО, методические кабинеты для оказания помощи самостоятельно занимающимся физической

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

культурой и спортом, университетам и школам по пропаганде здорового образа жизни [2].

Предполагалось, что создание единого профсоюзного общества откроет новые резервы в управлении физкультурно-спортивной работой и избавит от многих негативных факторов, порожденных прежней структурой: раздробленность и разобщенность; нездоровая конкуренция; отсутствие единства требований к кадрам; параллелизм в работе.

Мощным положительным фактором развития нового общества должна была стать концентрация средств и управленческих функций, что позволило бы специализировать кадры по направлениям работы, обеспечить более профессиональное, более компетентное руководство и оказание практической помощи коллективам физкультуры и спортивным школам.

Принятые решения в официальных документах рассматривали последующий период как новый этап физкультурного движения в профсоюзах, что, на наш взгляд, носит во многом дискуссионный характер. Цель, задачи, средства и методы реализации реформ в области физической культуры и спорта оставались прежними, как и до перестройки.

Анализ стратегических приоритетов системы физкультуры и спорта ВДФСО профсоюзов

Юридически образование совета произошло в Кемеровской области на объединенном пленуме областных советов 24 апреля 1987 г., а по сути он приступил к работе 1 июля 1986 г. (к этому времени закончилась деятельность областных советов добровольных спортивных обществ (ДСО)). С августа начал формироваться областной спортивный клуб. За первые 10 месяцев деятельности совет выполнил задачи первого этапа работы по созданию единого профсоюзного общества [3]:

- проведены объединенные пленумы в 9 городах;
- проведена отчетно-выборная кампания в коллективах физкультуры, спортивных клубах, городских и районных советах;
- выполнена программа учебы «Физкультурные кадры», на четырех семинарах прошли переподготовку около 200 работников различного профиля[1];
- созданный аппарат областного совета участвовал в разработке программ «Физкультура – 90» [4] и программы строительства спортивных сооружений в области на средства профсоюзов до 1996 г. Ежемесячно проводились заседания президиума областного совета, на которых было рассмотрено 52 вопроса, составлены и утверждены календарные планы мероприятий, проекты бюджетов, штатные расписания на 1988 г. районных и городских советов;
- городские советы провели работу по созданию новых коллективов физкультуры.

Статистические данные ВДФСО профсоюзов убедительно свидетельствовали о концентрации кадровых и материально-технических ресурсов. В областном совете насчитывалось около 700 тыс. членов общества, 1108 коллективов физкультуры, 1774 штатных физкультурных работника, 46 детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ), из них 11 специализированных школ олимпийского резерва, 7 штатных команд по игровым видам спорта. Спортивные сооружения насчитывали 28 стадионов, 202 спортивных зала, 12 крытых плавательных бассейнов, 78 лыжных баз, 82 стрелковых тира, 2 дворца спорта с искусственным льдом. На спортивных сооружениях могли заниматься ежедневно 130 тыс. человек[2].

Напряженная активная организационно-методическая работа начала приносить свои первые положительные результаты. Вместе с тем в процессе объединения обществ выявились и негативные факты, существующие в структуре управления:

- диспропорция в выделении профсоюзных средств, штатов по городам и районам. Из 51 ДЮСШ профсоюзов 28 школ находились в г. Кемерово, в г. Новокузнецк – всего 11. Управление школ было излишне централизовано на период реорганизации, только 2 школы из 51 находились на самостоятельном балансе: горнолыжные школы в городах Мыски и Таштагол. В Междуреченске, Ленинске-Кузнецком, где городские советы имели неплохую собственную спортивную базу, спортивные школы профсоюзов отсутствовали. В г. Анжеро-Судженск, где общая численность работников спортсооружений насчитывала 51 человека, в ДЮСШ работало только 10 тренеров [5];
- наличие подразделений с явно выраженным трудозатратным принципом работы.

Так, при областном совете ДСО «Труд» в г. Кемерово числился спортивный комбинат со штатной численностью 36 человек с годовым фондом заработной платы 70 тыс. руб., в состав которого входили сгоревшая в 1985 г. лыжная база, ликвидированный загородный спортивно-оздоровительный лагерь, несуществующий трамплин и т. д. Низкий уровень работы был выявлен в коллективах спортивных сооружений, находящихся на балансе прокопьевского городского совета: центрального стадиона «Шахтер» и трамплина. При выделении штатной численности категория стадиона была умышленно завышена. Стадион имел в штате 33 единицы, платных услуг населению в 1987 г. было оказано всего на сумму 3018 руб. [6].

[1] Комплексная программа «Физкультурные кадры Кемеровского областного совета ВДФСО профсоюзов на 1987–1990 гг.». Кемеровский областной совет ВДФСО профсоюзов г. Кемерово. 1987. С. 36.

[2] О задачах Кемеровской областной организации ВДФСО профсоюзов по дальнейшему повышению роли физической культуры в оздоровительной работе среди трудящихся: доклад I отчетно-выборной конференции Кемеровской областной организации ВДФСО профсоюзов. Кемерово, 20 февраля 1988 г.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

В горнолыжной школе г. Мыски на период реорганизации работало 2 штатных тренера и один почасовик, а по управленческому и вспомогательному аппарату – 20 человек.

В результате анализа отчетной документации нами обнаружено значительное количество сооружений на балансе ДСО, годами не обновлявших статус «на капитальном ремонте». В подобном состоянии руководителями легко оправдывалась бездеятельность коллективов спортивных сооружений.

Выявлена другая, не менее важная проблема – отсутствие эффективной контрольно-ревизионной службы, практики экономического анализа эффективности использования средств и штатов, как следствие – иждивенческое настроение у многих физкультурных организаторов городского и районного звена [7].

Многие коллективы физической культуры активно проводили работу по оказанию платных услуг населению и переходу на частичное самофинансирование, но эта работа проводилась не всегда эффективно. Например, спортивные сооружения КМК в 1987 г. оказали платных услуг на сумму 260 тыс. руб.; 22 спортивных объекта на балансе областного совета: 3 стадиона (Ленинск-Кузнецкий, Киселевский, Прокопьевский); конькобежная дорожка, 2 дома физкультуры, 10 лыжных баз – платных услуг населению оказали на сумму 80 тыс. руб., в 3 раза меньше, чем на КМК.

К одним из первых важнейших решений новой системы управления можно отнести перевод 6 специализированных школ олимпийского резерва на самостоятельный баланс с получением права юридической самостоятельной организации со своим счетом в банке, бюджетом. Школы были укреплены штатной численностью и финансированием, что позволило самостоятельно и эффективно решать задачи по подготовке олимпийского резерва. Специализированные школы имели 29 филиалов в городах области.

Предпринимались попытки в решении проблем штатной численности спортивных сооружений, имеющих характеристику «трудозатратных» [8]. При рассмотрении бюджетов городских и районных советов за 1988 г. за основу рассматривали сложившуюся ситуацию в распределении штатов и финансирования, была произведена значительная корректировка и перераспределение средств среди горрайсоветов.

Как показал анализ документов, на момент реорганизации общества в 7 районных советах не было председателей районных советов: ДСО «Урожай», в Юргинском и Яшкинском райсоветах в течение 2-х лет, а в Беловском и Чебулинском по году, в ряде городских советов были председатели-совместители. Вскоре это упущение было исправлено – во всех 31 городских и районных советах были утверждены избранные председатели[3]. Исключение составлял небольшой г. Тайга, где было принято решение не создавать городской совет, а его функции возложить на отделенческий спортивный клуб «Локомотив». Впоследствии, как показывают итоги работы, за год спортивный клуб «Локомотив» не выполнил возложенных на него обязательств: по основным показателям работы г. Тайга безоговорочно занял последнее место в социалистическом соревновании [9].

Основой планирования в практике работы физкультурных организаций страны были утвержденные комплексные программы. Мы выявили определенный опыт формирования досрочных программ обкомов и территориальных комитетов (теркомов) профсоюзов. Данные организации разработали в 1987 г. программу «Физкультура – 90»[4].

Областным советом профсоюзов была утверждена программа строительства физкультурно-спортивных сооружений до 1996 г. на общую сумму 36 млн руб.[5]. Эта программа была создана на основе решений XVIII съезда профсоюзов, где было принято решение направить на строительство в районы Сибири и Дальнего Востока и крайнего севера один млрд руб.[6].

Всего было намечено построить 104 объекта, что почти вдвое позволило бы увеличить пропускную способность спортивных сооружений Кузбасса. Программа была гарантирована финансированием областного совета профсоюзов, но не обеспечена строительными фондами и лимитами. Основным методом строительства становился хозспособ. Эта особенность программы предопределяла необходимость в проявлении инициативы и деловитости всеми заинтересованными организациями в реализации намеченных планов, крупными промышленными объединениями и предприятиями, включении объектов спортивного строительства в государственные планы министерств и ведомств [10].

Мы считаем, что при формировании программы были допущены серьезные ошибки, а также не учтены природные особенности региона. Ее основу составляло строительство и реконструкция 22 стадионов и 13 спортивных комплексов с плавательными бассейнами, и в то же время почти отсутствовали 1 хоккейная коробка, 1 лыжный стадион, 1 загородный пионерский лагерь, 1 конькобежная дорожка, спортивные сооружения для зимних видов спорта. Общая стоимость 10-летней программы строительства объектов культуры и физкультуры составляла 78 млрд руб.

[3] Инструкция о проведении выборов руководящих органов Всесоюзного добровольного физкультурно-спортивного общества профсоюзов. М., 1989. С. 3.

[4] Физкультура – 90 // Информационный бюллетень ВДФСО профсоюзов. 1988. С. 25.

[5] Комплексный план работы Кемеровского областного совета ВДФСО профсоюзов по физическому воспитанию трудящихся, студенческой и учащейся молодежи, высшему мастерству и олимпийскому резерву, организационно-политическому укреплению физкультурных организаций на 1988–1990 гг. Кемерово, 1988. С. 47.

[6] Материалы XVIII съезда профессиональных союзов СССР. М.: Профиздат, 1987. С. 191.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

Выявление ошибочного направления работы системы
В декабре 1987 г. работу областного совета проверяла комиссия Всесоюзного совета общества. Комиссия отметила низкий уровень деятельности отдела оргработы и кадров областного совета, отделов физического воспитания трудящихся промышленности и строительства, легкой и пищевой промышленности. Были сделаны указания на низкий уровень подготовки вопросов на президиуме, бессистемность в командировках работников аппарата совета, отсутствие достоверных профкарт по отраслям промышленности и др.

На заседании президиума Всесоюзного совета общества 28 января 1988 г. при рассмотрении вопроса «О работе Новокузнецкого городского совета» были указаны недочеты в работе областного совета в жесткой форме. В большей степени вина за это была возложена на заместителя председателя областного совета Вишнякова и заведующих отделами Чекмачеву и Маркачева и исполняющую обязанности заведующего орготделом и кадров Карнилову. Резкой критике была подвергнута работа отдела спортсооружений и материально-технического снабжения (заведующий отделом Меньшов) и отдела высших и средних учебных заведений (заведующий отделом Пикуза). Комиссия по физическому воспитанию студентов ВУЗов и учащихся средних учебных заведений не работала. Была зафиксирована более слабая между спортивными клубами ВУЗов и коллективами средних учебных заведений, чем прежде, при прежней структуре ДСО. Отдел спортсооружений и материально-технического снабжения не справлялся с поставленными задачами[7]. За допущенные ошибки в работе президиум совета вынес наказания двум заведующим отделами – Трофимову и Коляко[8].

Серьезные претензии были предъявлены к финансовому отделу облсовета, заведующему отделом Марасанову, который не сумел обеспечить эффективную контрольно-ревизионную работу при наличии двух ревизоров в отделе. Отделом не проводился экономический анализ деятельности совета[9].

Серьезный анализ деятельности областного совета был сделан при подготовке и проведении областной отчетно-выборной конференции 1988 г. В период подготовки и составления отчетов особое внимание уделялось всестороннему анализу деятельности всех звеньев ВДФСО профсоюзов на предмет выполнения постановления президиума ВЦСПС «О мерах по совершенствованию руководства физкультурным движением профсоюзов», осуществления коренной перестройки физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы среди трудящихся и учащейся молодежи[10].

В ходе отчетно-выборной кампании общие собрания и конференции признали работу 1247 коллективов физкультуры удовлетворительной, 19 коллективам дали неудовлетворительную оценку.

В состав советов ВДФСО было избрано 8914 человек (6235 мужчин, 2679 женщин), в том числе 2522 члена КПСС, 3781 член ВЛКСМ. Также 1759 были представителями сельской местности. На собраниях и конференциях выступили более 8 тыс. активистов физкультурного движения, которые внесли конкретные предложения по улучшению практической деятельности советов, затронули темы недостаточной материальной базы, отсутствия кадровых физкультурных работников, неудовлетворительного состояния по внедрению новых форм физкультурно-массовой работы на целом ряде предприятий. Много внимания уделялось вопросам создания условий для организации активного отдыха трудящихся, широкому привлечению их к систематическим занятиям физическими упражнениями в спортивных секциях и оздоровительных группах, в том числе на общественных началах.

Критике были подвергнуты те организации ВДФСО, которые в период после реорганизации решили сократить количество спортивных мероприятий городского и районного масштабов, такая критика была высказана в адрес Новокузнецкого, Анжеро-Судженского, Беловского городских советов, Юргинского и Тисульского районных советов.

Особо резкой критике подвергался председатель Киселевского городского совета ВДФСО профсоюзов Никифоров, который впоследствии не был избран в состав городского совета.

Наше глубокое убеждение заключается в том, что уровень подготовки кадров во многом объективно отражает состояние дел, результат деятельности прямо пропорционально зависит от знаний, профессионального мастерства, квалификации физкультурных работников. В организациях областного совета работало 1774 физкультурных работника, из них 42,3 % имели высшее физкультурное образование, 30 % – среднее физкультурное образование. К работе в физкультурных организациях на общественных началах было привлечено более 13 тыс. инструкторов-общественников – методистов и тренеров.

Из 31 председателя городских и районных советов специальное образование имели только 15 человек, из 15 избранных председателей районных советов 12 человек впервые вступили в эту должность, при этом только 5 из них имели специальное физкультурное образование. Средний возраст руководящих кадров составлял 35 лет.

Простой арифметический подсчет показывает, что на одного физкультурного работника на территории

[7] Хотелось бы отметить, что команда – основа успеха. Высокий профессионализм и ответственность членов команды, слаженность их работы, взаимная поддержка обеспечивают успех. Если приказы не исполняются, то ожидать эффективной работы организации невозможно [11].

[8] План работ комитета по физической культуре и спорту Кемеровского облисполком на 1987 г. Кемерово, 1986. С. 6.

[9] План работ комитета по физической культуре и спорту Кемеровского облисполком на 1988 г. Кемерово, 1987. С. 5.

[10] Сборник документов и материалов цикла «КПСС в стенограммах, документах и материалах». М.: Политиздат, 1986. С. 320.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

Кемеровской области, без учета преподавателей ВУЗов и техникумов, приходилось около 10 тыс. трудящихся. Такое положение в области, да и в других регионах страны создалось, прежде всего, вследствие того, что штатные физкультурные работники по физической культуре могли быть введены только на тех предприятиях и в организациях, где численность работающих превышала 500 человек. В Кузбассе на 1988 г. зарегистрировано 1570 организаций, где имелось число работающих менее 500 человек. Кроме того, на большом количестве предприятий и организаций, где могли быть введены должности инструкторов-методистов по производственной гимнастике и массовой физкультурно-оздоровительной работе, должности не были введены.

В г. Новокузнецк на 27 предприятиях и в организациях не были созданы коллективы физической культуры, где должны были быть инструкторы физкультуры. Это такие подразделения, как «Южкузбассуголь», «Кемеровоуголь», автобаза объединения «Гидроуголь», управление «Южные электрические сети».

В области имелось 1108 коллективов физической культуры, они объединяли почти 5 тыс. профсоюзных комитетов, и 438 инструкторов-методистов по производственной гимнастике, инструкторов-методистов по физической культуре и спорту – в среднем 1 инструктор на 2,5 коллектива физической культуры и на 11 профсоюзных организаций.

На фоне реорганизации выявилась важная проблема, создающая весомые помехи в настройке деятельности областного совета – престижность профессии физкультурного организатора была на низком уровне. Многие физкультурные организаторы по личной инициативе уходили в другие сферы деятельности.

При организации нового профсоюзного общества заметно повысилась заработная плата работников советов, повысилась также зарплата и ряда председателей советов коллективов физкультуры крупных предприятий и председателей спортивных клубов. Это должно было создать некую привлекательность к профессии, способствовать укреплению и стабилизации кадров в обществе.

Проблема переподготовки и образования кадров нового совета была решена принятием комплексной программы «Физкультурные кадры Кемеровского областного совета "ВДФСО профсоюзов" в свете решений XXVII съезда КПСС на 1987–1990 гг.». Данным документом была предусмотрена система повышения квалификации штатных физкультурных работников и общественного актива: воспитание, учеба, повышение профессионального мастерства, совершенствование гражданских позиций[11].

Областным советом была разработана и внедрена новая номенклатура должностей, которая состояла из основной и учетно-контрольной. В основную номенклатуру было введено 22 должности работников аппарата областного совета и его подведомственных организаций.

Постановлением президиума ВЦСПС от 16 марта 1987 г. было предусмотрено проводить аттестацию руководящих работников профсоюзных органов не позднее 6 месяцев со дня их избрания[12]. В случае областного совета аттестация руководящих органов должна сочетаться с учебой, ростом персональной ответственности и повышением требовательности к кадрам.

Основным организационным звеном физкультурного движения оставался коллектив физической культуры. Многообразны были формы оздоровительной и спортивной работы в коллективах: физическая культура в режиме труда и после работы, создание комнат здоровья, восстановительных центров на производстве, оздоровительных групп, школ здоровья, любительских клубов по интересам, загородные формы отдыха – все это было направлено на улучшение здоровья трудящихся и членов их семей. Чем выше организованность коллектива физкультуры, тем эффективней он может влиять на физическое и социальное здоровье трудящихся.

В Кузбассе в начале 1988 г. насчитано 1108 профсоюзных коллективов физической культуры, которые объединяли свыше 700 тыс. трудящихся, т. е. только половину членов профсоюзов Кемеровской области. Высшая форма коллектива физкультуры – спортивный клуб[13]. Спортивных клубов насчитывалось всего 17: 4 коллектива, 7 ВУЗов, 5 отделенческих и узловых железнодорожного транспорта, 1 техникум. Коллективы физкультуры КМК и ЗапСиба были представлены к присвоению звания «Спортивный клуб».

Всего в области насчитывалось 108 коллективов физкультуры крупных предприятий и объединенных коллективов, где имелись штатные советы коллективов физкультуры с относительно хорошей зарплатой председателя совета коллектива в размере 190–220 руб. в месяц. В Новокузнецком теркоме угольщиков таких коллективов было 18, в Ленинск-Кузнецком – 14, в обкоме металлургов – 12.

Именно эти вышеперечисленные коллективы задавали тон в организации физкультурно-оздоровительной работы. В связи с этим предполагалось, что все внимание физкультурных организаторов должно было быть направлено на организационное укрепление и создание новых крупных объединенных коллективов физкультуры – одной из самых действенных форм укрепления коллективов физкультуры по отраслевому и территориальному принципу. Областной совет в сентябре 1987 г. обобщил опыт создания таких коллективов в г. Белово, где были созданы 4 объединенных коллектива.

В докладе Кемеровской городской конференции общества была озвучена информация о создании 5 объединенных коллективов физкультуры, из которых фактически было

[11] Там же.

[12] Постановление ВЦСПС «О введении аттестации ответственных работников аппарата профсоюзных органов и подведомственных профсоюзам организаций» № 3-6 от 16 марта 1987 г. М., 1987. С. 9.

[13] Справочное пособие для профсоюзного актива «Физкультурно-спортивная работа профсоюзов». М.: Профиздат, 1985. С. 12–175.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

создано 4, 5-й коллектив (горкома Агропромышленного комплекса) существовал только на бумаге.

По статистическим данным 1987 г. в среднем по Кузбассу потери рабочего времени по болезням составили 844 дня в год, а по некоторым отраслям показатель был значительно выше средних (Новокузнецкий, Прокопьевский, Киселевский теркомы угольщиков, профсоюзы рабочих строительства и промышленно-строительных материалов, лесной и деревообрабатывающей промышленности).

К отраслям, наиболее эффективно использующим физическую культуру на пользу производства и заботящимся о здоровье трудящихся, относились химическая, металлургическая, угольная и строительная.

На КМК в 1987 г. только за счет значительного снижения простудных заболеваний получен экономический эффект около 300 тыс. руб. Здесь в 1986–1987 гг. были введены 15 комнат здоровья, 4 восстановительно-профилактических центра с тренажерными залами, бассейнами для закаливающих процедур, саунами. Данный эффект был достигнут благодаря активности врачебно-инженерных бригад и совета коллектива физкультуры.

Положительным примером является комплексный подход к организации отдыха во внутрисменных режимах и после трудового дня на производственном объединении «Органика», где внедрялась производственная гимнастика, работали 7 комнат здоровья, оздоровительный центр, в котором занимались 22 группы по профессиональной физической подготовке оздоровительно-профилактический направленности, по месту жительства работал теннисный клуб. По инициативе председателя совета коллектива физкультуры Макарова под контроль врачебно-инженерной бригады взяли физическое воспитание детей детских садов объединения. В результате всех мероприятий достигнуто снижение заболеваемости на 1987 г. по сравнению с предыдущим на 12,5 % в днях.

По статистическим данным в области работало 137 культурно-спортивных комплексов (КСК) – сельских, городских, районных. КСК являлись аккумуляторами средств, усилий специалистов и организации активного досуга населения. На п/о «Азот» культурно-спортивный комплекс сконцентрировал свои усилия на организации досуга трудящихся, членов их семей на базах отдыха. По календарю здоровья проводились массовые физкультурно-оздоровительные мероприятия подразделений объединения.

А на шахте им. В. И. Ленина г. Междуреченск КСК объединял усилия не только дворца культуры и спортивных сооружений, но и работу клубов по месту жительства и редакцию многотиражной газеты. В 1987 г. 41 % трудящихся были привлечены к участию в различных мероприятиях КСК. В физкультурно-спортивных клубах занималось 340 человек по интересам.

Клубы любителей физической культуры, физкультурно-оздоровительные группы заслуженно были признаны школами здорового образа жизни, где продолжалось формирование социальной коммуникабельности, развитие, совершенствование жизненно-важных умений, укрепление здоровья, профилактики заболеваний занимающихся.

Положительная практика работы реализации «самостоятельного туризма» [12] была зафиксирована в г. Междуреченск, где занимающихся туризмом насчитывалось 4700 человек [13]. Особой популярностью пользовался семейный туризм [14] – систематически проводились соревнования «Папа, мама, я – туристская семья», массовые слеты туристов, были организованы туристские секции. Активную пропагандистскую работу по привлечению занимающихся к занятиям туризмом вели клубы «Простор», «Горизонт», «Одиссей», «Ритм», «Карат».

Профилактика заболеваний была довольно разнообразна, одно из направлений – послерабочее восстановление, на которое также возлагались большие надежды. В Кемеровской области было зарегистрировано 766 тыс. трудящихся в химической, металлургической, угледобывающей отраслях промышленности, деятельность которых была сопряжена с влиянием неблагоприятных факторов труда на организм человека. К сожалению, условия для проведения производственной физкультуры в режиме труда были недостаточны – в целом на различных предприятиях области имелось лишь 218 комнат здоровья.

В практике работы коллективов физкультуры, спортивных клубов присутствовали массовые спортивные мероприятия: «Лыжня зовет», соревнования пятиугольников, различные лыжные и легкоатлетические пробеги с соревновательными нагрузками для лиц, не имеющих предварительной физической и специальной подготовки. Для уменьшения травматизма областной совет принял решение проводить мероприятия после определенных подготовительных занятий [15].

Одной из главных проблем считалось состояние физкультурно-массовой и спортивной работы на селе. По статистическим данным на селе трудилось более 245 тыс. человек. Перед сельскими тружениками Кузбасса была поставлена огромная задача в решении продовольственной программы. По итогам 1987 г. общая рентабельность сельскохозяйственного производства составляла 20 %. Сумма задолженности по кредитам госбанка составляла 1 млрд 200 тыс. руб.

Вопрос об устойчивом обеспечении населения страны продовольствием рассматривался как важнейшая социальная и политическая проблема, от которой зависела в конечном итоге судьба перестройки – так подчеркивалось на собрании актива областной партийной организации в январе текущего года, где обсуждались дополнительные меры по улучшению снабжения населения области продуктами питания в соответствии с требованиями июньского пленума ЦК КПСС 1987 г.[14]

[14] Справочник партийного работника. Выпуск двадцать восьмой. М.: Политиздат, 1988. С. 32–703.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

В этой связи явно выражена роль и значение физической культуры как важного фактора в укреплении здоровья селян, повышения работоспособности тружеников полей, организации разумного досуга и дополнительного рычага в решении задач продовольственной программы.

В сельской местности действовало 425 коллективов физкультуры, в их числе 61 – в колхозе, 196 – в совхозах, 168 – на предприятиях, в организациях, которые вносили определенный вклад в укрепление здоровья трудящихся, Агропрома. Следует отметить, что уровень работы многих из них не отвечал поставленным задачам, перестройке жизненного уклада селян.

Анализ организаторской работы по физической культуре в отрасли, стиля и методов руководства сельским физкультурным звеном показывает, что состояние оздоровительной и физкультурно-массовой работы за три года ухудшилось. Здесь имелся ряд проблем, в первую очередь – кадровый потенциал.

За 1986–1987 гг. текучесть инструкторов-методистов, основных штатных работников, составляла 85 %. За этот же период в 12 районных советах семенились председатели, из них только трое имели физкультурное образование [16].

Спортивная база на селе состояла из 4 стадионов, 8 лыжных баз, 17 стрелковых тиров, 35 спортивных залов, большинство которых располагались в районных центрах, и 400 игровых площадок. Во многих хозяйствах не было вообще никаких спортивных сооружений. Можем сделать вывод, что перед реорганизацией спортивных обществ не предпринимались действенные меры, направленные на изменение создавшегося положения.

В стремлении решить сложившиеся проблемы на строительство и реконструкцию 40 спортивных объектов в сельской местности облсовпрофом было выделено 8 млн руб. По плану работы на 5 лет укреплению материальной базы должно было способствовать поступление новых спортивных залов модульных конструкций[15].

Нельзя не отметить положительные отзывы областного совета о работе бывшего секретаря Беловского РК КПСС П. Н. Акатьева и директора совхоза «Пермяковский» В. Н. Шурбиной По их инициативе в совхозе была построена горнолыжная трасса с подъемником, в 1987 г. при профкоме совхоза «Пермяковский» была открыта ДЮСШ [17]. Для работы с детьми были приглашены ведущие специалисты и тренеры – мастера спорта СССР, которым созданы жилищные и рабочие условия. В ДЮСШ занималось 180 учащихся. На Беловском море был создан спортивно-оздоровительный лагерь для отдыха и тренировок более 80 учащихся этой школы.

Тем не менее темпы развития в целом носили явно не ускоренный характер. Только одна ДЮСШ областного совета была открыта в сельской местности. Более 20 % выпускников сельских школ не выполнили нормативы комплекса ГТО.

Солидарность авторов с исследованиями воздействия уровня физической культуры, который является фактором прямо воздействующих на рост производственного труда и национального дохода, несущественна. Скорее, мы утверждаем, что влияние физической культуры на производство намного сложнее, чем прямая зависимость [18]. Среди трудящихся Агропрома был выявлен высокий уровень заболеваемости, что приводило к большим потерям на производстве. Потери в днях по заболеваемости на сто трудящихся в 1986 г. составили 792,5 дня, в 1987 г. – 762,8 дня.

Отмечена очень слабая связь по совместной работе с областным агропромкомитетом, оргкомитетом профсоюза работников агропромышленного комплекса, хозяйственными организациями и их руководителями на местах в отношении кадровой политики. В докладе секретаря ОК КПСС тов. В. П. Лучшева на январском собрании областного партийного актива сообщалось, что на селе ежегодно меняется 12 % руководителей и от 20 до 25 % – главных специалистов. Если, как отмечалось выше, текучесть физкультурных кадров на селе составляет 85 %, то что можно говорить о физкультурных кадрах, которым уделяется внимание по остаточному принципу, т. е. эти 85 % текучести кадров отражают сложившийся уровень отношений к вопросам физкультуры на селе.

Проведенная аналитическая работа выявила некоторые причины снижения темпов работы. Сокращение ставок инструкторов-методистов было осуществлено в совхозах «Серебряковский», «Томбарский» Тисульского района, птицефабриках «Горнячка» Прокопьевского района и Мысковской. Обнаружено использование ставок не по назначению: в совхозе «Ильинский» Новокузнецкого района вместо инструктора-методиста содержали художника, в совхозе «Марьевский» – шофера, в совхозах «Линейный» и «Ново-Романовский» Юргинского района – бухгалтера и ветеринарного врача соответственно и т. д. Во многих хозяйствах ставки инструкторов-методистов занимали секретари комсомольских организаций.

При создании нового физкультурно-спортивного общества профсоюзов в его структуре были созданы подразделения для работы в области большого спорта, подготовки олимпийского резерва. При областном совете был создан областной спортивный клуб со штатной численностью 33 единицы, призванный обеспечить подготовку спортсменов высокого класса. В г. Новокузнецк был создан его филиал. Подготовка олимпийского резерва была возложена на 11 специализированных школ олимпийского резерва, 3 межведомственных центра олимпийской подготовки и экспериментальную группу по видам выносливости. В этих подразделениях работал 191 тренер, занималось около 5000 человек. В 36 ДЮСШ профсоюзов подготавливались спортсмены для будущих высших достижений.

[15] Программа основных направлений развития физической культуры и спорта в Кемеровской области на XII пятилетку. Кемерово, 1986. С. 14.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

Спортивный резерв состоял из 7 штатных команд мастеров, которые выступали в первенствах страны по футболу, хоккею с мячом, хоккею с шайбой, регби.

По уровню развития структуры большого спорта оценивались следующие показатели:

- количество специализированных школ, центров спорта;
- количество подготовленных кандидатов в сборную страны;
- количество мастеров спорта международного класса;
- наличие команд по игровым видам спорта.

Областной совет Кемеровской области ни в чем не уступал организациям РСФСР по численности населения и промышленному потенциалу. По ряду видов спорта Кузбасс имел значительные достижения – в тяжелой атлетике, гимнастике, горных лыжах.

В Кузбассе наиболее популярными видами спорта по числу занимающихся и наличию штатных тренеров считались:

1) лыжные гонки: 23 тыс. занимающихся, 73 профессиональных тренера;

2) футбол: 17 тыс. занимающихся, 46 тренеров;

3) легкая атлетика: 14 тыс. занимающихся, 96 тренеров;

4) волейбол: 16 тыс. занимающихся, 22 тренера;

5) плавание: 9 тыс. занимающихся, 52 тренера.

По этим показателям следом идут борьба вольная, тяжелая атлетика, хоккей с мячом, теннис настольный, хоккей с шайбой, горнолыжный спорт.

Кузбасский спорт имеет свою Олимпийскую биографию. Проблемы большого спорта в Кузбассе видны из анализа показателей достижений в Олимпийских играх. Первым Олимпийцем из Кузбасса был борец из г. Новокузнецк – Владимир Манеев, который в 1956 г. на XXVI Олимпийских играх был награжден серебряной медалью. С той поры еще 10 Кузбассовцев выступали на Олимпийских играх[16].

Однако на фоне положительной статистики был выявлен негативный фактор: 6 из 11 участников Олимпийских игр уехали из Кузбасса, в том числе 4 чемпиона Олимпийских игр [19; 20].

Еще одним положительным показателем в работе является количество заслуженных мастеров спорта Кемеровской области: с 1956 г. по 1988 г. данным званием обладало 9 человек.

За подготовку чемпионов мира и олимпийских игр звание «Заслуженный тренер СССР» присвоено 5 Кузбассовцам: Дмитрию Сергеевичу Посунько, Иннокентию Ивановичу Маметьеву, Виктору Яковлевичу Боровикову, Виктору Венделиновичу Рейнбольду, Владимиру Тимофеевичу Астафьеву. Звание «Заслуженный тренер РСФСР» присвоено 24 тренерам Кузбасса[17].

Центрами развития спорта Кузбасса являлись крепкие спортивные центры в целом ряде нестоличных городов, где готовились спортсмены самого высокого класса. В г. Ленинск-Кузнецкий школа-интернат спортивного профиля (спортивная гимнастика). В 1985 г. по числу медалей, полученных на Чемпионатах Мира, Европы и Универсиаде, г. Ленинск-Кузнецкий был первым гимнастическим городом в Мире – 8 золотых, 4 серебряных, 1 бронзовая медаль.

Мыски – кузница штангистов: Олимпийский чемпион – А. Н. Воронин, Чемпион Мира – В. В. Солодов и более 10 мастеров спорта. Юрга: 3 спортсмена выполнили норматив мастера спорта Международного класса по пулевой стрельбе. Междуреченск и Таштагол – горнолыжные города [21].

В данных городах спортсменов высокого класса было подготовлено больше, чем в 3-х самых крупных городах, составляющих половину населения Кузбасса.

В городах, где имелся большой спорт – Ленинск-Кузнецке, Междуреченске, Мысках, Таштаголе – был выстроен высокий уровень партийного руководства в делах спорта.

Прямо пропорциональная зависимость между состоянием материально-технической базы и результатами в спорте высших достижений прослеживается в конькобежном спорте. В 1988 г. снизилось число тренеров, конькобежных дорожек, катков для массового катания. Основные причины – в состоянии материальной базы, отсутствии машин для подготовки льда, проблемах спортсооружений в приобретении бензина. Средний уровень десяти лучших конькобежцев на тот момент стал ниже, чем был 20 лет назад.

В 1960-х гг. Союзспортпроектом был подготовлен проект комплексов и трамплинов в г. Кемерово и в г. Новокузнецк, который на практике не состоялся.

После объединения спортивных обществ отмечалось значительное повышение уровня проведения областных чемпионатов и первенств по всем культивируемым видам спорта. Соревнования оценивались как полноценные, возросла спортивная конкуренция [22].

Мы считаем, что особую значимость в перестройке физкультурного движения приобрела работа городских советов ДСО [23]. На местах имелись единые структурные единицы, способные решать вопросы постановки физкультурно-массовой работы по существу. Прежде всего, это заключалось в получении городскими советами хорошей финансовой базы и единой принадлежности спортивной базы ряда промышленных предприятий, советов коллектива физкультуры. Городским советам в тесном контакте со спорткомитетами предстояло повысить качество работы коллективов физкультуры, перестроить работу спортивных сооружений от планирования графика загрузки до улучшения деятельности, обеспечивающей финансовую окупаемость и переход на хозрасчет, отработать регулярное проведение оздоровительных мероприятий для трудящихся в субботние и воскресные дни по месту жительства и в местах массового отдыха.

[16] Горбачев С. П., Курочкин О. Д. Спутник болельщика. Хоккей с мячом 87–88. Высшая лига: Брошюра. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1987. С. 85.

[17] О задачах Кемеровской областной организации ВДФСО профсоюзов...

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

Организационные работники управляющей структуры определяли, что особое внимание следует обратить на организационное укрепление коллективов физкультуры – главного звена во всех процессах, протекающих в обществе в условиях современной научно-технической революции[18].

Зачастую на предприятиях не имелось в достаточном количестве средств, своей спортивной базы, инвентаря, и работа не велась из-за неопытности кадров. Выходом из такого положения, на взгляд областного совета, должен был стать объединенный коллектив физкультуры для подобных организаций и предприятий.

Особое внимание следует обратить на организацию учебы штатных и общественных физкультурных кадров [24], обеспечение специалистов предприятий и организаций, где в них нуждались. Стиль и методы руководства физкультурным движением должны отвечать духу времени и давать практические результаты.

Платных услуг (набирающая темпы новая форма работы) спортивными сооружениями в 1987 г. было оказано на сумму 1 млн 200 тыс. руб. Этот факт мотивировал руководство внедрять в работу спортивных сооружений формы частичного хозрасчета и самофинансирования. Впоследствии был запланирован переход к оценке деятельности спортивных сооружений по их экономическим показателям[19].

Выводы

В российской и зарубежной историографии преобладающее большинство исследователей придерживаются точки зрения, согласно которой к началу 1980-х гг. советское государство и общество достигли сравнительно высокого уровня в развитии физической культуры и спорта [25]. Эта оценка относится в полной мере и к физкультурно-спортивному движению Кемеровской области. В областном совете насчитывалось около 700 тыс. членов общества, 1108 коллективов физкультуры, 1774 штатных физкультурных работника, 46 ДЮСШ, из них 11 специализированных школ олимпийского резерва, 7 штатных команд по игровым видам спорта. Спортивные сооружения насчитывали 28 стадионов, 202 спортивных зала, 12 крытых плавательных бассейнов, 78 лыжных баз, 82 стрелковых тира, 2 дворца спорта с искусственным льдом. На спортивных сооружениях могли заниматься спортом ежедневно 130 тыс. человек[20].

Тем не менее часть проблем и противоречий в физкультурно-спортивном движении Кемеровской области, как впрочем и других регионах (спорт как зрелищное явление, неэффективное управление в области физической культуры и спорта и недостаточно активное использование спортивных сооружений [26], нарушение паритета между массовым спортом и спортом высших достижений в пользу последнего и др.[21]), преодоление которых раннее не привело к положительным результатам, перекочевала в период перестройки середины 1980-х гг., сохранилась и обострилась в переходный период и привела несколько позднее физкультурно-спортивное движение к состоянию глубочайшего кризиса в постсоветский период.

На предотвращение данного варианта развития не смогла не оказать влияние огромная положительная работа, проведенная в середине 1980-х гг. ВДФСО профсоюзов Кемеровской области в реализации задач развития физкультурно-спортивного движения, в частности, концентрации кадрового потенциала и материально-технических ресурсов, оказании платных услуг населению, переходу на самофинансирование и хозрасчет. Первые достигнутые результаты были скромнее ожидаемых. Одной из главных причин, на наш взгляд, является тот факт, что политика, теория и практика перестройки середины 1980-х гг. в области физической культуры и спорта изначально несли в себе отрицание возможности успешного решения завышенных, нереальных задач. В итоге произошло отрицание во многом дискуссионной точки зрения некоторых исследователей, предлагающих рассматривать середину 1980-х гг. как эффективный этап реформирования на основе новой концепции ускорения социально-экономического, политического развития и применения новых экономических методов реализации.

Заключение

Перестройка физкультурного движения началась традиционно с реформ государственных и общественных органов управления физкультурным движением, форм и методов спортивной работы. Предпринимались попытки внедрить рыночные отношения в спорте. Спортивные клубы, спортивные сооружения переводились на полный хозрасчет и самофинансирование. Начала создаваться платная система, которая оказалась малоэффективной. Хозрасчет в социалистическом варианте и отсутствие финансирования привели к резкому сокращению количества спортивных клубов, процесс приватизации крупных промышленных предприятий – к массовой ликвидации производственных комитетов физической культуры – основы советского отечественного физкультурного движения.

[18] Физическая культура и спорт учащейся молодежи и трудящихся в период перестройки социально-экономической жизни в СССР: тезисы докладов VI областной научно-методической конференции. Кемерово, 1989. С. 5.

[19] Материалы I съезда Российской республиканской организации ВДФСО профсоюзов. М., 1988. Ч. 2. С. 106.

[20] О задачах Кемеровской областной организации ВДФСО профсоюзов...

[21] Решение ЦК КПСС от 11 сентября 1981 г. «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

Литература

1. Столбов В. В., Финогенова Л. А., Мельникова Н. Ю. История физической культуры и спорта. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Физкультура и спорт, 2000. 423 с.
2. Червева О. П. Эволюционные процессы в управлении физкультурным движением в СССР и Кемеровской области в период 1918–1960 гг. // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов, соискателей и студентов. (Омск, 7–8 декабря 2016 г.) / под общ. ред. В. А. Аикина. Омск: Изд-во СибГУФК, 2016. 307–314 с.
3. Жидкова Т. Н. Спорт – это жизнь, целая жизнь. Кемерово: Радуга, 2014. 76 с.
4. Сарычева Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск: Печатная мануфактура, 2019. 695 с.
5. Трофимова А. С. Развитие физкультурно-спортивного движения в Кузбассе (середина 60–80-х гг. XX века): автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 26 с.
6. Трофимова А. С. Спортивная история Кузбасса (1966–1985 гг.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 159 с.
7. Гуськов С. И. Переход к рыночной экономике и развитие физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 1991. № 2. С. 11–15.
8. Гуськов С. И. Государство и спорт. М.: Фагот, 1996. 159 с.
9. Дормидонтова Л. С. Профессиональная деятельность специалистов физической культуры и спорта. Омск: СибГАФК, 2001. 128 с.
10. Аристова Л. В. О материально-технической базе физической культуры и спорта // Физическая культура и спорт в Российской Федерации. М.: Импульс Принт, 2000. Вып. 1. С. 157–170.
11. Пилоян Р. А., Суханов А. Д. Модель раздельного управления спортом для всех и спортом высших результатов // Теория и практика физической культуры. 1999. № 12. С. 39–42.
12. Горяева О. А. История Развития внутреннего туризма в Кемеровской области в 1940–1980-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2006. 22 с.
13. Курилова В. И. Туризм. М.: Просвещение, 1988. 224 с.
14. Квартальнов В. А. Туризм. М.: Финансы и статистика, 2001. 320 с.
15. Токарев М. И., Шибаев Г. И. Спортивные общества профсоюзов. М.: Профиздат, 1977. 122 с.
16. Юзупкина Е. С. История развития физической культуры и спорта в Кемеровской области: 1985–2008 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 30 с.
17. Юзупкина Е. С. Детско-юношеские спортивные школы Кемеровской области во второй половине 1980-х – середине 2000-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 10. С. 105–108.
18. Алексеев А. М. Физкультура и труд. М.: ВНИИФК. 1988. 23 с.
19. Михалев В. И. Организация деятельности по развитию физической культуры и спорта в Сибирском регионе // Олимпийское и международное спортивное движение: история, теория, практика. Воронеж: Воронежская олимпийская академия, 1998. С. 147–150.
20. Михалев В. И. Управление спортом на межрегиональном уровне. Омск: СибГАФК, 1998. 295 с.
21. Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. История Развития физической культуры и спорта в Кемеровской области во второй половине 1980-х – 2007 гг.: историография проблемы // Сибирь в истории России: мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 110-летию проф. З. Г. Карпенко. (Кемерово, 29–30 сентября 2016 г.) Кемерово: КемГУ, 2016. С. 171–177.
22. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Изд-во политической литературы, 1988. 272 с.
23. Переверзин И. И., Бугров Н. Н., Вилькин Я. Р. Управление физической культурой и спортом. М.: ФиС, 1987. 124 с.
24. Зуев В. Н. Кадровый потенциал и реалии на будущее в спортивном движении // Состояние и перспективы совершенствования физической культуры в системе образования. Омск: СибГАФК. 1998. Ч. 1. С. 14–17.
25. Жолдак В. И., Зуев В. Н. Управление в сфере физической культуры и спорта. М.: Дрофа, 2000. 165 с.
26. Аристова Л. В. Развитие сети физкультурно-спортивных сооружений и материально-технической базы физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2000. № 7. С. 52–55.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

History of the Physical Culture and Sports Movement in the Kemerovo Region in the Mid-1980s

Yuri V. Vorozko [a, ID]; Olga P. Cherveva [b, @]

[a] Siberian State University of Physical Education and Sport, Russia, Omsk

[b] Museum of Physical Culture and Sports of Kuzbass, Russia, Kemerovo

[@] chervevaolga@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-2261-716X

Received 14.01.2020. Accepted 03.03.2020.

Abstract: The article features the changes and reforms in the sphere of physical culture and sport in 1980s. It focuses on the case of the All-Union amateur sports society of the labor unions of the Kemerovo region. During the perestroika period, this organization used to be the main controlling authority in the sphere of sport, together with the USSR State Committee for Physical Culture and Sports. The article introduces previously unpublished documents from the collections of the Museum of Physical Culture and Sports of Kuzbass. The authors also analyzed data on the personnel potential, sports facilities, and related positive and negative experience. They assessed the effectiveness of the reforms and periodization of the history of the local physical culture movement. The analysis contributes to a better understanding of the history of physical culture, which is one of the important scientific directions of sports science. The obtained results can facilitate sport officials in planning a better road map for public sports.

Keywords: management, physical culture, sports, physical culture and sports society, trade union, perestroika, collective

For citation: Vorozko Yu. V., Cherveva O. P. History of the Physical Culture and Sports Movement in the Kemerovo Region in the Mid-1980s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 1–12. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

References

1. Stolbov V. V., Finogenova L. A., Melnikova N. Yu. *History of physical culture and sports*, 3rd ed. Moscow: Fizkultura i sport, 2000, 423. (In Russ.)
2. Cherveva O. P. Evolutionary processes in the management of physical education in the USSR and the Kemerovo region in 1918–1960. *Problems of improving physical culture, sports and Olympism:* Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. young scientists, postgraduates, undergraduates, applicants and students, Omsk, December 7–8, 2016, ed. V. A. Aikin. Omsk: Izd-vo SibGUFK, 2016, 307–314. (In Russ.)
3. Zhidkova T. N. *Sport is a life, a whole life.* Kemerovo: Raduga, 2014, 76. (In Russ.)
4. Sarycheva T. V. *The Soviet system of physical culture as a socio-cultural phenomenon of the XX century (the case of Western Siberia, 1920–1991).* Tomsk: Pechatnaia manufaktura, 2019, 695. (In Russ.)
5. Trofimova A. S. *Development of physical culture and sports movement in Kuzbass (mid-60-80-ies of XX century).* Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2007, 26. (In Russ.)
6. Trofimov A. S. *Sports history of Kuzbass (1966–1985).* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 159. (In Russ.)
7. Guskov S. I. Transition to market economy and development of physical culture and sport. *Teoriia i praktika fizicheskoi kultury*, 1991, (2): 11–15. (In Russ.)
8. Guskov S. I. *State and sport.* Moscow: Fagot, 1996, 159. (In Russ.)
9. Dormidontova L. S. *Professional activity of specialists of physical culture and sports.* Omsk: SibGAFK, 2001, 128. (In Russ.)
10. Aristova L. V. To the material and technical base of physical culture and sports. *Physical culture and sport in the Russian Federation*. Moscow: Impuls Print, 2000, iss. 1, 157–170. (In Russ.)
11. Piloyan R. A., Sukhanov A. D. Model of separate management of public sport and sport of high-performance sport. *Teoriia i praktika fizicheskoi kultury,* 1999, (12): 39–42. (In Russ.)
12. Goryaeva O. A. *History of the development of domestic tourism in the Kemerovo region in 1940's–1980's.* Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2006, 22. (In Russ.)
13. Kurilova V. I. *Tourism*. Moscow: Prosveshchenie, 1988, 224. (In Russ.)
14. Kvartalnov V. A. *Tourism*. Moscow: Finansy i statistika, 2001, 320. (In Russ.)
15. Tokarev M. I., Shibaev G. I. *Sport societies of labor unions.* Moscow: Profizdat, 1977, 122. (In Russ.)
16. Yuzupkina E. S. *The history of development of physical culture and sports of the Kemerovo region: 1985–2008.* Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2019, 30. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12

17. Yuzupkina E. S. Children and youth sports schools in Kemerovo region in the second half of the 1980s – the mid-2000s. *Society: philosophy, history, culture,* 2018, (10): 105–108. (In Russ.)
18. Alekseev A. M. *Physical training and work.* Moscow: VNIIFK, 1988, 23. (In Russ.)
19. Mikhalev V. I. Organization of activities for the development of physical culture and sports in the Siberian region. *Olympic and international sports movement: history, theory, practice.* Voronezh: Voronezhskaia olimpiiskaia akademiia, 1998, 147–150. (In Russ.)
20. Mikhalev V. I. *Sport management at the interregional level.* Omsk: SibGAFK, 1998, 295. (In Russ.)
21. Kazmina M. V., Yuzupkina E. S. History of development of physical culture and sports in the Kemerovo region in the second half of the 1980's – 2007: historiography of the problem. *Siberia in the history of Russia:* Proc. All-Russian Sci. Conf., dedicated to the 110th anniversary of prof. Z. G. Karpenko, Kemerovo, September 29–30, 2016. Kemerovo: KemGU, 2016, 171–177. (In Russ.)
22. Gorbachev M. S. *Perestroika and new thinking for our country and for the whole world.* Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury, 1988, 272. (In Russ.)
23. Pereverzin I. I., Bugrov H. H., Vilkin Ia. R. *Management of physical culture and sports.* Moscow: FiS, 1987, 124. (In Russ.)
24. Zuev V. N. Personnel potential and realities for the future in the sports movement. *State and prospects of improvement of physical culture in the education system.* Omsk: SibGAFK, 1998, pt. 1, 14–17. (In Russ.)
25. Zholdak V. I., Zuev V. N. *Management in the sphere of physical culture and sports.* Moscow: Drofa, 2000, 165. (In Russ.)
26. Aristova L. V. Development of a network of physical culture and sports facilities and material and technical base of physical culture. *Teoriia i praktika fizicheskoi kultury,* 2000, (7): 52–55. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

оригинальная статья
УДК 94(571.17).084.2"1920/1921"

Рейд отряда Олиферова по территории Кузбасса зимой 1920–1921 гг.: причины неудач красных*

Алексей Н. Ермолаев [a, b, @, ID]; Екатерина Д. Дубровская [b]

[a] Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово

[b] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[@] ermolaev@yandex.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0001-6903-5883

Поступила в редакцию 29.01.2020. Принята к печати 21.02.2020.

Аннотация: Предметом статьи является рейд белогвардейских повстанцев под командованием подполковника Олиферова по территории Кузбасса (Мариинского и Щегловского уездов) зимой 1920–1921 гг. Цель – выявить причины неудачных действий частей особого назначения и других отрядов красных против белогвардейцев. В основу методологии исследования положены классические принципы историзма и объективности. Методы исследования: типологический, сравнительно-исторический, хронологический. В ходе исследования был реконструирован ход событий, связанных с рейдом отряда подполковника Олиферова по территории Кузбасса, прослежен маршрут его продвижения. Определены меры, предпринятые советской властью для ликвидации отряда повстанцев. На основе анализа впервые вводимых в научный оборот документов сделан вывод о том, что советские воинские части (части особого назначения, части внутренней службы и регулярные воинские подразделения) действовали несогласованно. В нерегулярных советских воинских частях была очень слабая дисциплина, плохая выучка личного состава, наблюдалось дезертирство. Каждый из командующих пытался присвоить себе функции общего руководства всей операцией преследования белогвардейцев. Все это привело к тому, что хорошо организованный и дисциплинированный отряд подполковника Олиферова неоднократно уходил от погони и выигрывал боестолкновения с советскими воинскими частями.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, подполковник Олиферов, Щегловский уезд, Мариинский уезд, части особого назначения

Для цитирования: Ермолаев А. Н., Дубровская Е. Д. Рейд отряда Олиферова по территории Кузбасса зимой 1920–1921 гг.: причины неудач красных // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 13–19. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

Введение

В декабре 1919 г. регулярная 5-я Красная армия заняла территорию современного Кузбасса (Мариинский, Щегловский и Кузнецкий уезды Томской губернии). В ряде крупных сражений были разбиты 1-я, 2-я и 3-я колчаковские армии. Особенно серьезные потери понесла 3-я армия белых. Отступая по щегловской тайге, она вынуждена была бросить тысячи обозов со снаряжением, боеприпасами, продовольствием, фуражом и т. д. В качестве трофеев красным досталась вся артиллерия 3-й армии, тысячи лошадей с повозками и санями [1]. На станции Тайга белые бросили сотни паровозов и вагонов с боеприпасами. Прикрывавшая город польская дивизия была разбита, а ее бронепоезда были захвачены красными [2, с. 143–255].

Дальнейшее отступление колчаковских частей больше было похоже на бегство. В течение января 1920 г. белая армия, отступая вдоль Транссибирской железной дороги, оставила Ачинск и Красноярск. В Иркутске Верховный правитель России А. В. Колчак был арестован чехословацкими войсками и выдан Красной армии в обмен на беспрепятственное продвижение Чехословацкого корпуса до Владивостока. 7 февраля 1920 г. по приговору Иркутского военно-революционного комитета А. В. Колчака расстреляли [3].

После занятия территории Кузбасса Красной армией в регионе были созданы временные органы власти – уездные революционные комитеты, подчинявшиеся Томскому губернскому ревкому. Всего было образовано 3 таких ревкома: Мариинский, Щегловский и Кузнецкий. Приказом военного комиссара 35-й дивизии от 25 декабря 1919 г. был организован Щегловский уездный ревком. Председателем его был назначен работник политотдела дивизии Павел Никифорович Старостин [4, с. 181–182]. 24 декабря, после

* Статья подготовлена в рамках программы СО РАН XII.190.2 «Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и инноваций». Проект № 0352-2019-0016 «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв.». Написана при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-49-420006 «Гражданская война в Кузбассе (1917–1922). Предпосылки, ход, последствия: концептуальное осмысление и реконструкция переломного периода в истории региона».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

того, как в Кузнецк вошли части 312-го полка 35-й дивизии Красной армии, по решению военных вместо прежнего ревкома, созданного в период восстания гарнизона, в городе был образован новый революционный комитет. Его председателем стал рабочий Афанасий Никифорович Иванов. В апреле 1920 г. в качестве председателя ревкома упоминается Плюснин. Членами ревкома стали Зиновий Иванович Извеков и Роман Тимофеевич Тагаев [5, с. 49]. Мариинский уездный ревком был образован на третий день после занятия города Красной армией, т.е. 31 декабря 1919 г. Первоначальный состав его был полностью из военных, но постепенно их заменили политические работники[1].

Ревкомам пришлось не только налаживать мирную жизнь в регионе, но и заниматься ликвидацией различных восстаний, направленных против советской власти. Уже весной 1920 г. в Мариинском уезде вспыхнуло восстание под руководством бывшего партизана, боровшегося ранее с белыми, Петра Кузьмича Лубкова. В Кузнецком и Щегловском уезде борьбу с советами стали вести анархисты Григорий Федорович Рогов и Иван Панфилович Новоселов, ранее также воевавшие с колчаковцами. Их поддерживали крестьяне, недовольные продразверсткой, и призывники, которых пытались мобилизовать на войну с П. Н. Врангелем и Польшей.

Одним из противников советской власти, начавших открытую борьбу, был подполковник белой армии Олиферов. Считается, что это был бывший командующий 6-м Мариинским полком 2-й Сибирской стрелковой дивизии колчаковской армии. По одной из версий его звали Александр Доримедонтович, по другой – Игнатий Николаевич. Первая версия считается предпочтительной. В декабре 1920 г. в боях на переходе от Мариинска к Ачинску его полк был разбит, но он сумел спастись и скрывался в Красноярском уезде [6, с. 124–125].

Исследователи уже уделяли внимание завершающему периоду Гражданской войны в Кузбассе, который пришелся на 1920–1922 гг. Однако рейд отряда бывшего колчаковского подполковника Олиферова по его территории освещался либо фрагментарно, либо вообще не упоминался [7, с. 315–326; 8, с. 85–98; 9–11]. Некоторые подробности борьбы с Олиферовым освещены в работе Ю. П. Горелова [12]. Автор проследил маршрут продвижения отряда, проанализировал некоторые столкновения белых с отрядами Красной армии и частями особого назначения (ЧОН). Однако его работа содержит неточности, ошибки и непроверенные сведения. Еще один исследователь, А. П. Шекшеев, достаточно подробно рассмотрел действия отряда Олиферова, проследил маршрут его передвижения, проанализировал основные боестолкновения с регулярными частями Красной армии и чоновцами [13]. Но одна из важных составляющих действий белого офицера, а именно успешность его рейда, остались без внимания исследователя. В связи с этим целью нашей статья является не только реконструкция маршрута продвижения белого подполковника Олиферова по территории Кузбасса и анализ основных боестолкновений, но и выявление причин неудач отрядов Красной армии и чоновцев против него.

Бои с подполковником Олиферовым в Мариинском и Щегловском уездах

Формирование антибольшевистского отряда полковника Олиферова началось после восстания крестьян в Красноярском уезде. Доведенные до отчаяния постоянными изъятиями хлеба, продуктов и скота, а также призывом на войну с Польшей в октябре 1920 г. крестьяне сразу нескольких волостей (Зеледеевской, Сухобузимской, Погорельской и Шилинской), расположенных на левом берегу Енисея в Красноярском уезде, скрылись в лесу от грозившей им мобилизации. Вскоре отряды стали пополняться крестьянами, отказавшимися выполнять подводную повинность. Повстанцы расположились вблизи села Зеледеево, численность их доходила до нескольких сотен человек. Для усмирения крестьян власти Енисейской губернии неоднократно посылали отряды милиционеров, красноармейцев и частей внутренней службы (ВНУС). Однако они не смогли обезоружить повстанцев, хотя и вытеснили их из района Зеледеево к селам Петропавловское и Михайловское. Арест имущества семей уклонистов и дезертиров (как их называли советские власти) еще больше обозлил повстанцев [13, с. 160–162].

В конце 1920 г. красноярских крестьян возглавил подполковник Олиферов. Он сумел превратить восставших противников советской власти в хорошо организованную боеспособную единицу. В ноябре-декабре 1920 г. отряд совершил рейд по Енисейской губернии. В селениях белые расстреливали представителей советской власти и членов коммунистической партии. Численность отряда быстро росла, вооружение увеличивалось, боеспособность усиливалась. Всего в отряде было до 700 человек, объединенных в 2 пешие роты и 2 кавалерийских эскадрона. В штабе отряда было около 30 бывших белых офицеров, которые по своим политическим взглядам являлись в основном монархистами. Обязательным было ношение погонов, соблюдение иерархии и чинопочитания. На вооружении имелись винтовки и пулеметы. Санитарная часть обеспечивала лечение раненых. Имелся большой обоз с запасами провианта и оружия. Умело была поставлена пропаганда. Сами себя олиферовцы называли Первым отрядом им. Великого князя Михаила Александровича. У них было знамя с надписью «С нами Бог и Михаил Второй» [14, с. 137–139].

В начале января 1921 г. олиферовцы успешно дезинформировали 26-ю стрелковую дивизию красноармейцев, преследовавшую повстанцев, сообщив через тунгуса-проводника, что собираются двинуться на север к городу Туруханску, а на самом деле отправились на юг к Томской губернии. 16 января они перешли Сибирскую железную дорогу вблизи станции Берикульская, в 50 верстах западнее

[1] Уездный съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // Луч красного солнца. 1920. 8 июня. № 55.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

Мариинска. В селениях Тюменевской волости олиферовцы разгромили продотряд и коммуну «Надежда». В Летяжской волости расстреляли весь большевистский актив, в селе Колеул арестовали 10 членов коммуны «Новый мир», доставили их в село Мало-Песчанка, где и расстреляли вместе с председателем Николаем Мартыновичем Авсиевичем. Всего в Туендате, Колеуле, Шиняево и Мало-Песчанке олиферовцы расстреляли 21 человека. У населения они изъяли хлеб, мясо, солонину, соль и другие продукты. Кроме этого они реквизировали несколько лошадей и саней[2].

Появление отряда вблизи Мариинска произвело настоящую панику среди властей города. По Мариинску ходили слухи о том, что численность олиферовцев составляет 3 тыс. человек, что они намериваются взять город с двух сторон. Положение осложнялось тем, что 81-я бригада ВНУС находилась в стадии расформирования. Войск в городе практически не было. По распоряжению председателя томского губернского ЧК Самуила Гдальевича Чудновского был сформирован отряд под командованием комбата Ильи Павловича Кит-Вийтенко (50 штыков, 11 сабель, 2 пулемета) и отправлен из Томска в селение Колыон с целью выбить оттуда олиферовцев. Одновременно томские власти распорядились выслать из Новониколаевска по железной дороге отряд под командованием Емельяненко (320 штыков, 2 пулемета), высадить его на станции Берикульской и пешим ходом преследовать Олиферова, разбив его в районе села Малая Песчанка или Колыон. 18 января был сформирован бронепоезд, который направили из Новониколаевска в Мариинск для обороны города[3].

18 января 1921 г. состоялось объединенное заседание Губисполкома и Губкома Томской губернии. На нем было принято решение объявить Томский и Мариинский уезды на военном положении. Командующим войсками Томской губернии был назначен комбриг И. Г. Макаренко. Начальником «Мариинского района по ликвидации банд» – И. П. Кит-Вийтенко, которому были подчинены все коммунистические части и ЧОН[4]. В тот же день И. Г. Макаренко назначил уездного военкома Мариинска Александра Капитоновича Пушкарева «начальником обороны города». Ему были подчинены все воинские формирования, находящиеся в уезде. А. К. Пушкареву предписывалось не выпустить олиферовцев из пределов Мариинского уезда и, несмотря на недостаток сил, предпринимать не оборонительные, а наступательные действия против белых[5].

Военное положение подразумевало полный запрет на движение отдельных лиц и групп людей, не имеющих специальных пропусков по городам Томск и Мариинск в период с 24 часов до 6 утра. Въезд и выезд из всех сел Мариинского и Томского уездов был ограничен (только по спецпропускам). Всем лицам, имеющим право на хранение оружия, было предписано сдать его в трехдневный срок. Представителям власти и военным предоставлялось право «расстреливать на месте» любых лиц, захваченных с оружием в руках; лиц, застигнутых на месте преступления по порче железнодорожных путей, телеграфных линий, государственных складов, совершавших поджоги и т. д.; лиц, заподозренных в шпионаже и бандитизме; всех тех, кто оказывал сопротивление власти. Имущество тех людей, которые принимали непосредственное участие в восстании или оказывали помощь (содействие) бандитам, реквизировалось, а хозяйство национализировалось[6].

18 января отряд Олиферова прошел село Усманское, что в 40 верстах к юго-востоку от Мариинска, убив 4 продработников. Преследование его было организовано плохо. Уклоняясь от боестолкновений, олиферовцы прошли деревню Комиссаровку, расположенную в 30 верстах юго-западнее Мариинска, и направились в сторону Щегловского и Кузнецкого уездов. Впереди себя олиферовцы выслали разведку, снабженную документами из захваченных волостей. 20 января И. Г. Макаренко вновь дал приказ А. К. Пушкареву и И. П. Кит-Вийтенко преследовать отряд Олиферова и не дать ему выйти из пределов Мариинского уезда. Поскольку отряд белых двигался медленно, т. к. имел большой обоз (около 60 подвод), он приказал войскам преследовать ее налегке, взяв с собой только оружие и боеприпасы[7].

20 января отряд Олиферова прошел поселок Козеюль, расположенный в 35 верстах от села Чумайского. Для успешного продвижения он разделился на 2 группы. Впереди шла разведка, действовавшая под видом крестьян с поддельными документами. Олиферовцев преследовали 4 отряда красных. Первый под командованием чекиста Журбина двигался из села Верх-Чебулинского. Второй под командованием Саз шел по следам олиферовцев. Третий под командованием Емельяненко выступил из села Усманского (40 верст юго-западнее Мариинска). Наконец, четвертый отряд под командованием чекиста Теплова двигался наперерез олиферовцам с юго-западной стороны[8].

Двигаясь на юг, отряд Олиферова мог выйти из Мариинского уезда и войти в пределы Щегловского и Кузнецкого уездов. И. Г. Макаренко вынужден был дать указания о подготовке этих уездов к отражению наступления олиферовцев. 22 января он приказал Кузнецкому

[2] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 15–17 об.

[3] ГАТО. Ф. Р-580. Оп. 1. Д. 2. Л. 230–231.

[4] Там же. Л. 4.

[5] Там же. Л. 14.

[6] Там же. Л. 21.

[7] Там же. Л. 38.

[8] Там же. Л. 65 об.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

уездному военкому Белову предпринять все необходимые меры для уничтожения повстанцев, для этого ему вверялись все войска, расположенные в Кузнецком уезде. В изменившихся условиях требовалось действовать во фронт Олиферову, т. к. он двигался прямо на Кузнецкий уезд. И. Г. Макаренко потребовал от Кузнецкого увоенкома приятия самых решительных мер и инициативы. В это время в Кузнецке находились всего 350 солдат при 7 пулеметах. Часть войск была направлена на Мальцевские прииски. Прямой связи между Кузнецком и Мариинском не было[9].

Между тем отряд Олиферова вышел из пределов Мариинского уезда и вступил в Щегловский уезд. По некоторым данным в Мариинском уезде олиферовцы ликвидировали 104 представителей советской власти, коммунистов, продотрядовцев и милиционеров [13, с. 166]. 23 января Олиферов оказался в Крапивинский волости, расположившись в деревне Змеинка (на правом берегу р. Томь). Здесь он расстрелял двух коммунистов и пополнил припасы. 24 января И. Г. Макаренко выдал приказ «отрядам, преследующим бандитов, окружить последних и уничтожить в 3 верстах севернее деревни Змеинка, что на реке Томи между селами Банново и Крапивинского Щегловского уезда»[10]. Самому крупному отряду Емельяненко было приказано войти в соприкосновение с Олиферовым, преследуя его по пятам. Отрядам Теплова и Журбина требовалось объединиться и охватить олиферовцев с западной стороны, заняв дороги и отрезав путь на юго-запад. Отряду Саз было приказано занять позиции северо-восточнее деревни Змеинка. Сводному отряду лыжников под командованием Леонова необходимо было выполнять роль связных между основными отрядами и осуществлять глубокие разведки. Отряду особого назначения Сапожникова было приказано двигаться в направлении поселка Луговского, чтобы отрезать дороги, ведущие на юг. Отряду В. Шевелева-Лубкова, стоящему в Банново и Крапивинском, требовалось быть на связи в качестве резерва[11].

Окружить Олиферова в Змеинке опять не удалось. Приняв бой и потеряв 7 человек убитыми и 15 ранеными, он вышел из окружения и направился в Мариинскую тайгу в сторону Центрального рудника. Дорога здесь была очень трудная и опасная. На всем протяжении пути (более 50 верст) не было ни одного населенного пункта, кроме нескольких заимок и пасек. Преследование отрядами красных было организовано очень плохо. Из доклада помощника командира 309-го полка Ширяева, непосредственно участвовавшего в операции, видно, что красные действовали неуверенно и беспорядочно. Отряд Олиферова прошел заимку Осипова без препятствий. У заимки Водомерова (13 верст от Осипова) произошла небольшая стычка, после чего один из красных командиров, Теплов, по собственной инициативе заявил, что будет преследовать Олиферова самостоятельно. Но этот отряд настолько медленно продвигался к руднику «Драга», что дал возможность олиферовцам оторваться на целые сутки. С рудника «Драга» олиферовцы беспрепятственно вышли 26 января.

В 3 часа ночи 27 января Олиферов повел наступление на рудник Центральный. В это время здесь находился отряд милиционеров под командованием Константиновича и сводный отряд чоновцев Сапожникова, который пришел на рудник раньше Олиферова, чтобы устроить там засаду. Но замысел красных осуществлен не был. В момент нападения Олиферова весь гарнизон рудника спал. Олиферовцы сумели снять заставы и пулеметные точки, завязали уличные бои. Отряд Сапожникова понес большие потери, было убито 50 и ранено 15 человек. Олиферовцы потеряли 15 человек убитыми и 10 ранеными. Все остальные красные разбежались или попали в плен. В тот же день несколько пленных красноармейцев, коммунистов и советских работников были расстреляны.

28 января Олиферов без боя покинул рудник Центральный, который тут же занял батальон Ширяева. Олиферов отошел на рудник Лотерейный и Никольский (20 верст северо-восточнее Центрального). В. Шевелев-Лубков дал приказание отряду Теплова преследовать противника. Однако Теплов, пройдя 3 версты, вернулся обратно на Центральный, заявив, что его отряд не накормлен и не одет. После этого отряд Теплова был вновь послан в погоню за Олиферовым в сторону рудника Никольского. Но он дошел только до Таловки (20 верст), встал там и стал посылать донесения, требуя дальнейших приказаний.

Вся эта неразбериха привела к тому, что отряд Олиферова вышел из окружения. По словам Ширяева трудно было вообще понять, кто руководит отрядами красных, кто ими распоряжается. Ширяев утверждал, что все командиры имели при себе «громкие мандаты на право подчинения себе остальных отрядов». В рядах чоновцев наблюдалась «разнузданность» и «форменная партизанщина». Во время преследования Олиферова от Томи до рудника Центрального все отряды «шли в затылок друг другу», вместо того, чтобы окружать олиферовцев[12].

В отрядах красных не было твердой дисциплины. Бойцы отрядов В. Шевелева-Лубкова, Сапожникова и Теплова были больше похожи на партизан. Имелись случаи перехода красноармейцев к Олиферову. Так, бывший командир взвода 52-го этапного батальона Калюжный перешел к олиферовцам, но был убит на Центральном руднике. Другой командир отделения этого же батальона Давыдов, перешедший на сторону белых, попал в плен к красным[13].

[9] Там же. Л. 64.

[10] Там же. Л. 125.

[11] Там же.

[12] Там же. Л. 482–482 об.

[13] Там же. Л. 589.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

Была даже попытка группового перехода: 8 красноармейцев пытались перебежать на сторону Олиферова, но были схвачены и расстреляны, что, по словам И. Г. Макаренко, «хорошо повлияло на остальных»[14]. Вместо преследования олиферовцев красные стали разбирать трофеи. Согласно сведениям начальника штаба комвооружсилами Томской губернии Домбровского отряд А. Дусье «забрал незаконно, не имея на это основание 60 лошадей, бидон ружейного масла и гармонию»[15].

Количество вышедших из окружения олиферовцев точно не известно. Попавший в плен к красноармейцам фельдшер белых был доставлен в Томск. На допросе он показал, что в отряде подполковника осталось не более 90 человек. Олиферовцы имели намерение пройти через Красноярский уезд в село Зеледеево, где у них имелись большие склады оружия и боеприпасов[16]. По показаниям других пленных, вырвавшиеся из окружения олиферовцы численностью не превышали 90 человек, из которых только 7 офицеров и 30 унтер-офицеров были наиболее боеспособными[17].

Между тем томские власти в лице И. Г. Макаренко выдавали желаемое за действительное. В своем докладе командующий вооруженными силами Томской губернии писал, что олиферовцы потеряли на Центральном руднике «150 человек убитыми и ранеными» и вынуждены были задержаться, «что дало возможность нашим отрядам взять банду в кольцо». Далее И. Г. Макаренко утверждал, что банда была выбита из рудника, а ее отступление превратилась «в паническое бегство»[18].

На самом деле И. Г. Макаренко знал о проблемах в отрядах красных. В телеграммах комбрига 103-й бригады Глазкова и донесениях Ширяева были приведены факты «разгильдяйства» отрядов ЧОН во главе с Сапожниковым[19]. Для лучшей организации преследования олиферовцев И. Г. Макаренко приказал подчинить всех одному командиру – командующему 250-м полком 86-й бригады Алексею Андреевичу Небораку (его штаб находился в Тисуле). Ему был выдан специальный мандат, наделявший его чрезвычайными полномочиями[20]. Отряды были сведены в две группы. Северной группой командовал А. Дусье, южной – В. Шевелев-Лубков. Каждая группа состояла из 400–450 бойцов.

Выйдя из Центрального, Олиферов направил свой отряд на северо-восток, надеясь уйти в Ачинский уезд. На бывшем Никольском прииске чоновцы и красноармейцы устроили засаду. Во время боя отряд Олиферова понес потери. Чтобы спастись, олиферовцы бросили весь свой обоз, а сами на нартах скрылись в тайге. По воспоминаниям Человечкова, участвовавшего в этом сражении, красным достались 2 воза швейных машин и 2 воза с винтовками. На Татьянинском прииске белые опять приняли бой, который длился почти всю ночь. По сведениям Человечкова, олиферовцы очень удачно расположили засаду, рядом с которой красные установили пулеметные точки. Когда началось сражение, белые буквально с 10 метров расстреляли пулеметчиков и уничтожили пулеметы. После этого олиферовцам опять удалось выйти из окружения. Они смогли выйти на реку Урюп и уйти в Ачинский уезд. На Урюпе в плен к красным попало около 30 олиферовцев[21].

13 февраля отряд Олиферова занял село Сорокино, но под напором красноармейцев был вынужден уйти из него. Преследованием Олиферова занялись воинские части, части особого назначения и милицейские отряды Ачинского уезда. Командовали ими начальник Ачинской уездной милиции П. Е. Пруцкий и бывший партизанский командир, чоновец М. Х. Перевалов. 19 февраля олиферовцы прошли мимо волостного села Шарыпово. Опасаясь перехода местных крестьян на сторону Олиферова, П. Е. Пруцкий и М. Х. Перевалов приказали арестовать несколько десятков человек. Потом около 40 из них были задушены с помощью веревок, а трупы были спрятаны. Однако скрыть это преступление не удалось. Енисейское губчека арестовало по «шарыповскому делу» 53 человека. В декабре 1921 г. ревтрибунал приговорил 15 из них (в том числе П. Е. Пруцкого и М. Х. Перевалова) к высшей мере наказания – расстрелу. Но вскоре приговор был пересмотрен и смягчен. Расстрел был заменен 5 годами лишения свободы [15, с. 60–63].

Затем отряд вышел к озеру Шира. 21 февраля в бою у села Сон, расположенного недалеко от озера, во время перестрелки с минусинскими милиционерами и чоновцами подполковник Олиферов был убит. Окончательно олиферовцы были разгромлены только в июле 1921 г. на территории Усть-Есинской волости Минусинского уезда. Командовавший остатками отряда поручик Ерофеев был убит в бою [13, с. 170–172].

Заключение

Оценивая деятельность отряда подполковника Олиферова на территории Кузбасса, необходимо обратить внимание на то, что он почти беспрепятственно прошел почти весь Мариинский уезд с севера на юг и затем на восток. Отправленные на уничтожение повстанцев отряды красных не смогли остановить бывшего белого офицера. Из официальных документов того времени видно, что у Олиферова

[14] Там же. Л. 433.

[15] Там же. Л. 595.

[16] Там же. Л. 581.

[17] Там же. Л. 615.

[18] Там же. Л. 422–423.

[19] Там же. Л. 417–417 об.

[20] Там же. Л. 331.

[21] Государственный архив Кемеровской области. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 107. Л. 48–52.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

были свои преимущества. Его отряд был очень дисциплинированным, хорошо вооруженным, имел неплохое снаряжение, включая санитарную часть. При отряде был штаб, который разрабатывал планы действий. Строгая воинская иерархия и повиновение рядовых членов отряда офицерам также способствовали успешным действиям. Неплохо действовала разведка олиферовцев, да и сам командир отряда отличался решительностью и находчивостью.

Однако это были не единственные преимущества партизан Олиферова. Куда более существенными были просчеты советских военных частей, позволившие белому офицеру совершить свой рейд. Некоторое время части красной армии, части особого назначения и внутренней службы не имели единого командования. Они действовали разрозненно и несогласованно, иногда даже мешали друг другу. Дисциплина была очень слабой, везде наблюдалась «партизанщина», «разнузданность», нежелание выполнять приказы. Вместо преследования олиферовцев красные нередко нанимались дележом трофейного и брошенного имущества. Известны несколько случаев перехода красных на сторону Олиферова. Все это способствовало тому, что бывший колчаковский офицер сумел почти беспрепятственно пройти по территории Кузбасса, совершая убийства советских работников и коммунистов. Попытки окружить его не удались, а в бою около рудника Центрального красные потерпели поражения, понеся существенные потери.

Литература

1. Кузнецов И. И. Освобождение Сибири 5-й армией // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917–1929 гг.) / отв. ред. И. М. Разгон. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. С. 145–153.
2. Морозов Н. М. Тайга. Исторический опыт поколений. Т. 1. 1890-е – 1919 гг. 2-е изд., доп. Кемерово: ИНТ, 2018. 512 с.
3. Шишкин В. И. Расстрел адмирала Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 76–84.
4. Усков И. Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. 351 с.
5. Халиулин Г. Г. «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда // Разыскания. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. Вып. 2. С. 49–55.
6. Шекшеев А. П. Вожаки крестьянского повстанчества на Енисее в начале 1920-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 118–131. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-118-131
7. История Кузбасса / ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1967. Ч. 1–2. 380 с.
8. Кадейкин В. А. Годы огневые. Из истории Гражданской войны в Кузбассе 1918–1919 гг. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1959. 101 с.
9. Абраменко И. А. Боевые действия коммунистических отрядов (частей) особого назначения в Западной Сибири (1920–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965. Вып. 4. С. 77–107.
10. Шишкин В. И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирь в период гражданской войны / ред. С. П. Звягин, А. Н. Никитин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 121–139.
11. Ларьков Н. С., Рудин В. Г. Гражданская война в Кузбассе (1918–1922) // Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. 1. А–К / ред. В. В. Бобров. Познань: Штама, 1996. С. 138–151.
12. Горелов Ю. П. История борьбы с белым отрядом полковника Олиферова в Кузбассе // История белой Сибири: тезисы третьей науч. конф. (Кемерово, 2–3 февраля 1999 г.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. С. 152–155.
13. Шекшеев А. П. Неизвестный «Сибирский Корнилов» и его поход // Сибирские огни. 2016. № 10. С. 160–172.
14. Шекшеев А. П. Крестьянское повстанчество на Енисее в начале 1920-х гг.: политические лозунги и сущность // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3. С. 136–143.
15. Шишкин В. И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 3–79.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

Oliferov's Raid on the Territory of Kuzbass in the Winter of 1920–1921: Why the Red Failed

Alexey N. Ermolaev [a, b, @, ID]; Ekaterina D. Dubrovskaya [b]

[a] The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

[b] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[@] ermolaev@yandex.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0001-6903-5883

Received 29.01.2020. Accepted 21.02.2020.

Abstract: The present article features the raid of the White Guard rebels attempted by Lieutenant-Colonel Oliferov on the territory of Kuzbass (Mariinsky and Shcheglovsky districts) in the winter of 1920–1921. The research objective was to identify the reasons why the Red Army forces failed to promptly crush the rebellion. The methodology was based on the classical principles of historicism and objectivity represented by the typological, comparative-historical, and chronological methods. The authors managed to restore the course of events related to the raid and its progress. The article focuses on the measures taken by the Soviet government to eliminate the White rebels. The analysis of rare archival materials proved that the Soviet military units, represented by special forces, internal service units, and regular military units, failed to coordinate their actions. The irregular Soviet military units were known for their weak discipline, poor training, and frequent cases of desertion. Each of the Red commanders tried to lead the entire operation, thus letting the well-organized and disciplined White detachment to repeatedly avoid the chase and win the battles.

Keywords: Civil war, Siberia, Lieutenant-Colonel Oliferov, Shcheglovsky district, Mariinsky district, special purpose units

For citation: Ermolaev A. N., Dubrovskaya E. D. Oliferov's Raid on the Territory of Kuzbass in the Winter of 1920–1921: Why the Red Failed. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 13–19. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-13-19

References

1. Kuznetsov I. I. The liberation of Siberia by the 5th army. *Issues of socialist construction in Siberia (1917–1929)*, ed. Razgon I. M. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1983, 145–153. (In Russ.)
2. Morozov N. M. Taiga. *The historical experience of generations. Vol. 1. 1890s – 1919*, 2nd ed. Kemerovo: INT, 2018, 512. (In Russ.)
3. Shishkin V. I. The execution of Admiral Kolchak. *Humanitarian sciences in Siberia,* 1998, (2): 76–84. (In Russ.)
4. Uskov I. Iu. *Kemerovo: city birth.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 351. (In Russ.)
5. Haliulin G. G. "The Revkom period" of the Kuznetsk district. *Investigations*. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1992, iss. 2, 49–55. (In Russ.)
6. Sheksheev A. P. Leaders of peasant rebellion on the Yenisei river in the early 1920s. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii,* 2017, 13(1): 118–131. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-118-131
7. *History of Kuzbass*, ed. Okladnikov A. P. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1967, pt. 1–2, 380. (In Russ.)
8. Kadeikin V. A. *Years of fire. From the history of the Civil War in Kuzbass 1918–1919*. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1959, 101. (In Russ.)
9. Abramenko I. A. Combat operations of communist special forces (units) in Western Siberia (1920–1923). *Siberia and the Far East during the recovery of the national economy*. Tomsk, 1965, iss. 4, 77–107. (In Russ.)
10. Shishkin V. I. The Civil War in Siberia (1920). *Siberia during the Civil War*, eds. Zvyagin S. P., Nikitin A. N. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, 121–139. (In Russ.)
11. Larkov N. S., Rudin V. G. The Civil War in Kuzbass (1918–1922). *Historical encyclopedia of Kuzbass*. Vol. 1. A–K, ed. Bobrov V. V. Poznan: Shtama, 1996, 138–151. (In Russ.)
12. Gorelov Yu. P. The struggle against the White detachment of Colonel Oliferov in Kuzbass. *History of White Siberia*: Proc. third Sci. Conf., Kemerovo, February 2–3, 1999. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1996, 152–155. (In Russ.)
13. Sheksheev A. P. The unknown "Siberian Kornilov" and his campaign. *Sibirskie ogni*, 2016, (10): 160–172. (In Russ.)
14. Sheksheev A. P. Peasant rebellion on the Yenisei river in the early 1920s: political slogans and essence. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2017, (3): 136–143. (In Russ.)
15. Spishkin V. I. Red banditry in Soviet Siberia. *Soviet history: problems and lessons*. Novosibirsk: Nauka, 1992, 3–79. (In Russ.)

* The article was part of the SB RAS program XII.190.2 "Historical development of Siberia as part of the Russian state: the role of traditions and innovations". Project No. 0352-2019-0016) "Creation of an industrial base in Kuzbass at the end of the XIX – the first half of the XX centuries". The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-49-420006 "Civil War in Kuzbass (1917–1922). Background, development, consequences: conceptual understanding and reconstruction of the turning point in the history of the region".

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

оригинальная статья
УДК 93/94

Справочные издания по торговле, купечеству, предпринимательству в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: историографический обзор

Ольга Г. Климова [a, @, ID]

[a] Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, Россия, г. Барнаул
[@] climovolga@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-8513-0044

Поступила в редакцию 16.12.2019. Принята к печати 12.03.2020.

Аннотация: Исследователями дореволюционного, советского и постсоветского периода подготовлены различные энциклопедии и справочники по истории торговли, купечества, предпринимательства в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Справочная литература каждого периода имеет свои характерные черты и особенности. Справочники и энциклопедии – это издания особого вида, являясь отражением эпохи, они несут ценную информацию. Справочники содержат биографии людей, занимавшихся предпринимательской деятельностью, характеристику форм предпринимательской деятельности, дают описания сельских поселений, городов, ярмарок и др. Цель – оценить информационный потенциал справочных изданий по истории предпринимательства дореволюционной Сибири. Исследователи обобщили и систематизировали определенные источники по данной проблеме, ими введен в научный оборот обширный фактический материал, опубликованы аналитические работы, посвященные биографиям сибирских предпринимателей второй половины XIX – начала XX в. «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири», «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» являются изданиями, не похожими ни на одно из известных. Словарная, энциклопедическая форма подачи материала как наиболее удобная для оперативного получения необходимых сведений становится все более популярной в современное время. Изучение справочных изданий органично вписывается в проблематику сибиреведческих исследований, содержательно расширяет имеющиеся представления о характере развития предпринимательства, торговли, экономической и хозяйственной деятельности деловых людей в Сибири в рассматриваемый период. Однако историография рассматриваемой проблемы нуждается в более глубоком осмыслении, по данной теме необходимо обобщающее монографическое исследование, его подготовка является актуальной задачей.

Ключевые слова: Российская империя, историография, жанр, справочники, энциклопедии, информация, экономическая деятельность

Для цитирования: Климова О. Г. Справочные издания по торговле, купечеству, предпринимательству в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: историографический обзор // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 20–27. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

Введение

Современное развитие государства с ориентацией на рыночную экономику и соответствующие изменения в общественной, социальной, политической и других сферах жизнедеятельности заставляет обращаться к историческому опыту дореволюционной России, изучать механизмы товарно-денежных отношений, форм собственности, финансово-налоговую и кредитную политику, а также быт, менталитет деловых людей. Познание прошлого Сибири позволяет максимально приблизиться к воссозданию полной картины развития социально-экономического пространства крупного, отдаленного от центра страны региона, выявить еще не исследованные аспекты его исторического развития. В рассматриваемый период торговля играла ведущую роль в экономике региона. Посредством торговых операций создавался первоначальный капитал, разрушалась экономическая замкнутость, развивались хозяйственные связи с другими регионами и центром России. Развитие сибирской торговли, предпринимательства, городов вызывало устойчивый интерес со стороны государства, частных лиц, иностранных компаний, что предполагало, в свою очередь, потребность в информации.

Роль предпринимателей в сибирском обществе не ограничивалась только их деловой активностью. Местные капиталисты принимали самое живое участие в общественной и культурной жизни губернии. Условия формирования и деятельности сибирских предпринимателей значительно отличались от европейской части России. Сибирь фактически не знала помещичьего землевладения, и пережитки феодализма в целом здесь были значительно меньше выражены. Не играло в Сибири существенной роли и дворянское предпринимательство. Вплоть до постройки сибирской железной дороги иностранный капитал не имел большого влияния на экономику региона. И все это открывало

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

для купцов широкие перспективы для занятий коммерческой деятельностью, усиливалась их роль в общественной жизни региона.

Необходимость в информации о деловых людях Сибири, их хозяйственной деятельности, формах организации деятельности создает потребность в ее систематизации в виде различных энциклопедических и справочных изданий. Вряд ли можно ошибиться, утверждая, что справочные издания вот уже не одно столетие верно служат не только надежными путеводителями в исторических изысканиях, но и незаменимым источником исторической и историографической информации.

Методы и материалы. Данная тематика была изучена в соответствии с методами исторического исследования: проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, историко-системного. Историографический обзор основан на анализе и обобщении исследований других авторов с применением принципа историзма. Использование регион-ориентированного подхода позволило наиболее полно рассмотреть историю России через анализ исторического развития сибирского региона.

Результаты

Справочная литература издавалась в различные периоды существования российского государства: дореволюционный, советский, постсоветский, соответственно можно говорить о характерных чертах и особенностях для каждого из них.

Дореволюционный период

Характеризуется достаточно высокой энциклопедической культурой, которая позволила во второй половине XIX – начале XX в. общественности в России ориентироваться в различной информационной сфере. Например, вышла в свет «Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда» [1–4], посвященная всеобщей истории промышленности и торговли и истории промышленности и торговли в России. Она содержала очерки (небольшие статьи) о коммерческом землеведении, счетоводстве, коммерческой арифметике, русских коммерческих предприятиях, торговых обычаях, товароведении и др.

В этот период были опубликованы многочисленные справочные книги, календари, списки, словари по торговле, промышленности, купеческому сословию. Издавались общероссийские указатели (каталоги) торговых домов[1], акционерных предприятий[2], в которых нашли отражение и сибирские предприятия, например «Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов»[3], которая давала информацию о торговых и промышленных предприятиях в России, а также информацию для предпринимателей с указанием адресов фабрик, торговых предприятий, алфавитным указателем фирм и фамилий промышленников, купцов, торговых и промышленных обществ, товариществ. Так, в справочное издание «Фабрики и заводы всей России»[4] входили и сибирские предприятия. Хотя, безусловно, издание включало неполный список заводов и фабрик губерний российской империи. «Справочник-путеводитель с указанием торгово-промышленных фирм, учреждений, лиц и коммерческих объявлений главнейших городов Европейской России и Сибири»[5] содержал статьи-очерки о жизни крупных промышленников и купцов, сведения о фабриках, магазинах, фирмах крупных городов российской империи, в том числе и сибирских городов. «Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере)»[6] содержал данные о вкладчиках и распорядителях. Инженером Л. К. Езиоранским был составлен список фабрик, заводов по отраслям промышленности, указаны имена владельцев, отдельных служащих [5]. В рассматриваемый период активно издавались справочные книги в сибирских городах, содержащие информацию о торговле, промышленности [6–9]. Интересным представляется юбилейное издание, подготовленное И. В. Щегловым, которое содержит систематизированный перечень важнейших сведений о Сибири, в хронологическом порядке автор расположил данные о сибирских городах, торговых местах и др. [10].

Систематизированный список таких изданий содержит подраздел «Справочно-статистические издания» библиографического указателя отечественной литературы «Сибирская торговля в XIX – начале XX века» [11, с. 22–27], изданный в 1994 г. в Томске.

Статьи о промышленном производстве, о торговле, о сельском хозяйстве, о составе населения Сибири содержатся в Энциклопедическом словаре А. Ф. Брокгауза и И. А. Ефрона[7], в Энциклопедическом словаре братьев А. Н. и И. Н. Гранат[8]. В этих широко известных энциклопедических изданиях имеются сведения о территориально-административном устройстве и экономическом положении

[1] Указатель торговых домов / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб.: Тип. Ф. В. Ирберг, 1907. 783 с.

[2] Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. 2-е изд. СПб.: Э. Вернь, 1905. 1808 с.

[3] Торгово-промышленная Россия: Справочная книга для купцов и фабрикантов / под ред. А. А. Блау. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1899. 448 с.

[4] Фабрики и заводы всей России: Сведения о 31,523 фабриках и заводах. Киев: Книгоиздательство Товарищества Л. М. Фиш, 1913. 572 с.

[5] Там же.

[6] Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). 2-е изд. Пг.: Отд. торговли М-ва торговли и промышленности, 1915. 755 с.

[7] Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. В 86 т.; 4 доп. / под ред. проф. И. Е. Андриевского. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1890–1907.

[8] Энциклопедический словарь Гранат. В 58 т. М.: Изд. тов. А. Гранат и К, 1910–1940.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

Сибири, о быте, о хозяйственной деятельности проживающих, об уездах и населенных пунктах Сибирского региона.

Авторы и составители энциклопедических и справочных изданий пытались не только опубликовать новые данные о развитии промышленности, торговли, предпринимательства, видах сельскохозяйственного промысла, но и стремились сообщать объективные данные, хотя материал чаще был представлен в литературном изложении и не являлся научным исследованием. И. С. Томилов отмечает, что в литературе дооктябрьского периода использовались материалы официальной статистики, сведения, которые авторы сами собрали во время деловых и частных поездок по территории Сибири [12, с. 71].

Таким образом, в дореволюционный период история сибирского предпринимательства, купечества, торговли была достаточно хорошо представлена в энциклопедических и справочных изданиях, которые активно издавались, но не являлись исследованиями научного характера. Дореволюционные труды справочного характера внесли достаточно большой вклад в развитие отечественной исторической науки и оказали существенное влияние на дальнейшее развитие рынков, торговли, предпринимательства в Сибири.

Советский период

В этот период государство, поставив в качестве важной задачи просвещение народа, поддержало развитие энциклопедической литературы. Наряду с общесоюзными появляются и первые региональные энциклопедии. В 1929–1932 гг. была издана Сибирская советская энциклопедия[9], которая, по мнению многих ученых, до сих пор является значимым изданием и непревзойденным памятником научной мысли сибирского региона 20–30-х гг. XX в.

Как известно, в советское время термины *купечество*, *предпринимательство* считались отрицательными, чуждыми социалистическому строю, а поэтому практически не употреблялись в официальном лексиконе и изучались с позиции классов. По мнению Ю. М. Гончарова, в работах советского периода присутствовало разоблачение несостоятельности претензий буржуазии, склонность к поиску компромиссов с режимом и т. п. [13, с. 20]. А. В. Старцев и др. отмечали, что рассказы о «чаерезах» Кухтериных и им подобных, содержавшиеся в изданиях советского периода, в том числе и научных, не имеют под собой сколько-нибудь серьезных оснований и относятся к разряду мифов, культивировавшихся для создания негативного образа предпринимателей, которые в соответствии с господствовавшими идеологическими установками должны были подчеркивать «антинародную сущность» капиталистов и «непримиримый классовый антагонизм буржуазии и пролетариата» [14, с. 8].

Многие авторы отмечают, что энциклопедическая литература стала ведущим видом научно-справочных изданий в советский период. Говоря об отечественных энциклопедиях советского периода, необходимо отметить исследования И. М. Кауфмана [15] и Ю. Е. Шмушкиса [16], которые провели анализ многих дореволюционных и советских энциклопедий, привлекая архивные документы, мемуары, статьи периодических изданий. Так, если в словарях и энциклопедиях дореволюционного периода присутствовало большое количество статистических материалов, излагались конкретные факты, то в советский период экономическая история рассматривалась с идеологических позиций, на первом месте стояли общенациональные интересы. Специальных исследований, посвященных отдельным проблематикам истории предпринимательства буржуазии, не было. Недостаточно разработанными оставались такие вопросы, как численность и состав предпринимателей (буржуазии), пути формирования и организационно-правовые формы деятельности и др. [17, с. 16].

Таким образом, некоторые сюжеты, как в универсальных, так и в региональных энциклопедиях, вообще не освещались в советский период или были рассмотрены лишь схематически. К таким сюжетам относится и история купечества и предпринимательства, и история торговли. Однако необходимо заметить, что изучение этих проблематик имеет большое значение для изучения истории Сибири. Тем не менее в советский период, несмотря на идеологические рамки, был накоплен определенный материал, который стал фундаментом для формирования и развития научных направлений по изучению истории сибирского купечества [18, с. 188]. Поэтому энциклопедии советского периода сыграли свою важную роль в изучении истории предпринимательства, купечества, торговли.

Постсоветский (современный) период

Данный период в изучении истории отечественного предпринимательства начинается с конца 80-х гг. XX в., когда ранее недоступная научная информация, новые источники и архивные материалы создали широкое поле для изучения предпринимательства и истории сибирского купечества. Общей тенденцией в отечественной историографии последних трех десятилетий стало преодоление представления, характерного для советской историографии, об истории социальных и экономических процессов в регионе как второстепенных. В историографии произошел «антропологический поворот», поставивший в центр исследований «человека второго плана» [19, с. 12], что вызвало издание большого числа работ, посвященных биографиям предпринимателей.

Словарная, энциклопедическая форма подачи материала как наиболее удобная для оперативного получения необходимых сведений становится все более популярной в современное время. Энциклопедическая форма изложения истории предпринимательства позволяет охватывать длительный путь исторического развития, она интересна не только читателям, но и важна для ученых. Можно говорить об уникальном

[9] Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. / под. общ. ред. М. К. Азадовского, А. А. Ансона и др. Новосибирск: Сибирское краев. изд-во, 1929–1932.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

жанре в историографии истории предпринимательства Сибири – о «купеческих энциклопедиях» [20].

Первой работой такого плана стала 4-томная «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири»[10], которая была опубликована с 1994 по 1999 гг. В 2012–2013 гг. был издан «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»[11]. Эти уникальные, не имеющие аналогов издания знакомят с биографиями людей, занимавшихся предпринимательской деятельностью, дают описания сельских поселений, городов, ярмарок, коммерческих компаний, фирм и др.

Кроме фундаментальных энциклопедий в Сибири за последние десятилетия были опубликованы биографические словари, справочники отдельных сибирских городов, а также некоторых районов Дальнего Востока, Урала.

Несомненно, заслуживает внимания работа Н. М. Дмитриенко «Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.)» [21], в которой даны биографии купцов дореволюционного Томска.

Следует отметить тенденцию последних лет в историографии истории предпринимательства: многие издания, прежде не связанные со словарями, «ословариваются» – дополняются словарными компонентами. Так, в ряде монографий можно встретить списки предпринимателей и целых купеческих фамилий, краткую характеристику их деятельности, оформленные как справочник, биобиблиографический указатель или словарь. Как отмечает Е. В. Комлева, справочники или сборники биографий являются своеобразным итогом в исследовании предпринимательства Сибири, они образуют базу как для дальнейшего изучения купеческого сословия в сибирском регионе, так и всего российского социума [22, с. 172].

Например, вторая часть работы «Алтай купеческий» (В. А. Скубневский и др.) содержит биографические сведения об алтайских предпринимателях, имеет оформление в виде справочника [23]. Перечни биографий сельских предпринимателей Западной Сибири и краткие описания их хозяйственной деятельности начала XX в. содержатся в монографии, написанной И. И. Кроттом [24, с. 235–289]. А. Г. Киселев и Per Nielsen в своей монографии разместили список «Датские фирмы, деловые люди, технологии и торговые служащие в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.» [25, с. 48–68], в который вошли предприниматели, мастера, инженеры, оперировавшие в Западно-Сибирском регионе. Вышла работа «Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века)» (Е. В. Комлева), вторая часть которой содержит именной биобиблиографический указатель енисейских купцов [26, с. 235–248]. В 2012 г. была опубликована коллективная монография Г. Ф. Быкони и др., вторая часть которой представлена в виде словаря «Енисейское купечество в лицах: биобиблиографический словарь» [27, с. 87–300]. В работе Т. А. Кискидосовой приведен список хакасов, торговцев скотом второй половины XIX – начала XX в., проживавших в южной части Енисейской губернии [28, с. 180–184].

В работе «Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.» впервые была предпринята попытка обобщить сведения о благотворительности в сибирском регионе, в том числе о частных меценатах, среди которых большинство были купцы. Так, один из разделов монографии содержит перечень купцов-меценатов [29, с. 153–192].

Научно-справочную информацию энциклопедического характера о деловых людях содержат монографии «Курганское купечество (конец XVIII – начало XX веков)» А. М. Васильевой [30; 31], «Хабаровск купеческий: в фотографиях и документах» М. Ф. Буриловой [32], «Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.)» [33; 34] и др.

Таким образом, в энциклопедических изданиях по истории сибирского купечества отразились черты современной историографии: использование актуальных методологических подходов, внимание к социокультурной составляющей жизнедеятельности купечества, обращение к ранее не использованным источникам. Справочные издания по истории сибирского предпринимательства, купечества, торговле, подготовленные современными отечественными историками, несут большой объем информации, в них дано описание биографий деловых людей дореволюционной Сибири, их деятельности, участия в торгах, а также их вклада в развитие региона. Авторы справочных изданий провели большую научно-исследовательскую работу, изучили имевшиеся в их распоряжении архивные и литературные источники. Издания ориентированы как на ученых, так и на массового читателя, очевидно, поэтому материал в большинстве энциклопедий подается в форме занимательных заметок, написанных хорошим литературным стилем. Однако это, в свою очередь, привело к отсутствию единообразной структуры, большой разнице в объеме статей (от нескольких строк до нескольких страниц), а иногда и неточностям в тексте. Но не следует забывать, что историки используют ту разнообразную информацию, которая им оставлена временем [35, с. 255].

Заключение

Изучение справочных изданий не только органично вписывается в проблематику сибиреведческих исследований, но и содержательно расширяет имеющиеся представления о характере развития предпринимательства, торговли, экономической и хозяйственной деятельности деловых людей в Сибири в рамках рассматриваемой эпохи. Эти издания излагают исторические факты прошлого в краткой и общедоступной форме. Каждое справочное издание как издание особого вида является отражением эпохи и несет большую фактическую информацию. Работы справочного характера

[10] Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4-х т. / гл. ред. Д. Я. Резун, Д. М. Терешков. Новосибирск: ИПЭЛ-плюс, 1994–1999.

[11] Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. В 2-х т. / отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2012–2013.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

имеют большое значение в деле создания единой информационной базы, позволяющей анализировать различные сферы деятельности и жизни сибирских предпринимателей. В справочных изданиях содержится фактическая информация, которая определяет их высокую научную ценность, дает объективность при изучении истории сибирского купечества, предпринимательства, торговли. Собранный в справочниках и энциклопедиях материал по истории торговли, купечества, предпринимательства в Сибири второй половины XIX – начала XX в. создает основу для дальнейших исследований по изучению дореволюционной Сибири.

Литература

1. Ротшильд М. А. Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда, в полной переделке сообразно потребностям русских предпринимателей и с добавлением 6 новых русских отделов: Настольная справочная книга по всем отраслям коммерческих знаний. СПб.: В. Э. Форселлес, 1899. Т. 1. 525 с.
2. Ротшильд М. А. Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда, в полной переделке сообразно потребностям русских предпринимателей и с добавлением 6 новых русских отделов: Настольная справочная книга по всем отраслям коммерческих знаний. СПб.: В. Э. Форселлес, 1905. Т. 2. 489 с.
3. Ротшильд М. А. Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда, в полной переделке сообразно потребностям русских предпринимателей и с добавлением 6 новых русских отделов: Настольная справочная книга по всем отраслям коммерческих знаний. СПб.: В. Э. Форселлес, 1900. Т. 3. 468 с.
4. Ротшильд М. А. Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда, в полной переделке сообразно потребностям русских предпринимателей и с добавлением 6 новых русских отделов: Настольная справочная книга по всем отраслям коммерческих знаний. СПб.: В. Э. Форселлес, 1901. Т. 4. 471+IV с.
5. Езиоранский Л. К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию); 2-е изд. Пг.: Тип. т-ва под фирмою «Электротипография Н. Я. Стойковой», 1914. 1612 с.
6. Дунин-Горкавич А. А. Справочная книжка Тобольской губернии. Тобольск, 1904. 160 с.
7. Калугин Т. Ф. Тюмень. Справочник и календарь по городу и уезду. Тюмень: Тип. А. А. Благинина, 1913. 194 с.
8. Костров И. А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск: Том. губ. тип., 1872. 117 с.
9. Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культуры и торгово-промышленной жизни. СПб., 1908. 584 с.
10. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882. Иркутск: Изд. Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. 778 с.
11. Зиновьев В. П., Скубневский В. А., Старцев А. В., Андрющенко Б. К. Сибирская торговля в XIX – начале XX века. Томск: ТГУ, 1994. 128 с.
12. Томилов И. С. Развитие городов Тобольской губернии в последней четверти XVIII – начале XX вв. (к историографии проблемы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 68–76. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-68-76
13. Гончаров Ю. М. Судьбы российской буржуазии в российских революциях начала XX в. // 1917 год в истории России: мат-лы Регион. науч. симпозиума с Междунар. участием. (Барнаул, 18 октября 2017 г.) Барнаул: Азбука, 2017. С. 19–22.
14. Старцев А. В., Скубневский В. А., Дмитриенко Н. М., Зиновьев В. П., Разумов О. Н. Деловая элита старой Сибири. Новосибирск: Сова, 2005. 264 с.
15. Кауфман И. М. Русские энциклопедии. Вып. 1. Общие энциклопедии. Библиографические и краткие очерки. М., 1960. 103 с.
16. Шмушкис Ю. Е. Советские энциклопедии: Очерки истории. Вопросы методики. М.: Сов. энц., 1975. 191 с.
17. Климова О. Г. Историография истории предпринимательства в дореволюционной Сибири в лицах. Барнаул: СПбУТУиЭ, 2019. 208 с.
18. Колокольцева Н. Ю., Аубакирова Ж. С. Советская историография источников личного происхождения по истории сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул: Пять Плюс, 2017. С. 183–189.
19. Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы / отв. ред. Л. П. Репина. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–18.
20. Климова О. Г. «Купеческие энциклопедии» как жанр историографического освоения истории предпринимательства Сибири // Ползуновский альманах. 2017. № 3-2. С. 92–95.
21. Дмитриенко Н. М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с.
22. Комлева Е. В. Биобиблиографические справочники по истории сибирского купечества: эдиционные принципы и информационный потенциал // Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

системе России: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Уфа, 29–30 сентября 2016 г.) / отв. ред. К. И. Аглиуллина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2016. С. 169–193.
23. Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Алтай купеческий. Барнаул: Алтайский бизнес-инкубатор, 2007. 172 с.
24. Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 гг.). Омск: ОмГПУ, 2010. 336 с.
25. Киселев А. Г., Per Nielsen. Søren Refsgaard Randrup: датчане в Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. 116 с.
26. Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2006. 384 с.
27. Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
28. Кискидосова Т. А. Торгово-промышленное предпринимательство Ачинско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX в. Абакан: Изд-во ХРИПК и ПРО, 2009. 185 с.
29. Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 212 с.
30. Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX веков). Шумиха: ШМРТ, 2010. Т. 1. 383 с.
31. Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX веков). Шумиха: ШМРТ, 2010. Т. 2. 319 с.
32. Бурилова М. Ф. Хабаровск купеческий: в фотографиях и документах. Хабаровск: Приамурские ведомости, 1999. 47 с.
33. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.) / отв. ред. А. В. Телюк. Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2013. Т. 1. 544 с.
34. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.) / отв. ред. А. В. Телюк. Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2013. Т. 2. 314 с.
35. Комлева Е. В., Зиновьев В. П., Журавель О. Д. «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»: возвращенные имена и раскрытые судьбы // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 251–266. DOI: 10.15826/qr.2015.2.106

Reference Books on Trade, Merchants, and Entrepreneurship in Siberia in the Second Half of the XIX – early XX Centuries: Historiographical Review

Olga G. Klimova [a, @, ID]

[a] Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul

[@] climovolga@yandex.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0002-8513-0044

Received 16.12.2019. Accepted 12.03.2020.

Abstract: The research objective was to assess the information potential of reference publications on the history of entrepreneurship in the pre-revolutionary Siberia. Pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet scientists published various encyclopedias and reference books on the history of trade, merchants, and entrepreneurship in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. The reference literature of each period has its own characteristic features. For instance, The Brief Encyclopedia of the History of Merchants and Commerce of Siberia and The Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia are very unusual. The dictionary with its encyclopedic form of presentation is currently the most convenient and popular variant. Directories and encyclopedias reflect the era they belonged to and thus can provide valuable information on the time period. The dictionaries under analysis appeared to contain biographies of people engaged in entrepreneurial activity, definitions of entrepreneurial activities, descriptions of rural settlements, cities, fairs, etc. The study of reference publications significantly expands the existing ideas about the nature of the business development, trade, and economy of Siberia. However, the related historiography still needs further studies.

Keywords: Russian Empire, historiography, genre, reference books, encyclopedias, information, economic activity

For citation: Klimova O. G. Reference Books on Trade, Merchants, and Entrepreneurship in Siberia in the Second Half of the XIX – early XX Centuries: Historiographical Review. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 20–27. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

References

1. Rothschild M. A. *M. Rothschild's commercial encyclopedia, revised according to the needs of Russian entrepreneurs and with six new Russian chapters: A handbook on all branches of commercial knowledge*. St. Petersburg: V. E. Forselles, 1899, vol. 1, 526. (In Russ.)
2. Rothschild M. A. *M. Rothschild's commercial encyclopedia, revised according to the needs of Russian entrepreneurs and with six new Russian chapters: A handbook on all branches of commercial knowledg*e. St. Petersburg: V. E. Forselles, 1905, vol. 2, 490. (In Russ.)
3. Rothschild M. A. M. *Rothschild's commercial encyclopedia, revised according to the needs of Russian entrepreneurs and with six new Russian chapters: A handbook on all branches of commercial knowledge*. St. Petersburg: V. E. Forselles, 1900, vol. 3, 468. (In Russ.)
4. Rothschild M. A. M. *Rothschild's commercial encyclopedia, revised according to the needs of Russian entrepreneurs and with six new Russian chapters: A handbook on all branches of commercial knowledge*. St. Petersburg: V. E. Forselles, 1901, vol. 4, 472+IV. (In Russ.)
5. Ezioransky L. K. *Factory enterprises of the Russian Empire (excluding Finland)*, 2nd ed. Petrograd: Tip. t-va pod firmoiu "Elektrotipografiia N. Ia. Stoikovoi", 1914, 1612. (In Russ.)
6. Dunin-Gorkavich A. A. *Reference book of the Tobolsk province.* Tobolsk, 1904, 160. (In Russ.)
7. Kalugin T. F. *Tyumen. Directory and calendar of the city and province*. Tyumen: Tip. A. A. Blaginina, 1913, 194. (In Russ.)
8. Kostrov I. A. *Historical and statistical description of the cities of the Tomsk province*. Tomsk: Tom. gub. tip., 1872, 117. (In Russ.)
9. Volsky Z. *All Siberia. A reference book for all sectors of culture and commercial and industrial life*. St. Petersburg, 1908, 584. (In Russ.)
10. Shcheglov I. V. *A chronological list of the most important data from the history of Siberia: 1032–1882.* Irkutsk: Izd. Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1883, 778. (In Russ.)
11. Zinovyev V. P., Skubnevsky V. A., Startsev A. V., Andryushchenko B. K. *Siberian trade in the XIX – early XX centuries*. Tomsk: TGU, 1994, 128. (In Russ.)
12. Tomilov I. S. The development of the cities of the Tobolsk province in the last quarter of the XVIII – early XX centuries (historiography of the problem). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 68–76. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-68-76
13. Goncharov Yu. M. The fates of the Russian bourgeoisie in Russian revolutions of the beginning of the XX century. *1917 in the history of Russia:* Proc. Region. Sci. symposium from Intern. participation, Barnaul, October 18, 2017. Barnaul: Azbuka, 2017, 19–22. (In Russ.)
14. Startsev A. V., Skubnevsky V. A., Dmitrienko N. M., Zinovyev V. P., Razumov O. N. *Business elite of the old Siberia.* Novosibirsk: Sova, 2005, 264. (In Russ.)
15. Kaufman I. M. *Russian Encyclopedias. Vol. 1. General encyclopedias. Bibliographic and short essays*. Moscow, 1960, 103. (In Russ.)
16. Shmushkis Yu. E. *Soviet Encyclopedias: Essays on History. Methodological issues.* Moscow: Sov. Ents., 1975, 191. (In Russ.)
17. Klimova O. G. *Historiography of the history of entrepreneurship in the pre-revolutionary Siberia: personalia.* Barnaul: SPbUTUiE, 2019, 208. (In Russ.)
18. Kolokoltseva N. Yu., Aubakirova J. S. Soviet historiography of sources of personal origin on the history of the Siberian merchants of the second half of the XIX – early XX centuries. *Actual issues of the history of Altai*. Barnaul: Piat Plius, 2017, 183–189. (In Russ.)
19. Repina L. P. From historical biography to biographical history. *In the shadow of the great: images and fates,* ed. Repina L. P. St. Petersburg: Aleteia, 2010, 5–18. (In Russ.)
20. Klimova O. G. "Merchant Encyclopedias" as a genre of historiographic exploration of the history of entrepreneurship in Siberia. *Polzunovskii almanakh*, 2017, (3-2): 92–95. (In Russ.)
21. Dmitrienko N. M. *Tomsk merchants: biographical glossary (the second half of the XVIII century – beginning of the XX century)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014, 336. (In Russ.)
22. Komleva E. V. Bibliographic reference books on the history of the Siberian merchants: traditional principles and information potential. *Regional Encyclopedias in the Modern Scientific Infocommunication System of Russia*: Proc. All-Russian. Sci.-Prac. Conf. from Intern. participation, Ufa, September 29–30, 2016, ed. Agliullina K. I. Ufa: Bashkirskaia entsiklopediia, 2016, 169–193. (In Russ.)
23. Skubnevsky V. A., Startsev A. V., Goncharov Yu. M. T*he merchant of Altai*. Barnaul: Altaiskii biznes-inkubator, 2007, 172. (In Russ.)
24. Krott I. I. *Agricultural Entrepreneurship: Behavioral Strategies and Practices in the Transformation of Siberian Society (1914–1920*). Omsk: OmGPU, 2010, 336. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-20-27

25. Kiselev A. G., Per Nielsen. *Søren Refsgaard Randrup: Danes in Western Siberia at the turn of the late XIX – early XX centuries.* Khanty-Mansiysk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2018, 116. (In Russ.)
26. Komleva E. V. *Yenisei Merchants (the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century)*. Moscow: Academia, 2006, 384. (In Russ.)
27. Bykonya G. F., Komleva E. V., Pogrebnyak A. I. *Yenisei merchants in persons (XVIII – beginning of XX centuries)*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012, 316. (In Russ.)
28. Kiskidosova T. A. *Commercial and industrial entrepreneurship of the Achinsk-Minusinsk Territory in the second half of the XIX – early XX centuries.* Abakan: Izd-vo KhRIPK I PRO, 2009, 185. (In Russ.)
29. Bochanova G. A., Goryushkin L. M., Nozdrin G. A. *Essays on the history of charity in Siberia in the second half of the XIX and early XX centuries.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2000, 212. (In Russ.)
30. Vasilieva A. M. *Kurgan merchants (late XVIII – early XX centuries)*. Shumikha: ShMRT, 2010, vol. 1, 383. (In Russ.)
31. Vasilieva A. M. *Kurgan merchants (late XVIII – early XX centuries)*. Shumikha: ShMRT, 2010, vol. 2, 319. (In Russ.)
32. Burilova M. F. *The merchant of Khabarovsk: photos and documents.* Khabarovsk: Priamurskie vedomosti, 1999, 47. (In Russ.)
33. *The business world of the Amur Region (mid-XIX – early XX centuries),* ed. Telyuk A. V. Blagoveshchensk-on-Amur: Amurskaia iarmarka, 2013, vol. 1, 544. (In Russ.)
34. *The business world of the Amur Region (mid-XIX – early XX centuries),* ed. Telyuk A. V. Blagoveshchensk-on-Amur: Amurskaia iarmarka, 2013, vol. 2, 319. (In Russ.)
35. Komleva E. V., Zinovyev V. P., Zhuravel O. D. An Encyclopaedic dictionary of the history of the merchant class and trade in Siberia: recovered names and discovered destinies. *Quaestio Rossica*, 2015, (2): 251–266. (In Russ.) DOI: 10.15826/qr.2015.2.106

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

оригинальная статья
УДК 94(57)+908

Заселение русскими бассейна реки Кия (на примере основания села Чумай Чебулинского района Кемеровской области)

Олег Ю. Кузьмин [a, @]

[a] Управление МВД России по г. Кемерово, Россия, г. Кемерово

[@] ol.kuzmin1975@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.12.2019. Принята к печати 22.01.2020.

Аннотация: Рассматриваются проблемы освоения русскими северных районов Кемеровской области (на примере села Чумай). Возникновение русских населенных пунктов по реке Кия остается недостаточно изученным вопросом в настоящее время. В существующих публикациях приводятся различные даты образования сел и деревень в этом районе Причулымья. Несмотря на то, что земли по реке Кия были известны русским с начала XVII в., основание русских селений здесь было по ряду причин затруднено. В качестве основных можно назвать военное противодействие со стороны енисейских киргизов, наличие труднопроходимой тайги и горно-лесистой местности, которая не привлекала земледельцев. Кроме этого, существующие пути сообщения в то время проходили в стороне от Кийских земель. Обозначены предпосылки и условия возникновения русских селений в данном районе. На основе анализа впервые введенных в научный оборот источников (воспоминания старожилов, документы церковного учета) обосновывается период образования села Чумай Чебулинского района Кемеровской области. Раскрывается характер заселения местности, а также приводятся данные о первопоселенцах. Опровергается тезис, что данная территория Кемеровской области была заселена исключительно беглыми и ссыльными в XVII–XVIII вв. Продвижению русских в бассейн реки Кии способствовал ряд факторов: устранение военной угрозы со стороны киргизов, крещение местных инородцев и их окончательное объясачивание, прокладывание участка Московско-Сибирского тракта, выделение земель для поселения добровольных поселенцев. В отличие от остальных территорий Кемеровской области, эти земли были заселены русскими намного позднее, правительственная колонизация проводилась централизованно, «сверху», добровольными переселенцами. Отмечается роль переселенцев с Кавказа в освоении территорий, основание ими здесь новых поселений и заселение малонаселенных деревень.

Ключевые слова: добровольное переселение в Сибирь, Причулымье, кавказские переселенцы, образование русских селений, топонимика, генеалогия

Для цитирования: Кузьмин О. Ю. Заселение русскими бассейна реки Кия (на примере основания села Чумай Чебулинского района Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 28–35. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

Введение

Одним из малоисследованных вопросов в историографии освоения русскими территории Кузбасса остается вопрос заселения бассейна р. Кия в Причулымье [1, с. 91]. Ответ на него позволит понять характер колонизации русскими севера Кузбасса, его отличия от освоения юга Кемеровской области, тем самым восполнит образовавшийся исследовательский пробел. В статье образование русских селений по р. Кия исследуется на примере основания старожильческого с. Чумай Чебулинского района.

К истории колонизации русскими Причулымья в разные годы обращались такие ученые, как З. Я. Бояршинова [2], С. В. Бахрушин [3], Д. Я. Резун [4], Г. Ф. Быконя [5], В. Н. Асочакова [6]. Освоение Причулымских земель русскими в рамках концепции присоединения Хакасии к России освещается в работах Л. П. Потапова [7], Л. Р. Кызласова [8] и В. Я. Бутанаева [9]. Кроме этого, заселение Причулымья русским населением рассматривалось в ходе изучения истории Московско-Сибирского тракта в трудах О. Н. Катионова [10], Л. А. Скрябиной [11]. В настоящее время проблемами колонизации и освоения русскими Причулымья, в том числе бассейна р. Кия, занимаются кемеровские ученые В. Н. Добжанский [12; 13], А. Н. Ермолаев [13; 14], И. Ю. Усков [1]. Отдельно стоит отметить работу А. Н. Ермолаева, посвященную истории г. Мариинск [14]. В его монографии рассказывается об освоении русскими бассейна р. Кия и основании с. Кийское, позднее ставшего уездным городом Мариинском.

По поводу времени появления с. Чумай в исследовательской литературе и публицистике нет определенности, указываются различные временные периоды и даже конкретная дата. Так, в изданном в 1929 г. 2-м томе «Списка населенных мест Сибирского края» записано, что с. Чумай образовано в 1795 г.[1] Дата основания Чумая (как и большинства

[1] Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. С. 30.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

других населенных пунктов) в этом издании не является достоверной. Как известно, даты образования сел в «Списке…» приводились на основе непроверенных сведений и со слов старожилов. В инструкции при подготовке «Списка…» рекомендовалось записывать даты старожильческих селений приблизительно. Известный чумайский краевед Н. Д. Барабаш в 1961 г. в газетной статье писал, что Чумай существует около 300 лет[2], в соответствии с чем временем создания села является вторая половина XVII в. В издании, посвященном 70-летию Чебулинского района, со ссылкой на исследования Н. Д. Барабаша написано, что «русские поселились в этих краях еще в XVII веке и жили с телеутами по соседству» [15, с. 166].

В 1994 г. вышел топонимический словарь В. М. Шабалина, в котором указано, что Чумай основан русскими крестьянами из Европейской России в XVIII в.[3] Ссылка на какой-либо исторический источник также отсутствовала. Наконец, в 2006 г. была издана книга [16], в которой образование Чумая еще более удревнялось. Автор пишет, что «ссыльные поляки еще в конце XVII века поселились здесь среди русских старожилов, которых называли чалдонами» [16, с. 3]. Таким образом, в различных публикациях период образования с. Чумай варьировался от второй половины XVII в. до 1795 г.

Цель статьи – определение даты образования с. Чумай, этапов и условий постепенного освоения русскими земель по р. Кия на основе комплексного анализа и сопоставления различных исторических источников. Анализируются данные о русском населении бассейна р. Кия по сведениям исследователей Сибири и путешественников XVIII в. Впервые вводятся в научный оборот данные метрических книг прихода Никольской церкви с. Кийское и неопубликованные воспоминания старожилов с. Чумайское. Территориальные рамки исследования охватывают бассейн р. Кия с притоками, т. н. Нижнее (Томское) Причулымье. Село Чумай расположено на р. Кия, являющейся левым притоком Чулыма, в Чебулинском районе Кемеровской области.

Проблемы освоения русскими Кийских земель в XVII в. Территория по р. Кия была известна русским с XVII в. как Кийские волости. В русских документах начала XVII в. Кийские волости также назывались *порубежными волостями* или *киргизским рубежом*, граничившими с киргизской землей. Это означало, что власть Российского государства на них в полной мере не распространялась [12, с. 114]. В Ясачной книге Томского уезда за 1628 г. отдельно от чулымских указаны «киргисские» земли, в составе которых была «кийская волость» [7, с. 140]. В официальных документах XVII в. за Кийскими волостями закрепилось название *Курчикова волость* или *Курчиков улус*, связанное с именем известного в начале XVII в. князца Курчея. Курчикова волость отмечена на картах С. У. Ремезова, относящихся к 1699–1701 гг. На карте изображены татарские юрты, что говорит о преимущественно инородческом населении волости и указывает на отсутствие каких-либо русских поселений[4]. Населением этих волостей были данники (кыштымы) енисейских киргизов, составлявших тогда достаточно сильное этнополитическое объединение. Отношения русской администрации с енисейскими киргизами в течение всего XVII в. были враждебными. Киргизы неоднократно осуществляли набеги и доходили до самого Томска. В связи с такой настроенностью киргизов русские поселения в Кийской волости на протяжении XVII в. почти не основывались. Кроме того, земли по р. Кия были малопривлекательны для земледелия, т. к. часть местности была горной, а другая была покрыта непроходимой тайгой.

Несмотря на это, русские служилые люди постепенно осваивали эти земли, прежде всего, потому, что по р. Кия можно было проложить путь на Енисей. В 1641 г. по Кие следовал отряд Я. О. Тухачевского, позднее основавшего Ачинский острог. Отряд некоторое время стоял станом на реке.

Следующий этап в освоении Кийской земли русскими связан с образованием Каштацкого острога при сереброплавильном руднике в 1697 г. Однако просуществовал острог недолго: он постоянно подвергался нападениям киргизов. Известно, что уже в 1698 г. киргизы «повоевали» русские деревни в Кийской волости [17, с. 71]. Острог просуществовал до 1703 г., а после был оставлен русскими.

Доподлинно неизвестно, кто населял территорию Кийской волости в этническом плане. Принято называть автохтонное население бассейна р. Кия общим названием *чулымские татары*. Считается, что под этим названием объединены несколько различных этнических групп. По мнению В. Я. Бутанаева, на реке проживали представители сеоков (родов) аргын и халмах, входивших в состав одной из этнических групп хакасов-кызыльцев. Кызыльцы называли членов сеоков аргын и халмах «кий суг» (жители долины р. Кия) [18, с. 23]. Вполне возможно, что в состав тюркоязычных кызыльцев вошли самодийские группы кетов и селькупов, а также телеутов. По одной из версий название *халмах* или *калмах* указывает на монгольский этнический компонент. Например, этноним *калмык* имеет родственную основу. По Кие и ее притокам проживали курчиковский, шуйский, аргунский роды кызыльцев. Являясь кыштымами киргизов, кызыльцы нередко участвовали вместе с ними в набегах на русские селения.

[2] Барабаш Н. Д. Изучаем историю на практике // Искра Ленина. 03.10.1961. № 118. С. 3.

[3] Шабалин В. М. Тайны имен земли Кузнецкой. Крат. топоним. слов. Кемеров. обл. Кемерово: Кемеров. обл. ИУУ, 1994. Режим доступа: http://xn--400-eddplucwdhb0e2b.xn-p1ai/userfiles/files/tajny_imen_zemli_kuzneckoj.pdf (дата обращения: 06.12.2019).

[4] Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1882. Л. AI.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

Московско-Сибирский тракт и его роль в заселении бассейна р. Кия

В 1703 г. воинственные киргизы ушли на территорию Джунгарского царства, что позволило русским начать более активное продвижение в Кийские волости. После подписания в 1727 г. пограничного трактата между Россией и Китаем российское правительство стало заниматься прокладыванием дорог. Образование русских поселений в Причулымье в этот период связано, главным образом, с обустройством Московско-Сибирского тракта. В 30-х гг. XVIII в. образовался Томско-Красноярский участок тракта. На нем стали появляться редкие почтовые станции, обслуживавшиеся местными татарами. Вдоль тракта образовывались русские селения. Заселение притрактовой полосы происходило не только добровольно, хотя в этом случае государство и гарантировало ряд льгот. Практиковалось водворение ссыльных и поселение семей ямщиков. Тем не менее переселения на тракт не носили массовый характер.

Параллельно с проникновением русских в бассейн р. Кия началась активная миссионерская деятельность церкви. По поручению митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского архимандрит Томского Алексеевского монастыря Порфирий с 1716 г. по 1719 г. обратил в православную веру всех ясашных инородцев по р. Кия. К этому же времени относится и строительство Никольского погоста на месте будущего с. Кийское [14, с. 18], через который пролегла дорога на Красноярск.

Русские поселения образовывались на территории традиционного проживания чулымцев. Отношения между русскими и инородцами были неоднозначные. Представляет интерес сообщение немецкого исследователя И. Г. Георги, участвовавшего в экспедициях П. С. Палласа и И. П. Фалька в конце XVIII в. Он писал, что основанные в прежние времена русские деревни среди чулымских татар в 1730 г. из-за многочисленных жалоб инородцев были «оттуда переведены». Однако вскоре татары «почувствовали от сего столь великой в благосостоянии своем ущерб, что стали просить о заведении между ними русских деревень» [19, с. 144], которые и стали строиться. С принятием христианства инородцы перенимали образ жизни и опыт хозяйственной деятельности русских крестьян. Они перешли на оседлый образ жизни, появились инородческие, или ясашные, селения.

В 1740 г. историк и исследователь Сибири Г. Ф. Миллер совершил путешествие из Красноярска в Томск. Его путь пролегал по Кийским волостям. Проезжая по этой территории, Г. Ф. Миллер в своих путевых записях фиксировал лишь почтовые станции, которые держали местные татары. Русских поселений, кроме Никольского погоста с тремя русскими домами и шестью татарскими юртами, он не наблюдал [20, с. 221].

В 60-х гг. XVIII в. правительство обратило внимание на Московско-Сибирский тракт, особенно на приведение в надлежащее состояние почтового дела. С этого времени по инициативе государства началось активное заселение земель по р. Кия. Определенную роль в заселении сыграло предложение губернатора Ф. И. Соймонова о закрытии водного пути в Восточную Сибирь по р. Кеть и переносе его на р. Чулым.

В начале 70-х гг. XVIII в. по Московско-Сибирскому тракту следовал немецкий ученый-энциклопедист П. С. Паллас. Проезжая по тракту, он зафиксировал в Кийских землях д. Коллион (Колыон), состоящую из 20 дворов и населенную одними только «поселянцами» [21, с. 433], «новопоселенную» д. Песчаную, деревню при речке Берикуль [21, с. 434]. В своих наблюдениях он упоминает и русскую деревушку на берегу р. Ки (Кии), однако отмечает, что в «сей стране стоят и многие татарские юрты» [21, с. 435]. По данным П. С. Палласа, дорога здесь была проложена 10 лет назад, «с того времени, как чулымские татары освободились от погонщицкой службы». Ученый отмечает, что «дорога там… наисквернейшая» [21, с. 434]. В 70-х гг. XVIII в. вдоль тракта от Томска до Красноярска существовало всего 22 населенных пункта [10, с. 99].

В связи с тем, что тракт в районе Кии был обустроен плохо, правительство решило заняться заселением этих мест. В 80-х гг. XVIII в. в Кийской волости возникает еще ряд населенных пунктов. Согласно Списку населенных мест Колыванской области за 1782 г. в Томском уезде, в бассейне р. Кия указаны деревни: Пещанская на речке Пещанка, Колыонская на речке Колыон, Почитанская на речке Почитанка, Беркунская (Берикульская), Подъельничная на речке Антибес, Антибесская на речке Антибес, Чебулинская на речке Чебула [17, с. 115]. Село Кийское и деревня Каштацкая по вышеуказанному списку числились приписными к заводам Томского ведомства [17, с. 117]. Необходимо отметить, что в списке отсутствует населенный пункт с названием Чумай. Поэтому можно с уверенностью сказать, что в этот период времени такого населенного пункта не существовало.

В 1791 г., во время следования в ссылку в Сибирь, Кийские волости посетил А. Н. Радищев. В отличие от П. С. Палласа, А. Н. Радищев в своих путевых заметках писал, что «от Кии до Ачинска места прекраснейшие, поляны, дубровы, для хлебопашества и скотоводства удобные» [22, с. 262]. В 1797 г. А. Н. Радищев, возвращаясь через эти же места, записал, что «некоторые [крестьяне] около Ачинска и кийские, гоняют почту», а «в Итати и далее почту держат тобольские ямщики» [22, с. 273]. Писатель отмечал, что по Кие есть старожильческие селения и много «посельщиков» [22, с. 273–274]. В это время процесс заселения Кии продолжался. В очерках А. Н. Радищева указано, что в район д. Подъельничная переселилось «80 душ из окрестностей Екатеринбурга, которые были приписаны к Демидовым заводам» [22, с. 273]. В 1797 г. крестьяне Колыонской, Кийской и Боготольской волостей были освобождены от приписки к заводам, что сделало эти территории более открытыми для заселения [1, с. 92].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

Основание Чумая кавказскими переселенцами

Анализ метрических книг прихода Никольской церкви с. Кийское за 1801–1804 гг. показывает, что на территории Кийской волости Красноярской округи числились следующие русские деревни: Корюкова, Суслова, Тяжинская, Итатская, Баинская (Баимская), Малокосульская, Интибесская, Покровская, Верх-Чебылинская, Подъелнишная, Чибулинская, Усть-Сертинская, Калматская, Колбинская[5]. Ясашная д. Шестакова, по данным метрических книг Кийского прихода Никольской церкви, числилась в Назаровской волости, а известные с 70-х гг. XVIII в. старожильческие русские деревни Тюменева, Пещанская (Песчаная), Берикульская и с. Колыон в 1803 г. располагались в Томской округе[6]. Ясашная Курчикова волость находилась в Красноярской округе. Следовательно, указанная в «Списке населенных мест Сибирского края» дата образования с. Чумай является не верной. До начала XIX в. русского селения Чумай на р. Кия не существовало.

Пролить свет на проблему образования села позволяют сохранившиеся в памяти современных потомков старожилов-чумайцев легенды о приходе их предков в Чумай. Например, в семье чумайцев Лазаревых живет предание, что их предок был крепостным, проживал на Северном Кавказе, откуда бежал в Сибирь с женой-черкешенкой[7]. В роду Матрениных существовало предание, что их предки были выходцами из Тамбовской губернии[8], в семье Стародубовых из с. Усть-Серты сохранилась память о переселении из Курской губернии[9].

Научный интерес представляют записанные в 1970 г. журналистом и краеведом В. А. Новокшеновым воспоминания представителя чумайской старожильческой фамилии Ф. Г. Ачкасова[10]. В мемуарах приведены данные, что в Сибирь Ачкасовы переселились с Кавказа, где они проживали в с. Михайловка. Михайловка, по сведениям Ф. Г. Ачкасова, была заселена «пришлыми из Европы». По-видимому, он имел в виду Европейскую Россию. Среди причин переселения в Сибирь он называет жестокие набеги горцев, разорявших их селения. Кроме этого, Ф. Г. Ачкасов называет фамилии переселенцев, которые вместе с предками Ачкасовых прибыли с Кавказа в Сибирь. Это Лазаревы, Пересыпкины, Щетинины и Матренины.

По информации из воспоминаний, земли, отведенные властями переселенцам с Кавказа, были населены местными инородцами. Ясашным было предложено переселиться на правый берег Кии. При этом они могли остаться проживать вместе с переселенцами, но тогда на них распространялся закон о воинской обязанности. В таком случае инородцы из ясашных переходили в сословие государственных крестьян, облагались подушной податью и несли рекрутскую повинность. В связи с этим все инородцы, кроме семьи Колмагоровых, переселились за р. Кия.

Первое упоминание о д. Чумайской (Чаманской) зафиксировано в документах церковного учета Кийского прихода в январе 1809 г.[11] Выходцы из Кавказской губернии получили полуофициальное наименование *кавказские переселенцы*. Согласно записям в метрических книгах Никольской церкви за 1809–1811 гг., в Чумае числилось более 20 семей кавказских переселенцев. Это семьи Ачкасовых, Булгаковых, Волобоевых, Голоктионовых, Долговых, Заруцких, Золотаревых, Конаныхиных, Луневых, Лазаревых, Матрениных, Малаховых, Митиных, Назиных, Пересыпкиных, Пожидаевых, Павловых, Смоляниновых, Севостьяновых, Стародубовых, Скобелкиных, Тулиных, Хорошиловых, Черниковых, Щетининых. Наряду с ними в д. Чумайской в это время проживало не более 5–7 семей ясашных (Качкины, Кукарцовы, Колмогоровы и др.) и около 5 семей, записанных крестьянами (Булатовы, Макарьевы и др.)[12].

Таким образом, можно сказать, что Чумай был основан переселенцами с Кавказа. Они основали не только Чумай, но и будущее волостное с. Дмитриевка. Часть переселенцев с Кавказа осела в окрестных русских деревнях (Верхняя Чебула, Шестаково, Усть-Серта и др.), существенно увеличив их население. После переселения в Томскую губернию ряд семей кавказских переселенцев по различным причинам переселились из мест первоначальной приписки в соседние села. Так, числившиеся в 1809 г. в Чумае Заруцкие, Севостьяновы, Назины позднее обосновались в Дмитриевке и Усть-Серте. Известны попытки кавказских переселенцев переселиться в город. В 1809 г. Миней Митин подал прошение о причислении его в мещане города Каинск[13]. Прошение не было удовлетворено, М. Митин остался проживать в с. Усть-Колба и стал родоначальником усть-колбинских Митиных.

Отведенное кавказским переселенцам для заселения место получило название д. Чумайская или Чамайская. В исследовательской литературе и краеведческих публикациях с 60-х гг. XX в. закрепилось мнение, что этимология топонима Чумай связана со словом *чум*. Впервые этот тезис

[5] Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 15. Д. 187-1; Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 107.

[6] ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107.

[7] Максименко Л. Удар по праву // Кузбасс. 16.03.2016. № 26. С. 6.

[8] Отчет К. Симонова о поездке в Кемерово и Чумай. Режим доступа: https://zdamsam.ru/b58886.html (дата обращения: 06.12.2019).

[9] Стародубова Н. Стародубовы // Чебулинская газета. 17.12.2013. № 101. С. 3.

[10] Воспоминания Ачкасова Федора Григорьевича в 2-х тетрадях. Перепечатано точно по тексту писателем-историком В. Новокшеновым // Личный архив Ф. Ф. Ачкасова.

[11] ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 72.

[12] Там же. Л. 72–93 об.

[13] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1285. Оп. 1. Д. 105. Л. 13.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

обосновал чумайский краевед Н. Д. Барабаш[14]. Ссылаясь на предания, бытовавшие среди чумайцев, Н. Д. Барабаш писал, что, когда в эти места пришли русские, здесь стоял всего один чум, отсюда и пошло название. Можно предположить, что народное объяснение происхождения названия села от слова *чум* имеет под собой некоторую историческую основу. Действительно, когда территория Чумая заселялась кавказскими переселенцами, там, вероятно, стояли инородческие чумы, что и зафиксировалось в памяти потомков первопоселенцев.

Позднее трактовка происхождения топонима Чумай от слова *чум* была воспроизведена в ряде других изданий[15] [15, с. 166]. Между тем такое объяснение происхождения топонима вызывает критику. Этимология слова *чум* связана с заимствованием из коми-зырянских языков: *ćom*, *чом*, обозначавшее чум, палатку, шалаш, переносную палатку на жердях, покрываемую летом берестой, а зимой – оленьими шкурами[16]. Как известно, коми-зыряне, относящиеся к финно-угорской языковой группе, в районе бассейна р. Кия не проживали.

На наш взгляд, название д. Чумай было дано по одноименному гидрониму. Еще в 1740 г. Г. Миллер в своих очерках упоминает р. Чамай, впадающую в р. Кия [20, с. 222]. В. М. Шабалин связывает название р. Чумай с заимствованием из южносамодийского *чу* – «река» и кетского *май* – «кедр», «кедровый», что означает «кедровая река»[17]. Возможно, этимология гидронима Чумай восходит к тюркским языкам. У тюркоязычных народов (ногайцев, казахов, карачаевцев и азербайджанцев) распространено личное мужское имя Чумай.

Анализ топонимов показывает, что в отличие от других территорий Томской губернии, где названия населенных пунктов давались по фамилиям первопоселенцев, в Кийской волости преобладают названия русских селений, полученные от гидронимов. Так, села Кийское, Чебула, Усть-Серта, Тисуль и другие связаны с названиями рек. Даже заселенная кавказскими переселенцами д. Дмитриевская имела второе название – Собакино, по имени одноименной реки.

Происхождение топонимов в бассейне р. Кия косвенно свидетельствует о характере колонизации данного района. Участки земли для образования поселений здесь отводились властями, в отличие от самовольно-заимочной формы. В первом случае, как правило, названия сел определялись с привязкой к местности, а во втором – по имени первопоселенцев.

Согласно воспоминаниям Ф. Г. Ачкасова, Чумай был заселен выходцами с Кавказа в 1805 г. Однако первые документальные сведения о д. Чумайской относятся к началу 1809 г. Можно предположить, что переселенцы долго добирались до места приписки, возможно, они останавливались на зимовки.

Правительственная колонизация Сибири до конца XVIII в. носила преимущественно принудительный характер. Только в 1799 г. вышел Указ «О населении Сибирского края к границам китайским»[18], предполагавший заселение Забайкалья. Переселенцам предполагалось отводить земли по 30 десятин на душу. Указ 1799 г. породил слухи о свободных плодородных землях в Сибири. Эти слухи дошли и до русского населения Северного Кавказа. Крестьяне ряда казенных селений стали подавать прошения на переселение в Сибирь. В 1803 г. правительство разрешило переселение 117 семьям казенных крестьян в Иркутскую губернию. Чтобы переселенцы не стесняли себя в пропитании по дороге к месту поселения, правительство рекомендовало отправляться небольшими партиями[19].

В 1805 г. в Кавказской губернии снова появились желающие к переселению в Сибирские губернии. 20 июля 1805 г. граф Кочубей писал генерал-губернатору князю П. Д. Цицианову: «ныне вновь начали являться охотники и уже принесены просьбы от 1055 душ разных званий». При этом граф сетовал, «что земли, могущие приносить плоды богатства земледелием, сктоводством и садоводством, остаются без совершенного их заселения и без всякой общей пользы и от подобных переселений казенных крестьян по одним их прихотям приходят в вящее опустошение»[20]. В письме к гражданскому губернатору фон Гильденшольду от 20 июля 1805 г. граф Кочубей писал, что 165 семейств однодворцев пожелали переселиться в Томскую губернию[21]. По личному распоряжению царя Александра I разрешение на переселение в Томскую губернию было получено. В конце XIX в. князь Н. А. Костров писал, что «при императоре Александре I в первые годы его царствования, переселено в Сибирь на счет казны 930 семей с Кавказа, из которых 165 семей остались в Томской губернии» [23, с. 6].

В 1806 г. издано «Положение для поселений в Сибири», согласно которому разрешалось добровольное переселение

[14] Барабаш Н. Д. Чумай – село старинное // Кузбасс. 04.12.1960. № 289. С. 2.; Барабаш Н. Д. Изучаем историю на практике // Искра Ленина. 03.10.1961. № 118. С. 3.

[15] Мытарев А. А. От Абы до Яи. Геогр. словарь Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1970. С. 205.

[16] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.-М.: М. О. Вольф, 1882. С. 633; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / пер. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. С. 381.

[17] Шабалин В. М. Тайны имен земли Кузнецкой…

[18] Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXV. № 19157. С. 813–815.

[19] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. 2. С. 933.

[20] Там же. С. 947.

[21] Там же. С. 948.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

казенных крестьян, испытывающих недостаток в земельном довольствии, для поселения на пустопорожних землях в Томской губернии[22]. При этом крестьяне должны были обеспечиваться казной денежным пособием и пятилетней льготой от всех податей и повинностей, кроме рекрутской. Благодаря «Положению…» переселения крестьян из Кавказской в Томскую губернию продолжились. Так, 16 сентября 1807 г. было подано прошение поверенных от однодворцев Кавказской губернии с. Новомарьевка Смольянинова и Скобелкина о позволении им переселиться в Томскую губернию[23]. Прошение, по видимому, было удовлетворено, т. к. старожильческие фамилии Смоляниновых есть в Чумае и Дмитриевке, а кавказские переселенцы Скобелкины, по данным метрических книг, были причислены сначала в Чумай, а позднее обосновались в Дмитриевке и Усть-Чебуле.

На наш взгляд, время переселения с Кавказа в воспоминаниях Ф. Г. Ачкасова указано верно. По всей видимости, большая часть кавказских переселенцев выехали в конце 1805 г. или в 1806 г. в числе 165 семейств однодворцев. Первые переселенцы прибыли к месту поселения между 1806 г. и 1808 г. В метрических книгах Кийского прихода за 1811 г. чумайцы, именовавшиеся в 1809 г. кавказскими переселенцами, были записаны уже крестьянами. Это говорит о том, что закончилась пятилетняя переселенческая льгота и кавказские переселенцы были причислены к крестьянскому сословию. Переселения с Кавказа в Томскую губернию продолжались и позднее, но уже не носили массовый характер. Наконец, в 1812 г. в связи с началом Отечественной войны действие «Положения…» 1806 г. было приостановлено, и переселения с Кавказа стали невозможными.

Практически все кавказские переселенцы, обосновавшиеся в Кийской волости, принадлежали к сословию однодворцев. В метрических книгах прихода церкви с. Кийское некоторые из них прямо записаны однодворцами. На Северный Кавказ однодворцы переселились в конце XVIII в. 22 декабря 1782 г. указом Екатерины II было разрешено заселение Кавказского края гражданским населением, а в 1784 г. это право было распространено на однодворцев. Основу переселенцев на Кавказ составили однодворцы из Курской, Тамбовской, Белгородской и Воронежской губерний. Но в диких необжитых местах однодворческие селения на Кавказе стали объектом частых нападений закубанцев, в связи с чем часть переселенцев стали возвращаться на места прежнего проживания либо искать лучшей доли в Сибири. Почти половина чумайских кавказских переселенцев проживали на Кавказе в селении Пелагиада. Это семьи Волобоевых, Долговых, Золотаревых, Лазаревых, Матрениных, Малаховых, Митиных, Севостьяновых, Хорошиловых, Щетининых. Недалеко от Пелагиады находилось однодворческое селение Михайловка. С большой долей уверенности можно сказать, что именно это село зафиксировано в воспоминаниях Ф. Г. Ачкасова как место проживания его предков. Осенью 1785 г. селения Пелагиада и Михайловское были разгромлены прорвавшимися на линию горцами. Многие погибли или были угнаны в плен. Переселение предков чумайцев на Кавказ, их борьба за выживание в этом краю и причины переселения в Сибирь достойны отдельного исследования.

Заключение

Основными причинами, препятствовавшими заселению русскими бассейна р. Кия, можно считать существование на протяжении всего XVII в. военной угрозы со стороны киргизов, трудную для земледельческого освоения горно-лесистую местность, отсутствие путей сообщения. Только после устранения военной опасности в 1703 г., с прокладыванием Московско-Сибирского тракта и крещением местных инородцев началась правительственная колонизация Кийских земель. Подводя итоги, можно сказать, что с. Чумай было основано в период времени между 1806 г. и 1808 г. Основан был Чумай не ссыльными и беглыми, как ранее предполагалось, а добровольными переселенцами-однодворцами Кавказской губернии. Территория для основания села была отведена им властями на казенных землях. Ранее на месте будущего села проживали ясашные чулымские татары.

Литература

1. Усков И. Ю. Динамика численности русского населения левобережного Причулымья в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 91–95. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-91-95
2. Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
3. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. / ред. А. А. Зимин и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 299 с.
4. Резун Д. Я. Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (Пробл. соц.-экон. развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 196 с.
5. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. 2-е изд., доп. Красноярск: КГПУ, 2013. Режим доступа: http://elib.kspu.ru/document/8017 (дата обращения: 06.12.2019).
6. Асочакова В. Н. Русская колонизация и хозяйственное развитие Хакасско-Минусинского края // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 35–38.

[22] Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXIX. № 22189. С. 395–407.

[23] РГИА. Ф. 1285. Оп. 1 Д. 36.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

7. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 307 с.
8. Кызласов Л. Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан-М.: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1996. 61 с.
9. Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. 295 с.
10. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: НГПУ, 2004. 568 с.
11. Скрябина Л. А. К истории Московско-Сибирского почтового тракта на территории современной Кемеровской области // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 7. С. 53–67.
12. Добжанский В. Н. «Киргизский рубеж» и порубежные волости Томского уезда в XVII веке: постановка проблемы и историография // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4. С. 113–118.
13. Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н. Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 170–175.
14. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 741 с.
15. Аграрный форпост шахтерского края / сост. О. Гарбузова, Г. Шалакин. Кемерово: Кузбасская книга, 2005. 183 с.
16. Кулемзин В. М. Чумай как малая родина. Томск: ТГУ, 2006. 43 с.
17. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: общий очерк за XVII и XVIII столетия. Томск: Типо-лит. М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. 138 с.
18. Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: УПП «Хакасия», 1994. 94 с.
19. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 178 с.
20. Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Наука, 1990. 245 с.
21. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб.: Императорская Академия наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 575 с.
22. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 3. 676 с.
23. Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск: Томск. губ. тип., 1876. 117 с.

Settlement of the Kiya River Basin by the Russians: Case Study of the Foundation of the Village of Chumay in the Chebulinsky District of Kemerovo Region

Oleg Yu. Kuzmin [a, @]

[a] Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Kemerovo, Kemerovo, Russia

[@] ol.kuzmin1975@yandex.ru

Received 08.12.2019. Accepted 22.01.2020.

Abstract: The present research featured the development of the Northern Kemerovo region. The paper focuses on the case of the village of Chumay in the Kiya river basin. The development of Russian settlements along the Kiya remains understudied. Existing publications give different foundation dates for the villages in the area of Prichulym'e. The Russians first came to the Kiya basin in the early XVII century. However, they were slow to settle down for a number of reasons. First, it was the military confrontation with the Yenisei Kirghiz. Second, the local taiga and mountains were impassable and unsuitable for farming. In addition, the existing communication routes were far from the Kia basin. The article describes the prerequisites and conditions for the emergence of Russian villages in this territory. The research was based on rare historical sources, e.g. memoirs of local residents and parochial documents, related to the foundation of the village of Chumay located in the Chebulinsk district of the Kemerovo region. The research revealed the settling process and some new data on the first settlers. The findings refute the thesis that this territory of the Kemerovo region was settled exclusively by fugitives and exiles in the XVII–XVIII centuries. The Russian advanced into the Kiya river basin after the military threat from the Kirghiz had been eliminated. Second, the indigenous peoples were converted to Christianity and had to pay tribute in furs. Third, a section of the Moscow-Siberian tract was built in the vicinity. Finally, voluntary migrants willing to settle down in the area were given a free piece of land. Unlike the rest of the Kemerovo region, the lands along the Kiya river were colonized by the Russians much later. The government colonization was organized

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

and started "from above". It was represented mainly by voluntary immigrants. The research also revealed the role of migrants from the Caucasus in the development of the Kiya basin as they set up new settlements and went to live in sparsely populated villages.

Keywords: voluntary resettlement to Siberia, Prichulym'e, Caucasian settlers, formation of Russian village, toponymics, genealogy

For citation: Kuzmin O. Yu. Settlement of the Kiya River Basin by the Russians: Case Study of the Foundation of the Village of Chumay in the Chebulinsky District of Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 28–35. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35

References

1. Uskov I. Yu. Dynamics of the number of the Russian population of the Left-bank Prichulym'e in the XVIII – first half of the XIX century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 91–95. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-91-95
2. Boiarshinova Z. Ia. The population of Tomsk district in the first half of the XVII century. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia istoriko-filologicheskaia.* Tomsk, 1950, vol. 112, 23–210. (In Russ.)
3. Bakhrushin S. V. *Scientific works. Vol. 3: Selected works on the history of Siberia XVI–XVII centuries. Pt. 2: The history of the peoples of Siberia in the XVI–XVII centuries*, ed. Zimin A. A and other. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955, 299. (In Russ.)
4. Rezun D. Ia. *Russians on average Prichulymye in the XVII–XIX centuries. (Problems of social and economic development of small towns in Siberia)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1984, 196. (In Russ.)
5. Bykonia G. F. *Russian settlement of the Yenisei region in the XVIII century,* 2nd ed. Krasnoyarsk: KGPU, 2013. Available at: http://elib.kspu.ru/document/8017 (accessed 06.12.2019). (In Russ.)
6. Asochakova V. N. Russian colonization and economic development of the Khakass-Minusinsk Region. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2018, (25): 35–38. (In Russ.)
7. Potapov L. P. *Origin and formation of the Khakass people*. Abakan: Khakas. kn. izd-vo, 1957, 307. (In Russ.)
8. Kyzlasov L. R. *On the accession of Khakassia to Russia.* Abakan-Moscow: Izd-vo Khakas. gos. un-ta, 1996, 61. (In Russ.)
9. Butanaev V. Ia. *The history of the entry of Khakassia (Hongorai) into Russia.* Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2007, 295. (In Russ.)
10. Kationov O. N. *The Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the XVII–XIX centuries*. Novosibirsk: NGPU, 2004, 568. (In Russ.)
11. Skraybina L. A. On the history of the Moscow-Siberian postal tract in the territory of modern Kemerovo region. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (7): 53–67. (In Russ.)
12. Dobzhansky V. N. The "Kirghiz frontier" and the frontier volosts of Tomsk Uyezd in the 17th century: formulation of the problem and a review ofresearch. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2011, (4): 113–118. (In Russ.)
13. Dobzhansky V. N., Ermolaev A. N. The figure of Kashtaksky jail and mine from "Chorografic drawings book" by S. U. Remezov. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2014, (3-2): 170–175. (In Russ.)
14. Ermolaev A. N. *The Province of Mariinsk 1856–1917*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 741. (In Russ.)
15. *Agricultural outpost of the mining region*, comps. Garbuzova O., Shalakin G. Kemerovo: Kuzbasskaia kniga, 2005, 183. (In Russ.)
16. Kulemzin V. M. *Chumay as a small homeland.* Tomsk: TGU, 2006, 43. (In Russ.)
17. Belikov D. N. *The First Russian peasants-inhabitants of the Tomsk region and different features in the conditions of their life and life: General essay for the XVII and XVIII centuries*. Tomsk: Tipo-lit. M. N. Kononova i I. F. Skulimovskogo, 1898, 138. (In Russ.)
18. Butanaev V. Ya. *The origin of the Khakass tribes and families.* Abakan: UPP "Khakasiia", 1994, 94. (In Russ.)
19. Georgi J. G. *Description of all peoples living in the Russian state: their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorials. Part 2: About the peoples of the Tatar tribe and other not yet decided origin of the Northern Siberian.* St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1799, 178. (In Russ.)
20. Elert A. Kh. G. F. *Miller's expedition materials as a source on the history of Siberia,* ed. Pokrovsky N. N. Novosibirsk: Nauka, 1990, 245. (In Russ.)
21. Pallas P. S. *Travel to different provinces of the Russian State.* St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1786, *Pt. 2. Book 2.* 575. (In Russ.)
22. Radishchev A. N. *Complete works*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952, vol. 3, 676. (In Russ.)
23. Kostrov N. A. *Legal customs of the early peasant settlers of Tomsk province*. Tomsk: Tomsk. gub. tip, 1876, 117. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

оригинальная статья
УДК 902/904

Комплексное историко-археологическое изучение сельских населенных пунктов XVII – начала XX в. в Среднем Притомье

Алексей Г. Марочкин [a, b, ID1]; Алена Ю. Юракова [a, b, ID2]; Игорь Ю. Усков [a, ID3]; Сергей А. Васютин [b, @, ID4]; Александр С. Сизёв [c, ID5]; Иван А. Плац [a, ID6]; Никита Е. Горлышкин [b]

[a] Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово

[b] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[c] Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», Россия, г. Кемерово

[@] vasutin2012@list.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-6757-0775

[ID2] https://orcid.org/0000-0003-2548-2459

[ID3] https://orcid.org/0000-0001-7781-2187

[ID4] https://orcid.org/0000-0001-8707-0586

[ID5] https://orcid.org/0000-0002-1042-016X

[ID6] https://orcid.org/0000-0002-3039-9310

Поступила в редакцию 13.12.2019. Принята к печати 25.02.2020.

Аннотация: Представлены начальные результаты разработки комплексного подхода для изучения русских сельских поселений XVII – начала XX в. в Среднем Притомье. Подход ориентирован на использование исторических, археологических и этнографических исследований, их взаимодополнение для детальной реконструкции процесса русского освоения региона и его отражения в материальной культуре. На основе письменных источников прослежена динамика роста земледельческого населения Среднего Притомья, обозначены его факторы. В этом процессе выделены четыре этапа, различные по темпам роста и приоритетной роли южной и северной зон региона. Установлен наиболее активный процесс селообразования в XVII в. в волостях Сосновской земской конторы, для первой половины XVIII в. – для волостей Кузнецкой земской конторы. Во второй половине XVIII – начале XIX в. темпы роста на севере и юге уравниваются, а к середине XIX в. общая численность населенных пунктов становится неизменной. Проанализированы достижения в археологическом изучении сельских поселений в Западной Сибири. Обозначена необходимость целенаправленной разработки данного направления в Среднем Притомье. Приведен каталог памятников археологии Нового времени в Среднем Притомье, составленный с учетом степени их изученности, наличия исторической идентификации и статуса постановки объекта на охрану. Установлена территориальная диспропорция по наличию зафиксированных памятников археологии. Сформулированы перспективы и направления дальнейших исследований истории и культуры русского населения Среднего Притомья.

Ключевые слова: Новое время, археология «русских» Сибири, историко-археологические исследования сельские поселения, памятники Среднего Притомья, археологическое источниковедение

Для цитирования: Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Усков И. Ю., Васютин С. А., Сизёв А. С., Плац И. А., Горлышкин Н. Е. Комплексное историко-археологическое изучение сельских населенных пунктов XVII – начала XX в. в Среднем Притомье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 36–47. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

Введение

Процесс колонизации Сибири начался более 400 лет назад, в своем развитии прошел несколько этапов, и во многом специфика этих этапов определяет современную социокультурную и социально-экономическую ситуацию в регионе. Изучение этого процесса остается магистральным направлением отечественной историографии, при этом внимание исследователей сосредотачивается на его проявлениях в локальных конкретно-исторических условиях. Наиболее видную роль в историографии по данной проблематике играют исследования историков с опорой на анализ письменных источников. Однако с середины XX в. начинаются археологические исследования материальной культуры русских сибиряков, а отдельные сохранившиеся архаичные элементы материальной и духовной культуры русского сибирского населения стали предметом этнографических изысканий. В настоящее время археологическая значимость культурных слоев Нового времени на сибирских памятниках подтверждена законодательно.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

Значимость вынесенной в название статьи научной проблемы имеет два аспекта. В первую очередь, важнейшим для отечественной исторической науки является комплексный подход к изучению памятников сибирского постсредневековья. Привлекаются методы этнографии с использованием в равной мере методов письменной истории и археологии. Такой подход не только создает возможности критики источников, но и позволяет по-иному формулировать саму проблематику исторических исследований, направлять их на понимание конкретного содержания исторического процесса, его отражения в материальной культуре. Второй аспект определяется новизной предмета исследования – «сельская» археология русского времени все еще остается научной «экзотикой» для Сибири, хотя определенные успехи в данном направлении имеются.

Исторически (до индустриализации 1930-х гг.) имело место абсолютное численное доминирование крестьянского населения в России в целом и в Западной Сибири в частности. Учитывая это, именно сельские населенные пункты, их количество и населенность, маркировали степень освоенности той или иной территории. Отмечено, что раскопки сельских поселений дают наиболее ценную информацию об этносоциальном составе населения и межэтнических взаимодействиях в Новое время [1]. Данный тезис является ключевым для настоящего исследования, он фундирует новое для Притомского региона научное направление на стыке истории и археологии.

Земледельческое заселение Среднего Притомья по данным письменных источников

Процесс аграрного освоения русским населением Притомья в XVII – первой половине XIX в. монографически исследован З. Я. Бояршиновой [2], В. И. Шунковым [3; 4], А. Д. Колесниковым [5], Н. Ф. Емельяновым [6], И. П. Каменецким [7] и др. Работы исследователей позволяют выявить роль, место и специфику Томско-Кузнецкого земледельческого района как одного из ведущих земледельческих районов Сибири. Ключевыми исследовательскими задачами являлись рассмотрение социально-демографических процессов, выявление основных источников формирования земледельческого населения региона, решение вопроса о развитии пашни служилых людей, государевой десятинной пашни, а также крестьянской собинной пашни.

Разверстывание государевой десятинной пашни являлось одной из приоритетных задач перед кузнецкими и томскими воеводами. Характерно, что три из четырех (за исключением Кузнецкого) острогов Среднего Притомья своим возникновением обязаны прежде всего складыванием государевой и собинной пашни в регионе. Об этом прямо говорят документы.

1618 г. Кузнецкий острог. Из отписки томских воевод Ф. Боборыкина и Г. Хрипунова: «Послали мы в кузнецкие волости… поставить острог, и всем укрепити, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку призывать ласкою, а не жесточью, чтоб Кузнецких и иных волостей люди были под государевою высокою рукою безотступно, и государев ясак с себя государю ежегод давали» [8, с. 443–444].

1656–1657 гг. Сосновский острог. Из отписки томских воевод кн. И. Приимкова-Ростовского и А. Каковинского: «И у той, государь, новой заимки, где ныне занята под твою государеву десятинную пашню, велели мы холопи твои от колмаков, и от киргисцов, и ото всяких воинских людей для обереганья от сполошново времени поставити острог и всякие крепости учинить» [9, с. 631].

1670 г. Верхотомский острог. Из «Скаски» «иноземного списку» Степки Круглика (1681 г.): «И в прошлом же во 178-м году марта в 28 день по указу великого государя и по наказу стольника и воеводы Микиты Андреевича Вельяминова да дьяка Василия Шпилькина велено мне, Стенке из Томского ехать вверх по Томи реке великого государя служба служить и вновь острог ставить и новоприсыльных пашенных крестьян слободою строить. И я, Стенка против указу великого государя и наказной памяти во всем великому государю служил и работал верою и правдою. Острог поставил и слободу построил, пашенных крестьян хлебом и скотом заводил, а в остроге двор и караульню, и хлебные онбары поставил» [10, с. 104].

1715 г. Мунгатский острог. Из «Описания Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года» Г. Ф. Миллера: «Построен присланными кузнецкими казаками как главный пункт дистрикта по просьбам многочисленных поселенцев, которые хотели поселиться в этой местности» [11, с. 23].

Отметим, что в сибиреведении общепринято обозначать деление сибирского уезда XVII – начала XVIII в. на русские «присудки» (слобода или острог с прилегающими деревнями, починками) и на ясачные волости [12, с. 128]. Характеристика слободы как территориальной единицы приведена В. И. Шунковым: «Название "слобода" XVII в. имело двоякий смысл. С одной стороны, это первоначальное поселение на отведенном для заселения участке, которое становилось центром для всех селений данного участка. Здесь находились острог, церковь, двор приказчика, государевы амбары. В слободе жили церковные причетники, судные дьячки, служилые люди (беломестные казаки). Здесь же находилась часть крестьянских дворов. Возле слободы расположены государевы десятины. С другой стороны, слобода – это территория, которая составляется из слободы в узком значении этого слова и всех "тянувшихся" к ней селений (деревень). Общие размеры этой территории обычно устанавливались (хотя и приблизительно) при первоначальном устройстве слободы, путем упомянутого выше отвода. Внутри этой территории и возникали деревни слободского присуда» [3, с. 89–90].

В Среднем Притомье располагались Сосновская и Верхотомская слободы (Сосновская земская контора) Томского уезда и Кузнецкая и Мунгатская слободы (Кузнецкая земская контора) Кузнецкого уезда. После приписки крестьян

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

Томского и Кузнецкого уездов к Колывано-Воскресенским заводам (1759 г.) слободы были преобразованы в приписные слободы. Административная реформа 1779–1783 гг. разукрупнила низшие административные единицы. В Среднем Притомье Сосновская, Тутальская (объединены в 1792 г.) и Кайлинская[1] слободы вошли в состав Колыванского уезда, а Тарсминская, Верхотомская, Касминская, Мунгатская, Бачатская, Ильинская и Кузнецкая – Кузнецкого уезда Колыванской губернии. На территории бывших монастырских владений была сформирована Пачинская слобода, включавшая поселения экономических крестьян (бывшие монастырские крестьяне). В 1796 г. с упразднением Колыванской губернии Колыванский уезд ликвидировался (территория отходила к Томскому уезду), Кузнецкий уезд присоединялся к Тобольской губернии. В 1804 г. образовалась Томская губерния, в состав которой вошло Среднее Притомье.

В результате реформы 1797 г. в стране вводилось волостное деление. В Колывано-Воскресенском горном округе волостное правление вводилось с 1 января 1799 г. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства изменила сферу приписки к алтайским заводам, в результате чего Пачинская слобода была переведена в разряд приписных.

Установление сопоставимых границ низших административных единиц позволяет прийти к выводу, что на исторически сложившихся в XVII – начале XVIII в. четырех земледельческих станах к концу XVIII в. оформилось девять волостей. Численность населенных пунктов в волостях (в границах середины XIX в.) представлена в табл. 1[2] [11, с. 31–33; 13, с. 90–95].

Данные показывают, что, несмотря на более позднее начало освоения территории четырех волостей Сосновской земской конторы, нежели пяти волостей Кузнецкой земской конторы, на ней активнее шел процесс селообразования. К началу XVIII в. населенных пунктов, подведомственных Сосновской земской конторе, было в 2,5 раза больше, чем подведомственных Кузнецкой земской конторе. Безусловно, это было следствием пограничного положения последних.

В первой половине XVIII в. колонизационный процесс смещается на юг региона, где существовало значительное количество свободных земель. В результате в 1701–1763 гг. количество населенных пунктов на территории Сосновской земской конторы увеличилось лишь в 2,5 раза, а на территории Кузнецкой земской конторы – в 6 раз.

За последующие полвека (1763–1811 гг.) численность населенных пунктов в Сосновской земской конторе увеличилась со 125 до 162, или в 1,3 раза, а в Кузнецкой земской конторе – со 120 до 166, или в 1,4 раза. В период 1811–1858 гг. общая численность населенных пунктов в регионе оставалась неизменной, причем в ведомстве Сосновской земской конторы произошло уменьшение на два населенных пункта, а в Кузнецкой земской конторе соответственно увеличение на два населенных пункта.

На динамику численности населенных пунктов влияли три фактора: возникновение деревень, их исчезновение, административное переподчинение. Выделим из предыдущей таблицы динамику образования населенных пунктов между ревизиями (табл. 2).

Таб. 1. Динамика численности населенных пунктов Среднего Притомья
Tab. 1. Dynamics of settlements of the Middle Tom' Region basin

Год	Сосновская земская контора					Кузнецкая земская контора						Всего
	Тутальская волость	Пачинская волость	Тарсминская волость	Верхотомская волость	Итого	Касминская волость	Мунгатская волость	Бачатская волость	Ильинская волость	Кузнецкая волость	Итого	
1701	43	1	3	3	50	–	–	–	5	15	20	70
1720	46	–	6	–	56	–	2	2	8	16	27	84
1747	49	3	9	17	78	5	8	4	11	18	46	124
1763	63	12	22	28	125	37	21	18	21	23	120	245
1795	63	20	37	26	146	51	38	22	25	29	165	311
1811	58	17	51	36	162	54	33	25	25	30	166	328
1834	52	25	47	36	160	51	36	25	26	30	168	328
1858	50	25	47	38	160	51	37	25	25	30	168	328

[1] В дальнейшем Кайлинская слобода как расположенная в районе Новосибирского Приобья нами не рассматривается.

[2] Составлена по: Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. СПб.: Тип. (бывшая) А. М. Котомина, 1882. Л. 14; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 1371. Л. 524–537 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3579. Л. 299–474 об.; РГАДА. Д. 3582. Л. 466–488 об.; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 123 об.–319 об.; ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1220, 1238, 1305, 1313, 1341, 1413; ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8283, 8578; ГААК. Ф. 2. Оп. 1. 8815. Л. 338 об.–347; ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 109, 229, 698; Государственный архив Томской области. Ф. 321. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1 об.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

Табл. 2. Динамика образования населенных пунктов Среднего Притомья
Tab. 2. Dynamics of the formation of settlements of the Middle Tom' Region basin

Период	Сосновская земская контора	Кузнецкая земская контора	Всего
на 1720 г.	56	27	84
1720–1747	22	19	41
1747–1763	37	74	111
1763–1782	18	21	39
1782–1795	21	22	43
1795–1811	22	9	31
1811–1834	5	7	12
1850–1858	2	1	3

Таким образом, в XVII – первой половине XIX в. в Среднем Притомье образовалось 364 населенных пункта, один из которых – Кузнецкий острог – стал уездным городом. 65 % населенных пунктов было основано до последней трети XVIII в., что свидетельствует о процессе складывания в Среднем Притомье русского податного населения. После вхождения региона в состав Колывано-Воскресенского горного округа процесс селообразования уменьшился. В последней трети XVIII – начале XIX в. за счет переездов или переводов местных крестьян образован 31 % населенных пунктов. В первой половине XIX в. процесс селообразования фактически прекратился (основано 4 % населенных пунктов) вследствие закрытия региона (до 1865 г.) для свободной колонизации.

Приписные крестьяне составляли подавляющее большинство населения Среднего Притомья. В его состав вошли потомки почти всех сословных групп русского населения, осваивавших регион в XVII в. Материалы ревизских переписей позволяют проследить их численность по изучаемым волостям (табл. 3[3], н. п. – населенные пункты; д. м. п. – душа мужского пола).

В среднем в населенных пунктах Среднего Притомья проживало в 1763 г. 39,6 д. м. п., в 1795 г. – 48,7 д. м. п., в 1834 г. – 69,1 д. м. п., в 1858 г. – 78,7 д. м. п. приписных крестьян. Самыми многочисленными были деревни Бачатской и Ильинской волостей. Самыми малочисленными являлись населенные пункты Тутальской волости. В ней нередки были случаи, когда в деревнях проживали только лишь потомки основателей.

Археология «русских» сельских поселений Западной Сибири

Многообразие типов поселений Нового времени (городов, острогов, слобод, заимок, погостов, сел и деревень) образует «русский мир» Сибири, разраставшийся и укоренявшийся в местной среде [14]. Первоочередная, пионерная роль в этом процессе, как отмечают исследователи, принадлежала городам и острогам [15]. Именно города служили опорными пунктами дальнейшего продвижения русских. Вокруг них со временем возникали новые остроги, деревни и села, сохранявшие связь с укрепленными пунктами, однако образующие в определенной мере автономный оседлый режим жизни, привычный для русских земледельцев [15; 16].

Главенствующий статус русского города Сибири, однако, отмечается не только в историческом ракурсе, но и в историографическом. В настоящее время русская археология Сибири опирается в большей мере на материалы раскопок крупных городских центров – Томска [17], Мангазеи [18], Тары [19], исследования Тобольска, Кузнецка, Тюмени. Со второй половины XX в. ведутся работы по поиску, изучению и музеефикации сибирских острогов – Казымского, Чаусского, Умревинского, Мунгатского, Верхотомского, Кетского, Такмыкского, Усть-Тартасского форпоста, Бергамакского городка.

Табл. 3. Численность приписных крестьян Среднего Притомья
Tab. 3. The number of registered peasants of the Middle Tom' region basin

Волость	1763		1795		1811		1834		1850		1858	
	н. п.	д. м. п.	н. п.	д. м. п.	н. п.	д. м. п.	н. п.	д. м. п.	н. п.	д. м. п.	н. п.	д. м. п.
Тутальская	63	1687	63	1974	58	2252	52	2027	52	2218	50	2236
Пачинская	–	–	–	–	17	704	25	1250	25	1380	25	1388
Тасминская	22	1036	37	1885	51	2587	47	2988	47	3203	47	3211
Верхотомская	22	762	26	1246	36	1961	36	2118	36	2387	37	2353
Мунгатская	26	1115	38	1865	32	2083	36	2625	36	3116	38	3276
Касминская	34	1024	51	2559	54	3515	51	4453	51	4773	51	4729
Бачатская	18	906	22	1669	25	2163	25	2614	25	3021	25	3066
Ильинская	23	1245	25	1623	25	2059	26	2645	26	2987	25	3116
Кузнецкая	23	1390	29	1355	30	1626	30	1957	30	2355	30	2454
Итого	231	9165	306	14176	328	18950	328	22677	328	25440	328	25829

[3] Составлена по: ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 123 об.–134 об., 275 об.–319 об.; ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1728. Л. 157–160; ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8283, 8578; ГААК. Ф. 2. Оп. 1. 8815. Л. 338 об.–347; Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа / сост. Н. А. Ваганов. СПб., 1886. 469 с. Кузнецкий округ; Табл. I–X. Томский округ; табл. IV.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

Неукрепленные сельские поселения Нового времени, несмотря на большую численность по сравнению с городами, по уровню репрезентативности полученных археологических данных остаются на втором плане. Тем не менее отдельные прорывы в этом направлении, сделанные в последние двадцать лет, задают ему длительную перспективу.

На современном этапе происходит формирование археологии сибирских сельских поселений Нового времени как отдельного направления со своим арсеналом полевых и аналитических методов [20]. Отмечена и необходимость адаптации разрабатываемого методического арсенала для локальных районов Сибири, при этом сохраняется территориальная диспропорция изученности подобного рода объектов.

Наибольшие успехи в изучении сельских населенных пунктов достигнуты омскими археологами. С середины 1990-х гг. в Омском Прииртышье проведены масштабные раскопки поселений Изюк-I, Ананьино-I и Бергамак-I, произведены работы на поселениях Локти-I, Розановка-I, зафиксированы и обследованы поселения Старологиново, Старое Шуево, Красный Яр, Воскресенка, Минск-Дворянский поселок, Кабузаска-1, Мамешево-1 и др. [14; 21–25]. По археологическим материалам сельских поселений изучены особенности расселения, землепользования и форм хозяйствования русских жителей, установлены типы и конструктивные детали жилищ, их внутренняя планировка. Сделан вывод о богатстве и разнообразии материальной культуры русских деревенских жителей Сибири. Проведен детальный анализ отдельных категорий «статусных» вещей и предметов импорта – слюдяных оконных пластин, китайского фарфора, элементов костюма и обуви, ювелирных украшений, детских игрушек [26].

Начаты археологические исследования русских сел Новосибирского Приобья: на месте бывшего села Кривощёково, в современной черте Новосибирска, проведен разведочный поиск местоположения церкви [27], а в 2018 г. предприняты спасательные раскопки связанного с поселением кладбища[4].

Археология сельских исторических поселений Среднего Притомья: источниковедческий аспект

В Среднем Притомье при высоком уровне археологической изученности культурных слоев Кузнецка и многократных попытках изучения Соснового и Верхтомского острогов раскопки сельских поселений до недавнего времени целенаправленно не проводились, а найденные материалы либо были получены «попутно» при исследовании разновременных памятников, либо представляли собой результаты рекогносцировочной шурфовки. Исключением являются небольшие раскопы на поселениях Ильинка-5 [28], Ступин Лог, Малово-1; обследованы русские поселения Христорождественское, Кучугур [1] в городской округе бывшего Кузнецка. Полученные данные позволили Ю. В. Ширину говорить о близости раннего сельского и городского инвентаря и даже о превосходстве сельской культуры до второй половины XVIII в. по уровню комфорта [1]. Им же впервые был сформулирован тезис о том, что раскопки именно сельских поселений дают наиболее ценную информацию об этносоциальном составе населения и межэтнических взаимодействиях в Новое время.

Сводная ведомость памятников археологии Нового времени в Среднем Притомье насчитывает 50 пунктов (табл. 4), т. е. имеется явная и сильная диспропорция с ранее указанным числом возникших в регионе населенных пунктов XVII–XVIII вв.

Табл. 4. Археологические памятники Нового времени в Среднем Притомье
Tab. 4. Archaeological sites of the Early Modern Period in the Middle Tom' Region basin

№	Тип и название археологического памятника	Степень изученности	Историческая идентификация	Постановка на охранный учет (ОКН)
1	Поселение Абагурское I	разведка, шурфовка	–	+
2	Поселение Ажендарово II	раскопки, более 200 м^2	село Ажендарово	+
3	Поселение Арсенальское I	разведка, подъемные сборы	частные домовладения г. Кузнецка XVIII в.	–
4	Разновременное поселение, могильник Бедарево II	раскопки, более 200 м^2	–	+
5	Поселение Бедаревское I	разведка, подъемные сборы	д. Бедарево XVII–XVIII вв.	–
6	Поселение Бедаревское II	разведка, подъемные сборы	д. Бедарево XVII–XVIII вв.	–
7	Местонахождение Береговая I	разведка, подъемные сборы	–	–
8	Поселение Бондарева гора	разведка, шурфовка	деревня Писаная начала XX в.	–
9	Поселение Бжицкая I	разведка, шурфовка	Деревня Бжицкая XIX в.	–
10	Кладбище Водопадная	спасательные раскопки	кладбище XVII–XIX вв. Кузнецка	–

[4] Хомякова Д. Прошлое и будущее села Кривощёково // Наука в Сибири. 11.10.2018. Режим доступа: http://www.sbras.info/articles/science/proshloe-i-budushchee-sela-krivoshchekovo (дата обращения: 08.12.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

№	Тип и название археологического памятника	Степень изученности	Историческая идентификация	Постановка на охранный учет (ОКН)
11	Разновременное поселение Веселый II	разведка, подъемные сборы	–	+
12	Поселение Верхотомка I	разведка, подъемные сборы	село Верхотомское XVIII в.	–
13	Поселение Глуховское II	разведка, подъемные сборы, зачистка	деревня Шарапская XVII–XVIII вв.	+
14	Поселение Глинка	раскопки, более 200 м^2	деревня Глинка XVIII–XIX вв.	+
15	Поселение деревня Кемерова	раскопки, до 100 м^2	деревня Кемерова XVIII – нач. XX вв.	–
16	Поселение деревня Красная	разведка, шурфовка	деревня Красный яр XVIII – начала XX вв.	–
17	Ерунаково II	разведка, подъемные сборы	деревня Ерунаково XIX в.	+
18	Поселение Жургавань I	разведка, подъемные сборы	–	–
19	Кладбище Зеледеево	разведка, подъемные сборы	кладбище с. Зеледеево XVIII в.	–
20	Поселение Ивановка I	разведка, более 900 м^2	поселок Быстромский нач. XX в.	+
21	Поселение Иванцевское	разведка, подъемные сборы	–	–
22	Поселение Ильинка V	разведка, до 50 м^2	деревня Шабалино	+
23	Поселение, кладбище Ильинка VII	раскопки 35 погребений в колодах	кладбище XVII в. села Ильинское	+
24	Поселение Ильинская протока	разведка, подъемные сборы	–	–
25	Поселение Иганино II	разведка, подъемные сборы	–	+
26	Кладбище Кузнецк I/I	раскопки 12 могил	кладбище XVII–XIX вв. Кузнецка	+
27	Поселение Казарма I	разведка, подъемные сборы	–	+
28	Поселение Казарма IV	разведка, шурфовка	–	+
29	Поселение Кузедеево	разведка, подъемные сборы	деревня Кузедеево XVIII в.	+
30	Поселение Куртуково III	разведка, подъемные сборы	–	+
31	Разновременное поселение Курья IV а	раскопки до 30 м^2	–	+
32	Местонахождение Кулаково II	разведка, подъемные сборы	село Кулаковское XVIII–XIX вв.	–
33	Поселение Кулаково III	разведка, шурфовка	деревня Корчуганова XVII–XVIII вв.	+
34	Разновременное поселение Лачиново I	разведка, до 140 м^2	–	+
35	Поселение Лучшево III	разведка, подъемные сборы	–	+
36	Поселение Малово I	разведка, до 18 м^2	–	+
37	Кладбище Народная	спасательные раскопки	кладбище XVII–XIX вв. Кузнецка	–
38	Разновременное поселение Писаная II	разведка, подъемные сборы	деревня Писаная XIX в.	+
39	Разновременное поселение Прорва II	разведка, подъемные сборы	–	+
40	Разновременное поселение Петрик III	разведка, подъемные сборы	–	+
41	Поселение Сыскина	разведка, подъемные сборы	старая часть с. Бедарево XVIII в.	–
42	Разновременное поселение Салтымаково III	раскопки	–	+
43	Разновременное поселение Сосновка IV	разведка, до 400 м2	–	+

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

№	Тип и название археологического памятника	Степень изученности	Историческая идентификация	Постановка на охранный учет (ОКН)
44	Поселение Ступин Лог	разведка, до 48 м2	–	–
45	Суховское I	разведка, подъемные сборы	–	+
46	Поселение Тихоново	разведка, подъемные сборы	деревня Тихоново XVII в.	+
47	Поселение Усть-Никольская I	разведка, подъемные сборы	–	–
48	Поселение Улус-Мозжуха	разведка, подъемные сборы	Улус-Мозжуха XVIII–XIX вв.	–
49	Поселение Христорождественское I	разведка, подъемные сборы	одноименное село XVIII в.	+
50	Поселение Шарап I	разведка, шурфовка	–	+

Картографирование этих пунктов показывает три крупных скопления – в окрестностях г. Новокузнецк, г. Кемерово и в районе бывшего с. Салтымаково Крапивинского района. Кроме того, более мелкие группы зафиксированы в прибрежной части Яшкинского и Юргинского районов (рис.).

Но эта территориальная группировка не имеет ничего общего с настоящей динамикой территориального распространения поселений Нового времени. Она отражает лишь наличие нескольких очагов изученности. Например, большая группа местонахождений у Новокузнецка связана с разведочной и раскопочной деятельностью местного коллектива под руководством Ю. В. Ширина. Группа археологических местонахождений в Крапивинском районе отражает спасательные раскопки разновременных поселений по теме «Волна». Небольшие группы памятников в окрестностях Кемерово, в Яшкинском и Юргинском районах преимущественно выявлены в ходе недавних разведок сводного отряда ФИЦ УУХ СО РАН, Музея-заповедника «Томская Писаница» и КемГУ (А. Г. Марочкин, А. С. Сизев, И. А. Плац, С. А. Васютин) [29–31].

Из обозначенных пунктов лишь 16 изучены раскопками, причем в девяти случаях поздние культурные слои исследовались «попутно» при изучении более древних напластований разновременных поселений, в трех случаях имели место спасательные раскопки русских кладбищ, и лишь в четырех случаях предприняты небольшие по площади, но целенаправленные раскопки поселений Нового времени. Более того, сам статус археологического памятника с соответствующей постановкой на охранный учет закреплен лишь за 17 объектами.

Еще одна диспропорция связана с исторической идентификацией выявленных археологических объектов Нового времени. Более или менее надежную привязку имеют 27 известных памятников, в то время как оставшиеся 23 не идентифицированы ни с одним известным по письменным источникам историческим поселением.

Заключение

Подводя итоги, можно определить три аспекта дальнейших исследований по рассматриваемой проблематике. Первый из них связан с формированием комплексной историко-археологической карты сельских населенных пунктов Нового времени в Притомье. Она должна учитывать хронологическую динамику возникновения сельских населенных пунктов, их историческую идентификацию и установление границ сохранившегося культурного слоя методами археологии. Одним из результатов этого картографирования станет схема территориального распределения исторически известных населенных пунктов как выявленных объектов археологического наследия.

Второй аспект исследовательской перспективы логично продолжает первый. Результаты картографирования позволят выйти на качественно иной уровень интерпретации системы природопользования у населения Притомья в исторической динамике Нового времени. На данный момент удалось выявить 4 этапа образования русских сельских поселений: 1) в XVII в. в волостях Сосновской земской конторы; 2) в первой половине XVIII в. рост поселений в волостях Кузнецкой земской конторы; 3) вторая половина XVIII – начало XIX в. – этап интенсивного роста деревень в северных и южных волостях; 4) середина XIX в. – число населенных пунктов стабилизируется. Результаты археологических изысканий могут существенно дополнить данные письменной истории за счет выявления сопутствующей инфраструктуры сельских населенных пунктов: кладбищ, заимок, хуторов, зимовий – и других подобных объектов, не отраженных в письменных источниках и исторических картах. Корреляция данных с разработанной периодизацией заселения Притомья в XVII – начале XX в. приведет к наглядному отражению исторически обусловленных закономерностей освоения различных ландшафтных зон региона.

Третий аспект связан с изучением конкретных проявлений материальной культуры русского и инородческого населения Притомья в Новое время. В настоящее время основу музейных коллекций, как наиболее доступного источника, составляют этнографические сборы первой половины XX в. Планомерные раскопки поселений Нового времени необходимы для формирования знаний об эволюции основных элементов этой материальной культуры (посуды, орудий, оружия, украшений), для чего крайне важно их изучение в контексте культурного слоя. В настоящий момент мы можем говорить о достоверно

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

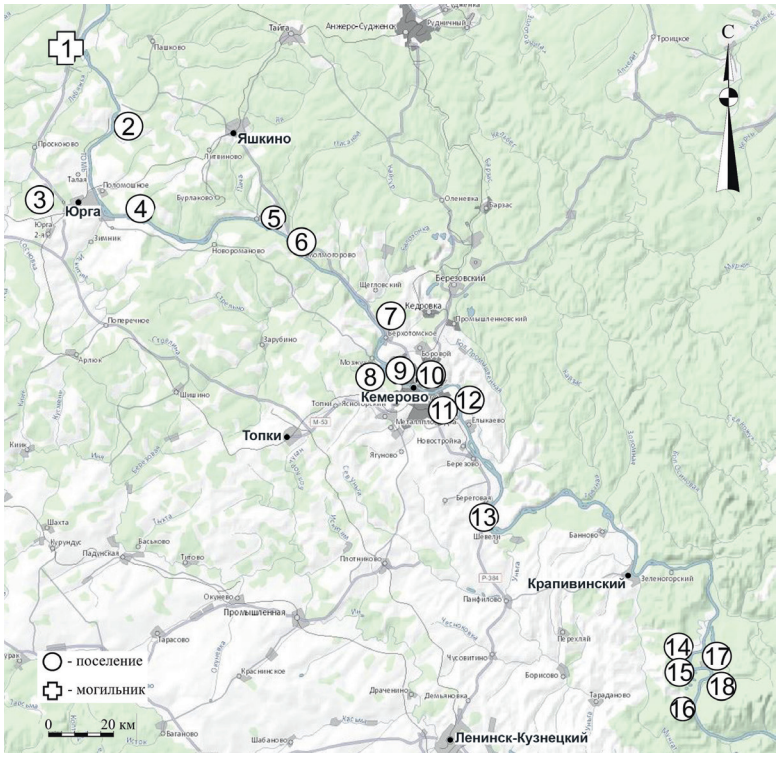

Рис. 1. Русские сельские археологические памятники Нижнего Притомья.
1 – Зеледеево; 2 – Кулаково II, III; 3 – Бжицкая I; 4 – Усть-Никольская I; 5 – Ивановка I; 6 – Писаная II, Бондарева гора; 7 – Верхотомка I; 8 – Улус-Мозжуха; 9 – деревня Кемерова; 10 – деревня Красная; 11 – Суховское I; 12 – Жургавань I; 13 – Береговая I; 14 – Лачиново I; 15 – Курья IV а; 16 – Аженадарово II; 17 – Салтымаково III; 18 – Сосновка IV
Fig. 1. Russian archeological settlements of Lower Tom' Region.
1 – Zeledeevo; 2 – Kulakovo II, III; 3 – Bzhickaya I; 4 – Ust'-Nikol'skaia I; 5– Ivanovka I; 6 – Pisanaia II, Bondareva Gora; 7 – Verkhotomka I; 8 – Ulus-Mozzhuha; 9 – Kemerovo village; 10 – Krasnaya village; 11 – Sukhovskoe I; 12 – Zhurgavan' I; 13 – Beregovaia I; 14 – Lachinovo I; 15 – Kur'ia IV a; 16 – Azhendarovo II; 17 – Saltymakovo III; 18 – Sosnovka IV

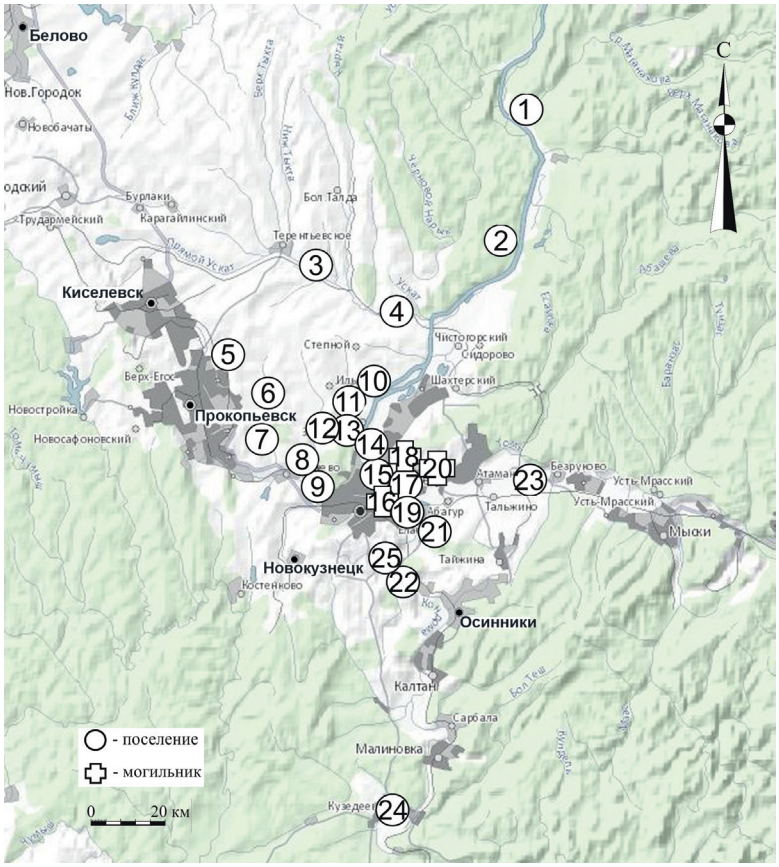

Рис. 2. Русские сельские археологические памятники Среднего Притомья.
1 – Глинка; 2 – Ерунаково II; 3 – Веселый II; 4 – Иганино II; 5 – Усяты; 6 – Шарап I; 7 – Лучшево III; 8 – Казарма I, IV; 9 – Глуховское II; 10– Ильинка V, Ильинская протока; 11 – Петрик III; 12 – Ступин Лог; 13 – Бедарево II, Бедаревское I, II, Сыскина; 14 – Тихоново I; 15 – Христорождественское I; 16 – Кузнецк I/I; 17 – Блиновское I, Иванцевское; 18 – Народная; 19 – Арсенальское I; 20 – Водопадная; 21 – Абагурское I; 22 – Куртуково III; 23 – Прорва II, 24 – Кузедеево, 25 – Малово I
Fig. 2. Russian archeological settlements of Middle Tom' Region.
1 – Glinka; 2 – Erunakovo II; 3 – Veselyi II; 4 – Iganino II; 5 – Usiaty; 6 – Sharap I; 7 – Luchshevo III; 8 – Kazarma I, IV; 9 – Glukhovskoe II; 10 – Il'inka V, Il'inskaia protoka; 11 – Petrik III; 12 – Stupin Log; 13 – Bedarevo II, Bedarevskoe I, II, Syskina; 14 – Tikhonovo I; 15 – Khristorozhdestvenskoe I; 16 – Kuznetsk I/I; 17 – Blinovskoe I, Ivantsevskoe; 18 – Narodnaia; 19 – Arsenal'skoe I; 20 – Vodopadnaia; 21 – Abagurskoe I; 22 – Kurtukovo III; 23 – Prorva II; 24 – Kuzedeevo; 25 – Malovo I

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

зафиксированных культурных слоях сельских поселений первой половины XVIII в. (деревня Кемерова) и начала XX в. (поселение Ивановка-1 / поселок Быстромский), и очевидна потребность в формировании репрезентативной серии данных по всей хронологической шкале. Наконец, именно на конкретных элементах материальной культуры, массово проявляющихся на сельских поселениях, можно проследить роль в их формировании крупных городских торгово-производственных центров и местных локальных производств, а также выявлять на археологических материалах признаки взаимодействия этнических групп в Притомье в Новое время.

Литература

1. Ширин Ю. В. Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. Вып. 5. С. 17–35.
2. Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в XVII в. // Труды Томского государственного университета. 1950. Т. 112. С. 23–212.
3. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.-Л.: АН СССР, 1946. 228 с.
4. Шунков В. И. Очерки истории земледелия Сибири (XVII век). М.: АН СССР, 1956. 432 с.
5. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1973. 440 с.
6. Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 181 с.
7. Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: (Опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири). Омск: тип. ИП Долгов, 2005. 340 с.
8. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 1999. Т. I. 630 с.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. II. 796 с.
10. Скрябина Л. А. Новые сведения о времени и обстоятельствах постройки Верхотомского острога // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2019. № 9. С. 98–105. DOI: 10.24411/2411-7838-2019-00010
11. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 312 с.
12. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России / гл. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, 1968. 538 с.
13. Источники по истории Сибири досоветского периода / под ред. Н. Н. Покровского. Новосибирск: Наука, 1988. 211 с.
14. Татаурова Л. В. Формирование русского мира в Тарском Прииртышье в XVII–XVIII вв. Историко-археологический аспект // Вагановские чтения: мат-лы IX регион. науч.-практ. конф., посв. 425-летию г. Тары. (Тара, 5–6 апреля 2018 г.) Омск: Амфора, 2018. С. 351–354.
15. Черная М. П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3. С. 89–112.
16. Черная М. П. Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии / под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 7–15.
17. Черная М. П. Томский Кремль середины XVII–XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: ТГУ, 2002. 187 с.
18. Визгалов Г. П. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье: по материалам новых археологических исследований: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006. 21 с.
19. Татауров С. Ф., Черная М. П. Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посв. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина / под ред. А. А. Тишкина. Барнаул: АлтГУ, 2015. С. 86–91.
20. Татаурова Л. В. Основные направления в изучении культуры русских Сибири по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии / под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 16–25.
21. Татаурова Л. В. Культура русских Сибири в археологических исследованиях: проблемы и перспективы // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой. Омск: ОмГПУ, 2002. С. 3–8.
22. Татаурова Л. В., Татауров Ф. С. О благосостоянии жителей сибирской деревни XVII–XVIII веков (по археологическим материалам русских памятников Омского Прииртышья) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития / гл. ред. Н. А. Томилов, Н. К. Чернявская. Омск: Наука, 2012. Ч. II. С. 5–9.
23. Татаурова Л. В. Возможности междисциплинарных исследований русских комплексов Нового времени // Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат-лы VI Всерос. науч. конф. (Челябинск, 28 сентября – 2 октября 2015 г.) Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 429–432.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

24. Татаурова Л. В. Историческая экология русского населения деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 100–106. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.100-106
25. Черная М. П. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Апельсин, 2008. С. 5–26.
26. Татауров Ф. С. Вещь как основа для формирования социально-культурного облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2017. 27 с.
27. Голодяев К. А. Никольская церковь с. Кривощёково Томской губернии // Баландинские чтения. 2016. Т. 11. № 1. С. 90–97.
28. Ширин Ю. В. Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII в. // Этнические и этнокультурные процессы у народов Западной Сибири: история и современность. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. С. 106–113.
29. Марочкин А. Г., Сизев А. С., Плац И. А., Конончук К. В. Археологическая разведка в среднем и нижнем течении р. Томи в 2016 г. // Ученые записки Музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. № 5. С. 67–76.
30. Марочкин А. Г., Плац И. А., Сизев А. С., Васютин С. А., Веретенников А. В. Начало археологического изучения «кемеровских» деревень // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. (Новокузнецк, 25–26 октября 2018 г.) Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2018. С. 65–73.
31. Сизев А. С. Материалы русского времени из поселений Среднего Притомья (работы хоздоговорной темы «Волна») // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Наука, 2017. С. 471–477.

A Complex Historical and Archaeological Study of the Rural Settlements of the XVII – Early XX Century in the Middle Tom' Region Basin

Alexey G. Marochkin [a, b, ID1]; Alena Yu. Yurakova [a, b, ID1]; Igor Yu. Uskov [a, ID3]; Sergey A. Vasyutin [b, @, ID4]; Alexander S. Sizyov [c, ID5]; Ivan A. Plats [a, ID6]; Nikita E. Gorlyshkin [b]

[a] The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

[b] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[c] Historical Cultural and Natural Museum-Preserve Tomskaya Pisanitsa, Russia, Kemerovo

[@] vasutin2012@list.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-6757-0775

[ID2] https://orcid.org/0000-0003-2548-2459

[ID3] https://orcid.org/0000-0001-7781-2187

[ID4] https://orcid.org/0000-0001-8707-0586

[ID5] https://orcid.org/0000-0002-1042-016X

[ID6] https://orcid.org/0000-0002-3039-9310

Received 13.12.2019. Accepted 25.02.2020.

Abstract: The present article introduces a new complex approach to the Russian rural settlements of the XVII – early XX centuries in the Middle Tom' Region basin. The approach unites historical, archaeological, and ethnographic researches for a detailed reconstruction of the process of Russian colonization in the region and its reflection in the local material culture. A thorough analysis of historical documentation made it possible to describe the development of the peasant population in the Middle Tom' Region valley. The four stages of this process are different in growth rates, as well as in the priority role of the southern and northern zones of the region. The XVII century saw the most active process of rural development in Sosnovsk area, while the settlements of Kuznetsk area appeared mostly in the first half of the XVIII century. The growth rate in the north and south areas began to level in the second half of the XVIII century – early XIX century. There were no changes in the total number of settlements registered after the middle of the XIX century. The paper also features a brief analysis of archaeological studies of the rural settlements in Western Siberia. The authors believe that the Middle Tom' Region basin still remain largely understudied. The paper contains a catalog of the local archaeological monuments of the Early Modern Period. The catalog is based on the coverage degree, historical identification, and their protection status. The research revealed a certain territorial disproportion in the number of registered archeological monuments. The authors propose some new directions for further studies of the history and culture of the Russian population in the Middle Tom' Region basin.

Keywords: Contemporary Times, archaeology of the Russians in Siberia, historical and archaeological researches, rural settlements, monuments of the Middle Tom' Region, archaeological source study

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

For citation: Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Uskov I. Yu., Vasyutin S. A., Sizyov A. S., Plats I. A., Gorlyshkin N. E. A Complex Historical and Archaeological Study of the Rural Settlements of the XVII – Early XX Century in the Middle Tom' Region Basin. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 36–47. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

References

1. Shirin Yu. V. Pottery of XVIII century from the villages in the vicinity of Kuznetsk. *Kuznetsk old.* Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost, 2003, iss. 5, 17–35. (In Russ.)
2. Boiarshinova Z. Ia. Population of Tomsk province in the XVII century. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1950, 112: 23–112. (In Russ.)
3. Shunkov V. I. *History essays of the colonization of Siberia in the XVII – early XVIII centuries.* Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1946, 228. (In Russ.)
4. Shunkov V. I. *History essays of the Siberian agriculture (XVII century)*. Moscow: AN SSSR, 1956, 432. (In Russ.)
5. Kolesnikov A. D. *Russian population of Western Siberia in the XVIII – early XIX centuries.* Omsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1973, 440. (In Russ.)
6. Emelianov N. F. *Russian colonization of the Middle Ob' in the feudal age*. Tomsk: Izd-vo TGU, 1981, 181. (In Russ.)
7. Kamenetskiy I. P. *Russian population of Kuznetsk province in the XVII – early XVIII centuries: (Life experience in the conditions of the frontier of Southern Siberia*). Omsk: Tip. IP Dolgov, 2005, 340. (In Russ.)
8. Miller G. F. *History of Siberia.* Moscow: Vostochnaia literatura, 1999, vol. I, 630. (In Russ.)
9. Miller G. F. *History of Siberia.* Moscow: Vostochnaia literatura, 2000, vol. II, 796. (In Russ.)
10. Skryabina L. A. New data on the time and circumstances of construction of Verkhotomsky ostrog (stockaded town). *Uchionye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2019, (9): 98–105. (In Russ.) DOI: 10.24411/2411-7838-2019-00010
11. *Siberia of the XVIII century in the travel descriptions by G. F. Miller*, ed. Pokrovsky N. N. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996, 312. (In Russ.)
12. *The history of Siberia from ancient times to the present day. Vol. 2. Siberia as part of feudal Russia*, ed. Okladnikov A. P. Leningrad: Nauka, 1968, 538. (In Russ.)
13. *Sources on the history of Siberia of the pre-Soviet period*, ed. N. N. Pokrovsky. Novosibirsk: Nauka, 1988, 211. (In Russ.)
14. Tataurova L. V. Formation of "Russian world" in Tara Irtysh region in XVII–XVIII centuries. *History and archeological aspect. Vagan's readings*: Proc. IX Sci.-Prac. Conf. to 425th anniversary of Tara, Tara, April 5–6, 2018. Omsk: Amfora, 2018, 351–354. (In Russ.)
15. Chernaya M. P. Siberian city of end XVI – beginning XVIII in historian-archeological reflecting (historiography aspect). *Vetsnik Tomskogo gosudarstvennogo iniversiteta. Istoriya*, 2009, (3): 89–112. (In Russ.)
16. Chernaya M. P. Mission of Russian city in the colonization of Siberia: dialectics of opportunities and historic practice. *Russian culture in archeological researches: interdisciplinary methods and approaches*, ed. Tataurova L. V. Omsk: Omskii institut (filial) RGTEU, 2011, 7–15. (In Russ.)
17. Chernaya M. P. *Tomsk kremlin in middle XVII–XVIII centuries: problems of reconstruction and historic interpretation.* Tomsk: TGU, 2002, 187. (In Russ.)
18. Vizgalov G. P. *Mangazeya – the first Russian city in Siberian Arctic: based on new archaeological research*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2006, 21. (In Russ.)
19. Tataurov S. F., Chernaya M. P. Earthen chronicle of Tara: archaeological commentary about history of the city. *Archeology of Western Siberia and Altai: experience of international research,* ed. Tishkin A. A. Barnaul: AltGU, 2015, 86–91. (In Russ.)
20. Tataurova L. V. The main directions of study Siberian Russians based on archeological evidence. *Russian culture in archeological researches: interdisciplinary methods and approaches*, ed. Tataurova L. V. Omsk: Omskii institut (filial) RGTEU, 2011, 16–25. (In Russ.)
21. Tataurova L. V. Culture of Siberian Russians in archeological research: problems and prospects. *Russian culture in archeological research*, ed. Tataurova L. V. Omsk: OmGPU, 2002, 3–8. (In Russ.)
22. Tataurova L. V., Tataurov F. S. About welfare of Siberian village's population in XVII–XVIII centuries (based on archeological materials of Russians sites of Omsk Irtysh region). *Siberian village: history, modern, prospects*, eds. Tomilov N. A., Chernyavskaya N. K. Omsk: Nauka, 2012, vol. II, 5–9. (In Russ.)
23. Tataurova L. V. Possibilities of interdisciplinary researches of Russians complexes of Modern time. *Ethnic interactions in the Southern Urals*: Proc. VI All-Russian Sci. Conf. Chelyabinsk, September 28 – October 2, 2015. Chelyabinsk: ChGKM, 2015, 429–432. (In Russ.)
24. Tataurova L. V. Hictorical Ecology of the Russian population of Ananyino village in the XVII–XVIII centuries. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2017, (3): 100–106. (In Russ.) DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.100-106

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47

25. Chernaya M. P. Russian archeology of Siberia: Conceptions, results, prospects. *Russian culture in archeological research*, ed. Tataurova L. V. Omsk: Apelsin, 2008, 5–26. (In Russ.)
26. Tataurov F. S. *Thing as a basis for the formation of the social and cultural image of the Russian population of Western Siberia at the end of XVI – first half of XVIII century.* Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Omsk, 2017, 27. (In Russ.)
27. Golodyaev K. A. St. Nicolas church in the village of Krivoschekovo of Tomsk province. *Balandinskie chteniia*, 2016, 11(1): 90–97. (In Russ.)
28. Shirin Yu. V. Ceramics by the Kuznetsk Tatars on the Russian settlements of XVII century. *Ethnic and ethnocultural processes among the peoples of Western Siberia: history and modernity*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992, 106–113. (In Russ.)
29. Marochkin A. G., Sizev A. S., Plats I. A., Kononchuk K. V. The archaeological reconnaissance in middle and lower Tom region in 2016. *Uchionye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2017, (5): 67–76. (In Russ.)
30. Marochkin A. G., Plats I. A., Sizev A. S., Vasyutin S. A., Veretennikov A. V. Early archeological studies of Kemerovo villages. *Siberian city in humanitarian research focus: to 400th anniversary of Novokuznetsk:* Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Novokuznetsk, 25–26 October, 2018. Novokuznetsk: NFI KemGU, 2018, 65–73. (In Russ.)
31. Sizyov A. S. Materials of Russian time from settlements of middle Tomsk region (research under administrative contract "Volna"). *Russian culture in archeological research,* ed. Tataurova L. V. Omsk: Nauka, 2017, 471–477. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

оригинальная статья
УДК 94(571.150)

Полицейское управление в Кузнецком, Барнаульском и Бийском округах (уездах) во второй половине XIX в.

Юрий Н. Москвитин [a, @]

[a] Барнаульский юридический институт МВД РФ, России, г. Барнаул

[@] moskw@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.12.2019. Принята к печати 16.01.2020.

Аннотация: Рассматриваются изменения, связанные с отменой крепостного права, которые затронули правоохранительную систему государства, в первую очередь полицию. В Сибири преобразования полиции были проведены на несколько лет позже, чем в центрально-европейской части государства. В условиях неизбежного реформирования полицейской системы Томской губернии наиболее остро этот вопрос сказался при реорганизации трех округов (уездов), а именно Кузнецкого, Барнаульского, Бийского, так как именно на территории этих округов сохранились 8 горнозаводских волостей: две в Барнаульском (Павловская, Сузунская), одна в Кузнецком (Салаирская) и пять в Бийском (Локтевская, Колыванская, Риддерская, Змеиногорская, Зыряновская) округах. Наличие горнозаводских волостей в условиях ликвидации горной полиции предопределило некоторые особенности в полицейском управлении данных трех округов. Во вновь зарождающихся условиях взаимодействия между руководством Алтайского горного округа и томским гражданским начальством нередко возникали противоречия по вопросам кадрового назначения на должности полицейских чиновников в горнозаводских селениях, что преследовало цель установления наибольшего контроля над населением волостей. Объединение городской и окружной (уездной) полиции под начальством единого полицейского исправника также не проходило безболезненно. В пореформенный период царизм стремился приспособить существовавшие порядки к новым условиям, поэтому проведение губернских ревизий становилось одной их форм контроля над деятельностью полицейских чинов. Однако правительство так и не провело комплексную реформу полиции с целью освобождения ее от выполнения несвойственных функций.

Ключевые слова: чиновник, полиция, полицейский исправник, Томская губерния, Алтайский горный округ, горнозаводские селения

Для цитирования: Москвитин Ю. Н. Полицейское управление в Кузнецком, Барнаульском и Бийском округах (уездах) во второй половине XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 48–57. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

Введение

Отмена крепостного права в России в 60-х гг. XIX в. вызвала волну значительных преобразований в стране. Царские власти были озабочены изменениями практически во всех сферах деятельности государственных органов. Началась цепная реакция реформ в министерствах и ведомствах императорской России. К наиболее известным, кроме крестьянской, относились реформы в финансовой сфере, в военном ведомстве, в образовании, судебном устройстве и др. По нашему мнению, следует обратить внимание, что следующая после отмены крепостного права была реформа, которая затронула преобразование полицейского устройства во всем государстве. Реформа полиции была проведена вслед за крестьянской с разницей в 1 год. Если отмена крепостного права произошла в России в 1861 г., то реформа полиции последовала в 1862 г.

Указом от 25 декабря 1862 г. были утверждены «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губернии, по общему учреждению управляемых». Согласно этому нормативно-правовому акту управление полиции в уездах и городах империи объединялось в единое целое, за исключением главных губернских городов и некоторых заштатных городов, которые находились на территории уездов, но не являлись главными уездными городами. В этом случае были учреждены отдельные городские полицейские управления. Глава уездной полиции назначался правительством, а не избирался, как прежде, дворянством уезда. Этому событию за последние годы уделено достаточное внимание в научной литературе [1–10]. Некоторые вопросы становления полиции в Сибири в XIX в., ее реорганизации, функционирования в пореформенный период были рассмотрены в ряде работ сибирскими исследователями [11–16].

Учитывая, что ряд полицейских формирований на территории Сибири имел свои определенные особенности, мы попытаемся их рассмотреть и обратимся к вопросу формирования полиции на территории Кузнецкого, Барнаульского и Бийского округов (уездов) во второй половине XIX в. В данном событии мы обнаружили некоторые особенные

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

черты. Это связано с тем, что земли рассматриваемых нами округов (уездов) являлись т. н. кабинетскими землями и входили в Алтайский горный округ, находились в административно-хозяйственном управлении кабинетской бюрократии, вместе с тем административно-полицейское управление на территории осуществляли томские губернские власти, что накладывало определенный отпечаток на властные отношения, сложившиеся между двумя структурами. Вопросы, непосредственно связанные с административной политикой государства в Сибири или административными преобразованиями на кабинетских землях, мы сознательно обходим стороной, т. к. ряд самостоятельных работ имеет прямое отношение к такой проблеме [17–21].

Цель работы – рассмотреть реорганизацию полицейских управлений Кузнецкого, Барнаульского, Бийского округов (уездов) во второй половине XIX в. в меняющихся условиях, связанных с реформированием правоохранительной системы государства. Задачи данной статьи:

- рассмотреть произошедшие в середине XIX в. преобразования полицейского управления на территории Алтайского горного округа;
- определить степень участия кабинетской бюрократии в формировании полицейского управления на территории отдельных горнозаводских волостей;
- проанализировать сформировавшуюся систему контроля со стороны томского губернского правления в Кузнецком, Барнаульском, Бийском полицейских управлениях.

Проведение реформы полиции в Сибири

В сибирских губерниях действие основных положений закона о реформировании полиции получило распространение спустя 5 лет после его апробации в европейской части России, а именно 12 июня 1867 г.[1] Несколько запоздалое появление указа о реформировании полиции в Сибири мы связываем с тем, что на окраинах державы правительство не спешило распространять законы, которые имели в своей основе правоохранительный характер. Еще один фактор, затормозивший на пятилетку реформирование полиции, по нашему мнению, связан с существованием в Сибири Кабинетского хозяйства на Нерчинских и Алтайских заводах.

В целом, если провести анализ этих преобразований, то можно отметить, что данная реформа затронула верхний эшелон полицейских чиновников. Штатная численность и положение низового звена служителей правопорядка оставались сформированными по указу 1853 г., который наименовался «Об устройстве в городах полицейских команд»[2]. По этому закону были сформированы примерные штаты полицейских подразделений для городов. Расчет численности городовых зависел от количества проживающего в них населения. Законом устанавливалось жалование полицейским, были прописаны нормы, по которым осуществлялось казенное финансирование расходов на форменное обмундирование и оружие, а для конных полицейских – фураж для лошадей.

К 1867 г. преобразованию в первую очередь подверглась городская полиция Томской губернии. В качестве основных средств совершенствования данного звена законодатель избрал улучшение порядка комплектования и финансирования городских полицейских команд, установление особых условий для поступления на полицейскую службу, усиление ответственности за упущения и злоупотребления по службе и увеличение числа нижних полицейских чинов. Изменился внешний вид полицейских за счет введения нового обмундирования и перевооружения нижних полицейских чинов. В частности были отменены уродливые и крайне непрактичные алебарды, входившие в состав вооружения стационарных постов полиции.

В сельской местности при выполнении полицейских функций значительным влиянием по-прежнему продолжали пользоваться сельские старшины. Л. В. Котович в диссертационном исследовании, уделяя внимание вопросу их должностных обязанностей, выделяет ряд непосредственных задач, которые те выполняли: контроль над исполнением указаний уездной власти; выполнение решений сельских сходов; сбор налогов и сборов; своевременное выполнение натуральных повинностей и в том числе обеспечение безопасности внутри села [22, с. 14]. При острой необходимости, когда в село не мог быстро прибыть уездный полицейский начальник, старшины могли проводить дознание при совершении преступлений или иных правонарушениях[3]. Непосредственными исполнителями полицейских задач на территории села были сотские и десятские, которых назначали или выбирали на крестьянском сходе из числа крестьян на какой-то установленный срок.

Особенностью существования полицейского аппарата на территории Алтайского горного округа, часть которого территориально относилась к Томской губернии, было наличие в штате Главного управления Алтайских горных заводов горной полиции. В 1863 г. в связи с изъятием заводского населения из ведомства горного начальства и подчинением его общему гражданскому управлению должности Томского губернатора и начальника Алтайских заводов, соединенные с 1822 г. в одном лице, теперь вновь были разъединены. Назначенный в 1864 г. начальником округа Александр Ермолаевич Фрезе уже не был Томским губернатором[4].

Таким образом, к 1867 г., ко времени проведения полицейской реформы в Сибири, в Томской губернии сложилась вполне определенная ситуация по полицейскому

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 2-е собрание. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. Т. 42. Ч. 1. № 44681.

[2] ПСЗРИ. 2-е собрание. 1853. Т. 28. Ч. 1. № 27372.

[3] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 184. Оп. 1. Д. 44. Л. 22.

[4] Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 18–19.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

управлению. Начальник Алтайского горного округа мог руководить только экономическими вопросами, происходящими в границах вверенного ему Кабинетом хозяйства. Существовавшая до 1867 г. горная полиция расформировывалась, и ей на смену приходили полицейские, назначаемые окружным полицейским управлением. Отныне начальник округа не мог самостоятельно решать вопросы, связанные с привлечением сил полиции. Для этого ему необходимо было обращаться к томскому губернатору. Безусловно, это создавало дополнительную волокиту и увеличивало бюрократическую переписку.

Губернатор являлся высшим должностным лицом в губернии, начальником всей местной полиции. В его задачу входило попечение о безопасности, народном продовольствии, здравоохранении и др. Он назначал и увольнял должностных полицейских чиновников (в отношении горнозаводских поселений Алтая только по согласованию с начальником округа). Губернатор возглавлял губернское правление, через которое осуществлялось полицейское управление на местах.

В непосредственном подчинении губернатора и губернского правления находилась окружная полиция, власть которой распространялась на весь округ и находившиеся на его территории города. Это не относилось к главному губернскому городу Томску и к т. н. заштатным. В таких городах во главе полиции были поставлены отдельные полицмейстеры с прямым подчинением губернскому правлению [23, с. 19].

Контроль за формированием полиции со стороны кабинетской бюрократии

Непростая ситуация сложилась в горнозаводских селениях, расположенных на территории Кузнецкого, Барнаульского и Бийского округов. Процесс преобразования полицейского управления на территории Алтайского горного округа, начавшийся с разделения должностей томского гражданского губернатора и начальника Алтайского горного округа в 1863 г. на две самостоятельные, продолжался до 70-х гг. XIX в. [24, с. 238–239].

После того как реорганизации полиции был дан старт, власти Томской губернии определили, что на территории Алтайского горного округа сохранились 8 из 12 горнозаводских волостей: 2 в Барнаульском (Павловская, Сузунская), 1 в Кузнецком (Салаирская) и 5 в Бийском (Локтевская, Колыванская, Риддерская, Змеиногорская, Зыряновская) округах. Одной из самых крупных была Змеиногорская, включавшая в 60-х гг. XIX в. 7 селений (Змеиногорское, Покровское, Карамышевское, Черепановское, Гольцовское, Семеновское, Лазурское) [25, с. 231].

Томской губернской власти предстояло в одиночку наладить правоохранительную систему в данных селениях. Вскоре, в 1865 г., т. е. еще до начала проведения реформы полиции 1867 г. в Сибири, томский губернатор вышел с ходатайством в Министерство внутренних дел восстановить в 5 селениях (Салаирском, Локтевском, Риддерском, Павловском и Сузунском) отдельные полицейские управления. Управление Алтайского горного округа положительно восприняло эту идею и дополнительно пожелало распространить ее на Змеиногорское и Зыряновское селения. Это просьба не была оставлена без внимания руководством Кабинета Е. И. В. 28 февраля 1867 г. мнение Государственного совета «Об учреждении отдельных полиций в селениях Алтайского горного округа» получило Высочайшее одобрение. В семи горнозаводских селениях вводились должности полицейских приставов, в Змеиногорском, кроме того, – должность полицейского надзирателя[5].

В новых меняющихся условиях хозяйствования и формирования правоохранительной системы необходимость совместного решения не заставила себя долго ждать. При формировании законопроекта были максимально учтены интересы обеих сторон. Губернская власть получила новые должности полицейских чиновников и возможность осуществлять правопорядок на вверенных ей территориях. В то же время полицейские приставы оказывали бы посильную помощь горнозаводской администрации в вопросе обеспечения выполнения контрактных обязательств со стороны бывших мастеровых, работных людей, урочников и организованного взыскания с них подушно-оброчной подати [25, с. 232].

Финансирование должностей осуществлялось поровну. С одной стороны, МВД, т. е. государство, с другой – горные заводы. Такой дуализм в вопросах финансирования неизбежно мог породить конфликт в вопросах выбора приоритета поставленных перед приставами задач. Губернские власти более всего беспокоил вопрос охраны правопорядка на вверенной территории. Кабинетские чиновники были обеспокоены проблемой обеспечения сохранности кабинетского оборудования и своевременным выполнением рабочими заказов и заданий, осуществлением контроля над отношениями между населением горных селений и чиновниками администрации горного округа. Официально томский губернатор – начальник всей полиции губернии, по должности приставы в горнозаводских селениях подчинялись именно ему как прямому руководителю. Но вопрос смены кадров полицейских в горнозаводских селениях можно было решить лишь с согласия начальника Алтайского горного округа.

Вопрос с кадровыми назначениями на должности приставов обострился еще до принятия закона 1867 г. Примерно за год до его опубликования, когда проект закона был на рассмотрении в министерских комиссиях, начальник Алтайского округа А. Е. Фрезе своим распоряжением назначил на должности полицейских приставов в горнозаводских селениях (кроме Риддерского) кабинетских чиновников и канцелярских служителей. «Круг их обязанностей был определен следующим образом: "Надзор за исполнением правил предосторожности от огня и в том числе главнейшее исполнение обывателями

[5] ПСЗРИ. 2-е собрание. 1867. Т. 42. Ч. 1. № 44305.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

очередных караулов, надзор за непроживанием в селениях беспаспортных и подозрительных людей и передачи их через волостные правления в руки земской полиции, производство предварительных следствий и сообщение их земской полиции, разрешение подлежащих разбору земской полиции споров между лицами посторонними и подведомственными местным волостным правлениям". В помощь каждому из приставов выделялись писец, 2 линейных казака и 4 благонадежных сотских» [24, с. 239].

Такой шаг томский губернатор посчитал необходимым, поскольку был убежден, что преждевременное назначение полицейских со стороны горнозаводского начальства было временным решением, возникшим в силу ряда образовавшихся трудностей, связанных с необходимой защитой интересов государя и имущества округа от противоправных действий со стороны населения. Поэтому после издания указа о введении отдельных полицейских должностей в горнозаводских селениях Алтайского горного округа томское губернское начальство в своем обращении к руководству Алтайского горного округа представило на согласование ряд кандидатов для замещения должностей полицейских приставов и полицейского надзирателя в с. Змеиногорское. В процессе подготовки кандидатов на занятие должностей полицейских чиновники томской губернской администрации решали, что преимущественное значение на выдвижение должен иметь тот факт, что эти люди должны иметь хоть какое-то общее понимание о полицейской службе или в крайнем случае о военном деле в целом. Поэтому на полицейские должности были рекомендованы отставные военные, имеющие чин не ниже унтер-офицера. Однако губернаторских кандидатов начальник Алтайского горного округа А. Е. Фрезе не пожелал видеть в качестве блюстителей правопорядка в горнозаводских селениях Алтая. Объясняя свою позицию, он указал, что шестерых из предложенных восьми кандидатов он лично не знает и не готов вверять охрану правопорядка в руки неизвестно кого, а в отношении двух других кандидатур, которые ему были знакомы, резко высказался против без лишних пояснений[6]. Становилось понятным, что в этом вопросе А. Е. Фрезе выступает решительно против вмешательства губернской власти в дела кабинетского хозяйства. Такая позиция давала явный отпор губернским властям в вопросе хоть как-то повлиять на их присутствие в деле управления горным округом, пусть даже и в вопросе правоохраны. Позиция А. Е. Фрезе была жесткой и основывалась на том, что полицейские чиновники на землях округа должны быть назначены из числа служащих кабинетской бюрократии. Такая позиция давала возможность начальнику округа практически беспрепятственно контролировать горнозаводское население.

В результате продолжавшейся до конца 1869 г. переписки томский губернатор Н. В. Родзянко, ссылаясь на предписание Министерства императорского двора и уделов от 1867 г., по которому генерал-губернатору разрешалось осуществлять ревизию горнозаводских учреждений Алтая, полагал, что полицейское управление должно находиться в ведении губернской гражданской власти. Поэтому кадровые вопросы, связанные с назначением полицейских приставов в селениях Алтайского горного округа, должны осуществляться им, и начальник Алтайского горного округа не мог бы указывать ему, кто из полицейских чиновников будет назначен, а кто нет. В итоге многолетней переписки по этому вопросу в конце 1869 г. Н. В. Родзянко направил А. Е. Фрезе письмо с уведомлением последнего, что он заменит всех приставов без его согласия, но начальник округа не думал уступать инициативу в этом вопросе. В своем письме в Кабинет он подверг критике действия томского губернатора и попросил вмешательства столичного начальства в решение этой спорной ситуации. Ответ поступил достаточно быстро. Кабинетская бюрократия подтвердила А. Е. Фрезе, что он является единственным представителем интересов Кабинета на землях округа и самоустраняться от решения кадровых вопросов, затрагивавших интересы личной собственности государя, не может. Более того, в Санкт-Петербурге состоялась встреча министра императорского двора и уделов В. Ф. Адлерберга с генерал-губернатором Западной Сибири А. П. Хрущовым, на которой обсуждался вопрос и о кадровых назначениях полицейских чиновников на землях Алтайского горного округа. Вскоре томский губернатор получил официальное распоряжение от своего начальника, в котором, в частности, указывалось, что все кадровые вопросы необходимо решать в тесном контакте с главой окружной администрации, как того требовал закон от 28 февраля 1867 г.[7]

Вскоре последовали кадровые изменения среди полицейских чиновников горнозаводских селений. В июле 1870 г. был уволен локтевский полицейский пристав с формулировкой «за излишнее употребление горячительных напитков». В апреле 1871 г. сузунский пристав был уличен в вымогательстве при производстве следствия и переведен на другую работу[8]. Эти увольнения чиновников были подписаны томским губернатором, поскольку он являлся непосредственным начальником полицейских приставов, но по представлению начальника горного округа. После замены полицейских чиновников, замеченных в коррупции или нарушении дисциплины, и назначения новых лиц по ходатайству начальника округа вопросы отстранения от службы полицейских в горнозаводских селениях надолго исчезли из ведомственного делопроизводства.

Сложившаяся в 70-е гг. XIX в. относительно спокойная криминогенная обстановка на Алтае доказывает, что вопросы правоохранительной деятельности полиции отошли на второй план не только у кабинетской бюрократии, но и у чиновников губернской администрации. Свидетельство о небольшой

[6] ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2936. Л. 13–14.

[7] Там же. Л. 10–14, 18, 27–29, 31, 51–55.

[8] Там же. Л. 59–67.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

доле преступлений на Алтае можно найти в дневниковых записках, оставленных А. Бремом, который посетил Томскую губернию в 1876 г. В частности, он записал, что Барнаульский окружной исправник «не насчитывал за год более 16 преступлений, в некоторые годы вообще не было ни одного случая» [26, с. 122]. Серьезных оснований для дальнейшей реорганизации сложившейся в горнозаводских селениях Алтайского горного округа полицейской системы у губернской власти и кабинетских чиновников не было.

Можно предположить, что последовавшие замены полицейских, с назначением которых был не согласен начальник округа, были связаны с той реальной поддержкой, которую оказали А. Е. Фрезе столичные власти. Ему удалось добиться обязательного согласования губернатором с начальником заводов назначения чиновников полицейского ведомства в селениях Алтайского горного округа.

Достижение превалирующего влияния кабинетской бюрократии в решении вопросов назначения полицейских в горнозаводских селениях Алтайского округа преследовало цель сохранения контроля за населением этих поселков, что заметно ослабло после проведения крестьянской реформы и упразднения горной полиции. Горнозаводская администрация не представляла себе другого пути при решении вопросов сохранения своего влияния над населением поселков, поскольку это сулило ей возможность без особых затруднений обеспечить кабинетские предприятия рабочей силой. Для томской губернской власти ограниченный круг деятельности полицейских приставов в горнозаводских селениях был невыгоден, поскольку это усиливало полицейскую власть лишь в отдельных семи населенных пунктах. Хотя в расчете губернской власти такие полицейские могли бы оказать посильную помощь земским заседателям, если бы на них своевременно оказалось бы возможным возложить полицейское заведование ближайшими к горнозаводским селениям населенными пунктами. Именно эти цели и преследовали губернские власти, когда предприняли попытку взять под свой контроль кадровый вопрос назначения на должность полицейских в горнозаводских селениях.

Кроме того, проблема организации полицейской службы в горнозаводских селениях была отодвинута на второй план благодаря спаду производства на кабинетских предприятиях Алтая в конце 60–70-х гг. XIX в. Становилось очевидным, что без значительных коренных реконструкций производства и новых капиталовложений существование горноперерабатывающей отрасли будет находиться под вопросом. По мнению Т. Н. Соболевой, «развитие событий по такому сценарию было несколько отсрочено благодаря административным преобразованиям и частичной реконструкции горно-металлургической отрасли, осуществленных в начале 80-х гг. XIX в. по инициативе нового министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова» [24, с. 243].

Ревизии полицейских управлений как фактор контроля за деятельностью полиции

Городская полиция после реформы утратила самостоятельность. Отныне окружные города Барнаул, Бийск, Кузнецк управлялись полицейскими надзирателями, которые подчинялись окружным исправникам и непосредственно их помощникам.

Города в административно-полицейском управлении делились на участки преимущественно с равным количеством жителей в каждом из них. Например, в Бийске и Кузнецке было по два участковых полицейских надзирателя, в Барнауле – четыре[9]. Количество низовых чинов полиции напрямую зависело от городского бюджета, т. к. после начала реализации городового положения 1870 г. в Сибири были определены положения, по которым городу необходимо было содержать городовых, что не всегда было возможным. Несмотря на требования губернских властей привести количество городовых в соответствие с нормой закона от 14 апреля 1887 г., по которому число полицейских чинов определялось по количеству населения каждого города из расчета не менее одного городового на 500 жителей, городские власти не могли это исполнить. Дело в том, что нижних полицейских чиновников-городовых городская администрация должна была содержать за счет средств местного бюджета, а из-за недостатка финансовых средств многие города были не способны содержать такой штат полицейских. Решить эту проблему власти города не всегда имели возможность. Государственное финансирование на содержание городовых отсутствовало.

Губернские власти в этой ситуации могли только проводить комплексные проверки отдельных подразделений полиции. Например: деятельность полиции по охране общественного порядка, содержание арестантов, условия военно-мобилизационной работы в округе (уезде), состояние пожарной охраны – это неполный перечень обязанностей полиции во второй половине XIX в. Очевидно, что подобного рода ревизии полиции губернским начальством стали одним из кирпичиков в начале создания единого проекта реформирования всей полиции государства. В итоге такой законопроект был разработан к 1912 г. [27, с. 19–21].

Нам хотелось бы подробнее обратиться к материалам такой проверки полицейских управлений, которая проводилась во второй половине XIX в. В подобных ревизиях губернская власть не была скована действиями или противодействиями кабинетской бюрократии. Вопросы, решаемые губернскими чиновниками, затрагивали в основном полицейские дела. Поэтому руки губернатора были развязаны в отношении кадровых перестановок.

В начале 1886 г. томский губернатор Алексей Федорович Анисьин, накануне вступивший в эту должность, обследовал состояние дел в полицейских управлениях Кузнецкого, Барнаульского и Бийского округов. В результате этой ревизии была составлена подробная справка с описанием

[9] ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 9 об., 16.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

не только состояния дел в полиции, но и расположением чинов полиции, общим состоянием служебных помещений и состоянием дел, находящихся на исполнении чинов полиции, были проведены обследования противопожарного состояния в городах и вопросы мобилизационной работы полиции в случае объявления военного положения. Мы не будем здесь детально рассматривать материалы и выводы этой ревизии в отношении всех трех полицейских управлений. Обратимся лишь к ревизии Кузнецкого полицейского управления, отметим при этом, что события в Барнаульском и Бийском полицейских управлениях имели схожую картину действий.

Из данных ревизии следовало, что канцелярия Кузнецкого окружного полицейского управления была расположена на втором этаже нанимаемого у городских властей дома, состоящего из 6 комнат. Следует отметить, что полиция нередко снимала в аренду у городских властей здания под свои управления. Было описано внутреннее состояние помещения. Недовольство губернатора вызвал тот факт, что обстановка в канцелярии выглядела крайне бедно. Столы и стулья старые, покрыты прорванной клеенкой, шкафы для хранения дел и бумаг тоже не отличались свежестью, а некоторые не запирались на замки, что могло привести к потере документов. Проверка окружного делопроизводства сразу же вскрыла ряд недостатков. К их числу было отнесено то, что целый ряд служебных бумаг за текущий и прошлые годы был не исполнен. Журналы, обязательные для ведения канцелярией управления, велись плохо. Особый гнев губернских чиновников вызвал тот факт, что в управлении среди разных бумаг в беспорядке были разбросаны документы, разрешающие выдачу бюджетных денег управлению полиции – талоны ассигновок, некоторые из них со сроком погашения еще 8 месяцев назад. Иными словами, ассигновка – это разрешающий документ, по которому расходуются средства с кредита, открытого в банке на казенное учреждение, в конкретном случае на окружную полицию. Ассигновки выдавались на разнообразные расходы. К примеру: на покупку канцелярских предметов участковым приставам; на содержание поднадзорных; на содержание и обмундирование городовых; на содержание личного состава полицейского управления; на сыскные расходы и т. п. Такие ассигновки были финансовыми документами строгой отчетности и обязательно подшивались в дело и хранились в архиве. На вопрос губернского чиновника, проводившего инспектирование, почему финансовые документы в беспорядке, секретарь управления, ведавший общими делами полиции, ничего вразумительного не смог ответить, сказав, что талоны ассигновок не успели подшить в дело[10].

Далее ревизоры рассмотрели исполнение поручений, полученных управлением от вышестоящего начальства. В итоге было найдено 43 документа с истекшим сроком их исполнения.

Еще один важный момент в деятельности полиции – сбор запасных нижних чинов в случае объявления мобилизации. По планам мобилизационной работы служащих, находящихся в запасе военной службы, числилось 1277 человек. Было установлено, что из их числа временно проживающих в городе числилось 15 человек. Переселившихся из округа в другие местности значилось 16 человек. У 6 человек из их числа время, предоставленное на постановку на учет в другой местности, истекло, и неизвестно, где они находились, т. к. отметки об их новом месте жительства в окружном управлении не имелось, и начальник полиции ничего не предпринял для установления их местопребывания. Общая же проверка знаний исправника своих обязанностей в случае объявления всеобщей мобилизации в округе оказалась неудовлетворительной[11].

Располагалась при полицейском управлении и камера предварительного заключения для подозреваемых или задержанных правонарушителей. В ревизии представлено достаточно подробное описание данного строения: одноэтажный флигель в форме крестьянской избы находился во дворе полицейского управления и состоял из 3 отдельных комнат, огороженных дощатыми перегородками. В первом отделении, кроме караульного, днем размещались свободные полицейские стражники и нарочные (курьеры), которые иногда размещались там на ночлег. Из этого отделения выходило две двери, соответственно в женскую и мужскую камеры. Обе камеры, небольшие по размеру, разделялись большой русской печью. В заключение осмотра камер был подведен итог, что все помещения содержатся крайне неопрятно и в них крайне тесно[12].

Не менее важный обзор содержится, по нашему мнению, в описании состояния полицейской команды при управлении, в составе 4 пеших стражников. По расспросам ревизора выяснилось, что в их обязанности входило: разноска пакетов по городу по указаниям исправника, ночные обходы и поездки нарочными в границах округа с поручениями исправника. К тому же полицейское управление имело в своем распоряжении 3 полицейских служителей, нанимаемых за счет средств городской казны. Один из них – сторож при управлении, другой караулит арестованных в камере предварительного заключения, а третий исполняет поручения полицейского надзирателя города[13].

Далее ревизия обратила внимание на некомплект полицейских надзирателей в городе. Было отмечено, что по штатам в г. Кузнецк положено 2 надзирателя и в таком состоянии они находились до 1881 г. В том же году по распоряжению предыдущего губернатора один из них был откомандирован в распоряжение томского окружного исправника.

[10] ГААК. Ф. 170. Оп.1. Д. 111. Л. 1–1 об.

[11] Там же.

[12] Там же. Л. 2.

[13] Там же. Л. 2–3.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

Отдельного помещения для работы надзиратель не имел, поэтому следственные действия и другие разбирательства по правонарушениям производил в своем доме.

Ревизорами были отмечены неквалифицированные назначения следственных действий. Например, о пропавшем без вести крестьянине Басинове было разъяснено, что следствие по таким делам может быть назначено в тех случаях, когда имеются данные для предположения об убийстве или ином преступлении. При отсутствии таких данных достаточно проводить только розыскные мероприятия.

Другое замечание необоснованного проведения следственных действий было выявлено в связи с делом о пожаре в доме крестьянина Ананьина, т. к. при дознании не было обнаружено поджога, то не следовало возбуждать уголовное дело и проводить следственные мероприятия[14]. Все это свидетельствовало о неквалифицированном составе чиновников полиции.

Важным составляющим элементом в деятельности полиции была противопожарная безопасность. Обследование пожарной части г. Кузнецк показало, что пожарный обоз состоял из 3 пожарных машин (из них 2 большие и 1 малая). На балансе пожарной команды имелось 3 бочки для воды, 20 багров и ухватов, 1 лестница, 2 щита для укрытия от огня и 3 паруса на случай ловли во время пожара выпрыгивающих с высоких строений людей. Пожарный обоз находился в особом теплом помещении, устроенном при том же городском доме, в котором располагалось полицейское управление. Его содержание обеспечивал по согласованию с городской управой мещанин Почекунин. Ему город выплачивал из местных доходов 1000 руб. в год с обязательным условием иметь всегда свободными 8 лошадей и 9 человек пожарных, из которых по 2 человека в сутки дежурят на пожарной вышке (каланче) и наблюдают за городом. Сам же Почекунин состоял в качестве старосты, заменяя на пожарах брандмейстера[15]. Оценка противопожарного состояния в Кузнецке губернской властью была удовлетворительной.

В итоге рассмотрения состояния дел в полицейском управлении было отмечено, что исполняющий обязанности кузнецкого исправника Окороков недостаточно ответственен и предусмотрителен. Не представляет себе обязанности начальника полиции в округе, требующие строгого надзора за всеми подведомственными ему должностными лицами. По этим соображениям Окороков переведен на должность полицмейстера в заштатный город Колывань[16].

Заключение

К 1867 г. на территории Алтайского горного округа произошли преобразования полиции. Горная полиция была ликвидирована. Управление полиции в округах (уездах) и городах объединялось в единое целое. Исключение составлял главный губернский г. Томск и заштатные города, которые находились на территории округов (уездов), но имели отдельное небольшое полицейское управление. Губернатор являлся высшим должностным лицом в губернии, начальником всей местной полиции. Начальник Алтайского горного округа не мог самостоятельно решать вопросы привлечения сил полиции. Для этого ему необходимо было обращаться к томскому губернатору.

При решении кадровых вопросов, связанных с назначением полицейских в горнозаводских селениях, расположенных на территории Кузнецкого, Барнаульского и Бийского округов губернии, томская власть нашла серьезное препятствие в лице кабинетской администрации. Кабинет в решении вопросов назначения полицейских в горнозаводских селениях Алтайского горного округа, а именно Павловского, Сузунского, Салаирского, Локтевского, Колыванского, Риддерского, Змеиногорского и Зыряновского, преследовал цель сохранения контроля над населением этих поселков. В итоге кабинетской администрации удалось добиться обязательного согласования губернатором с начальником заводов назначения чиновников полицейского ведомства в селениях Алтайского горного округа.

Томский губернатор не мог оставаться безучастным к вопросам обеспечения правопорядка на вверенной ему территории. Периодически устраивались проверки с целью выявления и устранения недостатков. Однако это не влияло на общее положение дел в полиции. Требовалась системная реорганизации. Необходимо было освободить полицию от несвойственных ей функций. Такая реформа полиции готовилась в недрах МВД, но ее подготовка растянулась на десятилетия и завершилась подготовкой законопроекта лишь к 1912 г.

Тем не менее материалы ревизий, проводившихся в ходе подготовки к проведению полицейской реформы, позволяют выявить ряд особенностей в деятельности полиции и сформировать общее представление о полиции в стране.

Литература

1. Андреева И. А. Очерки истории органов внутренних дел России. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2000. 158 с.
2. Байкеева С. Е. Реформа полицейских органов во второй половине XIX в. и их влияние на развитие системы кадрового обеспечения полиции // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: тезисы докладов и выступлений

[14] Там же. Л. 19 об.–20.

[15] Там же. Л. 2.

[16] Там же. Л. 4 об.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

на юбилейной науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 сентября 2002 г.) СПб.: Фонд «Университет», 2002. Ч. 1. С. 241–243.
3. Гонюхов С. О., Горобцов В. И. Очерки истории органов внутренних дел России. Красноярск: Изд-во Красноярской высшей школы милиции МВД России, 1998. 52 с.
4. Колядная М. С. Правовые основы реорганизации структурных изменений МВД Российской империи в пореформенный период // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 1. С. 22–27.
5. Красильников С. В., Марусенко В. Н. Полицейская и административная реформа в России XIX в. и ее значение // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: тезисы докладов и выступлений на юбилейной науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 сентября 2002 г.) СПб.: Фонд «Университет», 2002. Ч. 1. С. 195–197.
6. Кудин В. А., Панфилец А. В. Ретроспектива становления и развития полиции в Российском государстве (к 300-летию российской полиции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 12–17.
7. Курицын В. М. Краткий исторический очерк // История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы / под ред. В. М. Курицина. М.: Щит-М, 1998. С. 6–44.
8. Матханова Н. П. Уездный исправник в системе местного управления Российской империи в середине XIX века // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX веков: мат-лы Третьей регион. науч. конф. (Новосибирск, 19–20 ноября 1998 г.) Новосибирск, 1998. С. 44–48.
9. Мушкет И. И. Реформа полиции во второй половине XIX – начале XX в. // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002 гг.) / под ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2001. С. 84–100.
10. Реент Ю. А. Полицейский аппарат Российской империи: этапы развития // Российская полиция: три века служения Отечеству: сб. ст. Юбилейной Междунар. конф. / под ред. В. Л. Кубышко. СПб.: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 40–49.
11. Коновалов И. А. Организация и функции городской полиции в Западной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История становления органов внутренних дел России: взгляд из XXI века / под ред. Л. А. Вишняковой. Барнаул: Изд-во Барнаульского юрид. ин-та МВД России, 2001. С. 119–127.
12. Коновалов И. А. Особенности реорганизации органов общей полиции в Сибири во второй половине XIX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 5. С. 164–171. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.5.22538
13. Коновалов И. А. Особенности окружных органов Министерства внутренних дел в Сибири в XIX в. // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 2. С. 14–20. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).14-20
14. Пономарев П. А. Иррегулярные воинские формирования на службе подразделений внутренней стражи Российской империи в Восточной Сибири (на примере института казачества) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 154–162.
15. Шелепова М. А. Становление полиции Сибири в начале XIX в. // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3. С. 119–121.
16. Ермолаев А. Н. Полиция Кузбасса: наша история – наши судьбы. Кемерово: Красный Квадрат, 2018. 187 с.
17. Афанасьев П. А. Ревизионные посещения кабинетского округа Западной Сибири столичным руководством в XIX – начале XX в.: динамика, эволюция и значение // Кабинетские владения на юге Западной Сибири в исторической динамике XVIII – начала XX века / под ред. П. А. Афанасьева. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 210–229.
18. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997. 253 с.
19. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX в.: в поисках теоретических подходов // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: мат-лы V Всеросс. науч. конф. (Новосибирск, 26–27 ноября 2003 г.) Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 2003. Ч. I. С. 24–33.
20. Соболева Т. Н. Административные преобразования 60–80-х гг. XIX в. на Алтае и их влияние на экономическое развитие кабинетского округа // Кабинетские владения на юге Западной Сибири в исторической динамике XVIII – начала XX века / под ред. П. А. Афанасьева. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 309–321.
21. Съемщиков Е. А. Имперская внутренняя политика в Азиатской России // Сибирский архив. 2019. Т. 2. № 7. С. 1–10.
22. Котович Л. В. Крестьянская община Сибири периода капитализма (80-е гг. XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 18 с.
23. Москвитин Ю. Н., Антропов В. М. Проблемы охраны общественного порядка в городах Алтайского округа Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2. С. 16–21.
24. Соболева Т. Н. Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска) / под ред. В. Б. Бородаева. Барнаул, 1999: Изд. упр. арх. дела администрации Алт. края. С. 233–266.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

25. Москвитин Ю. Н. Организация полицейского управления в горнозаводских селениях Алтайского горного округа во второй половине XIX в. // Кабинетские владения на юге Западной Сибири в исторической динамике XVIII – начала XX века / под ред. П. А. Афанасьева. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 230–242.
26. Брем А. Путешествие по Алтаю [Отрывок из дневника]; пер. с нем. Л. В. Малиновского // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. 15. С. 97–127.
27. Перегудова З. И. Несостоявшаяся реформа полиции (по материалам Комиссии сенатора А. А. Макарова). М.: ГИЦ МВД РФ, 1992. 24 с.

Police Department in the Kuznetsk, Barnaul, and Biysk Districts (Parishes) in the Second Half of the XIX Century

Yuriy N. Moskvitin [a, @]

[a] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Barnaul

[@] moskw@yandex.ru

Received 03.12.2019. Accepted 16.01.2020.

Abstract: The research featured the changes associated with the abolition of serfdom, which affected the law enforcement system of the state and, most of all, the police. In Siberia, police reforms were conducted several years after they had been introduced in the Central European part of the state. While the reforming of the police system of the Tomsk province was inevitable, the process was especially difficult for three parishes (uyezds), namely, Kuznetsky, Barnaul, and Biysk. The problem was that on these territories there were eight mining areas, or volosts: two in Barnaul (Pavlovsk and Suzun), one in the Kuznetsk (Salair), and five in Biysk (Loktev, Kolyvansk, Riddersk, Zmeinogorsk, and Zyryanovsk). The abolishment of the mining police in the mining volosts predetermined some specifics of the local police forces. In the newly emerging conditions of interaction between the authorities of the Altai mining district and Tomsk, contradictions often arose on the issues of appointment to the posts of police officials in mining villages. Each institution wanted to gain control over the population of the volosts. When municipal and district (uyezd) police had to merge together under the command of the uniform police officer, this process was also extremely painful. In the post-reform period, the tsarist government sought to adapt existing rules to new conditions. As a result, provincial audits became one of the forms of control over the activities of police officers. However, the autocracy failed to start a comprehensive reform of the police in order to relieve the burden of extrinsic functions.

Keywords: official, police, police officer, Tomsk province, Altai mining district, mining villages

For citation: Moskvitin Yu. N. Police Department in the Kuznetsk, Barnaul, and Biysk Districts (Parishes) in the Second Half of the XIX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 48–57. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

References

1. Andreeva I. A. *Essays on the history of the institutions of Internal Affairs in Russia.* Omsk: Izd-vo Omskoi akademii MVD Rossii, 2000, 158. (In Russ.)
2. Baikeeva S. E. Reform of police forces in the second half of the XIX century and their effect on the development of the system of personnel support of the police. *Ministry of Internal Affairs of Russia – 200 years: history and development prospects:* Proc. anniversary Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, September 20–21, 2002. St. Petersburg: Fond "Universitet", 2002, pt. 1, 241–243. (In Russ.)
3. Goniukhov S. A., Gorobtsov V. I. *Essays on the history of the institutions of Internal Affairs in Russia.* Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoiarskoi vysshei shkoly militsii MVD Rossii, 1998, 52. (In Russ.)
4. Kolyadnaya M. S. The legal basis of reorganization of structural changes of the MIA of the Russian Empire in the post-reform period. *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 2019, (1): 22–27. (In Russ.)
5. Krasilnikov S. V., Marusenko V. N. Police and administrative reform in Russia of the XIX century and its significance. *Ministry of Internal Affairs of Russia – 200 years: history and development prospects*: Proc. anniversary Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, September 20–21, 2002. St. Petersburg: Fond "Universitet", 2002, pt. 1, 195–197. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-48-57

6. Kudin V. A., Panfilets V. A. Retrospective review of establishment and development of the police in the Russian state (for the 300th anniversary of the Russian police). *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, (1): 12–17. (In Russ.)
7. Kuritsyn V. M. A brief historical outline. History of Russian police. *A brief historical essay and basic documents,* ed. Kuritsyn V. M. Moscow: Shchit-M, 1998, 6–44. (In Russ.)
8. Matkhanova N. P. County lawman in the local government system of the Russian Empire in the mid XIX century. *Problems of history of local government of Siberia in the late XVI – early XX centuries*: Proc. Third Regional Sci. Conf., Novosibirsk, November 19–20, 1998. Novosibirsk, 1998, 44–48. (In Russ.)
9. Mushket I. I. Police reform in the second half of the XIX – early XX century. *Ministry of Internal Affairs: pages of history (1802–2002)*, ed. Salnikov V. P. St. Petersburg: Fond "Universitet", 2001, 84–100. (In Russ.)
10. Reent Yu. A. Police apparatus of the Russian Empire: stages of development. *Russian police: three centuries of service to the Fatherland*: Proc. Jubilee Intern. Conf., ed. Kubyshko V. L. St. Petersburg: Akademiia upravleniia MVD Rossii, 2019, pt. 1, 40–49. (In Russ.)
11. Konovalov I. A. The Organization and functions of the city police in Western Siberia in the late XVIII – first half of the XIX centuries. *History of the formation of Internal Affairs in Russia: a look from the XXI century*, ed. Vishniakova L. A. Barnaul: Izd-vo Barnaulskogo iurid. in-ta MVD Rossii, 2001, 119–127. (In Russ.)
12. Konovalov I. A. The features of the General police reorganization in Siberia during the second half of the XIX century. *History magazine – researches*, 2017, (5): 164–171. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0609.2017.5.22538
13. Konovalov I. A. Features of the district bodies of the Ministry of internal affairs in Siberia in the XIX century. *Pravoprimenenie*, 2019, 3(2): 14–20. (In Russ.) DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).14-20
14. Ponomarev P. A. Irregular military units in the service in the units of the internal guard of the Russian Empire in Eastern Siberia (on the example of the Cossacks Institute). *News of the Tula state university. Economic and legal sciences*, 2018, (4-2): 154–162. (In Russ.)
15. Shelepova M. A. Formation of the Siberian police in the early XIX century. *Legal order: history, theory, practice*, 2019, (3):119–121. (In Russ.)
16. Ermolaev A. N. *Kuzbass police: our history – our destinies.* Kemerovo: Krasnyi Kvadrat, 2018, 187. (In Russ.)
17. Afanasyev P. A. Revision visits of the cabinet district of Western Siberia by the capital's leadership in the XIX – early XX century: dynamics, evolution, and significance. *Cabinet possessions in the South of Western Siberia in the historical dynamics of the XVIII – early XX century*, ed. Afanasyev P. A. Barnaul: AltGPU, 2018, 210–229. (In Russ.)
18. Remnev A. V. *Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX – early XX century.* Omsk: Izd-vo Omskogo un-ta, 1997, 253. (In Russ.)
19. Remnev A. V. Siberia in the Imperial geography of power of the XIX – early XX century: in search of theoretical approaches. *Problems of the history of local government of Siberia of the XVI–XXI century:* Proc. V All-Russian Sci. Conf., Novosibirsk, November 26–27, 2003. Novosibirsk: Izd-vo NGAEiU, 2003, pt. I, 24–33. (In Russ.)
20. Soboleva T. N. Administrative transformations of the 60–80s of the XIX century in Altai and their effect on the economic development of the cabinet district. *Cabinet possessions in the South of Western Siberia in the historical dynamics of the XVIII – early XX century,* ed. Afanasyev P. A. Barnaul: AltGPU, 2018, 309–321. (In Russ.)
21. Syemshchikov E. A. Imperial state home policy in Asian Russia. *Sibirskii arkhiv*, 2019, 2(7): 1–10. (In Russ.)
22. Kotovich L. V. *Ehe Peasant community of Siberia during capitalism (1880's – 1917).* Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1990, 18. (In Russ.)
23. Moskvitin Yu. N., Antropov V. M. Problems of protection of public order in the Altai district cities of the Tomsk guberniya in the second half of the XIX – early XX century. *Altai Law journal*, 2016, (2): 16–21. (In Russ.)
24. Soboleva T. N. Management of the Altai (mining) district and Zmeinogorsk Krai in 1861–1917. *Silver crown of Russia (Essays on the history of Zmeinogorsk)*, ed. Borodaev V. B. Barnaul: Izd. upr. arkh. dela administratsii Alt. kraia, 1999, 233–266. (In Russ.)
25. Moskvitin Yu. N. Organization of the police Department in the mining villages of the Altai mountain district in the second half of the XIX century. *Cabinet possessions in the South of Western Siberia in the historical dynamics of the XVIII – early XX century*, ed. Afanasyev P. A. Barnaul: AltGPU, 2018, 230–242. (In Russ.)
26. Brehm A. Journey to Altai. An diary excerpt, tr. Malinowsky L. V. *Altai collection.* Barnaul, 1992, iss.15, 97–127. (In Russ.)
27. Peregudova Z. I. *The failed reform of the police (based on the materials of the Commission of Senator A. A. Makarov).* Moscow: GITs MVD RF, 1992, 24. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

оригинальная статья
УДК 903.2

Подъемный материал со стоянки Урочище Кушек-4 на юге Тургайского прогиба

Елена В. Подзюбан [a, @]

[a] Костанайский государственный историко-краеведческий музей, Казахстан, г. Костанай
[@] podzuban@mail.ru

Поступила в редакцию 13.01.2020. Принята к печати 11.02.2020.

Аннотация: В научный оборот вводится коллекция находок материальной культуры доисторического периода, полученная на стоянке Урочище Кушек-4 в ходе разведывательных мероприятий, проведенных по правому берегу реки Улы-Жыланшик в 2006 г. на юге Тургайского прогиба. Собранный с поверхности инвентарь (преимущественно каменный) был исследован с помощью технико-типологического анализа, что позволило установить временные границы этой стоянки. Основными параметрами технико-типологического анализа являются продукты первичного расщепления, морфологические параметры пластин, размеры пластин и орудий на пластинах, процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов, приемы вторичной обработки, типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывается характер используемого сырья. Установлено, что каменные изделия со стоянки Урочище Кушек-4 по всем технико-типологическим показателям соответствуют второй группе памятников Тургайского прогиба, для которой характерно доминирующее присутствие неолитического материала. Основной комплекс каменного инвентаря этой стоянки однороден и связан с эпохой неолита. Временной диапазон собранной с поверхности коллекции каменного инвентаря на представленной стоянке предположительно определяется периодом от финала мезолита до позднего неолита.

Ключевые слова: технико-типологический анализ, первичное расщепление, технические отходы, каменная индустрия, нуклеус, пластина, отщеп, геометрические орудия, сырье

Для цитирования: Подзюбан Е. В. Подъемный материал со стоянки Урочище Кушек-4 на юге Тургайского прогиба // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 58–66. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

Введение

В 2006 г. при проведении разведывательных работ по правому берегу р. Улы-Жыланшик к северо-западу от с. Рахмет, в сторону песков Аккум (Амангельдинский район, Костанайская область), было выявлено шесть памятников (стоянки Урочище Кушек-1–6)[1]. На всех выявленных памятниках культурный слой был разрушен и артефакты частично находились в состоянии *in situ*. Археологические исследования проводились на базе и при участии сотрудников Костанайского историко-краеведческого музея.

Цели публикации – ввести в научный оборот новые коллекции находок материальной культуры доисторического периода, полученные на стоянке Урочище Кушек-4; с помощью технико-типологического анализа каменного инвентаря установить временные границы этого археологического памятника.

Стоянка Урочище Кушек-4 расположена на правом берегу р. Улы-Жыланшик, в 20 км к северо-западу от с. Рахмет, на высоте 4 м от современного уреза воды в реке (рис. 1). В 0,5 км севернее памятника проходит грунтовая дорога, которая проложена вдоль основного русла р. Улы-Жыланшик и ведет к с. Рахмет. Территория распространения находок составляла 1200 м^2. Культурный слой памятника был сильно разрушен, обнаруженные предметы, представленные в основном каменными изделиями, находились на поверхности. Полученная на стоянке Урочище Кушек-4 коллекция состояла из каменных изделий (224 экз.) и мелких неорнаментированных стенок сосудов (8 фрагментов), которые не поддаются определению.

Технико-типологический анализ каменного инвентаря на памятнике проводился с учетом следующих показателей: продукты первичного расщепления; морфологические параметры пластин (типы площадок, типы дистальных частей, формы медиальных частей); размеры пластин и орудий на пластинах (основное внимание уделяется ширине заготовки); процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов; признаки, отражающие приемы вторичной обработки; типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывался характер используемого сырья.

[1] Подзюбан Е. В. Новые памятники, обнаруженные в результате проведения разведывательных работ по р. Улы-Жыланшик // Отчет о полевых исследованиях за 2005–2006 гг. Костанай: Архив Костанайского областного историко-краеведческого музея, 2007. С. 20–29.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

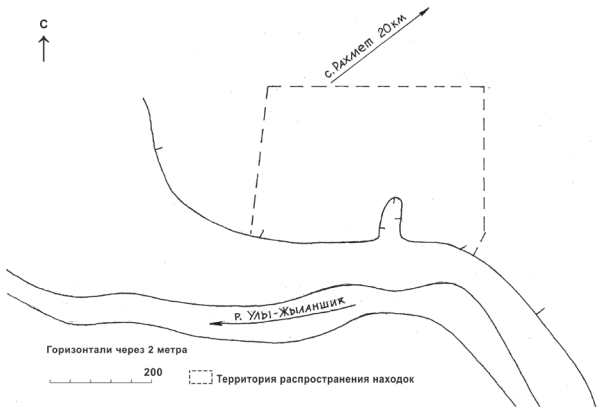

Рис. 1. Ситуационный план. Памятник Урочище Кушек-4
Fig. 1. Layout plan of the Kushek-4 site

Результаты

Для изготовления каменного инвентаря обитатели стоянки Урочище Кушек-4 преимущественно использовали кварцитопесчаник и кварцит (72 %). Встречаются изделия из мелкозернистого песчаника (10 %), халцедонолита (3,6 %), фтанита (1,3 %), кремнистого алевролита (0,9 %) и других пород. Покрытые патиной каменные изделия составляют (4,5 %).

В собранной коллекции каменного инвентаря выявлены **отходы производства** (12 % каменных изделий), которые представлены отщепами, сохранившими полностью (2 экз.) или частично (2 экз.) желвачную корку, и обломками сырья (22 экз.). Отщепы-отходы по наибольшему диаметру распределяются в пределах от 11 до 30 мм (рис. 2, *6, 7*). Среди обломков сырья преобладают экземпляры диаметром от 11 до 20 мм – 14 экз; также присутствуют предметы диаметром до 10 мм – 3 экз.; от 21 до 30 мм – 4 экз.; от 41 до 50 мм – 1 экз. Все обломки сырья получены в процессе расщепления кварцитопесчаника серого и красного цветов. Желвачная корка у них отсутствует.

Кроме того, в рассматриваемой коллекции каменного инвентаря присутствуют **технические сколы, или продукты «омоложения» нуклеуса** (2,7 % каменных изделий). Это ребристые пластины (2 экз.), ударные площадки или «таблетки» (1 экз.), вертикальные, или продольные, сколы (2 экз.), горизонтальные, или поперечные, сколы (1 экз.). Ребристые пластины представлены дистальными (1 экз.) и проксимальными (1 экз.) частями. Длина ребристых пластин 21 мм и 33 мм, ширина 8 мм и 10 мм соответственно, толщина 4 мм и 6 мм (рис. 2, *1, 2*).

Обнаружена сколотая ударная площадка подовальной формы, ее размеры 40×30×18 мм. Эта ударная площадка, полученная в результате «оживления» нуклеуса, несет небольшой «захваченный» участок фронта, который занимал примерно ½ периметра нуклеуса. Боковой край, прилегающий к частично «захваченному» фронту, намеренно подработан двусторонней краевой ретушью. Сохранившиеся на поверхности фронта негативы от снятия пластин имеют ширину от 8 до 12 мм (рис. 2, *5*).

Размеры одного вертикального скола 14×8×5 мм, второго – 24×14×6 мм. На поверхности первого вертикального скола, несущего незначительную часть ударной площадки, фиксируются негативы от снятия пластин шириной 4–8 мм (рис. 2, *4*). Второй вертикальный скол снят с контрфронта нуклеуса с частью «захваченной» ударной площадки.

Горизонтальные, или поперечные, сколы не содержат на поверхности ударной площадки. Они возникали в ходе «оживления» нуклеуса, когда удар наносился от боковой стороны нуклеуса поперек основного направления негативов сколов. Выявленный в коллекции каменного инвентаря горизонтальный скол содержит на поверхности часть фронта с негативами от снятия пластин шириной от 4 до 7 мм (рис. 2, *3*).

В коллекции каменного инвентаря присутствуют **вторичные заготовки**, к которым отнесены пластины без вторичной обработки (39 экз.), отщепы без вторичной обработки (116 экз.) и пластинчатые отщепы (3 экз.). Пластины без вторичной обработки составляют 25 % от общего количества каменного инвентаря. Они представлены только сломанными экземплярами. Среди них доминируют медиальные части – 21 экз. (рис. 2, *14–16*), чуть меньше проксимальных частей – 11 экз. (рис. 2, *8–10*) и дистальных – 7 экз. (рис. 2, *11–13*). Ширина всех пластин без вторичной обработки распределяется от 5 до 16 мм. С опорой на методику Г. Ф. Коробковой пластины без вторичной обработки были разделены на четыре группы: до 6,9 мм (2 экз.); от 7,0 до 10 мм (13 экз.); от 11 до 15 мм (21 экз.); от 16 до 25 мм (3 экз.) [1, с. 9]. Толщина пластин без вторичной обработки колеблется от 1 до 5 мм, при этом пластин-заготовок толщиной от 2 до 4 мм – 87 %.

Среди пластин без вторичной обработки преобладают экземпляры с треугольным (19 экз.) и трапециевидным (18 экз.) сечением. На линзовидное и многогранное сечение приходится по 1 экз. Доминируют пластины без вторичной обработки с прямым профилем (32 экз.), пластин с изогнутым профилем только 7. Среди медиальных частей пластин представлены прямоугольные (7 экз.), трапециевидные (9 экз.) и квадратные (5 экз.) формы. Проксимальные части пластин-заготовок преимущественно встречаются с точечными (4 экз.), линейными (3 экз.), естественными (3 экз.) и гладкими (1 экз.) площадками. Дистальные части имеют все типы окончания: ныряющий (2 экз.), ступенчатый (3 экз.), петлеобразный (1 экз.) и перообразный (2 экз.). По мнению специалиста в области экспериментальной археологии, «причиной возникновения ступенчатого и петлеобразного окончаний принято считать слишком сильную нагрузку "на отрыв" в момент скалывания. Она приводит к сильному изгибу уже отделившейся части скола, превышающему его пластические возможности, в результате чего скол ломается, образуя либо ступеньку, либо излом. < … > Условием формирования перообразного окончания

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

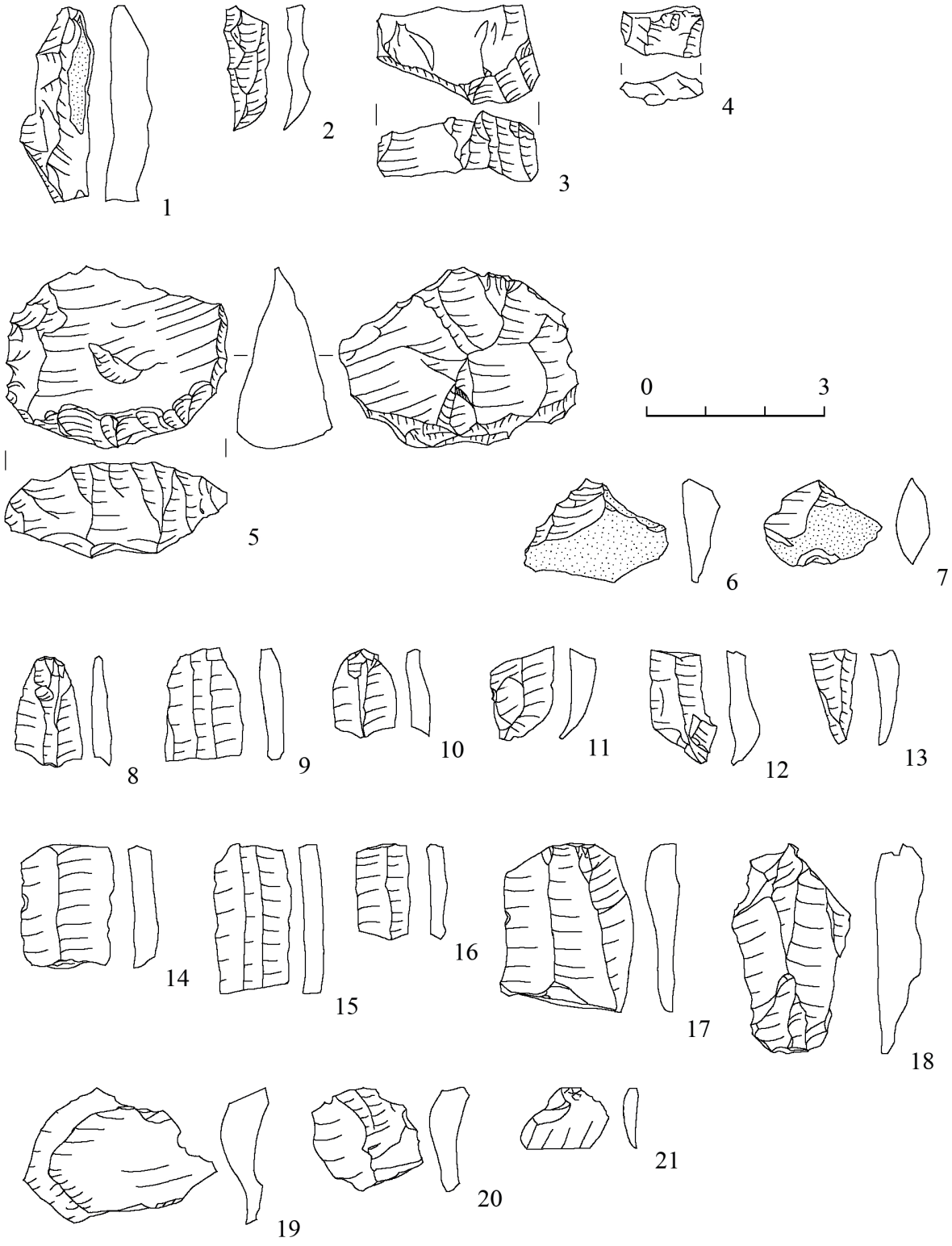

Рис. 2. Каменные изделия со стоянки Урочище Кушек-4. Технические сколы: ребристые пластины – 1, 2; горизонтальный скол – 3; вертикальный скол – 4; скол с ударной площадкой – 5. Отщепы-отходы – 6, 7. Пластины-заготовки: проксимальные части – 8–10; дистальные части – 11–13; медиальные части – 14–16. Пластинчатые отщепы – 17, 18. Отщепы-заготовки – 19–21
Fig. 2. Stone artifacts from the Kushek-4 site. Technical chips: ribbed plates – 1, 2; horizontal flake – 3; vertical flake – 4; chip strike pad – 5. Waste flakes – 6, 7. Plate ingots: proximal parts – 8–10; distal parts – 11–13; medial parts – 14–16. Plate flakes – 17, 18. Flake ingots – 19–21

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

признаются оптимальные пропорции нагрузки "на сжатие" и "на отрыв" при регулярной поверхности скалывания» [2, с. 44–45]. При ныряющем варианте скол доходит до нижнего конца нуклеуса, но отщепление не заканчивается, а продолжается, захватывая часть основания нуклеуса [3, с. 32]. Большинство пластин-заготовок – с параллельными краями (97 %), другие изделия имеют конвергентные края (3 %).

Отщепов без вторичной обработки насчитывается 73 % от общего количества каменных изделий. Преобладают отщепы-заготовки с наибольшим диаметром от 11 до 20 мм (76 экз.). Остальные отщепы без вторичной обработки по наибольшему диаметру распределяются следующим образом: до 10 мм – 20 экз., от 21 до 30 мм – 16 экз., от 31 до 40 мм – 3 экз., от 51 до 60 мм – 1 экз. (рис. 2, *19–21*).

Пластинчатые отщепы составляют 1,8 % от общего количества каменных изделий. Они распределяются по наибольшему диаметру так: от 21 до 30 мм – 2 экз., от 31 до 40 мм – 1 экз. (рис. 2, *17, 18*).

Орудийный набор. Коллекция орудий на памятнике Урочище Кушек-4 состоит из 34 экз. (14,3 % каменных изделий). Среди них выделены орудия из пластин (16 экз.), орудия из отщепов (14 экз.), орудия из пластинчатых отщепов (2 экз.) и прочие орудия (2 экз.). При их изготовлении использовались такие техники вторичной обработки, как ретуширование (74,6 %), резцовый скол (8,8 %), шлифование (5,8 %), оббивка (8,8 %). Самым распространенным приемом вторичной обработки является ретуширование. Данным способом изготовлена большая часть типов орудий как на пластинах, так и на отщепах. Классификация ретуши производилась по следующим признакам: расположение на плоскостях орудия (*дорсальная, вентральная, бифасиальная, чередующаяся*); степень покрытия ретушью поверхностей орудия (*покрывающая* – распространяющаяся на всю плоскость изделия, *распространенная* – занимает более трети ширины орудия, *захватывающая* – занимает менее трети ширины орудия, *краевая*) [4, с. 107–108]; наклон ретуши (*стелющаяся* – нанесена под углом до 10°, *плоская* – от 10° до 30°, полукрутая – от 30° до 60°, *крутая* – от 60° до 90°, *вертикальная* – 90°); соотношение размеров фасеток (*равнофасеточная* и *разнофасеточная*; *протяженная* и *прерывистая*) [5, с. 150–153].

Большая часть орудий из пластин оформлена краевой ретушью – 13 экз. (81 %). Ретушь с дорсала имеют 7 экз., с вентрала – 4 экз, попеременная отмечена на 2 экз. Все орудия изготовлены из пластин с равнофасеточной ретушью, на 10 из них прослеживается протяженная ретушь (77 %). Из преобладающих видов ретуши у орудий из пластин отмечены вертикальная (6 экз.) и комбинированная (3 экз.), единично представлены орудия с плоской (2 экз.), крутой (1 экз.) и полукрутой (1 экз.) ретушью.

Для изготовления орудий из пластин преимущественно использовались медиальные части – 11 экз. (68,7 %), реже – дистальные – 3 экз. (18,7%) и проксимальные – 2 экз. (12,5 %). Подавляющее число орудий изготовлено из пластин с прямым профилем – 15 экз. (94 %), соответственно, с изогнутым – 1 экз. (6 %). По ширине орудия из пластин распределяются следующим образом: от 7 до 10 мм – 10 экз. (62,5 %), от 11 до 15 мм – 6 экз. (37,5 %).

Орудия из отщепов содержат преимущественно краевую ретушь с дорсала, протяженную и равнофасеточную – 12 экз. (86 %). Из всех видов ретуши среди орудий из отщепов превалируют крутая (6 экз.) и плоская (3 экз.). У орудий из пластинчатых отщепов (2 экз.) отмечена крутая ретушь с дорсала, протяженная и равнофасеточная.

Геометрические орудия (2 экз.) представлены параллелограммом и асимметричной трапецией. Орудия изготовлены из кварцитопесчаника. Длина параллелограмма – 71 мм, ширина – 13 мм. Вертикальной ретушью с дорсала у параллелограмма оформлены оба торца. Один торец скошен под углом 45°, второй торец – незначительно. С вентрала полукрутой ретушью оформлен по всей длине один боковой край, а у незначительно скошенного торца отмечена подтеска (рис. 3, *6*). Асимметричная трапеция низкая. Отношение длины нижнего основания к высоте 1,7. Торцы с дорсала обработаны вертикальной ретушью. На нижнем основании с вентрала отмечены следы сработанности по всей длине (рис. 3, *4*).

Скребки (10 экз.): орудий из отщепов – 8 экз., из них с одним лезвием – 4 экз. (рис. 3, *14, 15*), с участком скребковой ретуши – 1 экз.; обломок скребка и обломки скребковых лезвий – 3 экз.; скребки из пластинчатых отщепов с ровным лезвием – 2 экз., из них один с прямым лезвием (рис. 3, *16*), второй – с выпуклым.

Пластины с ретушью на торце (2 экз.) изготовлены из медиальных частей. Одна пластина с прямообработанным торцом. Торец этой пластины оформлен крутой ретушью, а боковые края с вентрала – плоской ретушью (рис. 3, *9*). Вторая пластина имеет скошенный торец. Угол скоса незначительный. Торец и боковой край с дорсала обработаны вертикальной ретушью (рис. 3, *8*).

Пластина с ретушью на естественном конце (1 экз.) изготовлена из дистальной части пластины. Участок вертикальной ретуши прослеживается на дистале пластины (рис. 3, *7*).

Пластины с ретушью по боковым краям (5 экз.) изготовлены из медиальных (4 экз.) и проксимальных (1 экз.) частей. У одной пластины прослеживается небольшой участок крутой ретуши по боковому краю с дорсала (рис. 3, *11*). Две пластины ретушированы по одному боковому краю с вентрала (рис. 3, *12*), и две пластины оформлены ретушью по двум боковым краям с вентрала (рис. 3, *13*).

Резцы угловые (3 экз.) изготовлены из медиальных (2 экз.) и проксимальной (1 экз.) частей. Два орудия имеют по одному резцовому сколу (рис. 3, *5*). Один резец с двумя сколами по одному боковому краю у противоположных поперечных изломов (рис. 3, *3*).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

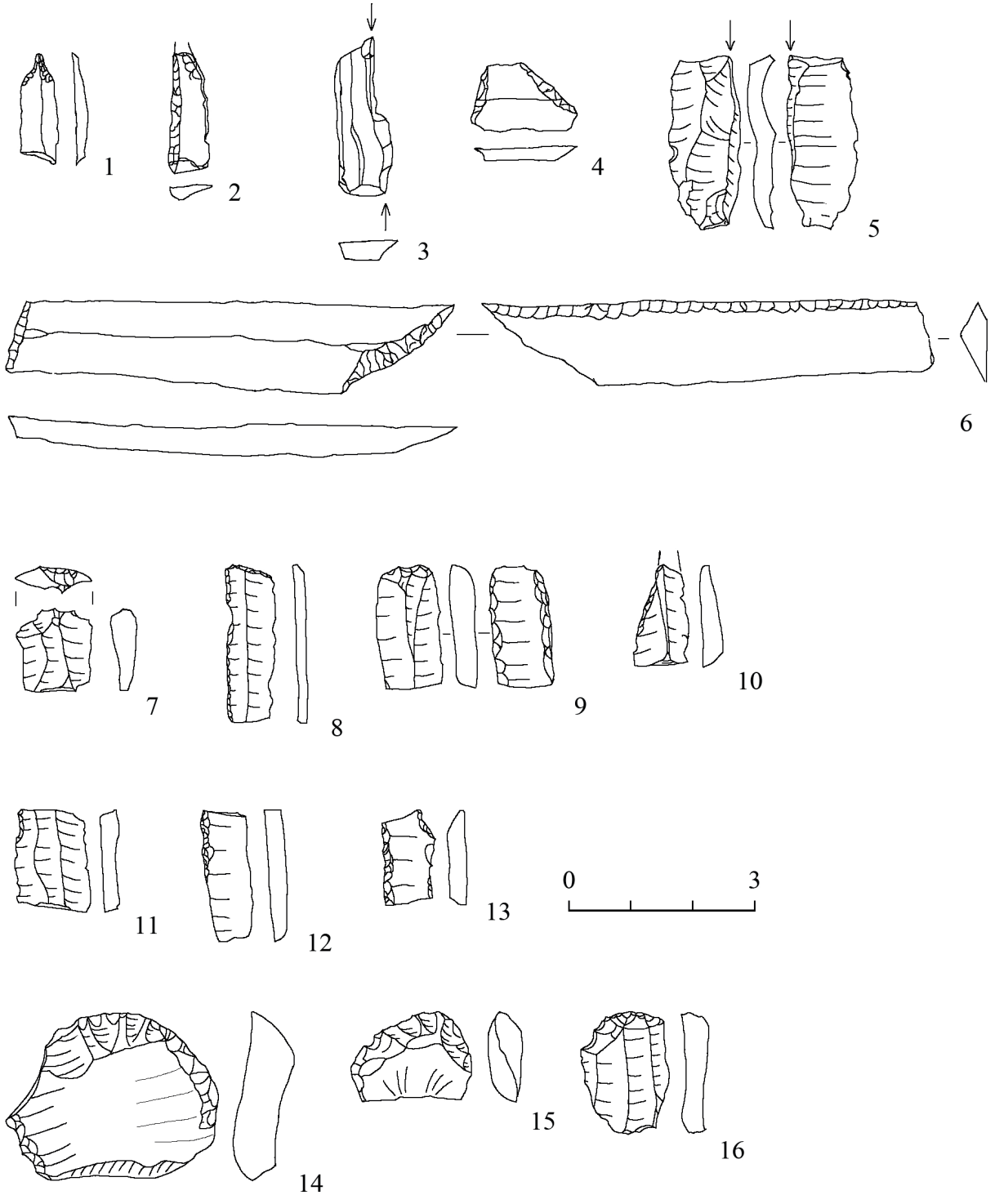

Рис. 3. Каменные изделия со стоянки Урочище Кушек-4. Острия – 1, 10; резцы – 3, 5; асимметричная трапеция – 4; параллелограмм – 6; пластина с ретушью на естественном конце – 7; пластины с ретушью на торце – 8, 9; комбинированное орудие – 2; пластины с ретушью по боковым краям – 11–13; скребки – 14–16

Fig. 3. Stone artifacts from the Kushek-4 site. Spearhead – 1, 10; incisors – 3, 5; asymmetric trapezoid – 4; parallelogram – 6; retouched plate on the natural end – 7; plate flaked on one edge – 8, 9; combined tool – 2; plate flaked on the side edges – 11–13; scrapers – 14–16

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

Острия (2 экз.) изготовлены из медиальных частей пластины. У одной пластины боковой край модифицирован вертикальной ретушью с дорсала. Рабочая часть сохранилась частично (рис. 3, *10*). Второе орудие представляет собой плечиковое микроострие. Само жальце и плечики оформлены вертикальной ретушью с дорсала. Орудие могло использоваться как проколка. На боковых краях и торце отмечены следы утилизации (рис. 3, *1*).

Комбинированное орудие изготовлено из дистальной части пластины. Один боковой край с дорсала притуплен вертикальной ретушью. Одновременно это орудие использовалось как острие. Кончик жальца обломан, но второй боковой край у места излома оформлен вертикальной ретушью с дорсала (рис. 3, *2*).

Категория **двусторонне обработанных орудий** насчитывает 2 экз. Это наконечники стрел, которые представлены обломками срединной и перьевой частей.

Индивидуальное орудие (1 экз.) выполнено из обломка кварцитопесчаника. Боковые края у него обработаны двусторонней краевой ретушью. Поверхность одной стороны обломка оформлена сколами. Предположительно данное изделие использовалось как клинышек.

Отщепов с участком ретуши найдено 3 экз. К прочим орудиям отнесены скол со шлифованного орудия и обломок абразива. Обе поверхности абразива сильно заглажены.

Подведем итоги технико-типологического анализа каменной индустрии, полученной на стоянке Урочище Кушек-4, опираясь на отмеченные ранее показатели и сопоставляя с памятниками Тургайского прогиба и сопредельных территорий.

Каменный инвентарь на стоянке преимущественно изготавливался из кварцитов и кварцитопесчаников, халцедонолитов, фтанитов, кремнистых алевролитов. На эталонных памятниках маханджарской культуры (Соленое Озеро-2, Екидин-24) каменные изделия из кварцитов и кварцитопесчаников составляют более 90 %. Доля каменных изделий из этого сырья на стоянке Урочище Кушек-4 чуть меньше (72 %), чем на эталонных памятниках маханджарской культуры, но вполне согласуется с памятниками второй группы первой половины голоцена Тургайского прогиба [6, с. 18, 22].

В собранной с поверхности коллекции каменных изделий рассматриваемой стоянки отсутствуют нуклеусы и их обломки. Однако, судя по выявленным отходам производства и техническим сколам, не исключено, что первичное расщепление человеком осуществлялось на самой стоянке.

Основными продуктами расщепления нуклеусов на этой стоянке были пластины-заготовки (25 %) и отщепы-заготовки (73 %). Среди пластин без вторичной обработки преобладают экземпляры с треугольным (49 %) и трапециевидным (46 %) сечением. Все пластины без вторичной обработки сломаны, среди них преобладают медиальные (54 %) и проксимальные части (28 %). Это свидетельствует о том, что человек на стоянке использовал вкладышевую технику. Проксимальные части пластин-заготовок представлены площадками точечного и линейного типов, единично встречены пластины с естественными и гладкими площадками. Все формы окончаний отмечены на дистальных частях. Среди медиальных частей пластин существенно преобладают прямоугольные (33 %) и трапециевидные (43 %). Анализ пластин без вторичной обработки и орудий из них показал, что подавляющее их большинство – с параллельными краями.

Как было сказано выше, ширина пластин без вторичной обработки распределяется от 5 до 16 мм. Преобладают пластины шириной от 7 до 10 мм (33 %) и от 11 до 15 мм (54 %). Пластины-заготовки шириной до 10 мм составляют 5 %, от 16 до 25 мм – 7,6 %. Превалируют пластины толщиной от 2 до 4 мм, их доля составляет 87 %. На орудия из пластин шириной от 7 до 10 мм приходится 62,5 %.

Параметры пластин без вторичной обработки и орудий из них на стоянке Урочище Кушек-4 укладываются в аналогичные показатели, характерные как для Соленого Озера-2 [7, с. 151], так и для второй группы памятников первой половины голоцена на территории Тургайского прогиба [6, с. 18]. Среди отщепов без вторичной обработки, судя по наибольшему диаметру, устойчивой заготовкой являлись отщепы от 11 до 20 мм, которые составляют 66 %. Таким образом, на данном памятнике рассмотренные приемы первичного расщепления и сопровождающие отходы свидетельствуют о сложившейся и устоявшейся пластинчатой индустрии.

Среди приемов вторичной обработки, которые использовал человек в древности на стоянке Урочище Кушек-4, применялись ретуширование, техника резцового скола или их комбинация, техника шлифования и оббивки. Край пластины или отщепа намеренно отделывался, чаще всего краевой ретушью с дорсала. По характеру ретушь преимущественно прослеживается равнофасеточная, протяженная, крутая или вертикальная.

В перечне орудийного набора стоянки присутствуют изделия, которые выступают маркерами для уточнения времени обитания человека на памятнике. К ним относятся: параллелограмм, асимметричная трапеция, скребки на отщепах, двусторонне обработанные орудия и шлифованные изделия.

Представленный в рассматриваемой коллекции каменных изделий параллелограмм находит ближайшее сходство в комплексах второй группы памятников Тургайского прогиба (Соленое Озеро-2, Мазар, Дузбай-3-1980, Бестамак-1). Аналогичные изделия геометрической формы встречаются на мезолитических стоянках Убаган V, Тельмана IXа лесостепного региона Тоболо-Иртышского междуречья [8, с. 113, 121]. Они найдены на стоянках Путиловская Заимка в лесостепной зоне Южного Зауралья, которые датируются поздним неолитом, и в материалах раннего и развитого неолита Кызылкумов [9, с. 100; 10, с. 67, 83]. Кызылкумские геометрические изделия в форме четырехугольников представлены сериями на памятниках развитого

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

неолита (стоянка Толстова) и встречены единично в коллекциях памятников дарьясайского этапа (Учащи-131).

Асимметричные трапеции встречаются как в мезолитических материалах (Евгеньевка-1 и Туз-1), так и в смешанных комплексах второй группы памятников (Кара-Мурза-6, Дузбай-1, Дузбай-3, Дузбай-9, Бестамак-4) Тургайского прогиба, которые представлены в коллекциях единичными изделиями. На мезолитических стоянках (Андреевка III, Чебаркуль XVII) Южного Зауралья единично фиксируются асимметричные трапеции [9, с. 62, 63, 66]. На ранненеолитических памятниках дарьясайского этапа Кызылкумов (Учащи-131) также известны асимметричные трапеции [10, с. 120]. Они встречаются в слоях VI–VI, Va пещеры Джебел [11, с. 143, 144, 157, 158, 173, 174], которые датируются финалом мезолита – ранним неолитом.

В собранной с поверхности коллекции каменных изделий со стоянки Урочище Кушек-4 представлены скребки на отщепах, двусторонне обработанные орудия, обломки шлифованных изделий. Эти орудия характерны для второй группы памятников Тургайского прогиба [6, с. 22]. В орудийном наборе эталонных неолитических памятников рассматриваемого региона доля этих орудий невелика и представлена обломками. Наиболее широко эти орудия известны в коллекциях памятников Кара-Мурза-6, Бестамак.

Двусторонне обработанные орудия, скребки на отщепах и прочие изделия из камня встречаются в ранненеолитических комплексах Южного Зауралья (Карабалыкты V, Карабалыкты VIIIa, Ташбулатово I) и на ранненеолитическом этапе атбасарской культуры (Тельмана I, X, XIV; Виноградовка II, XIV). Эти орудия существуют на протяжении всего неолита [8; 12, с. 47–56; 13; 14]. В Кызылкумах двусторонне обработанные орудия единично представлены на памятнике развитого неолита Джанбас-4, а на поздненеолитических стоянках они встречаются сериями [10, с. 131]. В пещере Джебел двусторонне обработанные орудия отмечены единично, начиная со слоя VI, а со слоя IV они представлены устойчивыми сериями [11, с. 81–178]. Шлифованные орудия в небольшом количестве обнаружены в неолитических комплексах лесной зоны Южного Зауралья (Чебаркуль II, Ха, Хб, Березки VIII [9, с. 112; 15, с. 148]), в неолитических комплексах лесной зоны Тоболо-Ишимья (полуденковская и кокуйская культуры [16, с. 24–27]), в материалах развитого неолита Среднеазиатского междуречья (Толстова, Джингельды-11 [10, с. 85, 89]). Исходя из проведенных сопоставлений, бытование представленных скребков на отщепах, двусторонне обработанных орудий, обломков шлифованных изделий в коллекции стоянки Урочище Кушек-4 укладывается в хронологические пределы от раннего до позднего неолита.

Заключение

Каменные изделия со стоянки Урочище Кушек-4 по всем технико-типологическим показателям соответствуют второй группе памятников Тургайского прогиба, для которой характерно доминирующее присутствие неолитического материала. Мелкие неорнаментированные стенки сосудов неинформативны, поэтому в вопросе определения датировки рассматриваемой коллекции малозначимы. Возможно, фрагменты керамики были оставлены человеком в эпоху металла. Основной комплекс каменного инвентаря этой стоянки, по нашему мнению, однороден и связан с эпохой неолита. В пользу этого свидетельствует высокоразвитая пластинчатая индустрия, параметры вторичных заготовок, прежде всего пластин, приемы вторичной обработки и типологический набор орудий. Исключением следует считать геометрические орудия в орудийном наборе, которые позволяют расширить нижнюю границу до финала мезолита.

Литература

1. Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии) // Советская археология. 1975. № 3. С. 8–27.
2. Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1997. Ч. 2. 198 с.
3. Уиттакер Дж. Ч., Алаев С. Н., Алаева Т. В. Расщепление камня: технология, функция, эксперимент. Иркутск: Оттиск, 2004. 310 с.
4. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 288 с.
5. Васильев С. А. К методике изучения элементов вторичной обработки каменных орудий // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии / отв. ред. С. В. Маркин, С. А. Гладышев. Новосибирск, 1986. С. 147–161.
6. Подзюбан Е. В. Каменные индустрии мезолитических и неолитических комплексов Кустанайского Притоболья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 30 с.
7. Логвин В. Н. Стоянка маханджарской культуры Соленое Озеро 2 // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1982. С. 148–159.
8. Зайберт В. Ф., Потёмкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // Советская археология. 1981. № 3. С. 107–129.
9. Мосин В. С., Григорьев С. А., Таиров А. Д., Боталов С. Г. Древняя история Южного Зауралья. Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 532 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

10. Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 173 с.
11. Окладников А. П. Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. 1956. Т. VII: Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. С. 11–219.
12. Матюшин Г. Н. Поселение с мастерской Карабалыкты V на Южном Урале // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы / отв. ред. Л. В. Кольцов. М.: Наука, 1976. С. 37–56.
13. Матюшин Г. Н. Ранненеолитическая стоянка Карабалыкты 8а (Урта-Тюбе) на Урале // Краткие сообщения Института археологии. 1973. Вып. 137: Каменный век. С. 96–103.
14. Матюшин Г. Н. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье // Древности Башкирии / отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 5–39.
15. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л.: Наука, 1968. 183 с.
16. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 54 с.

Artifactual Remains from the Kushek-4 Site in the South of Turgai Depression

Elena V. Podzuban [a, @]

[a] Kostanay Regional Museum of Local History, Kazakhstan, Kostanay

[@] podzuban@mail.ru

Received 13.01.2020. Accepted 11.02.2020.

Abstract: The present article features a collection of prehistoric artifacts obtained at the Kushek-4 site. The excavations were conducted along the right bank of the Uly-Zhylanshik river in the south of the Turgay in 2006. The stone tools collected from the surface underwent a technical and typological analysis, which made it possible to date the site. The main parameters of the technical and typological analysis included primary rock flakes, morphological parameters and size of the plates, percentage ratio of ingots and tools from plates and rock flakes, methods of secondary processing, and the typological composition of the tool kit. The nature of the raw materials was an independent indicator. The technical and typological indicators of the stone tools from the Kushek-4 site corresponded to the second group of monuments of the Turgay Depression with their rich Neolithic material. The stone tools were homogeneous and dated from the late Mesolithic to the late Neolithic.

Keywords: technical and typological analysis, primary splitting, technical waste, stone industry, nucleus, plate, flake, geometric tools, raw materials

For citation: Podzuban E. V. Artifactual Remains from the Kushek-4 Site in the South of Turgai Depression. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 58–66. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

References

1. Korobkova G. F. Cultural and local variations of Medieval Asia (based on materials from the stone industry). *Sovetskaia arkheologiia*, 1975, (3): 8–27. (In Russ.)
2. Giria E. Iu. *Technological analysis of stone industries: a technique of micro-macroanalysis of ancient tools*. St. Petersburg: IIMK RAN, 1997, pt. 2, 198. (In Russ.)
3. Whittaker J. C., Alaev S. N., Alaeva T. V. *Flintknapping: making and understanding stone tools*. Irkutsk: Ottisk, 2004, 310. (In Russ.)
4. Derevianko A. P., Markin S. V., Vasiliev S. A. *Paleolithology: introduction and basics*. Novosibirsk: VO "Nauka". Sibirskaia izdatelskaia firma, 1994, 288. (In Russ.)
5. Vasilev S. A. To the methodology of studying the elements of the secondary processing of stone tools. *Problems of Archeology of North and East Asia*, eds. Markin S. V., Gladyshev S. A. Novosibirsk, 1986, 147–161. (In Russ.)
6. Podzuban E. V. *Stone industries of the Mesolithic and Neolithic complexes of the Kustanai Tobol area.* Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2010, 30. (In Russ.)
7. Logvin V. N. Parking site of the Mahanjar culture Salt Lake 2. *Volga-Ural steppe and forest-steppe in the era of the early metal.* Kuibyshev: Kuib. gos. ped. in-t, 1982, 148–159. (In Russ.)
8. Zaibert V. F., Potyomkina T. M. On the problem of the Mesolithic of the steppe-forest zone between the Tobol and the Irtysh rivers. *Sovetskaia arkheologiia*, 1981, (3): 107–129. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-58-66

9. Mosin V. S., Grigorev S. A., Tairov A. D., Botalov S. G. *Ancient history of the Southern Trans-Urals. Vol. 1: The Stone Age. The Bronze Age.* Chelyabinsk: Izd-vo IuUrGU, 2000, 532. (In Russ.)
10. Vinogradov A. V. *Ancient hunters and fishermen of the Central Asian Interfluve area.* Moscow: Nauka, 1981, 173. (In Russ.)
11. Okladnikov A. P. Jebel Cave – a monument of the ancient culture of the Caspian tribes of Turkmenistan. *Trudy IuTAKE*, 1956, vol. VII, 11–219. (In Russ.)
12. Matiushin G. N. Settlement from the workshop of Karabalykty V in the Southern Urals. *Eastern Europe in the Stone and Bronze Ages*, ed. Koltsov L. V. Moscow: Nauka, 1976, 37–56. (In Russ.)
13. Matiushin G. N. Early Neolithic site of Karabalykty 8a (Urta-Tyube) in the Urals. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii,* 1973, iss. 137, 96–103. (In Russ.)
14. Matiushin G. N. Neolithic sites of Tashbulatovo I and Sabakty III in the Bashkir Trans-Urals. *Antiquities of Bashkiria*, ed. Smirnov A. P. Moscow: Nauka, 1970, 5–39. (In Russ.)
15. Krizhevskaia L. Ia. *Neolithic of the Southern Urals.* Leningrad: Nauka, 1968, 183. (In Russ.)
16. Zakh V. A. *Chronostratigraphy of the Neolithic and early metal of the forest Tobol-Ishim area.* Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2006, 54. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

оригинальная статья
УДК 902.659

Ставрографическая коллекция Кривощековского некрополя (типология, семантика)*

Ирина В. Сальникова [a, @, ID]

[a] Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия, г. Новосибирск
[@] salnikovair52@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3239-9418

Поступила в редакцию 13.12.2019. Принята к печати 09.01.2020.

Аннотация: Представлены результаты исследования коллекции нательных крестов, обнаруженных в ходе археологических раскопок участка культурного слоя села Кривощеково, расположенного на левом берегу реки Обь (территория современного г. Новосибирск), где был обнаружен фундамент Никольской церкви постройки 1881 г., который перекрывал христианский некрополь, содержащий 384 погребения. В результате исследования погребального комплекса сформирована ставрографическая коллекция, по количеству и разнообразию сравнимая с коллекциями Илимского острога, Иркутских храмов, Омской области. В научный оборот вводится структурированная информация о коллекции нательных крестов в количестве 270 единиц (хронологические рамки собрания – XVIII век – последняя треть XIX в.). Изделия систематизировались по определенному набору признаков, включая форму креста, семантику, эпиграфические наблюдения. Предложена типология предметов. При систематизации была использована типология, разработанная В. И. Молодиным при изучении Илимского острога. Выявлены 6 типов крестов, характерных для аналогичных собраний памятников нового времени Западной и Восточной Сибири. Найден и представлен широкий круг аналогий. В коллекции также представлены уникальные изделия, не имеющие иконографических аналогий, но входящие в определенный тип изделий по форме, поэтому авторская типология имеет больше вариантов. Обнаружены два новых типа нательных крестов, ранее не отмеченных исследователями. Вероятно, один из них является католическим крестом, на что указывает иконография предмета. Этот факт свидетельствует о конфессиональной неоднородности населения села.

Ключевые слова: ставрография, нательный крест, классификация, иконография, Кривощеково, первое поселение города Новосибирск

Для цитирования: Сальникова И. В. Ставрографическая коллекция Кривощековского некрополя (типология, семантика) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 67–77. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

Введение

Нательные кресты – атрибуты христианства и наиболее частые находки в погребальных комплексах нового времени. Они представляют интерес и как самостоятельная коллекция, и как источник изучения духовной культуры населения Сибири. В настоящее время возросло количество исследований по данной теме, поскольку сформировалось новое направление в отечественной археологии, что привело к активному изучению археологических памятников XVII–XIX вв., времени освоения Сибири русским населением.

В сентябре-октябре 2018 г. Отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН были проведены археологические спасательные раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок культурного слоя села Кривощеково», расположенного в зоне строительства мостового перехода через р. Обь в створе ул. Ипподромская г. Новосибирск. Исторические источники свидетельствуют, что это было первое русское поселение на территории современного Новосибирска (Новониколаевска), ставшего в середине XVIII в., после постройки Никольской церкви, селом и центром одноименной волости [1; 2]. В настоящее время это Ленинский район города. Новоселебная деревня была основана на пограничной Телеутской меже, поскольку в это время левый берег Оби входил в состав Телеутской земли [1, с. 4]. Деревня Кривощековская свое название «получила по имени основателя – служилого человека Федора Кривощека» [1, с. 23] и была центром русско-телеутской торговли [2]. Точная дата основания деревни неизвестна, но первое упоминание о ней встречается в статье А. П. Уманского. Им опубликован документ «Дело о заповедном торге» 1708 г., в котором отмечено, что в «новоселебной» деревне Кривощековой, основанной в 1707 г. был обнаружен факт беспошлинной торговли с «инородцами» томскими служивыми людьми [3].

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-49-54006.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

В ходе археологических раскопок были обнаружены следующие объекты: каменный фундамент Никольской церкви (1881), перекрывающий грунтовый могильник (православное кладбище); культурный слой, содержащий следы существования села Кривощеково, включающий археологические предметы (керамика, монеты). Наибольший интерес представляют предметы личного благочестия – нательные кресты, найденные в ходе исследования некрополя, включающего 384 погребения.

Цель – ввести в научный оборот наиболее полную информацию о крестах-тельниках Кривощековского некрополя. Актуальность предоставления ставрографической коллекции такого уровня и разнообразия аргументируется двумя причинами: во-первых, новые формы крестов и их иконография расширят известную типологию, а во-вторых, их характеристика даст возможность дополнить реконструкцию социально-экономической жизни первого русского поселения на территории г. Новосибирск и его конфессиональной структуры.

Материалы и методы

Ставрография, занимающаяся изучением крестов-тельников, приобретает большое значение и вызывает интерес исследователей. История изучения нательных крестов описана в монографии В. И. Молодина [4]. Растет круг источников, в научный оборот введены многочисленные коллекции с территории Сибири, Поволжья и Прикамья. В последнее десятилетие возросло количество публикаций, обнаружены и описаны новые коллекции. Это собрания из памятников Тюменской области (г. Тобольск) [5–7]; Ханты-Мансийского автономного округа (могильник Горноправдинский) [8]; республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола) [9]; Прикамья [10]; Прикетья [11]; Притомья [12; 13]; некрополей г. Иркутск [14; 15]; некрополей сельских поселений Омской области [16]; погребальных комплексов Якутии [17]; Южного Шпицбергена [18]; острогов Западной и Восточной Сибири [19–21]. Расширяются рамки исследования данного вида источников: кроме морфологического, предлагаются результаты металлографического [22–24] и конфессионального [25; 26] анализа.

Наше собрание включает 270 предметов. При систематизации коллекции использована типология, предложенная В. И. Молодиным. Она применяется многими авторами, поэтому есть возможность сравнения основных типов, что облегчает поиск аналогий и выявление новых вариантов нательных крестов. Был применен многофакторный анализ: учитывалась форма предмета, иконография, декор, эпиграфические данные – титлы и монограммы и место их расположения. Иерархия признаков следующая: форма, иконография, титлы и монограммы, декор. Исходя их этих данных, вся совокупность объектов поделена на типы, подтипы, варианты. Полученные данные дали возможность использовать историко-культурный подход для выявления разнообразия конфессиональной принадлежности населения села Кривощеково в XVIII–XIX вв.

Результаты

В нашем собрании, часть которого представлена на рис. 1– 7, нет того разнообразия типов, подтипов и вариантов, которое присутствует в Илимской коллекции [4]. При анализе коллекции выявлены пять типов крестов по форме предметов. Самым массовым является тип 1. В него включено 150 единиц, что составляет 54 % от всей коллекции. Размеры крестов колеблются в высоту от 2,6 до 6 см, в ширину от 1,7 до 3,3 см (рис. 1; 2).

Кресты первого типа имеют четырехконечную форму, прямоугольные лопасти равны по ширине, вертикальная лопасть длиннее горизонтальной, лопасти под прямым углом расходятся от средокрестия. Оглавие (ушко) двух видов: плоское или многоярусное, фигурное, оканчивающееся шишечкой. На лицевой стороне центральное место занимает рельефный восьмиконечный крест, у подножия которого полукругом обозначена гора Голгофа с изображенной внутри головой Адама. Вдоль вертикальной планки креста рельефом изображены копье и трость. Под оглавием надпись под титлами в две строки ЦРЬ (Царь), СВЫ (Славы) или ЦС IX (Царь славы, Иисус Христос), на горизонтальных оконечностях нанесены титлы IC XC (Иисус Христос). Под ней может быть расположена надпись СНЪ БЖИ (Сын Божий). Все изображение на лицевой стороне и тексты на обороте обрамлены рамкой. Оборотная сторона может быть гладкой, разделенной на зоны валиком без текста или с текстом, но он стерт и не читается.

Эпиграфические наблюдения позволили сделать вывод о наличии нескольких вариантов нанесения монограмм и титл. Помимо традиционных надписей под титлами под оглавием и на оконечностях горизонтальной лопасти, имеются два варианта нанесения монограмм: К и Т (копие и трость) по обе стороны Голгофского креста (разделенные нижней частью вертикальной лопасти) или под вертикальной лопастью центрального креста, между монограммой НИКА (Победитель) (рис. 2, *2*). Монограмма НИКА может быть помещена ниже центрального образа, под горизонтальной планкой внизу креста, под изображением горы Голгофы (рис. 2, *4*). Буквы МЛ РБ (Место лобное, Раю бысть) под титлами в две строчки могут быть нанесены внизу, у основания креста (рис. 6, *2*; рис. 2, *7*), и под центральной планкой Голгофского креста по две буквы МЛ или на оконечностях горизонтальной лопасти в две строчки (рис. 1, *4*). Имеется одно изделие, у которого текст нанесен на горизонтальную лопасть, он обтекает изображение Голгофского креста (рис. 2, *4*).

Третий признак – декор. Часть крестов украшена эмалью, которая может быть полихромной или монохромной (голубая и темно-синяя), может быть очень темного, практически черного цвета. Сочетание признаков позволило выявить ряд вариантов каждого типа.

Несмотря на однотипность по форме, тип 1 делится на два подтипа. 43 креста имеют широкие лопасти от 0,6 до 1 см (рис. 1). Подтип 1 характеризуется различным набором титл, монограмм и декором; включает пять вариантов.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

Рис. 1. Нательные кресты. Тип 1, подтип 1
Fig. 1. Cross pendants. Type 1, subtype 1

Вариант 1. Массивный крест с фигурным оглавием, с изображением восьмиконечно креста на лицевой стороне. На лицевой стороне под оглавием нанесены титлы в две строки ЦРЬ, СВЫ, на горизонтальных оконечностях – титлы IC XC, ниже расположена надпись Снъ Бжи, монограммы К и Т по – обе стороны Голгофского креста (разделенные нижней частью вертикальной лопасти), под вертикальной лопастью центрального креста (рис. 1, *1*). Поверхность без декорирования.

Вариант 2. Крест с фигурным оглавием, на лицевой стороне помещено изображение восьмиконечного креста на Голгофе с копием и тростью. Титлы в оглавии традиционные, на боковых оконечностях горизонтальной планки монограммы I C, по букве на каждой стороне, под ними расположены буквы МЛ (рис. 1, *2*).

Вариант 3. Крест с фигурным оглавием, миниатюрный, иконография традиционная, в центре лицевой стороны изображен восьмиконечный крест с копием и тростью, схематично показана голова Адама. Под оглавием традиционные титлы в две строки, на оконечностях горизонтальной лопасти расположены монограммы – ГА (Голгофа), ниже МЛ (Место Лобное), вся поверхность креста покрыта темной эмалью, периметр подчеркнут выступающим бортиком. На обороте текст (рис. 1, *3*).

Вариант 4. Крест с фигурным оглавием, с изображением на лицевой стороне Голгофского креста, полукругом обозначена гора Голгофа, под оглавием титлы ЦС СВА (Царь Славы), на боковых оконечностях титлы IC XC, в нижней части буквы МЛ РБ в две строчки, покрыт эмалью черного цвета (рис. 1, *4*).

Вариант 5. Крест с фигурным навершием, иконография традиционная. Под оглавием титлы в две строчки ЦРЬ СЛЫ (Царь Славы), на боковых оконечностях надписи под титлами в две строчки IC ниже СНЬ и параллельно XC, БЖИ (Иисус Христос, Сын Божий), монограммы К, Т помещены по обе стороны изображения креста (разделенные нижней частью его вертикальной лопасти). Поверхность украшена полихромной эмалью, голубой по центру креста, синей по краям, на обороте следы темно-синей эмали, по периметру изделия проходит бортик (рис. 1, *5*).

Подтип 2 – это самая многочисленная группа, в нее вошли кресты с шириной лопастей до 0,5 см. Включает 7 вариантов нательных крестов (рис. 2).

Вариант 1. Иконография традиционная, отличается наличием надписи НКА (Победитель) у основания креста, высоким четким рельефом, оглавие гладкое (рис. 2, *1*).

Вариант 2. При традиционных изображениях и титлах присутствует надпись на нижней части левой горизонтальной лопасти НИ, ближе к средокрестию голгофского креста К, на правой лопасти в нижней части Т, далее КА, в нижней части под изображением горы Голгофы выделяется надпись в две строки МЛ РБ. На обороте текст, но надпись стерта (рис. 2, *2*).

Вариант 3. Отличается от предыдущего наличием надписи под изображением полуовала горы Голгофы в две строчки МЛ РБ. Оборотная сторона гладкая (рис. 2, *3*).

Вариант 4. Крест с богатым и разнообразным декором, вероятно, нанесенный методом гравировки. На его лицевой стороне изображен восьмиконечный крест, но декор настолько насыщенный, что трудно определить наличие других атрибутов. Титлы на оконечностях оконтурены ромбическим орнаментом. В центре нанесены слова молитвы поклонения кресту в две строчки, текст обтекает горизонтальную лопасть центрального изображения. В нижней части вертикальной полости читаемая надпись НИКА (рис. 2, *4*). Все поле изделия заполнено параллельными линиями и волютами. Оборотная сторона креста орнаментирована виньетками и волютами, в центре средокрестия помещен заштрихованный ромб, на оконечностях повторен декор лицевой стороны (рис. 2, *4 об*).

Вариант 5. Оглавие трапециевидной формы. Лицевая сторона креста украшена ярко зеленой эмалью, рельефные титлы под оглавем ЦРЬ СВЫ, на оборотной стороне нанесены валики, текст отсутствует (рис. 2, *5*).

Вариант 6. Кресты имеют уплощенное круглое оглавие. Титлы нанесены на оконечности, кроме них на нижней части горизонтальной лопасти нанесена монограмма НИКА, разделенная буквами К, Т. Лицевая сторона декорирована монохромной эмалью. Центральная часть синего цвета, на оконечности нанесена голубая эмаль. На оборотной стороне, украшенной темно-синей эмалью имеется текст в семнадцать строк, но он стерт и прочитываются только отдельные буквы (рис. 2, *6*).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

Вариант 7. Вся лицевая поверхность креста покрыта одноцветной эмалью голубого цвета, на обороте стертый текст. Ушко фигурное, массивное. Иконография и надписи традиционные, расположены на оконечностях изделий (рис. 2, 7).

Рис. 2. Нательные кресты. Тип 1, подтип 2
Fig. 2. Cross pendants. Type 1, subtype 2

Вторая по численности группа относится к типу 5 – 17,4 % от общего числа предметов в коллекции (50 единиц) (рис. 3). Размеры изделий варьируются от 5,7 х 3,3 х 03 до 2,6 х 1,7 х 0,2 см. Кресты этого типа называют листовидными или копьевидными. Концы и углы средокрестия, а также ствол изделия заполнены растительным орнаментом. У данного типа встречаются ушки как фигурные, трехъярусные с каплевидным навершием, так и плоские. Изображения и титлы на лицевой стороне традиционные. На оборотной стороне помещена молитва поклонения кресту, вписанная в крестообразную рельефную рамку. Не на всех крестах читаемы титлы и надписи, но их конфигурация одинакова для всех предметов этого типа. Тем не менее по наличию или отсутствию декора, характеру и месту расположения надписей и этот тип имеет варианты.

Вариант 1. Крест имеет многоярусное оглавие. Интересен тем, что на его центральной части помещен текст, он стерт, не читается, но высокий рельеф свидетельствует в пользу его наличия. Крест аналогичен типу 5, варианту 3, подварианту 1 [4, с. 62], там же приведена расшифровка текста (рис. 3, *1*).

Вариант 2. Крест с фигурным оглавием, под которым расположена надпись в две строчки: титлы ЦРЬ СЛВЫ. На боковых оконечностях читаются надписи под титлами: на левой ІС, ниже СНЪ; на правой ХС БЖИ, расположенные параллельно друг другу. Факт наличия двух симметричных отверстий в нижней части изделий фиксируется еще на трех крестах аналогичной формы (рис. 3, *2*).

Вариант 3. Крест украшен темной эмалью в середине, по краям – эмаль желтоватого цвета. Надпись под оглавием ЦАР, на оконечностях нанесены надписи, аналогичные кресту варианта 2 (рис. 3, *3*).

Вариант 4. Крест, отнесенный к этому варианту, отличается от предыдущих тем, что его лицевая поверхность украшена голубой эмалью, текст частично стерт, но, видимо, аналогичен варианту 1 (рис. 3, *4*).

Вариант 5. Для крестов этой группы характерна полихромная эмаль лицевой стороны и одноцветная – оборотной. Синий цвет сконцентрирован в центральной части, по краям бледно голубой, на обороте следы темной эмали (рис. 3, *5*).

Вариант 6. В эту группу вошли кресты, украшенные зеленой эмалью с обеих сторон (рис. 3, *6, 6 об*).

Вариант 7. Центральная часть украшена черной эмалью, оборотная сторона без эмали (рис. 3, *7*).

Следующая по численности группа нательных крестов относится к 8 типу по классификации В. И. Молодина. Она включает 24 экземпляра, что составляет 8 % от всей коллекции. Размеры крестов от 4,8 х 3,1 х 0,2 см до 2,3 х 1,9 х 0,1 см. Изделия этой группы отличает расширение лопастей и их фигурное оформление оконечности в виде трилистника. Иконография традиционная, изделия не украшены эмалью, но по эпиграфическим данным можно выявить три варианта (рис. 4).

Вариант 1. Крест имеет уплощенное круглое оглавие, под которым надпись СНЪ БЖІ в две строчки, на краях горизонтальной лопасти видны буквы под титлами ХС, расположенные симметрично. Надписи помещены в центе фигурных трилистников (рис. 4, *1*).

Вариант 2. Титлы в верхней части и на горизонтальной лопасти традиционные, дополненные монограммой МЛ РБ две строчки в нижней части креста (рис 4, *2*).

Вариант 3. На лицевой части крестов все надписи дополнительно декорированы рельефными прямоугольными рамками. Оборотная сторона украшена валиками и не содержит текста молитвы (рис. 4, *3, 3 об*).

Представительная группа изделий включена в тип 4. К ней относятся 23 единицы, что составляет 7,6 % от всей коллекции. Размеры изделий колеблются от 7,6 х 5,9 х 0,2 см до 3,1 х 1,8, х 0,1. Кресты данного типа имеют средокрестие, обрамленное кругом, украшенное шариками либо лучами, от средокрестия тоже могут исходить лучи. Этот тип имеет самую большую инвариантность как по декору, так и по иконографии (рис. 5).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

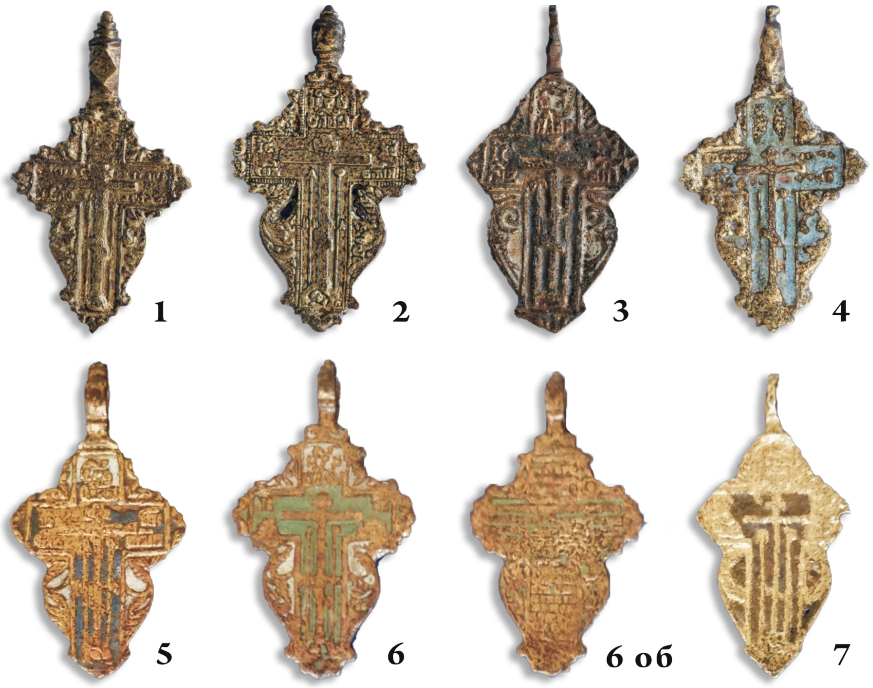

Рис. 3. Нательные кресты. Тип 5
Fig. 3. Cross pendants. Type 5

Вариант 1. Крест односторонний, оконечности с титлами имеют закругленную форму (рис. 5, *1*).

Вариант 2. Крест украшен фигурным кругом с волютами вокруг средокрестия. Титлы на нем помещены с двух сторон, на лицевой стороне они вписаны в рельефный сердцеобразный орнамент, на оборотной стороне в средокрестие помещен заштрихованный ромб (рис. 5, *2*).

Вариант 3. Крест двусторонний, богато орнаментированный. Лучи у основания от прямоугольной формы переходят в копьевидную. Под оглавием креста расширение из завитков. Оконечности горизонтальных лопастей и основание многоступенчатые и имеют подтреугольную форму. Они украшены ромбами в центральной части. Нижняя часть вертикальной лопасти дополнена фигурными выступами. Лицевая сторона средокрестия украшена цатой, в нижней части расположена монограмма НИКА, на горизонтальную лопасть нанесена молитва. На обороте в крестообразной рамке помещены орнамент из волют и слова, но текст стерт и не читается (рис. 5, *3*).

Вариант 4. Аналогичен кресту из коллекции Илимского острога, отнесен автором к типу 4, подтипу 4, варианту 2 [17]. На его лицевой стороне большое количество надписей, но четко просматривается надпись, обтекающая горизонтальную планку Голгофского креста, на обороте рельефными валиками обозначены прямоугольные зоны, заполненные орнаментом (рис. 5, 4).

Вариант 5. Крест имеет сплошное (а не ажурное) средокрестие, титлы ХР ІС помещены на оборотной стороне на горизонтальных лопастях, обрамлены крестообразной рамкой и расположены нетрадиционно (ХР – на левой лопасти, ІС – на правой). Возможно, в данном случае этими буквами представлена молитва, полный текст которой не сохранился (рис. 5, 5).

Вариант 6. Круг, обрамляющий средокрестие, гладкий. С внешней стороны он украшен шариками, на оборотной стороне рельефный ромбический орнамент (рис. 5, *6, 6 об*).

Вариант 7. Крест имеет лучистую форму. От средокрестия к кругу, обрамляющему центр, отходят лучи,

Рис. 4. Нательные кресты. Тип 8
Fig. 4. Cross pendants. Type 8

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

которые заканчиваются шишечками с внешней стороны, к сожалению, титлы из-за коррозированной поверхности не просматриваются, но оборотная сторона украшена заштрихованным геометрическим орнаментом и ромбом в центре (рис 5, *7, 7 об*).

Вариант 8. Отличается от аналогичных изделий формой вертикальной лопасти, нижняя часть которой имеет пламевидные завитки, горизонтальная лопасть украшена фигурными розетками. Текст молитвы, в которой прочитываются отдельные слова, обрамляет горизонтальную лопасть Голгофского креста, в нижней части нанесена монограмма НИКА. На оборотной стороне на вертикальную лопасть нанесены заштрихованные прямоугольники по обе стороны средокрестия (рис. 5, *8*).

Вариант 9. По форме близок к предыдущему варианту, но отсутствует нижняя надпись и оборот украшен заштрихованными ромбами, нанесенными на вертикальную лопасть (рис. 5, *9, 9 об*).

Вариант 10. Крест не имеет лучей, отходящих от декоративного круга, обрамляющего средокрестие. Надписи и монограммы изделия такие же, как у креста варианта 4. Оборотная сторона украшена виньетками и ромбом, помещенным в средокрестие (рис. 5, *10, 10 об*).

Вариант 11. Крест односторонний, имеет оконечности луковичной формы. На лицевой стороне в центре изображен восьмиконечный крест-распятие, выше, в рамке, под титлой помещена надпись ЦАРЬ, под Голгофой помещена вторая надпись – НИКА. На верхней оконечности нанесено изображение трех куполов. На оконечностях боковых лопастей изображены закомары и титлы IC XC. Ушко массивное с оттиском ромба. Это самый крупный крест в коллекции, его размеры: 7,6 x 5,9 x 0,2 см (рис. 5, *11*).

Тип 6 представлен 13 экземплярами, что составляет 4,7 % от всей коллекции (рис. 6, *1–3*). Для данной группы характерно расширение лопастей от средокрестия. В зависимости от подтипа лопасти имеют прямые или фигурные (подтреугольные) оконечности. Изображения на лицевой части крестов традиционные. Оборотные стороны могут иметь дополнительную орнаментацию. Делится на три варианта.

Вариант 1. Характерно расширение горизонтальных лопастей, титлы нанесены на верхней и нижней частях, на боковых лопастях монограммы под титлами IC XC (рис. 6, *1*).

Вариант 2. Форма та же, что и в предыдущем варианте. Отличается тем, что на нижней части горизонтальной

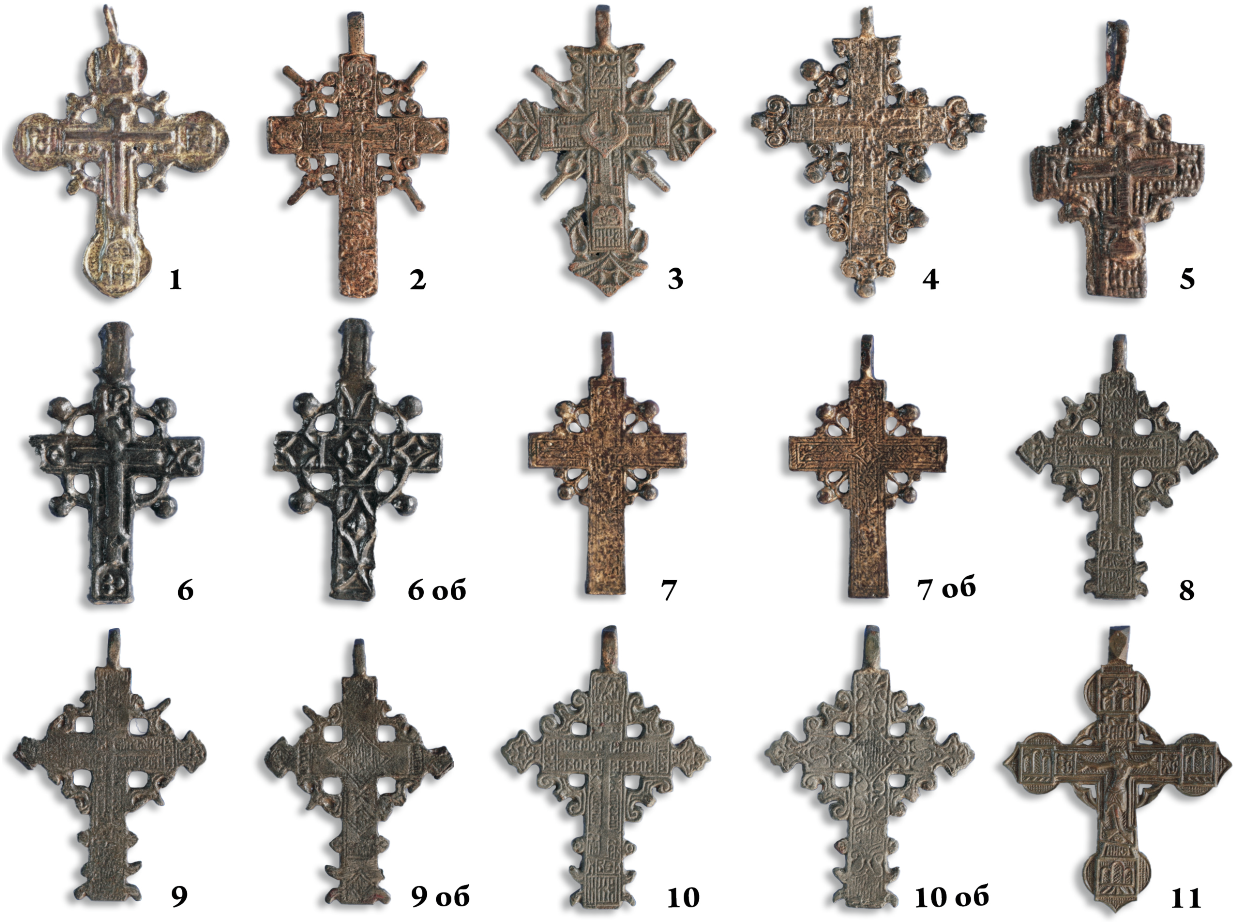

Рис. 5. Нательные кресты. Тип 4
Fig. 5. Cross pendants. Type 4

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

лопасти есть надпись НИ К, расположенная на левой стороне, и надпись Т КА – на правой. Внизу в две строчки нанесена надпись МЛ РБ (рис. 6, *2*).

Вариант 3. Лопасти креста расширяются от средокрестия, их края закруглены и заострены (рис. 6, *3*).

Тип 7 представлен одним крестом. Лопасти расширяются от средокрестия, их края имеют подтреугольную форму. На лицевой стороне вписан восьмиконечный крест, под оглавием и на оконечностях имеются традиционные титлы, поверхность украшена голубой и синей эмалью. На обороте схематично изображены символы орудий Страстей Господних. На вертикальной лопасти – кумган, гроб Господен, петух на колонне, лестница. На горизонтальной лопасти в правой стороне – молоток, клещи (рис. 6, *4, 4 об*).

Кроме перечисленных типов в нашем собрании выявлены кресты новой формы. Это два креста, лопасти которых украшены дополнительными выступающими рельефными деталями, титлы традиционные, лицевая поверхность декорирована полихромной эмалью синего и голубого цветов. На оборотной стороне помещен текст, строки которого подчеркнуты валиками, имеются следы темной эмали (рис. 7, *1, 1 об*).

Рис. 6. Нательные кресты. Типы 6, 7
Fig. 6. Cross pendants. Types 6, 7

Два креста имеют форму четырехлепесткового цветка. Данные кресты отличает острый угол лопастей, отходящих от средокрестия. Оконечности лопастей вытянуты, их края закруглены. Один крест, вероятно, штампованный (не литой), двусторонний. Его ушко отломано, и для ношения просверлено отверстие на верхней части вертикальной лопасти. Лицевая сторона окантована простым рельефом. В центральной части изображена фигура распятого Христа, выполненная не в православной традиции: одно колено подогнуто, стопы сведены, нимб над головой в виде расходящихся лучей. Титлы IC XC расположены по обе стороны от головы Христа. Вверху под ушком на плате читаются буквы нижнего ряда: титла ЦI (Царь Иудейский); буквы верхнего повреждены отверстием. На оборотной стороне на горизонтальной перекладине помещена рельефная надпись прописными буквами ВЛМАРВА, окантованная жгутовым орнаментом. На нижней части вертикальной лопасти имеется погрудное изображение святого с крестом в правой руке, чашей и нимбом, обозначенным рельефной дугой, – в левой (рис 7, *2, 2 об*).

Второй крест двусторонний, изготовлен методом штамповки из сплава, содержащего золото, о чем свидетельствуют два клейма, проставленных на обороте вертикальной лопасти: одно – в нижней части (полуовал с гербом Москвы, дата – 1863, проба – 56); второе – в верхней части (клеймо мастера, в прямоугольнике буквы ИЕ). Все изображения исполнены гравировкой. На лицевой стороне по центру нанесен шестиконечный крест, титлы IC XC выполнены наклонными линиями, участок под оглавием лицевой стороны украшен расходящимися лучами, нижняя часть вертикальной лопасти – сетчатым орнаментом. Оборотная сторона декорирована лучами, исходящими от центра средокрестия (рис. 7, *3, 3 об*).

В настоящее время еще не все предметы в коллекции отреставрированы, поэтому 16 из них не вошли в число анализируемых. После окончания реставрации данные будут уточнены.

Большинство нательных крестов из коллекции некрополя Кривощеково имеют достаточно широкий круг аналогий. Это относится к крестам 1 и 5 типов, встречающихся повсеместно. Кресты 4 типа встречаются реже. Они зафиксированы в поселении Кулаково III [12, с. 52, 55], на памятниках Изюк I, Ананьино I [16, с. 284], в г. Иркутск [15, с. 167, рис. 3–10], в могильниках Путяка и Волковский [11]. Аналогия редкому кресту 6 типа, но с цатой на лицевой стороне [27, рис. 4, № 146] найдена на Тискинском могильнике [27, рис. 16].

В коллекции из Кривощеково имеется крест, изготовленный из сплава, содержащего золото. Практически идентичный ему обнаружен в Горноправдинском могильнике, расположенном в Ханты-Мансийском автономном округе [8, с. 25]. Что очень важно, оба креста имеют одинаковые клейма, т. е. они изготовлены одним московским ювелиром.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

Рис. 7. Нательные кресты. Новые типы
Fig. 7. Cross pendants. New types

Количественное распределение по типам крестов из сельских некрополей Омской области и кладбищ г. Иркутск показало, что наибольшее разнообразие их типов характерно для городов [28]. Типы 1 и 5 являются самыми распространенными в обоих регионах, тип 4 популярен в Иркутске, тип 5 – в Омской области. Типы 6–8 встречаются единично в Омской области, тип 10 отсутствует [28]. В коллекции некрополя Кривощеково распределение предметов по типам занимает промежуточное положение: представлена значительная часть типов, тип 5 встречается наиболее часто, имеются все известные варианты крестов типа 4, которые исследователи относят к старообрядческим [22; 25, с. 5].

Заключение

Морфологический и эпиграфический анализ коллекции дает основание сделать вывод, что население села Кривощеково было неоднородным как в конфессиональном отношении, так и в социальном. Есть основание полагать, что часть из них были сторонниками старообрядчества или использовали кресты старого образца, отдельные лица придерживались католической веры. О неоднородном социальном составе свидетельствует наличие золотого изделия, большого количества крестов с монохромной эмалью.

Разнообразие предметов личного благочестия можно объяснить тем, что население торгового села, которым было Кривощеково, больше тяготело к городской культуре. Таким образом, собрание нательных крестов может быть дополнительным источником информации для реконструкции социально-экономического исторического контекста.

Литература

1. Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Книжное изд-во, 1990. 181 с.
2. Мамсик Т. С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья: по материалам XVII – середины XIX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 252 с.
3. Уманский А. П. Дело о «заповедном торге» томских служилых людей на Телеуцкой меже в начале XVIII в. // Вопросы истории и историографии Алтая и Сибири / отв. ред. А. П. Уманский. Барнаул: БГПУ, 1994. С. 3–24.
4. Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: Инфолио, 2007. 246 с.
5. Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: мат-лы IV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Омск-Тара, 21–24 ноября 2011 г.) Омск, 2011. С. 259–267.
6. Балюнов И. В. Частная коллекция нательных крестов, собранная в городе Тобольске и его окрестностях // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 200–203.
7. Данилов П. Г. Некрополи XVII–XVIII веков в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. II. С. 19–22.
8. Зайцева Е. В., Кениг А. В. Погребальная обрядность русского старожильческого населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. II. С. 23–27.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

9. Воробьева Е. Е., Иванова Ю. Н. Нательные кресты царевококшайских некрополей (к вопросу систематизации) // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 291–298.
10. Перевозчикова С. А., Перевощиков С. Е., Пастушенко И. Ю. Гольянское кладбище – памятник нового времени в среднем Прикамье // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. II. С. 40–47.
11. Боброва А. И. Нательные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 215–220.
12. Сизёв А. С., Ермоленко Л. Н., Соловьев А. И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 50–59. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-50-59
13. Ширин Ю. В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: мат-лы IV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Омск-Тара, 21–24 ноября 2011 г.) Омск, 2011. С. 416–422.
14. Бердников И. М. Нательные кресты, иконки и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (г. Иркутск) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012. № 1. С. 138–165.
15. Бердников И. М. Кресты-тельники из некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 7. С. 164–178.
16. Татаурова Л. В., Кромм И. Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат-лы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. (Томск, 19–21 мая 2010 г.) Томск, 2010. С. 284–285.
17. Кирьянов Н. С. Опыт классификации нательных крестов XIX века в Верхоянском районе Республики Саха (Якутия) // Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Улан-Удэ, 9–12 сентября 2019 г.) Улан-Удэ, 2019. С. 88–91.
18. Хороховски Я. Православные нательные кресты из поморских захоронений Южного Шпицбергена (по результатам польских археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: мат-лы IV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Омск-Тара, 21–24 ноября 2011 г.) Омск, 2011. С. 391–415.
19. Горохов С. В., Бородовский А. П. Некрополь Умревинского острога (Верхнее Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 123–130. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.123-130
20. Горохов С. В., Бородовский А. П. Нательные кресты Умревинского острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 3. С. 98–107.
21. Волков Д. П., Коваленко С. В., Ермацанс И. А., Палажченко А. И. Нательный крест из Албазинского острога: проблемы атрибуции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 1. С. 73–80.
22. Сальникова И. В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5. С. 50–69.
23. Сальникова И. В. Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 7. С. 39–48.
24. Татаурова Л. В., Тишкин А. А. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1. С. 220–231. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.220-231
25. Молодин В. И. Очерки по ставрографии. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2010. 172 с.
26. Самигулов Г. Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях: мат-лы III Всерос. науч. конф. (Омск, 24–25 ноября 2008 г.) Омск, 2008. С. 202–221.
27. Боброва А. И. Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 107–115.
28. Кромм И. Д., Бердников И. М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестн. Ом. ун-та. 2012. № 4. С. 222–226.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

Staurographic Collection of the Krivoshchyokovo Necropolis (Typology, Semantics)*

Irina V. Salnikova [a, @, ID]

[a] Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

[@] salnikovair52@gmail.com

[ID] https://orcid.org/0000-0003-3239-9418

Received 13.12.2019. Accepted 09.01.2020.

Abstract: The present research featured a collection of cross pendants, obtained in the process of archeological excavations in the village of Krivoshchyokovo. The village was situated on the left bank of the Ob river on the territory of the modern Novosibirsk. The archeological site included a fragment of the foundation of Nikolskaya church (1881) and a Christian necropolis of 384 graves. The excavations yielded a substantial staurographic collection, as rich as the collections of the Ilimsk fortress, Irkutsk churches, or the city of Omsk. The research objective was to structure the information about the Krivoshchyokovo collection of cross pendants. The collection consists of 270 artifacts dated XVIII – late XIX centuries. The items were classified according to shape, semantics, and epigraphic observations. The classification was based on the typology developed by V. I. Molodin for the collection of Ilimsk fortress. The collection was divided into six types of crosses, typical of similar collections of modern time artifacts found in Western and Eastern Siberia. The Krivoshchyokovo collection appeared to contain some unique items, which have no iconographic analogies but are similar in shape. As a result, the typology introduced by the present article proved wider than the typology it was based on. In addition, the author discovered two new types of cross pendants. The fact that one of them may be related to Catholic cross pendants revealed a certain confessional diversity of the local village population.

Keywords: staurography, cross pendant, classification, iconography, Krivoshchyokovo, the first settlement of the city of Novosibirsk

For citation: Salnikova I. V. Staurographic Collection of the Krivoshchyokovo Necropolis (Typology, Semantics). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 67–77. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

References

1. Minenko N. A. *On the old Moscow highway.* Novosibirsk: Knizhnoe izd-vo, 1990, 181. (In Russ.)
2. Mamsik T. S. *The first settlers of the Novosibirsk Ob region: according to the materials of the XVII – the middle of the XIX century*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012, 252. (In Russ.)
3. Umanskii A. P. The case of the "reserved trade" of Tomsk office workers on the Teleut land in the early XVIII century. *Issues of history and historiography of Altai and Siberia,* ed. Umanskii A. P. Barnaul: BGPU, 1994, 3–24. (In Russ).
4. Molodin V. I. *Cross-vests of the Ilimsk fortress.* Novosibirsk: Infolio, 2007, 246. (In Russ.)
5. Anoshko O. M. Cross pendants from the cultural layer of Tobolsk. *Russian culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies*: Proc. IV All-Russian (with international participation) Sci. Conf., Omsk-Tara, November 21–24, 2011. Omsk, 2011, 259–267. (In Russ.)
6. Balyunov I. V. Private collection of crosses, worn next to the skin, gathered in the town of Tobolsk and its surroundings. *Culture of Russians in archaeological researches*, eds. Tataurova L. V., Borzunov V. A. Omsk-Tyumen-Ekaterinburg: Magellan, 2014, vol. I, 200–203. (In Russ.)
7. Danilov P. G. Necropolises of XVII–XVIII centuries in Tobolsk city building structure on the basis of archaeological and historical materials. *Culture of Russians in archaeological researches*, eds. Tataurova L. V., Borzunov V. A. Omsk-Tyumen-Ekaterinburg: Magellan, 2014, vol. II, 19–22. (In Russ.)
8. Zaitseva Ye. A., Kenig A. V. Funeral rites of XVIII–XIX c. Nizhnee Priirtyshye Russian old residents (based on Gornopravdinsk cemetery excavation materials). *Culture of Russians in archaeological researches,* eds. Tataurova L. V., Borzunov V. A. Omsk-Tyumen-Ekaterinburg: Magellan, 2014, vol. II, 23–27. (In Russ.)
9. Vorobeva E. E., Ivanova Yu. N. Body's crosses of Tsarevokokshaisk necropolises (to the question of systematization). *Povolzhskaya arkheologiya*, 2013, (2): 291–298. (In Russ.)

* This work was supported by the RFBR grant No. 19-49-54006.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

10. Perevozchikova S. A., Perevoshikov S. E., Pastushenko I. Yu. The Golyanskoe cemetery as the modern times monument in the Middle Prikamye. *Culture of Russians in archaeological researches*, eds. Tataurova L. V., Borzunov V. A. Omsk-Tyumen-Ekaterinburg: Magellan, 2014, vol. II, 40–47. (In Russ.)
11. Bobrova A. I. The Prikety a burial crosses, worn next to the skin. *Culture of Russians in archaeological researches*, eds. Tataurova L. V., Borzunov V. A. Omsk-Tyumen-Ekaterinburg: Magellan, 2014, vol. I, 215–220. (In Russ.)
12. Sizyov A. S., Ermolenko L. N., Solovyev A. I. Collection of baptismal crosses from the archeological site of Kulakovo III in the Lower Tom' valley. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 50–59. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-50-59
13. Shirin Yu. V. The funeral rite of the Christian cemeteries of Pritomye XVII–XVIII centuries. *Russian culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies*: Proc. IV All-Russian (with international participation) Sci. Conf., Omsk-Tara, November 21–24, 2011. Omsk, 2011, 416–423. (In Russ.)
14. Berdnikov I. M. Pectoral crosses, icons, and miniature icons from excavations at Krestovozdvizhensky Necropolis (Irkutsk). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya,* 2012, (1): 138–165. (In Russ.)
15. Berdnikov I. M. The pectoral crosses found during the excavation of the church of Savior's necropolis in Irkutsk. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, 11(7): 164–178. (In Russ.)
16. Tataurova L. V., Kromm I. D. On the typology of cross-strips from Russian monuments of Siberia. *Culture as a system in a historical context: the experience of West Siberian archaeological and ethnographic meetings*: Proc. XV Intern. West Siberian archaeological and ethnographic Conf., Tomsk, May 19–21, 2010. Tomsk, 2010, 284–285. (In Russ.)
17. Kiryanov N. S. The classification of 19th century crosses in Verkhoyansk district of the Republic of Sakha (Yakutia). *Integration of Siberian museums in the regional socio-cultural space and the world museum community*: Science. Heritage. Society: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf. with intern. participation, Ulan-Ude, September 9–12, 2019. Ulan-Ude, 2019, 88–91. (In Russ.)
18. Chochorowski J. Orthodox pectoral crosses from the Pomeranian graves of Southern Svalbard (according to the results of Polish archaeological research). *Russian culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies*: Proc. IV All-Russian (with international participation) Sci. Conf., Omsk-Tara, November 21–24, 2011. Omsk, 2011, 391–415. (In Russ.)
19. Gorokhov S. V., Borodovsky A. P. The cemetery at Fort Umrevinsky, in the Upper Ob Basin. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2018, 46(2): 123–130. (In Russ.) DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.123-130
20. Gorokhov S. V., Borodovsky A. P. Cross pendants of Umrevinsky Ostrog. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, 16(3): 98–107. (In Russ.)
21. Volkov D. P., Kovalenko S. V., Yermatsans I. A., Palazhchenko A. I. A next-to-skin cross from the Albazino fort: problems of attribution. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2015, 43(1): 73–80 (In Russ.)
22. Salnikova I. V. Elemental analisis of orthodox copper art casting as a method of chemico-technological attribution. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, 15(5): 50–69. (In Russ.)
23. Salnikova I. V. Statistical analysis of chemical-technological research on copper baptismal cross collection from Ilimsk fortress. *Vestnik NSU. Series: History and Philology,* 2016, 15(7): 39–48. (In Russ.)
24. Tataurova L. V., Tishkin A. A. Results of X-ray fluorescence analysis of cult casting products from the collections of archaeological objects of the 17th – 18th centuries among the Russian population of the Omsk Priirtyshye Region. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2018, (1): 220–231. (In Russ.) DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.220-231
25. Molodin V. I. *Essays on staurography*. Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astafeva, 2010, 172. (In Russ.)
26. Samigulov G. Kh. Once again about cast cross-veterans of the end of the XVII – middle of the XIX century (on the issue of Old Believer crosses). *Russian culture in archaeological research*: Proc. III All-Russian Sci. Conf., Omsk, November 24–25, 2008. Omsk, 2008, 202–221. (In Russ.)
27. Bobrova A. I. Pectoral crosses from the Tiskinsky burial ground. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2004, (4): 107–115. (In Russ.)
28. Kromm I. D., Berdnikov I. M. Identification of possibility of dating of a collection of crosses of Omsk Priirtyshje by a method of the comparative analysis with materials from necropolises of Irkutsk. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2012, (4): 222–226. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

оригинальная статья
УДК 93/94

Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг.

Никита В. Тихомиров [a, @]

[a] Московский государственный областной университет, Россия, г. Мытищи
[@] tihomirov_n@rambler.ru

Поступила в редакцию 15.11.2019. Принята к печати 23.12.2019.

Аннотация: Рассмотрены и проанализированы важнейшие аспекты проблематики, связанной с формированием концепции становления централизованного русского государства в советской историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. Выявлены ключевые проблемы, решавшиеся в данном контексте. Установлены теоретико-методологические позиции ведущих историков. Раскрыты степень и характер влияния политико-идеологического фактора на работу ученых. Показана личная роль И. В. Сталина в становлении концептуальных основ теории формирования централизованного государства. Определены важнейшие исследовательские задачи, дискуссионные вопросы, дана оценка степени их проработанности в трудах отечественных медиевистов. Обобщен обширный материал научных публикаций в периодических изданиях указанного времени, данные учебно-методической литературы, привлечены официальные документы. Обосновано положение о преемственности подходов в работе дореволюционных и советских историков, дана оценка специфике функционирования марксистского метода. Выводы позволяют углубить научное понимание развития советской моноконцепции отечественной истории, в частности, уточнить представление об особенностях формирования теории централизации русского государства. В практическом отношении они могут служить усовершенствованию подходов в теоретической, научно-методологической и учебно-методической работе исследователей и преподавателей учебных заведений.

Ключевые слова: периодизация, методология, марксизм-ленинизм, историография, концепция

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 78–87. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

Введение

Статья посвящена дискуссиям о возникновении централизованного русского государства в отечественной науке конца 1930-х – начала 1950-х гг. Цель – составление целостной картины представлений о комплексе проблемных вопросов, являвшихся предметом обсуждения советских историков в указанный период. Необходимо, во-первых, выявить ключевые вопросы в рамках создания теории централизованного русского государства; во-вторых, установить теоретико-методологические и политико-идеологические факторы, влиявшие на определение характера историографической деятельности советских ученых; в-третьих, определить основные подходы, используемые в исследовательской практике 1930–1950-х гг.

Обращение к указанной проблематике сегодня имеет большое теоретико-методологическое значение. Неослабевающий интерес историков к эпохе возникновения сильной русской державы в XV–XVI вв. рождает запрос на выработку строгой теоретической модели, которая позволила бы учесть и обобщить важнейшие стороны процесса политической централизации. Обращение к опыту отечественной медиевистики позволяет лучше понять и оценить познавательные возможности современных научных подходов к решению первостепенных исследовательских задач.

В период с 1930-х гг. по середину 1950-х гг. советская историческая наука была нацелена на формирование советской моноконцепции отечественной истории. В это время проблема возникновения централизованного государства являлась одной из ключевых тем советской историографии. Рождение единой русской державы стало могучим историческим проявлением русского народа, моментом начала России как государства и крупной силы на евразийском пространстве. Поэтому неслучайно то огромное внимание, которое проявляли к данной проблеме поколения историков до революции, в годы советской власти и проявляют ныне.

Теоретические основы

Использован комплекс историографических материалов и документов, имеющих информативную значимость для решения следующих задач:

1) раскрыть содержание ключевых теоретических вопросов об образовании централизованного русского государства;

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

2) выявить основные подходы, которыми пользовались историки при построении концептуальной модели централизации;

3) обнаружить степень и характер влияния идейно-политических факторов на результаты исследовательской деятельности по данному вопросу.

В качестве источников были использованы публикации советских историков в периодической научной печати конца 1930-х – начала 1950-х гг., учебные пособия по отечественной истории, подготовленные и выпущенные в 1937–1953 гг., монографии отечественных исследователей по проблемам становления единого русского государства, изданные в указанный период, партийные и государственные документы того времени, тексты печатных выступлений И. В. Сталина.

Методы исследования: системный, ретроспективный, типологический, дискурс-анализ. В ходе проведённого исследования были выявлены позиции ведущих советских учёных, касающиеся методологических оснований построения теории централизованного государства. Предпринята попытка системно обобщить и проанализировать данные позиции, сделать на основе анализа вывод о специфике научных подходов советских историков 1930-х – начала 1950-х гг. к решению проблемы о путях и движущих силах образования великорусского государства.

Результаты

Становление советской исторической науки началось в первые годы после октябрьской социалистической революции. В это время активно формировалась школа историков-марксистов, создавалась система научных учреждений. Партия и правительство выказывали заинтересованность в становлении марксистской науки. В данный период обнаруживается возрастающее влияние политических структур на работу историков [1, с. 12–14]. В 1930-е гг. руководство страны также уделяло пристальное внимание вопросам государственной политики в области исторического образования [2, с. 248]. В 1934 г. партийным и государственным руководством было выражено недовольство тем, в каком состоянии пребывало преподавание истории в советской школе [3, с. 72]. Майское Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)[1] дало толчок не только к разработке нового стабильного учебника по истории СССР, но и коренному пересмотру сложившейся на то время концепции отечественной истории. Основу этой концепции составляли идеи М. Н. Покровского, влиятельного историка-марксиста, заместителя наркома образования РСФСР. После смерти М. Н. Покровского в 1932 г. влияние его идей на историческую науку ослабло, постепенно была подготовлена почва для крупной ревизии всей системы его научных представлений [4, с. 102–110].

Кульминацией борьбы со школой М. Н. Покровского стал выход в 1939–1940 гг. академического двухтомника [5; 6], содержащего статьи ведущих советских историков, которые были направлены на разоблачение антимарксистских положений исторической концепции М. Н. Покровского. Ниспровержение концепции было сопряжено с постановкой новых задач советской исторической науки, в том числе касающихся выработки новых подходов к оценке процесса централизации русского государства [7; 8, с. 170–174]. В научных трудах М. Н. Покровского этот процесс представлялся как результат развития торгового капитала и его влияния на общественные отношения, которые к исходу XV в., по мнению ученого, обнаружили тенденции перехода от феодальной формации к буржуазно-капиталистической. Такое видение исторической действительности было осуждено участниками упомянутого сборника. В числе критиков М. Н. Покровского по вопросам, прямо или косвенно касающимся русской истории периода централизации, выступили С. В. Бахрушин, К. В. Базилевич, С. В. Юшков и А. Н. Насонов.

Новые воззрения на исторический процесс нашли отражение в учебниках по истории для школы и вузов, разработанных и опубликованных во второй половине 1930-х гг. В дискуссиях по содержанию учебников истории, развернувшихся на страницах периодической печати, отмечалась порочность идей М. Н. Покровского и прослеживались рамки новой парадигмы решения большинства вопросов отечественной истории. Таким образом, попытки выстроить завершённую теорию образования централизованного русского государства предпринимались уже с конца 1930-х гг.

Первой монографической работой в этом направлении стало сочинение В. В. Мавродина [9]. В нём историк предпринял попытку комплексно рассмотреть и проанализировать предпосылки, причины, характер и особенности процесса складывания единого государства великороссов. Последующие труды отечественных историков развивали данную проблематику. Наиболее заметный вклад был сделан С. В. Бахрушиным [10–12], И. И. Смирновым [13–15], К. В. Базилевичем [16; 17], С. В. Юшковым [18; 19]. Существенное значение для построения теории централизованного русского государства имели также работы Б. Д. Грекова [20; 21], П. П. Смирнова [22; 23], Р. Ю. Виппера [24], И. У. Будовница [25] и др.

Создание новой теории требовало решения исследователями ряда теоретико-методологических задач. Наиболее острые разногласия в среде отечественных историков были по вопросам о периодизации складывания централизованного государства, форме государственного правления, причинах и движущих силах централизации, роли личности в истории и её оценках (применительно к событиям политической централизации).

Методологической основой для решения перечисленных вопросов стало марксистско-ленинское учение

[1] О преподавании гражданской истории в школах СССР. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. // Интернет-архив законодательства СССР. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm (дата обращения: 10.12.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

об историческом материализме. Научные исследования оказались под сильным воздействием государственного аппарата, на протяжении 1920-х гг. осуществлялось планомерное огосударствление научных организаций [26, с. 48]. Историки-марксисты были поставлены перед необходимостью отыскивать равновесие между принципами научной работы и соблюдением партийно-правительственных предписаний [27, с. 193–195]. Существенное влияние на выводы историков оказали идейно-теоретические постулаты, выдвигаемые в разное время И. В. Сталиным. В совокупности тезисы Маркса – Ленина – Сталина сложили каркас аксиоматических положений, во многом определивших содержание и направленность научных поисков 1940-х – начала 1950-х гг.

Некоторые проблемы историографии централизованного государства были затронуты И. В. Сталиным напрямую. Так, в докладе X съезду РКП(б) [28] и тезисах к этому докладу им были заявлены черты, отражающие специфику российского исторического процесса. Это, во-первых, влияние угрозы внешнего вторжения, послужившее ускорению государственного строительства ещё до разложения феодальных отношений (как то имело место в западноевропейских странах). Во-вторых, это возникновение государства как многонационального. И. В. Сталин писал: «Там, где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации, естественно, облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства. Так происходило дело в Англии (без Ирландии), Франции, Италии. На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия» [29, с. 15–16].

Данные тезисы были позднее уточнены И. В. Сталиным в «Письме тт. Цветкову и Алыпову». В нём генеральный секретарь ЦК ВКП(б) разъяснял, как следует понимать его утверждение об опасности извне: это не ведущее, но ускоряющее процесс обстоятельство при определяющем влиянии развития производительных сил [30, с. 38–41].

Другим трудом, получившим общеметодологическую значимость, стал краткий курс истории ВКП(б), созданный при непосредственном участии И. В. Сталина. Сочинение содержало подробное изложение общих начал диалектического и исторического материализма[2] – метода, утвердившегося в советской науке в качестве основного и единственного. Наконец, немалое влияние на историческую мысль в начале 1950-х гг. оказало издание [31]. В нём И. В. Сталин обратился к истолкованию взаимосвязи фундаментальных категорий базиса и надстройки. Он показал, что надстройка в историческом процессе является не пассивной, а «величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы» [31, с. 7]. Мысли, высказанные в данном труде, были приняты на вооружение историками при решении вопросов о сути классовой борьбы в процессе создания централизованного русского государства, а также об особенностях развития феодализма на Руси. Академик Б. Д. Греков отмечал, что труд И. В. Сталина заставил историков «многое пересмотреть в своих работах» [32, с. 113].

Сталинские замечания приобрели в дальнейшем значение теоретических постулатов марксистской научной теории, цитаты названных сочинений широко использовались советскими историками в статьях и монографиях. Исследователи подчёркивают громадное влияние генерального секретаря ЦК ВКП(б) на развитие исторической мысли [33, с. 138]. Как отмечает А. Н. Фукс, «И. В. Сталин был одним из основных творцов новой советской моноконцепции отечественной истории» [34, с. 371].

Влияние генерального секретаря ЦК ВКП(б) на историческую мысль в целом общепризнано в современной науке [35, с. 4; 36, с. 116]. Мы стремимся показать, как идеи советского руководителя воздействовали на работу историков при решении конкретного теоретического вопроса, касающегося становления централизованного русского государства.

Важнейшие направления полемики в рамках темы возникновения централизованного государства обозначились уже в начале 1940-х гг. Прежде всего на повестке оказался вопрос о периодизации. Как писала историк С. И. Якубовская: «Строго продуманная научная периодизация истории СССР – необходимое условие для успешного развития советской исторической науки и правильной организации преподавания в наших средних и высших учебных заведениях» [37, с. 85]. Периодизация, предложенная ранее М. Н. Покровским, была отвергнута за избыточный схематизм и слабую связанность с конкретными фактами истории.

Решение вопроса было предложено авторами первого стабильного учебника по истории СССР, группой учёных под руководством А. В. Шестакова. С некоторыми уточнениями она была повторена в школьном учебнике под редакцией А. М. Панкратовой [38] и учебнике для вузов под редакцией В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина [39]. А. Н. Фукс отмечает: «Положив в основу периодизации марксистскую теорию о смене формации, А. В. Шестаков и его коллектив впервые в учебной литературе выдвинули новую схему этапов исторического процесса» [40, с. 107].

Схема А. В. Шестакова включала два крупных раздела: «Создание русского национального государства» и «Расширение русского государства» [41]. Такая структура была в целом принята научным сообществом и впоследствии

[2] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1938. С. 99–109.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

претерпела лишь некоторые уточняющие изменения. Главнейшим было включение в название второго раздела понятия «многонациональное государство», что в большей мере отвечало высказанным прежде положениям И. В. Сталина. Именно такая формулировка была использована в учебнике А. М. Панкратовой.

Впрочем, решение, предложенное авторами учебников, оставило вопросы и вызвало нарекания в академическом сообществе. В 1948 г. на состоявшемся в Институте истории АН СССР Учёном совете было подвергнуто критике второе издание вузовского учебника под редакцией В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина [42]. Выступавший Н. Л. Рубинштейн указал, что с периодизацией в учебнике «не всё благополучно: нет необходимой чёткости»[3].

Разночтения были связаны с установлением верхней и нижней границ процесса централизации. Одни исследователи были склонны видеть его начало во второй половине XV в., другие же относили его во времена Ивана Калиты [43, с. 4–5]. Временем окончательного сложения централизованного государства часть историков называли рубеж XV–XVI вв., часть – середину XVI в. Суть противоречия состояла в том, что исследователи считали признаком завершения государственной централизации: преодоление раздробленности и зарождение системы державного управления или разрешение проблемы внутриклассовой борьбы путём уничтожения «боярского сепаратизма» [44]. В 1940-е гг. с продолжающейся идеализацией личности Ивана Грозного его опричная политика осмысливалась рядом историков как завершающая ступень централизации. Такую оценку деятельности Ивана IV давали В. В. Мавродин [45, с. 311], С. В. Бахрушин [12, с. 1], И. И. Смирнов [15, с. 8]. В ином духе высказывался К. В. Базилевич, полагавший, что создание русского национального государства «фактически было закончено» в годы правления Ивана III [46, с. 9]. Позднее учёный скорректировал свои выводы, предложив передвинуть рубеж окончания государственного строительства ко времени «ограничения опричнины» [47, с. 69].

Важной установкой отечественных историков, исходившей из коренных положений марксистского учения, было стремление избегать разрыва политической истории с историей производственных отношений. При этом необходимо было установить чёткий признак, который мог стать основанием периодизации. Заметным событием стала дискуссия по поводу периодизации феодального периода истории СССР, произошедшая на страницах журнала «Вопросы истории» (печатного органа АН СССР) в конце 1949–1950 гг. Начало дискуссии положила статья К. В. Базилевича [47]. В ней он выделил три шкалы периодизации, опирающиеся на признаки: 1) развития производительных сил и производственных отношений; 2) изменения в политической структуре феодального общества; 3) «наиболее характерные для каждого подразделения явления исторического процесса» [47, с. 89–90].

Положения К. В. Базилевича подверг критике П. Я. Мирошниченко. Он отметил недостаточность предложенных в статье критериев, а именно: отсутствие увязки истории великороссов с историей иных народов СССР, невнимание к явлениям идеологии и культуры. Выводом было то, что «предложенная периодизация не определяет единства разных сторон исторического процесса внутри одного и того же периода» [48, с. 92]. В том же духе высказался И. С. Миллер, отметивший, что при всей важности ведущей роли производственного фактора периодизация «не может не включать важнейших явлений в области развития надстройки» [49, с. 67]. С критикой подхода К. В. Базилевича выступил также А. П. Пьянков, предложивший в качестве ведущего критерия периодизации «типичные явления в организации феодального способа производства» [50, с. 84].

А. А. Зимин признал методологические посылки К. В. Базилевича «вполне научно обоснованными», но выдвинул новый вопрос – о методике выявления «граней», разделяющих периоды внутри истории феодализма [51, с. 69]. В. В. Мавродин задал дополнительное измерение периодизации централизованного русского государства, поставив вопрос об изучении этапов становления русского народа. По утверждению историка, данные две проблемы «сопровождают друг друга и являются различными сторонами одного и того же явления» [52, с. 65].

Полемика о периодизации русской истории эпохи феодализма была напрямую связана с более частным вопросом о периодизации процесса создания централизованного русского государства. Она имела важное теоретико-методологическое значение, поскольку позволила выявить наиболее значимые стороны данной проблематики, закрепить их в научной повестке. Поднятые в ходе дискуссии вопросы получили дальнейшее развитие в трудах ведущих историков-марксистов, нашли отражение в исследовательских статьях и монографиях.

Другой принципиальный вопрос, вызвавший прения в научном сообществе, касался установления формы русского государства периода централизации. Здесь, как и в случае с периодизацией, простой перенос фактов западноевропейской истории на русскую историческую действительность полагался историками неуместным. Требовалось, руководствуясь марксистской формационной стратегией, определить ведущие черты государственной власти в стране, учитывая особенности русского исторического процесса. Данный вопрос был тесно связан с предыдущим, составлял один из важных его аспектов.

В учебнике под редакцией А. В. Шестакова вопрос о форме и характере русского государства XV–XVI вв. специально не выделялся. Власть Ивана IV мимоходом определяется как самодержавная [41]. Авторы не указывают логического соответствия данного феномена какой-либо форме в западноевропейской классификации (раннефеодальная монархия,

[3] О втором издании первого тома учебника по истории СССР // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 150.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

сословная монархия, абсолютизм). Иначе обстоит дело в учебнике для вузов. Его авторы выделили раздел «Феодальное абсолютистское государство» [39], на структурном уровне подчеркнув характер политического строя, сложившегося в России со времени Ивана III до Ивана IV.

Однако идея об абсолютистском характере государства в указанный период не встретила поддержки в научном сообществе. Одним из критиков этого положения выступил С. В. Юшков, который указал на отсутствие объективных предпосылок для складывания абсолютистского государства в XVI в. [53, с. 26]. Общее мнение историков-правоведов (С. В. Юшков, А. И. Денисов) было таково, что в правление Ивана Грозного общественный строй приобрёл черты сословно-представительной монархии[4]. С ними был солидарен Л. В. Черепнин [54, с. 24].

Данное положение породило спор, в ходе которого были высказаны различные мнения о справедливости такого определения. Так, К. В. Базилевич полагал тезис о сословном представительстве несостоятельным и видел возможным говорить о «сословной феодальной монархии» [46]. В свою очередь П. Я. Мирошниченко предложил категорию «сословная монархия» как отражающую особенность русского исторического процесса.

К началу 1950-х гг. проблема выяснения характера государственного строя России в XVI в. оставалась открытой. В редакционной статье журнала «Вопросы истории» отмечалась недостаточная проработка данного вопроса[5]. В литературе сохранилось понятие *самодержавие*, ведущие исследователи не отказались от его использования [16, с. 89; 44]. Сохранилась и заметная оппозиция тезису о самодержавном характере власти русских правителей до XVII в. Такое положение рождало потребность в углубленном изучении ряда вопросов, в частности – о сословном представительстве. Обстоятельная работа в этом направлении была проведена позже, в 1960–1970-е гг. Л. В. Черепниным [55] и С. О. Шмидтом [56].

Куда меньше противоречий в 1940-х – начале 1950-х гг. вызывали вопросы о движущих силах централизации. Однако и здесь обнаружилось поле для полемики. Показательная дискуссия состоялась в 1946 г. на страницах «Вопросов истории» в связи со статьёй [22]. П. П. Смирнов выступил с резкой критикой исторической литературы, обвинив её авторов (В. В. Мавродина, К. В. Базилевича и др.) в отклонении от фундаментального марксистского принципа материалистического монизма. С позиции ортодоксального марксизма он утверждал о необходимости интерпретации исторического процесса в контексте развития производительных сил, отвергая привлечение прочих факторов как проявление эклектизма.

Ответом на демарш П. П. Смирнова стали публикации ведущих исследователей централизованного русского государства: В. В. Мавродина [57], К. В. Базилевича [58], И. И. Смирнова [59], – которые в свою очередь заявили об отсутствии научности в подходе оппонента. К. В. Базилевич уличал П. П. Смирнова в непонимании отличия марксистского метода от подходов дореволюционных историков. «Буржуазные историки, изучая множественность причин, не выделяли ведущую причину или выделяли её неправильно, тогда как марксисты рассматривают эту множественность в единстве исторического процесса, в основе которого лежит развитие производительных сил человеческого общества» [58, с. 36].

Таким образом, советскими историками было в неявной форме постулировано начало многофакторности в изучении процесса централизации, что показало *de facto* творческое преобразование исходных методологических посылок формационного учения марксизма-ленинизма. Советское академическое сообщество декларативно отрицало позитивистские подходы дореволюционной историографии как несостоятельные, лишённые научного стержня. Однако полемика по фундаментальным методологическим вопросам выявила хорошо прослеживаемую преемственность исторических школ старого и нового времени.

Ещё одним крупным вопросом в работе историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. явился вопрос о роли личности в истории. Он, впрочем, не обрёл полемической остроты. Наиболее заметным историографическим сюжетом в этой связи стали изыскания об исторической роли Ивана Грозного. Особую роль в деле возвеличивания русского царя сыграл лично И. В. Сталин. Его влияние на историческую науку существенно послужило легитимации субъективного фактора, а прямые указания партийно-правительственных структур на прогрессивную роль политики Ивана IV обусловили единообразие оценок его деятельности в научных и учебных публикациях.

Заключение

Работа советских историков находилась в поле мощного идейного воздействия со стороны партийно-правительственной верхушки и лично И. В. Сталина, зачастую определявшего логику и направление осмысления социально-политических процессов в прошлом. Была предпринята попытка уточнить степень влияния сталинских указаний на разработку историками конкретных проблем складывания централизованного русского государства. Из проведённого анализа следует, что ряд таких указаний сформировал концептуальную основу исследовательской деятельности учёных в 1930-х – начале 1950-х гг.

Разработка теории становления централизованного русского государства была сопряжена с решением ряда крупных исследовательских задач, касающихся широкого круга теоретико-методологических вопросов. Данные задачи требовали отдельного углублённого обсуждения, что вылилось в ряд крупных научных дискуссий, которые

[4] О втором издании первого тома учебника по истории СССР…

[5] Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 8.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

развернулись на страницах научных журналов. Изучение содержания этих дискуссий позволяет понять механизмы формирования научных представлений о централизации русского государства, разобраться в сущностных затруднениях, которые возникли перед историками в ходе научной разработки названной проблематики.

Историографической ситуации названного периода присуща определённая двойственность. Декларируемая историками приверженность монистическому подходу на деле разворачивалась в сложный многофакторный метод. Важным следствием этого стало стимулирование исследований в ряде смежных научных областей, таких как историческая лингвистика, этнология, историческая география и др. Анализ монографического и статейного материала позволяет заключить, что преемственность в работе дореволюционных и советских историков была существенно большей, нежели о том заявляли сами историки-марксисты. Решение важнейших теоретических задач осуществлялось ими в целом в духе позитивистского подхода, намеченного ещё буржуазной историографией конца XIX – начала XX в.

Литература

1. Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки. М.: Мысль, 1968. 197 с.
2. История и сталинизм / сост. А. Н. Мерцалов. М.: Политиздат, 1991. 446 с.
3. Вдовин А. И. Русские в XX веке. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 448 с.
4. Артизов М. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 102–120.
5. Против исторической концепции М. Н. Покровского / под ред. Б. Грекова, С. Бушуева, В. Лебедева. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. Ч. 1. 518 с.
6. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского / под ред. Б. Грекова, Ем. Ярославского, С. Бушуева. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 506 с.
7. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 621 с.
8. Дубровский А. М. Историк и власть. Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 2005. 798 с.
9. Мавродин В. В. Образование русского национального государства. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1941. 208 с.
10. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1: Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII вв. / под ред. А. А. Зимина и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 264 с.
11. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2: Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. А. А. Зимина и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 380 с.
12. Бахрушин С. В. Самодержавие Ивана IV. М.: Воен. изд-во, 1946. 80 с.
13. Смирнов И. И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9-10. С. 74–108.
14. Смирнов И. И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // Ист. зап. 1953. Т. 43. С. 150–181.
15. Смирнов И. И. Иван Грозный. Л.: Госполитиздат, 1944. 108 с.
16. Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства: вторая половина XV в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 544 с.
17. Базилевич К. В. Курс истории СССР. Лекция 11: Образование Русского национального государства. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1940. 36 с.
18. Юшков С. В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. 1950. № 10. С. 39–51.
19. Юшков С. В. К проблеме образования феодального государства. М.., 1948. 71 с.
20. Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.-Л.: Соцэкгиз, 1940. 116 с.
21. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. 2-е изд. испр. и доп. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 535 с.
22. Смирнов П. П. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 55–90.
23. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 490 с.
24. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1944. 159 с.
25. Будовниц И. У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Ист. зап. 1947. № 21. С. 271–331.
26. Занкевич Е. Х. К истории советизации Российской Академии наук. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1957. 92 с.
27. Тихонов В. В. Историки и советская власть в 1920–1940-е гг.: патроны и клиенты // Вестник РГГУ. Серия «История России». 2014. № 19. С. 193–204.
28. Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1938. 232 с.
29. Сталин И. В. Сочинения. Т. 5: 1921–1923. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947. 446 с.
30. Сталин И. В. Сочинения. Т. 9: декабрь 1926 – июль 1927. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948. 384 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

31. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950. 56 с.
32. Греков Б. Д. Генезис феодализма в России в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // Сессия отделения общественных наук АН СССР, посвященная годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 113–128 с.
33. Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. 225 с.
34. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). 2-е изд., доп. М.: МГОУ, 2017. 419 с.
35. Зеленов М. В. Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934–1936 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 3–30.
36. Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
37. Якубовская С. И. К вопросу о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 6. С. 85–88.
38. Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова А. М. История СССР: Учебник для VIII класса сред. школы / под ред. А. М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1940. 224 с.
39. История СССР. Т. 1: С древнейших времён до конца XVIII в. / под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М.: Соцэкгиз, 1939. 792 с.
40. Фукс А. Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и её отражение в школьном учебнике А. В. Шестакова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 2. С. 104–113.
41. Краткий курс истории СССР: Учебник для 3 и 4 классов / под ред. А. В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. 223 с.
42. История СССР. Т. 1: С древнейших времён до конца XVIII в. / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1948. 744 с.
43. Верховень Б. Г. Россия в царствование Ивана Грозного. М.: Госполитиздат, 1939. 56 с.
44. Очерки по истории СССР / под ред. А. В. Шестакова. Ч. 2: Феодально-крепостнический период истории СССР. Ташкент: Учпедгиз УзССР, 1941. 312 с.
45. Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1951. 328 с.
46. Базилевич К. В. Образование русского национального государства: Иван III. М.: Воен. изд-во, 1946. 52 с.
47. Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 65–90.
48. Мирошниченко П. Я. По поводу статьи К. В. Базилевича // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 89–92.
49. Миллер И. С. К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 64–75.
50. Пьянков А. П. О периодизации истории феодальных отношений в России // Вопросы истории. 1950. № 5. С. 77–84.
51. Зимин А. А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 69–76.
52. Мавродин В. В. Основные этапы этнического развития русского народа // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 55–70.
53. Юшков С. В. Учебное пособие по истории государства и права СССР. Вып. 5–6: История государства и права в период превращения русского государства в многонациональное. М.-Л.: Юрид. изд-во, 1946. 87 с.
54. Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодализма в России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 78 с.
55. Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
56. Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-полит. истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. 359 с.
57. Мавродин В. В. Несколько замечаний по поводу статьи П. П. Смирнова «Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.» // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 45–54.
58. Базилевич К. В. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26–44.
59. Смирнов И. И. О путях исследования Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 30–44.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

Development of Russian Unitary State in the Works of Domestic Historians of the Late 1930's – Early 1950's

Nikita V. Tikhomirov [a, @]

[a] Moscow Region State University, Russia, Mytishi

[@] tihomirov_n@rambler.ru

Received 15.11.2019. Accepted 23.12.2019.

Abstract: The present research featured the concept of Russian unitary state in the Soviet historiography of the late 1930's – early 1950's. The paper introduces the key problems the leading historians of that period had to face while developing their theoretical and methodological positions. The study focused on the effect of politics and ideology on historical science and the most important research problems studied by Russian mediaevalists. The author highlighted the role of I. V. Stalin in establishing the conceptual foundations for the theory of unitary state development. The article summarizes the vast material obtained from scientific publications, educational literature, and official documents of the period in question. The author revealed some continuity between the approaches of pre-revolutionary and Soviet historians, which made it possible to describe the specifics of the Marxist method. The research improves the scientific understanding of the development of the Soviet monoconcept of domestic history, as it clarifies the development process of the theory of Russian state. In practical terms, the obtained results can improve theoretical, scientific, methodological, and educational studies.

Keywords: dating, methodology, Marxism-Leninism, historiography, concept

For citation: Tikhomirov N. V. Development of Russian Unitary State in the Works of Domestic Historians of the Late 1930's – Early 1950's. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 78–87. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

References

1. Ivanova L. V. *To the origins of Soviet historical science*. Moscow: Mysl, 1968, 197. (In Russ.)
2. *History and Stalinism,* comp. Mertsalov A. N. Moscow: Politizdat, 1991, 446. (In Russ.)
3. Vdovin A. I. *The Russians in the XX century*. Moscow: Olma-Press, 2004, 448. (In Russ.)
4. Artizov M. N. Criticism of M. N. Pokrovsky and his school (On the history of the issue). *Istoriia SSSR*, 1991, (1): 102–120. (In Russ.)
5. *Against the historical concept of M. N. Pokrovsky*, eds. Grekov B., Bushuev S., Lebedev V. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1939, pt. 1, 518. (In Russ.)
6. *Against the antimarxistic concept of M. N. Pokrovsky*, eds. Grekov B., Iaroslavskii Em., Bushuev S. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1940, pt. 2, 506. (In Russ.)
7. Dubrovskii A. M. *Power and historical thought in the USSR (1930–1950s)*. Moscow: ROSSPEN, 2017, 621. (In Russ.)
8. Dubrovskii A. M. *Historian and power.* Bryansk: Izd-vo Brian. gos. un-ta, 2005, 798. (In Russ.)
9. Mavrodin V. V. *The formation of the Russian unitary state*, 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat, 1941, 208. (In Russ.)
10. Bakhrushin S. V. *Scientific works. Vol. 1: Essays on the history of craft, trade, and cities of the Russian unitary state of the XVI – early XVII centuries*, ed. Zimin A. A. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952, 264. (In Russ.)
11. Bakhrushin S. V. *Scientific works. Vol. 2: Articles on the economic, social, and political history of the Russian unitary state of the XV–XVII centuries,* ed. Zimin A. A Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954, 380. (In Russ.)
12. Bakhrushin S. V. *Autocracy of Ivan IV.* Moscow: Voen. izd-vo, 1946, 80. (In Russ.)
13. Smirnov I. I. The class struggle in the Moscow state in the first half of the XVI century. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv,* 1935, (9-10): 74–108. (In Russ.)
14. Smirnov I. I. Ivan the Terrible and the boyar "rebellion" 1553. *Istoricheskie zapiski*, 1953, 43: 150–181. (In Russ.)
15. Smirnov I. I. *Ivan the Terrible*. Leningrad: Gospolitizdat, 1944, 108. (In Russ.)
16. Bazilevich K. V. *The foreign politics of the Russian unitary state: second half of XV century.* Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1952, 544. (In Russ.)
17. Bazilevich K. V. *History course of the USSR. Lecture 11: The formation of the Russian national state*. Moscow: Vysshaia partiinaia shkola pri TsK VKP(b), 1940, 36. (In Russ.)
18. Iushkov S. V. On the issue of estate-representative monarchy in Russia. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1950, (10): 39–51. (In Russ.)
19. Iushkov S. V. *To the problem of the formation of a feudal state*. Moscow, 1948, 71. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

20. Grekov B. D. *The most important stages in the history of serfdom in Russia.* Moscow-Leningrad: Sotsekgiz, 1940, 116. (In Russ.)
21. Grekov B. D. *Peasants in Russia from ancient times to the XVII century.* Book 1, 2nd ed. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952, 535. (In Russ.)
22. Smirnov P. P. The formation of the Russian State in the 14–15th centuries. *Voprosy istorii*, 1946, (2-3): 55–90. (In Russ.)
23. Smirnov P. P. *Posad people and their class struggle until the middle of the XVII century.* Vol. 1. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947, 490. (In Russ.)
24. Vipper R. Iu. *Ivan the Terrible.* Moscow-Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1944, 159. (In Russ.)
25. Budovnits I. Iu. Ivan the Terrible in Russian historical literature. *Istoricheskie zapiski*, 1947, (21): 271–331. (In Russ.)
26. Zankevich E. Kh. *On the history of Sovietization of the Russian Academy of Sciences*. Munich: Institut po izucheniiu SSSR, 1957, 92. (In Russ.)
27. Tikhonov V. V. The historians and the Soviet power in the 1920s – 1940s: patrons and clients. *Bulletin of the RSUH. Series "History of Russia"*, 2014, (19): 193–204. (In Russ.)
28. Stalin I. V. *Marxism and the national-colonial question.* Moscow: Gos. izd-vo polit. lit., 1938, 232 c.
29. Stalin I. V. *Works. Vol. 5: 1921–1923*. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit., 1947, 446. (In Russ.)
30. Stalin I. V. *Works. Vol. 9: December 1926 – July 1927*. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit., 1948, 384. (In Russ.)
31. Stalin I. V. *Marxism and Linguistics.* Moscow: Gospolitizdat, 1950, 56. (In Russ.)
32. Grekov B. D. The genesis of feudalism in Russia in the light of the works of I. V. Stalin on linguistics. *Session of the Department of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences dedicated to the anniversary of the publication of the ingenious work of I. V. Stalin "Marxism and the problems of linguistics"*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951, 113–138. (In Russ.)
33. Kobrin V. B. *Who is scared of you, historian?* Moscow: Moskovskii rabochii, 1992, 225. (In Russ.)
34. Fouks A. N. *School books on Russian history as a historiographic phenomenon (late XVII century – second half of the 1930's),* 2nd ed. Moscow: MGOU, 2017, 419. (In Russ.)
35. Zelenov M. V. How Stalin criticized and edited the abstracts of history textbooks (1934–1936). *Voprosy istorii,* 2004, (6): 3–30. (In Russ.)
36. Kostyrchenko G. V. *Stalin against "cosmopolitans": power and Jewish intelligentsia in the USSR*. Moscow: ROSSPEN, 2009, 415. (In Russ.)
37. Iakubovskaia S. I. To the question of dating of the history of the USSR. *Voprosy istorii*, 1950, (6): 85–88. (In Russ.)
38. Bazilevich K. V., Bakhrushin S. V., Pankratova A. M. *History of the USSR: Textbook for VIII grade high school*, ed. Pankratova A. M. Moscow: Uchpedgiz, 1940, 224. (In Russ.)
39. *History of the USSR. Vol. 1: From ancient times to the end of the XVIII century*, eds. Lebedev V. I., Grekov B. D., Bakhrushin S. V. Moscow: Sotsekgiz, 1939, 792. (In Russ.)
40. Fouks A. N. Formation of the Soviet monoconcept of the Russian history and her reflection in school textbook edited by A. V. Shestakov. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Science*, 2009, (2): 104–113. (In Russ.)
41. *A short course in the history of the USSR: Textbook for grades 3 and 4*, ed. Shestakov A. V. Moscow: Uchpedgiz, 1937, 223. (In Russ.)
42. *History of the USSR. Vol. 1: From ancient times to the end of the XVIII century,* eds. Grekov B. D., Bakhrushin S. V., Lebedev V. I. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat, 1948, 744. (In Russ.)
43. Verkhoven B. G. *Russia in the reign of Ivan the Terrible*. Moscow: Gospolitizdat, 1939, 56. (In Russ.)
44. *Essays on the history of the USSR*, ed. Shestakov A. V. Part 2: Feudal-serfdom period in the history of the USSR. Tashkent: Uchpedgiz UzSSR, 1941, 312. (In Russ.)
45. Mavrodin V. V. *Development of unitary Russian state*. Leningrad: Izd-vo Leningr. gos. un-ta im. A. A. Zhdanova, 1951, 328. (In Russ.)
46. Bazilevich K. V. *The formation of the Russian national state: Ivan III*. Moscow: Voen. izd-vo, 1946, 52. (In Russ.)
47. Bazilevich K. V. The experience of dating of the history of the USSR of the feudal period. *Voprosy istorii*, 1949, (11): 65–90. (In Russ.)
48. Miroshnichenko P. Ia. Regarding the article of K. V. Bazilevich. *Voprosy istorii*, 1950, (2): 89–92. (In Russ.)
49. Miller I. S. On the question of the dating principles in the history of the USSR. *Voprosy istorii*, 1950, (11): 64–75. (In Russ.)
50. Piankov A. P. On the dating of the history of feudal relations in Russia. *Voprosy istorii,* 1950, (5): 77–84. (In Russ.)
51. Zimin A. A. Some dating matters of the history of the feudal period of the USSR. *Voprosy istorii*, 1950, (3): 69–76. (In Russ.)
52. Mavrodin V. V. The main stages of the ethnic development of the Russian people. *Voprosy istorii*, 1950, (4): 55–70. (In Russ.)
53. Iushkov S. V. *Textbook on the history of state and law of the USSR. Iss. 5–6: The history of state and law during the period of transformation of the Russian state into a multinational*. Moscow-Leningrad: Iurid. izd-vo, 1946, 87. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87

54. Cherepnin L. V. *The main stages in the development of feudalism in Russia.* Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955, 78. (In Russ.)
55. Cherepnin L. V. *Zemsky Cathedrals of the Russian state in the XVI–XVII centuries*. Moscow: Nauka, 1978, 417. (In Russ.)
56. Shmidt S. O. *The formation of the Russian autocracy: Study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible.* Moscow: Mysl, 1973, 359. (In Russ.)
57. Mavrodin V. V. Some notes on the article by P. Smirnov ("The formation of the Russian Centralized State"). *Voprosy istorii*, 1946, (4): 45–54. (In Russ.)
58. Bazilevich K. V. Regarding the historical conditions of the formation of the Russian State. *Voprosy istorii*, 1946, (7): 26–44. (In Russ.)
59. Smirnov I. I. On an investigation into Russian Centralized State. *Voprosy istorii*, 1946, (4): 30–44. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

оригинальная статья
УДК 94(57)+94(510).07+94(510.4)+33(339.5)

Контрабандная торговля русской золотой и серебряной монетой в Западном Китае в 50-е гг. XIX в. (по материалам российского консула К. А. Скачкова)

Ильдар Р. Хамзин [a, @]

[a] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург
[@] ildar.hamzin1991@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2020. Принята к печати 27.02.2020.

Аннотация: Рассматривается проблема контрабандной торговли русской золотой и серебряной монетой на территории Западного Китая в 50-е гг. XIX в. Цель – выявить основные причины развития нелегальной денежной торговли на центрально-азиатских рубежах России и Китая. Предметом изучения служат торговая деятельность российских и азиатских купцов в Синьцзяне в 50-е гг. XIX в. и организация таможенной службы на азиатских границах Российской империи. В качестве основных методологических приемов используются метод исторической реконструкции (деятельности купцов), сравнительно-исторический и системно-исторический подходы. Основой для исторического анализа послужили материалы русского консула в Чугучаке Константина Адриановича Скачкова из фонда 273 Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки. На основе материалов К. А. Скачкова проведен сравнительный анализ торговой деятельности русского купца и контрабандиста, который позволяет реконструировать процесс торговли, определить расходы на перевоз товара и коммерческую выгоду, получаемую в результате легальной и контрабандной торговли. Разница в скорости и стоимости доставки товаров, высокий спрос на иностранную монету в Китае определили преимущества контрабандной торговли. Русский консул предлагал конкретные меры для решения проблемы контрабандной торговли русской серебряной монетой на территории Синьцзяна: ужесточение правил таможенного контроля, запись купцов из Средней Азии в русские купеческие гильдии. В этой связи в статье затрагивается вопрос таможенной политики России согласно «Правилам торговли с Западным Китаем». Рассмотрены противоречия, которые были характерны для организации торговых отношений России с Синьцзяном. Сделан вывод, что меновой характер русско-китайской торговли стал главной причиной развития контрабанды золотой и серебряной монетой на территории Западного Китая в 50-е гг. XIX в.

Ключевые слова: русско-китайская торговля, контрабанда, меновая торговля, Центральная Азия, Синьцзян, Чугучак

Для цитирования: Хамзин И. Р. Контрабандная торговля русской золотой и серебряной монетой в Западном Китае в 50-е гг. XIX в. (по материалам российского консула К. А. Скачкова) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 88–97. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

Введение

Один из крупнейших советских исследователей международных отношений в Центральной Азии Б. П. Гуревич отмечал, что активное стремление России к открытию рынка Западного Китая для русской торговли стало прямым откликом на события на Дальнем Востоке в 40-е гг. XIX в. [1, с. 254]. В 1842 г. империя Цин проиграла Опиумную войну Англии (1840–1842) и согласно условиям Нанкинского договора 1842 г. была вынуждена открыть ряд морских портов для иностранной торговли [2]. В Российской империи весьма пристально следили за событиями открытия Китая. Большое опасение вызвал рост конкуренции английских товаров на китайском рынке (шерстяных и хлопчатобумажных тканей) с русскими мануфактурными изделиями. Как замечал в 1854 г. кяхтинский градоначальник Н. Р. Ребиндер русские товары «сходят с рук очень туго. Спроса почти нет. Наши купцы стараются сбывать их не для того, чтобы дать им движение, ибо оно крайне невыгодно, но для приобретения чаев, которые поднимаются в ценах и доставляют большие выгоды»[1]. Конкуренция английских фабричных товаров в Китае с аналогичными русскими наблюдалась еще с начала XIX в., но после событий первой опиумной войны ввоз английской мануфактуры в Китай увеличился кратно – с 9236223 долларов в 1831 г. до 20326580 долларов в 1844 г. [3, с. 159]. Несмотря на то, что качество русских товаров достаточно высоко оценивалось на китайском рынке, удобство приобретения промышленных изделий на побережье взамен долгого и дорого пути в Кяхту через Монголию[2] ставило русский сбыт в невыгодное положение.

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 79. Оп. 44. Д. 59. Л. 72.

[2] В период XVIII – первой половины XIX в. русско-китайская торговля развивалась на границе между Восточной Сибирью (Забайкальем) и Монголией через торговую слободу Кяхта.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

В 1846 г. граф К. В. Нессельроде, размышляя о будущем русско-китайской торговли, написал: «все европейские державы устремляются к торговле с Китаем и стараются всеми мерами ее расширить; когда они выговаривают себе доступ в новые порты, выговаривают разные права и преимущества, то самое соперничество теперь других государств побуждает наше правительство к мерам и действиям не отрицательным, а положительным, для расширения своих торговых оборотов с Китаем, сообразно с нашей потребностью фабричной и заводской промышленности ищущих больших для себя истоков... тут *дело идет… о соделании Китая более доступным для наших купцов с разных его сторон*[3]» [1, с. 261]. Русская политика была направлена на поиск и открытие новых направлений русско-китайской торговли. При этом одним из первых объектов русских интересов на территории Цинской империи стал регион Западного Китая, известный под наименованием Восточный Туркестан, или наместничество Синьцзян.

В 1845 г. в Синьцзян под видом купца Хорешева был направлен русский дипломат (к этому времени вице-директор Азиатского департамента МИД) Николай Иванович Любимов [4]. В своем докладе Н. И. Любимов сообщал, что русские товары с успехом могли бы найти своего покупателя на рынках городов Чугучак (Тарбагатай) и Кульджа (Или), тогда как и Синьцзян мог бы поставлять различный товар к русским границам, в том числе и китайский чай [4, с. 8–14].

Вместе с тем произошло укрепление русских позиций в регионе Семиречья. В течение 40-х гг. XIX в. здесь были основаны укрепления Сергиополь (Аягуз), Копал, Лепсинск. В 1845 г. казахские роды Старшего жуза приняли русское подданство [1, с. 265]. Русская пограничная линия вплотную приближалась к границам Восточного Туркестана.

Процесс русского продвижения в Средней Азии совпал с нарастающим кризисом империи Цин. Внимание Пекина в это время было сковано решением вопроса с иностранцами на восточном побережье и началом восстания тайпинов в 50 г. XIX в. Поэтому китайское правительство, долгое время сдерживающее внешние контакты Синьцзяна в начале 50-х гг. XIX в., вынуждено было уступить русским интересам. 25 июля 1851 г. состоялось подписание Кульджинского договора, по условиям которого русские купцы получили право торговли в двух городах Синьцзяна – Кульдже и Чугучаке[4].

После официального оформления русско-китайские торговые отношения в Синьцзяне получили быстрое развитие [5]. Но в то же время процесс торговли затруднялся незаконным вывозом русской золотой и серебряной монеты на территорию Синьцзяна. Цель настоящей статьи – выявить основные причины возникновения контрабандной торговли русской монетой в Западном Китаем в 50-е гг. XIX в.

Историография и источники

Необходимо отметить, что проблемы русской торговли в Синьцзяне не раз привлекали к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Дореволюционный период отмечен большим количеством работ и документов аналитического характера, в которых поднимался вопрос о состоянии и перспективах русской торговли в Синьцзяне [3; 6; 7]. В работах А. П. Субботина [8, с. 578] и Н. Крита [9, с. 192] можно увидеть разделы, специально посвященные проблеме контрабандной торговли по русско-китайской границе. Однако авторы сосредоточили свое внимание на проблеме контрабандной торговли чаем, практически не упоминая другие формы незаконной торговли.

В советское время детальный разбор русско-китайской торговли в Синьцзяне в 1852–1854 гг. провел У. Мамутахунов [5]. Автор отмечает, что с 1855 г. русская торговля в Западном Китае пришла в упадок, обосновывая это объективными факторами – восстанием тайпинов, сожжением фактории в Чугучаке, но внутренних причин, которые тормозили развитие русско-китайской торговли в Синьцзяне, историк не раскрывает. Мало внимания уделено вопросам контрабандной торговли по русско-китайской границе и в наиболее крупной советской работе по истории торговых отношений России и Китая М. И. Сладковского [10].

Русско-китайские отношения в Центральной Азии активно изучались и после распада СССР. В этой связи весьма примечательна работы российского историка В. А. Моисеева [11] и специалистов из Казахстана – С. Б. Кожировой [12] и В. В. Галиева [13], рассматривающие различные аспекты русско-китайских торговых отношений в Синьцзяне. В последние годы к вопросу русско-китайской торговли в центрально-азиатском регионе обращались В. Н. Шкунов [14], Л. А. Скворцова [15], Е. А. Кравченко [16], А. Н. Ермолаев [17]. Отдельно стоит отметить статью Т. А. Шеметовой, в которой затронута проблематика влияния географических условий на развитие контрабанды на русско-китайской границе, но в более поздний период советско-китайских отношений (1920-е гг.) [18]. В то же время можно наблюдать появление работ, в которых авторы специально обращаются к проблеме контрабанды в контексте истории отношений Российской империи и империи Цин [19–21], рассматривают историю кяхтинской таможни и ее проблемные вопросы [22–24], развитие контрабанды в русско-китайской торговле на Дальнем Востоке [25]. Синьцзян в контексте проблемы незаконной торговли в отношениях России и Китая во второй половине XIX в. до сих пор остается не изучен. Настоящая статья призвана закрыть данный историографический пробел.

Материалы русского консула К. А. Скачкова, раннее не использованные исследователями, позволяют рассмотреть проблему контрабандной торговли монетой в Синьцзяне на примере города Чугучак в первые годы после

[3] Курсив автора – И. Х.

[4] Русско-китайские отношения 1689–1917. Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 26.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

заключения Кульджинского договора 1851 г.[5] Важно подчеркнуть, что в настоящей статье используется документ, ранее не задействованный в историографии русско-китайской торговли, – «Правила торговли с Западным Китаем»[6]. Так называемые «Правила сухопутной торговли» редакций 1862 г., 1869 г. и 1881 г. прилагались к русско-китайским договорам, заключенным в соответствующий период[7]. Документы подробно рассматривали особенности двусторонней торговли России и Китая по монгольскому, кяхтинскому направлению. Подобный же документ прилагался и к Кульджинскому договору 1851 г. В отечественной литературе о нем упоминал в своих работах Н. А. Халфин, ссылаясь на центральный архив Узбекистана [26, с. 42]. Упоминание «Правил торговли с Западным Китаем» можно увидеть и в исследованиях историка из Казахстана С. Б. Кожировой [12]. Однако авторы ограничивались лишь констатаций существования данного документа. «Правила торговли с Западным Китаем» также отсутствуют в сборниках русско-китайских официальных документов[8]. В материалах К. А. Скачкова из фонда НИОР РГБ удалось обнаружить полный текст названного документа из 16 статей, прилагаемого к Кульджинскому договору 1851 г.[9] Найденный источник поможет углубить анализ заявленной в статье проблемы.

С точки зрения методологии исследование основывается на принципах системно-исторического и сравнительно-исторического подходов. Сравнительно-исторический метод позволяет провести сопоставление проблемы контрабандной торговли русской золотой и серебряной монетой в Синьцзяне со схожими процессами в рамках русско-китайской торговли в Кяхте на границах с Монголией. Системно-исторический подход позволяет рассматривать проблему нелегальной русско-китайской торговли как следствие макропроцессов международных отношений – экономического открытия Китая, финансового кризиса империи Цин. Большое значение для данного исследования представляет метод исторической реконструкции, который позволил детально восстановить процесс торговли русских купцов и контрабандистов, осуществлявших торговые операции на территории Западного Китая в середине XIX в.

Основу исследования составил анализ уникальных документов русского консула К. А. Скачкова, которые позволяют полноценно и детально раскрыть заявленную в статье проблематику.

Проблема контрабандной торговли золотой и серебряной монетой

Согласно условиям Кульджинского договора 1851 г. в Синьцзяне разрешалась меновая торговля – обмен товара на товар. Ввоз в регион золотой и серебряной монеты, а также иностранной монеты был запрещен[10]. В то же время империя Цин испытывала острый финансовый кризис, связанный с оттоком серебра из страны, на которое закупался опиум [27, с. 383]. Китай нуждался в иностранных драгоценных металлах. Прямым следствием этого стало развитие контрабандной торговли в Синьцзяне, когда китайский товар незаконно покупался на русскую монету, а затем тайно перевозился в Россию. «Возникшее в Китае, с 1842 года, вследствие войны с Англичанами, большое требование на золото и серебро открыло возможность приобретать от Китайцев чай за драгоценные металлы 30 и даже 40 % дешевле, чем по вымену на товары»[11], – отмечается в источниках. Такая выгодная возможность приобретения китайского чая сводила на нет все попытки борьбы с нелегальной денежной торговлей [28, с. 43].

Контрабандой занимались в основном среднеазиатские купцы, долгие годы выступавшие посредниками в торговле России и Западного Китая [10, с. 212]. В отличие от русских купцов, согласно «Правилам торговли с Западным Китаем», прилагаемым к Кульджинскому договору 1851 г., восточные торговцы, привозившие товар из Китая, должны были выплачивать таможенные пошлины[12]. Подобные условия подтолкнули восточное купечество к незаконной торговле в Синьцзяне.

Русский консул в Чугучаке А. А. Татаринов отмечал, что в первый год после заключения Кульджинского договора 1851 г. контрабанда монетой нанесла убыток торговле на сумму в 50 тыс. руб. С развитием торговых отношений увеличивалась и контрабанда: в 1854 г. убыток русской таможни составил 360 тыс.[13]. Одновременно испытывал трудности и русский сбыт в Синьцзяне. «Китайцы нуждаются не в вещах наших, а собственно только в золоте и серебре», – писал уже сменивший А. А. Татаринова на посту консула К. А. Скачков[14].

Вывоз монеты, как указывал К. А. Скачков, осуществлялся по большей части не напрямую в Синьцзян, а через «киргизскую степь»[15], т. е. на момент исполнения обязанностей консула К. А. Скачковым – через Семипалатинскую область, куда

[5] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24.

[6] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 2. Л. 22 об.–23 об.

[7] Русско-китайские отношения 1689–1917... С. 42, 49, 61.

[8] Там же.

[9] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 2. Л. 22 об.–23 об.

[10] Русско-китайские отношения 1689–1917... С. 26.

[11] РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 215 а. Л. 274.

[12] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 2. Л. 22 об.

[13] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 51.

[14] Там же. Л. 54.

[15] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 50.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

вывоз монеты не был воспрещен. При открытости региона Северного Казахстана для вывоза монеты в «округах киргизкой степи, и даже городах, серебренная и золотая монета составляет известную редкость»[16]. Следовательно, приток монеты осуществлялся по большей части в Западный Китай. К такому выводу К. А. Скачков приходит на основе количества мест чая, проданных в Чугучаке в период 1853–1860 гг.

Консулом подмечено и то, что с момента учреждения консульства сбыт монеты значительно вырос: «до русского консульства контрабанда тут была слаба, вывозилось на 50000 тыс. руб. не более чем 1500 мест чая, что приносило ущерб таможням до 51 тыс. рублей»[17]. С 1853 г. вывоз чая за монету начал расти: «на третий год по учреждения Консульства цифра 360000 рублей указывает, что контрабанда усилилась в 7 раз, и принесла ущерба таможням, от вывоза контрабандного чая на сумму 380 тыс. рублей»[18]. Наконец, «с 1856 г. когда здесь консульство было закрыто, контрабанда очень значительно сократилась, принося таможням ежегодно ущерба до 128 тыс. руб., а с 1859 г. там с приходом сюда консула, контрабанда стала опять усиливаться»[19]. Исходя из приведенных данных, можно увидеть, что цена места чая составляла около 30 тыс. руб. Отсутствие уплаты таможенной пошлины при контрабандной торговле приносило значительный ущерб таможням.

Неоднозначная роль консульства объясняется объективными обстоятельствами, сложившимися в Китае и повлиявшими на характер внешнеторговых отношений империи Цин с другими государствами. Отток серебра из Китая, на которое закупался опиум, к середине XIX в. вызвал финансовый кризис, связанный с недостатком серебра внутри страны[20]. Данное обстоятельство определило большой спрос у китайцев на серебро и золото в Синьцзяне. До открытия фактории и консульства в данном регионе вывоз русской мануфактуры был мал, значит, невелик был и спрос на монету. Началу деятельности консульства сопутствовало и увеличение торговли, а следовательно, и спроса на золото и серебро. Таким образом, легализация русско-китайской торговли в Западном Китае и рост русского экспорта спровоцировали рост контрабанды монеты.

В числе товаров, запрещенных к ввозу в Западный Китай, значились золото и серебро в слитках, российская золотая и серебряная монета, а также иностранная монета[21]. Однако не существовало запрета на ввоз золотых и серебреных изделий. Но при кажущейся необходимости, как отмечает консул, сбыт данного вида товара не увеличивался, а наоборот, падал. Анализ данной проблемы, который провел консул в Чугучаке, показал весьма характерные недостатки данного русского экспортного товара. Причина упадка сбыта золотых и серебреных изделий, привозимых на среднеазиатский рынок русскими купцами, заключалась в их качестве и внешнем виде. «Когда в здешнюю факторию первый раз привезли наши грубые и необработанные серебреные блюда и ложки, то китайские купцы сходились смотреть на них как на неизящные редкости, и этим осмотром и ограничились... Когда они увидели намерение нашего купца продать эти изделия ценой на вес серебра, то тотчас же усомнились в достоинстве этих изделий, … не вообразив даже, что бы на свете виделись такие непредставительные изделия из столь дорогого металла»[22]. Простота и отсутствие изящества во внешнем виде товара вызвали множество вопросов у китайцев: «когда купец наш объяснил, что они приготовлены в России собственно для продажи серебра в Чугучаке, вместо монеты и слитков, которые запрещены к привозу сюда, то китайцы обиделись, полагая, что русские дурачат их: они соглашались, что монета запрещена к привозу сюда, но никак не могли понять, почему к привозу запрещены слитки серебра и не запрещены те же слитки, разбитые в такие неблагообразные формы»[23]. В конечном итоге сбыт изделий из серебра был начат, «но по такой низкой цене, что они не окупали своей внутренней стоимости: китайцы не могли привыкнуть к ним, не считая за хорошее серебро»[24].

Появление подделок на рынке серебряных товаров еще более усугубило положение вещей, оттолкнув китайских покупателей. В то же время казенные слитки серебра имели доступ в Синьцзян: «само правительство снабжает слитками … для содержания всего консульства»[25]. Данное обстоятельство приводило китайских купцов в замешательство и усиливало их нежелание приобретать серебренные и золотые товары. Улучшение качества последних, по мнению К. А. Скачкова, не гарантировало положительные изменения: «купцам невыгодно везти хорошо сделанные золотые и серебряные вещи, когда китайцы нуждаются не в вещах наших, а собственно только в золоте и серебре»[26]. На чугучакском рынке и в Синьцзяне в целом создались благоприятные условия для контрабандной торговли монетой.

[16] Там же.

[17] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр.24. Л. 51.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 68.

[21] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 53.

[22] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 54.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Там же.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

В этой ситуации сформировалась конкуренция между купцами, продолжавшими разрешенную меновую торговлю, и торговцами, незаконно провозившими монету через таможню и покупавшими на нее товар. Ценность, придаваемая в Китае золоту и серебру, определила выбор китайских купцов[27]. По этой причине торговцы, привозившие в Чугучак русскую монету, приобретали чай более высокого качества, чем продавцы мануфактурных и других товаров. Кроме того, перевоз монеты в Западный Китай обходился гораздо быстрее и дешевле, чем перевоз товара, следовательно, контрабандист находился в более выгодных условиях, чем законный торговец[28].

Так, начальным этапом торговой деятельности русского купца являлась закупка товара на Нижегородской ярмарке. Товар закупался в мае (в примере К. А. Скачкова – 1859 г.) в кредит на 8-ми месячный срок. В ноябре этого же года в Чугучаке русский товар выменивался на китайский чай[29]. В декабре чай прибывал на Семипалатинскую таможню, где с него взималась пошлина (согласно «Правилам торговли с Западным Китаем» чай являлся единственным китайским товаром, с которого взимался таможенный налог[30]).

В феврале следующего года товар доставлялся на Ирбитскую ярмарку. Общий срок торговой операции от закупки товара в России до доставки китайского чая на ярмарку из Чугучака составлял около 9 месяцев. На ярмарке купец должен был продать чай и заплатить долг за товар, который он брал в кредит. Затем операция повторялась – в кредит закупался товар и отправлялся в Чугучак. Общая сумма расходов русского купца согласно данным К. А. Скачкова составляла 19708 руб.[31] (табл.[32]).

Ключевое отличие в процессе торговли контрабандиста от купца заключалось в том, что контрабандист приобретал на Нижегородской ярмарке не товар, а монету, за которую он платил кредитными билетами. Уже в Чугучаке за русские деньги покупался чай, но доставка его в Россию велась не через таможню, а посредством передачи чая «киргизу-комиссару»[33], который переносил товар за соответствующую плату через таможенную линию. Общий расход контрабандиста составлял 13060 руб.[34]. Разница с расходами купца получалась весьма значительная. Так, если каждое место чая (ящик чая) обходилось русскому купцу в 98 руб. 54 коп., то контрабандисту – 65 руб. 30 коп. Дешевле данных цен, исходя из соображений коммерческой выгоды, купец и контрабандист продавать свой чай не могли. Цены же на Нижегородской ярмарке были зафиксированы:

Табл. Расходы нижегородского купца, торгующего в Чугучаке
Tab. Expenses of a Nizhny Novgorod merchant trading in Chuguchak

Статья расходов	Сумма (руб.)
Переход из Семипалатинска в Нижний Новгород с приказчиками и двумя работниками	125
Аренда помещения в течение одного месяца (на ярмарке)	50
Расходы, сопряженные с покупкой товара	40
Укупорка приобретенного товара	30
Доставка товара из Нижнего Новгорода в Чугучак	700
Переезд купца из Нижнего Новгорода в Семипалатинск	80
Аренда помещения и содержание приказчика и двух работников в фактории в течение одного месяца	10
Укупорка купленного чая (200 мест чая)	160
Доставка чая из Чугучака в Семипалатинск	600
Пошлина в Семипалатинской таможне (200 мест чая)	6400
2 % за 3-х месячный заем суммы	128
Доставка чая из Семипалатинска в Ирбит	900
Переезд купца с его приказчиком из Семипалатинска в Ирбит	60
Помещение и содержание купца, приказчика и двух работников на Ирбитской ярмарке в течение одного месяца	40
Аренда помещения для склада товара	30
Расходы в Ирбите, связанные с продажей чая	30
Отдача долга за взятый кредит	10000
Непредвиденные расходы	25
Зарплата приказчику и двум работникам	300
Всего	19708

«в сем 1860 году стояли на чугучакский байховый чай на Ирбитской ярмарке от 98 до 100 рублей за место»[35]. Следовательно, купив в Чугучаке чай за 65 руб. 30 коп. за место чая, контрабандист мог продать его на русской ярмарке за 100 руб. К примеру, К. А. Скачков указывал, что купец зарабатывал на ярмарке за каждое проданное место чая около 40 коп., в то время как контрабандист

[27] Там же. Л. 56.
[28] Там же. Л. 57.
[29] Там же. Л. 68.
[30] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед.хр. 2. Л. 22 об.
[31] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед.хр. 24. Л. 69.
[32] Составлена по: НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 69.
[33] Там же. Л. 69 об.
[34] Там же.
[35] Там же. Л. 70.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

«более чем на 15 % на затраченный капитал»[36]. Учитывая указанные выше цифры расхода за доставку товара и установленные на ярмарке цены, контрабандная торговля оказывалась более выгодной.

Меновая торговля, исходя из приведенного выше анализа торговых операций русского купца и контрабандиста, проигрывала в конкурентной борьбе незаконной денежной. Но развитие контрабандной торговли было определено целым комплексом внутренних проблем в организации русско-китайских торговых отношений в Синьцзяне.

Кульджинский договор 1851 г., по мнению К. А. Скачкова, «чист от всяких недостатков, все его 17 статей отчетливо стоят за права и выгоды нашей торговли, не задевая самолюбия китайцев, не затронув достоинства России»[37]. В то же время реализация торговых отношений в Восточном Туркестане столкнулась с проблемами, которые Кульджинский договор ввиду своего общего, без детализаций частностей, характера, не предусмотрел. По мнению консула, «все недостатки в упадке нашей торговли в Чугучаке скрываются: в узаконениях таможенного устава, по которому запрещалось ввозить монету в Западный Китай, разрешает однако ввозить ее в окружающие округа киргизских степей; в недоверии китайцев к нашим серебренным изделиям; в недосмотре таможен, объездчиков; в мягкости существующих постановлений против контрабандистов; в лишении нашим купцам торгующим в Чугучаке, равенства в правах торговли по сравнению с Кяхтинскими собратьями»[38]. Перечисленные проблемы вскрывают несовершенство русской таможенной организации и недосмотр русских производителей товара, отправляемого на экспорт в Западный Китай. Проблема юридического характера связана с отсутствием равенства для купцов, торгующих в Северной Монголии и Западном Китае, теоретически могла быть решена в Кульджинском договоре, однако, на наш взгляд, на момент 1851 г. рынок Синьцзяна был фактически неизвестен для русского купечества, и возникшие проблемы не могли быть предвидены. Необходимо учитывать и сопротивление китайской стороны при заключении договора, которая противилась предоставлению русскому купечеству широких прав в Синьцзяне.

Ситуация требовала введения мер борьбы с контрабандой. Со своей стороны консул К. А. Скачков предлагал записать всех среднеазиатских купцов, привозящих товар из Синьцзяна в Россию, в состав русских купеческих гильдий[39]. Упомянутые торговцы обязаны были бы платить гильдейские повинности.

«Правила торговли с Западным Китаем» уделяли большое внимание характеру торговли среднеазиатских купцов – «ташкентцам и другим азиатцам»[40]. Так, 3 статья предоставила данным торговцам право беспошлинной торговли в 1852 г. Но для продолжения торговли в последующие годы купцам предписывалось вступить в гильдии[41]. Этот вопрос продолжает рассматривать 14 статья документа: «В случае если будут привезены на Сибирскую или Оренбургскую линию китайские товары заграничными Азиатцами, не платящими у нас никаких гильдейских повинностей … то с таковых товаров, имеет быть взимаема пошлина»[42]. При этом на чай, основной товар, ввозимый из Китая, для названных таможенных линий устанавливалась пошлина на 20 % выше, чем в Кяхте[43].

Перед иностранными купцами был поставлен выбор: либо отказаться от вступления в русские купеческие гильдии и платить высокие таможенные пошлины, либо все же принять русские требования, но при условии выплаты гильдейских повинностей. Среднеазиатские купцы в большинстве своем выбирали куда более легкий путь контрабандной торговли.

Действительно, огромная протяженность Оренбургской и Западно-Сибирской таможенных линий предоставляла условия для относительно легких контрабандных операций. Особенно сказывалась отдаленность таможенных постов и недостаток в обходчиках, при том что контрабандисты зачастую имели хорошую организацию и даже численный перевес[44].

К. А. Скачков отмечал и существенный недостаток таможенных правил, согласно которым вывоз русской монеты был разрешен в сопредельный с Синьцзяном Казахстан, откуда контрабандист уже легко мог перевезти деньги в Китай[45]. Не существовало и адекватных мер наказания за контрабанду: задержанные подвергались конфискации товара и уплате пошлины, но не лишались права на дальнейшее ведение торговли[46]. Закономерно, что на этом фоне «азиатцы» не принимали русских условий.

В качестве второй меры борьбы с контрабандой К. А. Скачков предлагал установить обязательное наличие свидетельства от русского консула, предоставленного для товаров, провозимых через Сибирскую или

[36] Там же. Л. 70 об.

[37] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 72.

[38] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 73.

[39] Там же. Л. 75.

[40] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 2. Л. 22 об.

[41] Там же. Л. 22 об.

[42] Там же. Л. 23 об.

[43] Там же. Л. 23 об.

[44] НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 24. Л. 77.

[45] Там же. Л. 73.

[46] Там же. Л. 79.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

Оренбургскую линии из Синьцзяна[47]. Надо заметить, что статьи 5, 6 и 7 «Правил торговли с Западным Китаем» предусматривали большую роль консула в организации русско-китайской торговли. В Кульдже и Чугучаке купцы должны были объявлять консулу о количестве и содержании ввозимого и вывозимого товара и о направлении следования каравана. Консул также имел право досмотра привезенного товара. Сам К. А. Скачков следующим образом описывал процесс контроля за русскими купцами, применяемый им в Чугучаке: «с самого приезда купца в факторию, до отъезда его отсюда, я не оставляю без того, чтобы он не был у меня беспрестанно, я захожу часто в его амбар где осматриваю и приценяюсь к товару… даже слежу за его корреспонденцией с Россией»[48]. Поскольку власть консула не распространялась дальше пределов фактории, у контрабандиста имелась возможность держать приобретенный товар в ташкентском подворье и совершать незаконные сделки с китайскими купцами в Чугучаке в обход консульства[49]. С другой стороны, учитывая перечисленные выше трудности таможенного контроля вдоль Оренбургской и Западно-Сибирской линий, предложение консула о необходимости наличия обязательного билета для импортного товара вряд ли могло решить назревшие проблемы.

Заключение

Проведенный анализ показывает весьма противоречивую ситуацию, сформировавшуюся на русско-китайском рынке в Синьцзяне в первые годы после заключения Кульджинского договора 1851 г. В то время как Китай и китайское купечество остро нуждались в серебре, Кульджинский договор 1851 г. установил меновой характер торговли в Кульдже и Чугучаке. Большую часть товаров из Синьцзяна к русским границам продолжали привозить среднеазиатские купцы, которые не состояли в русских купеческих гильдиях и были обязаны платить таможенные пошлины. Последнее обстоятельство подтолкнуло восточных купцов к контрабандной торговле. Наконец в самом Синьцзяне китайцы предпочитали заключать сделки с торговцами, предлагающими обмен на русскую монету, а не на мануфактуру, что делало контрабанду намного выгоднее в сравнении с официальной торговлей.

Меновой характер русско-китайской торговли в Синьцзяне был главным фактором, способствующим развитию контрабанды. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Кяхте в начале 50-х гг. XIX в. [22; 29]. В свою очередь поддержка менового торга с Китаем была обусловлена опасением, что с введением товарно-денежных отношений китайские купцы окончательно откажутся от покупки русской мануфактуры и торговля с Китаем превратится в односторонний процесс покупки китайского чая на русские деньги [10; 29]. Однако именно эта причина – упадок русского сбыта в Китай и постепенное сокращение товарооборота Кяхты – вынудила правительство России двумя последующими друг за другом указами 1853 г. и 1854 г. отменить меновую торговлю на кяхтинском рынке [10, с. 267].

В этот же период Синьцзян демонстрировал несколько иную ситуацию. Правительство России стремилось поддержать молодой русско-китайский рынок. Меновая торговля рассматривалась как гарант сбыта русского товара и поддерживалась для Западного Китая вплоть до начала 60-х гг. XIX в.[50] Обратной стороной подобной политики стало широкое развитие контрабандной торговли русской золотой и серебряной монетой в Синьцзяне в 50-е гг. XIX в.

Литература

1. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 309 с.
2. Fairbank J. K. Trade and diplomacy on the Chinese coast. The opening of the treaty ports 1842–1853. Cambridge: Harvard university press, 1953. 468 p.
3. Корсак А. К. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем. Казань: И. Дубровин, 1857. 445 с.
4. Веселовский Н. И. Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1909. 52 с.
5. Мамутахунов У. Торговля России с Западным Китаем в XIX в. // Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета. Ташкент: Среднеазиатский гос. ун-т, 1949. С. 39–66.
6. Спасский Г. И. О торговых отношениях России с западным Китаем. М.: Тип. Л. Степанова, 1856. 28 с.
7. Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай: Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских поданных. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 418 с.
8. Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и в других государствах. СПб.: Тип. Северного телеграфного агентства, 1892. 657 с.
9. Крит Н. Материалы для обсуждения вопросов о чайной торговле. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1864. 200 с.
10. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. М.: ИДВ РАН, 1978. 363 с.

[47] Там же. Л. 75.

[48] Там же. Л. 60.

[49] Там же. Л. 57.

[50] Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1861 год. СПб.: Тип. департамента внешней торговли, 1862. С. 10.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

11. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.
12. Кожирова С. Б. Русская торговля в Синьцзяне после заключения Кульджинского договора 1851 года // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур): мат-лы Регион. конф. (Барнаул, 14 октября 1997 г.) Барнаул, 1997. С. 43–49.
13. Галиев В. В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – нач. XX в.). Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2003. 189 с.
14. Шкунов В. Н. Синьцзян в системе российско-китайской торговли в XIX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 139–145.
15. Скворцова Л. А. Кульджинский трактат 1851 г. и его влияние на торгово-экономические отношения России и Китая в XIX в. // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сб. науч. ст. Междунар. конф. (Барнаул, 14–17 ноября 2017 г.) / отв. ред. Е. Д. Родионов. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 2088–2091.
16. Кравченко Е. А. Синьцзян как форпост российско-китайской торговли в XIX в. // Роль науки и образования в модернизации современного общества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Магнитогорск, 13 июня 2019 г.) Уфа: ООО АМИ, 2019. Ч. 2. С. 73–76.
17. Ермолаев А. Н. Торговля Российско-американской компании с Западным Китаем // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. Вып. 2. С. 23–25.
18. Шеметова Т. А. О влиянии географических условий на характер и активность контрабандной торговли в приграничных регионах Синьцзяна и СССР в первой половине 20-х гг. XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. Режим доступа: https://www.science-education.ru/article/view?id=18436 (дата обращения: 15.01.2020).
19. Солонченко Е. А. «Запрещенные товары» в контексте российско-китайских отношений в 40–50-е гг. XIX в. // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 226–231.
20. Ляпустин С. Н. Торговля между Россией и Китаем продукцией охотничьего, зверобойного и иных видов промыслов и борьба с ее контрабандой в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. № 3. С. 56–65.
21. Синченко В. В. Контрабанда спирта и наркотиков на русско-китайской границе (вторая половина XIX – начало XX века) // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в Сибири: мат-лы науч.-теорет. семинара. (Иркутск, 24–25 июня 2003 г.) / отв. ред. В. В. Черных. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 39–49.
22. Курас Л. В. Кяхтинская таможня в первой половине XIX в.: контрабанда и борьба с ней // Власть. 2012. № 10. С. 179–182.
23. Цыденова Л. Б. Кяхтинская торговля и таможенная политика России // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Кяхта: история, наследие, современность», посв. 290-летию г. Кяхта. (Кяхта, 14–15 сентября 2018 г.) Улан-Удэ: БИП СО РАН, 2018. С. 93–101.
24. Казанцева Н. Г., Карпович О. Г. Правоохранительная деятельность таможенных органов на восточных окраинах российского государства: историко-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России. 2017. № 4. С. 56–62.
25. Ляпустин С. Н. Роль и место казачества Дальнего Востока в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России // Казачество. 2016. № 15. С. 63–73.
26. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Изд-во вост. лит., 1960. 272 с.
27. Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
28. Единархова Н. Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 164 с.
29. Тагаров Ж. З. Монгольский транзит и русско-китайская кяхтинская торговля в конце XVII – начале XX веков // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. Кн. 5. С. 183–199.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

Illicit Trade in Russian Gold and Silver Coins in West China in 1850's (based on the Materials of the Russian Consul K. A. Skachkov)

Ildar R. Hamzin [a, @]

[a] Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

[@] ildar.hamzin1991@mail.ru

Received 20.01.2020. Accepted 27.02.2020.

Abstract: The present research featured the illicit trade in Russian gold and silver coins in Xinjiang in the 1850's. The paper focuses on the problems of control and customs services, as well as on the difficulties connected with the trade in Russian goods. The historical analysis was based on the documents written by Konstantin Adrianovich Skachkov, the then Russian Consul in Chuguchak. The materials were obtained from the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. In his report, Consul K. A. Skachkov compared the state of the markets of the Russian-Chinese trade in Chuguchak and Kyakhta. He highlighted the broad prospects for trade development in Xinjiang. The Consul paid great attention to the problems on the young market of Central Asia and proposed some measures to improve the situation. He performed a comparative analysis of the trading activities of a Russian merchant and a smuggler. The analysis makes it possible to reconstruct the trading process, determine the cost of transportation, and formulate the commercial benefit resulting from the legal trade and the contraband trade. K. A. Skachkov concluded that despite the high potential for trade development, the region was torn apart by substantial internal contradictions and demanded greater attention from the government. The illicit trade in Russian coins was caused by the barter trading on the Xinjiang market in 1850's.

Keywords: Russian-Chinese trade, smuggling, barter trade, Central Asia, Xinjiang, Chuguchak

For citation: Hamzin I. R. Illicit Trade in Russian Gold and Silver Coins in West China in 1850's (based on the Materials of the Russian Consul K. A. Skachkov). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 88–97. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

References

1. Gurevich B. P. *International relations in Central Asia in the XVII – first half of the XIX century*. Moscow: Nauka, 1983, 309. (In Russ.)
2. Fairbank J. K. *Trade and diplomacy on the Chinese coast. The opening of the treaty ports 1842–1853.* Cambridge: Harvard university press, 1953, 468.
3. Korsak A. K. *Historical and statistical review of the commercial relations of Russia with China.* Kazan: I. Dubrovin, 1857, 445. (In Russ.)
4. Veselovskii N. I. *Trip of N. I. Lyubimov in Chuguchak and Kuldzha in 1845 under the guise of merchant Khoroshev.* St. Petersburg: Tip. Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1909, 52. (In Russ.)
5. Mamutakhunov U. Russia's trade with Western China in the XIX century. *Collection of student works of the Central Asian State University.* Tashkent: Sredneaziatskii gos. un-t, 1949, 39–66. (In Russ.)
6. Spasskii G. I. *On Russia's trade relations with Western China*. Moscow: Tip. L. Stepanova, 1856, 28. (In Russ.)
7. Bogoiavlenskii N. V. *Western China: the Past, present state and position in it of Russian subjects.* St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1906, 418. (In Russ.)
8. Subbotin A. P. *Tea and tea trade in Russia and other countries*. St. Petersburg: Tip. Severnogo telegrafnogo agentstva, 1892, 657. (In Russ.)
9. Krit N. *Discussion materials on tea trade.* St. Petersburg: Tip. V. N. Maikov, 1864, 200. (In Russ.)
10. Sladkovskii M. I. *History of trade and economic relations of the peoples of Russia with China.* Moscow: IDV RAN, 1978, 363. (In Russ.)
11. Moiseev V. A. *Russia and China in Central Asia (the second half of the XIX century – 1917)*. Barnaul: AzBuka, 2003, 346. (In Russ.)
12. Kozhirova S. B. Russian trade in Xinjiang after the conclusion of the Treaty of Kulja in 1851. *Russia, Siberia and the Central Asian states (interaction of peoples and cultures):* Proc. Region. Conf., Barnaul, October 14, 1997. Barnaul, 1997, 43–49. (In Russ.)
13. Galiev V. V. *Kazakhstan in the system of Russian-Chinese trade and economic relations in Xinjiang (late XIX – early XX centuries)*. Almaty: In-t istorii i etnologii im. Ch. Ch. Valikhanova, 2003, 189. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97

14. Shkunov V. N. Xinjiang in the system of Russian-Chinese trade in the XIX century. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,* 2017, 19(3): 139–145 (In Russ.)
15. Skvortsova L. A. Ghulja treaty of 1851 and its influence on trade and economic relations between Russia and China in the XIX century. *Lomonosov readings in Altai: fundamental problems of science and education:* Proc. Intern. Conf., Barnaul, November 14–17, 2017, ed. Rodionov E. D. Barnaul: AltGU, 2017, 2088–2019. (In Russ.)
16. Kravchenko E. A. Xinjiang as an Outpost of Russian-Chinese trade in the XIX century. *The role of science and education in modernizing modern society:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Magnitogorsk, June 13, 2019. Ufa: OOO AMI, 2019, 73–76. (In Russ.)
17. Ermolaev A. N. Trade of the Russian-American company with Western China. *Humanitarian sciences in Siberia,* 2011, (3, iss. 2): 23–25. (In Russ.)
18. Shemetova T. A. About the influence of geographical conditions on the nature and activity of smuggling in the border regions of Xinjiang and the USSR during the first half of the 20-ies XIX century. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia,* 2017, (1-1). (In Russ.) Available at: https://www.science-education.ru/article/view?id=18436 (accessed 15.01.2020).
19. Solonchenko E. A. "Forbidden goods" in Russian-Chinese relations context in 1840–1850's. *Intelligence. Innovations. Investments*, 2012, (1): 26–31. (In Russ.)
20. Lyapustin S. N. Trade between Russia and China on products of hunting, trapping and other types of crafts and combating its smuggling in the late XIX – early XX century. *Gumanitarnye aspekty okhoty i okhotnichego khoziaistva,* 2017, (3): 56–65. (In Russ.)
21. Sinchenko V. V. Smuggling of alcohol and drugs on the Russian-Chinese border (second half of XIX – beginning of XX century). *Power structures and society: historical experience of interaction in Siberia:* Proc. Sci.-Theor. Seminar, Irkutsk, June 24–25, 2003, ed. Chernykh V. V. Irkutsk: Ottisk, 39–49. (In Russ.)
22. Kuras L. V. Kyakhta customs in the first half of the XIX century: smuggling and the fight against it. *Vlast*, 2012, (10): 179–182. (In Russ.)
23. Tsydenova L. B. Kyakhta trade and customs policy of Russia. *Works of the V. A. Obruchev Kyakhta Museum of Local Lore:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. "Kyakhta: history, heritage, modernity", dedicated ehe 290th anniversary of Kyakhta, Kyakhta, September 14–15, 2018. Ulan-Ude: BIP SO RAN, 2018, 93–101. (In Russ.)
24. Kazantseva N. G., Karpovich O. G. Customs bodies law enforcement activity on East suburbs of the Russian state: historical and legal aspect. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia,* 2017, (4): 56–62. (In Russ.)
25. Lyapustin S. N. The role and place of the Far East Cossacks in the fight against smuggling in the Far East of Russia. *Kazachestvo*, 2016, (15): 63–73. (In Russ.)
26. Halfin N. A. *Russian policy in Central Asia (1857–1868).* Moscow: Izd-vo vost. lit., 1960, 272. (In Russ.)
27. Nepomnin O. E. *History of China. The Era of the Qing.* Moscow: Vost. lit., 2005, 712. (In Russ.)
28. Edinarkhova N. E. *Kyakhta and Kyakhta trade (40–60-ies of the XIX century).* Irkutsk: Ottisk, 2015, 164. (In Russ.)
29. Tagarov Zh. Z. Mongolian transit and Russian-Chinese Kyakhta trade in the late XVII – early XX centuries. *Russia and Mongolia in the first half of the XX century: conceptual issues of Russian-Mongolian relation (diplomacy, economics, science).* Irkutsk: Izd-vo BGU, 2015, book 5, 183–200. (In Russ,)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

оригинальная статья
УДК 93/94:351.74(571.150)

Борьба органов милиции с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов в 1941–1942 гг. (по материалам Алтайского края)

Сергей П. Шатилов [a, @]; Оксана А. Шатилова [a]

[a] Барнаульский юридический институт МВД РФ, 656038, Россия, г. Барнаул

[@] shatilov_sp@mail.ru

Поступила в редакцию 28.10.2019. Принята к печати 27.12.2019.

Аннотация: Рассмотрена реализация государственной идеологии и правовой политики на примере борьбы органов милиции с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов в 1941–1942 гг. в Алтайском крае. Выявлены основные причины, приводившие к таким проявлениям: тяжелое положение на фронте в начале войны, умалчивание в средствах массовой информации реального состояния дел на фронте, предоставление искаженной информации населению Алтайского края эвакуированными гражданами из прифронтовых или оккупированных районов. На основе архивных материалов изучены основные формы и методы борьбы органов милиции с указанными преступлениями. Проанализирована деятельность сотрудников милиции по выявлению источников получения антисоветской агитации и пропаганды, а также особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших данные преступления. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) органы милиции использовали различные формы и методы в выявлении проявлений антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов, сотрудники милиции всесторонне и полно расследовали уголовные дела о данных преступлениях, устанавливая истину по делу в каждом конкретном случае, уделяли особое внимание работе с агентурным аппаратом и выявлению источников получения антисоветской агитации, пропаганды, что было сделать крайне сложно, так как поступавшая информация в своем большинстве являлась анонимной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война (1941–1945), государственная идеология, антисоветская пропаганда, контрреволюционная листовка, ложные слухи, контрреволюционное преступление

Для цитирования: Шатилов С. П., Шатилова О. А. Борьба органов милиции с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов в 1941–1942 гг. (по материалам Алтайского края) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 98–106. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

Введение

Изучению деятельности органов милиции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) исследователи уделили достаточно много внимания. Следует отметить следующих отечественных ученых-историков: Ф. Е. Базаров [1], А. Я. Малыгин [2], Р. С. Мулукаев, В. М. Суслов [3], А. П. Тимченко [4], В. И. Костин [5] и др. Благодаря усилиям нескольких поколений исследователей накоплен существенный массив научных работ, в которых подробно рассмотрена перестройка органов милиции в условиях войны, борьба с преступностью, с детской беспризорностью и безнадзорностью, с хищениями социалистической собственности, со спекуляцией продовольственными и промышленными товарами и т. д. При этом в научных работах, посвященных деятельности милиции в военный период, описание борьбы с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов ограничивалось лишь отдельными примерами.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системности. Исходя из этих и других методологических принципов в статье использован определенный набор методов научного познания: конкретно-исторический, ретроспективный, сравнительный, формально-юридический, примененных в комплексе с историко-сравнительными и сравнительно-правовыми методами.

В довоенный период государственная идеология Советского Союза строилась на таких направлениях, как борьба с врагами пролетариата; усиление роли партий при достижениях в области индустриализации и коллективизации; организация трудовых масс страны для строительства коммунизма и т. д. В годы Великой Отечественной войны, по нашему мнению, государственная идеологическая конструкция не изменилась, однако стали смещаться акценты некоторых идеологических установок. В частности, если враг, то это не враг внутри страны, а враг за ее пределами – нацистская Германия, если защита, то это защита не партии и социалистических идеалов, а защита Родины и т. д.

В период чрезвычайного положения советская государственная идеология основывалась на общественных

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

ценностях, которые существовали в исследуемый период, а также на имеющейся серьезной угрозе уничтожения всего советского народа. Она способствовала существенному подъему моральных сил населения, готовности совершать подвиги и самопожертвованию, несмотря на различные политические взгляды, религиозные убеждения, отношение к большевистской партии и личные обиды и утраты [6, с. 33].

Территорию СССР в указанный период можно разделить на оккупированную территорию; территорию, находящуюся в непосредственной близости от театра военных действий; блокадные территории; освобожденные районы и тыловую территорию. Алтайский край являлся тыловым регионом, на многие сотни километров удаленным от линии фронта и включавшим Ойротскую автономную область (10 аймаков (районов) и 116 сельсоветов), 1191 населенный пункт, 58 районов – 946 сельсоветов, города – Барнаул, Бийск, Ойрот-тура, Рубцовск, Камень, Алейск, Славгород, Чесноковск, 5 рабочих поселков[1]. С началом войны значение края существенно изменилось, из малоосвоенного, сельскохозяйственного он стал превращаться в крупный промышленный регион, от которого требовалось ресурсное обеспечение действующей армии и флота.

Важной составной частью перестройки государства на военный лад стала эвакуация населения из прифронтовых районов в тыловые. 1 июля 1943 г. численность эвакуированного населения в Алтайский край составила 151,6 тыс. человек [7, с. 39]. Следовательно, изменилась структура населения Алтайского края по национальной принадлежности. Русских насчитывалось 2139957 человек; украинцев – 191821; алтайцев (ойротов) – 43847, мордвы – 30203; татар – 7821; чувашей – 3285; евреев – 1697; киргизов – 81; немцев – 33203; казахов – 27595; белорусов – 6954; эстонцев – 1837; шорцев – 540; хантов – 18; прочих национальностей – 9262 человека[2]. Данные обстоятельства привели и к изменению состава религиозных конфессий, политических взглядов, убеждений и т. д.

Настроения советских граждан в первые месяцы войны были самые разные и противоречивые, в стране сложилась непростая психологическая ситуация [8, с. 34]. Весть о нашествии немцев вызвала у многих негодование и возмущение, на многочисленных митингах граждане осуждали действия германского руководства, выражали полную уверенность в победе Красной Армии, принимали обязательства положить все свои силы для разгрома фашистов. В информационной сводке № 3 от 15 июля 1941 г. «О политических настроениях населения некоторых районов Алтайского края по 10 районам, не включенным в прошлые сводки», подготовленной отделом пропаганды и агитации Алтайского крайкома ВКП(б), сообщалось, что население Алтайского края с гневом осуждает нападение фашистской Германии на Советский Союз, выражает полную готовность защищать свою Родину, самоотверженно бороться как на передовых позициях фронта, так и в тылу – на производстве, в колхозах, совхозах и т. д. [9, с. 14].

За первые дни мобилизации в Косихинский районный военный комиссариат было подано 600 заявлений, в Ойрот-Туринский – около 400, в Усть-Каменский, Поспелихинский только за первые два дня войны было подано более 100 заявлений[3]. Рабочий С. Косихинского районного финансового отдела в своем заявлении писал: «Я возмущен варварством германских фашистов. Несмотря на то, что мой год не подпадает под мобилизацию (1892 г.р.), я убедительно прошу районный военный комиссариат зачислить меня добровольцем» [10, с. 103].

О готовности защищать свою Родину свидетельствует большой интерес населения Алтайского края к военной подготовке и, как следствие, открытию на его территории значительного количества разнообразных оборонных кружков. Так, стали изучать военное дело в тресте ресторанов и столовых 142 человека, в крайздраве – 240. В 76 железнодорожных вокзалах были оборудованы газоубежища на 240 человек, сформированы 12 сандружин и открыты 15 военных кружков[4].

По инициативе населения в стране было развернуто движение по созданию фонда обороны, поддержанное затем ЦК ВКП(б) и местными партийными органами. В Советском Союзе в течение войны в данную структуру по ценам 1941 г. поступило свыше 17 млрд руб. наличными; 13 кг платины; 131 кг золота; 9519 кг серебра; на 1,7 млрд руб. драгоценностей; 4,5 млрд руб. облигаций государственных займов; свыше 0,5 млрд руб. вкладов в сберегательных кассах [11, с. 168]. Только за первые месяцы войны в колхозе им. Кирова Шипуновского района Алтайского края колхозниками было собрано 21,355 тыс. руб., всего по району – 138,125 тыс. руб.[5]

Проявления антисоветской агитации, пропаганды, провокационных слухов и борьба с ними

В 1941–1942 гг. на территории Алтайского края были недовольные, обвинявшие высшие органы государственной власти в «нависшей угрозе». 8 июля 1941 г. с целью уклонения от службы в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) гр. Д. обманул медицинскую комиссию и в присутствии призывников открыто высказывал нежелание воевать в рядах Красной Армии[6]. Работица колхоза Э. «Моргенорот» Гляденского сельсовета Знаменского

[1] Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУВД АК). Ф. 4. Оп. 2. Д. 147. Л. 1.

[2] Там же. Л. 4.

[3] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 26. Л. 1.

[4] Там же. Л. 2.

[5] Там же. Л. 3.

[6] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 104.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

района среди женщин открыто высказывалась о том, что целью Германии является освобождение населения СССР от гнета коммунистов[7]. Работница Б. кирпичного завода Андреевского сельсовета Знаменского района среди немцев-колонистов говорила, что с приходом Гитлера мужчины будут освобождены из тюрем и станут сражаться на стороне Германии[8]. 19 июля 1941 г. в г. Барнаул гр. Р. в состоянии алкогольного опьянения демонстративно в одном из скверов города ломал деревья. На замечания со стороны прохожих заявлял, что он это делает для того, чтобы сесть в тюрьму и не служить в РККА[9].

Причинами таких настроений части населения СССР являлись ошибки, допущенные высшими и местными органами советской государственной власти еще в 1920–1930-е гг., а именно проведение всеобщей коллективизации без учета особенностей и уровня развития национальных областей; несправедливое лишение избирательных прав некоторых слоев населения, переросшее в отдельных районах в явление массового характера; закрытие храмов, мечетей и т. д. [12, с. 49].

3 августа 1942 г. в Листвянском лесомехпункте Топчихинского района на крыльце квартиры одного из рабочих была обнаружена контрреволюционная листовка:

«Товарищи рабочие и работницы! До каких пор будем терпеть голод, нищету, оскорбление начальников. В каждой семье идет разговор из-за обуви, одежды и хлеба, каждый делит нищенские граммы, а немец все более и глубже идет внутрь России, уже перебросился за Волгу и взял 1000 городов и сел, уничтожил несколько миллионов самых нужных людей.

Наше правительство подводит к полному уничтожению русского народа.

На фронте бьют, в тылу морят с голоду, а на работе требуют 200 %... Все это правда! Так дружней бросьте работу и бегите, требуйте повышения потребностей, хлеба, мануфактуры и прочее.

Долой грузино-еврейское иго! Да здравствует свобода!!!»[10].

23 октября 1942 г. на крыльце дома № 78 по ул. Гоголя г. Барнаул была обнаружена контрреволюционная листовка: «Листовка из Германии. Долой Советскую власть. Да здравствует Адольф Гитлер»[11].

13 декабря 1942 г. в 10 часов утра сотрудниками милиции на ст. Шипуново на заборе «Заготзерно» были обнаружены 5 контрреволюционных листовок следующего содержания: «Товарищи рабочие, служащие, раненые красноармейцы! На нас Советское правительство окончательно накинуло ярмо! Вы все, за исключением Ваших главных эксплуататоров, сидите голодом. За что мы воюем? За что проливаем кровь свою на поле битвы? Мы воюем за 200 грамм хлеба и за тюрьмы, в которые нас безвинно сажают. Они кричат на весь мир: "Победа будет за нами". Какая же у нас победа, если они отдали почти весь СССР. Народу уже надоела война … Мы живем хуже собак! Мы сами себе не хозяева. Нами командуют, как над животными … »[12].

В годы Великой Отечественной войны возросло количество преступлений, связанных с распространением провокационных слухов [13, с. 131]. Основными причинами были следующие факторы: во-первых, в начальный период войны положение на фронте было очень тяжелым, и это отразилось на настроениях населения, в том числе стали распространяться слухи, выражавшиеся в преувеличении оценки военной мощи гитлеровской Германии [14, с. 28]; во-вторых, в газетах и по радио распространялась официальная «сухая» статистика о состоянии дел на фронтах и умалчивалась информация о реальном состоянии дел [15, с. 162]; в-третьих, искаженную информацию представляли населению Алтайского края эвакуированные граждане из прифронтовых или оккупированных районов, ставшие свидетелями только незначительной части немецких злодеяний и т. д. [16, с. 16].

Сотрудник дошкольного сектора Краевого отдела народного образования гр. Д. в беседе с коллегами сообщила, что ее знакомая, приехавшая из г. Черновцы Украинской ССР, рассказала ей о положении дел в прифронтовых районах, заведомо преувеличивая негативные настроения населения в своем регионе, а также о противозаконной деятельности органов Советской власти и т. д.[13]

Заведующий складом «Водостроя» гр. К. в беседе со своими коллегами заявил, что «нашим газетам верить нельзя, если наши пишут, что потерян один самолет, то надо удвоить или утроить цифру, тогда будет верно. Мы не выдержим и будем побеждены, т. к. у нас дела совсем скверные, наши перебегают к немцам, и немцы к нам, но только о наших перебежчиках ничего не пишут. Страсти пишут для того, чтобы запугать красноармейцев. Настроение у наших не высокое, да и как оно будет высокое, когда согнули в дугу… »[14].

В первые месяцы войны ужесточилась ответственность за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время

[7] Там же. Л. 105.

[8] Там же. Л. 107.

[9] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 56.

[10] Там же. Л. 45.

[11] Там же. Л. 228.

[12] Там же. Л. 229.

[13] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 55.

[14] Там же. Л. 79.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», согласно которому виновные за распространение ложных слухов привлекались военными трибуналами к тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет [17, с. 70]. Данный Указ отражал политику органов государственной власти, в связи с этим законодатель отнес это преступление к тяжким государственным преступлениям, т. к. тяжесть этого преступления заключалась, прежде всего, в том, что совершивший его гражданин вольно или невольно оказывал помощь врагу. Распространение слухов искажало информацию, тем самым подрывало военную и трудовую дисциплину, возбуждало тревогу среди населения и т. д. Противник мог использовать в своих целях трусов, паникеров, деклассированных, неустойчивых людей [18, с. 52]. Согласно Указу субъектом преступления могло быть любое физическое лицо, совершившее данное преступление, достигшее возраста уголовной ответственности, что приводило к эффективному снижению уровня преступности [19, с. 121].

При расследовании уголовных дел о данных преступлениях необходимо было достоверно установить, действительно ли слух, который распространялся, был ложным. Выяснить это было очень непросто, особенно в тех случаях, когда предметом выявления оказывалась информация о полной военной готовности немецкой армии или о том, как немцы относились к населению захваченных ими территорий, учитывая тот факт, что в отдельных случаях слухи не были ложными. В военный период все, что не соответствовало официальной информации, признавалось «ложным слухом» [20, с. 14]. В рамках уголовного дела необходимо было устанавливать цель совершения преступления – «вызвать тревогу среди населения именно ложным слухом» [21, с. 14].

По Указу данное преступление могло быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. При расследовании уголовных дел о таких преступлениях многое додумывалось следователями при изложении своего мнения по делу, при этом любые действия или фразы могли быть истолкованы как контрреволюционные. Рассматривая отдельное дело, Пленум Верховного Суда СССР решил, что в тех случаях, когда распространяемые слухи наводили тревогу среди населения и содержали антисоветскую информацию, необходимо было применять ст. 58-10 УК РСФСР, а не Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение во время войны ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [22, с. 92]. Ст. 58-10 УК РСФСР карала за проведение контрреволюционной пропаганды и агитации.

Еще один нормативно-правовой акт, ужесточавший юридическую ответственность, был принят Государственным Комитетом Обороны (ГКО). Своим Постановлением от 17 ноября 1941 г. № 903сс ГКО расширил полномочия НКВД СССР, предоставив Особому совещанию НКВД СССР право совместно с прокурором Союза ССР принимать серьезные меры наказания, вплоть до расстрела, по делам, подследственным органам НКВД, о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных ст. 58 УК РСФСР [23, с. 32].

Важность борьбы с данными противоправными действиями послужила причиной усиления работы органов милиции Алтайского края в этом направлении. На протяжении всего периода Великой Отечественной войны сотрудниками милиции проводились оперативно-разыскные, следственные мероприятия, принимались заявления от граждан о фактах распространения провокационных слухов, измышлений, пропаганды, агитации и проводилась их проверка [24, с. 14].

По агентурной информации сотрудникам милиции стало известно, что плотник судоремонтного завода Бобровского затона гр. П., ранее судимый за убийство, среди рабочих вел пораженческую агитацию, заявляя, что «в наших газетах о военных событиях пишут все ложно, скоро Финляндия заберет Ленинград, и мы голодать не будем, а перейдем к ним»[15]. За данное преступление гр. П. был арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. 58-10 (ч. 2) УК РСФСР. Ч. 2 данной статьи карала за особо тяжкий вид преступления.

Сотрудниками милиции г. Барнаул в результате оперативно-следственных мероприятий было установлено, что при выпуске газеты «Алтайская правда» от 21 ноября 1941 г. гр. С., гр. Н. и гр. Ш. были изготовлены и распространены в общественных местах г. Барнаул 9 экземпляров газеты, носящих антисоветский характер. На первом листе было размещено стихотворение, призывавшее читателя к победам над фашистским агрессором:

«Товарищи!
Сталин призывает нас
трудом повсюду Родину крепить,
используй каждый день и каждый час,
чтобы врага скорее разгромить...».

Внизу под этим стихотворением была подведена черта и большим печатным шрифтом написано: «Напрасные старания»[16].

Все виновные были установлены и привлечены судом к разным срокам уголовной ответственности.

Для оперативного розыска лиц, занимавшихся распространением провокационных слухов, антисоветской агитацией и пропагандой, УНКВД по Алтайскому края в районы направлялись сотрудники уголовного розыска. Так, 15 августа 1945 г. в 6 часов утра на территории усадьбы конторы «Красный труженик» Кулундинского района было обнаружено 8 листовок контрреволюционного содержания: «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на борьбу люд голодный. Долой союз дураков, да здравствует счастливая Германия. Но… Гад, кость тебе в горло, подлецу этакому.

[15] Там же. Л. 80.

[16] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 484.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

Сидит, дает приказ отступать, а то и не видит, что уже пол-России занято»; «Тов., голод и бедность – вот, что дает людям их работа. Мы издыхаем всю жизнь в работе, всегда в грязи и в обмане, а нашим трудом тешатся другие и держат нас, как собак, на цепи. Мы ничего не знаем, мы всегда боимся. Ночь – наша жизнь. Собирай народ силы во единую силу! Привет... дуракам»[17]; «Товарищи, не старайтесь рассчитываться разными налогами, ибо все равно Советскому государству не существовать. Из нас жмут кровь, как сок из клюквы. Тов., сейчас человека превратили в настоящего раба. Самим пахнет могилой. Долой… дурака. Да здравствует Гитлер»[18]. Для организации розыска авторов и распространителей контрреволюционных листовок в Кулундинский район УНКВД по Алтайскому краю был откомандирован сотрудник уголовного розыска[19].

Особое внимание сотрудники милиции уделяли выявлению источников получения антисоветской агитации и пропаганды. В годы Великой Отечественной войны в основном ими выступали радиовещание и почтовая корреспонденция.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 14 июля 1941 г. № 29/13/у «Об уклонении от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств» была введена уголовная ответственность. Согласно Постановлению Президиума Верховного суда ССР №29/13у от 14 июля 1941 г. преступление необходимо было квалифицировать по ст. 59-6 УК РСФСР «Отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (в частности, военно-автотранспортной, военно-конской, военно-повозочной и военно-судовой) влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества». В связи с этим сотрудники милиции усилили работу по выявлению лиц, не сдавших радиоприемники и радиопередающие устройства, а также настраивающих их при выполнении своих служебных обязанностей на запретные частоты.

Сотрудники милиции в ходе оперативных мероприятий установили, что радист радиоузла железнодорожного клуба станции Барнаул гр. Щ. не сдал радиоприемник типа ЭЧС-4 и резервный приемник типа ТМ-9. Гр. Щ. систематически ловил зарубежные станции, в том числе немецкие и итальянские, передававшие контрреволюционную клевету в отношении Советского Союза, услышанное распространял среди населения[20].

По агентурной информации сотрудникам милиции стало известно, что 12 июля 1941 г. заведующий Эликмонарским радиоузлом, настраивая приемник для приема сообщений от станции им. Коминтерна, на волне 19,74 метра принял следующую передачу: «Говорит станция за Россию, …скоро падет власть Советов, они загнали народ в тюрьмы и лагеря… долой ж… СССР. Нам не нужен капиталист и коммунист, нам нужен русский хозяин, мелкий частник. Против коминтерна все народы… Наше новое правительство кончит войну, заключит мир с немцами, чем скорее, российские граждане, начнем нашу войну, тем скорее освободимся и останемся живы… Слушайте нас каждый день»[21].

В ходе оперативно-следственных мероприятий, проведенных сотрудниками милиции, было установлено, что проживавшей в с. Кучугур Карасукского района Алтайского края гр. Ж. пришло письмо, в котором содержалась анонимная листовка религиозного содержания, от ее дочери гр. У., являвшейся жительницей совхоза № 9 Новосибирской области. Гр. Ж. попросила 12-летнюю внучку размножить листовку. После этого сама распространила листовку по всему селу. Далее жительница села гр. О., получив листовку от гр. Ж., размножила ее и один экземпляр отдала гр. П. для размножения и распространения, что последний и сделал через свою сестру гр. П. в колхозе «Красный фронтовик» Кучугурского сельсовета. Кроме того, гр. О. отправила письмо вместе с листовкой гр. У., жительнице колхоза «Красный колос» Нестеровского сельсовета Карасукского района, для размножения и распространения ее среди населения, что последней и было сделано. В ходе следствия у гр. У., жительницы совхоза № 9 Новосибирской области, было изъято 35 листовок антисоветского религиозного содержания. По данному факту все участники были задержаны и привлечены по ст. 58-10 (ч. 2) УК РСФСР к разным срокам заключения[22].

Особое внимание сотрудники милиции уделяли проверке заявлений о фактах распространения провокационных слухов, измышлений, пропаганды и агитации [25; 26, с. 26]. Секретарь Шарчинского райкома ВКП(б) тов. Ф. сообщил в органы милиции, что 18 ноября 1942 г. получил анонимное письмо с «контрреволюционным и террористическим содержанием». В письме высказывалось пожелание устранить нарушение законности в торговой сети. В дальнейшем автор письма приводил факты расхищения товаров с базы райпотребсоюза: «9 октября 1942 г. приехала машина с промышленными и продовольственными товарами. Часть товара была распределена между работниками базы, другая поступила в закрытый магазин». В дальнейшем автор обращался к т. Ф.: «…оглянитесь вокруг и устраните безобразие, если Вы сами не замешаны в этом, я знаю, моя просьба Вам покажется смешной, но уверяю, час расплаты скоро придет, когда будет не до смеха, всем терпениям бывает конец,

[17] Там же. Л. 48.

[18] Там же. Л. 49.

[19] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 49.

[20] Там же. Л. 111.

[21] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 105. Л. 56.

[22] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 323–323 об.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

у Вас, как у плохого хозяина, нет порядка. Трудовая копейка собрана с членов пайщиков, а кто же товаром пользуется, кто же его грабит, да наши органы власти, а защитники родины безногие, безрукие пошли от магазина ни с чем, они будут тем довольны, что они, защищая родину и охраняя теплое местечко для своего хозяйства, чтобы обжираться нашим трудом. Нет, т. Ф., не все гранаты брошены в фашистов, оставлены и для внутреннего врага, смотрите в оба, пока не поздно, наша кровь не пропадает задаром»[23].

Сотрудниками милиции были проверены все факты, указанные в данном анонимном письме, о нарушении принципов советской торговли, что нашло отражение в действительности. 14 ноября 1942 г. в магазин Шарчинского сельпо поступило товаров на сумму 70000 руб., часть из них на сумму 2000 руб. была направлена в колхоз им. Сталина, остальное было передано в «закрытый магазин» и перераспределено между работниками райпотребсоюза. Так, «шерстяного материала поступило 70 метров, из них 22 было передано в "закрытый магазин" и 48 получили работники райпортебсоюза и лица, прикрепленные к "закрытому". Председатель сельпо получил 6 метров, секретарь РК ВКП(б) – 6 метров, районный прокурор – 6 метров, председатель районного исполнительного комитета – 6 метров, эти же лица распределили между собой поступившую 72 % белую муку»[24].

4 ноября 1942 г. в Шарчинское сельпо поступила большая партия промтоваров, которая по распоряжению председателя районного исполнительного комитета и секретаря райкома ВКП(б) в большей своей части была реализована через «закрытый магазин». В числе этой партии поступило 25 пар теплого белья для раненых бойцов, пришедших с фронта, но секретарь райкома ВКП(б) предложил реализовать данное белье следующим образом: 18 пар продать членам районной комиссии по сбору теплых вещей для РККА, одну пару взял председатель районного исполнительного комитета, остальные выдали раненым красноармейцам, в результате чего среди последних были отмечены резкие недовольства. Причиной этому являлись противозаконные действия председателя Шарчинского сельпо, которая, воспользовавшись служебным положением, приобретала товары первой необходимости путем самоснабжения[25].

В борьбе с распространением провокационных слухов, антисоветской агитации и пропаганды сотрудникам милиции активно помогали граждане [27, с. 5]. В одних случаях они сообщали о лицах, ведущих антисоветскую агитацию и пропаганду, в других – принимали участие по их задержанию. По одному из сообщений сотрудникам милиции стало известно, что с 7 на 8 апреля 1942 г. в квартире члена колхоза «Буревестник» гр. П. собрались бывшие монашки гр. З, гр. Г. и гр. Ж. и проводили богослужение, пели молитвы. После его окончания вели антисоветские разговоры. Тот же источник сообщил, что у бывшей монашки В. 13 мая 1942 г. после моления среди собравшихся зашел разговор, в котором гр. К. высказала пожелание о победе Германии[26]. 13 июля 1941 г. в 12 часов дня два жителя г. Барнаул доставили в УНКВД по Алтайскому краю гр. С., утверждая, что последний среди населения проводил антисоветскую агитацию. В ходе предварительного следствия было установлено, что гр. С. 13 июля 1941 г. в 10 часов утра, находясь в пивной по ул. Короленко, в присутствии ее посетителей проводил открытую контрреволюционную агитацию[27].

Заключение

В 1941–1942 гг. государственная идеология была перестроена в соответствии с условиями чрезвычайного положения и нацелена на повышение патриотического воспитания населения. Немаловажную роль в противодействии преступлений, связанных с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов, сыграла государственно-правовая политика, ужесточившая уголовную ответственность за данный вид преступлений.

Меры, принимаемые органами государственной власти, по недопущению среди граждан Советского Союза проявлений антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов, не всегда достигали положительного результата. Основными причинами, способствующими совершению такого вида преступлений, являлись тяжелое положение на фронте в начале войны, умалчивание в средствах массовой информации реального состояния дел на фронте, предоставление искаженной информации населению Алтайского края эвакуированными гражданами из прифронтовых или оккупированных районов.

По свидетельству архивных материалов, сотрудники милиции проводили оперативную работу с каждым подозреваемым. Об этом наглядно свидетельствуют результаты работы Алтайского краевого суда, которым в 1942 г. к уголовной ответственности по ст. 58-10 всего было привлечено 96 человек[28]. Данная тенденция сохранялась на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В 1943 г. было привлечено к уголовной ответственности 425 человек[29], а в 1944 г. количество осужденных снизилось до 100 человек[30].

[23] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 269–270.

[24] Там же. Л. 271.

[25] Там же. Л. 270.

[26] Там же. Л. 502.

[27] ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 105.

[28] ГААК. Ф. 1474. Оп. 78. Д. 612. Л. 1.

[29] Архив Алтайского краевого суда. Наряд № 15 статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1943 г. Л. 22.

[30] Архив Алтайского краевого суда. Наряд № 21 статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 23.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

Деятельность органов милиции Алтайского края по борьбе с данным видом преступлений в исследуемый период укрепилась как самостоятельное направление. Органы милиции, осуществляя работу по этому направлению деятельности, уделяли особое внимание работе с агентурным аппаратом и выявлению источников получения антисоветской агитации, пропаганды, что было сделать крайне сложно, т. к. поступавшая информация в своем большинстве являлась анонимной.

Произошедший в 1943 г. коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и дальнейшие победы Красной армии способствовали нормализации общественно-политической ситуации в стране, усилению патриотических настроений и сплочению общества в чрезвычайных условиях войны.

Литература

1. Базаров Ф. Е. Советская милиция Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. Томск, 1971. 216 с.
2. Малыгин А. Я. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел. М.: Акад. МВД СССР, 1978. 40 с.
3. Мулукаев Р. С., Суслов В. М. Функции советской милиции по предупреждению преступлений (1917–1934 гг.). М.: Акад. МВД СССР, 1991. 96 с.
4. Тимченко А. П. Организация и деятельность милиции Советской Украины в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 г.): дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1981. 169 с.
5. Костин В. И. На страже правопорядка в годы Великой Отечественной войны. Горький: Приволжское книжное изд-во, 1983. 87 с.
6. Горлов А. С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 270 с.
7. Снегирева Л. И. Состав населения, эвакуированного в западно-сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2015. № 2. С. 38–43.
8. Блинова В. В. Пресечение антисоветской агитации, пропаганды и негативных слухов на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 32–39.
9. Гогин А. А. К вопросу о некоторых аспектах советского законодательства периода Великой Отечественной войны // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 3. С. 12–17.
10. Жанбосинова А. С. Структура и динамика репрессивной политики в Восточном Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С.103–105.
11. Першин К. В. Борьба органов НКВД-НКГБ СССР с дезертирством и бандитизмом на территории Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Педагогические науки. 2017. № 4. С. 167–175.
12. Шевляков А. С. Политический контроль над колхозным крестьянством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6. С. 48–53.
13. Недоступов Д. А. История Русской православной церкви в период 1917–1945 гг. // Научный альманах Центрального Черноземья. 2017. № 2. С. 112–134.
14. Сомов В. А. Слухи как фактор трудового поведения в начальный период Великой Отечественной войны // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 19–32.
15. Сучилкин А. В., Сучилкина Е. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы с преступностью в годы Второй мировой войны // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С.160–163.
16. Блинова В. В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 30 с.
17. Шатилов С. П., Шатилова О. А. Правоохранительная деятельность в годы Великой Отечественной войны // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2007. № 11. С. 69–73.
18. Ахмадиева Н. В. Крестьянство и власть: история взаимоотношений (на материалах Башкирской АССР, 1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 3. С. 51–57.
19. Концепция правового воспитания российского общества / ред. А. А. Васильев, В. В. Сорокин. Барнаул: Азбука, 2014. 272 с.
20. Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.). Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2000. 163 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

21. Потапова А. В., Воротынцева А. А., Краснов Ю. К. Суды СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 13–19.
22. Чугунцова Н. А. Деятельность органов власти Северного Кавказа по обеспечению правопорядка в условиях Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 92–98.
23. Семенов В. М., Шатилов С. П. Деятельность милиции Алтайского края в период Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект. Барнаул: БЮИ МВД России, 2001. 61с.
24. Червякова А. А. О роли органов Советской и Германской пропаганды в формировании массового сознания населения СССР и советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2011. № 57. С. 13–17.
25. Хмелева А. В. Страницы истории: следствие в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 2. С. 42–47.
26. Хмелева А. В. Страницы истории: следствие в годы Великой Отечественной войны (на основе архивных материалов по Воронежской области) // История государства и права. 2015. № 9. С. 23–29.
27. Голубых Н. В., Чашников В. А. Деятельность органов милиции на Урале в период Великой Отечественной войны // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 2–7.

Militia Forces against Anti-Soviet Agitation, Propaganda, and Provocative Rumors in the Altai Territory in 1941–1942

Sergei P. Shatilov [a, @]; Oksana A. Shatilova [a]

[a] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia

[@] shatilov_sp@mail.ru

Received 28.10.2019. Accepted 27.12.2019.

Abstract: The research featured the implementation of state ideology and legal policy during the World War II. The present paper describes the case of the Altai Territory, where the local militia forces had to struggle against anti-Soviet propaganda and provocative rumors in 1941–1942. The study helped to identify the main reasons that led to such manifestations: the critical situation at the front during the early period of the war; lack of media information about the real state of affairs; distorted information that the disoriented evacuees shared with the local people. Archival materials helped to shed light on the basic forms and methods which the local militia used to combat the rumors. The paper focuses on the means of identification of sources of anti-Soviet propaganda, as well as the peculiarities of criminal prosecution in such cases. During the Great Patriotic War (1941–1945), the militia used various forms and methods to identify sources of anti-Soviet propaganda and provocative rumors. The analysis showed that the militia thoroughly investigated each case, revealing the initial source of anonymous information.

Keywords: Great Patriotic War (1941–1945), state ideology, anti-Soviet propaganda, counterrevolutionary leaflet, false rumors, counter-revolutionary crime

For citation: Shatilov S. P., Shatilova O. A. Militia Forces against Anti-Soviet Agitation, Propaganda, and Provocative Rumors in the Altai Territory in 1941–1942. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 98–106. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

References

1. Bazarov F. E. *Soviet police in Western Siberia during the Great Patriotic War (June 1941–1945)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 1971, 216. (In Russ.)
2. Malygin A. Ia. *Development of a system of selection, placement and training of personnel in the internal affairs bodies.* Moscow: Akad. MVD SSSR, 1978, 40. (In Russ.)
3. Mulukaev R. S. *The functions of the Soviet police in the prevention of crimes (1941–1945).* Moscow: Akad. MVD SSSR, 1991, 96. (In Russ.)
4. Timchenko A. P. *Organization and activities of the police of Soviet Ukraine during the Great Patriotic War (June 1941 – May 1945)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Kiev, 1981, 169. (In Russ.)
5. Kostin V. I. *On guard of law and order during the Great Patriotic War*. Gorky: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1983, 87. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106

6. Gorlov A. S. *Soviet propaganda during the Great Patriotic War: institutional and organizational aspects*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2009, 270. (In Russ.)
7. Snegireva L. I. The composition of the population evacuated to the West Siberian rear area during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (2): 38–43. (In Russ.)
8. Blinova V. V. Suppression of anti-Soviet agitation, propaganda, and negative rumors in the South Urals during the Great Patriotic War. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta,* 2007, (3): 32–39. (In Russ.)
9. Gogin A. A. The issue of certain aspects of Soviet legislation during the Great Patriotic War. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2015, (3): 12–17. (In Russ.)
10. Zhanbosinova A. S. The structure and dynamics of repressive policies in East Kazakhstan during the Great Patriotic War. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2012, (3): 103–105. (In Russ.)
11. Pershin K. V. Struggle of people's commissariat for internal affairs – people's commissariat for state security of USSR against desertion and banditry in the Stalingrad region during the Great Patriotic War. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Pedagogicheskie nauki*, 2017, (4): 167–175. (In Russ.)
12. Shevlyakov A. S. Political control of the collective-farm peasantry during the Great Patriotic war (materials to Siberia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, (6): 48–53. (In Russ.)
13. Nedostupov D. A. The history of the Russian Orthodox Church in the 1917–1945. *Nauchnyi almanakh Centralnogo Chernozemia*, 2017, (2): 112–134. (In Russ.)
14. Somov V. A. Rumors as a factor of labor behavior in the initial period of Great Patriotic war. *Istoricheskaia psikhologiia i sotsiologiia istorii,* 2011, 4(1): 19–32. (In Russ.)
15. Suchilkin A. V., Suchilkina E. V. Standard and legal regulation of fight against crime during the Second World War. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo,* 2012, (28): 160–163. (In Russ.)
16. Blinova V. V. *The activities of the NKVD bodies of the South Urals during the Great Patriotic War.* Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Orenburg, 2008, 30. (In Russ.)
17. Shatilov S. P., Shatilova O. A. Law enforcement during the Great Patriotic War. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2007, (11): 69–73. (In Russ.)
18. Ahmadieva N. V. Peasantry and power: history of the relationship (on the material of Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, 1941–1945). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2015, (3): 51–57. (In Russ.)
19. *The concept of legal education of Russian society*, eds. Vasilyev A. A., Sorokin V. V. Barnaul: Azbuka, 2014, 272. (In Russ.)
20. German R. B. *The activities of the Russian police during the Great Patriotic War and the post-war period (1941–1960).* Rostov on Don: RIuI MVD Rossii, 2000, 163. (In Russ.)
21. Potapova A. V., Vorotyntseva A. A., Krasnov Iu. K. Courts of the USSR during the Great Patriotic War. *History of State and Law*, 2010, (9): 13–19. (In Russ.)
22. Chuguntsova N. A. The Soviet law enforcement authorities in the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Historical and Social-Educational Ideas*, 2012, (1): 92–98. (In Russ.)
23. Semenov V. M., Shatilov S. P. *Activities of the Altai territory militia during the Great Patriotic War: historical and legal aspect.* Barnaul: BIuI MVD Rossii, 2001, 61. (In Russ.)
24. Chervyakova A. A. On the role of bodies of Soviet and German propaganda in the formation of mass consciousness of the population of the USSR and Soviet prisoners of war during the Great Patriotic War. *Iuridicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2011, (57): 13–17. (In Russ.)
25. Khmeleva A. V. Pages of history: investigation during the Great Patriotic War. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii*, 2015, (2): 42–47. (In Russ.)
26. Khmeleva A. V. Pages of history: investigation during the Great Patriotic War (on the basis of archive materials of the Voronezh Region). *History of State and Law*, 2015, (9): 23–29. (In Russ.)
27. Golubykh N.V., Chashnikov V. A. The activities of the police in the Urals in the period of the Great Patriotic war. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2015, (2): 2–7. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

оригинальная статья
УДК 902/904

Проблемы исследования памятников Нового времени в Притомье

Юрий В. Ширин [a, b, @, ID]

[a] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
[b] Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, Россия, г. Новокузнецк
[@] shirin_a@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-2116-1677

Поступила в редакцию 13.12.2019. Принята к печати 09.01.2020.

Аннотация: Рассматриваются методические и методологические проблемы археологических исследований памятников Нового времени. Показаны особенности полевых и камеральных работ на таких объектах. Отмечено усиление вспомогательной роли археологии для Нового времени – периода коренных изменений в демографической и политической обстановке Сибири. В этих условиях началось формирование новых социально-территориальных групп, а также включение их в процессы глобализации. Региональные исторические проблемы могут решаться только с учетом широкого исторического фона. Археология Нового времени может значительно расширить круг источников для историков и этнографов, но для этого необходимо тесное междисциплинарное взаимодействие. Только с учетом задач, сформулированных историками, работа археологов будет максимально успешной. Автором предложен вариант развернутой программы для накопления и анализа археологических материалов по одной из тем (трансформация культурных комплексов коренных жителей Притомья в XVII–XVIII вв.). Этот процесс проходил в Притомье не только под влиянием различных групп пришлого российского населения, но и отдельных групп саяно-алтайских этносов. Сделан акцент на том, что область интересов археологии Нового времени шире, чем охват развивающейся в последние годы русской археологии. Для успешной реализации программ археологии Нового времени необходимо разрабатывать методический и методологический аппарат исследований, готовить кадры.

Ключевые слова: постсредневековая археология, межэтническое взаимодействие, Кузнецкая котловина, ассимиляция, культурное наследие, методология

Для цитирования: Ширин Ю. В. Проблемы исследования памятников Нового времени в Притомье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 107–114. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

Введение

Одна из наиболее перспективных тем исследования археологических памятников Нового времени[1] Притомья и Кузнецкой котловины – это трансформация культурных комплексов коренных жителей края в XVII–XVIII вв. в ходе адаптации к новым условиям после включения в состав России.

В этнографической практике уже существует положительный опыт анализа культуры современных народов Притомья [1–3]. Однако культурные объекты различных этнотерриториальных групп региона, которые доступны этнографам, позволяют реконструировать состояние бытовых комплексов в сильно трансформированном виде, а исходное их состояние остаётся предположительным. В силу этого многие высказанные этнографами гипотезы требуют корректировки, чему могут поспособствовать археологические материалы Нового времени.

Предпосылки становления археологии Нового времени

Привлечение археологов к исследованию объектов культурного наследия Нового времени в России и в Сибири, в частности, имеет немалый опыт. Но до недавнего времени эти работы носили случайный характер: они не имели необходимого юридического обоснования, не существовало соответствующих программ подготовки специалистов. О создании особого научного направления также никто не задумывался. К концу XX в. исключение составляла только т. н. *русская археология*. Она и в настоящее время дает примеры прекрасных комплексных исследований [4]. Для Кемеровской области интерес к объектам русской археологии, несмотря на длительную историю таких исследований, пока ограничивается аварийными раскопками [5]. При изучении культурного слоя старинных русских городов Сибири археологи невольно изучали как комплексы XVI–XVIII вв., так и более молодые [6–8]. Впрочем, последним до недавнего времени не уделялось должного внимания. В 2000 г. всем археологам, ведущим полевые исследования в азиатской части России, Институтом археологии РАН было разослано письмо с рекомендацией обратить пристальное внимание не только на старинные сибирские города, но и на наиболее старые

[1] В зарубежной литературе, где термин *Новое время* практически не используется, этот раздел археологии обычно обозначается понятием *постсредневековая археология*.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

сельские поселения: «Памятники русского населения Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в. подлежат учёту, охране и исследованиям наравне с другими объектами археологического наследия»[2]. Тем не менее, когда в 2013 г. было сделано дополнение к федеральному закону «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», по которому к объектам археологии были отнесены «следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет»[3], отечественная археология оказалась к этому явно не готова.

С изменением правового поля возникли проблемы, вызванные отсутствием подзаконных актов к принятым законам по обеспечению ограничений на землепользование в черте действующих и развивающихся населенных пунктов с древней историей, а также по организации и финансированию охранных работ на этих территориях. Но оставим в стороне правовую сторону вопроса и обратимся к узкопрофессиональным проблемам, стоящим перед археологией Притомья Нового времени.

Методологические проблемы

При определении задач археологии Нового времени мы должны провозгласить очевидную вещь: для археологии в этом ее разделе в еще большей степени, чем обычно, отведена роль вспомогательной дисциплины. На первых этапах своего становления она должна быть подчинена целям, которые ставят историки в исследованиях исторических проблем Нового времени. Эти цели должны быть сформулированы на основе комплексного анализа всех доступных видов исторических источников. В дальнейшем, помимо совершенствования методик технической фиксации исследуемых объектов и посильного участия в решении поставленных историками задач, археология Нового времени должна стремиться к постанове актуальных проблем. В противном случае археологические исследования памятников Нового времени окажутся весьма непродуктивными и ограничатся изъятием из культурного слоя артефактов, которые сами по себе редко представляют особую культурную ценность: обломков посуды и прочей бытовой утвари, массовых монет, скобяных изделий, мебельной фурнитуры, инструментов, элементов одежды и обуви. Большинство из перечисленных объектов представлено в уже существующих собраниях музеев в гораздо лучшем качестве.

Раскопки памятников Нового времени позволяют получить серийный рядовой материал, который обычно в музеях отсутствует. В этом один из положительных результатов обращения археологов к новым объектам исследования. Но следует напомнить, хотя это и тривиально, что не находки являются основной целью любых археологических работ.

Не оправданы надежды некоторых археологов на то, что при обращении к результатам археологических раскопок памятников Нового времени удастся решить ряд проблем традиционной археологии древних периодов, например, проблемы миграций или культурных адаптаций в контактных зонах. Прежде всего, должна быть ясна методологическая несостоятельность таких ожиданий. Системные различия демографических и социальных условий любых процессов Нового времени с условиями древних эпох Сибири делают совершенно некорректными любые параллели.

На данный момент не ясно, что должно стать объектом особого внимания при угрозе утраты объектов археологического наследия Нового времени. Методики исследования руинированных объектов Нового времени вырабатываются на ходу, спонтанно и индивидуально. Они не обрели еще форм методических рекомендаций. Особую проблему в археологии Нового времени, несомненно, составит и выработка принципов отбора недвижимых объектов для возможной музеефикации, а также принципов их консервации и реставрации. Пока такой опыт на территории Кемеровской области, при этом весьма незначительный, накоплен только при исследовании Кузнецкой крепости.

Методические проблемы

Попытки приспособить привычные методики к решению совершенно новых задач оказались неэффективными. Интуитивно понятна только бессмысленность переноса всех принципов работы с культурным слоем и массовым материалом, применяемых при исследовании древних памятников, на комплексы Нового времени. Исследователи, вынужденные по формальным требованиям их придерживаться, в последнее время сталкиваются с тем, что они не в состоянии передать полученные коллекции в фонды государственных музеев, а специальных хранилищ (депозитариев) для массового археологического материала в нашей стране еще нет.

Как ни удивительно, но при организации археологических исследований объектов археологии Нового времени следует уделять особое внимание технологии раскопок, в частности фиксации стратиграфии выявляемых объектов. Это связано с тем, что формирование культурного слоя в условиях Нового времени обладает рядом существенных отличий от архаичных периодов как по скорости накопления, так и по механизмам трансформаций и утрат отдельных элементов. Для учета этих свойств современных отложений культурного слоя можно позаимствовать ряд наработок исследования античных городов, но лучше всего для этого подходит технология, разработанная и применяемая в городской археологии Англии [9]. Идеальным будет привлечение узких специалистов для характеристик особенностей вмещающего

[2] Письмо Института археологии РАН от 30.11.2000 г. № 14102/217-2-106.

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии. Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ // Гарант. Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/70419172/paragraph/1:0 (дата обращения: 10.12.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

материала отдельных прослоек культурного слоя. В ряде случаев это дает дополнительную информацию.

Иначе следует подойти к отбору и обработке массового материала: керамики, строительного мусора, скобяных изделий, стекла, тары всех видов, пищевых отходов и остатков всевозможных производств и бытовых процессов. Для археологии Нового времени чаще всего не требуются методики формально-типологического анализа. Практически для всех артефактов есть возможность найти реальные типологии, отраженные в письменных источниках и производственных нормативах, описанные в различных этнографических комплексах. Прежде всего, это касается керамики. Но для обработки массы фрагментов гончарной керамики можно рекомендовать использование статистических таблиц, разработанных для позднесредневековых русских памятников [10]. Правда, эти таблицы требуют корректировки с учетом региональных особенностей гончарства. Еще одним примером излишних типологических усилий могла бы стать попытка создания типологии гвоздей из культурного слоя памятников XVII–XVIII вв. Гвозди для Нового времени уже имеют устойчивую типологию, основанную на стандартизации строительных работ, в которых они массово используются.

К сожалению, достаточно часто приходится встречать ошибки в атрибуции находок из объектов Нового времени, доходящие до анекдотических случаев [11]. Эти примеры показывают, что многие детали бытовой культуры XVIII–XIX вв. и даже первой половины XX в. малознакомы современному человеку. Также весьма показательны очень частые ошибки в интерпретации предметов личного благочестия совсем недавнего прошлого [12]. Исследователям, работающим с поздними археологическими слоями, необходимо расширение вещеведческого кругозора путем обращения к различным музейным и частным коллекциям. Помимо этого, необходимо формирование региональных каталогов массового материала.

Глобализация мировой экономики, истоки которой лежат в начале Нового времени, вносит свои коррективы в привычные методы подбора аналогий и культурных параллелей. Обращение к международному опыту исследования памятников Нового времени – обязательное требование. У зарубежной постсредневековой или исторической археологии есть чему поучиться. В Западной Европе регулярно проводятся конгрессы по постсредневековой археологии [13], функционируют разнообразные общества, разрабатывающие те или иные узкие темы в рамках этого направления. У нас же подобная практика только начинает нарабатываться, пока в очень небольших объемах [14]. На сибирском материале положительный пример обмена региональным опытом дает проведение регулярных конференций в рамках русской археологии [15].

О церковной археологии

Особый круг проблем связан с исследованием некрополей Нового времени. Такие работы в последние десятилетия проводятся все чаще [16–18]. Они, несомненно, необходимы, если альтернативой является полный снос. Но процедура эта весьма близка к эксгумации и требует законодательной, а также методической проработки. Многие археологи, невольные участники таких работ, сталкиваются с разнообразными проблемами морально-этического характера. Неоднозначны позиции музейных работников в части принятия материалов, полученных при исследованиях кладбищ Нового времени. Эти проблемы ждут своего решения. Не снимается и медицинский аспект бактериологических угроз вскрытия погребений недавнего прошлого. Остается сожалеть о неразвитости церковной археологии. Это направление должно в ближайшее время получить относительную самостоятельность в рамках археологии Нового времени, подобно тому как это было в XIX – начале XX в. Необходима срочная фиксация почти полностью утраченных сельских культовых объектов XIX–XX вв. Там, где ведутся реставрационные работы старых церковных зданий, не всегда соблюдаются требования участия в работах археологов. Культовые памятники если и попадают в поле внимания органов охраны культурного наследия, то механизм взаимодействия в рамках охранных обязательств между церквями и госорганами плохо организован. Все же опыт продуктивного взаимодействия археологов и Русской православной церкви уже накапливается [19].

Этническая проблематика в археологии Притомья Нового времени

В число памятников археологии Притомья Нового времени попадают не только условно русские, но и те, которые принадлежат потомкам коренных сибиряков «дорусского периода». Притомье во все времена было территорией мозаичного этнического расселения, что отражается в материалах древних археологических памятников и в культуре народов Нового времени.

Из-за нестабильности этносоциальных образований, в которые в «дорусский» период регулярно оказывались включены обитатели этого региона, здесь не складывались устойчивые этнические образования и была очень велика миграционная активность. В этнографической характеристике местных этнических групп обращает на себя внимание их подверженность влияниям, а также легкость потери традиционной культуры. При этом неоднократно возникающие периоды внутрирегиональной активизации контактов привели к формированию у обитателей региона комплексного хозяйства со сходными элементами материальной культуры.

Механизм своеобразной культурной и языковой ассимиляции оставался естественным приспособительным механизмом существования в полиэтничной контактной зоне вплоть до XVII–XVIII вв. Для всего этого периода, видимо, неверно говорить о каких либо этапах этнической истории выделяемых в настоящее время на территории Кемеровской области т. н. коренных народов.

С присоединением Южной Сибири к Российскому государству этнические процессы в этом регионе, в том числе на территории современной Кемеровской области,

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

существенно меняются. При сохранении ассимилятивных явлений наблюдаются интеграционные и консолидирующие процессы. В основе последних лежали изменения в социально-административном устройстве аборигенного населения [20]. К концу XIX – началу XX в. относится формирование шорцев, бачатских телеутов, татар-калмаков. В них растворились ранее существовавшие этно-территориальные группы абинцев, бирюсинцев, ачкыштымов, ячинцев, тюльберов, шуйцев, кумышцев, керетцев, выезжих телеутов и пр. Часть представителей местных этно-территориальных групп вошла в состав новых этносов других административных регионов (алтайцев, хакасов и т. д.), часть обрусела.

Уже с XVII в. наблюдаем тесное взаимодействие пришлого российского населения, как служилого, так и крестьянского, с коренными жителями. Так, в зоне контактов русских с кузнецкими татарами этому способствовала частичная интеграция их хозяйственных комплексов. На протяжении XVII – первой половины XVIII в. кузнецкие татары поставляли в виде ясака и в обмен на товары практически все железо, которое использовалось в хозяйстве русского населения Кузнецкого уезда [21–23].

Такое тесное взаимодействие приводило к ассимиляции коренных жителей со своеобразным обрусением на бытовом уровне, с одной стороны, и к проникновению черт культуры аборигенов в бытовой комплекс российских переселенцев, с другой. Этнический состав последних также был весьма пестрым, не исключались межэтнические браки.

На протяжении всего XVII в. и первой четверти XVIII в. большинство первопоселенцев Притомья происходили из северо-восточной части России. Например, Л. А. Скрябина указывает, что в томском «Разборном списке» 1680 г. из 818 служилых людей более половины были выходцами из северорусских областей. Из них 372 человека были носителями говоров восточной группы (вожане, вологжане, вычегжане, каргопольцы, соликамцы, устюжане и др.), 39 – северной группы (двиняне, кинозерцы, мезенцы и др.), 20 – западной группы (новгородцы). Остальные распределялись следующим образом: 60 человек говорили на владимиро-волжском наречии (арзамасцы, балахнинцы, муромцы, нижегородцы, ярославцы), 76 являлись представителями южных говоров (вяземцы, калужане, рязанцы, смоляне, выходцы с Дона), 63 – восточного среднерусского говора (из них 125 москвичей). Также значились 23 украинца, 35 литовцев, 30 поляков [24, с. 17].

Анализ письменных источников XVII–XVIII вв., относящихся к Кузнецкому острогу, свидетельствует, что среди служилых людей Кузнецка также численно преобладали жители восточных районов Русского Севера. Например, в 1719 г. из 68 служилых кузнецких людей 56 были из Устюга Великого, Яренска и Сольвычегодска, 2 – из западных областей русского севера, 5 – из Поморья и из Поволжья [25, с. 95].

Анализ языковой и этнической принадлежности жителей сельской местности Притомья, проведенный в середине XX в., показал не только полицентричность выхода русских групп, но и наличие в составе поселков представителей финно-угорских, тюркских и иных языков [26]. Многие из них приносили в Притомье особенности материальной культуры прежнего региона обитания.

Пришлые россияне в Притомье и Кузнецкой котловине очень часто расселялись чересполосно с представителями социально-территориальных групп коренных жителей. Кроме русских, в Притомье в Новое время переселялись и представители иных языковых групп, в частности т. н. выезжие телеуты. Они также включились в процесс культурной ассимиляции коренных жителей, формируя новые социально-территориальные группы: калмаков, бачатских и ускатских телеутов. С учетом этого этническая атрибуция выявляемых в Притомье и в Кузнецкой котловине археологических комплексов Нового времени становится весьма непростым занятием. Для иллюстрации этого приведем одну из возможных программ комплексного исследования памятников Притомья Нового времени.

Примерная программа исследования памятников Притомья Нового времени

Задачи, решаемые при анализе историко-этнографических и археологических источников и нацеленные на всестороннюю характеристику социально-территориальных групп в составе населения Кузнецкого края XVII–XVIII вв.:

- Выбор и обоснование районирования по историко-этнографическим областям (локальные участки, ландшафтное и географическое обобщение). Ареалы и районирование, отраженные в административном делении.
- Составление перечня этнографических групп для группировки при атрибуции полученных археологических материалов.
- Поиск источников о вхождении в более крупное социально-территориальное объединение (на каких ролях?).
- Определение по архивным материалам XVII–XIX вв. мест расселения с фиксацией (по возможности) представителей различных волостей, локализация поселений (в динамике).
- Выделение культурно единых территорий и мест смешанного проживания локальных групп. Ареалы, численность и распределение населения. Половозрастная структура населенных пунктов. Социальная стратификация различных уровней.
- Определение наименьшей единицы для выделения территории культурного своеобразия (локальная группа, территориальная община, группа родственников и т. п.).
- Историко-этнографическое описание и типология поселений и могильников (картографирование в единых с археологическим масштабах). Их топография и ландшафтная приуроченность. Типы жилых и хозяйственных строений.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

- Анализ принципов выбора мест для поселения, могильника, культового места и поэтапного формирования их микротопографии. Планировка и структура погребально-поминальных комплексов. Типы погребально-поминальных сооружений. Погребальные конструкции. Способ погребения. Инвентарь погребально-поминальных и культовых комплексов. Биологический компонент в обрядах.
- Определение продолжительности обитания в жилище, поселке, на производственных площадках.
- Описание и типология интерьеров жилых и хозяйственных построек (с учетом возможности археологической фиксации), их отдельных конструктивных элементов (очаг и т. п.).
- Характеристика хозяйственных занятий, ремесел и промыслов (основные типы хозяйства). Биологический компонент в системе жизнеобеспечения (характеристики вмещающего ландшафта, применительно к определенным типам хозяйства). Подробное описание и анализ технологических традиций, их картографирование (для инвентаря археологически фиксируемого).
- Составление каталога различных категорий этнографических материалов, которые могут быть найдены археологами (из кости, камня, глины, металла и т. п.).
- Характеристика экономических аспектов ведения хозяйства, структуры земельных угодий, традиционных форм землепользования. Вероятная структура земельных угодий. Степень ориентированности на микроареальное освоение угодий (посемейный характер землепользования).
- Характеристика норм потребления продуктов питания, традиционный рацион.
- Измерение отдаленности контактов, их частоты, указание причин. Признаки этнокультурных взаимодействий.
- Картографирование маршрутов межгрупповых, межэтнических контактов с указанием интенсивности и приоритетности направлений, типов контактов. Дороги (основные маршруты, степень развитости инфраструктур, характер преобладающих связей).
- Определение приоритетов в заключении браков (межгрупповых и межэтнических), их мотивация.
- Выявление исторических свидетельств этнокультурных контактов. Степень взаимозависимости соседних социально-территориальных единиц. Возможность кооперации, простой или сложной, в производственной и иных сферах.
- Выявление лексических заимствований (отдельно в области материальной культуры).
- Соотнесение с местоположением сходных предметных комплексов.
- Составление перечня периодов массовых переселений, отселений или притока новых этнических групп (с указанием причин и результатов).
- Определение степени устойчивости территорий обитания. Определение приоритетности в выборе территорий для переселения различных групп. Меняется ли выбор ландшафта и вида хозяйственной деятельности в результате переселения?
- Выделение групп переселяющихся (семья, группа родственных семей, поселок).

С учетом перечисленных задач могут быть построены и соответствующие более узкие программы археологических исследований памятников Нового времени. В частности, элементы этой программы в настоящее время реализуются нами при исследовании традиций металлообработки кузнецких татар XVII–XVIII вв. [23]. Сходные программы могут быть разработаны совместно с историками и по другим исследовательским направлениям.

Заключение

Рассмотренные нами методологические и методические аспекты археологии Притомья Нового времени, конечно же, не исчерпывают всего их разнообразия. Представляется, что большинство из затронутых проблем может успешно разрабатываться в контексте междисциплинарности и комплексности исследований при доминировании исторической проблематики. В этом поможет не только использование практических наработок зарубежной постсредневековой археологии и российской археологии русского периода в освоении Сибири, но и богатый опыт сходных по структуре исследований, накопленный в российской этнографии, музееологии и архитектурной реставрации. Существенным подспорьем могут послужить возрождаемые принципы церковной археологии.

Стремление к реализации объективных требований междесциплинарности и комплексности археологических исследований объектов Нового времени, безусловно, со временем приведет к необходимости создания и специального научного направления. Но мы вынуждены отметить, что одна из немаловажных проблем для археологии Притомья Нового времени – это отсутствие кадров. Пока археологией Нового времени вынуждены заниматься специалисты иного профиля. Именно в силу этого методологические принципы этой работы, только часть которых была обозначена в статье, требуют к себе пристального внимания, а также широкого обсуждения.

Благодарности

Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

Литература

1. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. 198 с.
2. Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 295 с.
3. Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.
4. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск-Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2017. 360 с.
5. Ширин Ю. В. Археологическое изучение Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск-Новокузнецк: Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 27–78.
6. Первухина А. А. Парфюмерия, фармация, личная гигиена: возможности реконструкции по материалам археологических исследований культурного слоя г. Кургана XVIII–XIX в. // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: мат-лы межрегионального круглого стола (Курган, 8 декабря 2016 г.) Курган, 2016. С. 109–119.
7. Янченко Е. С. Фарфоровые и фаянсовые изделия из культурного слоя г. Кургана на примере раскопа усадеб на углу улиц Советская и Пичугина // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: мат-лы межрегионального круглого стола (Курган, 8 декабря 2016 г.) Курган, 2016. С. 119–123.
8. Самигулов Г. Х., Васина Ю. В., Никитин А. Ю., Мишин С. А. Археологические исследования на территории усадьбы Покровских в г. Челябинске // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: мат-лы межрегионального круглого стола (Курган, 8 декабря 2016 г.) Курган, 2016. С. 125–133.
9. Practices of archaeological stratigraphy / ed. E. C. Harris. Academic Press, 2014, 296.
10. Коваль В. Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара (Москва, 10–20 февраля 2013 г.) М., 2014. С. 489–571.
11. Ширин Ю. В., Яковлев Я. А. «Да дело, в общем, не в гусях, – а всё неладно!». Трудности атрибуции инвентаря постсредневековых памятников // ХМАО в зеркале прошлого. Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2019. Вып. 17. С. 255–305.
12. Самигулов Г. Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях: мат-лы III Всерос. науч. конф. (Омск, 24–25 ноября 2008 г.) Омск, 2008. С. 202–221.
13. The Age of transition: the archaeology of English culture 1400–1600 / eds. D. R. Gaimster, P. Stamper. Oxford: Oxbow Books, 1997. 266 p.
14. Малых С. В. Комплекс предметов 1850-х гг. из раскопок на Садовнической улице в Москве // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2017 г. М.: САБ, 2018. Т. II. С. 252–287.
15. Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. 580 с.
16. Лица первых иркутян / отв. ред. В. И. Молодин. Иркутск: Амтера, 2011. 84 с.
17. Ширин Ю. В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: мат-лы IV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Омск-Тара, 21–24 ноября 2011 г.) Омск, 2011. С. 416–422.
18. Загваздин Е. П. Первые исследования православного кладбища XVII–XVIII вв. в Абалакском Свято-Знаменском мужском монастыре (материалы раскопок 2007 года) // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: мат-лы межрегионального круглого стола (Курган, 8 декабря 2016 г.) Курган, 2016. С. 94–101.
19. Симонов Д. А., Ширин Ю. В. Исследование вероятных мест погребения Петра Томского в урочище Монашка // Археологические открытия. 2015 год / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 440.
20. Кимеев В. М. Русская колонизация как основа формирования шорского этноса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-3. С. 67–78.
21. Зиняков Н. М. К вопросу об особенностях кузнечного производства Кузнецкого острога и окрестных деревень в XVII–XVIII вв.: на основе металлографических исследований // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 82–93.
22. Ширин Ю. В. Металлургический комплекс кузнецких татар на поселении Шартон 1 // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 192–201. DOI: 10.17223/19988613/62/22
23. Martyushov R. A., Shirin Yu. V. Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk tatars // Bylye Gody. 2018. Vol. 49. Iss. 3. P. 915–930. DOI: 10.13187/bg.2018.3.915

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

24. Скрябина Л. А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 130 с.
25. Чигрик Г. М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка в XVII в. // Русские говоры в Сибири / отв. ред. В. В. Палагина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 89–95.
26. Панов В. И. История заселения Кузнецкого района (XVII – нач. XX вв.): областной и этнический состав переселенцев // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1998. Вып. 3. С. 36–53.

Issues of Researching the Modern-Time Sites of the Tom River Basin

Yuriy V. Shirin [a, b, @, ID]

[a] Tomsk State University, Tomsk, Russia

[b] Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), Novokuznetsk, Russia

[@] shirin_a@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0002-2116-1677

Received 13.12.2019. Accepted 09.01.2020.

Abstract: The present research deals with methodical and methodological issues of the study of post-Medieval archaeological sites. The paper focuses on the features of related field and research lab work. The author believes that archeology plays an accessory role in Modern-Time studies, which was a period of radical changes in the demographic and a political situation of Siberia. These conditions triggered the development of new socio-territorial groups, which became involved in the globalization process. Therefore, regional historical problems can be resolved only taking into account a broad historical background. The post-Medieval archeology can significantly expand the range of sources for historians and ethnographers. However, the approach requires interdisciplinary interaction. Post-Medieval archeology can be successful only if it solves the tasks formulated by historians. The author proposes a comprehensive program for the accumulation and analysis of archaeological materials. The paper features the case of Modern-Time sites of the Tom River basin, namely the transformation of cultural complexes of the indigenous inhabitants of the Tom River basin in the XVII–XVIII centuries. This process was affected by various groups of Russian settlers and some Sayan-Altai ethnic groups. Therefore, the area of interest of archeology of the Modern Time is wider than "the Russian archeology" that developed in the recent years. As a result, post-Medieval archeology programs require a new methodical and methodological apparatus for scientific research and personnel training.

Keywords: post-Medieval archeology, ethnic interaction, Kuznetsk basin, assimilation, cultural heritage, methodology

For citation: Shirin Yu. V. Issues of Researching the Modern-Time Sites of the Tom River Basin. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 107–114. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

References

1. Sadovoi A. N. *Territorial community of Mountain Altai and Shoria (late XIX – early XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992, 198. (In Russ.)
2. Kimeeva T. I. *The culture of the peoples of the Tom River area as a result of ethnic interaction (late XIX – early XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 295. (In Russ.)
3. Kimeev V. M., Kopytov A. I. *Mountain Shoria: history and modernity. Historical and ethnographic essays*. Kemerovo: Primula, 2018, 600. (In Russ.)
4. Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G. *Mangazeya: a polar city estate*. Nefteyugansk-Ekaterinburg: Izdatelskaia gruppa Karavan, 2017, 360. (In Russ.)
5. Shirin Yu. V. Archaeological study of Kuznetsk. *Kuznetsk antiquity. Novokuznetsk: 400 years in the history of Russia*. Tomsk-Novokuznetsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2018, 27–78. (In Russ.)
6. Pervukhina A. A. Perfumery, pharmacy, personal cleanliness: reconstruction possibilities based on the materials of archaeological investigation of Kurgan occupational layer of the 18–19th centuries. *Archeology of the Middle Tobol Area and adjacent territories*: Proc. Interregional Round Table, Kurgan, December 8, 2016. Kurgan, 2016, 109–119. (In Russ.)
7. Ianchenko E. S. Porcelain and faience artifacts from the Kurgan occupational layer through the example of the excavation on the territory of manor-houses at the corner of Sovetskaya and Pichugina streets. *Archeology of the Middle Tobol Area and adjacent territories*: Proc. Interregional Round Table, Kurgan, December 8, 2016. Kurgan, 2016, 119–123. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114

8. Samigulov G. Kh., Vasina J. V., Nikitin A. U., Mishin S. A. Archaeological research in the territory of the Pokrovsky estate in Chelyabinsk. *Archeology of the Middle Tobol Area and adjacent territories*: Proc. Interregional Round Table, Kurgan, December 8, 2016. Kurgan, 2016, 125–133. (In Russ.)
9. *Practices of archaeological stratigraphy*, ed. Harris E. C. Academic Press, 2014, 296.
10. Koval V. Yu. The primary statistical fixation of the mass ceramic material on the Middle Ages sites (X–XVII centuries) and the early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe. *Archeology of Moscow Region*: Proc. Sci. Seminar, Moscow, February 10–20, 2013. Moscow, 2014, 489–571. (In Russ.)
11. Shirin Yu. V., Yakovlev Ya. A. "In general, it's not a matter of geese, but everything is not amiss!" Difficulty in defining of post-medieval archaeological sites' items. *Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past.* Tomsk-Hanty-Mansijsk, TSU, 2019, iss. 17, 255–305. (In Russ.)
12. Samigulov G. Kh. The issue of cast cross-pendants of the late XVII – mid XIX century revisited: the case Old Believer cross-pendants. *Russian culture in archaeological research:* Proc. III All-Russian Sci. Conf., Omsk, November 24–25, 2008. Omsk, 2008, 202–221. (In Russ.)
13. *The Age of transition: the archaeology of English culture 1400–1600*, eds. Gaimster D. R., Stamper P. Oxford: Oxbow Books, 1997, 266.
14. Malykh S. V. The complex of objects of the 1850's from excavations on Sadovnicheskaya street in Moscow. *Archeology of a Russian city. Materials of the scientific and practical seminar 2017*. Moscow: SAB, 2018, vol. II, 252–287. (In Russ.)
15. *Culture of Russians in archaeological researches*, ed. Tataurova L. V. Omsk: Izdatelskii dom "Nauka", 2017, 580. (In Russ.)
16. *Faces of first Irkutsk inhabitants*, ed. Molodin V. I. Irkutsk: Amtera, 2011, 84. (In Russ.)
17. Shirin Yu. V. The funeral rite of the Christian cemeteries of Pritomye XVII–XVIII centuries. *Russian culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies*: Sci. Conf., Omsk-Tara, November 21–24, 2011. Omsk, 2011, 416–422. (In Russ.)
18. Zagvazdin E. P. The first research of the 17–18th century Orthodox cemetery in Abalak Monastery (2007 archaeological excavation materials). *Archeology of the Middle Tobol Area and adjacent territories*: Proc. Interregional Round Table, Kurgan, December 8, 2016. Kurgan, 2016, 94–101. (In Russ.)
19. Simonov D. A., Shirin Yu. V. Investigation of the possible burial places of Pyotr of Tomsk in the Monashki tract. *Archaeological discoveries. 2015*, ed. Lopatin N. V. Moscow: Institute arkheologii RAN, 2017, 440. (In Russ.)
20. Kimeev V. M. The Russian colonization as the basis of the Shor ethnos. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2014, (3-3): 67–78. (In Russ.)
21. Zinyakov N. M. Blacksmithing specific nature in Kuznetsk Ostrog and the surrounding villages in the XVII–XVIII c. (on the basis of metallographic studies). *Culture of Russians in archaeological researches*, eds. Tataurova L. V., Borzunov V. A. Omsk-Tyumen-Ekaterinburg: Magellan, 2014, vol. I, 82–93. (In Russ.)
22. Shirin Yu. V. The kuznetsk tatars' bloomery complexes from site Sharton 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019, (62): 192–201. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/62/22
23. Martyushov R. A., Shirin Yu. V. Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk tatars. *Bylye Gody,* 2018, 49(3): 915–930. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2018.3.915
24. Skriabina L. A. *The Russians of the Tom River basin. Ethical and ethnographic essays (XVII – early XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 130. (In Russ.)
25. Chigrik G. M. On the dialectal and national composition of the inhabitants of Kuznetsk in the XVII century. *Russian dialects in Siberia*, ed. Palagina V. V. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1971, 89–95. (In Russ.)
26. Panov V. I. The history of the settlement of the Kuznetsk district (XVII – early XX centuries): regional and ethnic composition of the migrants. *Kuznetsk antiquity.* Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost, 1998, iss. 3, 36–53. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

оригинальная статья

УДК 159.9:304.3(371)

Здоровьеформирующие аспекты образа жизни студентов, обучающихся на разных направлениях подготовки вуза

Нина Г. Блинова [a, @]; Лидия А. Варич [a]; Алена О. Поддубняк [a]; Лариса Е. Скалозубова [a]; Светлана Н. Витязь [b]

[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[b] Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, г. Кемерово

[@] ngb_valeo@mail.ru

Поступила в редакцию 14.11.2019. Принята к печати 10.03.2020.

Аннотация: Представлены результаты исследования особенностей образа жизни студентов-старшекурсников, обучающихся по разным образовательным программам, реализуемым в Кемеровском государственном университете. Субъективная оценка студентами своего образа жизни предполагала изучение особенностей ведения образа жизни как совокупности реализуемых здоровьеформирующих деятельностей (соблюдение режима дня, режима питания, режима двигательной активности и привычек). Интегральная оценка результатов анкетирования показала, что 48,5 % опрошенных ведут здоровый образ жизни, 42,3 % – удовлетворительный (с отдельными нарушениями), 9,2 % – нездоровый. Проведенный сравнительный анализ всей совокупности факторов образа жизни у студентов разных направлений подготовки выявил наибольшее количество студентов со здоровым образом жизни, обучающихся в социально-психологическом институте и институте филологии, иностранных языков и медиа-коммуникаций. Показано, что в развитии и укреплении здоровья студентов важным является формирование у них в период обучения в вузе мотивов и навыков здорового образа жизни, являющихся неотъемлемой составляющей различных уровней структуры образа жизни.

Ключевые слова: здоровье, здоровьеформирующая деятельность, здоровый образ жизни, мотивация

Для цитирования: Блинова Н. Г., Варич Л. А., Поддубняк А. О., Скалозубова Л. Е., Витязь С. Н. Здоровьеформирующие аспекты образа жизни студентов, обучающихся на разных направлениях подготовки вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 115–122. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

Введение

Согласно современным представлениям в психологии понятие *образ жизни человека* рассматривается в неразрывном единстве с определенными историческими условиями, материальными основами его существования и деятельности, направленной на их изменение, что обуславливает психический облик личности, которая выступает как субъективное, личностное, индивидуальное в его взаимоотношениях с типическим [1]. Образ жизни человека формируется в процессе индивидуального развития, определяя многообразие структуры образа жизни: стратегия и цель жизни, стиль жизни, ведущая деятельность, жизненная позиция, фиксированные формы поведения, жизненные миры и др. [1–4].

Ключевой категорией образа жизни является *здоровый образ жизни*, характеризующий индивидуальную систему поведения человека, которая способствует выполнению человеком биологических, социальных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях, обеспечивая ему физическое, психическое и нравственное благополучие и активное долголетие [2; 4–6]. При этом понятие *здоровый образ жизни* более широкое, чем *самосохранительное поведение*, и может быть определено как совокупность внешних и внутренних условий жизнедеятельности человека.

Здоровый образ жизни как часть в целом образа жизни во все времена был общечеловеческой материальной и духовной ценностью общества, а в последние годы здоровый образ жизни рассматривается с точки зрения сознания, психологии человека, мотивации и определенной характеристики качеств личности [7–10]. В формировании здорового образа жизни и мотиваций на укрепление своего здоровья как условия эффективной деятельности в юном возрасте большое значение имеет воспитание и обучение в образовательном учреждении, где формируются основные привычки и стереотипы образа жизни [11–13]. Поэтому в последние годы особое внимание исследователи в области психологии и педагогики уделяют изучению факторов образа жизни обучающейся молодежи, являющейся основой будущего нашей страны, а т. к. от индивидуального здоровья каждого молодого человека будет зависеть здоровье и благополучие нации.

Студенческая молодежь является особой активной социальной группой, отличающейся специфическими условиями жизнедеятельности, находящейся в периоде формирования социальной и экономической зрелости, хорошо адаптирующейся к комплексу факторов социальной и природной среды и вместе с тем подверженной высокому риску нарушений в состоянии здоровья [8; 10; 12; 14; 15]. В период

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

обучения в вузе студенты испытывают воздействие целого комплекса факторов, оказывающих отрицательное влияние на их здоровье: интенсивность и сложность процесса обучения, стрессовые ситуации в сессионный период, связанные со сдачей зачетов и экзаменов, трудности с материальной обеспеченностью и как следствие необходимость совмещать учебу с работой, частые нарушения режима труда, отдыха и питания, значительная гиподинамия и др. [7; 16–19].

Изучение здоровьеформирующих факторов образа жизни студенческой молодежи как совокупности актуально реализуемых деятельностей имеет большое значение, поскольку здоровье будущих специалистов определяет эффективность различных сторон жизнедеятельности: возможности успешной профессиональной реализации, общественно-политической и творческой деятельности, способности к созданию семьи и деторождению [7; 19–21].

Исследования, посвященные изучению валеологических сторон образа жизни студентов как практической деятельности, свидетельствуют о недостаточной мотивации и несформированности потребности в здоровом образе жизни, что отражается на деятельностном уровне: отсутствие упорядоченного и рационального режима дня, нарушение режима и дробности приема пищи, недосыпание, недостаточное пребывание на свежем воздухе, низкая двигательная активность, отсутствие закаливающих процедур, нерациональное распределение учебной нагрузки и сна, наличие вредных привычек [6; 9–11; 14; 17–19]. Одной из причин таких результатов является недостаточное внимание формированию знаний и мотиваций на ведение здорового образа жизни в учебных планах заведений высшего образования, поэтому здоровье и здоровый образ жизни у большинства студентов не стоят на первых местах в системе ценностей [6; 7; 11; 18; 19; 21–23]. Это снижает уровень качества жизни студентов, поскольку здоровье является одним из важных факторов качества жизни человека [20; 22].

Все это определяет целый ряд исследовательских задач по проблематике *образа жизни* и *здорового образа жизни* современных студентов – будущих специалистов.

Методы и материалы

С целью изучения здоровьеформирующих аспектов образа жизни в юношеском возрасте было проведено анкетирование 128 студентов Кемеровского государственного университета (КемГУ) обоего пола, обучающихся на третьем курсе разных институтов: института биологии, экологии и природных ресурсов (ИБЭиПР); социально-психологического института (СПИ); института филологии, иностранных языков и медиа-коммуникаций (ИФИЯиМ); института образования (ИО) и факультета физической культуры и спорта (ФФКиС) КемГУ.

Особенности образа жизни студентов изучались с помощью методики О. Н. Московченко, основанной на субъективной оценке образа жизни и соматического здоровья [23]. Анкета включает 10 вопросов, характеризующих особенности режима дня, двигательной активности, питания, привычек, применения оздоровительных методов и самооценки состояния здоровья. Математическая обработка полученного материала проводилась с помощью пакета прикладных программ Statistica 8.0.

Результаты

Общеизвестно, что качество образа жизни человека определяется его уровнем здоровья, т. е. психическим, социальным и физическим благополучием. Поэтому в нашем исследовании показатели соматического здоровья являлись одним из критериев оценки состояния здоровья как результата определенного образа жизни [2; 4].

Результаты самооценки состояния здоровья студентами позволили установить, что 24,4 % студентов практически не болеют (1 раз в несколько лет), чаще это юноши. Среди студентов ФФКиС отмечен самый высокий процент обучающихся, которые не болеют – 50,7 %, но в то же время количество часто болеющих студентов оказалось выше на этом факультете, чем на других направлениях подготовки – 41,6 % (табл.). 57,4 % всех студентов пропускают занятия из-за болезни только 1–2 раза в год, а остальные 7 % юношей и 11 % девушек пропускают занятия из-за болезни 1 раз в месяц – это часто болеющие студенты. При общении со студентами в процессе анкетирования нами было выявлено, что очень часто они посещают занятия, даже если плохо себя чувствуют. Следовательно, мотивация на учебную деятельность у них является одной из приоритетных ценностных ориентаций.

Субъективная оценка студентами показателей своего физического развития показала, что у 64,7 % обучающихся отмечается гармоничное физическое развитие, и больше всего таких студентов в ИФИЯиМ (83,7 %), а в ИО и СПИ студентов с нормальной массой тела меньше всего. Общее количество студентов с избыточной массой тела составило 17,1 %, с недостатком массы тела – 18,15 %. Среди юношей количество студентов с дисгармоничным физическим развитием оказалось больше по сравнению с девушками, что является нехарактерной особенностью для данного периода онтогенеза [4]. Общеизвестно, что показатели физического развития человека являются не только генетически детерминированными (тип соматической конституции), но и очень сильно зависят от образа жизни [4; 8; 21; 24]. В юношеском возрасте процессы роста и развития организма хотя и не идут также активно, как в подростковом, но продолжаются, а под воздействием факторов нездорового образа жизни могут вызывать дисгармоничность физического развития, нарушение осанки, снижение функциональных возможностей организма и др. [12; 17; 21; 25].

Исследование двигательной активности как одного из ведущих факторов здорового образа жизни позволяет говорить о потребности и возможностях оптимальной физической нагрузки у современной молодежи. Анализ данных анкетирования студентов разных институтов показал,

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

что от 3 до 6 раз в неделю занимаются физической культурой 36,4 % студентов. Ранее нами было установлено, что 5–6 раз в неделю физической культурой в течение 20 минут и более занимается только 15 % юношей и 9 % девушек, 3 раза в неделю – 40 % юношей и 14 % девушек [15]. Больше всего молодых людей, систематически занимающихся физической культурой, обучается на ФФКиС (50,7 %) и в СПИ (80 %), а меньше – в ИФИЯиМ (7,7 %). Количество студентов редко или совсем не занимающихся различными видами физической культуры составило 61,6 % среди всех опрошенных. Особенно высок данный процент в тех институтах, где больше обучается девушек, а именно педагогическое и филологическое направления подготовки (79,5–92,3 %). Эти студенты посещают только занятия по физической культуре в вузе (1 раз в неделю) и то не всегда. Уменьшение двигательной активности снижает защитные возможности организма и негативно влияет на показатели психосоматического здоровья, способствуя росту заболеваемости у студентов [9; 11; 12; 24; 26].

Нарушения в режиме дня выявлены у 38,7 % студентов (у половины юношей и у четверти девушек) – продолжительность сна у них составляет 5–6 часов, что недостаточно для процессов восстановления и может вызвать снижение умственной и физической работоспособности в течение учебного дня [6; 13; 19]. Особенно много студентов с непродолжительным сном среди студентов-филологов (51,5 %) и спортсменов (71,5 %), что может быть связано у первых – с необходимостью чтения большого количества художественной литературы при подготовке к занятиям, у вторых – с тренировочным процессом (табл.).

Согласно одному из принципов рационального питания по А. А. Покровскому – принципу режима питания, дробность приема пищи должна быть не менее 4 раз в день, а 1–2 раза в день считается недопустимым для юношеского возраста [5; 7; 26; 27]. Необходимое 3–4-разовое питание в день соблюдают только 57,2 % от всего числа студентов (47 % юношей и 62 % девушек) [25]. Остальные студенты систематически не завтракают, и максимальный прием пищи переносится у них на вечерние часы. Наиболее часто нарушают режим и дробность питания студенты-географы (77,8 %) и студенты-спортсмены (71,5 %). Обращает на себя внимание тот факт, что 18,8 % студентов ИБЭиПР и 28,5 % студентов ФФКиС никогда не завтракают и от 40 % до 50 % студентов этих институтов завтракают от случая к случаю. Для организма студентов отсутствие легкоусвояемых углеводов в утреннее время резко снижает уровень умственной работоспособности во время занятий на 9–21 % [5; 14; 20; 26]. Тем не менее 56,3 % из всех опрошенных студентов завтракают ежедневно, и больше всего таких в 3 институтах: СПИ, ИФИЯиМ и ИО.

Регулярно укреплением своего здоровья с помощью оздоровительных мероприятий занимается только 23,5 % студентов и столько же студентов методы оздоровления организма не применяют вообще. Наиболее продвинутыми в отношении здоровьесбережения являются студенты СПИ, которые применяют такие методы профилактики нарушений здоровья, как закаливание, витаминизация и психотренинги. Остальные 54,1 % студентов применяют методы оздоровления, но нерегулярно.

Табл. Результаты субъективной оценки студентами разных институтов образа жизни и соматического здоровья,%
Tab. Subjective evaluation of lifestyle and somatic health given by students of various institutions, %

Вопрос	Вариант ответа	Всего, n=128	ИБЭиПР		ФФКиС, n=13	ИО, n=37	ИФИЯ-иМ, n=13	СПИ, n=20
			Биологи, n=27	Географы, n=18				
Насколько Вы оцениваете свой реальный вес?	Превышает более чем на 50 %	2,48	–	11,1	–	3,8	–	–
	Выше на 11–49 %	14,6	3,8	–	14,2	14,8	–	55
	Норма	64,7	68,9	77,7	57,6	55,5	83,7	45
	Ниже на 11–25 %	18,15	27,3	11,2	28,2	25,9	16,3	–
	Ниже на 26 %	–	–	–	–	–	–	–
Сколько раз в неделю Вы занимаетесь физической культурой в течение 20 минут и более?	5–6 раз	8,25	14,7	5,5	0	9,3	0	20
	3 раза	28,15	22,7	16,6	50,7	11,2	7,7	60
	2 раза	46,2	51,5	50	49,3	28,7	77,7	20
	Ни разу	17,4	11,1	27,9	–	50,8	14,6	–
Насколько продолжителен Ваш сон (в сутки)?	Менее 5 часов	0,92	–	5,5	–	–	–	–
	5–6 часов	37,5	32,9	27,7	71,5	21,5	51,5	20
	7–8 часов	54,82	50	66,8	28,5	70,1	48,5	65
	9–10 часов	6,35	17,1	–	–	6	–	15
	Более 10 часов	0,4	–	–	–	2,4	–	–

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

Вопрос	Вариант ответа	Всего, n=128	ИБЭиПР		ФФКиС, n=13	ИО, n=37	ИФИЯиМ, n=13	СПИ, n=20
			Биологи, n=27	Географы, n=18				
Как часто Вы питаетесь в течение дня?	3–4 раза	57,2	59,6	22,2	28,5	70,1	77,7	85
	2 раза	30,2	30,2	72,2	14,2	27,2	22,3	15
	1 раз	12,6	10,2	5,6	57,3	2,7	–	–
Сколько раз в неделю Вы завтракаете?	Ни разу	13,5	18,8	11,1	28,5	12,5	–	10
	От случая к случаю	30,2	33,9	50	42,8	27	7,7	20
	Ежедневно	56,3	47,3	38,9	28,7	60,5	92,3	70
Применяете ли Вы какой-нибудь метод оздоровления?	Регулярно	23,5	26,5	22,2	14,1	8	15,3	55
	Нерегулярно	54,1	37,3	61,1	42,8	60,6	77,7	45
	Нет	22,4	36,2	16,7	43,1	31,4	7	–
Можете ли Вы расслабиться во время стресса, не прибегая к алкоголю, курению или таблеткам?	Да	73,4	70,3	61,1	70,1	74,2	84,6	80
	Редко	19,2	18,1	27,7	14,2	19,7	15,4	20
	Нет	7,4	11,6	11,2	15,7	6,1	–	–
Как часто Вы курите?	Никогда	66,3	61,2	61,1	42,8	69,9	77,7	85
	Очень редко, 1–2 раза в месяц, иногда за компанию	18,8	11,4	12,1	21,9	30,1	22,3	15
	Каждый день от 5–6 сигарет до 1 пачки	14,9	27,4	26,8	35,3	–	–	–
Как часто Вы употребляете алкоголь?	Не употребляю вообще	30,8	18,3	5,5	42,8	30	38,4	50
	50–70 г сухого или крепкого вина от 1 раза в неделю до 1–2 раз в месяц	48,8	66	61	21,9	40,2	53,6	50
	Несколько раз в месяц, но в большом количестве	20,4	15,7	33,5	35,3	29,8	8	–
Как часто Вы пропускаете занятия из-за болезни?	Болею редко, раз в несколько лет	24,4	22,2	22,2	50,7	16,1	15,2	20
	Болею 1–2 раза в год	57,4	69,9	55,5	7,7	72,5	69,1	70
	Болею 1 раз в месяц	10,3	7,9	16,6	–	11,4	15,7	10
	Болею 1 раз в одну-две недели	7,9	–	5,7	41,6	–	–	–

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

В современных условиях нарастания влияния антропогенных стресс-факторов становится актуальной проблема применения методов снятия психоэмоционального напряжения и повышения адаптивных возможностей организма. Анализ данного аспекта образа жизни студентов показал, что большинство старшекурсников (73,4 %) могут снять стрессовое состояние, не прибегая к алкоголю, курению или таблеткам. На наш взгляд, эта цифра завышена, т. к. студенты склонны преувеличивать свою информированность в вопросах здоровья и здоровьесбережения [17]. Тем не менее больше всего таких студентов среди филологического направления подготовки и социальных педагогов, а меньше всего – среди студентов-географов. К сожалению, 15,7 % студентов ФФКиС, более 11 % студентов ИБЭиПР и 6,1 % студентов ИФИЯиМ не могут снять стресс другими способами, кроме вышеперечисленных. Среди таких студентов находятся, как правило, курящие каждый день (14,9 % от всего количества), употребляющие алкоголь несколько раз в месяц и в большом количестве (20,4 % от всего количества). Таких студентов достаточно много среди спортсменов, а также среди студентов биологического и педагогического направлений подготовки. Данная тенденция настораживает, т. к. выпускники перечисленных направлений подготовки – это будущие педагоги, а, как известно, только заинтересованный в сохранении своего здоровья учитель сможет сформировать у учеников стойкую мотивацию на здоровый образ жизни и на заботу о своем здоровье [6; 18; 26; 28–30].

Тем не менее 66,3 % студентов совсем не курят, из них 41 % юношей и 83 % девушек, и около 18,8 % студентов курят очень редко, иногда за компанию (все студенты ИФИЯиМ, СПИ и ИО относятся к этой группе). Совсем не употребляют алкогольные напитки более четверти студентов, из них только 9 % юношей и 40 % девушек [25].

На основании интегральной оценки образа жизни студентов были выделены три группы, где ведение здорового образа жизни как необходимой части индивидуальной активности [1] было представлено в различной степени выраженности:

1) студенты, проявляющие выраженную активность в ведении здорового образа жизни (44,8 % студентов от всего количества опрошенных);

2) студенты с удовлетворительным уровнем здорового образом жизни (с незначительными отклонениями) (45,8 %);

3) студенты с нездоровым образом жизни (9,4 %).

Последующий сравнительный анализ позволил выявить различия в количестве студентов с разным уровнем активности в ведении здорового образа жизни в зависимости от направления подготовки (рис.).

Так, наибольшее количество студентов, ведущих здоровый образ жизни, обучается в СПИ (62 %), а наименьшее – в ИБЭиПР (направленность География – 34 %). Следует отметить высокий процент студентов, для которых характерен нездоровый образ жизни, среди обучающихся ФФКиС (14 %), ИО (14 %) и ИБЭиПР (профиль География) (13 %).

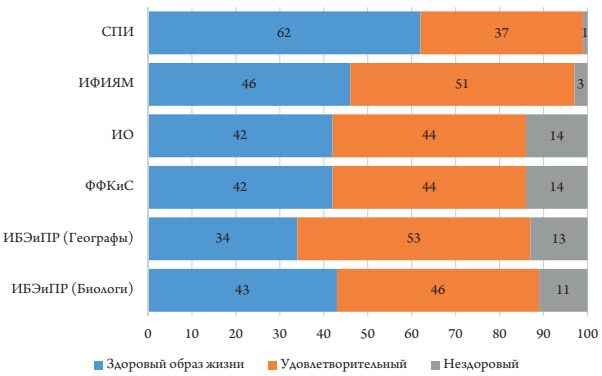

Рис. Результаты интегральной оценки образа жизни студентов, обучающихся на разных направлениях подготовки
Fig. Integral lifestyle assessment of students of various institutes

Полученные результаты могут указывать на наличие низкой мотивации к ведению здорового образа жизни и низкого уровня культуры здоровья у части студентов (около 14 %) этих институтов, а следовательно, и увеличения риска потери здоровья в начале профессиональной деятельности.

Установленные факты требуют особого внимания и обсуждения, т. к. выпускники этих направлений подготовки будут иметь самое непосредственное отношение к формированию культуры здоровья и здорового образа жизни обучающихся в своей дальнейшей профессиональной педагогической деятельности [18–20; 30].

Заключение

Результаты субъективной оценки студентами своего образа жизни и состояния здоровья свидетельствуют о том, что 48,5 % студентов старших курсов КемГУ ведут здоровый образ жизни, 42,3 %– удовлетворительный (с отдельными нарушениями) образ жизни, 9,4 % – нездоровый образ жизни, который не способствует сохранению здоровья.

Совокупность реализуемых деятельностей в условиях вузовского обучения (соблюдение режима дня, режима питания, профилактика психоэмоционального стресса, осуществление оздоровительных мероприятий, формирование мотиваций на здоровый образ жизни), т. е. все то, что относится к деятельности по ведению здорового образа жизни и формированию индивидуального здоровья, является общепринятым для большинства студентов, а значит неотъемлемой частью их образа жизни как сформированного образа мира.

В то же время выявлена группа студентов, у которых деятельность по ведению здорового образа жизни не является приоритетной. Это вызывает необходимость внедрения в образовательный процесс отдельных институтов различных образовательных программ и технологий, направленных на формирование у студентов основ знаний о здоровье, мотивации на сохранение и укрепление индивидуального здоровья и повышение индивидуальной активности здорового образа жизни как части общей культуры и важного здоровьеформирующего компонента.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

Литература

1. Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. № 4. С. 109–119.
2. Вайнер Э. Н. Валеология. М.: Флинта, 2002. 416 с.
3. Агаджанян Н. А., Миннибаев Т. Ш., Северин А. Е., Ермакова Н. В., Кузнецова Л. Ю., Силаев А. А. Изучение образа жизни, состояния здоровья и успеваемости студентов при интенсификации образовательного процесса // Гигиена и санитария. 2005. № 3. С. 48–52.
4. Казин Э. М., Блинова Н. Г., Литвинова Н. А. Основы индивидуального здоровья человека: введение в общую и прикладную валеологию. М.: Владос, 2000. 188 с.
5. Барышникова Д. Н., Савельева О. В. Здоровый образ жизни студента // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат-лам XLIII Междунар. студ. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2016. № 6. С. 246–250.
6. Фоменков А. Ю., Слюнченко В. М., Филин Н. С., Лебедев К. А., Семёнова В. Н. Образ жизни студентов Новосибирска // Молодой ученый. 2018. № 51. С. 73–76.
7. Сорокина В. М., Сорокин Д. Ю. Формирование отношения к здоровому образу жизни как профессиональной ценности у студентов вузов // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 6-3. С. 52–56.
8. Никонова В. Г., Калманович В. Л. Формирование мотивации здорового образа жизни у студентов в системе высшего образования // Здоровьесберегающее образование. 2010. № 3. С. 116–118.
9. Бахтин Ю. К. Здоровье, его компоненты и образующие факторы // Здоровье человека-6: мат-лы VI Междунар. конгресса валеологов. (Санкт-Петербург, 1 января –31 декабря 2011 г.) СПб.: СПбГМУ им. И. П. Павлова, 2011. С. 15–16.
10. Хазова С. А., Манжос Л. В., Оспищева Л. В. Динамика показателей здорового образа жизни студентов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3, Педагогика и психология. 2013. № 2. С. 146–152.
11. Осяк С. А., Соколова Е. В., Чистов Р. С., Яковлева Е. Н. Факторы, влияющие на здоровый образ жизни студентов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. Режим доступа: http://science-education.ru/ru/article/view?id=13905 (дата обращения: 11.11.2019).
12. Антонова М. С. Ценность здоровья как фактор качества образовательной деятельности студентов // Педагогическое образование и наука. 2010. № 3. С. 83–88.
13. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование. Кн. 3. Адаптация и здоровье студентов / отв. ред. Э. М. Казин. Кемерово: КРИПКиПРО, 2011. 627 с.
14. Блинова Н. Г., Аверьянова Н. В. Взаимосвязь особенностей образа жизни, адаптации к обучению, состояния здоровья и уровня культуры здоровья у студентов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 101–103.
15. Агаджанян Н. А., Миннибаев Т. Ш., Северин А. Е., Ермакова Н. В., Кузнецова Л. Ю., Силаев А. А. Изучение образа жизни, состояния здоровья и успеваемости студентов при интенсификации образовательного процесса // Гигиена и санитария. 2005. № 3. С. 48–52.
16. Баклыкова А. В. Здоровье и образ жизни студентов-медиков // Молодой ученый. 2010. № 5-2. С. 205–207.
17. Блинова Н. Г., Скалозубова Л. Е., Кошко Н. Н., Поддубняк А. О. Особенности образа жизни студентов // Профессиональное образование и занятость молодежи: XXI век. Подготовка кадров для инновационной экономики на основе широкого внедрения передовых технологий: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 11 апреля 2018 г.). Кемерово: КРИРПО, 2018. С. 229–232.
18. Бурсикова Д. В. Особенности образа жизни студентов-первокурсников // Вестник Ивановской медицинской академии. 2010. Т. 15. № 4. С. 5–7.
19. Касаткина Н. Э., Козлова Н. Ю., Руднева Т. А. Факторы, влияющие на формирование здорового образа жизни студентов вуза // Профессиональное образование в России и за Рубежом. 2016. № 4. С. 129–134.
20. Переселкова З. Ю. Особенности формирования здорового образа жизни у студенческой молодежи в пространстве вуза // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7-1. С. 93–95. DOI: 10.18454/IRJ.2016.49.101
21. Олесова А. М. Особенности качества жизни студенческой молодежи // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 3-4. Режим доступа: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=15202 (дата обращения: 11.11.2019).
22. Меерманова И. Б., Койгельдинова Ш. С., Ибраев С. А. Состояние здоровья студентов, обучающихся в высших учебных заведениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2-2. С. 193–197.
23. Юдицкая Е. С. Качество жизни студенческой молодежи: опыт эмпирического исследования // Концепт. 2017. Т. 39. С. 3151–3155.
24. Московченко О. Н. Практикум по основам валеологии. Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2007. 205 с.
25. Серебрякова А. А., Пушкина К. В. Факторы, влияющие на здоровье студентов-медиков ЧГУ имени И. Н. Ульянова // Международный студенческий научный вестник. 2019. № 3. Режим доступа: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19655 (дата обращения: 14.11.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

26. Иванова С. Ю. Формирование потребности студентов вуза в здоровом образе жизни: автореф. дис. … канд. пед. наук. Кемерово, 2008. 23 с.
27. Проскурякова Л. А. Гигиеническая оценка питания и здоровья студентов // Гигиена и санитария. 2008. № 3. С. 49–52.
28. Hirshkowitz M., Whiton K., Albert S. M., Alessi C., Bruni O., Don Carlos L., Hazen N., Herman J., Katz E. S., Kheirandish-Gozal L., Neubauer D. N., O'Donnell A. E., Ohayon M., Peever J., Rawding R., Sachdeva R. C., Setters B., Vitiello M. V., Ware J. C., Adams Hillard P. J. National Sleep Foundation's sleep time duration recommendations: methodology and results summary // Sleep Health. 2015. Vol. 1. № 1. P. 40–43. DOI: 10.1016/j.sleh.2014.12.010
29. Красноперова Н. А. Мотивационный компонент в структуре формирования здорового образа жизни студентов // Вестник СВФУ. 2014. Т. 11. № 4. С. 109–117.
30. Воробьева М. В. Изучение внутриличностных конфликтов студентов, обучающихся на разных факультетах и курсах // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология и медицина. 2015. № 2. С. 41–44.

Health-Forming Lifestyle Aspects in Students of Various Higher Education Programs

Nina G. Blinova [a, @]; Lidia A. Varich [a]; Alena O. Poddubnyak [a]; Larisa E. Skalozubova [a]; Svetlana N. Vityaz [b]

[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[b] Kemerovo State Agricultural Institute, Russia, Kemerovo

[@] ngb_valeo@mail.ru

Received 14.11.2019. Accepted 10.03.2020.

Abstract: The present research featured the lifestyle of students of various educational programs at Kemerovo State University. The students were asked to give a subjective assessment of their life style. Lifestyle was understood as a set of implemented health-forming activities, e.g. time-table, diet, physical activity, habits, etc. The integrated assessment of the survey results showed that 48,5 % of the respondents led a healthy lifestyle, 9,2 % led an unhealthy lifestyle, and the remaining 42,3 % claimed to stick to a satisfactory lifestyle. The comparative analysis of all the factors revealed that the majority of students with a healthy lifestyle studied at the institutes of social psychology and philology. The authors believe that it is important to introduce students to the motives and skills of healthy lifestyle integrated at various levels of the lifestyle structure.

Keywords: health, health-forming activity, healthy lifestyle, motivation

For citation: Blinova N. G., Varich L. A., Poddubnyak A. O., Skalozubova L. E., Vityaz S. N. Health-Forming Lifestyle Aspects in Students of Various Higher Education Programs. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 115–122. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

References

1. Serkin V. P. World image and life's mode interrelation. *Mir psikhologii,* 2009, (4): 109–119. (In Russ.)
2. Vainer E. N. *Health science.* Moscow: Flinta, 2002, 416. (In Russ.)
3. Agadzhanian N. A., Minnibaev T. Sh., Severin A. E., Ermakova N. V., Kuznetsova L. Iu., Silaev A. A. Examination of life quality, health status, and study perfomance in students undergoing an intensified educational process. *Hygiene and sanitation,* 2005, (3): 48–52. (In Russ.)
4. Kazin E. M., Blinova N. G., Litvinova N. A. *Fundamentals of individual human health: an introduction to general and applied valeology*. Moscow: Vlados, 2000, 188. (In Russ.)
5. Baryshnikova D. N., Saveleva O. V. Healthy student lifestyle. *The scientific community of students of the XXI century. Humanities*: Proc. XLIII Intern. Stud. Sci.-Prac. Conf. Novosibirsk: SibAK, 2016, (6): 246–250. (In Russ.)
6. Fomenkov A. Yu., Slyunchenko V. M., Filin N. S., Lebedev K. A., Semenova V. N. Lifestyle students Novosibirsk. *Molodoi uchenyi*, 2018, (51): 73–76. (In Russ.)
7. Sorokina V. M., Sorokin D. Yu. Formation of attitude to a healthy life mode as a students' professional value at higher educational establishments. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2009, (6-3): 52–56. (In Russ.)
8. Nikonova V. G., Kalmanovich V. L. Formation of motivation for a healthy lifestyle of students in the system of higher education. *Zdorovesberegaiushchee obrazovanie*, 2010, (3): 116–118. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-115-122

9. Bakhtin Y. K. Health, its components, and forming factors. *Human Health-6*: Proc. VI Intern. Congress of Valeologists, St. Petersburg, January 1 – December 31, 2011. St. Petersburg: SPbGMU im. I. P. Pavlova, 2011, 15–16. (In Russ.)
10. Khazova S. A., Manzhos L. V., Ospishcheva L. V. Dynamics of indicators showing the healthy lifestyle of students. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 3, Pedagogy and Psychology*, 2013, (2): 146–152. (In Russ.)
11. Osyak S. A., Sokolova E. V., Chistov R. S., Yakovleva E. N. The factors affecting students' healthy lifestyle. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2014, (4). Available at: http://science-education.ru/ru/article/view?id=13905 (accessed 11.11.2019). (In Russ.)
12. Antonova M. S. Health value as a quality factor of educational activity of higher school students. *Pedagogical education and science,* 2010, (3): 83–88. (In Russ.)
13. *Ontogenesis. Adaptation. Health. Education. Book 3. Adaptation and student health,* ed. Kazin E. M. Kemerovo: KRIPKiPRO, 2011, 627. (In Russ.)
14. Blinova N. G., Averyanova N. V. The relationship of students' features lifestyle, adaptation to learning, state of health and health culture level. *Professional education in Russia and abroad,* 2015, (2): 101–103. (In Russ.)
15. Agadzhanian N. A., Minnibaev T. Sh., Severin A. E., Ermakova N. V., Kuznetsova L. Iu., Silaev A. A. Examination of life quality, health status, and study perfomance in students undergoing an intensified educational process. *Hygiene and sanitation*, 2005, (3): 48–52. (In Russ.)
16. Baklykova A. V. Health and lifestyle of medical students. *Molodoi uchenyi*, 2010, (5-2): 205–207. (In Russ.)
17. Blinova N. G., Skalozubova L. E., Koshko N. N., Poddubnyak A. O. Features lifestyle students. Vocational education and youth employment: XXI century. *Personnel training for an innovative economy based on the widespread introduction of advanced technologies*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, April 11, 2018. Kemerovo: KRIRPO, 2018, 229–232. (In Russ.)
18. Bursikova D. V. Peculiarities of the mode of life in first year students. *Bulletin of the Ivanovo Medical Academy*, 2010, 15(4): 5–7. (In Russ.)
19. Kasatkina N. E., Kozlova N. Iu., Rudneva T. A. The factors influencing students' healthy lifestyle development. *Professional education in Russia and abroad*, 2016, (4): 129–134. (In Russ.)
20. Pereselkova Z. Y. Promotion of a healthy lifestyle among students in space university. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal,* 2016, (7-1): 93–95. (In Russ.) DOI: 10.18454/IRJ.2016.49.101
21. Olesova A. M Features of the quality of life of student youth. *International Student Research Bulletin*, 2016, (3-4). Available at: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=15202 (accessed 11.11.2019). (In Russ.)
22. Meermanova I. B., Koygeldinova Sh. S., Ibraev S. A. The health status students studying in higher education institutions. *International Journal of Applied and Fundamental Research,* 2017, (2-2): 193–197. (In Russ.)
23. Iuditskaia E. S. The quality of life of students: the experience of empirical research. *Koncept*, 2017, 39: 3151–3155. (In Russ.)
24. Moskovchenko O. N. *Workshop on the basics of health science*. Krasnoyarsk: IPTs KGTU, 2007, 205. (In Russ.)
25. Serebryakova A. A., Pushkina K. V. Factors affecting the health of medical students at the Ulyanov Chuvash State University. *International Student Research Bulletin,* 2019, (3). Available at: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19655 (accessed 14.11.2019). (In Russ.)
26. Ivanova S. Iu. *Formation of the needs of university students in a healthy lifestyle*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2008, 23. (In Russ.)
27. Proskuryakova L. A. Hygienic assessment of students' nutrition and health. *Hygiene and sanitation*, 2008, (3): 49–52. (In Russ.)
28. Hirshkowitz M., Whiton K., Albert S. M., Alessi C., Bruni O., Don Carlos L., Hazen N., Herman J., Katz E. S., Kheirandish-Gozal L., Neubauer D. N., O'Donnell A. E., Ohayon M., Peever J., Rawding R., Sachdeva R. C., Setters B., Vitiello M. V., Ware J. C., Adams Hillard P. J. National Sleep Foundation's sleep time duration recommendations: methodology and results summary. *Sleep Health*, 2015, 1(1): 40–43. DOI: 10.1016/j.sleh.2014.12.010
29. Krasnopyorova N. A. The motivational component in the structure of formation students' healthy lifestyle. *Vestnik SVFU*, 2014, 11(4): 109–117. (In Russ.)
30. Vorobyova M. V. Examining intrapersonal conflicts of the students studying at different departments and of different years. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Fiziologiia, psikhologiia i meditsina*, 2015, (2): 41–44. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

оригинальная статья
УДК 159.9

Мотивационная доска: обучающие возможности метода в формировании внутренней мотивации контроля уровня сахара в крови больных сахарным диабетом

Ирина А. Дайнеко [a, ID1]; Ольга Н. Кучер [a, ID2]; Ирина О. Логинова [a, @, ID3]
[a] Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, г. Красноярск
[@] loginova70_70@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-0284-0965
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-6003-3598
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-9551-1457

Поступила в редакцию 30.10.2019. Принята к печати 30.12.2019.

Аннотация: Представлены результаты применения методики «Мотивационная доска». Предметом рассмотрения выступают обучающие (дидактические) особенности метода «Мотивационная доска», используемого в процессе обучения больных сахарным диабетом, которым диагноз был выставлен в разные периоды жизни. Основная цель применения методики – помочь больному сахарным диабетом работать со своей мотивацией, поддерживать соответствующий образ жизни, а именно: оценивать степень риска, поддерживать правильное питание, регулировать физические нагрузки, своевременно посещать лечащего врача и узких специалистов, то есть уметь контролировать и поддерживать те аспекты, которые входят в понятие образ жизни пациентов, имеющих данное заболевание. Цель статьи – раскрыть обучающие (дидактические) возможности применения методики. «Мотивационная доска» относится к группе методов, нацеленных на изменение мыслей и поведенческих стратегий. Она позволяет формировать и поддерживать внутреннюю мотивацию пациента. У категории пациентов, использующих данную методику, уровень гликированного сахара приближается к целевому параметру, по которому можно определить тактику положительного результата лечения. Полученные результаты свидетельствуют, что применение методики «Мотивационная доска» позволяет в игровом формате сформировать положительную внутреннюю мотивацию пациента, наглядно показать ему, что он может взять свою болезнь под контроль, увидеть свои успехи, почувствовать свою внутреннюю потребность держать под контролем свою жизнь, поддерживая необходимый образ жизни.

Ключевые слова: биопсихосоциальная модель, психологическое здоровье, качество жизни, гликемический самоконтроль, школа диабета, мотивационное поведение, поддержание здоровья, теория мотивации, эмоциональное подкрепление

Для цитирования: Дайнеко И. А., Кучер О. Н., Логинова И. О. Мотивационная доска: обучающие возможности метода в формировании внутренней мотивации контроля уровня сахара в крови больных сахарным диабетом // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 123–130. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

Введение

В современном понимании успех в лечении заболевания зависит не только от правильно подобранного медикаментозного лечения, но и от желания, стремления и дисциплины самого пациента вести активный образ жизни, заботиться о своем здоровье, быть мотивированным для его поддержания.

В статье данная проблема рассматривается с точки зрения биопсихосоциального подхода. Биопсихосоциальная модель опирается на принципы системного подхода, где здоровье и болезнь рассматриваются в контексте сложной иерархии некоторых систем. Модель включает в себя несколько уровней: 1 – клетка / атом; 2 – органы / ткани; 3 – индивид / психика; 4 – диада; 5 – микросоциальное окружение; 6 – макросоциальное окружение [1]. Каждый уровень системы имеет свои отличительные особенности и требует специфических методов исследования. Дж. Эйнджейл установил, что болезнь и здоровье определяются множеством влияющих друг на друга факторов. Например, учет макро- и микросоциального окружения в повседневной жизни пациента оказывает влияние на его адаптацию с точки зрения принятия своего заболевания. Таким образом, в рамках биопсихосоциальной модели болезнь рассматривается как расстройство, которое провоцирует дисфункцию, т. е. неспособность запускать психобиологические механизмы для выполнения своих функций в определенном социокультурном пространстве, включающем микро-, макроокружение и самого индивида [2]. При таком подходе основная цель работы с больными сахарным диабетом (СД) – научить принимать, понимать и уметь корректировать риски, которые возникают у них в связи с данным

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

заболеванием, быть социально адаптированным, уметь брать ответственность за себя и свое заболевание. Эта позиция является основой поддержания психологического здоровья пациента[1] [3].

Мы основываемся на общепринятом подходе рассмотрения психологического здоровья, который опирается на три фактора, приводящих к проблемам со здоровьем пациента. К ним можно отнести эмоциональные потрясения, деструктивное мышление и отсутствие самоконтроля и самопринятия [4].

Современная концепция сопровождения больных СД большую роль придает психологическому здоровью, максимально используя собственные возможности и мероприятия по восстановлению и компенсации имеющихся нарушений [5]. Любые меры восстановительного лечения и реабилитационные программы могут быть реализованы лишь при сложившейся у больного личной потребности к адаптации в условиях хронического заболевания, а также при адекватной оценке его организма и психики[2] [6].

Современный уровень медицины позволяет больному иметь достаточно высокое качество жизни при условии правильного выполнения врачебных назначений [7]. Ответственное отношение к своему заболеванию должно быть осознанным и мотивированным [8]. Повышение мотивации в поддержании здоровья у больных СД, их активности, уменьшение осложнений или сведение их к минимуму является одной из приоритетных задач при лечении данного заболевания [9].

Нами рассматривается возможный путь решения проблемы: помочь больным СД сохранить или сформировать установку на образ жизни, который, с одной стороны, не будет снижать ее качество, с другой стороны, позволит пациенту выполнять врачебные назначения и контролировать уровень сахара в крови.

Методы и организация исследования

Мы предлагаем больному СД методику, позволяющую ему работать со своей мотивацией, направленной на поддержание образа жизни, а именно: оценку степени риска, поддержание правильного питания, регулирование физических нагрузок, своевременного посещения своего лечащего врача и узких специалистов, т. е. контролировать те аспекты, которые входят в понятие *образ жизни* пациентов, имеющих данное заболевание[3]. Поддерживать и регулировать эти аспекты образа жизни позволяет такой инструмент, как мотивационная доска.

Наша цель – раскрыть обучающие (дидактические) особенности метода «Мотивационная доска», направленного на осуществление контроля сахара в крови больных СД и поддержание образа жизни через повышение мотивации. В ходе исследования были решены следующие задачи:

1. Описать оптимальные характеристики образа жизни больных СД, ориентированные на поддержку допустимого уровня сахара в крови.

2. Описать дидактические (обучающие) возможности метода «Мотивационная доска» при обучении больных СД.

3. Изучить влияние дидактических свойств мотивационной доски на уровень сахара в крови больных СД.

При описании оптимальных характеристик образа жизни больных СД нами были использованы теоретические методы.

СД может быть различных видов:

1. СД 1 типа (инсулинозависимый) диагностируется, прежде всего, у детей и молодых людей. Его второе название – спонтанный диабет.

2. СД 2 типа (инсулиннезависимый) развивается у людей после 40 лет.

3. Симптоматический СД.

4. СД при беременности – гестационный диабет.

5. СД при алиментарной недостаточности.

Сахарный диабет – это хроническое заболевание, обусловленное абсолютным или относительным дефицитом гормона инсулина и последующим нарушением обмена веществ (прежде всего, углеводного). Под абсолютным дефицитом инсулина понимают недостаточное образование этого гормона в поджелудочной железе, под относительным – нарушение действия инсулина на клетки организма при количественно достаточном его образовании. В новой (1999 г.) классификации по причинам возникновения этого заболевания различают одиннадцать различных типов. Наибольшее значение по распространенности и медико-социальной важности имеют СД 1 типа (10–12 % случаев) и СД 2 типа (85–90 % случаев) [10].

Исследования последних лет обнаруживают тенденцию к снижению возраста страдающих этим заболеванием. Общая численность пациентов с СД на 31.12.2017 составила 4498955 человек (3,06 % населения РФ), из них: СД 1 типа – 5,7 % (256,1 тыс. человек), СД 2 типа – 92,1 % (4,15 млн человек), другие типы СД – 1,9 % (83,8 тыс. человек), тип СД не указан – 0,3 % (13,5 тыс. человек) [11].

Лечение СД невозможно без контроля или, правильнее сказать, самоконтроля глюкозы крови. Ни одно другое хроническое заболевание не нуждается в участии больного так, как СД [12]. Одним из важнейших инструментов контроля уровня сахара является глюкометр. Использование современных точных и комфортных в использовании глюкометров способствует повышению

[1] О порядке организации медицинской реабилитации. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29.12.2012 № 1705н // Гарант. Режим доступа: http://base.garant.ru/70330294/ (дата обращения: 28.10.2019).

[2] Пилотный проект «Развитие системы медицинской реабилитации в Российской Федерации» // Союз реабилитологов России. Режим доступа: https://rehabrus.ru/pilotnyij-proekt.html (дата обращения: 28.10.2019).

[3] Государственная программа развития здравоохранения Российской Федерации // Министерство здравоохранения Российской Федерации. 30.01.2014. Режим доступа: https://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/1686-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 28.10.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

мотивации пациента к эффективному самоконтролю [13; 14]. Участие пациентов подразумевает не только механический контроль уровня глюкозы крови, но и осмысление этого уровня, умение связать уровень глюкозы с ситуацией и самостоятельно повлиять на него. Самое главное участие пациента – это понимание связи гликемии с определенным образом жизни, питанием, массой тела и другими факторами, определяющими развитие и течение СД.

Чтобы управление диабетом было эффективным, пациентам необходимо приобретать знания, навыки, уметь предупреждать гипергликемию и уметь самостоятельно снизить уровень глюкозы при его повышении [15].

Опираясь на оптимальные характеристики больных СД [16], мы придерживаемся основных требований, направленных на поддержание углеводного состава, контроля за жировым составом рациона, достаточное количество пищевых волокон в нем, а также организацию специального обучения по программам «Школы управления диабетом» или «Школы диабета»[4] [17].

Метод «Мотивационная доска» позволяет поддерживать соответствующий образ жизни и, следовательно, требуемый уровень сахара в крови в течение всей жизни человека. В отличие от традиционных методов обучения по программам «Школы диабета», рассматриваемый не является разовым инструментом, а может активно использоваться пациентом на протяжении всей жизни. «Мотивационная доска» относится к группе методов, нацеленных на изменение мыслей, поведенческих стратегий, настроения и физиологического возбуждения пациентов [18, с. 286]. Основная цель – формирование и поддержание внутренней мотивации пациента.

Чтобы процесс обучения людей с СД и становление их соответствующего образа жизни стали более эффективными, необходимо присутствие и сбалансированность не менее трех факторов – мотивации на выполнение необходимых медицинских и ежедневных манипуляций, веры в свои способности через положительное эмоциональное подкрепление. Мотивация к поддержанию образа жизни должна выступать как первый внутренний движущий фактор. Таким образом, больным СД необходимо развить должную мотивацию, направленную на формирование отношения к соответствующему образу жизни за достаточно короткое время. Мы опираемся на теорию мотивации Б. Скиннера [18].

Мы выделили четыре элемента мотивации: потребность – поведение – вознаграждение – обратная связь. Если человек осознаёт свои потребности, то он начинает предпринимать определенные действия, направленные на снятие состояния неудовлетворенности, меняя свое поведение, для получения значимого для него вознаграждения. Таким образом, мотивация рассматривается как активное побуждение к действию самого пациента. Внутренняя мотивация построена на таких внутренних стимулах, как самопоощрение, понимание важности деятельности, вера в себя и вера в успех.

План занятий в «Школе диабета» обычно охватывает 4 важных блока: самоконтроль гликемии и установление индивидуального приемлемого уровня показателя, коррекция рациона и обучение правилам диетического питания, умение справляться со стрессовыми ситуациями и соблюдать меры профилактики всех осложнений, дозированность физической нагрузки [19, с. 48–49].

Нами были введены новые формы и методы работы с больными СД в процессе их обучения в «Школе диабета». В начале обучения была поставлена цель преодолеть возникшие трудности и научиться полноценно существовать с учетом установленных заболеванием рамок[5] [20]. Новизны здесь нет, но далее пациентам предлагается описать все условия и конкретно сформулировать мероприятия, направленные на достижение обозначенной цели. Все требования и мероприятия необходимо однозначно прописать и представить в виде мотивационной доски. Пациенты лучше воспринимают информацию, представленную в визуализированном виде.

Мотивационная доска представляет собой лист (плакат), который включает в себя временную шкалу (отмечается по горизонтали) и условия – каждодневные задачи, шаги продвижения к цели, обеспечивающие необходимое поведение (по вертикали). Условия в зависимости от возраста пациента могут быть следующими: измерение уровня сахара в крови, правильное питание, активный образ жизни (физические нагрузки), преодоление стрессовых ситуаций и др.

Особенностью мотивационной доски является её вариабельность в соответствии с задачами, которые стоят перед пациентом. В процессе обучения мотивационная доска разрабатывается индивидуально на основе единого алгоритма. Таким образом, это индивидуальный, личный инструмент пациента. Выполненные пациентом условия – это маленькие ступеньки к цели, за которые на мотивационную доску заносятся баллы, при наборе определенного количества которых полагается вознаграждение. Степень и меру вознаграждения пациенты устанавливают сами.

В основе разработки «Мотивационной доски» как метода становления и поддержания требуемого образа жизни пациента лежит технология постановки цели [21, с. 299]. Цель рассматривается как осознанный результат, который достигается через планирование и реализацию конкретных задач, направленных на достижение этого результата. Продвижение к результату подкрепляется соответствующим вознаграждением, значимым для пациента.

При движении к результату очень важно составить маршрут – поэтапную реализацию движения к цели. На первом этапе необходимо чётко определить образ цели и ответить

[4] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 28.10.2019).

[5] American Diabetes Association. 5. Lifestyle management: Standards of Medical Care in Diabetesd – 2019 // Diabetes Care. 2019. Vol. 42. S. 1. P. 46–60. DOI: 10.2337/dc19-s005

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

на вопросы: *Зачем я что-то делаю? Где я нахожусь в данный момент на пути реализации цели?* Если у пациента нет представления *зачем* и *где*, а также нет образа цели, к которой он должен стремиться, то он не сможет выстроить маршрут по улучшению своего образа жизни. Не определив направление и этапы реализации достижения результата нельзя реализовать маршрут и достичь обозначенного результата и, следовательно, получить соответствующее этому результату вознаграждение. Вознаграждение дает состояние удовлетворения, укрепляет веру в свои возможности достижения результата как образа жизни.

Мотивационная доска позволяет не только составить маршрут достижения результата, но и осуществлять контроль на каждом из этапов. Техника планирования поэтапных, легко осуществляемых действий используется, чтобы минимизировать степень трудности выполнения заданий. В процессе данной деятельности повышается мотивация, побуждая пациента к некой активности, ответственности за свою болезнь. В процессе планирования конкретных мероприятий происходит осмысление каждодневной и дальнесрочной целей. Составляя планы с ежедневными отчетами, пациент может оценить свои достижения. Таким образом, каждодневное обращение пациента к мотивационной доске вовлекает его в деятельность, которая позволяет контролировать свое время, а через него и свое заболевание.

Есть и еще несколько значимых эффектов этой деятельности. Во-первых, это повышение веры в себя через осознание способности контролировать свое заболевание. Во-вторых, сама деятельность отвлекает пациента от мрачных мыслей. В-третьих, пациент получает положительные эмоции при получении вознаграждения.

В процессе разработки мотивационной доски могут использоваться и стандартные технологии [22]. Например, технология составления распорядка дня может быть взята из раздела «Домашнее задание как часть терапии» книги А. Бека и др. [23, с. 97].

Как уже было сказано выше, в основе работы мотивационной доски лежит принцип вознаграждения. А. Бек предлагает рассматривать принцип вознаграждения с точки зрения *мастерства* и *удовольствия* [23]. Под понятием *мастерство* мы обозначим чувство удовлетворенности собственными результатами, а под *удовольствием* будем подразумевать любые приятные эмоции и чувства, сопряженные с конкретной формой активности. Удовольствие включает в себя чувства наслаждения, радости, веселья и интереса. Мастерство и удовольствие могут выступать как самостоятельные, не зависящие друг от друга категории. Даже если больной не испытывает никакого удовольствия от ведения мотивационной доски, можно побудить его к объективной оценке уровня собственного мастерства.

Результаты

Эксперимент проходил на базе городского эндокринологического центра г. Красноярск. В нем участвовали пациенты, которым диагноз был выставлен в разные периоды жизни, в количестве 21 человек. Средний возраст – 46,8 лет. Участникам была предложена «Анкета пациента», суть которой – выявить степень переживаний (уровень комфорта и удовлетворенности) при выполнении действий по самообслуживанию в поддержании течения заболевания до и после применения методики «Мотивационная доска». Анкета представляет собой набор вопросов, которые позволяют субъективно оценить степень переживания своего состояния. Анкетирование было проведено на момент вхождения в эксперимент и через шесть месяцев, после использования пациентами методики «Мотивационная доска». На выходе заполнялась анкета удовлетворенности. Для овладения данной методикой был проведен обучающий семинар. Цель семинара – познакомить больных с методом и основными принципами использования «Мотивационной доски». Далее предлагалось разработать свой сценарий мотивационной доски (рис. 1–3).

На втором этапе эксперимента (через 6 месяцев) был проведен контрольный срез по нескольким критериям:

1) регулярное посещение врача и узких специалистов;

2) частота физической активности (количество / неделя);

3) средние показатели уровня сахара в крови (день, неделя, месяц);

4) сбалансированность и регулярность питания (жиры, белки, углеводы / дробность);

5) удовлетворенность своими достижениями.

Часть информации для анализа результатов эксперимента была получена из медицинской документации, другая – при личном опросе больных (табл.).

Заметно, что в категории пациентов, использующих методику «Мотивационная доска», уровень гликированного гемоглобина приближается к целевому параметру,

Табл. Показатели контроля пациентами углеводного обмена (критерии компенсации) при СД 1 и 2 типа
Tab. Patients' control of carbohydrate metabolism (compensation criteria) for type 1 and type 2 diabetes

Показатель	Критерий компенсации	Результаты пациентов	
		регулярно использующих методику	не использующих методику
Гликированный гемоглобин	<7,0 %	<7,1 %	<8,6 %
Глюкоза плазмы натощак и перед едой	6,5 ммоль/л (<117 мг/дл)	6,57 ммоль/л	7,47 ммоль/л
Глюкоза плазмы через 2 ч после еды	8,0 ммоль/л (<144 мг/дл)	8,17 ммоль/л	9,20 ммоль/л

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

который и определяет интенсивную тактику лечения, содержащую в себе ряд показателей, часть из которых включает вышеописанная методика. В группе пациентов, не использующих методику, уровень концентрации глюкозы отличается от целевого, рекомендованного в 2011 г. ВОЗ.

Рис. 1. Пример мотивационной доски
Fig. 1. Motivation Board example

Рис. 2. Пример мотивационной доски при регулярном заполнении пациентом
Fig. 2. An example of a Motivational Board with regular patient filling

Рис. 3. Пример мотивационной доски, включенной в образ жизни
Fig. 3. An example of Motivational Board included in the lifestyle

В результате опроса выявлено, что 46 % пациентов, участвующих в эксперименте, регулярно использовали методику, 41 % – методику не использовали, 13 % – использовали ее ситуационно. Согласно данным опроса и изучения медицинской документации, пациенты, которые взяли на вооружение и использовали мотивационную доску (регулярно и ситуационно), имеют более низкие показатели степени переживания по всем выделенным критериям (рис. 4).

Пациенты, использующие мотивационную доску, отмечают высокий уровень удовлетворенности своими результатами, т. к. фиксируют у себя отсутствие скачков сахара (табл. 1), выражают более высокую заинтересованность в регулярности физических нагрузок, своевременном посещении своего лечащего врача и узких специалистов (рис. 5). Также отмечают у себя некоторое снижение применения сахароснижающих препаратов или дозы инсулина. Они субъективно отмечают у себя снижение количества стрессогенных ситуаций, и поэтому демонстрируют удовлетворенность своим образом жизни в процессе протекания данного заболевания, выражают готовность к использованию методики в дальнейшем (100 %).

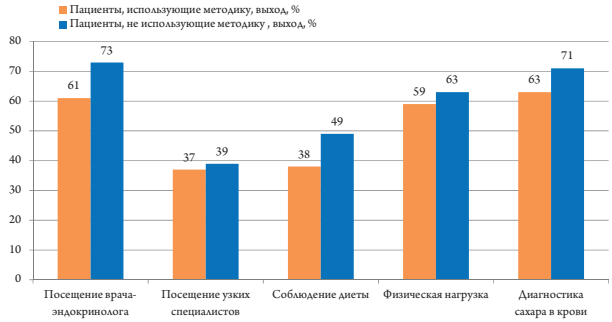

Рис. 4. Степень переживания по параметрам образа жизни на этапе завершения «Школы диабета», %
Fig. 4. Degree of experience in terms of lifestyle at the final stage of the School of Diabetes, %

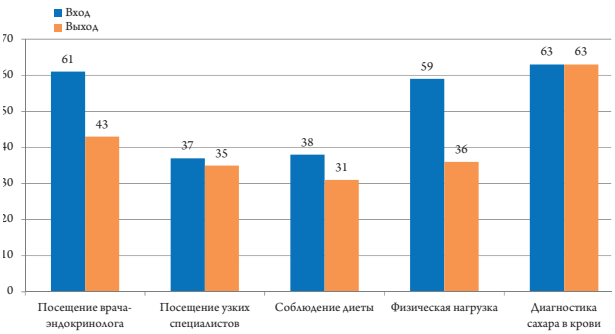

Рис. 5. Степень переживания заболевания по параметрам образа жизни пациентами до и после регулярного использования методики «Мотивационная доска», %
Fig. 5. Degree of experiencing the disease according to the lifestyle parameters in patients before and after regular use of the Motivation Board, %

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

Заключение

Примененная методика показала эффективность ее использования. Метод «Мотивационная доска» повышает внутреннюю мотивацию пациентов за счет следующих дидактических особенностей:

1) включение пациента в деятельность по самостоятельной разработке мотивационной доски. В этом процессе происходит осознание дальнесрочных и краткосрочных целей, повышается личностная значимость метода;

2) визуализация плана в виде мотивационной доски дает общее видение стандартного плана и желаемого результата, наглядно позволяет видеть результаты своего поведения, функционирования с точки зрения физического, душевного здоровья, а также социального функционирования. Последнее просматривается пациентом через четко прописанные и обозначенные потребности, нужды, отношения с родственниками и др.;

3) каждодневное обращение к мотивационной доске и отслеживание результатов увлекает пациентов, т. к. добавляет элемент игры – соревнования со своей болезнью;

4) мотивационная доска формирует потребность в непрерывном саморазвитии, т. к. постановка целей и формулирование результатов побуждает пациентов к получению новых знаний о болезни.

Отмечается снижение уровня сахара в крови у больных СД при регулярном использовании ими мотивационной доски. Самоконтроль – основа успешного лечения и профилактика осложнений СД. Система самоконтроля включает знание больным особенностей клинических проявлений и лечения заболевания, контроль над диетой, показателями сахара крови и мочи, массой тела; предполагается коррекция применения сахароснижающих препаратов. Развитие данной системы является на сегодняшний день одним из важных элементов в лечении СД. Однако самоконтроль над течением заболевания предусматривает высокий уровень образованности в вопросах причин и следствий диабета, терапевтических мероприятий, а также высокий уровень ответственности и организованности. Описанный метод позволяет без чрезмерных усилий изменить ход мыслей пациента, его поведенческую стратегию. Мотивационная доска в игровом формате позволяет сформировать положительную внутреннюю мотивацию пациента, наглядно показать ему, что он может взять свою болезнь под контроль, увидеть свои успехи, почувствовать свою внутреннюю потребность держать под контролем свою жизнь, поддерживая необходимый образ жизни.

Литература

1. Engel G. L. The clinical application of the biopsychosocial model // The American Journal of Psychiatry. 1980. Vol. 137. № 5. P. 535–544.
2. Гарганеева Н. П. Психосоциальные аспекты сахарного диабета 2-го типа: инновации профилактики // Сибирский медицинский журнал. 2011. Т. 26. № 4-2. С. 121–125.
3. Курникова И. А., Кочемасова Т. В. Немедикаментозные методы в терапии эндокринных заболеваний: современное состояние проблемы // Фундаментальные исследования. 2014. № 10-9. С. 1858–1865.
4. Сапожникова И. Е., Зотина Е. Н. Отношение к болезни пациентов с сахарным диабетом 1-го и 2-го типов // Терапевтический архив. 2017. Т. 89. № 10. С. 22–27. DOI: 10.17116/terarkh2017891022-27
5. Cecilio S. G., Brasil C. L. G. B., Vilaça C. P., Silva S. M. F., Vargas E. C., Torres H. C. Psychosocial aspects of living with diabetes mellitus in promoting self-care // Rev. Rene. 2016. Vol. 17. № 1. P. 44–51. DOI: 10.15253/2175-6783.2016000100007
6. Валиева Д. А. Психоэмоциональные особенности пациентов с сахарным диабетом // Вестник современной клинической медицины. 2014. Т. 7. S. 1. С. 69–77.
7. Шишкова Ю. А., Мотовилин О. Г., Суркова Е. В., Дивисенко С. И., Майоров А. Ю. Качество жизни больных сахарным диабетом 1 типа молодого возраста // Сахарный диабет. 2010. № 4. С. 43–47.
8. Ямаева С. А., Нурмухаметова И. Ф. К вопросу о психологической составляющей качества жизни больных сахарным диабетом // Психология диалога и мир человека: памяти Г. В. Дьяконова / под ред. Л. Г. Дмитриевой, Т. И. Пашуковой. Уфа-М.: Башкирский государственный университет, 2019. С. 159–163.
9. Тихонова Т. М., Смілка Ю. М., Хижняк О. О. Якість життя хворих на цукровий діабет: чинники впливу та шляхи корекції // Проблеми ендокринної патології. 2018. № 4. С. 103–109. DOI: 10.21856/j-PEP.2018.4.11
10. Смолянский Б. Л., Лифляндский В. Г. Лечение сахарного диабета. СПб.: Нева, 2004. 382 с.
11. Мальцева И. О. Сахарный диабет и качество жизни: медицинские и социокультурные аспекты // Научный альманах. 2019. № 5-3. С. 113–115.
12. Chen Q., Wang H., Wang Y., Wang Z., Zhao D., Cai Y. Exploring effects of self-management on glycemic control using a modified information-motivation-behavioral skills model in type 2 diabetes mellitus patients in Shanghai, China: A cross-sectional study // Journal of Diabetes. 2018. Vol. 10. № 9. P. 734–743. DOI: 10.1111/1753-0407.12655
13. Хижняк О. О., Барабаш Н. Е., Тихонова Т. М. Роль системы обучения в формировании активной мотивации к самоконтролю у больных сахарным диабетом // Міжнародний ендокринологічний журнал. 2014. № 5. С. 116–120.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

14. Марченкова Л. А., Макарова Е. В. Мотивация пациентов в достижении эффективности самоконтроля гликемии при сахарном диабете: проблемы и их решения // Consilium Medicum. 2017. Т. 19. № 4. С. 32–35.
15. Meunier S., Coulombe S., Beaulieu M.-D., Côté J., Lespérance F., Chiasson J.-L., Bherer L., Lambert J., Houle J. Longitudinal testing of the Information-Motivation-Behavioral Skills model of self-care among adults with type 2 diabetes // Patient Education and Counseling. 2016. Vol. 99. № 11. P. 1830–1836. DOI: 10.1016/j.pec.2016.06.011
16. Сахарный диабет: острые и хронические осложнения / под ред. И. И. Дедова, М. В. Шестаковой. М.: Медицинское информационное агентство, 2011. 480 с.
17. Виноградова С. В., Крижановская Е. В., Макулова А. В. Принципы дифференцированного подхода к обучению больных сахарным диабетом 2 типа // Достижения персонализированной медицины сегодня – результат практического здравоохранения завтра: сб. тезисов VII Всерос. конгресса эндокринологов (Москва, 2–5 марта 2016 г.) М., 2016. С. 187.
18. Бек Дж. Когнитивно-поведенческая терапия: от основ к направлениям / пер. с англ. А. Соломиной. СПб.: Питер, 2019. 416 с.
19. Алгоритмы специализированной медицинской помощи больным сахарным диабетом / под ред. И. И. Дедова, М. В. Шестаковой, А. Ю. Майорова. 9-й вып., доп. М.: УП ПРИНТ, 2019. 212 с. DOI: 10.14341/DM221S1
20. Резникова Е. А., Писарева В. В. Опыт обучения пациентов в «Школе сахарного диабета 2 типа» // Символ науки. 2018. № 3. С. 90–92.
21. Бек Дж. Когнитивная терапия: полное руководство / пер. и ред. Е. А. Черненко. М.: Вильямс, 2006. 400 с.
22. Майоров А. Ю., Суркова Е. В., Мотовилин О. Г., Мельникова О. Г., Шишкова Ю. А. Обучение больных диабетом: синтез доказательной медицины и психологического подхода // Сахарный диабет. 2011. № 1. С. 46.
23. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии / пер. с англ. А. Татлыбаева. СПб.: Питер, 2003. 298 с.

Training Opportunities of the Motivation Board: Method of Internal Motivation Forming to Monitor Blood Sugar Level in Patients with Diabetes Mellitus

Irina A. Dayneko [a, ID1]; Olga N. Kucher [a, ID2]; Irina O. Loginova [a, @, ID3]
[a] Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, 1, P. Zeleznyaka St., Krasnoyarsk, Russia, 660022
[@] loginova70_70@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-0284-0965
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-6003-3598
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-9551-1457

Received 30.10.2019. Accepted 30.12.2019.

Abstract: The research featured the didactic opportunities of the Motivation Board method used in the training of patients with diabetes mellitus diagnosed in different periods of life. The main aim of the methodology is to help a diabetic patient to develop motivation and maintain an appropriate lifestyle. The lifestyle includes risk assessment, proper nutrition, regular physical activity and visits to the doctor, etc. The research objective was to reveal the didactic possibilities of the Motivation Board technique. The method is aimed at changing the thinking patterns and behavioral strategies of patients. It forms inner motivation in patients, which helps them to stick to the corresponding lifestyle and stabilize blood sugar. The specific feature of Motivational Board is in its variability depending on the tasks that the patient has to fulfill. Motivational Board is developed individually by each patient on the basis of a single algorithm, which makes it a personal instrument of the patient. The method described in the article makes it possible to change the patient's train of thought and behavioral strategy without excessive efforts. Motivational Board has a game format, which helps to create a positive internal motivation and shows the patient that how to control the illness and register the progress. As a result, the patient feels the need to control his or her life by supporting the necessary lifestyle. The experiment results confirmed the didactic effect of the method.

Keywords: biopsychosocial model, psychological health, quality of life, glycemic self-control, diabetes school, motivational behavior, health maintenance, motivation theory, emotional reinforcement

For citation: Dayneko I. A., Kucher O. N., Loginova I. O. Training Opportunities of the Motivation Board: Method of Internal Motivation Forming to Monitor Blood Sugar Level in Patients with Diabetes Mellitus. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 123–130. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-123-130

References

1. Engel G. L. The clinical application of the biopsychosocial model. *The American Journal of Psychiatry,* 1980, 137(5): 535–544.
2. Garganeeva N. P. Psychosocial aspects of diabetes mellitus of type 2: innovations of prevention. *The Siberian Medical Journal*, 2011, 26(4-2): 121–125. (In Russ.)
3. Kurnikova I. A., Kochemasova T. V. Nonmedicamentous methods for treatment of endocrine disorders: state-of-the-art. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2014, (10-9): 1858–1865. (In Russ.)
4. Sapozhnikova I. E., Zotina E. N. The attitude of patients with types 1 and 2 diabetes mellitus towards having the disease. *Therapeutic archive*, 2017, 89(10): 22–27. (In Russ.) DOI: 10.17116/terarkh2017891022-27
5. Cecilio S. G., Brasil C. L. G. B., Vilaça C. P., Silva S. M. F., Vargas E. C., Torres H. C. Psychosocial aspects of living with diabetes mellitus in promoting self-care. *Rev. Rene*, 2016, 17(1): 44–51. DOI: 10.15253/2175-6783.2016000100007
6. Valieva D. A. Psychoemotional features of patients with diabetes. *The Bulletin of Contemporary Clinical Medicine*, 2014, 7(S. 1): 69–77. (In Russ.)
7. Shishkova Yu. A., Motovilin O. G., Surkova E. V., Divisenko S. I., Mayorov A. Yu. Quality of life in young patients with type 1 diabetes mellitus. *Diabetes mellitus,* 2010, (4): 43–47. (In Russ.)
8. Iamaeva S. A., Nurmukhametova I. F. The issue of the psychological component of the quality of life of patients with diabetes. *Psychology of dialogue and the world of man: in memory of G. V. Diakonov*, eds. Dmitrieva L. G., Pashukova T. I. Ufa-Moscow: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 2019, 159–163. (In Russ.)
9. Tykhonova T. M., Smilka Y. N., Khyzhnyak O. O. Quality of life in patients with diabetes mellitus: the factors of influence and the way of correction. *Problems of endocrine pathology*, 2018, (4): 103–109. (In Ukr.) DOI: 10.21856/j-PEP.2018.4.11
10. Smolianskii B. L., Lifliandskii V. G. *Treatment of diabetes.* St. Petersburg: Neva, 2004, 382. (In Russ.)
11. Maltseva I. O. Diabetes mellitus and quality of life: medical and socio-cultural aspects. *Nauchnyi almanakh*, 2019, (5-3): 113–115. (In Russ.)
12. Chen Q., Wang H., Wang Y., Wang Z., Zhao D., Cai Y. Exploring effects of self-management on glycemic control using a modified information-motivation-behavioral skills model in type 2 diabetes mellitus patients in Shanghai, China: A cross-sectional study. *Journal of Diabetes*, 2018, 10(9): 734–743. DOI: 10.1111/1753-0407.12655
13. Khizhnyak O. O., Barabash N. Ye., Tikhonova T. M. Role of training system in the formation of active motivation to self-management in patients with diabetes mellitus. *Mizhnarodnii endokrinologichnii zhurnal*, 2014, (5): 116–120. (In Russ.)
14. Marchenkova L. A., Makarova E. V. Motivation for improving glycemia self-monitoring efficiency in patients with diabetes mellitus: problems and solutions. *Consilium Medicum*, 2017, 19(4): 32–35. (In Russ.)
15. Meunier S., Coulombe S., Beaulieu M.-D., Côté J., Lespérance F., Chiasson J.-L., Bherer L., Lambert J., Houle J. Longitudinal testing of the Information-Motivation-Behavioral Skills model of self-care among adults with type 2 diabetes. *Patient Education and Counseling*, 2016, 99(11): 1830–1836. DOI: 10.1016/j.pec.2016.06.011
16. *Diabetes mellitus: acute and chronic complications,* eds. Dedov I. I., Shestakova M. V. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2011, 480. (In Russ.)
17. Vinogradova S. V., Krizhanovskaia E. V., Makulova A. V. Principles of differentiated approach to training of patients with diabetes mellitus type 2. *Achievements of personalized medicine today – the result of practical health care tomorrow*: Proc. VII All-Russian Congress of endocrinologists, Moscow, March 2–5, 2016. Moscow, 2016, 187. (In Russ.)
18. Beck J. *Cognitive behavioral therapy*, tr. Solomina A. St. Petersburg: Piter, 2019, 416. (In Russ.)
19. *Algorithms for specialized medical care for patients with diabetes*, eds. Dedov I. I., Shestakova M. V., Maiorov A. Iu. 9th ed. Moscow: UP PRINT, 2019, 212. DOI: 10.14341/DM221S1
20. Reznikova E. A., Pisareva V. V. Experience in patient education at the "School of diabetes type 2". *Simvol nauki*, 2018, (3): 90–92. (In Russ.)
21. Beck J. *Cognitive therapy: basics and beyond*, tr. and ed. Chernenko E. A. Moscow: Viliams, 2006, 400. (In Russ.)
22. Mayorov A. Yu., Surkova E. V., Motovilin O. G., Melnikova O. G., Shishkova Yu. A. Education of diabetic patients: synthesis of evidence-based medicine and psychological approach. *Diabetes mellitus,* 2011, (1): 46. (In Russ.)
23. Beck A., Rush A., Shaw B., Emery G. *Cognitive therapy of depression*, tr. Tatlybaev A. St. Petersburg: Piter, 2003, 298. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

оригинальная статья
УДК 159.99+364

Клинический психолог в системе комплексной реабилитации*

Наталья В. Козлова [a, ID1]; Татьяна В. Рогачева [b, ID2]; Татьяна Е. Левицкая [a, ID3]; Екатерина А. Цехмейструк [a, @, ID4]; Дилара Г. Назметдинова [a, ID5]

[a] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

[b] Областной центр реабилитации инвалидов, Россия, г. Екатеринбург

[@] mea2887@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-0109-6361

[ID2] https://orcid.org/0000-0002-1259-7567

[ID3] https://orcid.org/0000-0002-1195-5269

[ID4] https://orcid.org/0000-0002-5808-2622

[ID5] https://orcid.org/0000-0002-9133-7025

Поступила в редакцию 11.12.2019. Принята к печати 09.01.2020.

Аннотация: Обосновывается роль клинического психолога в системе комплексной реабилитации, основанной на биопсихосоциальной модели. На основании собственного практического опыта и анализа теоретических научных публикаций выделены особенности современной комплексной реабилитации и связанные с ними проблемные положения в реализации деятельности клинического психолога. В контексте современного правового поля раскрываются трудности и особенности профессиональной деятельности психологов-реабилитологов. В частности обращается внимание на отсутствие профессионального стандарта клинического психолога, несогласованность в употреблении терминов, обозначающих профессиональную специфику. С учетом изменения теоретических оснований реабилитации и перехода с Международной классификации нарушений ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности на Международную классификацию функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья описаны специфика и трудности психодиагностической и реабилитационной работы психолога, показано несоответствие теоретических подходов отечественной и зарубежной психологии к оценке нарушений психической деятельности. Определяются новые профессиональные задачи психолога с учетом мультидисциплинарной направленности реабилитационного процесса. Указывается на проблемы профессиональной подготовки клинических психологов, обозначаются новые образовательные задачи исходя из современного подхода к реабилитации. Вместе с тем появление новых законодательных инициатив, разработка общих клинических рекомендаций для психологов-реабилитологов, появление научных публикаций по психологической реабилитологии, актуализация образовательных программ подготовки клинических психологов представляется отражением позитивной динамики решения заявленных проблемных положений.

Ключевые слова: психолог-реабилитолог, биопсихосоциальная модель реабилитации, профессиональный статус клинического психолога, Международная классификация нарушений ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности, Международная классификация функционирования, мультидисциплинарный подход к реабилитации, образование психолога

Для цитирования: Козлова Н. В., Рогачева Т. В., Левицкая Т. Е., Цехмейструк Е. А., Назметдинова Д. Г. Клинический психолог в системе комплексной реабилитации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 131–138. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

Введение

Активное развитие реабилитационного направления в России в последнее время обусловлено актуальными вызовами современного общества. Увеличение распространенности и тенденция роста числа заболеваний (инсульты, инфаркты и т. д.), потенциально ведущих к инвалидизации, требуют повышения эффективности реабилитационной работы. Решение данной проблемы осуществляется в условиях изменения методологического подхода к системе реабилитационных мероприятий, в частности перехода от биомедицинской к биопсихосоциальной модели реабилитации, а также активной государственной политики в области здравоохранения, которая в рамках современного правового поля закрепила новые методологические позиции. Нормативно-правовые документы, регламентирующие реализацию медицинской реабилитации в РФ, на законодательном уровне

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00937 «Биопсихосоциальный подход в реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями: интегративная медико-психологическая модель оценки здоровья».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

обосновывают участие медицинского психолога в реабилитационном процессе[1]. При этом современное понимание сущности реабилитации, основанной на биопсихосоциальной модели, требует качественно иного подхода к специалистам, осуществляющим реабилитационный процесс. Особенно это касается медицинских психологов, чье поле профессиональной деятельность в современных условиях значительно расширяется и закономерно приводит к появлению ряда особенностей и трудностей при ее реализации. На основании собственного практического опыта и анализа современных научных публикаций нами выделен ряд проблемных положений в реализации деятельности клинического психолога в актуальной системе комплексной реабилитации.

По итогам анализа сложившейся на сегодняшний день ситуации нами выделено несколько особенностей комплексной реабилитации и обозначены связанные с ними проблемные положения деятельности клинического психолога: вопрос профессионального статуса, изменение теоретических оснований реабилитации, мультидисциплинарный подход к реабилитации и подготовка психологов-реабилитологов.

Вопрос профессионального статуса

Значительные трудности существуют в связи с определением профессионального статуса клинического психолога [1]. Наблюдается некоторое несоответствие в употреблении терминов, обозначающих профессиональную специфику. Так, специалисты, реализующие психологическую помощь больным, обучаются в вузе по специальности Клиническая психология, однако в реестре профессий и в документах Министерства здравоохранения РФ значатся как медицинские психологи [2]. Указанное обстоятельство порождает очевидное непонимание и путаницу в восприятии данных специалистов. Отметим, что термины *медицинский психолог* и *клинический психолог* рассматриваются нами как синонимичные.

Вместе с этим на сегодняшний день отсутствует актуальный профессиональный стандарт деятельности клинического психолога. В 2018 г. Российское психологическое общество и Национальная медицинская палата сообщили о разработке профессионального стандарта «Медицинский психолог» и «Нейропсихолог». В конце 2018 г. Министерством труда и социальной защиты РФ опубликован проект Приказа «Об утверждении профессионального стандарта "Медицинский психолог"»[2], что дает определенную надежду в решении данного вопроса. Регламентирование деятельности клинических психологов во всех направлениях активно обсуждается специалистами в области медицинской психологии ввиду необходимости встраивания психологов в систему медицинской и социальной реабилитации [3].

Заметим также, что должность нейропсихолога в нашей стране вводится впервые и представляется крайне существенной в связи с особой значимостью когнитивной (нейропсихологической) реабилитации в клинике. Позитивной динамикой в вопросе определения профессионального статуса можно считать и введение должности главного внештатного специалиста по медицинской психологии Министерства здравоохранения РФ[3].

Изменение теоретических оснований реабилитации

Переход на биопсихосоциальную модель потребовал пересмотра теоретических оснований для осуществления реабилитационных мероприятий. В XX в. практически все специалисты в области реабилитации в качестве теоретического обоснования реабилитационного процесса пользовались Международной классификацией нарушений ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности (МКН)[4], которая оценивала последствия заболевания, приводящие к функциональной и социальной недостаточности. Поскольку основные положения МКН не затрагивали роль социальной и физической среды, минимизировали внимание на резервах восстановления, компенсации и реабилитационном потенциале инвалида, появилась необходимость в новом документе, определяющем оценку реабилитационных мероприятий.

Таким документом стала Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ)[5], одобренная Всемирной организацией здравоохранения в 2001 г., которая сегодня является международным стандартом для описания состояния реабилитируемого и определения целевых показателей реабилитации. Основным отличием МКФ от МКН выступает ориентированность на сохранные функции инвалида, резервы восстановления или компенсации возникших ограничений или нарушений, оценку всех индивидуальных достоинств личности инвалида, при этом в МКФ включены аспекты здоровья человека, обозначенные термином

[1] О Порядке организации медицинской реабилитации. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29.12.2012 № 1705н // Гарант. Режим доступа: https://base.garant.ru/70330294/ (дата обращения: 01.03.2019); О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171577/ (дата обращения: 01.03.2019).

[2] Об утверждении профессионального стандарта «Медицинский психолог». Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ (подготовлен Минтрудом России 27.11.2018) // Гарант. Режим доступа: https://base.garant.ru/56775274/ (дата обращения: 01.03.2019).

[3] О внесении изменений в приложения № 2 и № 3 к приказу Министерства здравоохранения РФ от 25.10.2012 г. № 144 «О главных внештатных специалистах Министерства здравоохранения РФ». Приказ Министерства здравоохранения РФ от 05.06.2017 № 300 // Гарант. Режим доступа: https://base.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71623502 (дата обращения: 09.11.2019).

[4] Международная классификация нарушений, снижения трудоспособности и социальной недостаточности (МКН): руководство по классификации состояний, относящихся к последствиям болезней и травм / под ред. В. К. Овчарова. М.: РАМН, 1998. 26 с.

[5] Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) / ВОЗ. Женева, 2001. 346 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

домены здоровья и *домены, связанные со здоровьем.* Данные параметры можно назвать показателями благополучия, т. е. такими показателями, которые характеризуют позитивные факторы как самого больного, так и его социального окружения. Важным для клинических психологов в МКФ является признание роли личности в изучении заболеваний и феномена инвалидности, что также определяет их положение в реабилитационных мероприятиях [4; 5].

В процессе апробации МКФ, как отмечают отечественные исследователи, классификация может быть условно разделена на зоны ответственности, представленные разделами МКФ. К таким зонам ответственности клинического психолога по кодированию нарушений функций и структур организма относят умственные функции; по кодированию ограничений активности и участия – обучение и применение знаний, общие задачи и требования, общение, межличностные взаимодействия и отношения [6, с. 90–91]. Ряд разделов является универсальным для кодирования, что не исключает участия клинического психолога.

Отметим, что реализуемая модель медицинской реабилитации подразумевает проблемно-ориентированный подход, предполагающий не просто выявление отдельных нарушений, а понимание того, как существующие нарушения влияют на жизнь человека. Опыт реабилитационной деятельности в рамках нового подхода показывает, что со стороны психологов уделяется недостаточно внимания выявленным проблемам и ограничениям жизни пациента, обусловленным психологическими нарушениями [7; 8].

Концептуальные положения МКФ соотносятся с основными теоретическими принципами отечественной клинической психологии. Принцип развития предполагает рассмотрение развития личности в условиях болезни и конкретной социальной ситуации, функционирование человека определяется на физическом, личностном и средовом уровнях. Принцип системности реализуется через анализ психических явлений как многоуровневых систем, существующих во взаимосвязи и требующих целостного рассмотрения. Принцип детерминизма связан с пониманием опосредованности поведения и реакций человека через внутренние условия (установки, мотивы и др.), при этом в МКФ подчеркивается значимость изучения не только умственных функций больного, но и его личности и личностного отношения к актуальной жизненной ситуации [9]. Современные исследователи анализируют МКФ с позиции культурно-деятельностного подхода. Ими предлагается операционализировать домены МКФ и наполнить их клинико-психологическим содержанием в соответствии с отечественными психологическими традициями [10].

Несмотря на схожесть базовых принципов МКФ и отечественной клинической психологии, существует несоответствие в терминологии, систематизации и трактовке понятий, обусловленное разными теоретическими подходами в зарубежной и отечественной клинической психологии. Например, в МКФ функция сна отнесена к глобальным психическим функциям, тогда как в нашей клинической психологии сон не относят к самостоятельным психическим функциям. В МКФ не представлены традиционно принятые в отечественной психологии понятия *внутренняя картина болезни, самооценка, умственная работоспособность, критичность* и пр. [11]. Дополнительную сложность создают принципиально отличающиеся подходы к оценке различных параметров психической деятельности. Отечественная клиническая психология (патопсихология, нейропсихология и др.) в значительной степени ориентируется на качественный анализ психических нарушений, тогда как в зарубежной превалирует количественная оценка [9]. Подобные несоответствия порождают комплекс проблем, связанных с психодиагностической деятельностью клинического психолога и оценкой результативности реабилитации. Отдельно стоит вопрос о самих психодиагностических методиках. Если в медицине существуют общепринятые клинические шкалы (шкала Рэнкин, индекс мобильности Ривермид и др.), позволяющие проводить оценку доменов МКФ, то в психологии единичны универсальные методики оценки параметров психической деятельности, отвечающие методологическим позициям отечественной и зарубежной психологии. Решение данных проблем представляется актуальным вопросом настоящего времени.

Существуют определенные трудности в определении конкретных принципов и методов практической деятельности клинического психолога, особенно в соматической медицине ввиду длительного преобладания биомедицинского подхода к реабилитации. Общая тенденция гуманизации науки привела к принципиальным изменениям медицинского мышления в отношении психологии [12]. Приоритетным является перевод больного из пассивной позиции в активного участника реабилитационных мероприятий [13; 14], что закономерно ставит задачу поиска новых методов и техник работы для клинического психолога.

Развитие информационных технологий привело к появлению новых методов, используемых в комплексной реабилитации. Технология дополненной реальности [15], интерфейс *мозг – компьютер* [16], когнитивные тренировки [17], безусловно, расширяют возможности психологической реабилитации, однако требуют от клинического психолога информационной грамотности и нового взгляда на методологические основы построения реабилитационного процесса.

Значимым в области психологической реабилитологии является появление клинических рекомендаций, созданных для медицинских психологов по вопросам клинико-психологической диагностики и реабилитации при нарушениях психической деятельности для различных нозологических групп, соответствующих профессиональным стандартам и запросам практической медицины [18]. Подобные рекомендации являются для медицинских психологов качественным ориентиром в области динамично развивающегося реабилитационного направления и вносят

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

существенную определенность в построение профессиональной деятельности.

Нерешенной проблемой организации комплексной реабилитации выступает вопрос результативности. Представители здравоохранения указывают, что вопрос о критериях результативности работы психолога вызывает большую сложность, т. к. «в условиях краткосрочности и специфичности лечебного процесса принятые в медицине критерии улучшения состояния здоровья и повышения социальной активности пациента не подходят для оценки психологической помощи» [19, с. 31]. Современными авторами предлагается проводить оценку результативности психологической реабилитации через оценку достижения целей с использованием шкал достижения целей *GAS (Goal Attainment Scale)* или доменов МКФ, что определяет необходимость пересмотра психодиагностического инструментария [12].

Мультидисциплинарный подход к реабилитации

Важным при определении положения клинического психолога в системе комплексной реабилитации является то, что его деятельность реализуется в составе полипрофессиональной (мультидисциплинарной) бригады (команды) и, соответственно, ставит новые задачи перед специалистом-психологом: информирование медицинского сообщества, проведение консультаций для улучшения эффективности команды и пр. [12; 20]. Сегодня активно разрабатывается диагностический инструментарий оценки психологических особенностей межгруппового взаимодействия специалистов-реабилитологов, следовательно, расширяется психодиагностическое поле деятельности клинического психолога.

При этом обнаруживается недостаточное количество литературы, посвященной роли клинического психолога и принципам его работы в области психологической реабилитации как одной из составляющих комплексной реабилитации [20].

Неоднозначным является вопрос иерархии специалистов-реабилитологов [21; 22] при проведении реабилитационных мероприятий, что ставит клинического психолога в достаточно затруднительное положение ввиду недостаточного правового обоснования его профессионального статуса по сравнению с представителями медицинских специальностей.

Подготовка психологов-реабилитологов

Активно развивающееся реабилитационное направление предъявляет очень высокие требования к подготовке клинических психологов, это касается не только формирования новых компетенций, обусловленных изменившимся подходом к реабилитации, но и достаточно широкого и глубокого базового набора профессиональных знаний и навыков. На сегодняшний день не все выпускники вузов по специальности Клиническая психология обладают необходимым для выполнения практических задач уровнем профессиональных компетенций [23]. Данные положения определяют необходимость разработки соответствующих образовательных программ и повышения качества их реализации.

Профессиональная подготовка в области реабилитационной психологии активно развивается за рубежом [24], в России же на данный момент переподготовку в этой области осуществляет лишь небольшое количество учебных заведений, что отчасти объясняется дефицитом высококвалифицированных кадров в преподавательском составе по специальности 19.00.04 Медицинская психология [25].

Разрабатываемое в нашей стране образовательное направление в области комплексной реабилитации преимущественно ориентировано на формирование новых профессиональных компетенций в реализации психологических и психотерапевтических методов на реабилитационном этапе, а также повышении навыков работы в мультидисциплинарной команде (бригаде) специалистов [26]. Значимым, на наш взгляд, представляется заявление в качестве одного из образовательных направлений при подготовке психологов-реабилитологов ориентации на формирование высокой мотивации к развитию личностных и профессиональных качеств клинических психологов [25; 26]. Такая направленность обеспечивает высокую эффективность профессиональной деятельности клинического психолога в условиях динамично развивающейся системы комплексной реабилитации.

В научном и профессиональном сообществах отмечается необходимость включения в образовательные планы подготовки специалистов, занимающихся медицинской реабилитацией, задачи формирования навыков правильного использования МКФ и оценочных шкал [26]. Однако, как было указано выше, для клинических психологов это положение осложняется несоответствием понятийного аппарата зарубежной и отечественной психологии и отсутствием единого общепринятого психодиагностического подхода к оценке психических функций.

Заключение

Биопсихосоциальная модель реабилитации, закрепленная на законодательном уровне, обосновывает необходимость вовлечения клинических психологов в систему комплексной реабилитации и определяет новые задачи их профессиональной деятельности. Существующие трудности реализации профессиональной деятельности клинического психолога связаны с несовершенством его правового статуса в здравоохранении, несоответствием теоретических подходов зарубежной и отечественной клинической психологии к оценке нарушений психики и реализации психологической деятельности, нерешенными вопросами в подготовке специалистов психологов-реабилитологов. Но изменения, происходящие в рамках правового статуса клинического психолога, и появление научных публикаций, отражающих попытки решения актуальных проблемных положений деятельности психологов-реабилитологов, задают позитивную динамику в разрешении обозначенных трудностей.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

Литература

1. Калмыков Ю. А. О некоторых актуальных проблемах в работе медицинских психологов // Практическая медицина. 2019. № 3. С. 122–124.
2. Зинченко Ю. П., Первичко Е. И., Тхостов А. Ш. Методологические основы и задачи психологической реабилитации онкологических больных // Вестник восстановительной медицины. 2014. № 5. С. 31–42.
3. Исаева Е. Р., Урываев В. А. IV-я Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы медицинской (клинической) психологии: исторические традиции и современная практика» (СПб., ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, 12–14 октября 2017) // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 5. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-15070
4. Иванова Г. Е., Мельникова Е. В., Шамалов Н. А., Бодрова Р. А., Шмонин А. А., Суворов А. Ю., Ныркова Г. В., Тулупов Д. О. Использование МКФ и оценочных шкал в медицинской реабилитации // Вестник восстановительной медицины. 2018. № 3. С. 14–20.
5. Рогачева Т. В., Шестакова Е. В. Теоретические основания социально-средовой реабилитации инвалида // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 3. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-13040
6. Смычёк В. Б. Современные аспекты инвалидности. Мн.: БГАТУ, 2012. 268 с.
7. Костерева Л. И. Роль клинического психолога в медицинской реабилитации // Мед.-соц. проблемы инвалидности. 2017. № 2. С. 34–35.
8. Щербакова А. М. Концептуально-институциональные основы профессиональной идентификации психологов-реабилитологов (на примере разработки магистерской программы по направлению «Психологическая реабилитация в социальной сфере») // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 1–17. DOI: 10.17759/psylaw.2019090301
9. Шабалина Н. Б., Герсамия А. Г. Использование концептуальных положений МКФ при психологической диагностике в рамках МСЭ // Мед.-соц. проблемы инвалидности. 2012. № 1. С. 10–13.
10. Варако Н. А., Шилко Р. С., Ковязина М. С., Рассказова Е. И., Меньшикова Г. Я., Зинченко Ю. П. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) и культурно-деятельностный подход Л. С. Выготского – А. Н. Леонтьева – А. Р. Лурии // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 143–159. DOI: 10.17759/psyclin.2019080308
11. Кулаков А. А. Современные подходы к оценке психических функций с учетом МКФ // Мед.-соц. проблемы инвалидности. 2011. № 4. С. 30–33.
12. Ковязина М. С., Варако Н. А., Рассказова Е. И. Психологические аспекты проблемы реабилитации // Вопросы психологии. 2017. № 3. С. 40–50.
13. Варако Н. А. Человекоцентрированный подход в медицине на примере нейропсихологической реабилитации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С.178–189.
14. Щербакова А. М. Психологическая реабилитация: содержание деятельности и подготовка специалистов (израильская модель) // Клиническая и специальная психология. 2012. № 1. С. 108–120.
15. Котельникова А. В., Никишин И. И., Кольяк Е. В. Реабилитация больных, перенесших инсульт, с использованием технологии дополненной реальности: роль медицинского психолога // Vita Rehab Week 19 «Современные технологии и оборудование для медицинской реабилитации, санаторно-курортного лечения и спортивной медицины»: III Междунар. науч.-практ. конгресс (Екатеринбург, 8–10 октября 2019 г.) Екатеринбург, 2019. С. 78–79.
16. Долецкий А. Н., Гузенко Д. С. Интерфейс «мозг – компьютер»: современный этап развития и перспективы // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2017. № 2. С. 15–20.
17. Языкова Т. А., Самсонова Г. О., Агасаров Л. Г., Одарущенко О. И. Особенности применения когнитивной тренировки в программах психологической реабилитации // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2016. Т. 93. № 2-2. С. 185.
18. Ахутина Т. В., Варако Н. А., Зинченко Ю. П., Кроткова О. А., Микадзе Ю. В., Фуфаева Е. В. Клинико-психологическая диагностика и клинико-психологическая реабилитация пациентов с нарушениями памяти при повреждениях головного мозга. Клинические рекомендации // Consilium medicum. 2016. Т. 18. № 2-1. С. 68–81.
19. Старостин В. А., Акимова А. Ю. Организация психологического сопровождения лечебного процесса в негосударственных учреждениях здравоохранения ОАО «РЖД» // Медицинский альманах. 2013. № 2. С. 31–32.
20. Кондратьева К. О., Вагайцева М. В., Семиглазова Т. Ю. Роль медицинского психолога в мультидисциплинарной команде реабилитации онкологических пациентов // Фарматека. 2019. Т. 26. № 7. С. 79–81. DOI: 10.18565/pharmateca.2019.7.79-81
21. Беребин М. А. О статусе медицинского психолога в системе здравоохранения, недостатках системы подготовки клинических психологов и связанных с ними проблемах и перспективах // Вестник Ассоциации психиатров Украины. 2013. № 1. С. 34–50.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

22. Зарезнова А. В. Актуальные проблемы оказания психологической помощи в медицинских учреждениях // Orарёв-online. 2014. № 1. Режим доступа: http://journal.mrsu.ru/arts/aktualnye-problemy-okazaniya-psikhologicheskojj-pomoshhi-v-medicinskikh-uchrezhdeniyakh (дата обращения: 05.12.2019).
23. Русина Н. А. Проблемы профессиональной деятельности психолога в здравоохранении // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2015. № 1. С. 20–30.
24. Беребин М. А., Синицкий И. В. Статус клинической (медицинской) психологии в здравоохранении за рубежом, в России и в Украине: проблемы и реальность // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2012. № 45. С. 67–77.
25. Орёл В. И., Аверин В. А. О профессиональной подготовке клинических психологов в медицинских вузах // Педиатр. 2019. Т. 10. № 1. С. 107–115. DOI: 10.17816/PED101107-115
26. Иванов А. Л., Калмыкова И. Ю. Инновационные подходы к повышению квалификации врачей-психотерапевтов и клинических психологов по программе «Медико-психолого-социальная реабилитация» на базе кафедры психотерапии и сексологии РМАНПО // Психическое здоровье и образование: сб. ст. II Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века» (Москва, 5–7 октября 2018 г.) М., 2018. С. 58–60.

Clinical Psychologist in the System of Complex Rehabilitation*

Natalya V. Kozlova [a, ID1]; Tatyana V. Rogacheva [b, ID2]; Tatyana E. Levickaya [a, ID3]; Ekaterina A. Tsehmeistruk [a, @, ID4]; Dilara G. Nazmetdinova [a, ID5]

[a] Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Russia, Tomsk

[b] Regional Center for Rehabilitation of Disabled People, Russia, Ekaterinburg

[@] mea2887@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-0109-6361

[ID2] https://orcid.org/0000-0002-1259-7567

[ID3] https://orcid.org/0000-0002-1195-5269

[ID4] https://orcid.org/0000-0002-5808-2622

[ID5] https://orcid.org/0000-0002-9133-7025

Received 11.12.2019. Accepted 09.01.2020.

Abstract: The research substantiates the role of clinical psychologists in the system of comprehensive rehabilitation within the conditions of bio-psychosocial model of rehabilitation. Practical experience and the analysis of scientific literature made it possible to describe peculiarities of modern complex rehabilitation and the problems experienced by clinical psychologists. The authors determined difficulties and characteristics of professional work of rehabilitation psychologist within modern legal terrain. One problem is the lack of professional standard for the profession of clinical psychologist. The other problem is the inconsistency in the use of terms denoting professional specifics. The paper focuses on the specificity of psychodiagnostic and rehabilitative work of a psychologist in the light of changing theoretical basis of rehabilitation and the transition from the International Classification of Disability Disorders and Social Insufficiency to the International Classification of Functioning, Disability, and Health. The authors showed the discrepancy between the theoretical approaches of domestic and foreign psychology to the assessment of mental disorders. New professional tasks of the psychologist are defined taking into account multidisciplinary orientation of rehabilitation process. The paper describes the problems of professional training of clinical psychologists and specifies new educational tasks are specified proceeding from the modern approach to rehabilitation. Positive dynamics in the solution of the declared problem can be found in new legislative initiatives, development of General clinical recommendations for rehabilitation psychologists, scientific publications on psychological rehabilitation, update of educational programs for training clinical psychologists.

Keywords: rehabilitation psychologist, biopsychosocial model of rehabilitation, professional status of clinical psychologist, Classification of Disability Disorders and Social Insufficiency, International Classification of Functioning, disability and health, multidisciplinary approach to rehabilitation, education psychologist

* The study was supported by The Russian Foundation for basic research, project no. 18-013-00937 «Biopsychosocial approach in rehabilitation of patients with cerebrovascular diseases: integrative medical and psychological model of health assessment».

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

For citation: Kozlova N. V., Rogacheva T. V., Levickaya T. E., Tsehmeistruk E. A., Nazmetdinova D. G. Clinical Psychologist in the System of Complex Rehabilitation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 131–138. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

References

1. Kalmykov Yu. A. On some topical issues in the work of medical psychologists. *Prakticheskaia meditsina,* 2019, (3): 122–124. (In Russ.)
2. Zinchenko Yu. P., Pervichko E. I., Tkhostov A. Sh. Methodological foundations and tasks of psychological rehabilitation of cancer patients. *Vestnik vosstanovitel'noj mediciny,* 2014, (5): 31–42. (In Russ.)
3. Isaeva E. R., Uryvaev V. A. IVth International Scientific and Practical Conference "Actual problems of medical (clinical) psychology: historical traditions and modern practice" (Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, October 12–14, 2017). *Meditsinskaia psikhologiia v Rossii,* 2018, 10(5). (In Russ.) DOI: 10.24411/2219-8245-2018-15070
4. Ivanova G. E., Melnikova E. V., Shamalov N. A., Bodrova R. A., Shmonin A. A., Suvorov A. Yu., Nyrkov G. V., Tulupov D. O. Using the ICF and rating scales in medical rehabilitation. *Vestnik vosstanovitel'noj mediciny,* 2018, (3): 14–20. (In Russ.)
5. Rogacheva T. V., Shestakova E. V. Theoretical bases of definition of socio-environmental rehabilitation of a disabled person. *Med. psihol. Ross.*, 2018, 10(3) (In Russ.) DOI: 10.24411/2219-8245-2018-13040
6. Smychek V. B. Modern aspects of disability. Minsk: BGATU, 2012, 268. (In Russ.)
7. Kostereva L. I. A role of a clinical psychologist in medical rehabilitation. *Med.-sots. problemy invalidnosti*, 2017, (2): 34–35. (In Russ.)
8. Shcherbakova A. M. Conceptual and institutional framework for professional identification of psychologists-rehabilitologists (from the example of development of master's programme in "Psychological rehabilitation in the social field" course). *Psychology and Law,* 2019, 9(3): 1–17. (In Russ.) DOI: 10.17759/psylaw.2019090301
9. Shabalina N. B., Gersamiya A. G. The use of conceptual statements of the ICF in psychological diagnostics within the framework of MSE. *Med.-sots. problemy invalidnosti*, 2012, (1): 10–13. (In Russ.)
10. Varako N. A., Shilko R. S., Kovyazina M. S., Rasskazova E. I., Menshikova G. Ya., Zinchenko Yu. P. International Classification of Functioning, Disability and Health (ICFDH) and cultural-activity approach of L. S. Vygotsky – A. N. Leontiev – A. R. Luria. *Klinicheskaya i special'naya psikhologiya,* 2019, 8(3): 143–159. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyclin.2019080308
11. Kulakov A. A. Contemporary approaches to the examination of psychical functions in consideration of the ICF. *Med.-sots. problemy invalidnosti*, 2011, (4): 30–33. (In Russ.)
12. Kovyazina M. S., Varako N. A., Rasskazova E. I. Psychological aspects of rehabilitation. *Voprosy psikhologii*, 2017, (3): 40–50. (In Russ.)
13. Varako N. A. Person-centered approach in neuropsychological rehabilitation. *Psychology. Journal of Higher School of Economics,* 2014, 11(2): 178–189. (In Russ.)
14. Shcherbakova A. M. Psychological rehabilitation: content of work & training of rehabilitation psychologists (model of Israel). *Klinicheskaya i special'naya psikhologiya*, 2012, (1): 108–120. (In Russ.)
15. Kotelnikova A. V., Nikishin I. I., Koliak E. V. Rehabilitation of stroke patients using augmented reality technology: the role of a medical psychologist. *Vita Rehab Week 19 "Modern technologies and equipment for medical rehabilitation, spa treatment and sports medicine"*: III Intern. Sci.-Prac. Congress, Ekaterinburg, October 8–10, 2019. Ekaterinburg, 2019, 78–79. (In Russ.)
16. Doletskiy A. N., Guzenko D. S. Brain – computer interface: current stage of development and perspectives. *Volgogradskii nauchno-meditsinskii zhurnal*, 2017, (2): 15–20. (In Russ.)
17. Yazykova T. A., Samsonova G. O., Agasarov L. G., Odarushchenko O. I. Features of application of cognitive training in programs of psychological rehabilitation. *Voprosy kurortologii fizioterapii i lechebnoi fizicheskoi kultury*, 2016, 93(2-2): 185. (In Russ.)
18. Akhutina T. V., Varako N. A., Zinchenko Yu. P., Krotkova O. A., Mikadze Yu. V., Fufaeva E. V. Clinical and psychological diagnosis and clinico-psychological rehabilitation of patients with memory impairments in cerebral injuries. *Consilium medicum*, 2016, 18(2-1): 68–81. (In Russ.)
19. Starostin V. A., Akimova A. Yu. The organization of psychological support of treatment process in non-governmental institutions of public health service of JSC "Russian Railways". *Medicinskii al'manah,* 2013, (2): 31–32. (In Russ.)
20. Kondratieva K. O., Vagaytseva M. V., Semiglazova T. Yu. The role of the medical psychologist in the multidisciplinary team for the rehabilitation of cancer patients. *Farmateka*, 2019, 26(7): 79–81. (In Russ.) DOI: 10.18565/pharmateca.2019.7.79-81
21. Berebin M. A. On the status of clinical psychologist in healthcare system, disadvantages of the system of training clinical psychologists and problems and prospects, connected with them. *Vestnik Assotsiatsii psikhiatrov Ukrainy*, 2013, (1): 34–50. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-131-138

22. Zareznova A. V. Current problems of psychological aid in medical institutions. *Ogarev-online,* 2014, (1). Available at: http://journal.mrsu.ru/arts/aktualnye-problemy-okazaniya-psikhologicheskojj-pomoshhi-v-medicinskikh-uchrezhdeniyakh (accessed 05.12.2019). (In Russ.)
23. Rusina N. A. Problems of professional work of the medical psychologist in healthcare. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye,* 2015, (1): 20–30. (In Russ.)
24. Berebin M. A., Sinitsky I. V. Status of clinical (medical) psychology in healthcare overseas, in Russia and in Ukraine: problems and reality. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology,* 2012, (45): 67–77. (In Russ.)
25. Orel V. I., Averin V. A. About preparing clinical psychologists in medical higher education institutions. *Pediatrician*, 2019, 10(1): 107–115. (In Russ.) DOI: 10.17816/PED101107-115
26. Ivanov A. L., Kalmykova I. Iu. Innovative approaches to the training of doctors-therapists and clinical psychologists on the program "Medical-psychological-social rehabilitation" at the Department of psychotherapy and sexology of MANPO. *Mental health and education:* Proc. II Congress "Mental health in XXI century", Moscow, October 5–7, 2018. Moscow, 2018, 58–60. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

оригинальная статья
УДК 159.9

Специфика образа жизни людей, проживающих в сложных климатогеографических условиях

Анастасия А. Кулик [a, @]

[a] Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Россия, г. Петропавловск-Камчатский
[@] anastasija81@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.02.2020. Принята к печати 19.03.2020.

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования, целью которого выступало изучение образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях. Дизайн исследования предполагал реализацию нескольких этапов: получение описательных характеристик среды (на основе самоотчетов респондентов, желающих и не желающих проживать на территории Камчатского края). Анализ высказываний респондентов позволил выделить региональные особенности образа жизни, отражающиеся в дифференциальной оценке средовых характеристик, а также факторы, оказывающие непосредственное влияние на конструирование индивидуального образа жизни (климатический (геофизический фактор), социальный, бытовой, экономический). Выявлены ядерные и периферийные структуры образа жизни лиц в дефицитарных условиях жизнедеятельности. Ядро индивидуальных образов жизни состоит из характеристик, отражающих активность субъекта, эмоциональную оценку жизни, категорию безопасности, смыслов, истинности, что свидетельствует о вычленении базовых структур образа жизни, связанных с непосредственной реализацией конкретных целей, мотивов и потребностей респондентов. Показана обусловленность содержательных и структурных компонентов образа жизни индивидуальными хронотопами (пространственно-временными структурами). Временной конструкт встраивается в индивидуальный образ жизни, что приводит к особому типу конструирования актуальных связей, ведущих из прошлого в настоящее и будущее, и определяет оценку важных аспектов жизнедеятельности индивида.

Ключевые слова: образ мира, экстремальные условия жизнедеятельности, хронотоп, временная перспектива, жизненный путь

Для цитирования: Кулик А. А. Специфика образа жизни людей, проживающих в сложных климатогеографических условиях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 139–151. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

Введение

Изучение субъективного пространства личности было и остается одной из актуальных проблем психологической науки. Исследование представлений человека о самом себе, об окружающем мире имеет большое значение для теоретического осмысления структурной организации индивидуального сознания.

Современная реальность, представленная резкой сменой социальных, экономических, культурных, политических и других процессов, глобализацией, трансформацией устойчивых образов и схем в отношении построения жизненного плана, приводит к необходимости по-новому ставить вопрос о сознательном конструировании личностью целостной модели своего образа жизни. Несмотря на достаточную простоту и часто житейское использование термина *образ жизни*, следует подчеркнуть его неоднозначность и сложность с точки зрения психологического значения. В психологии возникла ситуация, характеризующаяся, с одной стороны, терминологической неопределенностью понятия *образ жизни* (стратегия жизни, жизненная цель, жизненная перспектива, стиль жизни, сценарий жизни, жизненная позиция, жизненный смысл, жизненное событие, варианты жизни, жизненные миры и т. д.), что связано со сравнительно недолгой историей существования понятия в гуманитарных науках и феноменологической сложностью изучаемого объекта, а с другой стороны – отсутствием четких критериев, на основании которых становится возможным полно представить именно содержательный аспект субъективного мира личности. Отдельные психологические аспекты образа жизни изучались в социологии, философии, политологии, экономике. В рамках указанных наук понятие *образ жизни* рассматривается с точки зрения своего предмета исследования и имеет трактовку, связанную с типичными условиями жизнедеятельности и в контексте определенного исторического отрезка [1]. Наиболее близким к психологическому понимаю образа жизни можно выделить социологический подход, в котором указанная категория рассматривается через призму жизненного пути, осуществляемого человеком в зависимости от комплекса условий (географических, исторических, материальных и пр.) и тех интересов, ценностей и целей, которые человек стремится достичь [2–7]. В этой связи акцент при построении понятия *образ жизни*

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

ставится на таком типе поведения, который основывается на исторически конкретных социальных отношениях индивидуальной и групповой форм жизнедеятельности людей, характеризующихся определенными особенностями их общения, склада мышления в трудовой, общественной, политической сферах, быте и досуге [8]. Одно из наиболее емких и разделяемых большинством социологов определение образа жизни было предложено И. Т. Левыкиным: образ жизни предстает как определенная система входящих в его состав устойчивых и повторяющихся форм деятельности, обладающая внутренним единством [9].

С точки зрения психологического подхода образ жизни рассматривается не только как результат взаимодействия человека с окружающим его миром, но и как единство внутренних и внешних, индивидуальных и социальных, физиологических и психических условий, влияющих на формирование индивидуального образа жизни человека. В работах Б. Д. Парыгина образ жизни рассматривается через призму социально-психологической категории. По его мнению, образ жизни представляет собой элемент массовидного и следовательно стереотипного эталона в поведении человека, что определяет его существование и самоутверждение в определенных исторических условиях, вместе с тем образ жизни наполнен не только категорией всеобщности, но и некими специфическими, индивидуально неповторимыми характеристиками конкретного человека [10]. Таким образом, социально-психологический анализ образа жизни призван выявить механизмы саморегуляции субъекта, связанные с его отношением к условиям жизни и деятельности, с его потребностями и жизненными ориентациями, а также с его отношением к социальным нормам [11; 12]. В этой связи интересным представляется описание образа жизни, предложенное В. А. Ядовым. Он рассматривает образ жизни через призму определенных критериев: 1) различные сферы деятельности – производственная, семейно-бытовая, общественно-политическая, сфера потребления; 2) качество и интенсивность деятельности, выражающиеся в активности, продуктивности человека, в субъективной значимости (мера вовлеченности субъекта в деятельность), в выборе способов и целей деятельности (свобода / несвобода, гармония / дисгармония); 3) стилевые особенности – ритмика, доминантность различных видов деятельности, их пространственно-временная локализация [1].

Синтезируя различное количество психологических подходов в попытке описания образа жизни, следует отметить работы Б. Г. Ананьева, в которых образ жизни предстает как комплекс взаимодействующих обстоятельств (экономических, политических, правовых, идеологических, социально-психологических и т. д.), включающий явления производства материальной жизни общества и сферы потребления, социальные институты, средства массовой коммуникации и непосредственно самих людей, объединенных в различные общности. Взаимодействие человека с этими обстоятельствами жизни составляет ту или иную социальную ситуацию развития личности. В свою очередь, Б. Ф. Ломов подчеркивал, что образ жизни – это некие социальные функции индивида, призванные обеспечивать формирование, трансформацию и закрепление свойств, образующих индивидуальный психологический склад [13]. Описывая важность социально-психологической стороны образа жизни, Б. Ф. Ломов подчеркивал значимость организации не столько индивидуальных действий конкретного человека (не только то, что и как делает человек), сколько механизмы организации его межличностного взаимодействия и коммуникативный потенциал (как и с кем общается человек, как и к кому он относится). В то же время образ жизни, с позиции Б. Ф. Ломова, не статичная модель жизнедеятельности, он развивается, и в процессе этого развития происходит смена его детерминант, а соответственно и системно образующих характеристик. Схожим с понятием *образ жизни* является введенный С. Л. Рубинштейном термин *жизненный путь личности*, в котором подчеркивается развитие человека не только как живого организма с прохождением определенных циклов развития, а как человека, имеющего собственную историю. Жизненный путь личности должен рассматриваться как единое целое. Описывая жизненный путь личности, С. Л. Рубинштейн употребляет понятие *образ жизни* как определенный образ действий в единстве и взаимопроникновении с объективными условиями, в которых он осуществляется [14].

Особо следует отметить подход к изучению образа жизни, предложенный В. П. Серкиным. Он определяет образ жизни как систему деятельностей (интегративная характеристика активности), которые человек актуально реализует как субъект индивидуальной деятельности или в которые включен (субъектом которых является общество, группа) в течение определенного жизненного периода, этапа или цикла [15]. Структура образа жизни, по его мнению, детерминируется и образом мира, и планом реальных взаимодействий и в свою очередь детерминирует развитие образа мира [16, с. 112].

В. П. Серкин выделяет следующие уровни активности в структуре образа жизни:

- уровень внутренней деятельности (субъективность пространства и времени);
- уровень коммуникации (конвенциональность пространства и времени);
- уровень практической деятельности (конструирование пространства и времени) [15; 17].

Им дана следующая характеристика каждого из описанных уровней: на уровне внутренней деятельности субъективно изменяются пространство и время: человек может произвольно изменять временной порядок событий и расположение предметов, их размеры, структуру и другие свойства, думать за секунды о событиях, происходящих часами и годами. На уровне коммуникации пространство и время становятся конвенциальными (согласованными с другими). На уровне практической деятельности ритмы и свойства реальных предметов становятся решающими: чтобы действовать практически, я должен соотнести свое время, свои психические процессы, свои эффекторы (тело и инструментарий)

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

с сопротивлением реальности, со свойствами предметной реальности. В. П. Серкин пишет, что образ жизни может изменяться вместе с изменением иерархии мотивов личности, с изменением и развитием иерархии смыслов субъекта и смысла жизни. По его мнению, именно с изменением иерархии мотивов связано для личности осознание какого-либо периода жизни как психологического прошлого (если иерархия уже изменилась) или психологического настоящего (если иерархия пока неизменна) независимо от внешнего событийного ряда [15–20].

На наш взгляд, наиболее актуальным и своевременным представляется изучение специфики образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях. Камчатский край представляет собой территорию наиболее подверженную влиянию различного рода негативных факторов (как природных, геофизических, так и экономических, социально-культурных), которые непосредственно влияют на оценку условий проживания как тяжелых, приводят к отрицательной субъективной оценке качества жизни большого слоя населения. Можно выделить следующие климатические особенности Камчатки: сильные ветра, ураганы и штормы, значительное количество осадков, частая изменчивость погоды во все сезоны года, длительная многоснежная зима и отрицательные среднегодовые температуры в большей части территории, а также короткое пасмурное лето. К опасным природным явлениям Камчатского края относят землетрясения и вулканическую активность. Землетрясения, эпицентры которых находятся в море, нередко порождают цунами, производящие значительные разрушения в прибрежной полосе Курильских островов и на восточном побережье Камчатки. Помимо сложных климатогеографических условий Камчатского края, мощным фактором, резко снижающим качество жизни, выступают экономические и социально-культурные особенности. Отдаленность Камчатского края от центральной полосы России объективно приводит к высокому ценообразованию на все сферы услуг, товаров, производства и пр., наличие лишь одного варианта транспортной перевозки (авиаперевозки) и дефицит культурной и досуговой жизни формируют отрицательную оценку региона [21]. По данным Росстата, индекс стоимости жизни в городах России по итогам 2018 г. позволил выделить самые дорогие столицы субъектов РФ – Анадырь и Петропавловск-Камчатский. Согласно подсчетам статистиков, индекс стоимости жизни в Петропавловске-Камчатском в 2018 г. составил 1,58. Выше среди столиц регионов России показатель только у столицы Чукотки – Анадыря. Подобные условия жизни приводят к огромному оттоку населения. Уменьшение численности населения края обусловлено на 84,1 % миграционным оттоком и на 15,9 % – естественной убылью. 2018 г. в Камчатском крае характеризовался снижением показателей уровня жизни, несмотря на рост заработной платы. Основной причиной является отставание темпов роста среднедушевых денежных доходов населения, пенсий от темпов инфляционных процессов[1].

Все вышеперечисленные условия объективно могут приводить к отрицательной оценке региона, неудовлетворенности основными показателями качества жизни, однако проживание в идентичных условиях может давать разную их субъективную оценку, зависящую не столько от объективных характеристик, сколько от системы реализуемых деятельностей, мотивационно-потребностных конструктов, пространственно-временных характеристик субъекта.

Программа исследования

Из представленного краткого теоретического обзора очевидна важность и необходимость исследования образа жизни в сложных (экстремальных) условиях жизнедеятельности, что позволит расширить представление о структурных компонентах индивидуального сознания и организации индивидуального образа жизни. Длительное воздействие экстремальной ситуации требует адаптационной перестройки функциональных систем, при этом происходит постепенная мобилизация личностных ресурсов и формирование определенной стратегии поведения, что позволяет человеку, несмотря на дефицитарность внешних условий, сохранять гомеостаз и высокий уровень активности (как физической, так и социальной) и субъективно выстраивать вектор своего жизненного пути благополучно. Данный факт дает основание сформулировать *цель исследования* – изучить специфику образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях.

Мы предположили, что специфика образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях, определяется совокупностью базовых параметров (активностью индивида, его мотивами, оценкой среды проживания, системой реализуемых им деятельностей и пр.), вместе с тем одним из ведущих параметров выступает пространственно-временная структура индивидуального образа жизни.

Методики и испытуемые

В исследовании был использован следующий комплекс методик: анкетирование (авторская анкета, разработанная с целью описания выборки, характеристик среды, социально-психологических факторов, влияющих на оценку региона, оценку образа жизни, различных параметров организации жизнедеятельности респондентов); субъективное шкалирование «Оценка региона» (Е. Б. Весна, О. С. Ширяева) [21]; семантический дифференциал (СД) «Образ жизни» (В. П. Серкин) [22]; «Тест жизнестойкости» С. Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой [21]; СД времени (СДВ) Л. И. Вассермана, Е. А Трифоновой, К. Р. Червинской [21]; «Опросник временной перспективы личности» (ZTPI) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) [23]; СД «Окружающая

[1] Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2018: стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 149.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

природная среда»; модифицированный вариант проективной методики «Графический тест» Т. Коттла [24] (с целью изучения образного представления о себе и о своем будущем); «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева[2].

Респондентами в нашем исследовании выступили жители Камчатского края (г. Петропавловск-Камчатский, г. Елизово, г. Вилючинск) в количестве 90 человек в возрасте от 30 до 45 лет. Нам было важно определить специфику образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях, и сопоставить описательные характеристики региона (с позиции желающих покинуть территорию крайнего Севера и не желающих уезжать). Структурные и содержательные компоненты индивидуального образа жизни не отображаются однозначно в представлениях респондента о них, а, скорее, несут субъективное отношение человека, обусловленное его мотивацией и системой реализуемых деятельностей [15]. В этой связи люди, проживающие в идентичных условиях, могут совершенно по-разному интерпретировать их: с одной стороны, условия среды могут оцениваться как крайне экстремальные, препятствующие реализации целого комплекса жизненных планов, целей, перспектив, с другой – как неэкстремальные, напротив, способствующие личностному росту и развитию, что, безусловно, определяет специфику индивидуальных образов жизни. С этой целью в выборку были в равнозначной степени включены лица, желающие покинуть Камчатский край и нежелающие. В табл. 1 представлена социально-демографическая характеристика выборки.

Табл. 1. Социально-демографическая характеристика группы испытуемых, n=90
Tab. 1. Social and demographic characteristics of the respondents, n=90

Характеристика	%
Место рождения	
Камчатский край	78
Другие регионы РФ	22
Уровень жизни (субъективная оценка респондентов)	
Высокий	2
Средний	53
Низкий	26
Не удовлетворяющий потребности	19
Семейное положение	
В браке	62
Холост / не замужем	17
В разводе	11
В незарегистрированных отношениях	7
Вдова / вдовец	3
Пол	
Женский	81
Мужской	19
Возраст	
30–40 лет	72
40–45 лет	28
Образование	
Высшее	94
Среднее специальное	6

Дизайн исследования

Логика исследования предполагала реализацию нескольких этапов:

1. Разделение выборки на две экспериментальные группы (по 45 человек) на основании желания / нежелания покинуть Камчатский край. Цель данного этапа – сопоставление характеристик региона, выделенных в группах, выделение факторов, влияющих на интегративную оценку региона (положительную или отрицательную).

2. Разделение общей выборки респондентов на две группы (с помощью процедуры кластерного анализа, где базовой методикой выступил СД «Образ жизни») с целью выявления респондентов с различным уровнем структурных и содержательных характеристик индивидуального образа жизни.

3. Выявление и описание хронотопов (пространственно-временных структур) образа жизни среди респондентов двух экспериментальных групп (с помощью кластерного анализа на основании методики «Опросник временной перспективы личности» (ZTPI) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) и СД «Образ жизни».

На ***первом этапе*** мы разделили общую группу респондентов на две (в зависимости от желания / нежелания уехать с Севера). Анализ ответов респондентов, желающих уехать, позволил выделить следующие причины, вызывающие наибольшее недовольство местом проживания: высокий уровень цен (84 %); сложные климатические условия (76 %); отдаленность региона от центра (56 %); скудный выбор для получения образования (51 %); отсутствие транспортной доступности (40 %); отсутствие инфраструктуры (38 %); низкий уровень оплаты труда (22 %); высокий уровень сейсмичности (16 %).

62 % планируют переезд в другие регионы РФ в течение 5 лет. Новое место жительства привлекает по следующим параметрам: благоприятный климат (53 %), низкие цены на товары (44 %), транспортная доступность (29 %), развитая инфраструктура, высокий уровень жизни (18 %), большой город, выбор для получения образования (11 %). Интересным предоставляется факт, что характеристики нового места жительства абсолютно полярны тем, которые указываются в отношении Камчатского края. Лица, не желающие уезжать, напротив, считают свою жизнь, образ жизни достаточно комфортным. Также различна оценка уровня жизни с позиции материальной сферы в Камчатском крае. Лица, желающие

[2] В рамках данной статьи рассмотрены результаты, полученные по семантическому дифференциалу «Образ жизни» (В. П. Серкин) [22]; «Опросник временной перспективы личности» (ZTPI) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) [23].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

покинуть регион, считают уровень жизни низким и неудовлетворяющим потребности населения, напротив, респонденты, не желающие покидать Камчатку, оценивают уровень жизни как удовлетворяющий основные потребности. При идентичных условиях проживания (социальных, климатогеографических, культурных, досуговых) субъективная оценка их разная (результаты представлены в табл. 2).

Из табл. 2 видно, что описательные характеристики среды в группах респондентов дифференцированы по ряду выделенных нами факторов, непосредственно влияющих на формирование индивидуального образа жизни: в первую очередь, это климатические характеристики среды (геофизический фактор), социальные и бытовые характеристики, экономические факторы. Можно утверждать, что данная группа факторов оказывает непосредственное влияние на конструирование индивидуального образа жизни, определяя уровень активности субъекта, сферу его достижений, мотивацию и перспективы будущего. В работах В. П. Серкина отмечается, что наряду с непосредственным влиянием окружающей среды на формирование образа жизни следует учитывать и ряд факторов, оказывающих опосредованное влияние, в их числе культурно-исторические, социально-психологические и индивидуально-психологические факторы [15–20]. Таким образом, мы видим некую дифференциацию индивидуальных образов жизни респондентов (в зависимости от желания или нежелания проживать в заданных условиях), что обусловлено их мотивацией и системой реализуемой деятельности. Дальнейший анализ результатов, полученных в группах посредством деления их в зависимости от желания или нежелания проживать в Камчатском крае, не предоставил информацию,

Табл. 2. Недостатки / преимущества жизни в Камчатском крае
Tab. 2. Disadvantages and advantages of living in Kamchatka

Фактор	Ответы респондентов, не желающих жить на Камчатке	Ответы респондентов, желающих жить на Камчатке
Климатические условия	• сложный (суровый) климат; • холодно; • мало солнца; • много снега; • холодное лето; • длинная зима; • сырость, унылость	• нежаркий климат; • много снега; • солнечная, теплая зима; • длинный световой день
Городская среда	• серый, грязный, угрюмый, неухоженный город; • скучно, все друг друга знают; • плохо развита инфраструктура; • отсутствие благоустройства города; • маленькая территория; • плохие дороги; • нет парков, детских площадок; • много иностранных граждан; • много бездомных животных	• компактность; • шаговая доступность, меньше зависимость от транспорта, малые затраты времени и средств на перемещение; • небольшая численность населения; • защищенность; • воспитание детей; • свобода бизнеса; • нет автомобильных пробок; • близость природы
Культурно-досуговые условия	• скудная жизнь; • дефицит культурной и досуговой жизни; • скудный выбор для получения образования	• зимние виды спорта; • активный отдых; • творческие проекты
Промышленность	• низкий уровень развития региона; • малый выбор профессий, рабочих мест	• не нарушен экологический баланс региона: чистые воздух, вода, местные продукты
Удаленность от центральной полосы России	• отсутствие транспортной доступности; • дорогие авиабилеты; • отдаленность; • дороговизна продуктов, особенно овощей и фруктов; • отсутствие качественных продуктов	• доступность многообразных и редчайших природных биоресурсов; • уникальные возможности для рыбалки, охоты, собирательства, всех видов туризма; • низкая преступность; безопасность

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

Фактор	Ответы респондентов, не желающих жить на Камчатке	Ответы респондентов, желающих жить на Камчатке
Социально-экономические условия	• низкая зарплата; • низкий уровень жизни; • нет развития; • коррупция; • плохо работают коммунальные службы после пурги; • высокие цены на ЖКХ; • халатность правительства	• высокая зарплата; • средний уровень жизни; • редкая коррупция; • большой отпуск; • оплата проезда в отпуск; • северные надбавки
Экология	• плохая экология; • высокая радиация	• хорошая экология; • чистый воздух и вода

позволяющую выделить структурные и содержательные характеристики индивидуальных образов жизни.

Второй этап исследования заключался в применение процедуры кластерного анализа (базовой методикой выступил СД «Образ жизни» В. П. Серкина) на всей совокупности выборки. В результате применения процедуры кластеризации (кластерный анализ с использованием метода внутригрупповых связей) были получены два кластера: в первый вошли 26 человек, во второй – 64 человека. Таким образом, нами были выделены две группы респондентов: ЭГ1 – респонденты с наиболее генерализованными характеристиками индивидуального образа жизни, наиболее близкими и рядоположными друг к другу (сильный кластер). ЭГ2 – респонденты с достаточно разрозненно представленными характеристиками образа жизни (более слабый кластер). При сравнении двух выборок с помощью t-критерия Стьюдента

Табл. 3. Выраженность показателей образа жизни в кластерных группах
Tab. 3. Degree of lifestyle indicators in cluster groups

Шкала	ЭГ1, n=26	ЭГ2, n=64	t
Рациональный / иррациональный	–1,34	–1,98	2,09*
Компромиссный / непримиримый	–1,34	–1,98	2,43*
Постоянный / меняющийся	–0,11	–1,48	3,39**
Профанный / настоящий	1,53	2,21	2,61*
Ответственный / безответственный	–1,92	–2,65	3,23**
Злой / добрый	1,46	2,39	3,85**
Миролюбивый / агрессивный	–1,69	–2,54	3,21**
Достойный / недостойный	–1,03	–2,18	3,04**
Враждебный / дружеский	1,38	2,59	3,50**
Насыщенный / ненасыщенный	–0,73	–1,59	2,18*
Согласованный / противоречивый	–0,03	–1,42	3,92**
Демократический / авторитарный	–0,38	–1,59	3,50**
Несчастный / счастливый	1,5	2,45	4,71**
Открытый / замкнутый	–0,84	–2,28	4,37**
Обеспеченный / необеспеченный	0,03	–1,46	4,28**
Понимающий / непонимающий	–1,30	–2,39	4,88**
Неуверенный / уверенный	0,23	1,92	5,52**
Независимый / зависимый	0,61	–0,34	2,80**
Истинный / ложный	–1,15	–2,37	5,28**
Сонный / бодрый	0,38	1,35	2,70**
Трусливый / смелый	0,92	1,85	3,23**
Голодный / сытый	1,76	2,51	2,49*

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

Шкала	ЭГ1, n=26	ЭГ2, n=64	t
Привлекательный / непривлекательный	–0,65	–1,65	2,97**
Дискомфортный / комфортный	0,46	1,75	3,49**
Оправданный / неоправданный	–0,26	–1,65	4,54**
Бессмысленный / осмысленный	0,84	2,5	5,57**
Целостный / разрозненный	–0,34	–1,70	3,62**
Безнравственный / нравственный	1,76	2,51	2,73**
Положительный / отрицательный	–1,19	–2,54	5,24**
Беспорядочный / упорядоченный	0,61	1,70	3,48**
Новый / старый	–0,30	–1,23	2,76*
Опасный / безопасный	0,73	1,78	3,00*
Социальный / самодостаточный	0,19	1,06	2,13*
Уважительный / неуважительный	–1,76	–2,75	4,08**
Веселый / грустный	–1,38	–2,23	3,02**

Прим.: * – p≤0,05; ** – p≤0,01.

обнаружились значимые различия почти по всем шкалам СД «Образ жизни» (результаты представлены в табл. 3)

Сопоставление полученных результатов привело к следующим выводам: для всей совокупной выборки оценка образа жизни отличается доминированием позитивного контекста (все полярные характеристики смещены в сторону положительного полюса), что свидетельствует о достаточном уровне активации (энергетизации) различных сфер жизни, несмотря на сложные условия жизнедеятельности, активность субъекта направляется на цели, которые требуют реализации, несмотря на объективные сложности. Положительная эмоциональная оценка различных компонентов образа жизни служит индикатором соответствия или несоответствия уже целостных образов жизни далеко не всегда осознаваемым иерархиям мотивов. При этом для лиц, вошедших в первый, более сильный кластер характерна большая генерализация и близость указанных характеристик образа жизни, нежели для представителей второго кластера. Представленная табл. 3 наглядно иллюстрирует тот факт, что несмотря на идентичную оценку образа жизни, указанные характеристики для респондентов ЭГ1 менее позитивны (их образ жизни более простроенный и менее оптимистичный в оценке дескрипторов СД).

Далее мы сопоставили состав выделенных групп: интересным оказался тот факт, что в состав ЭГ1 и ЭГ2 в равнозначной степени оказались включены лица как желающие, так и не желающие покидать Камчатский край: ЭГ1 – 54 % желают покинуть Камчатский край, 46 % не желают. ЭГ2 – 48 % желают покинуть территорию края, 52 % не желают. Следовательно, индивидуальные образы жизни различны в группах респондентов по ряду параметров, а не по одному (оценка среды проживания, как мы предполагали). Мы можем допустить следующее объяснение выявленного феномена: пока не осуществлен сам переезд, говорить о трансформациях образа жизни и образа мира не приходится. Переезд выступает как план будущего (ближайшего или не очень), а система деятельностей, реализуемая субъектом, позволяет говорить о неком уровне его активности, способствующем удовлетворению потребностей, реализации определенного смыслового конструкта, следовательно, образ жизни не дифференцируется в зависимости лишь от желания смены места жительства. По мнению В. П. Серкина, образ жизни может изменяться вместе с изменением иерархии мотивов личности, что приводит к осознанию какого-либо периода жизни как психологического прошлого (если иерархия уже изменилась) или психологического настоящего (если иерархия пока неизменна) независимо от внешнего событийного ряда [15–17].

Далее мы подвергли процедуре кластерного анализа дескрипторы СД «Образ жизни» с целью определения наиболее значимых структурных и содержательных компонентов образа жизни респондентов. В результате применения процедуры кластеризации (кластерный анализ с использованием метода межгрупповых связей на основании корреляции Пирсона) были получены два кластера: первый (сильный) кластер представлен наиболее близкими генерализованными дескрипторами, которые условно можно назвать ядром индивидуального образа жизни, второй кластер (более слабый) образуют те дескрипторы образа жизни, которые менее структурированы и взаимосвязаны друг с другом, условно можно назвать периферией (рис. 1). Оценка ядерных структур образа жизни значимо различна для респондентов ЭГ1 и ЭГ2 (табл. 4)

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

Рис. 1. Кластеры, образованные дескрипторами СД «Образ жизни»
Fig. 1. Clusters formed by lifestyle descriptors

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

Табл. 4. Выраженность ядерных характеристик образа жизни среди респондентов двух групп
Tab. 4. Degree of the nuclear characteristics of lifestyle in the two groups of respondents

Ядерные характеристики образа жизни	ЭГ1, n=26	ЭГ2, n=64	t
Злой / добрый	1,46	2,39	3,85**
Несчастный / счастливый	1,5	2,45	4,71**
Бессмысленный / осмысленный	0,8	2,5	5,57**
Безнравственный / нравственный	1,76	2,51	2,73*
Враждебный / дружеский	1,38	2,59	3,50**
Профанный / настоящий	1,53	2,21	2,61*
Голодный / сытый	1,76	2,51	2,49*
Неуверенный / уверенный	0,23	1,92	5,52**
Дискомфортный / комфортный	0,46	1,75	3,49**
Трусливый / смелый	0,92	1,85	3,23**
Опасный / безопасный	0,73	1,78	3,00*
Сонный / бодрый	0,38	1,35	2,70*
Беспорядочный / упорядоченный	0,61	1,70	3,48**

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Таким образом, ядро индивидуальных образов жизни состоит из характеристик, отражающих: *активность субъекта* (сонный / бодрый, подвижный / неподвижный, статичный / динамичный), *эмоциональную оценку* (злой / добрый, несчастный / счастливый), *категорию безопасности* (враждебный / дружеский, голодный / сытый, опасный / безопасный, трусливый / смелый, дискомфортный / комфортный, уверенный / неуверенный), *смыслы* (бессмысленный / осмысленный, беспорядочный / упорядоченный), *истинность* (профанный / настоящий). При помощи кластерного анализа нам удалось определить сложно рационализируемые в прямых ответах содержательные и структурные компоненты образа жизни. Подобный результат свидетельствует о вычленении неких базовых структур образа жизни, связанных с непосредственной реализацией конкретных целей, мотивов и потребностей респондентов, вследствие чего субъективное ощущение комфорта и самореализации в конкретных условиях становится более допустимым и возможным. Интересным представляется тот факт, что категория безопасности включает в себя условия среды, которые связаны с обеспечением жизнедеятельности респондентов – удовлетворение физиологических потребностей (еда, вражда, дружба, комфорт, дискомфорт, опасность, безопасность). Возможно, сложные климатогеографические условия жизнедеятельности способствуют актуализации базовых потребностных компонентов, необходимых для обеспечения жизненного плана.

Следует отметить, что периферический слой образа жизни представлен достаточно большим списком дескрипторов, в большей степени отражающих такие позиции, как познание, уважение, эстетика, творчество, рационализация. Для респондентов ЭГ1 в меньшей степени свойственна реализация ядерных характеристик образа жизни, возможно, подобный результат связан с уровнем активности самого субъекта и его потребностно-мотивационными образованиями в структуре личности. Им свойственна дефициарность реализуемых базовых аспектов образа жизни, вследствие чего может возникать неудовлетворенность собой и средой и более выраженное стремление к изменениям в субъективной картине жизненного пути [25–28].

Третьим этапом исследования выступило выявление и описание хронотопов (пространственно-временных структур) образа жизни (с помощью кластерного анализа на основании методики «Опросник временной перспективы личности» (ZTPI) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) и СД «Образ жизни» (В. П. Серкин).

В результате применения процедуры кластеризации (метод межгрупповых связей) среди респондентов ЭГ1 были получены два кластера. Первый кластер образован дескрипторами СД и временным конструктом *Позитивное прошлое* (более сильный кластер с генерализованными содержательными характеристиками образа жизни). Анализ дескрипторов и хронотопа, вошедших в первый кластер, показал встраиваемость *Позитивного прошлого* в ядерные компоненты образа жизни, описанные ранее. Второй кластер (более слабый, с менее генерализованными характеристиками образа жизни и временного конструкта) представлен дескрипторами СД и временными конструктами *Гедонистическое настоящее, Будущее, Негативное прошлое, Фаталистическое настоящее.* Таким образом, структурные и содержательные компоненты образа жизни обусловлены пространственно-временными характеристиками (хронотопами) респондентов. Для лиц, вошедших в ЭГ1, базовым параметром в оценке образа жизни выступает *Позитивное прошлое,* что отражает теплое, сентиментальное отношение к прошлому, ностальгическую, позитивную реконструкцию прошлого. Возможно, доминирование временного конструкта *Позитивное прошлое* в субъективной картине жизненного пути приводит к оценке собственного образа жизни с ориентацией на события прошлого (тогда было хорошо) и, как следствие, менее положительной оценке настоящего, этим может быть объяснено такое различие в сопоставительных результатах основных дескрипторов СД «Образ жизни» (по всем шкалам менее положительная оценка) по сравнению с респондентами ЭГ2. Полученные результаты можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

Подобный результат может свидетельствовать о наличии у респондентов особых механизмов временной децентрации. В работах Е. И. Головахи и А. А. Кроника отмечается, что временные децентрации могут изменять временной

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

статус разных межсобытийных связей [24]. Актуальные по отношению к хронологическому настоящему связи могут переживаться реализованными, если человек живет будущим, либо актуальные связи могут превращаться в потенциальные, если человек живет прошлым. Временной центр респондентов ЭГ1 смещен в хронологическое прошлое, вследствие чего текущее событие может переживаться как будущее (ждал чего-то).

В результате применения процедуры кластеризации (метод межгрупповых связей) на основании данных, полученных по методике «Опросник временной перспективы личности» (ZTPI) Ф. Зимбардо [23] и СД «Образ жизни», среди респондентов ЭГ2 были получены два кластера. Первый кластер образован дескрипторами СД и временными конструктами *Будущее, Негативное прошлое, Фаталистическое настоящее*. Второй кластер образован дескрипторами СД и временными конструктами *Гедонистическое настоящее* и *Позитивное прошлое*. Оба кластера достаточно равнозначны с позиции генерализованности компонентов образа жизни и хронотопов. Анализ дескрипторов и хронотопов, вошедших в оба кластера, показал встраиваемость временных конструктов *Гедонистическое настоящее* и *Позитивное прошлое* в ядерные компоненты образа жизни, описанные ранее. Подобный результат свидетельствует о большей генерализации в образе жизни пространственно-временных характеристик, с ориентацией на беззаботное и беспечное отношение ко времени и жизни, на удовольствие, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях при одинаково теплом, сентиментальном отношении к прошлому. Ориентация на *Гедонистическое настоящее* приводит к более позитивной оценке содержательных компонентов образа жизни. Полученные результаты можно представить в виде следующей схемы (рис. 3). Для данной выборки характерно простраивание актуальных связей, ведущих из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее. Механизм временной децентрации явно не представлен.

Рис. 2. Соотношение временного параметра и образа жизни лиц ЭГ1
Fig. 2. Time parameter vs. lifestyle in experimental group 1

Рис. 3. Соотношение временного параметра и образа жизни лиц ЭГ2
Fig. 3. Time parametervs. lifestyle in experimental group 2

Заключение

Специфика образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях, обусловлена дифференциацией описательных характеристик среды (респонденты, желающие и нежелающие покидать Камчатский край, демонстрируют полярные оценки средового воздействия на них), что связано с воздействием ряда факторов, непосредственно и опосредовано влияющих на формирование индивидуального образа жизни. Дифференциация индивидуальных образов жизни обусловлена мотивацией и системой реализуемой деятельности респондентов.

Анализ содержательных и структурных компонентов образа жизни участников исследования позволил определить доминирование позитивного контекста в оценке индивидуальных образов жизни, что свидетельствует о достаточном уровне энергетизации различных сфер жизни, несмотря на сложные условия жизнедеятельности, активность субъекта направляется на цели, которые требуют реализации, несмотря на объективные сложности. Положительная эмоциональная оценка различных компонентов образа жизни служит индикатором соответствия или несоответствия уже целостных образов жизни далеко не всегда осознаваемым иерархиям мотивов.

При помощи кластерного анализа нам удалось определить сложно рационализируемые в прямых ответах содержательные и структурные компоненты образа жизни, представленные ядерными и периферийными конструктами. Ядро индивидуальных образов жизни состоит из характеристик, отражающих *активность субъекта, эмоциональную оценку, категорию безопасности, смыслы, истинность*. Подобный результат свидетельствует о вычленении неких базовых структур образа жизни, связанных с непосредственной реализацией конкретных целей, мотивов и потребностей респондентов, вследствие чего субъективное ощущение

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

комфорта и самореализации в конкретных условиях становится более допустимым и возможным. Категория безопасности включает в себя условия среды, которые связаны с обеспечением жизнедеятельности респондентов – удовлетворение физиологических потребностей (еда, вражда, дружба, комфорт, дискомфорт, опасность, безопасность), сложные климатогеографические условия жизнедеятельности способствуют актуализации базовых потребностных компонентов, необходимых для обеспечения жизненного плана. Для респондентов ЭГ1 в меньшей степени свойственна реализация ядерных характеристик образа жизни, им свойственна дефициарность реализуемых базовых аспектов образа жизни, вследствие чего может возникать неудовлетворенность собой и средой и более выраженное стремление к изменениям в субъективной картине жизненного пути.

В исследовании показана обусловленность индивидуального образа жизни пространственно-временными характеристиками (хронотопами) респондентов. Для первой группы респондентов базовым параметром в оценке образа жизни выступает *Позитивное прошлое* (прошлое встроено в ядерные конструкты образа жизни), что может свидетельствовать о наличии у респондентов особых механизмов временной децентрации. Временной центр респондентов ЭГ1 смещен в хронологическое прошлое, вследствие чего текущее событие может переживаться как будущее (ждал чего-то). Для лиц, представляющих вторую группу, характерно простраивание актуальных связей, ведущих из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее. Механизм временной децентрации явно не представлен.

Таким образом, специфика образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях, определяется совокупностью базовых параметров (активностью самого индивида, его мотивами, оценкой среды проживания, системой реализуемых им деятельностей и пр.), вместе с тем одним из ведущих параметров выступает пространственно-временная структура образа жизни. Данное исследование не претендует на новое методологическое значение в отношении исследования образов жизни и образа мира, а лишь намечает новые пути в изучении указанного феномена и несколько расширяет представления о формировании индивидуальных образов жизни. Описание специфики индивидуальных образов жизни и поиск детерминант взаимовлияния образов жизни и образов мира позволят в большей степени приблизиться к описанию конкретной содержательной специфики индивидуальных образов мира, что является важным шагом в решении одной из основных задач психологии – описанию субъективного мира человека.

Литература

1. Ядов В. А. Взаимосвязь социологических и социально-психологических подходов к исследованию образа жизни // Психология личности и образ жизни / отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 89–93.
2. Кумейкина О. В. Эвристический потенциал категории «образ жизни» в психологических исследованиях // Сб. науч. тр. Сев.-Кавк. государственного технического университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2005. № 2. С. 137–140.
3. Попова О. Н. Проблематизация определения характеристик сбалансированности временной перспективы личности // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 85–99. DOI: 10.17223/17267080/69/5
4. Сайко Э. В. Картина мира как условие организации жизнедеятельности человека и как познавательный конструкт // Мир психологии. 2017. № 2. С. 3–11.
5. Вербицкий Р. Ю. Социальные представления как предмет социальной психологии // Вестник университета. 2015. № 11. С. 311–315.
6. Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.
7. Даненова Д. Б. Трансформация образа жизни и образа мира как психоисторическая проблема: дис. … канд. психол. наук. Караганда, 2001. 189 с.
8. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. I. 392 с.
9. Состояние и основные тенденции развития образа жизни советского общества / отв. ред. И. Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980. 197 с.
10. Парыгин Б. Д. Советский образ жизни и социально-психологические проблемы формирования личности. М.: Мысль, 1975. 233 с.
11. Социальная психология. Краткий очерк / под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. 231 с.
12. Столин В. В., Наминач А. П. Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 34–46.
13. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
14. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1973. 328 с.
15. Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 78–90.
16. Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. № 4. С. 109–119.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

17. Серкин В. П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) и северный невроз // Уч. зап. кафедры психологии СМУ. Магадан: Кордис, 2001. Вып. 1. С. 113–118.
18. Серкин В. П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20–23.
19. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. Магадан: Изд-во сев. ун-та, 2005. 331 с.
20. Серкин В. П. Профессиональные, региональные и этнокультурные особенности образа мира и образа жизни // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2014. С. 51–63.
21. Весна Е. Б., Кулик А. А. Особенности картины мира подростков, переживших землетрясение. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 195 с.
22. Серкин В. П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2017. 318 с.
23. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85–106.
24. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2008. 267 с.
25. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 1984. № 4. С. 13–21.
26. Марцинковская Т. Д., Голубева Н. А., Юрченко Н. И. Картина мира, образ мира, представления о мире: константы и трансформации понятия и содержания // Мир психологии. 2017. № 2. С. 20–33.
27. Марцинковская Т. Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. Режим доступа: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html (дата обращения: 25.02.2020).
28. Толстых Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 545 с.

Lifestyle of People Living in Harsh Climatic and Geographical Conditions

Anastasia A. Kulik [a, @]

[a] V. Bering Kamchatka State University, Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky

[@] anastasija81@yandex.ru

Received 28.02.2020. Accepted 19.03.2020.

Abstract: The goal of the present empirical study was to describe the lifestyle of people who have to live in harsh climatic and geographical conditions. The research featured the people of Kamchatka and involved several stages. During the first stage, the author obtained descriptive characteristics of the environment in question based on self-reports of respondents. The interviewed included those satisfied with their living conditions and those willing to leave Kamchatka. The lifestyle features were grouped into the differential assessment of environmental characteristics and the factors that directly affect the construction of one's individual lifestyle, e.g. climate, or the so-called geophysical factor, society, household, economy, etc. During the second stage, the author identified the nuclear and peripheral lifestyle structures typical of individuals that have to live in harsh conditions. The nuclear lifestyle structure consisted of characteristics that reflected activity, emotional assessment, safety, meanings, and truth. These features were associated with the direct implementation of specific goals, motives, and needs. The content and structural components of one's lifestyle appeared to be affected by one's chronotopes, or space-time structures. A time construct proved to build itself into one's individual lifestyle, which led to a special type of constructing relationships heading from the past to the present and the future. This specific feature also determined the assessment of one's life activities.

Keywords: world image, extreme living conditions, chronotope, time perspective, life path

For citation: Kulik A. A. Lifestyle of People Living in Harsh Climatic and Geographical Conditions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 139–151. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

References

1. Yadov V. A. The relationship of sociological and socio-psychological approaches to the study of lifestyle. *Psychology of personality and lifestyle,* ed. Shorokhova E. V. Moscow: Nauka, 1987, 89–93. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

2. Kumeikina O. V. The heuristic potential of the lifestyle category in psychological research. *Sb. nauch. tr. Sev.-Kavk. gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"*, 2005, (2): 137–140. (In Russ.)
3. Popova O. N. Characteristics of the time perspective balance of the personality. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal,* 2018, (69): 85–99. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/69/5
4. Sayko E. V. The picture of the world as a condition for the organization of human life and as a cognitive construct. *Mir psikhologii*, 2017, (2): 3–11. (In Russ.)
5. Verbitskiy R. Yu. Social representations as a subject of social psychology. *Vestnik universiteta*, 2015, (11): 311–315. (In Russ.)
6. Smirnov S. D., Chumakova M. A., Kornilova T. V. The world image in dynamic control of uncertainty. *Voprosy psikhologii,* 2016, (4): 3–13. (In Russ.)
7. Danenova D. B. *The transformation of lifestyle and lifestyle as a psychohistorical problem.* Cand. Psychol. Sci. Diss. Karaganda, 2001, 189. (In Russ.)
8. Leontiev A. N. *Selected psychological works.* Moscow: Pedagogika, 1983, vol. I, 392. (In Russ.)
9. *The state and main trends in the development of the lifestyle of Soviet society*, ed. Levykin I. T. Moscow.: ISI AN SSSR, 1980, 1974. (In Russ.)
10. Parygin B. D. *Soviet lifestyle and socio-psychological problems of personality formation*. Moscow: Mysl, 1975, 233. (In Russ.)
11. *Social psychology. Short essay*, eds. Predvechnyi G. P., Sherkovin Iu. A. Moscow: Politizdat, 1975, 231. (In Russ.)
12. Stolin V. V., Naminach A. P. The psychological structure of the image of the world and the problems of new thinking. *Voprosy psikhologii*, 1988, (4): 34–46. (In Russ.)
13. Lomov B. F. *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka, 1984, 444. (In Russ.)
14. Rubinshtein S. L. *Being and consciousness.* Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1973, 328. (In Russ.)
15. Serkin V. P. Professional specificity of world image and lifestyle. *Psikhologicheskii zhurnal,* 2012, 33(4): 78–90. (In Russ.)
16. Serkin V. P. World image and life's mode interrelation. *Mir psikhologii,* 2009, (4): 109–119. (In Russ.)
17. Serkin V. P. Life scenarios of northerners and their impact on decision-making. *Kolyma*, 1997, (4): 20–23. (In Russ.)
18. Serkin V. P. Deferred life neurosis and northern neurosis. *Scientific notes of the Department of Psychology of Northern Magadan University.* Magadan: Kordis, 2001, iss. 1, 113–118. (In Russ.)
19. Serkin V. P. *World image and lifestyle.* Magadan: Izd-vo sev. un-ta, 2005, 331. (In Russ.)
20. Serkin V. P. Professional, regional, and ethnocultural features of world image and lifestyle. *Images, traditions and culture of interethnic peace and harmony*, ed. Karnyshev A. D. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014, 51–63. (In Russ.)
21. Vesna E. B., Kulik A. A. *Features of the worldview of teenage earthquake survivors.* Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU im. Vitusa Beringa, 2013, 195. (In Russ.)
22. Serkin V. P. *Psychosemantics.* Moscow: Iurait, 2017, 318. (In Russ.)
23. Sircova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. Zimbardo's time perspective methodology. *Psikhologicheskaia diagnostika,* 2007, (1): 85–107. (In Russ.)
24. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psychological time of the personality.* Moscow: Smysl, 2008, 267. (In Russ.)
25. Petukhov V. V. The world image and the psychological study of thinking. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1984, (4): 13–21. (In Russ.)
26. Martsinkovskaya T. D., Golubeva N. A., Yurchenko N. I. The picture of the world, the image of the world, ideas about the world: constants and transformations of concepts and contents. *Mir psikhologii,* 2017, (2): 20–33. (In Russ.)
27. Martsinkovskaya T. D. Internal form of psychological chronotope: approaches to the problem. *Psychological research,* 2017, 10(54). Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html (accessed 25.02.2020). (In Russ.)
28. Tolstykh N. N. *Development of the temporal perspective of the individual: cultural and historical approach.* Dr. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2010, 545. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

оригинальная статья
УДК 159.9.01

Структурно-содержательный анализ экзистенциальной теории в ее значении для практики психологического консультирования

Надежда Ю. Куценко [a]; Ирина В. Ярославцева [b, @]

[a] Байкальский государственный университет, Россия, г. Иркутск

[b] Иркутский государственный университет, Россия, г. Иркутск

[@] ya-irk@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.02.2020. Принята к печати 02.03.2020.

Аннотация: На основании современных исследований, посвященных теоретическим и методологическим проблемам психологии, в статье предпринята попытка анализа структуры и содержательной специфики экзистенциальной теории. Структура теории представлена в рамках концепции А. В. Юревича, содержательная специфика – в контексте экзистенциальной и феноменологической философской традиции. В структуре экзистенциальной психологической теории проанализированы три элемента: центр (общий образ психологической реальности, центральная категория, соответствующий феномен, набор основных понятий, система отношений между ними, базовые утверждения); периферия (теоретический и эмпирический компоненты) и неявная часть. Показано, что общий образ психологической реальности теории задается концептом *Dasein*, центральной категорией выступает *экзистенция*. Особое внимание уделено набору основных понятий, базовым и вспомогательным утверждениям. При этом в качестве базовых утверждений теоретической части экзистенциального подхода в статье представлены ключевые положения и принципы экзистенциализма, выдвинутые Ж.-П. Сартром, в качестве вспомогательных – утверждения, соответствующие главным положениям творчества А. Камю, В. Франкла. Экзистенциальная теория рассмотрена в свете ее концептуального становления: от феноменологии Э. Гуссерля до современной психологии. Авторы предполагают, что становление экзистенциальной теории способствовало развитию экзистенциальной традиции в практике психологического консультирования.

Ключевые слова: экзистенциализм, феноменология, Dasein, экзистенция, бытие, свобода, ответственность

Для цитирования: Куценко Н. Ю., Ярославцева И. В. Структурно-содержательный анализ экзистенциальной теории в ее значении для практики психологического консультирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 152–162. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

Введение

Несмотря на активное развитие психологии как науки, характер ее парадигмального статуса так и остается неопределенным, поэтому внимание ученых сконцентрировано сегодня вокруг вопросов методологического характера. Постановка и попытки решения данных вопросов влекут за собой проблемы, связанные с развитием прикладной психологии, которая в свете широкого арсенала инструментов остро нуждается в теоретико-методологических обоснованиях тех техник, методов и подходов, которые использует. В свою очередь, существующая в психологическом консультировании тенденция перехода к экзистенциально ориентированной практике требует предметного анализа теоретических оснований экзистенциальной традиции в психологии [1; 2]. Такая тенденция исторически и социально обусловлена: человечество сегодня находится в той ситуации, которая определяет рождение вопросов, поднимаемых психологами и психотерапевтами всего мира – вопросов, связанных с проявлением человеческой экзистенции. В обозначенном социально-историческом контексте современный человек все чаще нуждается в квалифицированной психологической помощи, оказать которую может специалист, глубоко понимающий специфику того подхода, в рамках которого работает. Экзистенциально ориентированному психологу-консультанту необходимо осознавать суть категориального аппарата, глубину методологии, видеть структуру экзистенциального подхода и его специфику, чтобы эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность.

Анализ научных источников подтверждает рост интереса исследователей к экзистенциальной традиции в практике психологического консультирования. При этом современные ученые достаточно разносторонне освещают все грани экзистенциализма, его сущность и взаимодействие с другими подходами, однако философско-методологического осмысления традиции и работ, нацеленных на определение структуры и содержательной специфики экзистенциальной теории, в настоящее время нет. Актуальность обращения к экзистенциальной традиции в рамках психологической практики становится очевидной.

Цель настоящей работы видится в структурно-содержательном анализе экзистенциальной теории в ее значении для практики психологического консультирования.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

На основании существующих исследований в области теории и методологии психологии и с опорой на философский контекст возникает необходимость:

- определить центр экзистенциальной теории;
- проследить процесс становления базовой категории теории;
- выявить набор основных понятий и утверждений, составляющих содержание экзистенциальной теории;
- представить структуру экзистенциальной теории.

Необходимо отметить, что изучение строения и специфики научных теорий – одна из актуальных проблем современной методологии науки. В свое время среди зарубежных исследований наибольшую популярность приобрели концепции постпозитивистов: И. Лакатоса и М. Полани. Концепция научно-исследовательских программ (НИП) И. Лакатоса дополнила и развила доктрину К. Поппера о фальсифицируемости теории [3]. Концепция личностного (неявного) знания, выдвинутая британским ученым М. Полани, основанная на исследованиях внутриличностной коммуникации, предложила альтернативу классическому идеалу «беспристрастности исследователя» [4].

Из отечественных ученых в контексте обозначенной проблемы следует отметить вклад в развитие философии науки советского и российского философа, методолога науки В. С. Степина [5; 6]. Одним из главных достижений отечественной философии науки является разработанная В. С. Степиным концепция генезиса и структуры научной теории, а также концепция типов научной рациональности. Применительно к психологии свой взгляд на стандартную структуру психологических теорий предложил российский ученый А. В. Юревич, опираясь на разработки И. Лакатоса, М. Полани и В. С. Степина [7–9]. Значительный вклад в решение методологических проблем современной отечественной психологии вносят исследования О. А. Артемьевой [10; 11].

В попытке представить структуру и содержательную специфику экзистенциальной психологической теории мы будем опираться на исследования А. В. Юревича, посвященные теоретическим и методологическим проблемам психологии. В структуре психологической теории исследователь выделяет три элемента: центр, периферию и неявную часть. Для сравнения: И. Лакатос выделял в научной теории жесткое ядро (основа НИП) и защитный пояс (сумма вспомогательных теорий); В. С. Степин – фундаментальную теоретическую схему (взаимосогласованную систему категорий) и вспомогательные теоретические схемы.

Методология исследования

Методология исследования определена в соответствии с представленными ниже классическими и современными научными подходами.

Уровень философской методологии. Поскольку исследуемая проблема находится в области пересечения психологического и общефилософского знания, основой методологического аппарата работы будет философский уровень, представленный мировоззренческими установками и наиболее общими принципами познания мира (принципами всесторонности, детерминизма, объективности, развития, диалектизма). Структурно-содержательный анализ экзистенциальной теории проведен с помощью диалектического метода, позволяющего выявлять причинно-следственные связи, объективность в оценивании действительности, процессы интеграции и дифференциации и т. д.

Уровень методологии общенаучных принципов исследования (общая методология научных исследований). Данный уровень представлен универсальными принципами, средствами и формами научного познания. Применительно к предмету настоящей работы использовались следующие группы общенаучных методов:

1. Организационно-стратегические:

A. *Метод системного анализа.* Данный метод подразумевает комплексное исследование предмета как единого целого:

- предмет исследования рассмотрен как множество элементов (категорий, утверждений и т. д.), взаимосвязь которых предопределяет целостность экзистенциальной теории;
- выявлены связи внутри исследуемого предмета (например, устойчивая связь категорий в рамках экзистенциальной теории).

B. *Комплексный метод анализа,* позволивший рассмотреть траекторию развития экзистенциальной традиции через философский контекст.

C. *Структурно-функциональный метод.* Структура экзистенциальной теории определена с помощью структурно-функционального метода, позволившего посмотреть на предмет исследования как на системно организованную структурную целостность, где каждый элемент имеет определенное функциональное значение.

2. Методы получения научных данных:

A. *Источниковедческий метод.*

B. *Библиографический метод.*

Данные методы позволили изучить и провести сравнительно-сопоставительный анализ литературы по проблеме исследования.

C. *Метод терминологического анализа.* Данный метод реализуется через изучение этимологии терминов, истории их вхождения в научный аппарат. В рамках настоящего исследования проведен анализ базовых категорий экзистенциального подхода в психологическом консультировании, на почве которых выстроена структура теории. Это такие категории, как бытие, экзистенция, свобода, ответственность и т. д.

D. *Метод текстологического анализа,* с помощью которого были проанализированы ключевые для понимания экзистенциальных принципов тексты (выявлены базовые утверждения Ж.-П. Сартра, ключевые категории и т. д.).

3. Методы обработки, интерпретации и объяснения полученных данных:

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

А. *Методы обработки полученных данных*: метод обоснованной теории. С помощью данного метода и с опорой на исследования А. В. Юревича была представлена структура экзистенциальной теории. В данном случае произведено качественное осмысление материала (текстов Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Хайдеггера и др.).

В. *Методы интерпретации полученных данных:*

- историко-генетический метод;
- стратификационный метод.

Данные методы позволили построить уровневую модель экзистенциальной теории.

Результаты

Как было отмечено выше, в структуре психологической теории А. В. Юревич выделяет три элемента: центр, периферию и неявную часть. К центральному элементу психологической теории А. В. Юревич относит общий образ психологической реальности, центральную категорию, соответствующий феномен, набор основных понятий, систему отношений между ними («сетку отношений» в терминологии В. С. Степина), базовые утверждения. В периферической области А. В. Юревич выделяет теоретический и эмпирический компоненты, в неявной части – личностный и надличностный составляющие научного знания.

Центр экзистенциальной психологической теории

Общий образ психологической реальности. Общий образ психологической реальности задается, как утверждает А. В. Юревич, через центральную категорию, которая «списывается» с феномена. Часто ключевая категория и феномен совпадают, например, в теории деятельности: деятельность – это и центральная категория, и феномен. В других случаях два эти компонента не совпадают, но тесно взаимосвязаны, например, в когнитивизме: центральная категория – образ, феномен – мышление. В применении к экзистенциальному подходу (его теоретическим постулатам) можно предположить, что центральной категорией выступит экзистенция, феноменом – переживание. Общий образ психической реальности тогда также можно обозначить понятием *Dasein*. Данное понятие буквально переводят как *находящийся здесь человек*; в экзистенциальной психологии и психотерапии понятие *Dasein* определяет конкретное бытие человека, бытие в экзистенции.

Следуя логике А. В. Юревича, можно выстроить типовую траекторию развития теоретической базы экзистенциального подхода:

1. Осознание важности самого феномена – переживаний каждой отдельной личности. То есть не на поведение (бихевиоризм), не на бессознательное (психоанализ) обращают внимание исследователи, а на то, что в конкретное время / конкретном месте переживает человек. Впервые такой акцент был сделан в рамках феноменологических исследований [12; 13].

2. Формирование соответствующей категории. В философских трудах обосновывается понятие *экзистенция*. Именно оно перерастает в ключевую категорию, определяющую экзистенциальную традицию в психологии.

Содержание центральной категории. Центральной категорией является экзистенция – онтологическая категория, в общем виде означающая «существование человека» (лат. *exsistentia*, от глагола *ex-sisto*, *ex-sistere* существовать, обнаруживать себя, становиться).

Именно экзистенциальная традиция в лице самых значимых ее представителей, начиная с С. Кьеркегора, будет активно «сопротивляться» господствующим установкам своего времени, делая акцент на экзистенции, т. е. на существовании, а не на сущности («Существование предшествует сущности»). С. Кьеркегор утверждал, что отождествлять объективную истину и реальность – иллюзия: «Истина существует только для отдельного индивида и в той мере, в какой он сам создает ее в своем действии» [цит. по: 14, с. 99]. Психология же, заключенная в рамки сущностного подхода, исключает из поля своего зрения реального человека. По своей сути это научная психология, способная работать с отвлеченными понятиями и совершать открытия в определенных областях. Но она не применима к работе с конкретным человеком, например в рамках консультирования. Здесь возникает серьезная проблема, которую Р. Мэй обозначил как «разрыв между абстрактной истиной и экзистенциальной реальностью живущего сейчас человека» [14, с. 101]. Возможно, именно экзистенциальный подход в психологии и пытается сегодня преодолеть этот разрыв. При этом психологи экзистенциальной традиции не отрицают важность изучения отдельных процессов психики человека, они лишь утверждают, что на их основе мы никогда не сможем понять живого человека: «Чем более исчерпывающее и точное определение вы дадите силам или влечениям, тем в большей степени вы будете говорить об абстракциях, а не о существовании живущего человека» [15, с. 17]. Современные мыслители и экзистенциально ориентированные психологи занимают позицию, прямо противоположную сущностному подходу. Сегодня утверждается мысль, что наука о человеке может изучать человеческие существа исключительно в их существовании, через призму субъективных переживаний, т. е. в их экзистенции.

Напомним, что слово *экзистенция* восходит к латинскому *exsistere*, что значит появляться, возникать, выделяться. Поэтому представители экзистенциального подхода и обращаются к человеку не как к комбинации статических механизмов, а как к постоянно проявляющей себя экзистенции: к переживанию конкретным человеком своей тревоги, одиночества, страха, отчуждения. Как отмечает А. Лэнгле, экзистенциализм – это положение о том, что человек всегда чуть больше, чем то, что представляет собой. В этом смысле психология становится близка философским принципам, что вовсе не делает ее антинаучной, а лишь указывает

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

на существующую возможность и умение выйти за пределы строго установленных научных рамок и технических приемов. Психологи экзистенциальной традиции в первую очередь исходят из того факта, что перед нами человек, которому «случилось существовать» [14, с. 99], и если мы не будем учитывать этот момент, то все, что мы узнали о человеке с помощью различных методик и техник, просто утратит свое значение.

У А. Лэнгле есть термин «диалогическая реальность экзистенции» [16–18], который означает, по сути, взаимообмен человека с реальностью. Человек всегда должен быть открыт миру (по А. Лэнгле *открытость* – одна из качественных характеристик экзистенции), что проявляется в возможности личности отвечать на те вопросы, которые ставит жизнь. В связи с этим одной из задач экзистенциально ориентированного психолога будет помощь человеку в обнаружении этой реальности. По мнению А. Лэнгле, осуществить экзистенцию означает обрести внутреннее согласие: сказать «да» по отношению к четырем сферам бытия: миру, жизни, бытию самим собой и смыслу [17, с. 91].

3. Следующий шаг типовой траектории развития теоретической базы экзистенциального подхода – «растягивание данной категории на всю психологическую реальность» [9, с. 6]. Применительно к экзистенциализму – экзистенция становится той категорией, сквозь призму которой изучают / определяют человека и работают с ним (в том числе в процессе психологического консультирования). Впервые это происходит в рамках феноменологической психиатрии [19; 20]. Далее категория переходит в терминологический аппарат психологии и берется на вооружение всеми экзистенциально ориентированными психологами.

Процесс становления базовой категории в экзистенциальном подходе можно представить в виде схемы (рис.).

4. Последним пунктом развития теории А. В. Юревич отмечает «утрату» категорией своей первоначальной отнесенности к феномену, некое «размывание» их связи. Данного процесса, на наш взгляд, пока не происходит, возможно, по причине возрастающего интереса к этой традиции в психологии.

Набор основных понятий. Как правило, набор основных понятий (терминологический аппарат) различных психологических теорий в какой-то мере пересекается. Это вполне естественно, поскольку теории, несмотря на их зачастую значительную дистанцированность, относятся к одной науке. Тем не менее понятийные аппараты психологических теорий, хотя и пересекаются, «никогда полностью не совпадают друг с другом» [9, с. 6]. Именно поэтому А. В. Юревич считает основные понятия любой психологической теории ее специфическим признаком.

Безусловно, терминологический аппарат будет всегда подчинен центральной категории, в нашем случае – понятию *экзистенция*. Определяя иерархию основных понятий и сетку отношений между ними, мы будем исходить из фундаментальной базы экзистенциального подхода – феноменологии и философии экзистенциализма. Именно эти два источника, как известно, в значительной степени сформировали категориальный аппарат не только экзистенциального подхода, но и всей гуманитарной парадигмы в психологии. Таким образом, те понятия, которые экзистенциальные мыслители (в первую очередь С. Кьеркегор, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и А. Камю) выводят в своем творчестве (в базовых утверждениях) как основные, составят вершину понятийного аппарата теоретической части экзистенциального подхода в психологии. В свою очередь, понятия, пересекающиеся с тезаурусами других теорий, будут представлены в основании. Разберем ключевые понятия.

Бытие. Одно из фундаментальных понятий, лежащих в основании экзистенциального подхода. Сразу следует сказать о критических реакциях на вхождение категории *бытие* в область психологии. В частности, упомянем критику польского психиатра и философа А. Кемпински, который пишет о том, что экзистенциализм в психологии – это всегда «слишком громкие слова о человеке», высокопарность, непонятный язык и морализаторство [21]. Критически настроен и К. Роджерс: по его мнению, термины *бытие* и *небытие* неприемлемы в психологии, поскольку являются философскими терминами и не поддаются никакой проверке [22].

Однако современные представители психотерапии и психологического консультирования (в частности, И. Ялом и А. Лэнгле) говорят о все большем «узаконивании» категории бытия в психологическом аппарате.

Рис. Процесс становления базовой категории в экзистенциальном подходе
Fig. Establishment of the basic category within the existential approach

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

Подобный же взгляд излагал в свое время Р. Мэй: «я берусь утверждать, что без понятий "бытие" и "небытие" мы не сможем понять даже самые распространенные психологические механизмы. Возьмем, например, перенос и вытеснение. Обычные обсуждения этих терминов неубедительны, психологически беспочвенны, повисают в воздухе именно потому, что мы испытываем недостаток в базовой структуре, на которой они могут быть обоснованы» [15, с. 19]. Далее у автора мы встречаем мысль, что «бытие можно рассматривать как уникальную совокупность возможностей человека» [15, с. 21]. В другой работе Р. Мэй пишет, что понять динамизмы, поведенческие паттерны и т. д. невозможно без осознания, что мы имеем дело с человеком, которому случилось «существовать, быть». И без этого осознания все наше знание о человеке теряет смысл: экзистенция всегда соотносится с бытием, становлением [20]. Подобная точка зрения отражена в работах А. Лэнгле.

Следовательно, можно утверждать, что основополагающей базовой категорией экзистенциального подхода в современном психологическом консультировании будет являться *бытие*. Таким образом, экзистенциальный подход напрямую связан с онтологией. Как говорит И. Ялом, «забвение бытия означает жизнь в мире вещей, погружение в жизненную рутину, …сознавая бытие, человек сосредоточен не на "как", а на "что" – не на свойствах и оценках вещей, а на том, что эти вещи есть, что они обладают бытием» [23, с. 37]. Этот модус существования И. Ялом и называет онтологическим, жить так – не только сознавать свое бытие, но и ответственность за него.

Свобода и ответственность. Следуя за философией экзистенциализма, определяющей человека как свободное существо, экзистенциальный подход понимает человека исключительно в таком ключе: «с экзистенциальной точки зрения мы понимаем действительность человека не как долженствование, не как принуждение; действительность человека не является полностью предопределенной, в своей глубине она основана на свободе» [17, с. 5]. Такой взгляд и будет являться исходной посылкой экзистенциального подхода в психологическом консультировании. Отсюда следует определенная методологическая установка (назовем это так): экзистенциально ориентированный консультант относится к любому человеку как к уникальной личности, отдельному миру, всегда сохраняет «благоговение перед конкретным человеком и его жизнью» [17].

Как известно, с точки зрения мыслителей, которых мы относим сегодня к экзистенциальной традиции (А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Бубер и др.), единственное существо в этом мире, «обделенное» конкретным местом, целью и предназначением – это человек. В какой-то степени он противостоит своей свободой природе. Известное высказывание Ж.-П. Сартра «существование предшествует сущности» вскрывает все торжество и одновременно трагедию человека: только он выстраивает линию своей жизни, раскрашивает ее яркими или мрачными красками, обрекает себя на духовные скитания или поиск гармонии. «Человек – проект самого себя» – гласит экзистенциализм, наделяя нас правом выбора и обрекая на беспомощность все детерминистические концепции, в том числе и в психологии.

Решая задачи данного исследования, мы не можем рассматривать категорию свободы вне ответственности, поскольку в экзистенциальном контексте эти понятия сопряжены. Когда Ж.-П. Сартр писал, что «Быть ответственным значит быть неоспоримым автором события или вещи», он имел в виду как раз свободу человека [цит. по: 23, с. 245]. Осознавать ответственность за свою жизнь, свои поступки, судьбу, за свои чувства, мысли и страдания – и значит с точки зрения экзистенциализма переживать свободу. Как пишет И. Ялом: «На самом глубоком уровне ответственность объясняет существование» [23, с. 245].

Экзистенциализм, а вслед за ним и экзистенциальный подход в психотерапии и психологическом консультировании наделяют человека полной ответственностью за свою жизнь, в том числе и за неспособность действовать, меняться, расти. Об этом говорят и пишут современные психологи, в частности И. Ялом и А. Лэнгле. Акцент в их работах сделан на принятии человеком персональной ответственности, что в современных условиях крайне сложно. Мы помним, что поиск свободы – одна из вечных тем человеческих стремлений. Однако сегодня, как отмечает И. Ялом, «Атрофия структурирующих социальных (и психологических) институтов привела нас к конфронтации с нашей свободой. Если нет правил, нет грандиозного проекта, ничего, что мы должны делать, – мы свободны делать то, что предпочитаем, …можно сказать, что сегодня, с ликвидацией маскировавших свободу атрибутов, с упразднением налагаемых извне структур, мы стали ближе, чем когда-либо, к переживанию экзистенциальных фактов жизни. Но мы не подготовлены; нагрузка оказывается слишком велика; тревога мощно требует разрядки, и мы, индивидуально и социально, вовлекаемся в неистовый поиск защиты от свободы» [23, с. 252]. Такими защитами, по мнению автора, будут компульсивность, перенос ответственности, отрицание ответственности («невинная жертва», например), избегание автономного поведения и т. д. [23].

Таким образом, экзистенциальный подход в психологическом консультировании ставит перед собой вполне философскую задачу: помочь человеку понять, не что ему следует делать, а что он действительно хочет делать. Как пишет И. Ялом: «Принятие ответственности – необходимая предпосылка терапевтического изменения. Пока человек верит, что его ситуация и его дисфория порождаются кем-то другим или некоторой внешней силой, – какой смысл стремиться к личностному изменению? Люди обнаруживают неистощимую изобретательность в нахождении путей избегания сознания ответственности» [23, с. 255].

В качестве заключения к вышесказанному следует еще раз вспомнить, что феноменологические принципы в экзистенциальном подходе будут определяющими. Поэтому

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

и свобода будет всегда восприниматься как исключительно субъективное переживание. Важно не то, воспринимают свободным или несвободным человека окружающие, важны и значимы сами по себе переживания: чувствует себя свободным человек или нет. Как пишет А. Лэнгле, эти переживания являются своего рода Я-критерием, позволяющим в рамках консультативного процесса делать определенные выводы. Однако всегда стоит помнить, что «пространство свободы необходимо учитывать, если мы имеем дело с человеком как экзистенцией. Это пространство, в котором человек несет за себя полную ответственность, лишить которой его не может даже терапевт» [15, с. 22].

Поскольку экзистенциальная традиция связана с такими онтологическими данностями, как бытие, свобода, ответственность, тревога и др., работа с клиентом не может быть кратковременной. На это указывают такие авторитетные исследователи и практикующие психотерапевты, как Р. Мэй, И. Ялом, А. Лэнгле. Следовательно, консультативный процесс не может быть полностью построен на экзистенциальных принципах. Мы можем говорить либо о психологическом консультировании с использованием экзистенциального подхода (и тогда сохраняются техники других психологических традиций), либо о долгосрочной терапии, полностью построенной на экзистенциальной традиции.

Базовые утверждения играют значимую для психологических теорий роль: они «развивают и систематизируют образ психической реальности, заданный центральной категорией, генерализуют содержащийся в ней объяснительный импульс и т. д.» [9, с. 7]. Полагаем, что в качестве базовых утверждений теоретической части экзистенциального подхода выступят ключевые положения и принципы экзистенциализма, выдвинутые Ж.-П. Сартром в работе «Экзистенциализм – это гуманизм» и ставшие своего рода лозунгом всей современной экзистенциальной традиции: «Существование предшествует сущности», «Человек обречен на свободу», «Человек есть проект самого себя», «Мы – это наш выбор», «Человек ответственен не только за себя, он отвечает и за всех людей». Напомним, что Ж.-П. Сартр – единственный мыслитель, который называл себя экзистенциалистом. И именно в его творчестве, как утверждает Р. Мэй, экзистенциализм был «достигнут в чистом виде» [15, с. 16].

В своей программной статье Ж.-П. Сартр критикует устоявшуюся в европейской культуре, в частности философии, мысль о том, что человеческая сущность предшествует существованию (критике подвергается философская традиция от Декарта до Канта). Мыслитель, однозначно определивший свои взгляды как «атеистический экзистенциализм», пишет: «если даже бога нет, то есть по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, по Хайдеггеру, человеческая реальность. Что это означает "существование предшествует сущности"? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется» [24, с. 323]. Так рождается известное утверждение Ж.-П. Сартра и экзистенциализма в целом: «Существование предшествует сущности». Р. Мэй писал об этом утверждении: «заявление Сартра действительно очень многое проясняет. Это крайняя форма утверждения принципа, согласно которому ни логика, ни математика, ни какая-либо система или язык, ни этика, ни религия не имеют какого-либо обоснования, за исключением того, что мы, люди, существуем прежде любой проблемы» [15, с. 45].

Далее в своей работе Ж.-П. Сартр говорит: «Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам... Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма» [24, с. 321]. Таким образом, мыслитель говорит о тотальной свободе и о выборе, который становится основой человеческого существования. «Мы – это наш выбор», утверждает мыслитель [24, с. 321].

Также одним из ключевых утверждений экзистенциальной традиции станет мысль Ж.-П. Сартра, что человек – это «проект самого себя» (учение Ж.-П. Сартра о миропроекте). Идею проекта, как известно, философ перенял у М. Хайдеггера, однако несколько иначе ее представил. Поскольку человек Ж.-П. Сартра изначально «обречен» на свободу, то и проект – его. То есть человек «выбирает» свою жизнь, и то, какой она будет, зависит от него. В применении к психотерапии (в нашем случае – психологическому консультированию) Ж.-П. Сартр утверждал, что необходимо «вскрыть» этот момент выбора, «выйти» на него. Роль консультанта, следовательно, – помочь клиенту это сделать.

Следует сказать о проекте в понимании М. Хайдеггера [25]. Для мыслителя бытие и человек не разделимы, однако выбор осуществляет бытие, не человек. Просто потому, что бытие всегда выше, больше человека. Если исходить из первоначальной трактовки проекта – точки выбора нет. Однако сартровское «Человек – проект самого себя» утвердилось в контексте многих аспектов современной антропологии. Слова самого Ж.-П. Сартра: «человек прежде всего существует, … человек – существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, …человек станет таким, каков его проект бытия… Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

за существование» [24, с. 322]. А мысль о том, что «Человек ответственен не только за себя, он отвечает и за всех людей», станет вторым принципом экзистенциализма [24].

Резюмируя вышесказанное, еще раз выделим пять ключевых утверждений, составляющих основу экзистенциальных идей Ж.-П. Сартра:

1. Существование предшествует сущности.
2. Человек обречен на свободу.
3. Человек есть проект самого себя.
4. Мы – это наш выбор.
5. Человек ответственен не только за себя, он отвечает и за всех людей.

Можно предположить, что именно эти слова французского мыслителя являются базовыми утверждениями теоретических основ экзистенциального подхода в психологическом консультировании. Как справедливо отмечает в своих работах Р. Мэй, высказывания Ж.-П. Сартра являются «судьбоносными», ибо «проливают свет на десятилетия и столетия исследований» [15, с. 45].

Периферическая область экзистенциальной психологической теории

Периферическая область любой психологической теории, по мнению А. В. Юревича, состоит из двух компонентов: теоретического и эмпирического.

Теоретический компонент – это вспомогательные утверждения теории, которые очень сложно вычленить из контекста гуманитарных работ: «Вспомогательные утверждения теорий в гуманитарных науках отличаются от частных теоретических схем точных наук прежде всего своей аморфностью и недостаточной упорядоченностью» [9, с. 8]. Тем не менее можно предположить, что вспомогательные утверждения в рамках экзистенциального подхода – это те теоретические установки, которые отличают каждого крупного мыслителя-экзистенциалиста. Следовательно, эти утверждения характеризуют субъективный взгляд мыслителя на экзистенциальные данности, но в целом вписываются в общую систему экзистенциализма, поскольку подчиняются его ключевым принципам. В качестве примера приведем утверждения, характеризующие творчество А. Камю и В. Франкла (табл. 1).

Эмпирический компонент. Говорить об эмпирической составляющей экзистенциального подхода довольно сложно: «Те, кто обращаются к работам по экзистенциальному анализу как к руководству по технике, будут разочарованы. Они не найдут там специально разработанных практических методов» [29, с. 184]. Дело в том, что отсутствие особого набора техник, эмпирических исследований и т. д. – своего рода отличительная черта экзистенциального подхода. Объясняется это сутью экзистенциализма: человек никогда не рассматривается сквозь призму некоего шаблона; перед консультантом всегда уникальное бытие. В данном случае уместно процитировать Р. Мэя, утверждающего, что экзистенциализм в психологии – это «способ понимания человеческого существования, и представители этого направления полагают, что одно из главных препятствий (если не самое главное) для понимания человека в западной культуре – это чрезмерный акцент на технике, который сопряжен с тенденцией воспринимать людей как объекты учета, управления, "анализа"» [29, с. 185].

Табл. 1. Вспомогательные утверждения (периферическая область) теоретической базы экзистенциального подхода в психологическом консультировании
Tab. 1. Supporting statements (peripheral area) of the theoretical basis within the existential approach in psychological counseling

Утверждения	Комментарии
• Абсурд рождается из столкновения человеческого разума и безрассудного молчания мира [26, с. 24]. • Если мы стремимся устоять среди абсурда, не подозревая при этом, что абсурд – это жизненный переход, отправная точка, экзистенциальный эквивалент методического сомнения Декарта [27, с. 2].	Абсурд – ключевое понятие творчества А. Камю. По мнению мыслителя, мир не является абсурдным, как не является абсурдным человек сам по себе. Абсурд возникает в тот момент, когда человек начинает «вопрошать», задаваться вопросами о мире. В данном случае можно провести такую параллель: человек «перед абсурдом» и человек в ситуации экзистенциального конфликта.
• Смысл не только должен, но и может быть найден [28, с. 38]. • Человек – это существо, которое всегда может сказать «нет» своим влечениям, … человек – это меньше всего продукт наследственности и окружения, человек – это существо, которое наряду со стремлением к наслаждению неудержимо стремится и к ценностям … Человек – это больше, чем психика, человек – это дух [28, с. 17].	В. Франкл считал, что смысл жизни объективен и может быть найден человеком. Поиск смысла жизни – это путь к душевному здоровью; утрата смысла – причина множества бед и болезней.

В европейской культуре до определенного времени бытовал тезис «понимание следует за техникой». Экзистенциальная традиция предлагает совершенно иную

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

установку: «Техника следует за пониманием» [29, с. 185]. Следовательно, набор техник всегда будет прямо подчинен основной задаче консультанта: понять клиента «как бытие и как бытие в собственном мире» [29, с. 185]. Без понимания, по Р. Мэю, любые техники бесполезны. Он утверждает, что в контексте экзистенциального подхода набор техник должен быть вариативным и гибким, меняющимся от клиента к клиенту, в зависимости от этапа работы с тем или иным человеком. «Это не эклектизм, подобная гибкость обязательно сопровождается ясным пониманием основ любого метода» [29, с. 187].

Наибольшее внимание при проведении консультативных сессий с использованием экзистенциального подхода уделяется созданию определенной атмосферы, основанной на качестве отношений, установленных в процессе работы между консультантом (психотерапевтом) и клиентом. Как правило, экзистенциально ориентированные психологи описывают ситуацию установления контакта и последующей работы с клиентом при помощи таких слов, как присутствие, аутентичность и преданность. Главным методом работы, безусловно, является беседа. Техники специалисты заимствуют из различных направлений, учитывая при этом их смысл для конкретной ситуации клиента. Например, из психоанализа: М. Босс задействовал в своей работе кушетку и метод свободных ассоциаций. Также консультанты работают с переносом, вытеснением, сопротивлением и т. д. [14]. Широко в консультировании применяются методы арт-терапии; из когнитивной терапии заимствованы технологии ведения дневника, «переоценка», «декатастрофизация», «целенаправленное повторение» и т. д.; из поведенческой психотерапии – ролевые тренинги и др.

Конечно, в работе с клиентами психологи-консультанты и психотерапевты применяют и собственно экзистенциальные техники. Эти техники обозначил и подробно описал (с большим количеством примеров-ситуаций) И. Ялом в своей работе «Экзистенциальная психотерапия» [23]. Представим их более наглядно (табл. 2).

Неявная область экзистенциальной психологической теории

В силу традиции, заложенной М. Полани в методологическую рефлексию науки, теории не исчерпываются центром и периферией. Поэтому А. В. Юревич выделяет т. н. неявную область и в психологических теориях. К неявной области исследователь относит все то, что М. Полани определял как личностное знание: «Любая теория, в особенности социогуманитарная, включает в себя множество неявных смыслов и имплицитных утверждений, понимание которых всегда индивидуально и осуществляется на уровне личностного знания, что и порождает главную причину расхождения смысловых полей при восприятии теории» [7, с. 81]. А. В. Юревич в неявном знании выделяет два компонента: личностный и надличностный. Личностный компонент состоит из понимания теории психологом-консультантом / исследователем личностных переживаний, образцов поведения, эмоций и т. д. Надличностный компонент – своего рода социальная надстройка над теорией, связанная в первую очередь с социально-культурным фактором, специфическим групповым знанием и т. д. Следовательно, определение и анализ неявной области возможны лишь в отношении конкретных практиков либо исследователей. То есть экзистенциальная психотерапия И. Ялома будет нести в себе одну неявную область, экзистенциальный анализ А. Лэнгле – другую и т. д.

Табл. 2. Экзистенциальные техники в консультировании
Tab. 2. Existential consulting techniques

Работа с осознанием смерти	Работа с ответственностью и свободой	Работа с изоляцией	Работа с бессмысленностью
1) «разрешение терпеть»: свободное обсуждение темы смерти; 2) работа с защитными механизмами; 3) работа со сновидениями; 4) использование вспомогательных средств для углубления осознания смерти (например, представить собственные похороны); 5) уменьшение сензитивности к смерти; 6) смысловая переоценка смерти	1) определение видов защиты и способов уклонения от ответственности; 2) идентификация уклонения от ответственности; 3) столкновение с ограничениями реальности; 4) противостояние экзистенциальной вине; 5) высвобождение способности хотеть; 6) фасилитация принятия решений (каждое действие предваряется выбором)	1) конфронтирование пациентов с изоляцией; 2) идентификация механизмов защиты; 3) идентификация межличностной патологии; 4) исцеляющие отношения	1) переопределение проблемы; 2) работа с преодолением тревожности; 3) вовлечение в жизнь; 4) аутентичные отношения *консультант – клиент*

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

Заключение

Отметим, что поставленная нами цель заключалась в структурно-содержательном анализе экзистенциальной теории в ее значении для практики психологического консультирования. В соответствии с поставленной целью была определена методология исследования.

Исходя из проведенного анализа можно утверждать, что экзистенциальная теория, наряду с другими теориями психологической науки (бихевиоризмом, когнитивной психологией, гуманистической психологией и т. д.), имеет свою структуру и содержательную специфику. Становление экзистенциальной теории в психологической науке способствовало формированию и развитию экзистенциальной традиции в теории и практике психологического консультирования.

Можно говорить о следующей структуре и содержании экзистенциальной теории в психологии:

1. Центр теории включает:
- Общий образ психологической реальности задается концептом *Dasein*, центральной категорией является *экзистенция*, соответствующим феноменом – переживание.
- Процесс становления базовой категории определяется нами следующей последовательностью:
  - феноменология Э. Гуссерля (определен феномен);
  - экзистенциальная философия (творчество Ж.-П. Сартра, А. Камю и др.);
  - психиатрия (К. Ясперс, Л. Бинсвангер): теоретическое обоснование категории и ее «вхождение» в практику;
  - психология: становление экзистенциального подхода в контексте различных направлений (с включением категории в терминологический аппарат науки).
- Набор основных понятий в рамках экзистенциальной теории подчинен основной категории. Далее в экзистенциальную теорию включены такие понятия, как бытие, свобода, ответственность и др.
- Базовые утверждения рассматриваемой теории, которыми можно считать программные высказывания Ж.-П. Сартра, поскольку именно он выступает в истории экзистенциальной мысли ключевым теоретиком основных положений экзистенциализма. Это такие утверждения, как «Существование предшествует сущности», «Человек обречен на свободу», «Человек есть проект самого себя» и др.

2. Периферическая область теории включает вспомогательные утверждения, соответствующие главным положениям творчества А. Камю, К. Ясперса, А. Лэнгле, В. Франкла и др. мыслителей (теоретический компонент). Эмпирический компонент рассматриваемой теории представлен нами набором экзистенциальных техник, предложенных И. Яломом в работе «Экзистенциальная психотерапия».

Экзистенциальная теория способствует развитию экзистенциальной традиции в практике психологического консультирования. Владение методологией экзистенциального подхода позволит психологу-консультанту эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность.

Литература

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
2. Леонтьев Д. А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3–15.
3. Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: Ермак, АСТ, 2003. 384 с.
4. Полани М. Личностное знание. М.: Книга по требованию, 2012. 342 с.
5. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.
6. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
7. Юревич А. В. «Методологический либерализм» и структура теорий в социогуманитарных науках // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. № 3. С. 62–83.
8. Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–37.
9. Юревич А. В. Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 5–13.
10. Артемьева О. А. Методологические основы изучения социально-психологической детерминации развития психологии. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 165 с.
11. Артемьева О. А. Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия: автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 2013. 45 с.
12. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
13. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций. СПб.: Гуманитарная академия, 2008. 224 с.
14. Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Теория и практика экзистенциальной психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. С. 88–132.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

15. Мэй Р. Возникновение экзистенциальной психологии // Теория и практика экзистенциальной психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. С. 5–48.
16. Лэнгле А. Воспринимать то, что трогает. Феноменология в практике экзистенциального анализа // Экзистенциальный анализ. 2009. № 1. С. 79–112.
17. Лэнгле А., Уколова Е. М., Шумский В. Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования. М.: Юрайт, 2018. 403 с.
18. Лэнгле А. Person: Экзистенциально аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2006. 159 с.
19. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. 272 с.
20. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.
21. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998. 320 с.
22. Роджерс К. Две противоположные тенденции // Теория и практика экзистенциальной психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. С. 76–83.
23. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2017. 576 с.
24. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
25. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
26. Камю А. Миф о Сизифе. М.: Астрель, АСТ, Neoclassic, 2011. 244 с.
27. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 416 с.
28. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Книга по требованию, 2012. 366 с.
29. Мэй Р. Вклад экзистенциальной психотерапии // Теория и практика экзистенциальной психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. С. 132–206.

Structural-Content Analysis of Existential Theory and its Value for Psychological Consulting

Nadezda Yu. Kutsenko [a]; Irina V. Yaroslavtseva [b, @]

[a] Baikal State University, Russia, Irkutsk

[b] Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

[@] ya-irk@yandex.ru

Received 03.02.2020. Accepted 02.03.2020.

Abstract: The present research was based on modern psychological studies. The article features the structure and contents of the existential theory. The structure of the theory is presented in the framework of the concept coined by A. V. Yurevich, while its contents are represented in the context of the existential and phenomenological philosophical traditions. The paper focuses on three elements in the structure of the existential psychological theory. The central one includes a generalized image of psychological reality, its central category, corresponding phenomena, basic concepts, the system of relations between them, basic statements, etc. The peripheral elements are represented by theoretical and empirical components. The third component features the implicit part. The generalized image of the psychological reality is represented by the concept of "*Dasein*", its central category being "the existence". The author described the basic concepts and auxiliary statements of the theory. The basic statements of the theoretical part of the existential approach are the key provisions and principles of existentialism as formulated by J.-P. Sartre. The auxiliary statements belong to A. Camus and V. Frankl. The authors clarify the conceptual formation of existential theory, starting with E. Husserl's phenomenology and moving on to modern psychology. The authors believe that the establishment of existential theory contributed to the development of the existential tradition in psychological counseling practice.

Keywords: existentialism, phenomenology, Dasein, existence, being, freedom, responsibility

For citation: Kutsenko N. Yu., Yaroslavtseva I. V. Structural-Content Analysis of Existential Theory and its Value for Psychological Consulting. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 152–162. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162

References

1. Leontyev D. A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality.* Moscow: Smysl, 2003, 487. (In Russ.)
2. Leontyev D. A. Existential approach in modern psychology of personality. *Voprosy psikhologii,* 2016, (3): 3–15. (In Russ.)
3. Lakatos I. *Methodology of research programs*. Moscow: Ermak, AST, 2003, 384. (In Russ.)
4. Polanyi M. *Personal knowledge*. Moscow: Kniga po trebovaniiu, 2012, 342. (In Russ.)
5. Stepin V. S. Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution. *Voprosy filosofii,* 2012, (5): 18–25. (In Russ.)
6. Stepin V. S. *Theoretical knowledge: structure, historical evolution.* Moscow: Progress-Traditsiia, 2000, 743. (In Russ.)
7. Yurevich A. V. "Methodological liberalism" and a theory structure in social and humanities sciences. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2006, 8(3): 62–83. (In Russ.)
8. Yurevich A. V. Psychology and methodology. *Psikhologicheskii zhurnal,* 2000, (5): 35–37. (In Russ.)
9. Yurevich A. V. Structure of psychological theories. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2003, 24(1): 5–13. (In Russ.)
10. Artemieva O. A. *Methodological foundations of the study of socio-psychological determination of the development of psychology.* Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2009, 165. (In Russ.)
11. Artemieva O. A. *Socio-psychological determination of domestic psychology as the formation and development of a collective subject of scientific activity in the first half of the XX century.* Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2013, 45. (In Russ.)
12. Husserl E. *Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book one. General introduction to pure phenomenology*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2009, 489. (In Russ.)
13. Husserl E. *The idea of phenomenology: five lectures.* St. Petersburg: Gumanitarnaia akademiia, 2008, 224. (In Russ.)
14. May R. Origins of the existential trend in psychology and its significance. *Theory and practice of existential psychology.* Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2017, 88–132. (In Russ.)
15. May R. The emergence of existential psychology. *Theory and practice of existential psychology*. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2017, 5–48. (In Russ.)
16. Längle A. To perceive that which touches. Phenomenology in the practice of existential analysis. *Ekzistentsialnyi analiz,* 2009, (1): 79–112. (In Russ.)
17. Längle A., Ukolova E. M., Shumsky V. B. *Modern existential analysis: history, theory, practice, research.* Moscow: Iurait, 2018, 403. (In Russ.)
18. Längle A. *Person: an existentially analytical theory of personality.* Moscow: Genezis, 2006, 159. (In Russ.)
19. Binswanger L. *Existential analysis.* Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2014, 272. (In Russ.)
20. Jaspers K. *General psychopathology.* Moscow: Praktika, 1997, 1056. (In Russ.)
21. Kępiński A. *Existential psychiatry.* Moscow: Sovershenstvo, 1998, 320. (In Russ.)
22. Rogers C. Two opposite trends. *Theory and practice of existential psychology.* Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2017, 76–83. (In Russ.)
23. Yalom I. *Existential psychotherapy*. Moscow: Nezavisimaia firma "Klass", 2017, 576. (In Russ.)
24. Sartre J.-P. Existentialism is humanism. *Twilight of the Gods.* Moscow: Politizdat, 1989, 319–344. (In Russ.)
25. Heidegger M. *Being and time.* Kharkov: Folio, 2003, 503. (In Russ.)
26. Camus A. *The myth of Sisyphus.* Moscow: Astrel, AST, Neoklassik, 2011, 244. (In Russ.)
27. Camus A. *Rebel man.* Moscow: Politizdat, 1990, 416. (In Russ.)
28. Frankl V. *Man in search of meaning.* Moscow: Kniga po trebovaniiu, 2012, 366. (In Russ.)
29. May R. Contribution of existential psychotherapy. *Theory and practice of existential psychology.* Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2017, 132–206. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

оригинальная статья
УДК 159.9

Образы представителей США и Китая у студенческой молодежи Владивостока

Егор Б. Марин [a, b, @, ID1]; Виталий В. Калита [c, ID2]

[a] Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского, Россия, г. Владивосток

[b] Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, филиал в г. Находка, Россия, г. Находка

[c] Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, г. Москва

[@] egor-marin@yandex.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-4557-7968

[ID2] https://orcid.org/0000-0003-0812-4254

Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к печати 11.03.2020.

Аннотация: Представлены результаты исследования образов *типичного американца* и *типичного китайца* в представлении российской молодежи на примере студентов университетов г. Владивосток. Реконструкция этностереотипов проводилась с применением метода психосемантики – вербальные ассоциации. Данные были обработаны с применением методов математической статистики. Выявлены значимые различия в представленности положительных и отрицательных личностных качеств *типичного китайца* и *типичного американца*, а также в наполненности категорий ассоциаций. В представлениях студентов о *типичном американце* проявились как положительные (коммуникабельность, активность, тактичность), так и отрицательные качества (лицемерие). Результаты работы показывают, что в сознании молодых россиян *типичный китаец* часто воспринимается как представитель некой деиндивидуализированной массы, внешне непривлекательный, громкий, с выраженными расовыми чертами. *Типичный китаец* характеризуется как трудолюбивый, умеренно общительный, проживающий в стране с коммунистическим режимом, яркой традиционной культурой и современной промышленностью. Американцы воспринимаются намного более индивидуализированными (что подтверждается количественным и смысловым анализом). Опрос выявил наличие противоречия между поверхностными и нередко негативными представлениями молодых людей о представителях Китая и необходимостью в положительном отношении к ним как представителям страны – стратегического партнера России в мире.

Ключевые слова: психосемантический метод, вербальная ассоциация, этнический стереотип, межкультурная коммуникация, представление, стереотипизация, толерантность

Для цитирования: Марин Е. Б., Калита В В. Образы представителей США и Китая у студенческой молодежи Владивостока // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 163–174. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

Введение

Своевременность настоящего исследования связана с ростом мобильности в глобальном мире. Российский Дальний Восток не остается в стороне от этих процессов. Поток иностранных туристов, трудовых мигрантов, студентов становится все более существенным. Немалое количество иностранных студентов выбирают университеты российских городов для учебы. В этом смысле Владивосток является одним из самых популярных в России мест для трансграничной образовательной мобильности.

Выбор для изучения образов *типичного американца* и *типичного китайца* в представлении российской молодежи связан с несколькими обстоятельствами. Прежде всего, с осуществившимся изменением вектора внешнеполитической ориентации России в последние годы. От ориентации на западные страны, такие как США, российское государство поворачивается к Востоку, в основном это касается отношений с Китаем. Настоящее исследование призвано ответить на вопрос: насколько представления российских молодых людей, их эмоциональные предпочтения соответствуют изменению глобальной ориентации России в мире. Реконструкция образов *типичного китайца* и *типичного американца* и анализ данных стереотипов позволяют понять, насколько молодежь российского Дальнего Востока готова к принятию новых партнеров по общению, в первую очередь представителей Китая, который быстро становится едва ли не главным геополитическим и геоэкономическим партнером России в мире. Кроме того, полученные данные будут полезны для выстраивания работы по взаимной адаптации российских и иностранных студентов в высших учебных заведениях. Студенты из Китая занимают первое место среди иностранных студентов в вузах российского Дальнего Востока.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

Методы и материалы

В теоретическом аспекте исследование опирается на ряд концепций зарубежных и отечественных авторов, в том числе на концепцию социального стереотипа У. Липпмана [1], теорию этноцентризма У. Самнера [2], теорию стереотипизации Г. Теджфела [3; 4], разработки С. Ивао и Г. Триандиса [5], С. Фиск и др. [6; 7]. В российской науке анализ этнических стереотипов проводился в трудах таких авторов, как Т. Г. Стефаненко [8], Г. У. Солдатова [9; 10], Л. Г. Почебут [11].

Кроме того, важный вклад в анализ этнических стереотипов внесли такие отечественные исследователи, как В. С. Агеев [12; 13], А. П. Миньяр-Белоручева [14], З. В. Сикевич [15], А. Н. Татарко и Н. М. Лебедева [16] и др. Различные аспекты межкультурных коммуникаций изучены в работах С. Д. Гуриевой [17; 18] и А. И. Донцова [19].

Анализ этнических стереотипов и межэтнических отношений ведется и на Дальнем Востоке России, эти вопросы изучаются в работах В. В. Калиты [20–22], Е. Б. Марина [20; 22; 23], М. А. Мельниковой [21]. Ими были выявлены значимые характеристики этнических стереотипов русских и китайцев, представлен анализ формирования этнических стереотипов у жителей дальневосточного приграничья (россиян и китайцев) [21]. В нашей недавней работе был представлен сравнительный анализ образов *типичного русского* и *типичного американца* в представлении студенческой молодежи Дальневосточного университета [23].

Исследование образов *типичного американца* и *типичного китайца* в представлении российской молодежи на примере студенческой молодежи Владивостока является логическим продолжением предыдущих исследований. Анализ представлений о себе и о партнерах по межкультурной коммуникации представляет собой своеобразный способ измерения межэтнических отношений.

Реконструкция образов *типичного китайца* и *типичного американца* была выполнена в рамках методологии психосемантического подхода – области психологического знания, изучающей генезис, структуру и специфику функционирования систем значений. Методы и техники психосемантики позволяют изучать различные формы существования значений, выявлять и описывать их мотивационные и эмоциональных детерминанты.

Теоретические основания психосемантики представлены в работах Л. С. Выготского [24], А. Н. Леонтьева [25], А. Р. Лурии [26], которые понимали *значение* как важнейшую единицу психического отражения и человеческого опыта. Результаты экспериментов по формированию житейских и научных понятий Л. С. Выготского послужили фундаментом построения методологии исследования значения.

В современной отечественной психосемантике также имеют место фундаментальные наработки. В. Ф. Петренко проведены исследования значений на словесном и образном уровнях, разработан ряд авторских методик (частных семантических дифференциалов) [27; 28]. А. Г. Шмелевым представлены исследования в области психосемантики личности [29].

В рамках прикладной и экспериментальной психосемантики разработаны различные эмпирические методы и процедуры исследования индивидуальных и групповых систем значений: техника семантического дифференциала Ч. Осгуда, техника репертуарных решеток Дж. Келли, метод сортировки с последующим кластерным анализом данных Дж. Миллера и др. Полный перечень психосемантических методик достаточно внушителен, например, В. П. Серкин насчитывает 18 наименований отдельных методик (техник) этой группы [30].

Базовые методы психосемантики позволяют выявить имплицитные категориальные структуры индивидуального и общественного сознания человека через построение модели семантического пространства оцениваемого стимула, что в конечном результате позволяет реконструировать картину мира, присущую как отдельному субъекту, так и группе (например, социальной, профессиональной или этнической). Методы психосемантики широко применяются для решения отраслевых задач этнической и кросскультурной психологии, психологии труда, политической психологии и др.

В настоящем исследовании из перечня психосемантических методик были применены: а) методика «изображения или описания слов, ситуаций, состояний, отношений» [30, с. 39] – модифицированная методика «пиктограмма»; б) метод группового ассоциативного эксперимента: классический вариант ассоциативного эксперимента – методика свободных вербальных ассоциаций.

Анализ содержания и набора выразительных средств графических изображений и качественного и количественного набора ассоциаций позволяют реконструировать широкий ассоциативный контекст оцениваемого стимульного ряда, построить модели стимулов на основе набора связанных с ним ассоциаций.

Статистический анализ результатов исследования (достоверность различий между частотой ассоциаций и пиктограмм по категориям образов *типичного американца* и *типичного китайца*) осуществлялся с помощью критерия углового преобразования Фишера (φ^*). Данный критерий позволяет оценить статистическую значимость различий выраженности изучаемого признака у двух выборок. Критерий Фишера использовался при критических значениях $\varphi^*_{крит}=1{,}64$ ($p\leq0{,}05$) и $\varphi^*_{крит}=2{,}31$ ($p\leq0{,}01$). С помощью критерия Фишера возможна проверка следующих гипотез: H_1 гипотеза – различия между выборками попадают в зону значимости на уровне $\rho=0{,}01$ или $p\leq0{,}05$; H_0 гипотеза – различия между выборками не попадают в зону значимости.

Организация исследования и выборка

Эмпирическое исследование проводилось в г. Владивосток на базе Дальневосточного Федерального университета и Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского в июне 2019 г. Сбор эмпирического материала осуществлялся С. А. Пакулиным – студентом направления подготовки 37.03.01 Психология.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

Были продиагностированы 6 групп студентов от 18 до 22 лет, обучающихся на различных гуманитарных, юридических и технических специальностях, таких как психология, конфликтология, юриспруденция, экономика и экология. Выборка испытуемых была преимущественно женская: соотношение численности юношей и девушек в выборке составило 1/3. Общая численность выборки – 80 студентов.

Результаты

Описание и анализ результатов ассоциативного эксперимента

Анализ групповых ассоциативных реакций позволил реконструировать образы *типичного китайца* и *типичного американца*. Классификация объектов, использованная нами ранее для описания этнических стереотипов [23] была модифицирована; была исключена неактуальная для данного материала категория *спиртные напитки* (получены только 1–2 ассоциации для каждого стимула).

На стимул *типичный американец* было получено 358 ассоциаций; на стимул *типичный китаец* – 313 ассоциаций (табл. 1). Сопоставимое по численности количество ассоциаций позволяет предполагать, что респонденты примерно в равной степени знакомы с оцениваемыми объектами. Прежде всего, можно отметить, что категории ассоциаций наполнены в целом симметрично. Ассоциации представлены во всех десяти категориях как на стимул *типичный американец*, так и на стимул *типичный китаец*.

Анализ смыслового содержания гетеростереотипов *типичный американец* и *типичный китаец* показал немало качественных различий (табл. 2).

При классификации ассоциаций в категорию *положительные личностные качества* были отнесены как безусловно положительные, так и нейтральные качества (например, актер). В представленной ниже таблице показаны групповые ассоциативные универсалии (табл. 2).

Табл. 1. Наполненность категорий ассоциаций, полученных на стимулы *типичный американец* и *типичный китаец*
Tab. 1. Contents of association categories regarding "a typical American" and "a typical Chinese"

№	Категория ассоциаций	Типичный американец (количество ассоциаций / %)	Типичный китаец (количество ассоциаций / %)
1	Государственная и коммерческая символика	56 / 15,6 %	27 / 8,7 %
2	Положительные личностные качества	71 / 20 %	28 / 9 %
3	Отрицательные личностные качества	14 / 4 %	65 / 20,8%
4	Отношение к людям	23 / 6,4 %	33 / 10,6 %
5	Отношение к труду и закону	8 / 2,2 %	32 / 10,3 %
6	Негативная символика	18 / 5 %	19 / 6,1 %
7	Пища и напитки	55 / 15,3 %	54 / 17,4 %
8	Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	53 / 14,8 %	15 / 4,8 %
9	Культурные объекты и атрибуты	43 / 12 %	14 / 4,5 %
10	Техника и здания	17 / 4,7 %	26 / 8,3 %
Всего		**358 / 100 %**	**313 / 100 %**

Табл. 2. Ассоциации респондентов: *типичный американец* и *типичный китаец*
Tab. 2. Associations regarding "a typical American" and "a typical Chines"

Категории ассоциаций	Типичный американец (ассоциация – количество)	Типичный китаец (ассоциация – количество)
Государственная и коммерческая символика	Флаг – 18, Apple – 9, доллар – 7, Трамп – 6, Нью-Йорк – 3, демократия – 3, Обама – 2, торговля – 2	Коммунизм – 8, флаг – 6, Али Экспресс – 5, Пекин – 4, армия – 2, Huawei – 2
Личностные качества	Положительные	
	Улыбчивый – 16, патриотизм – 10, актер – 4, веселый – 4, индивидуалист – 4, свободный – 4, серьезный – 4, состоятельный – 4, активный – 3, умный – 3, энергичный – 3, развитый – 2, яркий – 2, уверенный – 3	Любопытный – 6, эмоциональный – 3, патриотизм – 3, дипломатичный – 3, активные – 2, энергичный – 2, умный – 2, улыбчивый – 2 сдержанные – 2
	Отрицательные	
	Лицемерие – 3, пафос – 3, глупый – 4, невежда – 2	Хитрый – 6, неприятный – 4, неряшливый – 4, суетливый – 3, быстрая речь – 3, несерьезный – 3, безкультурный – 2

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

Категории ассоциаций	Типичный американец (ассоциация – количество)	Типичный китаец (ассоциация – количество)
Отношение к людям	Общительный – 10, толерантный – 8, доброжелательный – 4	Коллективные (коллективисты) – 13, общительный – 3, неприветливый – 3, добрый – 2, приветливый – 3, дружелюбный – 2
Отношение к труду и закону	Трудолюбивый – 4, карьера – 2, пунктуальный – 1	Трудолюбивые – 18, многофункциональные – 1
Негативная символика	Наркотики – 11, Ку-клукс-клан – 3, санкции – 2	Толпа – 12
Пища и напитки	Фастфуд – 43, кока-кола – 10	Рис – 18, лапша – 17, кухня – 11, острая еда – 8, странная еда – 3, Габажоу – 2, специи – 2, доширак – 2
Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	Чернокожий – 8, толстый – 11, ковбой – 5, модный – 5, белые – 4, стильный – 4, костюм – 3, индейцы – 2, свободная одежда – 4, Гриффин – 2	Громкие – 25, низкие – 19, узкие глаза – 14, желтая кожа – 6, грязный – 6, вонючий – 5, одинаковые – 5, Джеки Чан – 3, стильный – 2, костюм – 2
Культурные объекты и атрибуты	Реп – 14, Голливуд – 9, баскетбол – 4, статуя Свободы – 4, феминизм – 3, Лас-Вегас – 2, джинсы – 2	Палочки – 9, иероглифы – 4, дракон – 3, Великая Китайская стена – 3, Гонконг – 2, буддизм – 3, феншуй – 1, инь-ян – 1
Техника и здания	Оружие – 13, много зданий – 3	Дешево – 5, заводы – 4, промышленность – 2, телефон – 3

Как отмечает В. П. Серкин, для учета статистической оценки значимости выбранных описаний (уровень значимости p=0,01) при размере группы испытуемых от 5 до 99 человек (в настоящем исследовании 80 человек) следует считать неслучайными (значимыми) ассоциации с частотой v=4 [31].

Наполненность категории ***положительные личностные качества*** (всего 71 ассоциация) позволяет говорить, что в представлении молодых россиян *типичный американец* характеризуется многими положительными качествами. Он ассоциируется с такими характеристиками, как улыбчивый (первое место по количеству ассоциаций – 16), патриотизм, актер, свободный, умный и т. д. Положительные качества американца связаны с харизмой, активностью, патриотизмом, свободой. Эти данные в основном согласуются с результатами, полученными нами в предыдущем исследовании этностереотипов [23]. В свою очередь, наполненность категории *положительные личностные качества* в образе *типичного китайца* (27 ассоциаций) значительно меньше, чем в стереотипе *типичный американец* (71 ассоциация). Результаты по достоверности различий процентных долей в данной категории попадают в зону значимости ($\varphi^*_{эмп}$=4,226), соответственно, H_1 гипотеза о значимом различии процентной доли по данной категории принимается на уровне ρ=0,01 (табл. 3). Следовательно, различие процентного соотношения подтверждается и является статистически значимым. Образ американца более позитивный. Возможно, присутствует позитивная пристрастность в отношении американца. Как было отмечено, образы чужих высокостатусных групп нередко наделяются многими успешными чертами [32]. Анализ смыслового содержания ассоциаций показывает, что положительные качества *типичного китайца* связаны с эмоциональностью, патриотизмом, активностью.

Наполненность категории ***отрицательные личностные качества*** в образе *типичного китайца* (28 ассоциаций) значительно больше, чем в стереотипе *типичный американец* (14 ассоциаций). Результаты по достоверности различий процентных долей в данной категории попадают в зону значимости ($\varphi^*_{эмп}$=2,688), различие процентного соотношения подтверждается на уровне ρ=0,01 (табл. 3). Отрицательные качества *типичного американца* связаны в сознании респондентов с лицемерием и самовлюбленностью. Подобные черты образа были отмечены в предыдущей работе [23]. Отрицательные качества *типичного китайца* связываются с хитростью и неприятным внешним видом. Группу отрицательных ассоциаций (неприятный, неряшливый, суетливый, бескультурный) можно объединить характеристикой *плохие манеры.*

Анализ смыслового содержания категории ***отношение к людям*** показывает, что американец воспринимается как общительный, толерантный и доброжелательный. В совокупности можно говорить о развитых коммуникативных качествах. В образе *типичного китайца* отразилось представление об общинной, густонаселенной стране – на первом месте качество коллективизма. При этом частью респондентов китаец воспринимается как доброжелательный и общительный. Такие категории, как общительный, добрый, приветливый, искренний, можно объединить интегральной характеристикой *открытость*.

В категории ***отношение к труду и закону*** можно отметить сходство смыслового содержания – представители обеих стран воспринимаются как трудолюбивые. При

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

Табл. 3. Значимость различий процентных долей ассоциаций в категориях
Tab. 3. Statistical significance of differences in the percentage of associations in the categories

Категория ассоциаций	Типичный американец (количество ассоциаций / %)	Типичный китаец (количество ассоциаций / %)	Зона незначимости	Зона неопределенности	Зона значимости
Государственная и коммерческая символика	56 / 15,6 %	33 / 10,6 %	–	$\varphi^*_{эмп}$=1,964	
Положительные личностные качества	71 / 20 %	27 / 8,7 %	–	–	$\varphi^*_{эмп}$=4,226
Отрицательные личностные качества	14 / 4 %	28 / 9 %	–	–	$\varphi^*_{эмп}$=2,688
Отношение к людям	23 / 6,4 %	26 / 8,3 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,930	–	–
Отношение к труду и закону	8 / 2,2 %	19 / 6,1 %	–	–	$\varphi^*_{эмп}$=2,597
Негативная символика	18 / 5 %	14 / 4,5 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,297	–	–
Пища и напитки	55 / 15,3 %	65 / 20,8 %	–	$\varphi^*_{эмп}$=1,809	–
Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	53 / 14,8 %	54 / 17,4 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,879	–	–
Культурные объекты и атрибуты	43 / 12 %	32 / 10,3 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,737	–	–
Техника и здания	17 / 4,7 %	15 / 4,8 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,065	–	–
Всего	**358 / 100 %**	**313 / 100 %**	–	–	–

этом мера семантической выраженности этого понятия в образе *типичного китайца* намного выше. Результаты анализа частоты ассоциаций в данной категории попадают в зону значимости ($\varphi^*_{эмп}$=2,597), т. е. различия являются значимыми. Данные результаты показывают, что в сознании молодых россиян китайцы воспринимаются как исключительно трудолюбивая нация. В сопоставлении с данными по другим категориям образ *типичного китайца* описывается как холодный, но скорее компетентный.

Наполненность категории ***государственная и коммерческая символика*** больше в образе *типичного американца* (всего 56 ассоциаций), чем в образе *типичного китайца* (33 ассоциации). Представители обеих стран ассоциируются с государственным флагом и ведущими городами. И американец, и китаец ассоциируются с коммерческими брендами: американец – с *Apple*, китаец – с Али Экспресс. Есть и ассоциации с политической системой. Американец ассоциируется с демократией, китаец – с коммунизмом. При этом респонденты знают американских лидеров (Трампа и Обаму), но не указывают лидера Китая. В целом узнаваемость американской символики выше. Результаты по достоверности различий процентных долей в данной категории попадают в зону неопределенности ($\varphi^*_{эмп}$=1,964).

В категории ***негативная символика*** заметно, что в образе представителя США присутствуют негативные ассоциации, связанные с теневой стороной американского образа жизни (наркотики, Ку-клукс-клан). В образе *типичного китайца* присутствует выраженная ассоциативная универсалия *толпа*, что можно трактовать как восприятие китайцев как некой деиндивидуализированной массы. В отношении американца подобных ассоциаций нет, что может означать, что представители США воспринимаются более индивидуализированными. Это соотносится и с тем фактом, что в отношении американцев было дано намного больше ассоциаций с личностными чертами, чем в отношении китайцев.

Наполненность категории ***пища и напитки*** примерно одинакова в образе китайца и американца. Американца воспринимают как любителя фастфуда, причем уровень семантической выраженности данной ассоциации большой (43 ассоциации). Образ *типичного китайца* ожидаемо включает представление о лапше, рисе и специях. Таким образом, в этой категории присутствует симметричность содержания. Результаты по достоверности различий процентных долей в данной категории попадают в зону неопределенности ($\varphi^*_{эмп}$=1,809).

В категории ***Индивид. Отдельные элементы внешнего вида*** присутствует как схожесть содержания, так и смысловой контраст. Во-первых, объекты сходным образом ассоциируются с расовыми и этническими признаками: американец – с понятиями *чернокожий, белый и индеец*; а китаец – с узкими глазами, низким ростом и желтой кожей. Во-вторых, присутствует ряд характеристик, которые могут быть отнесены к одежде, поведению, манерам. В этом аспекте образа есть контраст. Американца респонденты представляют как модного, стильного, в костюме. Эти признаки можно объединить интегральной характеристикой *шарм*. Подобные же черты образа *типичного американца* были выявлены в предыдущей нашей работе [23]. Образ *типичного китайца* включает в себя ряд ассоциативных универсалий (громкие, грязный, вонючий, одинаковые),

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

которые можно объединить интегральной характеристикой *непривлекательность*. Эта характеристика соотносится с восприятием частью респондентов китайцев как толпы.

Наполненность категории ***культурные объекты и атрибуты*** выше в образе американца (43 против 32), что позволяет предположить, что молодые россияне лучше знакомы с американской культурой. Смысловое содержание категории сопоставимо. Образ *типичного американца* связывается с американской массовой культурой, спортом, американскими городами. Это повторяет образ *типичного американца*, реконструированный в предыдущей работе [23]. В образе *типичного китайца* ожидаемо оказались ассоциации с палочками для еды, Великой Китайской стеной, иероглифами и драконом. Категория наполнена симметрично, однако больше ассоциаций с американской культурой.

Анализ смыслового содержания категории ***техника и здания*** показывает, что американец у многих респондентов ассоциируется с оружием. Вероятно, оружие воспринимается как элемент американского образа жизни (в США разрешено свободное владение оружием). Это соответствует и ассоциации с наркотиками в категории *негативная символика*. *Типичный китаец*, в свою очередь, ассоциируется с заводами, промышленностью, дешевыми товарами, телефонами. Все это объединяется категорией *производство*.

Данные результаты показывают, что в сознании молодых россиян *типичный китаец* нередко воспринимается как представитель некой деиндивидуализированной массы. Молодежь негативно оценивает его внешний вид, в отличие от американца. В то же время китайцы воспринимаются как исключительно трудолюбивая нация. Это, возможно, является одним из их основных достоинств в представлении респондентов.

Представители США воспринимаются более индивидуализированными. Это соотносится и с тем фактом, что в отношении американцев было дано намного больше ассоциаций с личностными чертами, чем в отношении китайцев. Можно отметить и тот факт, что молодым людям лучше известна американская государственная и коммерческая символика, а также американская культура.

Одним из обсуждаемых вопросов к материалам данного исследования может быть следующий: какие компоненты выявленных образов можно считать стереотипными? По мнению А. Тэджфела, этническими стереотипами можно считать представления, разделяемые достаточно большим числом индивидов в данной общности [4]. Вероятно, наиболее согласованные элементы реконструированных нами образов можно обоснованно рассматривать как стереотипные.

Описание и анализ результатов модифицированной методики пиктограмма

В качестве первого шага интерпретации результатов, полученных с помощью методики «Пиктограмма», была составлена собственная авторская классификация возможных ответов. При этом составление авторской классификации было произведено с опорой на классификацию ассоциаций, разработанную нами [23]. Кроме того, мы учитывали классификацию М. А. Мельниковой, полученную экспертным способом для анализа российско-китайских индикаторов этнических стереотипов [21].

Эксперты (4 человека, психологи), имеющие опыт классификации и категоризации вербальных и иконографических объектов, сгруппировали все пиктограммы в группы по смыслу. Полученные тематически однородные группы наименовывались экспертами и были сопоставлены с раннее нами разработанным списком категорий и списком М. А. Мельниковой. В результате модифицированная авторская классификация стала включать восемь категорий (табл. 4).

Так же как и при оценке групповых ассоциаций статистически значимыми (на уровне p=0,01 при объеме выборки 80) следует считать изображения, повторяющиеся с частотой v=4 [31].

Категориальная структура рисунков, полученных по обоим стимулам оказалась весьма схожей. Было выделено 8 категорий сюжетов пиктограмм, в которые уложились все изображения (табл. 4). В целом на стимул *типичный китаец* было получено столько же рисунков (80), как и на стимул *типичный американец* (80). Рисунки представлены во всех восьми категориях и на стимул *типичный китаец*, и на стимул *типичный американец*. Категории почти равномерно наполнены, за исключением категории *Индивид. Отдельные элементы внешнего вида*.

Табл. 4. Наполненность категорий пиктограмм, полученных на стимулы *типичный американец* и *типичный китаец*
Tab. 4. Contents of categories of graphical images regarding "a typical American" and "a typical Chinese"

№	Категория пиктограмм	Типичный американец (количество пиктограмм / %)	Типичный китаец (количество пиктограмм / %)
1	Личностные качества и отношение к людям	3 / 3,7 %	3 / 3,7 %
2	Пища, безалкогольные напитки	17 / 21,2 %	14 / 17,5 %
3	Государственная и коммерческая символика	31 / 38,7 %	14 / 17,5 %
4	Культурные объекты и атрибуты	9 / 11,3 %	20 / 25 %
5	Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	3 / 3,7 %	11 / 13,7 %
6	Техника и здания	8 / 10 %	5 / 6 %
7	Негативная символика	3 / 3,8 %	7 / 8,7 %
8	Природа, растения и животные	6 / 7,5 %	6 / 7,5 %
Всего		**80 / 100 %**	**80/ 100 %**

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

Сравнивая между собой изображения, использованные студентами при выделении визуального компонента полученных стимулов, можно отметить ряд общих черт и особенностей (табл. 5).

При анализе полученных категорий наблюдается симметричность в наполнении большинства категорий, при этом в содержании некоторых заметен смысловой контраст.

К сходным по смысловому наполнению категориям можно отнести категорию *государственная и коммерческая символика* (табл. 5). В ней представлены как символы Америки (флаг, доллар, бренд *Apple*), так и символы Китая и его бизнеса (флаг, юань, бренд *Abibas*). Однако узнаваемость американских символов и брендов вдвое выше, если считать относительную частоту признака. Результаты по достоверности различий процентных долей в данной категории попадают в зону значимости ($\varphi^*_{эмп}$=3,048), H_1 гипотеза принята (табл. 6). Это можно трактовать как известность молодому поколению россиян символики американского государства и бизнеса и связь этих символов и образа американца.

Табл. 5. Изображения респондентов: *типичный американец* и *типичный китаец*
Tab. 5. Images given by the respondents: "a typical American" and "a typical Chinese"

Категория пиктограмм	Типичный американец (пиктограммы – количество)	Типичный китаец (пиктограммы – количество)
Государственная и коммерческая символика	Флаг – 14, доллар – 10, Apple – 4, звезда – 3	Флаг – 8, юань – 2, Abibas (Абибас) – 2, Made in China – 1, Honor – 1
Личностные качества и отношение к людям	Улыбчивый – 3	спокойствие – 1, дружба – 1, дружелюбие – 1
Негативная символика	свастика – 1, наркотики – 1, не любят СССР – 1	Толпа – 3, грязные улицы – 1, свастика – 1, закрытый интернет – 1, недовольные – 1
Пища, безалкогольные напитки	Фастфуд – 17	Лапша – 11, рис – 3
Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	Многонациональность – 1, мышцы –1, белая кожа –1	Узкоглазые – 7, низкие – 3, акцент – 1
Природа, растения и животные	Орел – 3, солнце – 2, кактус – 1	Луна – 2, дракон – 2, ветер – 1, панда – 1
Культурные объекты и атрибуты	Статуя Свободы – 3, реп – 3, баскетбол – 1, капитан Америка – 1, хэллоуин – 1	Китайские палочки – 6, Великая Китайская стена – 4, иероглифы – 4, инь-ян – 2, соломенная шляпа – 1, монахи – 1, нунчаки – 1, воздушный змей – 1
Техника и здания	Машина – 2, высотки – 2, дом – 1, большие дома – 1, большой шумный город – 1, НЛО – 1	Завод – 3, техника – 2

Табл. 6. Значимость различий процентных долей изображений в категориях
Tab. 6. Statistical significance of differences in the percentage of images in the categories

Категория пиктограмм	Типичный американец (количество пиктограмм / %)	Типичный китаец (количество пиктограмм / %)	Зона незначимости	Зона неопределенности	Зона значимости
Государственная и коммерческая символика	31 / 34 %	14 / 17,5 %	–	–	$\varphi^*_{эмп}$=3,048
Личностные качества и отношение к людям	3 / 3,7 %	3 / 3,7 %	$\varphi^*_{эмп}$=0	–	–
Негативная символика	3 / 3,8 %	7 / 8,7 %	$\varphi^*_{эмп}$=1,328	–	–
Пища, безалкогольные напитки	17 / 21,2 %	14 / 17,5 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,607	–	–
Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	3 / 3,7 %	11 / 13,7 %	–	–	$\varphi^*_{эмп}$=2,334
Природа, растения и животные	6 / 7,5 %	6 / 7,5 %	$\varphi^*_{эмп}$=0	–	–
Культурные объекты и атрибуты	9 / 11,3 %	20 / 25 %	–	$\varphi^*_{эмп}$=2,283	–
Техника и здания	8 / 10 %	5 / 6 %	$\varphi^*_{эмп}$=1,063	–	–
Всего	**80 / 100 %**	**80 / 100 %**	–	–	–

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

Изучение смыслового содержания категории *личностные качества и отношение к людям* показывает очень близкое смысловое содержание. И китаец, и американец представлены позитивными символами, отражающими привлекательный образ (улыбка, дружелюбие).

В категории *негативная символика* более наполненным является описание стереотипа *типичный китаец*. Как и в ассоциациях, в изображениях присутствует образ толпы (обезличенная масса). Кроме того, был рисунок, подписанный «закрытый интернет», что намекает на особенности политического строя Китая. Изображения, ассоциирующиеся с образом *типичного американца*, по смыслу совпадают с ассоциациями наркотики, свастика. В данной категории более наполненным является описание стереотипа *типичный китаец*.

В категории *индивид. Отдельные элементы внешнего вида* можно отметить сходность смыслового содержания с предыдущей категорией негативная символика. Образ *типичного китайца*: узкоглазый, низкий, речь с акцентом. Это полностью соответствует содержанию ассоциаций. В целом *типичный китаец* воспринимается респондентами как внешне малопривлекательный. В сознании респондентов актуализированы визуальные особенности китайцев, как можно предположить, по контрасту с образом самих россиян. Результаты по достоверности различий процентных долей в данной категории попадают в зону значимости ($\varphi^*_{эмп}$=2,334), H_1 гипотеза принята (табл. 6).

В категории *пища и безалкогольные напитки* в полном соответствии с ассоциациями отражены американский образ питания (фастфуд) как элемент образа *типичного американца*, изображения лапши и риса в образе *типичного китайца*. Можно сделать вывод, что особенности национальной кухни обеих стран студенты знают (но несколько узко).

При раскрытии образа *типичного китайца* в категории *культурные объекты и атрибуты* респонденты обратились к таким атрибутам традиционной китайской культуры, как китайские палочки, Великая Китайская стена, иероглифы, инь-ян. Культурные атрибуты *типичного американца* – это объекты массовой культуры: реп, статуя Свободы, хэллоуин и киногерои. Результаты по достоверности различий процентных долей в данной категории попадают в зону неопределенности ($\varphi^*_{эмп}$=2,283) (табл. 6).

Анализ смыслового содержания категории *техника и здания* показывает, что американец ассоциируется респондентами с машинами, высотными зданиями и большим городом. *Типичный китаец* в свою очередь в этой категории изображений ассоциируется с заводами, промышленностью, техникой. Как и в случае с ассоциациями, все это объединяется категорией *производство*.

Таким образом, анализ образов *типичного китайца* и *типичного американца* по данным методики «Пиктограмма» в представлении студентов показал, что при раскрытии образа *типичного китайца* респонденты обратились к атрибутам традиционной китайской культуры, а в образе *типичного американца* присутствуют символы массовой культуры и достопримечательностей США. По данным анализа таких категорий, как *индивид. Отдельные элементы внешнего вида* и *негативная символика* можно утверждать, что внешне *типичный китаец* воспринимается респондентами, скорее, непривлекательно. Как и в ассоциациях, в изображениях присутствует образ толпы (обезличенная масса). Однако есть и положительные ассоциации, связанные с отношением к людям (доброта, улыбка).

В ряде категорий выявлено совпадение смыслового содержания с содержанием ассоциаций: культурные объекты и атрибуты, индивид. Отдельные элементы внешнего вида, пища и безалкогольные напитки, негативная символика, государственная и коммерческая символика.

Применение критерия Фишера позволило выявить значимые различия по содержанию ряда категорий ассоциаций. Результаты по достоверности различий процентных долей в таких категориях, как *индивид. Отдельные элементы внешнего вида*, государственная и коммерческая символика попадают в зону значимости на уровне ρ=0,01 (табл. 6). Результаты по достоверности различий процентных долей в категории *культурные объекты и атрибуты* попадают в зону значимости на уровне ρ=0,05 (табл. 6).

Заключение

Анализ результатов метода свободных вербальных ассоциаций и модифицированной методики «Пиктограмма» свидетельствует, что в представлении студентов существуют значимые психологические и культурные различия между *типичным американцем* и *типичным китайцем*. Сравнение позволило нам выявить значимые различия в представленности положительных и отрицательных личностных качеств данных образов, а также в наполненности некоторых категорий ассоциаций.

Направленность гетеростереотипа *типичный американец* по результатам данного исследования преимущественно положительная. К положительным личностным характеристикам американца отнесены активность, харизма и коммуникативные качества. Однако среди личностных качеств в представлении респондентов представлены и отрицательные черты, прежде всего лицемерие и корыстолюбие. Обобщенный образ *типичного американца* в представлении молодых россиян – внешне приятный, патриотичный, активный и коммуникабельный, но нередко лицемерный. Проживает в демократической стране, известной своими коммерческими компаниями, политической символикой. Образ жизни в этой стране связывается с фастфудом, массовой культурой, наркотиками и оружием. В данном исследовании образ *типичного американца* во многих чертах повторяет результаты предыдущего опроса 2018 г., в части личностных качеств результат получился более позитивным [23]. Если учесть, что в данном опросе участвовали студенты разных, в том числе старших курсов, а в предыдущем опросе только первого курса, это может

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

быть связано с изменением в отношении к США наиболее молодых поколений россиян в негативную сторону.

Обобщенный образ *типичного китайца* – непривлекательный, громкий, с выраженными расовыми чертами; коллективист, человек толпы. При этом китаец воспринимается как исключительно трудолюбивый и в некоторой степени общительный. Живет в стране с коммунистическим режимом, яркой традиционной культурой и современной промышленностью.

Направленность стереотипа в отношении представителей США в основном положительная, но есть и отрицательные элементы. Направленность стереотипа в отношении представителей Китая противоречива. В образе *типичного китайца* примерно поровну положительных и отрицательных черт (если учитывать личностные качества и отношение к людям).

Если учитывать классификацию этнических стереотипов Сьюзан Фиск, то образ *типичного американца* ближе к полюсам теплоты и компетентности [6; 7]. Образ *типичного китайца* ближе к холодным группам; при этом воспринимаемый уровень компетентности растет.

Если учитывать, что долговременные групповые эмоции актуализируются содержанием стереотипов, можно предположить преобладание положительных эмоций в отношении *типичного американца* и сопоставимость положительных и отрицательных эмоций в отношении *типичного китайца*.

Результаты работы показывают, что в сознании молодых россиян *типичный китаец* часто воспринимается как представитель некой деиндивидуализированной массы. Американцы воспринимаются намного более индивидуализированными (что подтверждается и количественным, и смысловым анализом). Приходится сделать вывод о том, что российская молодежь плохо представляет себе граждан Китая, мало знает об их личностных, человеческих качествах. Образ представителя Китая чересчур упрощенный. В нем много поверхностных (связанных с внешним видом) черт.

При этом о Китае как о государстве и о китайской культуре есть некоторое представление. Однако опрошенным молодым людям лучше известна американская государственная и коммерческая символика, американская культура.

Одним из объяснений полученных результатов может быть высказанное С. Ивао и Г. Триандисом предположение, что точность стереотипов выше, если выше сходство между двумя культурами [5]. Поскольку США оказали большое влияние на современную российскую культуру (в 1990–2000-х гг.), культура и личность представителей США могут быть лучше известны россиянам. Это объясняет и преобладание позитивных черт в образе представителей США.

При этом в последние годы влияние Америки на российскую политику и культуру уменьшается. Однако стереотип все еще остается в основном позитивным. Если учесть, что, согласно Г. Тэджфелу [7], стереотипы усваиваются еще в детстве и являются ригидными, этим можно объяснить отставание этностереотипов от отношений между странами.

Литература

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
2. Sumner W. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. Boston: Ginn and Co., 1906. 692 p.
3. Tajfel H., Fraser C. Introducing social psychology. Harmondsworth: Penguin, 1978. 490 p.
4. Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Intergroup behaviour / eds. J. C. Turner, H. Giles. Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 144–167.
5. Iwao S., Triandis H. C. Validity of auto- and heterostereotypes among Japanese and American students // J. of Cross-Cultural Psychology. 1993. Vol. 24. № 4. P. 428–444. DOI: https://doi.org/10.1177/0022022193244004
6. Fiske S. T., Cuddy A. J. C., Glick P. Universal dimensions of social perception: Warmth and competence // Trends in Cognitive Science. 2007. Vol. 11. № 2. P. 77–83.
7. Fiske S. T., Cuddy A. J. C., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82. № 6. P. 878–902. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2013. 224 с.
9. Солдатова Г. У. Содержание этнической идентичности: стереотипы и ценности // Психологическое обозрение. 1997. № 2. С. 22–26.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
11. Почебут Л. Г. Межкультурная коммуникативная компетентность как выражение человеческих отношений // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 5–15.
12. Агеев В. С. Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 135–140.
13. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

14. Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 52–65.
15. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 203 с.
16. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: ВШЭ, 2011. 238 с.
17. Гуриева С. Д. Социально-психологические феномены в межэтнических отношениях // Социальная психология общения / под общ. ред. А. Л. Свенцицкого. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 81–107.
18. Гуриева С. Д. Межкультурное общение // Социальная психология общения / под общ. ред. А. Л. Свенцицкого. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 107–123.
19. Донцов А. И., Перелыгина Е. Б., Караваева Л. П. Межкультурные взаимодействия и социальная дистанция // Национальный психологический журнал. 2014. № 2. С. 3–10. DOI: 10.11621/npj.2014.0201
20. Калита В. В., Марин Е. Б. Образ «типичного китайца» и «типичного русского» в представлении китайских студентов, обучавшихся в России // Национальный психологический журнал. 2013. № 3. С. 28–41. DOI: 10.11621/npj.2013.0304
21. Калита В. В., Мельникова М. А. Этнические стереотипы жителей Дальневосточного приграничья (на примере россиян и китайцев). Владивосток: Дальнаука, 2007. 125 с.
22. Психологические аспекты межкультурной адаптации / под общ. ред. В. В. Калиты. Владивосток: Дальнаука, 2015. 206 с.
23. Марин Е. Б. Образы представителей России и США у российской молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 101–111. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101-111
24. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
25. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
26. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 213 с.
27. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
28. Петренко В. Ф., Гладких Н. Ю., Митина О. В. Психосемантическое исследование восприятия политических деятелей гражданами Южной Кореи // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9. № 2. С. 85–104.
29. Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 208 с.
30. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: Пчела, 2008. 378 с.
31. Серкин В. П. Решение задачи о случайности / не случайности ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций // Психодиагностика. 2009. № 4. С. 22–31.
32. Stephan W. G., Ageev V. S., Stephan C. W., Abalakina M., Stefanenko T., Coates-Shrider L. Measuring stereotypes: A comparison of methods using Russian and American samples // Social Psychology Quarterly. 1993. Vol. 56. P. 54–64.

The Image of the Representatives of the United States and China as seen by Vladivostok Students

Egor B. Marin [a, b, @, ID1]; Vitaly V. Kalita [c, ID2]

[a] Admiral Nevelskoy Maritime State University, Russia, Vladivostok

[b] Vladivostok State University of Economics and Service (Nakhodka branch), Russia, Nakhodka

[c] K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Russia, Moscow

[@] egor-marin@yandex.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-4557-7968

[ID2] https://orcid.org/0000-0003-0812-4254

Received 20.02.2020. Accepted 11.03.2020.

Abstract: The research featured the image of the "typical American" and "typical Chinese" as seen by Russian students of several Vladivostok universities. The reconstruction of ethnic stereotypes was performed using the methods of psychosemantics, e.g. verbal associations. The data were processed using mathematical statistics methods. The study revealed major differences in the representation of positive and negative personal qualities of the "typical Chinese" and "typical American", as well as in the contents of the association categories. Students' perceptions of the "typical American" showed both positive (sociability, activity, tact) and negative qualities (hypocrisy). The "typical Chinese" was often perceived as an unattractive, loud, and racist representative of a de-individualized mass. However, the "typical Chinese" was also described as a hard-working

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

and moderately sociable person that lives in a Communist country with a vibrant traditional culture and modern industry. Americans were seen as much more individualized, as confirmed by quantitative and semantic analyses. The survey revealed superficial and mostly negative views of young Russians regarding the Chinese people. The authors believe that a more positive attitude has to be formed as China remains Russia's strategic partner.

Keywords: psychosemantic method, verbal association, ethnic stereotype, intercultural communication, representation, stereotyping, tolerance

For citation: Marin E. B., Kalita V. V. The Image of the Representatives of the United States and China as Seen by Vladivostok Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 163–174. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

References

1. Lippmann W. *Public opinion*, transl. Barchunova T. V., eds. Levinson K. A., Petrenko K. V. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004, 384. (In Russ.)
2. Sumner W. *Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals.* Boston: Ginn and Co., 1906, 692.
3. Tajfel H., Fraser C. *Introducing social psychology.* Harmondsworth: Penguin, 1978, 490.
4. Tajfel H. Social stereotypes and social groups. *Intergroup behavior,* eds. Turner J. C., Giles H. Oxford: Basil Blackwell, 1981, 144–167.
5. Iwao S., Triandis H. C. Validity of auto- and heterostereotypes among Japanese and American students. *J. of Cross-Cultural Psychology*, 1993, 24(4): 428–444. DOI: https://doi.org/10.1177/0022022193244004
6. Fiske S. T., Cuddy A. J. C., Glick P. Universal dimensions of social perception: Warmth and competence. *Trends in Cognitive Science*, 2007, 11(2): 77–83.
7. Fiske S. T., Cuddy A. J. C., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psycholog*, 2002, 82(6): 878–902. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878
8. Stefanenko T. G. *Ethnopsychology.* Moscow: Aspekt Press, 2013, 224. (In Russ.)
9. Soldatova G. U. The content of ethnic identity: stereotypes and values. *Psikhologicheskoe obozrenie,* 1997, (2): 22–26. (In Russ.)
10. Soldatova G. U. *Psychology of interethnic tension.* Moscow: Smysl, 1998, 389. (In Russ.)
11. Pochebut L. G. Intercultural communicative competence as a manifestation of human relationships. *Psikhologicheskii zhurnal,* 2013, 34(4): 5–15. (In Russ.)
12. Ageev V. S. The Influence of cultural factors on the perception and evaluation of human. *Voprosy psichologii*, 1985, (3): 135–140. (In Russ.)
13. Ageev V. S. Psychological research of social stereotypes. *Voprosy psichologii*, 1986, (1): 95–101. (In Russ.)
14. Minyar-Beloroucheva A. P., Pokrovskaya M. E. Ethnic stereotypes in the English language space: a visual imagery-personification and verbal images-the anthroponyms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya,* 2013, (1): 52–65. (In Russ.)
15. Sikevich Z. V. *Sociology and psychology of national relations.* St. Petersburg: Izd-vo Mikhailova V. A., 1999, 203. (In Russ.)
16. Tatarko A. N., Lebedeva, N. M. *Methods of ethnic and cross-cultural psychology.* Moscow: VShE, 2011, 238. (In Russ.)
17. Gurieva S. D. Socio-psychological phenomena in inter-ethnic relations. *Social psychology of communication*, ed. Svencicky A. L. Moscow: INFRA-M, 2017, 81–107. (In Russ.)
18. Gurieva S. D. Intercultural communication. *Social psychology of communication*, ed. Svencicky A. L. Moscow: INFRA-M, 2017, 107–123. (In Russ.)
19. Dontsov A. I., Perelygina E. B., Karavayeva L. P. Intercultural interaction and social distance. *National psychological journal,* 2014, (2): 3–10. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2014.0201
20. Kalita V. V., Marin E. B. The image of "the typical Chinese" and "the typical Russian" in the representation of Chinese students who study in Russian universities. *National psychological journal*, 2013, (3): 28–41. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2013.0304
21. Kalita V. V., Melnikova M. A. *Ethnic stereotypes of the residents of the far Eastern border region (on the example of Russians and Chinese)*. Vladivostok: Dalnauka, 2007, 125. (In Russ.)
22. *Psychological aspects of intercultural adaptation*, ed. Kalita V. V. Vladivostok: Dalnauka, 2015. 206. (In Russ.)
23. Marin E. B. Images of Russians and Americans as seen by Russian adolescents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2019, 21(1): 101–111. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-163-174

24. Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 2. Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 504. (In Russ.)
25. Leontyev A. N. *Selected psychological works.* Moscow: Pedagogika, 1983, vol. 2, 320. (In Russ.)
26. Luriya A. R. *Language and consciousness.* Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979, 213. (In Russ.)
27. Petrenko V. F. *Basics psychosemantics,* 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2005, 480. (In Russ.)
28. Petrenko V. F., Gladkikh N. Yu., Mitina O. V. Psychosemantic study of perceptions of political figures citizens of South Korea. *Istoricheskaia psikhologiia i sotsiologiia istorii,* 2016, 9(2): 85–104. (In Russ.)
29. Shmelev A. G., Pokhilko V. I., Kozlovskaia-Telnova A. I. Workshop on experimental psychosemantics. *Thesaurus of personality traits.* Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988, 208. (In Russ.)
30. Serkin V. P. *Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics.* Moscow: Pchela, 2008, 378. (In Russ.)
31. Serkin V. P. Solving the problem of randomness / non-randomness of associations: an evaluation criterion and a valid set of associations. *Psikhodiagnostika,* 2009, (4): 22–31. (In Russ.)
32. Stephan W. G., Ageev V. S., Stephan C. W., Abalakina M., Stefanenko T., Coates-Shrider L. Measuring stereotypes: A comparison of methods using Russian and American samples. *Social Psychology Quarterly,* 1993, 56: 54–64.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

оригинальная статья
УДК 316.6

Стратегии самопрезентации преподавателей как фактор восприятия их личности студентами в онлайн-взаимодействии (на примере медиалекции)*

Анастасия В. Микляева [a, @, ID1]; Владимир Н. Панферов [a, ID2]; Светлана А. Безгодова [a, ID3]; Светлана В. Васильева [a, ID4]

[a] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург
[@] a.miklyaeva@gmail.com
[ID1] https://orcid.org/0000-0001-8389-2275
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-3528-3122
[ID3] https://orcid.org/0000-0001-5425-7838
[ID4] https://orcid.org/0000-0002-6052-3431

Поступила в редакцию 01.02.2020. Принята к печати 25.02.2020.

Аннотация: Представлено исследование влияния стратегий самопрезентации преподавателей на социально-психологическую интерпретацию их личности студентами в ситуации просмотра медиалекции. Ракурс исследования направлен на изучение стратегий самопрезентации преподавателя, способствующих формированию близкой к эталонной ролевой модели поведения в условиях непосредственного контакта преподавателя с аудиторией и в условиях медиалекции. В ходе эксперимента изучены два контекста онлайн-взаимодействия *преподаватель – студент*. Студентам предлагались к просмотру публичная и внеаудиторная медиалекции незнакомых преподавателей, после чего студенты давали характеристику личности преподавателя с помощью методики полярных профилей. В результате было выявлено, что как при непосредственном межличностном контакте, так и в условиях медиалекции максимальное сближение образа преподавателя, формирующегося у студентов, с эталонной ролевой моделью определяется стратегиями самовозвышения и аттрактивного поведения. Наиболее отклоняющимися от эталонной ролевой модели преподавателя являются самопрезентационные стратегии уклонения (для женщин) и силового влияния (для мужчин), реализация которых оказывает негативное влияние на оценку их личности студентами, прежде всего в аспекте свойств, характеризующих профессиональную деятельность. Доказано, что в рамках публичной медиалекции наблюдаются достоверные негативные сдвиги в оценках личности преподавателя студентами по ряду параметров, что не опосредовано самопрезентационными стратегиями.

Ключевые слова: социальная перцепция, онлайн-образование, взаимодействие преподаватель – студент, интерпретация личности, первое впечатление

Для цитирования: Микляева А. В., Панферов В. Н., Безгодова С. А., Васильева С. В. Стратегии самопрезентации преподавателей как фактор восприятия их личности студентами в онлайн-взаимодействии (на примере медиалекции) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 175–184. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

Введение

Управление впечатлениями студентов сегодня рассматривается в числе важнейших профессиональных компетенций преподавателя вуза [1]. Одним из наиболее часто обсуждаемых инструментов управления впечатлениями является самопрезентация преподавателей, которая позволяет им создавать и поддерживать у студентов желаемый образ себя [2; 3]. Самопрезентация определяется как «процесс регуляции производимого субъектом впечатления, с учетом специфики социальных ситуаций, и (или) выражения системы представлений о самом себе» [4, с. 33]. Стратегии, с помощью которых происходит формирование образа субъекта самопрезентации в сознании его партнеров по взаимодействию, представляют собой в большей или меньшей степени осознаваемое и целенаправленное поведение субъекта, основанное на его представлениях о самом себе, партнере и целях взаимодействия [2].

Исследователи констатируют, что возникшие у студентов впечатления о преподавателе оказывают существенное влияние на удовлетворенность обучением и качество освоения учебного материала [5]. В связи с этим актуальной задачей является поиск стратегий самопрезентации педагогов,

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00412 «Социально-психологическая интерпретация личности преподавателя в условиях информационной образовательной среды».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

обеспечивающих создание и поддержание у студентов такого образа преподавателя, который обеспечил бы максимально эффективную образовательную активность. Предполагается, что такой образ должен включать положительные личностные характеристики преподавателя, а также высокие оценки его профессионализма [6].

Сведения об эффективных стратегиях самопрезентации преподавателя, представленные в литературе, носят противоречивый характер. Прежде всего это касается взглядов на то, какие стратегии самопрезентации способствуют формированию у студентов представлений о преподавателе как профессионале, компетентном специалисте. Опираясь на результаты исследований в области организационной психологии, можно отметить, что в некоторых исследованиях обнаружено позитивное влияние на формирование образа специалиста стратегий самопрезентации, связанных с самопродвижением [7; 8]. Результаты других исследований, напротив, показывают, что такие стратегии могут приводить к снижению доверия к профессионализму субъекта самопрезентации [9]. Зафиксировано, что стратегии, обеспечивающие формирование образа субъекта самопрезентации как компетентного специалиста, могут вступать в противоречие со стратегиями, способствующими созданию образа привлекательного, симпатичного человека [10], что выражается формулой «теплота против компетентности» [11]: люди, которые подчеркивают свои сильные стороны, часто воспринимаются как высокомерные и тщеславные, в то время как те, кто отказывается от активного самопродвижения, чаще получают благосклонное отношение со стороны партнеров по взаимодействию, но не рассматриваются как компетентные. В рамках исследований, сфокусированных на закономерностях собственно педагогического взаимодействия, также зафиксировано неоднозначное влияние стратегии самопродвижения на восприятие преподавателя студентами [12]. При этом, однако, подчеркивается, что степень выраженности этого противоречия во взаимодействии *преподаватель – студенты*, по всей вероятности, опосредуется особенностями культуры и характером учебной мотивации студентов [13]. В силу гендерной специфичности самопрезентации, зафиксированной как в организационном [14; 15], так и в педагогическом [16; 17] контекстах взаимодействия, обозначенное противоречие ярче проявляется в эффектах самопрезентации женщин, в сравнении с мужчинами [12].

Описанные нами закономерности восприятия личности преподавателя студентами выявлены путем анализа их непосредственного взаимодействия в учебных аудиториях. В то же время на фоне стремительного развития технологий онлайн-образования особую актуальность приобретает изучение особенностей социальной перцепции в цифровом образовательном пространстве. Г. М. Андреева отмечает, что в онлайн-коммуникации возникают принципиально новые закономерности социальной перцепции, связанные с изменением средств самопрезентации личности [18]. Учеными описаны некоторые особенности социальной перцепции в онлайн-пространстве [19–22], однако эти данные чаще всего получены на материале анализа поведения людей в социальных сетях и не связаны прямо с проблематикой педагогического взаимодействия. Исследователи, обращающиеся к проблеме социальной перцепции в педагогической онлайн-коммуникации, приходят к выводу, что управление впечатлением студентов в этих условиях затруднено в силу сокращения возможностей непосредственной обратной связи. Поэтому точность прогнозирования преподавателем реакций студентов на те или иные его действия снижается [23]. Зафиксированы склонность студентов к формированию более упрощенного образа преподавателя в условиях онлайн-коммуникации, в сравнении с непосредственным общением [24], и тенденция к негативизации этого образа [25], показано предпочтение обеими сторонами педагогического взаимодействия делового и информативного стиля презентации визуального онлайн-контента, связанного с образовательным процессом [26]. Высказывается предположение, что в условиях публичной медиалекции, представляющей собой видеозапись лекционного занятия, проведенного преподавателем в формате непосредственного общения со студентами, и внеаудиторной медиалекции, предполагающей запись видеоматериалов в отсутствии слушателей, эффективные стратегии самопрезентации могут существенно различаться [27]. Характеристика этих различий стала предметом нашего исследования.

Программа исследования

Исследование было направлено на изучение влияния стратегий самопрезентации преподавателей и социально-психологическую интерпретацию их личности студентами в ситуации просмотра медиалекции. На этапе планирования были сформулированы следующие вопросы:

1. Какие стратегии самопрезентации способствуют формированию такого образа преподавателя, который максимально сближен с эталонной ролевой моделью преподавателя, разделяемой современным студенческим сообществом при непосредственном межличностном контакте и в ситуации онлайн-взаимодействия?

2. Какие изменения претерпевает образ преподавателя, формирующийся в восприятии студентов в условиях медиалекции, в сравнении с ситуацией непосредственного взаимодействия *преподаватель – студенты* в учебной аудитории?

3. Какие стратегии самопрезентации обеспечивают более высокую степень устойчивости образа преподавателя, возникающего у студентов в различных контекстах взаимодействия, и позволяют транслировать больший объем информации о его личностных особенностях и профессиональной позиции в условиях онлайн-коммуникации?

4. Существуют ли гендерные различия во взаимосвязях личностных характеристик, атрибутируемых преподавателям при непосредственном и опосредованном педагогическом взаимодействии, с типичными для них стратегиями самопрезентации?

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

В ходе исследования, которое носило экспериментальный характер, были изучены два контекста онлайн-взаимодействия *преподаватель – студент*: публичная медиалекция и внеаудиторная медиалекция. В обоих случаях в кадре находился только преподаватель. Студенты педагогического университета (n=453; 19,10±1,27 лет; 79,6 % – женщины) знакомились с онлайн-лекцией незнакомого им преподавателя, после чего давали характеристику его личности с помощью методики полярных профилей. Для участия в исследовании были приглашены преподаватели (n=30; 43,17±11,56 лет; 50 % – женщины; опыт преподавания 12,13±8,52 лет), каждому из которых было предложено записать на видео одну и ту же мини-лекцию в двух разных форматах: при непосредственном взаимодействии с незнакомой им студенческой аудиторией и в отсутствие слушателей (один на один с камерой). Тематика лекций ограничивалась требованиями к содержанию психологической составляющей профессиональной подготовки будущих педагогов, конкретная тема определялась преподавателями самостоятельно на основе личных предпочтений. В результате была произведена видеозапись 60 лекций: 30 публичных и 30 внеаудиторных медиалекций. Для унификации условий съемки преподавателей просили не использовать во время лекции мультимедийные презентации, но при необходимости они могли воспользоваться доской. Продолжительность каждой лекции составляла 10–12 минут. Просмотр каждой лекции был предложен 15–18 студентам. По завершении видеосъемки преподавателям было предложено заполнить опросник Шкала измерения тактик самопрезентации (С.-Ж. Ли, Б. Куигли и др.). Участие студентов и преподавателей в исследовании было добровольным, каждый участник предварительно подписывал информированное согласие.

Методика полярных профилей, которая использовалась для анализа социально-психологической интерпретации личности преподавателей студентами, была содержательно модифицирована нами на основе анализа характеристик, полученных на этапе пилотажного исследования, в ходе которого решалась задача построения эталонного ролевого образа преподавателя [28]. Такая модификация была призвана обеспечить содержательную валидность результатов исследования исходным цели и задачам: как известно, залогом успешной самопрезентации преподавателя является соответствие его образа ожиданиям студентов, которые выступают в роли эталонного образца [1]. Итоговый вариант методики полярных профилей объединил 34 пары характеристик преподавателей, отражающие такие стороны его личности, как стиль общения, стиль поведения, отношение к работе, отношение к студентам, профессионализм, профессиональные способности и обобщенную оценку личности. Для характеристики образа преподавателей студенты использовали 7-балльную шкалу. Оценки, предложенные студентами, впоследствии усреднялись, что позволило получить обобщенный психологический портрет каждого преподавателя в соответствии с содержанием социально-психологической интерпретации его личности студентами.

Обработка результатов опросника Шкала измерения тактик самопрезентации осуществлялась в соответствии с классификаций стратегий самопрезентации, предложенной О. А. Пикулевой, которая позволяет описать стратегии уклонения, аттрактивного поведения, самовозвышения, самопринижения, силового влияния [29]. С целью обеспечения сопоставимости данных показатели по соответствующим шкалам, представляющие собой суммарные показатели отдельных тактик самопрезентации, усреднялись. Таким образом, итоговые показатели для каждой из стратегий самопрезентации находятся в диапазоне от 1 до 9.

Для обработки результатов исследования использовались расчет средних значений и стандартных отклонений (M±S), критерий Стьюдента для независимых и зависимых выборок (t), дисперсионный анализ (F). Все математические процедуры осуществлялись с помощью пакета прикладных статистических программ Statistica 12.0.

Результаты и обсуждение

Преподаватели, принявшие участие в исследовании, оказались в наибольшей степени склонными использовать стратегию аттрактивного поведения и в наименьшей степени – силового влияния. Стратегии уклонения, самовозвышения и самопринижения занимают промежуточное положение. Отметим, что предпочтение стратегии аттрактивного поведения педагогами зафиксировано и в других исследованиях [30]. Такое соотношение стратегий самопрезентации обнаружилось и в выборке преподавателей-мужчин, и в выборке преподавателей-женщин. Основное различие в стратегиях самопрезентации между выборками мужчин и женщин обнаружилось по параметру самовозвышения, который оказался достоверно выше в мужской выборке (табл. 1).

Табл. 1. Стратегии самопрезентации в выборках преподавателей-мужчин и преподавателей-женщин (M±S)
Tab. 1. Self-presentation strategies used by male and female lectures (M±S)

Стратегия самопрезентации	По всей выборке	Женщины	Мужчины	t
Уклонение	3,83±0,84	3,78±0,97	3,88±0,73	0,30
Аттрактивное поведение	5,03±0,80	5,11±0,77	4,96±0,85	0,49
Самовозвышение	3,75±0,92	3,29±0,86	4,18±0,77	2,94**
Самопринижение	3,48±1,11	3,20±1,19	3,75±1,00	1,34
Силовое влияние	3,11±1,28	2,81±1,52	3,39±0,97	1,22

Прим.: ** – p=0,01.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

В структуре психологических портретов преподавателей, составленных студентами в результате непосредственного взаимодействия с ними в учебной аудитории, наиболее высокие оценки получили характеристики, отражающие уровень профессионализма и отношения к работе. Наименьшие значения получили обобщенные, недифференцированные характеристики личности. Структурных и уровневых различий психологических портретов преподавателей-мужчин и преподавателей-женщин обнаружено не было (табл. 2). Примечательно, что различий в характеристиках личности, атрибутируемых студентами преподавателям-мужчинам и преподавателям-женщинам, не было обнаружено не только при анализе суммарных показателей, описывающих различные стороны личности преподавателей, но и при сравнении частных характеристик, составивших отдельные пункты методики полярных профилей.

Можно отметить, что результаты исследования подтверждают представленные в литературе данные о дифференцированном характере влияния различных стратегий самопрезентации на оценку личности преподавателя и уровня его профессиональной компетентности при непосредственном взаимодействии в учебной аудитории [10; 11]. Аттрактивное поведение способствует формированию образа преподавателя как человека, приятного в общении и демонстрирующего доброжелательное отношение к студентам. Однако оценка профессионализма преподавателя оказалась обусловлена, в первую очередь, демонстрацией им самопрезентационной стратегии самовозвышения, проявляющейся в продвижении своих компетенций, возможностей и достижений, что, как ранее было показано в исследовании I. G. Farreras и R. W. Boyle [12], наиболее ярко проявляется в выборке преподавателей-женщин.

Табл. 2. Характеристики личности преподавателей-мужчин и преподавателей-женщин, атрибутируемые по итогам непосредственного взаимодействия в учебной аудитории (M±S)
Tab. 2. Characteristics attributed to male and female lecturers as a result of direct interaction in the classroom (M±S)

Характеристики личности	По всей выборке	Женщины	Мужчины	t
Стиль поведения	5,31±0,40	5,39±0,40	5,23±0,41	1,05
Стиль общения	5,07±0,65	5,21±0,52	4,94±0,75	1,16
Отношение к студентам	5,31±0,46	5,43±0,48	5,19±0,41	1,47
Профессионализм	5,94±0,43	6,03±0,42	5,85±0,44	1,15
Отношение к работе	5,48±0,40	5,53±0,37	5,42±0,44	0,74
Профессиональные способности	5,03±0,52	5,11±0,53	4,94±0,51	0,91
Обобщенная оценка личности	4,79±0,64	4,96±0,57	4,63±0,69	1,44

Дисперсионный анализ показал, что атрибуция характеристик стиля общения, стиля поведения и отношения к студентам, приближающихся к эталонному образу преподавателя, определяется уровнем выраженности стратегии аттрактивного поведения независимо от пола преподавателя (F=5,43, p=0,02; F=4,13, p=0,05; F=7,02, p=0,01; F=4,03, p=0,04). Такая же тенденция выявлена для показателя Обобщенная оценка личности (F=6,25, p=0,02). Атрибуция преподавателю профессиональных способностей оказалась детерминированной степенью выраженности стратегии самовозвышения (F=6,25, p=0,02), влияние которой на степень соответствия психологического портрета конкретного преподавателя эталонному ролевому образу зависит в том числе от половой принадлежности (F=3,75, p=0,05): выраженность стратегии самовозвышения определяет атрибуцию более высоких оценок профессиональных способностей, в первую очередь, преподавателям-женщинам (рис. 1). На рисунке зависимой переменной является оценка профессиональных способностей преподавателя по результатам непосредственного межличностного контакта, независимые переменные – уровень выраженности стратегии самовозвышения и пол преподавателя (1 – мужской, 2 – женский)

Анализ психологических портретов преподавателей, сформировавшихся у студентов в результате просмотра лекционных видеоматериалов, продемонстрировал тенденцию к увеличению различий между ними и эталонным образом преподавателя, что особенно наглядно на материале анализа образа преподавателя, формирующегося у студентов в ходе внеаудиторной медиалекции. Эта тенденция

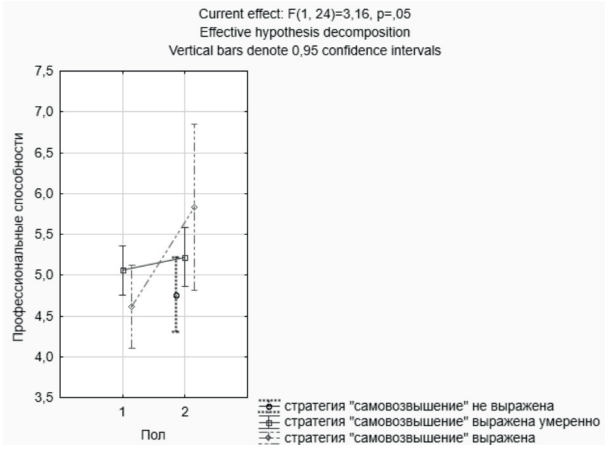

Рис. 1. Результаты дисперсионного анализа
Fig. 1. Results of variance analysis

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

универсально проявляется и в выборке преподавателей-мужчин, и в выборке преподавателей-женщин. Структура психологических портретов преподавателей в целом сохраняется: как в случае непосредственного взаимодействия с преподавателем в аудиторном формате, так и при опосредованном взаимодействии наиболее высоко студенты оценивают те качества преподавателей, которые характеризуют уровень их профессионализма, отношение к работе и студентам. С помощью t-критерия для зависимых выборок было установлено, что зафиксированные негативные сдвиги оценок статистически значимы для пяти из семи блоков личностных качеств, атрибутируемых студентами преподавателю в ситуации публичной медиалекции, и для всех семи блоков – в ситуации внеаудиторной медиалекции (табл. 3).

В сравнении с ситуациями непосредственного прямого межличностного контакта, при опосредованной коммуникации возрастает критичность оценивания партнера по взаимодействию [25]. В целом формат публичной медиалекции в большей степени способствует сохранению устойчивости восприятия коммуникативных особенностей преподавателя и его профессиональных способностей, чем просмотр медиалекции, записанной преподавателем в отсутствие студенческой аудитории.

Дисперсионный анализ показал, что более высокие оценки личности преподавателя по параметрам отношения к студентам и стиля общения в условиях публичной медиалекции, как и в случае непосредственного межличностного контакта, определяются выраженностью самопрезентационной стратегии аттрактивного поведения (F=4,47, p=0,05; F=4,05, p=0,05). Оценки профессиональной компетентности преподавателя оказались в этом случае опосредованными выраженностью стратегии самовозвышения независимо от пола преподавателя (F=3,99, p=0,05). Статистически достоверных сведений о влиянии стратегий самопрезентации, предпочитаемых преподавателем, на характеристики его образа, складывающегося у студентов в ситуации внеаудиторной медиалекции, в нашем исследовании получено не было. Обнаружено, что негативные сдвиги в оценках личностных качеств преподавателя студентами определяются стратегиями самопрезентации только в контексте анализа результатов публичной медиалекции и не демонстрируют никаких связей друг с другом на материале анализа внеаудиторной медиалекции, причем стратегии самопрезентации, усиливающие негативный сдвиг оценок, различаются в выборках преподавателей-мужчин и преподавателей-женщин: выраженность стратегии уклонения способствует более негативным оценкам уровня профессионализма и профессиональных способностей преподавателей-женщин (рис. 2, 3), в то время как в выборке преподавателей-мужчин зафиксирована прямая взаимосвязь выраженности самопрезентационной стратегии силового влияния с оценками тех качеств их личности, которые

Табл. 3. Характеристики личности преподавателей-мужчин и преподавателей-женщин, атрибутируемые по итогам просмотра публичных и внеаудиторных медиалекций (M±S)

Tab. 3. Characteristics attributed to male and female teachers after public and extracurricular media lectures (M±S)

Характеристика личности	По всей выборке	Женщины	Мужчины	$t_{пол}$	$t_{тип\ лекции}$
По итогам просмотра публичной медиалекции					
Стиль поведения	4,86±0,42	4,83±0,41	4,88±0,43	0,34	4,84**
Стиль общения	4,81±0,75	4,86±0,59	4,76±0,90	0,35	1,67
Отношение к студентам	5,05±0,48	5,08±0,44	5,02±0,53	0,31	2,39*
Профессионализм	5,49±0,47	5,47±0,51	5,51±0,44	0,20	4,73**
Отношение к работе	5,28±0,46	5,34±0,52	5,22±0,41	0,72	2,09*
Профессиональные способности	4,89±0,57	4,93±0,58	4,85±0,58	0,36	1,78
Обобщенная оценка личности	4,48±0,74	4,52±0,56	4,43±0,90	0,30	2,28*
По итогам просмотра внеаудиторной медиалекции					
Стиль поведения	4,76±0,56	4,90±0,37	4,62±0,68	1,44	6,16**
Стиль общения	4,35±0,74	4,39±0,58	4,31±0,90	0,26	5,73**
Отношение к студентам	4,93±0,50	5,02±0,47	4,85±0,54	0,92	4,12**
Профессионализм	5,26±0,48	5,36±0,35	5,17±0,59	1,05	6,99**
Отношение к работе	5,13±0,51	5,15±0,40	5,10±0,61	0,25	3,30**
Профессиональные способности	4,59±0,62	4,61±0,49	4,57±0,74	0,17	3,45**
Обобщенная оценка личности	4,30±0,62	4,33±0,52	4,27±0,73	0,27	4,38**

Прим.: $t_{пол}$ – значения t-критерия, полученные при сравнении выборок преподавателей-мужчин и преподавателей-женщин; $t_{тип}$ лекции – значения t-критерия, полученные при сравнении атрибуций личностных качеств в условиях непосредственного взаимодействия и медиалекции;* – p=0,05; ** – p=0,01.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

характеризуют отношение к работе (рис. 4). На рисунках 2–4 зависимые переменные – это сдвиги в оценках личностных характеристик преподавателей в условиях публичной медиалекции, в сравнении с ситуацией непосредственного межличностного контакта; независимые переменные – уровень выраженности стратегий самопрезентации и пол преподавателя (1 – мужской, 2 – женский).

Можно констатировать, что в ситуации публичной медиалекции сохраняются те же взаимосвязи между стратегиями самопрезентации преподавателей и представлениями студентов об их личности, что и при непосредственном контакте, на фоне тенденции к нивелированию гендерных различий. Наиболее «чувствительными» к особенностям самопрезентационного поведения, демонстрируемого преподавателями, в условиях публичной медиалекции оказываются те характеристики, которые характеризуют преподавателя как профессионала. На этом основании можно утверждать, что публичная медиалекция предъявляет больше требований к навыкам эффективного самопрезентационного поведения преподавателя, в сравнении с ситуацией непосредственного межличностного контакта, в которой «шероховатости» самопрезентационного поведения преподавателя могут отчасти сглаживаться.

Интересным представляется факт отсутствия взаимосвязей между стратегиями самопрезентации преподавателей и оценками их личностных характеристик, сформулированными студентами по результатам знакомства с внеаудиторными медиалекциями. В исследованиях, проведенных в 1970-х гг. для нужд телевидения, было показано, что в опосредованной коммуникации личность человека проявляется значительно ярче и, как следствие, получает более объемную социально-психологическую интерпретацию в восприятии других людей. Это ситуации, когда изложение ведущим тех или иных идей представлено в виде диалога с соведущим(и), разворачивающегося в контексте взаимодействия между ними перед телекамерой [31]. Представляется, что в нашем исследовании обнаружился тот же социально-психологический эффект: личность человека как объекта социально-психологической интерпретации намного полнее раскрывается во взаимодействии с другими людьми. Как следствие, в публичной медиалекции управление впечатлением о себе оказывается значительно более связано с самопрезентационным поведением преподавателя, в то время как в условиях внеаудиторной медиалекции преподаватель лишен естественного контекста проявления своих личностных особенностей и в силу этого лишен возможности продуктивно управлять процессом формирования образа самого себя в восприятии студентов. Можно предположить, что широко обсуждаемая сегодня проблема содержания подготовки преподавателей вузов к разработке и реализации образовательных онлайн-курсов в первую очередь затрагивает вопросы, связанные с подготовкой к проведению внеаудиторных медиалекций.

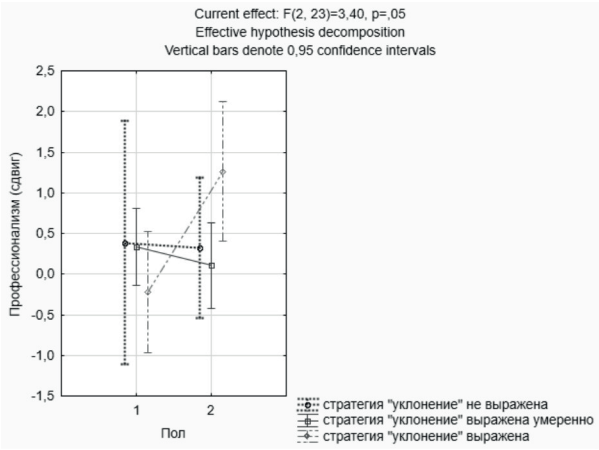

Рис. 2. Результаты дисперсионного анализа по параметру профессионализма
Fig. 2. Results of variance analysis by the parameter of professional qualities

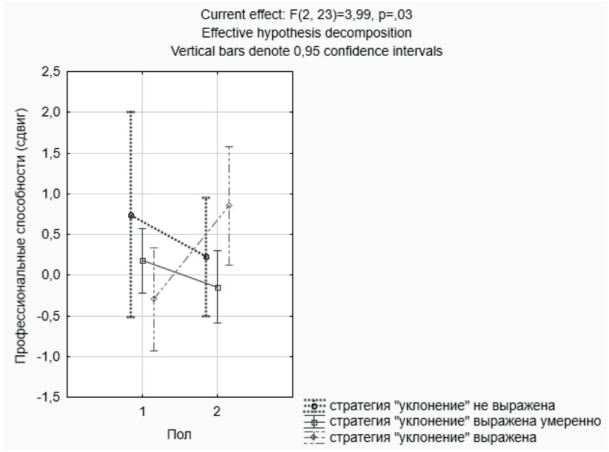

Рис. 3. Результаты дисперсионного анализа по параметру профессиональных способностей
Fig. 3. Results of variance analysis by the parameter of professional qualities

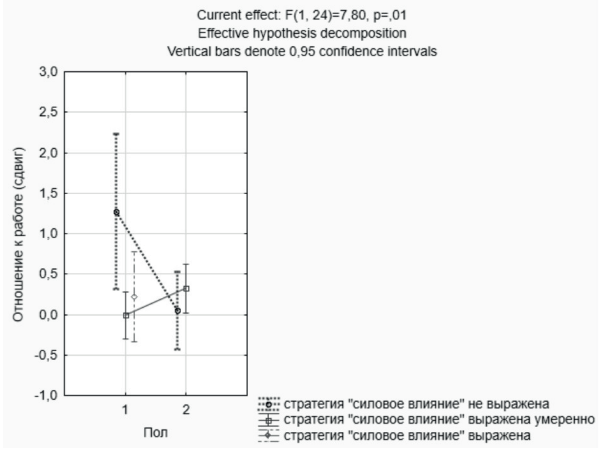

Рис. 4. Результаты дисперсионного анализа по параметру отношения к работе
Fig. 4. Results of variance analysis by the attitude-to-work parameter

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

Заключение

В образе преподавателя, формирующемся у студентов по итогам лекционного занятия при непосредственном межличностном контакте, наиболее высоко оцениваемыми оказываются характеристики личности, отражающие уровень профессионализма и отношение к работе. Высокие оценки профессионализма преподавателя обеспечиваются, в первую очередь, реализацией самопрезентационной стратегии самовозвышения, что особенно наглядно проявляется в выборке преподавателей-женщин. Оценки таких сторон личности преподавателя, как стиль общения, стиль поведения и отношение к студентам определяются степенью выраженности стратегии аттрактивного поведения. Таким образом, в ситуации непосредственного межличностного контакта максимальное сближение образа преподавателя, формирующегося у студентов, с эталонной ролевой моделью определяется стратегиями самовозвышения и аттрактивного поведения.

В ситуации публичной медиалекции наблюдаются достоверные негативные сдвиги в оценках личности преподавателя студентами по параметрам профессионализма, отношения к студентам, отношения к работе, стиля поведения, обобщенной оценки личности. Сближение образа преподавателя с эталонной ролевой моделью обеспечивается, как и в случае непосредственного межличностного контакта, стратегиями аттрактивного поведения и самовозвышения. Наименее эффективными в этом плане являются самопрезентационные стратегии уклонения (для женщин) и силового влияния (для мужчин), реализация которых в поведении преподавателей оказывает негативное влияние на оценку их личности студентами, прежде всего, в аспекте свойств, характеризующих профессиональную деятельность. В рамках внеаудиторной медиалекции тенденция к негативизации образа преподавателя усиливается, не будучи опосредованной самопрезентационными стратегиями.

Полученные результаты могут быть использованы в процессе планирования и разработки электронных образовательных ресурсов, для разработки программ повышения квалификации преподавателей, посвященных проблемам онлайн-образования.

Литература

1. Колмогорова Л. С., Спиридонова Г. Г. Представления студентов о самопрезентации педагога // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 135–140. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-135-140
2. Пикулева О. А. Самопрезентация личности как средство управления впечатлением: анализ факторов влияния // Научное мнение. 2014. № 2. С. 140–149.
3. Turnley W. H., Bolino M. C. Achieving desired images while avoiding undesired images: exploring the role of self-monitoring in impression management // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86. Iss. 2. P. 351–360. DOI: 10.1037/0021-9010.86.2.351
4. Хороших В. В. Психологические факторы успешности самопрезентации: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2001. 193 с.
5. Kleinsasser R. C., Mckeachie W. J. Teaching tips: strategies, research, and theory for college and university teachers // Modern Language Journal. 2011. Vol. 78. Iss. 4. P. 545–546. DOI: 10.2307/328598
6. Копанев А. Н. Особенности развития навыка личностного позиционирования преподавателей вуза // Современные вопросы биомедицины. 2019. Т. 3. № 3. С. 103–111.
7. Paulhus D. L. Interpersonal and intrapsychic adaptiveness of trait self-enhancement: a mixed blessing? // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. Iss. 5. P. 1197–1208. DOI: 10.1037/ 0022-3514.74.5.1197
8. Higgins C. A., Judge T. A. The effect of applicant influence tactics on recruiter perceptions of fit and hiring recommendations: a field study // Journal of Applied Psychology. 2004. Vol. 89. Iss. 4. P. 622–632. DOI: 10.1037/0021-9010.89.4.622
9. Pfeffer J., Fong C. T., Cialdini R. B., Portnoy R. R. Overcoming the self-promotion dilemma: interpersonal attraction and extra help as a consequence of who sings one's praises // Personality and Social Psychology Bulletin. 2006. Vol. 32. Iss. 10. P. 1362–1374. DOI: 10.1177/0146167206290337
10. Giacalone R. A., Rosenfeld P. Self-presentation and self-promotion in an organizational setting // The Journal of Social Psychology. 1986. Vol. 126. Iss. 3. P. 321–326. DOI: 10.1080/00224545.1986.9713592
11. Fiske S. T., Cuddy A. J., Glick P. Universal dimensions of social cognition: warmth and competence // Trends in Cognitive Sciences. 2007. Vol. 11. Iss. 2. P. 77–83. DOI:10.1016/j.tics.2006.11.005
12. Farreras I. G., Boyle R. W. The effect of faculty self-promotion on student evaluations of teaching // College Student Journal. 2012. Vol. 46. Iss. 2. P. 314–322.
13. Kim E. J., Berger C., Kim J., Kim M.-S. Which self-presentation style is more effective? A comparison of instructors' self-enhancing and self-effacing styles across the culture // Teaching in Higher Education. 2014. Vol. 19. Iss. 5. P. 510–524. DOI: 10.1080/13562517.2014.880686
14. Кулагина Н. В. Особенности самопрезентации мужчин и женщин в сфере деловых отношений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3. С. 122–128. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-122-128
15. Пикулева О. А. Психология самопрезентации личности: гендерные и возрастные аспекты // Психологическая наука и образование. 2013. № 4. С. 37–44.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

16. Чекалина А. А. Об особенностях самопрезентации женщин-учителей // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 85–88.
17. Семенова Л. Э. Особенности самопрезентации мужчин-педагогов средней школы в контексте их профессиональной деятельности // Психологическая наука и образование. 2008. № 1. С. 82–89.
18. Андреева Г. М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. Режим доступа: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html (дата обращения: 31.01.2020).
19. Войскунский А. Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
20. Обыденкова В. К. Специфика киберсоциализации старших подростков разных психологических типов в социальных сетях интернет-среды // Сб. докладов VI Межвуз. конф. молодых ученых по результатам исследований в области психологии, педагогики, социокультурной антропологии / ред. и сост. А. С. Обухов. М.: Издательский отдел Центра исследовательских технологий REDU, 2011. С. 362–366.
21. Stopfer J. M., Egloff B., Nestler S., Back M. D. Personality expression and impression formation in online social networks: an integrative approach to understanding the processes of accuracy, impression management and meta-accuracy // European Journal of Personality. 2014. Vol. 28. Iss. 1. P. 73–94. DOI: 10.1002/per.1935
22. Rosenberg J., Egbert N. Online impression management: personality traits and concerns for secondary goals as predictors of self-presentation tactics on Facebook // Journal of Computer-Mediated Communication. 2011. Vol. 17. Iss. 1. P. 1–18. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2011.01560.x
23. Becker-Lindenthal H. Students' impression management in MOOCs: an opportunity for existential learning? // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. 2015. Vol. 11. Iss. 2. P. 320–330.
24. Ross J., Sinclair C., Knox J., Bayne S., Macleod H. Teacher experiences and academic identity: the missing components of MOOC pedagogy // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. 2014. Vol. 10. Iss. 1. P. 57–69.
25. Орлова А. В. Особенности социальной перцепции лица человека, предъявляемого на экране монитора: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 21 с.
26. Щукина М. А., Яковлева И. В., Крайнюков С. В., Тютюнник Е. И., Бондарева М. О., Аверьянова О. Ю. Особенности визуальной самопрезентации участников деловой коммуникации в виртуальной образовательной среде // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 59. Режим доступа: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1573-shchukina59.html (дата обращения: 31.01.2020).
27. Кузнецова А. А., Никишина В. Б. Видеолекция как самопрезентация преподавателя вуза в условиях электронного образовательного пространства // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 4. С. 149–155.
28. Безгодова С. А., Панферов В. Н., Микляева А. В., Васильева С. В., Иванов А. С. Принципы разработки инструментария для изучения социально-психологической интерпретации личности (на примере интерпретации личности преподавателя студентами) // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия: мат-лы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 28–30 октября 2019 г.) М., 2019. С. 29–31.
29. Пикулева О. А. Классификация самопрезентации личности: теоретические основания и проблемные аспекты // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 5. № 1. С. 63–69.
30. Долгополова В. С., Барковская О. В. Особенности самопрезентации педагогов в ситуации педагогического взаимодействия «педагог – ученик» // Психологические аспекты развития личности в современном образовательном пространстве: мат-лы региональной науч.-практ. конф. (Благовещенск, 24 октября 2019 г.) Благовещенск, 2019. С. 68–71.
31. Семенова З. Ф. Вербальный и невербальный компоненты в формировании образа лица человека: дис. ... канд. психол. наук. Л., 1985. 160 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

Self-Presentation Strategies as a Factor of Lecturer's Personality Perception by Students in Online Interaction at a Media Lecture*

Anastasiya V. Miklyaeva [a, @, ID1]; Vladimir N. Panferov [a, ID2]; Svetlana A. Bezgodova [a, ID3]; Svetlana V. Vasileva [a, ID4]

[a] Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg

[@] a.miklyaeva@gmail.com

[ID1] https://orcid.org/0000-0001-8389-2275

[ID2] https://orcid.org/0000-0002-3528-3122

[ID3] https://orcid.org/0000-0001-5425-7838

[ID4] https://orcid.org/0000-0002-6052-3431

Received 01.02.2020. Accepted 25.02.2020.

Abstract: The present reseach featured the effect of the self-presentation strategies used by lecturers on the socio-psychological interpretation of their personality by students at media lectures. The research objective was to define self-presentation strategies that help shape a role model behavior which could be adopted by the students in conditions of direct lecturer – audience interaction. The study focused on two contexts of online interaction. Students in the test group were offered a public media lecture and an out-of-class media lecture given by lecturers they had never seen before. After that, the students were asked to describe the lecrurers using the polar profile technique. Both descriptions showed that the maximum convergence of the image of the lecturer with the reference role model resulted from the strategies of self-aggrandizement and attractive behavior. The strategies of evasion (for women) and power (for men) deviated significantly from the reference role model. These types of behavior had a negative impact on perception. Students gave them lower scores for professional qualities. Public media lectures also demonstrated several significant negative shifts in the lecturer's personality assessment that did not depend on the self-presentation strategies.

Keywords: social perception, online education, teacher – student interaction, personality interpretation, first impression

For citation: Miklyaeva A. V., Panferov V. N., Bezgodova S. A., Vasileva S. V. Self-Presentation Strategies as a Factor of Lecturer's Personality Perception by Students in Online Interaction at a Media Lecture *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 175–184. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

References

1. Kolmogorova L. S., Spiridonova G. G. The concept of impression management of a teacher as seen by students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (2): 135–140. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-135-140
2. Pikuleva O. A. Personality self-presentation as a means of impression management: the analysis of impact factors. *Nauchnoe mnenie,* 2014, (2): 140–149. (In Russ.)
3. Turnley W. H., Bolino M. C. Achieving desired images while avoiding undesired images: exploring the role of self-monitoring in impression management. *Journal of Applied Psychology,* 2001, 86(2): 351–360. DOI: 10.1037/0021-9010.86.2.351
4. Khoroshikh V. V. *Psychological factors of success of self-presentation.* Cand. Psychol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2001, 193. (In Russ.)
5. Kleinsasser R. C., Mckeachie W. J. Teaching tips: Strategies, research, and theory for college and university teachers. *Modern Language Journal,* 2011, 78(4): 545–546. DOI: 10.2307/328598
6. Kopanev A. N. Features of development of skill of personal positioning of teachers of higher education institution. *Modern issues of biomedicine*, 2019, 3(3): 103–111. (In Russ.)
7. Paulhus D. L. Interpersonal and intrapsychic adaptiveness of trait self-enhancement: a mixed blessing? *Journal of Personality and Social Psychology,* 1998, 74(5): 1197–1208. DOI: 10.1037/ 0022-3514.74.5.1197
8. Higgins C. A., Judge T. A. The effect of applicant influence tactics on recruiter perceptions of fit and hiring recommendations: a field study. *Journal of Applied Psychology,* 2004, 89(4): 622–632. DOI: 10.1037/0021-9010.89.4.622
9. Pfeffer J., Fong C. T., Cialdini R. B., Portnoy R. R. Overcoming the self-promotion dilemma: interpersonal attraction and extra help as a consequence of who sings one's praises. *Personality and Social Psychology Bulletin,* 2006, 32(10): 1362–1374. DOI: 10.1177/0146167206290337

* The research was funanced by The Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-013-00412 "Socio-psychological interpretation of the lecturer's personality in the informational educational environment".

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184

10. Giacalone R. A., Rosenfeld P. Self-presentation and self-promotion in an organizational setting. *The Journal of Social Psychology,* 1986, 126(3): 321–326. DOI: 10.1080/00224545.1986.9713592
11. Fiske S. T., Cuddy A. J., Glick P. Universal dimensions of social cognition: warmth and competence. *Trends in Cognitive Sciences,* 2007, 11(2): 77–83. DOI:10.1016/j.tics.2006.11.005
12. Farreras I. G., Boyle R. W. The effect of faculty self-promotion on student evaluations of teaching. *College Student Journal,* 2012, 46(2): 314–322.
13. Kim E. J., Berger C., Kim J., Kim M.-S. Which self-presentation style is more effective? A comparison of instructors' self-enhancing and self-effacing styles across the culture. *Teaching in Higher Education,* 2014, 19(5): 510–524. DOI: 10.1080/13562517.2014.880686
14. Kulagina N. V. Peculiarities of men's and women's self-presentation in business relationship. *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 2016, (3): 122–128. (In Russ.) DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-122-128
15. Pikuleva O. A. Psychology of personality self-presentation: gender and age aspects. *Psychological Science and Education,* 2013, (4): 37–44. (In Russ.)
16. Chekalina A. A. About features of self-presentation of women-teachers. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, (3): 85–88. (In Russ.)
17. Semyonova L. E. Self-presentation in male teachers working in secondary schools in the context of their professional activity. *Psychological Science and Education*, 2008, (1): 82–89. (In Russ.)
18. Andreeva G. M. Social psychology in space of modern science and culture. *Psikhologicheskie issledovaniia,* 2013, 6(30). Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html (accessed 31.01.2020). (In Russ.)
19. Voiskunskiy A. E. Social perception while social networking. *Moscow University Psychology Bulletin,* 2014, (2): 90–104. (In Russ.)
20. Obydenkova V. K. The specifics of cyber socialization of older adolescents of different psychological types in social networks of the Internet environment. *Proc. VI Interunivers. Conf. of young scientists on the results of research in the field of psychology, pedagogy, and socio-cultural anthropology,* ed. and comp. Obukhov A. S. Moscow: Izdatelskii otdel Tsentra issledovatelskikh tekhnologii REDU, 2011, 362–366. (In Russ.)
21. Stopfer J. M., Egloff B., Nestler S., Back M. D. Personality expression and impression formation in online social networks: an integrative approach to understanding the processes of accuracy, impression management and meta-accuracy. *European Journal of Personality*, 2014, 28(1): 73–94. DOI: 10.1002/per.1935
22. Rosenberg J., Egbert N. Online impression management: personality traits and concerns for secondary goals as predictors of self-presentation tactics on Facebook. *Journal of Computer-Mediated Communication,* 2011, 17(1): 1–18. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2011.01560.x
23. Becker-Lindenthal H. Students' impression management in MOOCs: an opportunity for existential learning? *MERLOT Journal of Online Learning and Teaching*, 2015, 11(2): 320–330.
24. Ross J., Sinclair C., Knox J., Bayne S., Macleod H. Teacher experiences and academic identity: the missing components of MOOC pedagogy. *MERLOT Journal of Online Learning and Teaching*, 2014, 10(1): 57–69.
25. Orlova A. V. *Features of social perception of a person's face presented on the monitor screen.* Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2009, 21. (In Russ.)
26. Shchukina M. A., Yakovleva I. V., Kraynyukov S. V., Tyutyunnik E. I., Bondareva M. O., Averyanova O. Yu. Features of the visual self-presentation of participants of business communication in the virtual educational environment. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2018, 11(59). Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1573-shchukina59.html (accessed 31.01.2020). (In Russ.)
27. Kuznetsova A. A., Nikishina V. B. Video lecture as a university teacher's self-representation in the conditions electronic educational resources implementation. *Higher Education in Russia,* 2018, 27(4): 149–155. (In Russ.)
28. Bezgodova S. A., Panferov V. N., Miklyaeva A. V., Vasileva S. V., Ivanov A. S. The design principles for the tool to studying social-psychological interpretation of person (by the example of students' interpretation of teachers' persons). *The appearance in different contexts of interaction:* Proc. All-Russian Sci. Conf., Rostov-on-Don, October 28–30, 2019. Moscow, 2019, 29–31. (In Russ.)
29. Pikuleva O. A. Dassifications of self-presentation of personality: theoretical grounds and problematic aspects. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2013, 5(1): 63–69. (In Russ.)
30. Dolgopolova V. S., Barkovskaya O. V. Features of self-presentation of teachers in the situation of pedagogical interaction "teacher – student". *Psychological aspects of personality development in the modern educational space:* Proc. Regional Sci.-Prac. Conf., Blagoveshchensk, October 24, 2019. Blagoveshchensk, 2019, 68–71. (In Russ.)
31. Semenova Z. F. *Verbal and nonverbal components in the formation of the image of a person's face.* Cand. Psychol. Sci. Diss. Leningrad, 1985, 160. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

оригинальная статья
УДК 316.64

Взаимосвязь особенностей моральной сферы и экстремистских установок в студенческой среде

Олег А. Сычев [a, @, ID1]; Елена В. Жихарева [a, ID2]

[a] Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, Россия, г. Бийск
[@] osn1@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-0373-6916
[ID2] https://orcid.org/0000-0003-4449-9969

Поступила в редакцию 19.12.2019. Принята к печати 11.02.2020.

Аннотация: Представлены результаты исследования связи экстремистских установок с особенностями моральной сферы личности на основе теории моральных оснований Дж. Хайдта. Результаты обзора литературы свидетельствуют, что внимание исследователей преимущественно сосредоточено на правоэкстремистских установках, таких как ксенофобия, национализм, религиозный фанатизм и авторитаризм. Имеющиеся данные о связи таких установок с особенностями моральной сферы не учитывают современных подходов в области психологии морали. Выдвинуто предположение, что сплачивающие моральные основания могут быть связаны с правоэкстремистскими установками. Для его проверки было организовано исследование, в котором приняли участие 397 студентов (83 % – женщины). Испытуемые ответили на вопросы опросника моральных оснований Дж. Грэхема и опросника Экстремистские установки в молодежной среде К. В. Злоказова. По результатам корреляционного анализа индивидуализирующие моральные основания (Забота и Справедливость) демонстрируют обратную связь с правоэкстремистскими установками, в то время как сплачивающие (Лояльность и Уважение) – прямую. При этом моральное основание Чистота характеризуется противоречивыми связями. С помощью линейного структурного моделирования показано, что наибольшее значение в контексте экстремистских установок имеют моральное основание Уважение, сочетающееся с относительно высоким уровнем религиозного фанатизма, ксенофобии и авторитаризма, и моральное основание Забота, сочетающееся с низким уровнем фанатизма, ксенофобии и национализма. Полученные результаты приводят к выводам, что нормы заботы и непричинения вреда, осуждающие насилие, противостоят фанатическим, ксенофобским и националистическим установкам. В то же время моральные нормы уважения авторитетов и традиций при некоторых условиях могут иметь негативные проявления в форме оправдания и поддержки правоэкстремистских установок.

Ключевые слова: мораль, теория моральных оснований, правый экстремизм, религиозный фанатизм, ксенофобия, национализм, авторитаризм

Для цитирования: Сычев О. А., Жихарева Е. В. Взаимосвязь особенностей моральной сферы и экстремистских установок в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 185–193. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

Введение

Экстремизм и терроризм представляют собой серьезную угрозу современному обществу, поэтому психологические факторы экстремизма вызывают значительный интерес ученых. Среди подобных факторов наибольшее внимание привлекают экстремистские установки и убеждения, содержание которых непосредственно отражает радикальные взгляды, толкающие к насильственным противоправным действиям. Серьезным препятствием для исследований является известная по многочисленным работам проблема слабой зависимости между установками и соответствующим им поведением. Данный факт известен как парадокс Лапьера, согласно которому наличие радикальных взглядов и экстремистских установок далеко не всегда приводит к реальному экстремистскому поведению [1; 2]. Наличие таких установок означает всего лишь готовность человека к подобному поведению, которое, как правило, не проявляется в силу действия внешних или внутренних сдерживающих факторов. Деятельность по выявлению экстремистских установок может помочь выявить группу риска и организовать прицельную профилактическую работу, что свидетельствует о практической значимости подобных исследований.

Одной из основных задач психологического исследования экстремистских установок является их описание и операционализация. Выделение и описание установок может быть выполнено дедуктивным путем на основе накопленного теоретического знания и выводов, полученных в прошлых исследованиях, либо индуктивным путем на основе обобщения конкретного фактического материала. Примером реализации индуктивного подхода

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

является исследование экстремистского склада ума (*militant extremist mind-set*), проведенное Л. Станковым с соавторами [3]. Ученые с помощью качественных и количественных методов выполнили анализ содержания большого объема текстов, отражающих разные проявления воинствующего экстремизма. Итогом их работы стало описание трех основных факторов, характеризующих особенности экстремистского сознания. Первый фактор отражает убеждение в оправданности насилия как средства решения социальных проблем; второй – убеждение в неправильном, несправедливом устройстве и порочности общества; третий, наиболее характерный для религиозного экстремизма, – убеждение в наличии поддерживающей их действия божественной силы и посмертном воздаянии за праведную жизнь и мученичество. Для выявления этих экстремистских убеждений авторами был предложен опросник, который еще не использовался в нашей стране.

На основе теоретического анализа и обобщения прошлых исследований Д. Г. Давыдовым были описаны личностные диспозиции насильственного экстремизма, включающие культ силы и агрессивность, интолерантность, аутгрупповую враждебность, конвенциональное принуждение, социальный пессимизм и деструктивность, мистичность, борьбу и преодоление, нормативный нигилизм и антисубъективизм (антиинтрацепция) [4]. Для диагностики этих диспозиций Д. Г. Давыдовым и К. Д. Хломовым был разработан соответствующий опросник [5].

В исследовании К. В. Злоказова на основе результатов теоретического анализа проблемы и контент-анализа предшествующих методик, выявляющих экстремистские установки и убеждения, был составлен список из 113 утверждений, характерных для представителей групп экстремистских течений националистической, политической и религиозной направленности [6]. После апробации опросника и обобщения посредством факторного анализа были выделены четыре основные экстремистские установки: фанатизм, национализм, ксенофобия и авторитаризм, – для измерения которых был составлен краткий опросник. Достоинства такого подхода, связанные с лаконичным и близким к практике содержанием списка экстремистских установок, экономичностью и простотой методики, стали причиной его популярности в нашей стране. В то же время рассмотренные в рамках этого подхода установки относятся к числу правоэкстремистских – левоэкстремистские оказались вовсе не представлены.

В исследованиях предшественников было отмечено, что экстремистские установки связаны с социально-демографическими характеристиками: полом, возрастом, типом занятости [7]. Фанатизм связан с возрастом респондентов (чем старше, тем более выражен), ксенофобия – с полом (сильнее проявляется у юношей, чем у девушек), а национализм – со всеми демографическими характеристикам (видом занятости, полом и возрастом). В исследовании ксенофобских установок у подростков, проведенном О. Д. Гуриной, было выявлено, что такие установки свойственны как подросткам с противоправным поведением, так и с нормативным, в большей мере их разделяют юноши [8].

Описанные в литературе психологические характеристики лиц с экстремистскими взглядами включают данные об особенностях моральной сферы личности. Для подростков с ксенофобскими установками характерным является низкий уровень развития морального сознания, который проявляется в моральных суждениях эгоцентрического и группоцентрического уровней [8]. В исследовании ценностных ориентаций молодых людей с правоэкстремистскими взглядами, состоящих в националистических группах, было выявлено снижение значимости ценностей морального характера, таких как доброта и универсализм, при одновременном повышении ценности власти [9]. Несмотря на интерес ученых к моральным факторам экстремистских установок, в отечественной психологической литературе не удалось обнаружить исследования, основанные на современных теоретических подходах в области психологии морали.

Мы опирались на одну из наиболее известных современных психологических теорий морали – теорию моральных оснований, ранее неоднократно рассмотренную в целом ряде русскоязычных публикаций [10–14]. В основу теории положен тезис, по которому существует ограниченный набор закрепленных в результате эволюции механизмов, реализующих интуитивную моральную оценку событий и поступков в эмоциональной форме [15]. Сознательные моральные суждения являются вторичными по отношению к таким эмоциональным механизмам и формируются на их основе под влиянием культурной среды. Такие базовые механизмы эмоциональной оценки и соответствующие им критерии (основания) получили название моральных оснований. Авторами этого подхода было выделено и описано пять моральных оснований [16]:

1) Забота (одобрение проявлений доброты, готовности помочь и запрет на причинение вреда);

2) Справедливость (одобрение честности, объективности, непредвзятости, соблюдения прав и осуждение несправедливости, неравенства, обмана);

3) Лояльность группе (одобрение преданности своей группе и осуждение предательства);

4) Уважение (одобрение почтительного отношения к власти и авторитетным лицам, подчинения авторитетам, уважение обычаев, традиций и осуждение непочтительности, отхода от традиций);

5) Чистота (одобрение воздержанности, нравственной чистоты, уважения святынь и осуждение отвратительных, греховных поступков и развращенности).

Моральные основания Забота и Справедливость в основном касаются оценки поступков во взаимоотношениях между отдельными людьми. По этой причине они объединяются в категорию индивидуализирующих моральных оснований, или этики автономии. Основания Лояльность, Уважение и Чистота в большей мере сосредоточены вокруг

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

отношений между человеком и обществом, они способствуют сплачиванию вокруг лидера, ценностей группы и ее сакральных объектов. Все это дает возможность называть их сплачивающими моральными основаниями, или этикой сообщества. Роль моральных оснований в общественной жизни была проиллюстрирована данными о том, что соотношение этики автономии и этики сообщества тесно связано с консервативными и либеральными взглядами [17]. Консервативные взгляды, как правило, сочетаются с высокой оценкой как индивидуализирующих, так и сплачивающих моральных оснований. У лиц с либеральными взглядами оценка моральных оснований этики автономии обычно выше этики сообщества. С учетом этих фактов для характеристики соотношения индивидуализирующих и моральных оснований в исследованиях был предложен коэффициент, представляющий собой разность между ними [18] и получивший впоследствии условное название *прогрессивизм* [19]. Этот термин не несет оценочной нагрузки, он всего лишь отражает тот факт, что этика сообщества более характерна для обществ с традиционной культурой, а этика автономии – для обществ современного типа.

Из прошлых исследований, проведенных на базе теории моральных оснований, известно: такие особенности показывают связь с правым авторитаризмом и ориентацией на социальное доминирование [20; 21], внешнеполитическими установками [22], политическими убеждениями, проявляющимися в предпочтении либеральной или консервативной идеологий, с мнениями по спорным социально-политическим проблемам [12; 16; 23]. Моральные основания как непосредственно, так и отчасти опосредованно через моральную эксклюзию предсказывают различные установки по отношению к мигрантам-мусульманам, прибывающим в страны восточной Европы [24]. На вероятную связь моральных оснований с экстремистскими убеждениями указывают и результаты недавнего исследования на материале, полученном из социальной сети *Twitter* [25]. В этом исследовании в ходе анализа текстовых материалов с помощью словаря моральных оснований не только подтвердились выводы о большей роли сплачивающих моральных оснований у лиц с консервативными и правыми убеждениями, но и обнаружилось, что правые экстремисты используют лексику морального основания Уважение существенно чаще, чем лица левых убеждений и право-консервативные пользователи *Twitter*, не демонстрирующие экстремистских взглядов. Этот результат указывает на то, что важность норм уважения и подчинения авторитету может выступать одной из ярких особенностей моральной сферы экстремистов.

Описанный в литературе группоцентрический характер экстремистских взглядов и террористической деятельности [26, с. 144] хорошо согласуется с нормами и ценностями сплачивающих моральных оснований, поэтому вывод о частом использовании лексики с семантикой уважения в экстремистских твитах выглядит закономерным. Сплачивающие моральные основания Лояльность и Чистота также могут показать связь с правоэкстремистскими взглядами, отражающими неприятие чужих групп (ксенофобия) или преувеличенную ценность своей группы (национализм) и ее религии (фанатизм). Разумно предполагать, что индивидуализирующие моральные основания, включающие нормы заботы, непричинения вреда, справедливости, непредвзятости, должны противостоять экстремистским установкам. Таким образом, предположение о связи моральных оснований с экстремистскими установками является обоснованным. В процессе эмпирической проверки этого предположения необходимо уточнить, какие именно моральные основания наиболее тесно связаны с различными экстремистскими установками.

Методы и выборка исследования

Выборку составили 397 студентов 1–3 курсов Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина, обучающихся по различным педагогическим специальностям. Средний возраст составил 19,62; стандартное отклонение – 1,91. Так как вуз имеет педагогический профиль, большую часть выборки составили девушки (321 испытуемая, 83 %), 12 испытуемых (3 %) пол не указали. Наряду с русскими, составляющими большую часть выборки (365 человек, 84 %), среди испытуемых были также тувинцы (15 человек, 4 %) и алтайцы (7 человек, 2 %), представители других национальностей встречались в единичных случаях.

Экстремистские установки изучались с помощью методики К. В. Злоказова [6; 27]. Эта методика включает четыре шкалы: фанатизм, национализм, ксенофобия и авторитаризм, – образованные четырьмя пунктами, соответствие с которыми оценивается по 4-балльной шкале. Согласно К. В. Злоказову [6], высокие значения по шкале *фанатизм* иллюстрируют увлеченность религией и интерес к религиозным идеям, важность религиозных норм в жизни испытуемого, использование им религиозных догм и канонов в попытках объяснения и понимания социальной реальности. Высокие значения по шкале *национализм* отражают дискриминирующую установку по отношению к представителям других национальностей, нетерпимость к иным культурам и социальным нормам, одобрение репрессивных методов управления. Высокие значения по шкале *ксенофобия* характеризуют стремление отвечающего избегать контакта с представителями других национальностей, религий и убеждений. Высокие значения по шкале *авторитаризм* указывают на присущие испытуемому представления о необходимости твердости в отношениях с окружающими, на негибкость взглядов и решений, категоричность в суждениях. Анализ надежности шкал на нашей выборке показал, что приемлемую надежность по внутренней согласованности демонстрируют две из четырех шкал (альфа Кронбаха): фанатизм (0,76) и ксенофобия (0,69). В то же время коэффициент надежности оказался низким для шкал *национализм* (0,54) и *авторитаризм* (0,41), поэтому необходима осторожная интерпретация результатов по этим шкалам.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

Для диагностики особенностей моральной сферы использовался русскоязычный опросник моральных оснований (*MFQ-Ru*) [14], разработанный на основе англоязычного опросника *MFQ* Дж. Грэхема и др. [16]. Опросник включает в себя пять первичных шкал, две из которых (Забота и Справедливость) предназначены для оценки индивидуализирующих моральных оснований и три (Лояльность, Уважение и Чистота) – для измерения сплачивающих моральных оснований. На основе первичных шкал могут быть вычислены вторичные усредненные показатели по двум типам моральных оснований и индекс прогрессивизма, характеризующий соотношение индивидуализирующих и сплачивающих оснований и равный разности их оценок. Коэффициенты альфа Кронбаха по шкалам опросника находятся в пределах 0,68–0,79, что свидетельствует об их удовлетворительной надежности.

Количественный анализ данных проводился в программе *Jamovi 1.0.7* с использованием коэффициентов корреляции, непараметрических критериев Манна-Уитни и Крускала-Уоллиса. Для анализа системы связей между моральными основаниями и экстремистскими установками было выполнено линейное структурное моделирование в программе *Mplus 7*.

Результаты

В ходе обработки полученных результатов в первую очередь были проверены гипотезы о связи экстремистских и моральных оснований установок с полом. Связь этих характеристик с возрастом не рассматривалась ввиду узкого возрастного диапазона. Результаты анализа различий с помощью критерия Манна-Уитни (табл. 1) указывают на отсутствие различий в выраженности экстремистских установок и наличие ожидаемых различий по моральному основанию Забота – в большей мере выражено у девушек.

С целью анализа связи моральных оснований с экстремистскими установками был проведен корреляционный анализ между показателями по шкалам соответствующих опросников. По результатам анализа моральные основания Забота и Справедливость иллюстрируют слабые или умеренные обратные связи с двумя из четырех экстремистских установок – национализмом и ксенофобией. Моральные основания Лояльность и Уважение имеют только прямые связи с фанатизмом и авторитаризмом. Со шкалой *ксенофобия* слабую прямую связь показало лишь моральное основание Уважение. Связь морального основания Чистота со шкалами экстремистских установок оказалась противоречивой: с национализмом обнаружилась слабая обратная корреляция, в то время как с фанатизмом и авторитаризмом – слабые прямые связи (табл. 2).

Корреляции вторичных показателей методики *MFQ-Ru* с экстремистскими установками показали, что высокая оценка индивидуализирующих моральных оснований сочетается с низким уровнем национализма и ксенофобии, в то время как высокая оценка сплачивающих моральных оснований сочетается с фанатическими и авторитарными установками. Наибольшие число связей и их величину продемонстрировал коэффициент прогрессивизма: чем выше его значение, тем менее выражены все четыре типа экстремистских установок. Иными словами, наименее склонны ко всем рассмотренным правоэкстремистским установкам те студенты, у которых индивидуализирующие моральные основания доминируют над сплачивающими.

Ввиду наличия тесных взаимосвязей между шкалами опросника моральных оснований для выявления индивидуального вклада каждого морального основания в экстремистские установки потребовалось применение многомерных методов анализа. В данном случае для решения этой задачи

Табл. 1. Различия величины экстремистских установок и моральных оснований у юношей и девушек (по критерию Манна-Уитни)

Tab. 1. Extremist attitudes and moral foundations in men vs. women according to Mann-Whitney test

Шкала	Среднее значение		Сумма рангов		U	Z	p
	Ж	М	Ж	М			
Национализм	1,62	1,74	61305,0	13000,0	9945,0	–0,57	незначим
Фанатизм	1,67	1,53	63018,5	11286,5	9141,5	1,59	незначим
Ксенофобия	1,61	1,59	61821,0	12484,0	10339,0	0,08	незначим
Авторитаризм	2,44	2,37	62242,5	12062,5	9917,5	0,59	незначим
Забота	4,50	4,16	64770,5	10695,5	8417,5	2,80	p<0,01
Справедливость	4,52	4,30	63671,0	11795,0	9517,0	1,48	незначим
Лояльность	3,68	3,56	63006,5	12071,5	9860,5	0,89	незначим
Уважение	2,99	2,85	63397,0	11681,0	9470,0	1,36	незначим
Чистота	4,02	3,74	63833,5	11244,5	9033,5	1,89	незначим
Индивидуализирующие МО	4,51	4,23	64345,0	11121,0	8843,0	2,29	p<0,05
Сплачивающие МО	3,56	3,39	63725,5	11352,5	9141,5	1,75	незначим
Прогрессивизм	0,95	0,85	63786,5	11291,5	9080,5	1,83	незначим

Прим.: Ж – женщины (n=321); М – мужчины (n=64); МО – моральные основания.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

Табл. 2. Корреляции между экстремистскими установками и моральными основаниями
Tab. 2. Correlations between extremist attitudes and moral foundations

МО	Национализм	Фанатизм	Ксенофобия	Авторитаризм
Забота	–0,29**	–0,05	–0,25**	0,04
Справедливость	–0,24**	–0,05	–0,24**	0,02
Лояльность	–0,08	0,17**	–0,01	0,13**
Уважение	0,01	0,31**	0,12*	0,19**
Чистота	–0,10*	0,18**	–0,01	0,12*
Индивидуализирующие МО	–0,28**	–0,05	–0,26**	0,03
Сплачивающие МО	–0,08	0,26**	0,04	0,17**
Прогрессивизм	–0,22**	–0,30**	–0,31**	–0,13**

Прим.: * – p<0,05; ** – p<0,01; МО – моральные основания.

было проведено линейное структурное моделирование в программе *Mplus 7* с использованием робастного алгоритма *MLR* [28]. Шкалы опросника моральных оснований при конструировании модели рассматривались в качестве гипотетических предикторов, а экстремистские установки – в качестве зависимых переменных. В ходе анализа использовалась поисково-подтверждающая стратегия, когда исходная модель, включающая все шкалы моральных оснований и все путевые коэффициенты, соответствующие приведенным в табл. 2 корреляциям, последовательно уточнялась путем устранения незначимых параметров. В результате этой процедуры три из пяти моральных оснований были исключены из модели потому, что они не показывали статистически значимых связей с экстремистскими установками. Итоговая путевая модель, представленная на рисунке, показала соответствие данным: $\chi2=1,76$; df=2; p=0,414; CFI=1; TLI=1; RMSEA<0,001; 90 %-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,000–0,096; PCLOSE=0,690; n=397.

Путевая модель отражает наличие существенных обратных связей морального основания Забота с национализмом,

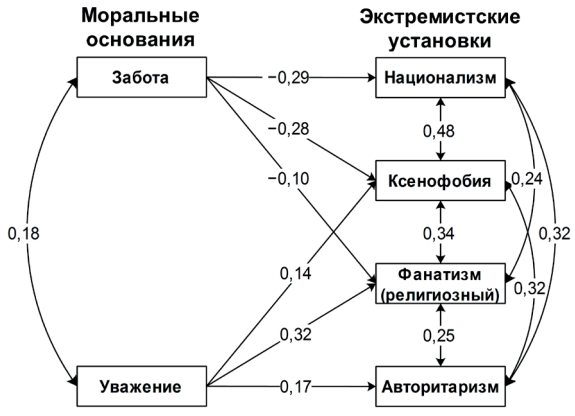

Рис. Структурная модель отношений между шкалами опросника моральных оснований и опросника экстремистских установок (p<0,05)
Fig. Structure model of relations between scales of Moral Foundations Questionnaire and Extremist Attitudes Questionnaire (p<0,05)

ксенофобией и фанатизмом. При этом моральное основание Уважение показывает существенную прямую связь с фанатизмом и слабую прямую – с авторитаризмом и ксенофобией.

Заключение

Полученные результаты полностью подтверждают гипотезу о связи моральных оснований с экстремистскими установками. Моральное основание Забота, включающее осуждающие насилие нормы заботы и запрета причинения вреда, противостоит большинству экстремистских установок. Моральное основание Уважение, напротив, по-видимому, поддерживает экстремистские установки, отражающие религиозный фанатизм, ксенофобию и авторитаризм. Роль этого морального основания в оправдании и поддержке правоэкстремистских установок является наибольшей, на что указывают как число выявленных связей, так и их величина. Этот вывод соответствует результатам недавнего исследования проявлений моральных оснований в текстах экстремистской направленности в социальной сети *Twitter* [25].

Связь норм уважения с фанатизмом и авторитаризмом, вероятно, объясняется тем, что обе эти установки основаны на чрезмерном уважении и слепом подчинении авторитету религиозных догм и духовных наставников (религиозный фанатизм) либо сильной светской власти (авторитаризм). Лица с высокой оценкой морального основания Уважение, по всей видимости, склонны не только проявлять большее уважение и подчинение к действующим лидерам и авторитетам, но и поддерживать подчиненную зависимость от лидеров или идейных течений, демонстрирующих качества, ассоциирующиеся с авторитетностью (силу, решительность, святость, связь с традициями). Более того, не исключено, что в силу чрезмерной ориентации на авторитет такие люди могут при некоторых условиях (например, в период переживания личностных кризисов) искать подобные авторитеты, предлагающие простые решения актуальных проблем и обладающие признаками сильной и достойной власти. В то же время нельзя отрицать обратного влияния религиозных и авторитарных убеждений на моральные нормы, поскольку как религиозные,

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

так и авторитарные идеологии обычно подчеркивают важность уважения власти и авторитетов.

В целом индивидуализирующие моральные основания противостоят большинству экстремистских установок, т. к. входящие в них нормы заботы, непричинения вреда, равенства и справедливости осуждают связанное с экстремистскими взглядами насилие и неравное, несправедливое отношение к представителям других этнических или религиозных групп. Сплачивающие моральные основания, напротив, поддерживают некоторые экстремистские установки (религиозный фанатизм и авторитаризм), обеспечивая их обоснование моральными нормами и принципами (например, уважением к религиозным догмам или авторитетным политикам, использующим популистские праворадикальные лозунги). Прогрессивизм, показавший связь со всеми экстремистскими установками, вероятно, может рассматриваться в качестве наиболее сильного морального противовеса экстремизму. Обнаруженная обратная связь индивидуализирующих моральных оснований с националистическими и ксенофобскими установками соответствует результатам недавнего исследования, проведенного в Венгрии [24], в котором было установлено, что позитивные намерения (оказание помощи) и негативные побуждения (причинение вреда) по отношению к аутгруппе (мигрантам-мусульманам) предсказуемо коррелируют с индивидуализирующими моральными основаниями.

Выводы о наличии как обратных, так и прямых связей моральных оснований с экстремистскими установками совершенно не согласуются с представлением о полном, тотальном противоречии между экстремизмом и моралью [29]. Возможно, этот тезис является верным в глобальном этическом смысле, но психологическая реальность оказывается сложнее – экстремизм осуждается одними моральными нормами, но может поддерживаться другими моральными нормами при некоторых условиях (например, когда экстремистские убеждения основаны на мнении групповых авторитетов или религиозных догм). Этот факт помогает объяснить живучесть экстремистских установок и даже их популярность в некоторых социальных группах.

Вопреки ожиданиям, половая принадлежность не показала существенной связи с экстремистскими установками. Хотя этот факт не соответствует полученным ранее выводам [7], его можно объяснить дисбалансом нашей выборки со значительным преобладанием девушек и относительно небольшим числом юношей.

Корреляционный дизайн проведенного исследования не позволяет сделать вывод о причинно-следственном характере выявленных связей, поэтому было бы преждевременно говорить, что особенности моральной сферы являются факторами формирования экстремистских установок. Вероятно, в процессе формирования моральных норм и социальных установок связь между ними носит взаимоподдерживающий характер, когда определенные моральные основания поддерживают (или напротив, подрывают) какие-либо установки, а те, в свою очередь, укрепляют (либо, соответственно, ослабляют) связанные с ними моральные основания. Несмотря на отсутствие убедительных доказательств причинно-следственной связи, представляется, что при решении практических воспитательных задач разумно исходить из предположения, что воспитание моральных принципов, отражающихся в моральном основании Забота (доброты, помощи и заботы о благополучии окружающих людей), может стать одним из «противоядий» по отношению к отравляющему влиянию экстремистских установок. При воспитании норм и ценностей, соответствующих моральному основанию Уважение, необходимо учитывать возможный побочный эффект, выражающийся в большей готовности к усвоению фанатических и авторитарных экстремистских установок, и заниматься профилактикой подобного негативного эффекта.

В исследовании рассматривался узкий спектр наиболее распространенных экстремистских установок, связанных с правоэкстремистскими взглядами. Моральные основы левоэкстремистских установок могут существенно отличаться от выявленных ввиду совершенно иной идеологической основы [30]. Достоверность полученных выводов ограничивается низкой надежностью двух из четырех шкал экстремистских установок (национализма и авторитаризма), в то время как надежность двух других (религиозного фанатизма и ксенофобии) соответствует принятым в психологической диагностике требованиям. Проверка и уточнение данных относительно моральных основ националистических и авторитарных установок с помощью более надежных шкал составляет перспективу данного исследования.

Выводы

Моральные основания находятся в противоречивых отношениях с экстремистскими установками: индивидуализирующие моральные основания противостоят большинству таких установок, в то время как сплачивающие – сочетаются с такими установками как фанатизм и авторитаризм.

Наиболее существенную прямую связь с экстремистскими установками молодежи показывает моральное основание Уважение, отражающее нормы почитания авторитетов, власти и уважения традиций. Это моральное основание сочетается со склонностью к религиозному фанатизму, ксенофобии и авторитаризму. Следовательно, моральные нормы уважения могут иметь не только позитивные, но и негативные проявления, обеспечивая моральное оправдание правоэкстремистских установок.

Обратная связь экстремистских установок с моральным основанием Забота, отражающим нормы заботы об окружающих людях и запрета на причинение физического или эмоционального вреда, указывает на важную роль этих норм в противостоянии экстремистским установкам. Следовательно, моральные нормы заботы и непричинения вреда, осуждающие насилие, имеют существенное значение для противодействия фанатическим, ксенофобским и националистическим установкам.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

Литература

1. LaPiere R. T. Attitudes vs. actions // Social Forces. 1934. Vol. 13. Iss. 2. P. 230–237. DOI: 10.2307/2570339
2. Wicker A. W. Attitudes versus actions: the relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects // Journal of Social Issues. 1969. Vol. 25. Iss. 4. P. 41–78. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1969.tb00619.x
3. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: proviolence, vile world, and divine power // Psychological assessment. 2010. Vol. 22. Iss. 1. P. 70–86. DOI: 10.1037/a0016925
4. Давыдов Д. Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 106–121. DOI: 10.17759/psylaw.2017070109
5. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78–97.
6. Злоказов К. В. Экстремистские установки в молодежной среде: психологические особенности и метод их исследования. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. 80 с.
7. Яремчук С. В., Ситяева С. М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. Режим доступа: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1557-yaremtchuk58.html (дата обращения: 21.01.2020).
8. Гурина О. Д. Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением // Психология и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 39–57. DOI: 10.17759/psylaw.2016060105
9. Дворянчиков Н. В., Ениколопов С. Н., Сокольская М. Д., Фурсова И. А. Ценностные ориентации правых экстремистов // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 92–103.
10. Заикин В. А. Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта // Национальный психологический журнал. 2017. № 1. С. 32–38. DOI: 10.11621/npj.2017.0104
11. Козлова М. А., Козлов А. И. Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественно-научный аспекты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 60–70.
12. Сычев О. А., Белоусов К. И., Протасова И. Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 60–77. DOI: 10.17223/17267080/73/4
13. Сычев О. А., Беспалов А. М., Прудникова М. М., Власов М. С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85–96. DOI: 10.17759/chp.2016120109
14. Сычев О. А., Протасова И. Н., Белоусов К. И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника *MFQ* // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
15. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // Psychological review. 2001. Vol. 108. Iss. 4. P. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295X.108.4.814
16. Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. Mapping the moral domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. Iss. 2. P. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
17. Graham J., Haidt J., Nosek B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96. Iss. 5. P. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
18. Van Leeuwen F., Park J. H. Perceptions of social dangers, moral foundations, and political orientation // Personality and Individual Differences. 2009. Vol. 47. Iss. 3. P. 169–173. DOI: 10.1016/j.paid.2009.02.017
19. Clark C. B., Swails J. A., Pontinen H. M., Bowerman S. E., Kriz K. A., Hendricks P. S. A behavioral economic assessment of individualizing versus binding moral foundations // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 112. P. 49–54. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.052
20. Kugler M., Jost J. T., Noorbaloochi S. Another look at moral foundations theory: do authoritarianism and social dominance orientation explain liberal-conservative differences in "moral" intuitions? // Social Justice Research. 2014. Vol. 27. Iss. 4. P. 413–431. DOI: 10.1007/s11211-014-0223-5
21. Radkiewicz P. Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 99. P. 106–112. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.080
22. Kertzer J. D., Powers K. E., Rathbun B. C., Iyer R. Moral support: how moral values shape foreign policy attitudes // The Journal of Politics. 2014. Vol. 76. № 3. P. 825–840. DOI: 10.1017/S0022381614000073
23. Koleva S. P., Graham J., Iyer R., Ditto P. H., Haidt J. Tracing the threads: how five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // Journal of Research in Personality. 2012. Vol. 46. Iss. 2. P. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006
24. Hadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: moral exclusion fills the gap // International Journal of Intercultural Relations. 2018. Vol. 64. P. 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.03.006

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

25. Alizadeh M., Weber I., Cioffi-Revilla C., Fortunato S., Macy M. Psychology and morality of political extremists: evidence from *Twitter* language analysis of alt-right and Antifa // EPJ Data Science. 2019. Vol. 8. Iss. 17. DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0193-9
26. Антонян Ю. М., Ростокинский А. В., Гилинский Я. И. Экстремизм и его причины. М.: Логос, 2010. 285 с.
27. Злоказов К. В. Метод исследования экстремистско-деструктивных установок личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1. С. 173–180.
28. Wang J., Wang X. Structural equation modeling: applications using Mplus. Chichester: John Wiley & Sons, 2012. 478 p.
29. Гусейнов О. М. Экстремизм и терроризм как антиподы общественной и личной морали // Исламоведение. 2015. Т. 6. № 4. С. 36–42.
30. Бочарников И. В. Современный левый экстремизм: реанимация, динамика и направления развития // Геополитический журнал. 2017. № 2-3. С. 42–51.

Moral Foundations vs. Extremist Attitudes in University Students

Oleg A. Sychev [a, @, ID1]; Elena V. Zhikhareva [a, ID2]

[a] Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Russia, Biysk

[@] osn1@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-0373-6916

[ID2] https://orcid.org/0000-0003-4449-9969

Received 19.12.2019. Accepted 11.02.2020.

Abstract: The paper features relations between extremist attitudes and moral sphere. The study was based on J. Haidt's Moral Foundations Theory. Most researchers are interested in the problem of right-wing extremist attitudes, e.g. xenophobia, nationalism, religious fanaticism, authoritarianism, etc. However, the existing evidence of the link between such attitudes and some particularities of the moral sphere doesn't take into account modern psychological approaches toward moral. On the basis of moral foundations theory, the authors hypothesized that binding moral foundations may be linked with right-wing extremist attitudes. This hypothesis was tested on 397 university students (women – 83 %). The participants answered the Moral Foundations Questionnaire by J. Graham et al. and Young Men Extremist Attitudes Questionnaire by K. V. Zlokazov. The results of the correlation analysis showed that individualizing moral foundations (Harm and Fairness) were inversely correlated with right-wing extremist attitudes, while binding moral foundations (Loyalty and Authority) showed direct correlation. Such moral foundation as Sanctity showed contradictory correlations with extremist attitudes. Using structure linear modeling the authors demonstrated the significant impact of two moral foundations (Authority and Harm) on extremist attitudes. Authority was associated with a relatively high level of religious fanaticism, xenophobia, and authoritarianism. Care was associated with a low level of fanaticism, xenophobia, and nationalism. The obtained results proved that such violence-condemning values as care and harm avoidance oppose right-wing extremist attitudes. However, such values as respect for authorities and traditions may have potentially negative side effects, e.g. justification and support of right-wing extremist attitudes.

Keywords: moral, moral foundations theory, right-wing extremism, religious fanaticism, xenophobia, nationalism, authoritarianism

For citation: Sychev O. A., Zhikhareva E. V. Moral Foundations vs. Extremist Attitudes in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 185–193. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

References

1. LaPiere R. T. Attitudes vs. actions. *Social Forces,* 1934, 13(2): 230–237. DOI: 10.2307/2570339
2. Wicker A. W. Attitudes versus actions: the relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects. *Journal of Social Issues*, 1969, 25(4): 41–78. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1969.tb00619.x
3. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: proviolence, vile world, and divine power. *Psychological assessment,* 2010, 22(1): 70–86. DOI: 10.1037/a0016925
4. Davydov D. G. The personal dispositions of violent extremism. *Psikhologiia i pravo*, 2017, 7(1): 106–121. (In Russ.) DOI: 10.17759/psylaw.2017070109
5. Davydov D. G., Khlomov K. D. Diagnostics of dispositions of violent extremism. *Psikhologicheskaia diagnostika,* 2017, 14(1): 78–97. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193

6. Zlokazov K. V. *Extremist attitudes among youth: Psychological particularities and method of study*. Ekaterinburg: UrGPU, 2014, 80. (In Russ.)
7. Yaremtchuk S. V., Sityaeva S. M. Age, gender and occupation as predictors of extremist attitudes in early adulthood. *Psikhologicheskie issledovaniia,* 2018, 11(58). Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1557-yaremtchuk58.html#e3 (accessed 21.01.2020). (In Russ.)
8. Gurina O. D. Xenophobic attitudes and personal characteristics of adolescents with deviant behaviour. *Psikhologiia i pravo,* 2016, 6(1): 39–57. (In Russ.) DOI: 10.17759/psylaw.2016060105
9. Dvorianchikov N. V., Enikolopov S. N., Sokolskaya M. D., Fursova I. A. Value orientations of the right-wing extremists. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie,* 2010, (5): 92–103. (In Russ.)
10. Zaikin V. A. Moral functioning: socio-psychological approach. Social intuitionist theory of John Haidt. *National Psychological Journal,* 2017, (1): 32–38. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2017.0104
11. Kozlova M. A., Kozlov A. I. The origins of individual-oriented and group-oriented morality: social-psychological and scientific aspects. *Psikhologicheskii jurnal,* 2016, 37(3): 60–70. (In Russ.)
12. Sychev O. A., Belousov K. I., Protasova I. N. Values and moral foundations as a basis for the socio-political views of youth. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal,* 2019, (73): 60–77. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/73/4
13. Sychev O. A., Bespalov A. M., Prudnikova M. M., Vlasov M. S. Features of moral foundations in Mongol, German and Russian adolescents. *Cultural-Historical Psychology,* 2016, 12(1): 85–96. (In Russ.) DOI: 10.17759/chp.2016120109
14. Sychev O. A., Protasova I. N., Belousov K. I. Diagnosing moral foundations: testing of the Russian version of the Moral Foundations Questionnaire. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 2018, 15(3): 88–115. (In Russ.) DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
15. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological review,* 2001, 108(4): 814–834. DOI: 10.1037/0033-295X.108.4.814
16. Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. Mapping the moral domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, 101(2): 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
17. Graham J., Haidt J., Nosek B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology,* 2009, 96(5): 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
18. Van Leeuwen F., Park J. H. Perceptions of social dangers, moral foundations, and political orientation. *Personality and Individual Differences*, 2009, 47(3): 169–173. DOI: 10.1016/j.paid.2009.02.017
19. Clark C. B., Swails J. A., Pontinen H. M., Bowerman S. E., Kriz K. A., Hendricks P. S. A behavioral economic assessment of individualizing versus binding moral foundations. *Personality and Individual Differences*, 2017, 112: 49–54. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.052
20. Kugler M., Jost J. T., Noorbaloochi S. Another look at moral foundations theory: do authoritarianism and social dominance orientation explain liberal-conservative differences in "moral" intuitions? *Social Justice Research*, 2014, 27(4): 413–431. DOI: 10.1007/s11211-014-0223-5
21. Radkiewicz P. Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation. *Personality and Individual Differences,* 2016, 99: 106–112. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.080
22. Kertzer J. D., Powers K. E., Rathbun B. C., Iyer R. Moral support: how moral values shape foreign policy attitudes. *The Journal of Politics*, 2014, 76(3): 825–840. DOI: 10.1017/S0022381614000073
23. Koleva S. P., Graham J., Iyer R., Ditto P. H., Haidt J. Tracing the threads: how five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality,* 2012, 46(2): 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006
24. Hadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: moral exclusion fills the gap. *International Journal of Intercultural Relations,* 2018, 64: 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.03.006
25. Alizadeh M., Weber I., Cioffi-Revilla C., Fortunato S., Macy M. Psychology and morality of political extremists: evidence from *Twitter* language analysis of alt-right and Antifa. *EPJ Data Science*, 2019, 8(17). DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0193-9
26. Antonian Iu. M., Rostokinskii A. V., Gilinskii Ia. I. *Extremism and its causes.* Moscow: Logos, 2010, 285. (In Russ.)
27. Zlokazov K. V. The method of investigation extremist destructive personality settings. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2014, (1): 173–180. (In Russ.)
28. Wang J., Wang X. *Structural equation modeling: applications using Mplus.* Chichester: John Wiley & Sons, 2012, 478.
29. Guseynov O. M. Extremism and terrorism as antipodes to social and personal moral. *Islamovedenie*, 2015, 6(4): 36–42. (In Russ.)
30. Bocharnikov I. V. Modern left extremism: reanimation, dynamics and directions of development. *Geopoliticheskii zhurnal*, 2017, (2-3): 42–51. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

оригинальная статья
УДК 159.9

Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике

Михаил С. Яницкий [a, @, ID]

[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] direktorspi@kemsu.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3049-8594

Поступила в редакцию 18.12.2019. Принята к печати 06.02.2020.

Аннотация: В настоящей статье, представляющей журнальный вариант доклада Президиуму Российской академии образования, обосновывается собственная структурно-динамическая модель системы ценностных ориентаций личности и социальных общностей, приводятся результаты ее апробации в серии психологических исследований, выполненных на протяжении последних 20 лет. Предметом выступает авторская структурно-динамическая модель системы ценностных ориентаций, целью – ее верификация в психологических исследованиях и психологической практике. Для верификации описываемой модели использовался широкий спектр психодиагностических методик, фокус-групповое исследование, собственная методика исследования ценностной структуры массового сознания, анкетный опрос и др. Результатом исследования является совокупность данных, характеризующих особенности выделенных ценностных типов – адаптирующегося, социализирующегося и индивидуализирующегося. Установлено, что данные ценностные типы, характеризующиеся направленностью на различные по своему происхождению и уровню развития системы ценностей, отличаются и существенными особенностями в уровне осмысленности жизни, интернальности, самоактуализации, имеют отчетливую специфику временной перспективы и жизненной стратегии личности, а также регуляции социального поведения. Выявленные психологические характеристики ценностных типов открывают возможность прогнозирования социального поведения и разработки технологий психолого-педагогического сопровождения становления просоциальной иерархии ценностей. Сделан вывод, что предложенная структурно-динамическая модель применима для характеристики индивидуальных систем ценностных ориентаций, ценностной структуры массового сознания различных общностей, для объяснения закономерностей социального поведения их членов. Предлагаются возможные направления ее дальнейшего применения в психологической науке и практике.

Ключевые слова: ценности, ценностные представления, ценностные типы, массовое сознание, молодежь

Для цитирования: Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

Введение

Социально-экономические изменения, происходящие в постмодернистском обществе, закономерно приводят к существенной трансформации системы ценностных представлений. Вместе с тем подобная ценностная динамика проявляется не только на уровне общества, но и на уровне отдельного человека, касаясь прежде всего личности, формирующейся в настоящее время в условиях трансформирующегося социума. Сказанное определяет актуальность исследования структуры и динамики ценностных ориентаций нового поколения, их социально-психологических детерминант, необходимого для определения возможных направлений психолого-педагогического сопровождения становления просоциальной иерархии ценностей. Это, в свою очередь, требует разработки релевантной психологической модели системы ценностных ориентаций личности и социальных общностей.

Общими теоретико-методологическими основаниями разработки предлагаемой модели выступили известные научные представления о системе ценностных ориентаций личности и социальных общностей в зарубежной и отечественной психологии. Для нашей работы наибольший интерес в методологическом плане представляют уровневые иерархические модели организации ценностных систем. Основным критерием уровневой дифференциации ценностей в концепции А. Маслоу и основанной на ней моделях является их психологическое происхождение. Как известно, А. Маслоу разделяет низшие дефицитарные ценности, связанные с неудовлетворенностью тех или иных потребностей, и высшие бытийные ценности, обусловленные метапотребностями и самоактуализацией [1]. Р. Инглхарт аналогичным образом противопоставляет материалистические и постматериалистические ценности, формируемые вследствие

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

недостаточности или же в результате социализации [2]. Постматериалистические ценности в его концепции фактически распадаются на две группы – социальные и ценности самоактуализации, связанные с ориентацией на присоединение либо саморазвитие. Однако такая точка зрения, имплицитно предполагающая существование трех основных типов ценностной направленности, так и не нашла отражения в эмпирических исследованиях. В модели Х. Клагеса, также восходящей к концепции А. Маслоу, разделяются нормоцентрические ценности общественного долга и признания и аутоцентрические ценности самореализации, определяющиеся ориентацией на социальные нормы или же на собственные убеждения [3]. Теория мотивации К. Альдерфера дифференцирует ценности в зависимости от доминирования потребностей существования, связи или роста [4]. Такой подход, фактически интегрируя модели Р. Инглхарта и Х. Клагеса, позволяет рассматривать ценностную систему как вертикальную иерархию витальных, социальных и индивидуальных по своему происхождению ценностей.

Данные уровни ценностной иерархии отчетливо соотносятся с уровнями самосознания, описываемыми В. В. Столиным и отражающими активность человека как организма, социального индивида и личности [5]. По его концепции, активность человека на уровне организма связана с потребностями в самосохранении, нормальном функционировании и физическом благополучии; ведущими потребностями на уровне социального индивида являются принадлежность к общности и признание; на уровне личности доминирует стремление к самореализации и ориентация на собственные стремления и мотивы [6]. Очевидно, что актуальность тех или иных потребностей, обуславливающая значимость соответствующих им ценностей, отражает общий уровень индивидуального развития. Согласно Л. Колбергу, одной из важнейших предпосылок формирования морально-ценностной сферы личности является уровень интеллектуального развития, последовательно определяющий достижение предконвенционального, конвенционального и постконвенционального уровней моральных суждений [7]. При этом, в соответствии с представлениями Дж. Лёвинджер, каждая стадия личностного развития может оказаться для человека последней, и достигнутый к этому моменту уровень становится его личностным типом [8]. Это выступает основанием для интеграции динамического и типологического подходов к изучению системы ценностных ориентаций личности.

Подобные же структурные и динамические особенности свойственны и системе ценностных предпочтений массового сознания, где доминирование ценностей того или иного уровня соответствует конкретной стадии социально-исторического и экономического развития [2]. Из этого следует, что динамика ценностных предпочтений массового сознания проявляется сменой поколений, ориентирующихся на разные системы ценностей [9]. Логично предположить, что каждое новое поколение потенциально может характеризоваться все более высокоорганизованной ценностной системой. Это подтверждается, например, результатами исследования С. Ю. Моховой, согласно которым поколение Х характеризуется приоритетом ценностей высокого материального положения, для поколения Y наиболее значимыми являются собственный престиж и активные социальные контакты, а поколение Z отличается приоритетом ценностей духовного удовлетворения, занимающих первое место в их ценностной иерархии [10]. Данные этого и других подобных исследований свидетельствуют об обоснованности ранее сформулированного нами тезиса, что развитие социума создает объективные предпосылки для достижения все большим числом людей высших стадий развития ценностной системы и, соответственно, для появления новых, более высоких уровней развития личности [11].

Таким образом, ценностные ориентации личности и социальных общностей представляют собой одновременно гетерогенную, иерархическую и динамическую систему. Подобный характер ценностной системы определяет ее уровневую организацию, которая может быть представлена в виде интегративной психологической модели.

Модель уровневой организации ценностных ориентаций личности и социальных общностей

На основании перечисленных выше теоретико-методологических подходов нами была разработана собственная структурно-динамическая модель системы ценностных ориентаций личности и социальных общностей, основанная на представлении о поэтапном формировании трехуровневой иерархии личностных и социальных ценностей, имеющих различное происхождение [11]. Данная модель в качестве базовых структурно-содержательных параметров включает в себя следующие элементы: стадии ценностного развития; ведущие процессы ценностного развития; механизмы реализации процессов развития; формируемые уровни системы ценностных ориентаций личности; типы личности при доминировании того или иного уровня в ценностной иерархии; типы ценностных предпочтений массового сознания при преобладании соответствующего типа личности. Описываемая модель характеризуется наличием системных связей между названными элементами и их взаимодетерминацией, при этом структура и содержание данных элементов определяется общими особенностями конкретной стадии личностной динамики.

На ***предконвенциональной стадии*** ведущим процессом ценностного развития является адаптация, реализующаяся посредством различных психологических защитных механизмов, обеспечивающих устранение тревоги и поддержание баланса в системе человек – среда посредством модификации ценностных ориентаций. Данные механизмы формируют низший (защитный) уровень системы ценностных ориентаций личности. Остановка личностного развития на этой стадии определяет доминирование ценностей адаптации в индивидуальной ценностной системе, задавая

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

становление адаптирующегося типа личности, ориентирующегося на ценности выживания и самоутверждения. Преобладание этого типа в конкретной общности определяет адаптирующийся тип ценностных предпочтений массового сознания, характеризующийся преобладанием стремления к экономической и физической безопасности.

На ***конвенциональной стадии*** ценностного развития на первый план выходит процесс социализации, реализующийся благодаря действию механизма идентификации, отражающего внутреннее принятие (или непринятие) ценностей значимых других. Этот механизм формирует средний (заимствованный) уровень индивидуальной ценностной системы. Фиксация на данном уровне проявляется в преобладании ценностей социализации и в итоге в формировании социализирующегося ценностного типа, характеризующегося направленностью на традиционные ценности и ценности значимых других. Доминирование данного типа в общности предопределяет социализирующийся тип ценностных предпочтений массового сознания, отличающийся ориентацией на принятые в обществе нормы и благо «своих».

На ***постконвенциональной стадии*** развития ведущим процессом личностной динамики становится индивидуализация, реализующаяся путем включения механизма интернализации, направленного на выработку собственной автономной системы ценностей. Этот механизм обеспечивает формирование высшего (автономного) пласта системы ценностных ориентаций. Достижение данной стадии личностного развития определяет формирование ценностей индивидуализации и тем самым создает условия для становления индивидуализирующегося ценностного типа, ориентирующегося на ценности творчества и личностного роста. При наибольшей распространенности данного типа в социальной общности определяется индивидуализирующийся тип ценностных предпочтений массового сознания, выражающийся в преобладании направленности на самореализацию и саморазвитие ради блага всех людей.

Таким образом, в соответствии с разработанной нами моделью предполагается, что на каждой стадии индивидуального развития формируется отдельный уровень ценностной системы. Формирование ценностных ориентаций личности обеспечивается доминирующим на этой стадии процессом личностной динамики. Данные процессы последовательно формируют отдельные уровни, или пласты, системы ценностных ориентаций личности. Фиксация на какой-либо стадии ценностного развития определяет доминирование соответствующего уровня в индивидуальной системе ценностей, которое формирует аналогичный ценностный тип личности. Ценностная структура массового сознания может быть представлена как совокупность таких типов личности, и преобладание в конкретной общности какого-либо из них определяет соответствующий тип ценностных предпочтений массового сознания.

Результаты верификации модели системы ценностных ориентаций личности и социальных общностей в психологических исследованиях

Описываемая модель была верифицирована в ходе серии эмпирических исследований в области психологии личности, социальной и педагогической психологии. Для эмпирического подтверждения модели уровневой организации системы ценностных ориентаций личности использовался, в частности, факторный анализ индивидуальных рангов значимости терминальных и инструментальных ценностей 425 студентов Кемеровского государственного университета. В результате было выделено три основных фактора, имевших биполярный характер. Данные факторы, обозначенные по своим положительным полюсам как освобождение от ограничений, приверженность традиции и альтруистическая направленность [11], по своему наполнению оказались близки к выделенным типам ориентации на ценности адаптации, социализации и индивидуализации. Положительные полюса выделенных факторов отчетливо соответствуют иерархии уровней смысловой сферы личности, предлагаемой Б. С. Братусем [12]. Такое соответствие позволяет говорить, что данные факторы также представляют собой уровни системы ценностных ориентаций личности, которые находятся в определенной иерархической зависимости и соподчиненности.

Ориентация преимущественно на ценности того или иного уровня подразумевает доминирующее положение данного уровня в индивидуальной ценностной иерархии, что влечет за собой формирование соответствующего типа личности. В качестве основания для экспериментального выделения соответствующих ценностных типов в данном случае использовались субъективные ранги значимости терминальных ценностей. Методом кластерного анализа исследуемые были разделены на три типа, к которым были отнесены, соответственно, 29 %, 46 % и 25 % от их общего числа. Данные типы, достоверно различающиеся рангом значимости терминальных ценностей, представляют собой различные системы ценностных ориентаций: адаптирующийся тип (здоровье, материальная обеспеченность, «свобода от», развлечения); социализирующийся тип (семья, карьера, общественное признание); индивидуализирующийся тип (самореализация, творчество, «свобода для», терпимость).

Для психологической характеристики выделенных ценностных типов использовались данные, полученные по следующим методикам: тест смысложизненных ориентаций (СЖО), самоактуализационный тест (САТ), опросник уровня субъективного контроля (УСК), опросник самоотношения (ОСО), 16-факторный личностный опросник (16PF), миннесотский многоаспектный личностный опросник (MMPI) и др. В результате было установлено, что достижение того или иного уровня ценностной системы и формирование соответствующего ценностного типа определяется степенью выраженности ряда внутренних

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

психологических факторов, таких как осмысленность жизни, интернальность, позитивная Я-концепция, низкая тревожность и фрустрационная напряженность, способность к ассертивному поведению и эмоциональная устойчивость [11]. Отнесенные к адаптирующемуся типу отличаются высокой тревожностью и фрустрационной напряженностью; для представителей социализирующегося типа свойственны конформность, зависимость и экстернальность; индивидуализирующийся тип характеризуется такими особенностями, как высокая осмысленность жизни, интернальность и позитивная Я-концепция.

В серии дальнейших исследований дополнительно изучались другие личностные характеристики выделенных ценностных типов, которые анализировались, в частности, с использованием опросника временной перспективы (ZTPI) и методики «Семантический дифференциал времени» (СДВ). В данных исследованиях продемонстрировано, что отношение ко времени является одной из существенных характеристик рассматриваемых ценностных типов и зависит от уровня развития ценностной системы [13; 14]. Так, особенностью временной перспективы адаптирующегося ценностного типа являются относительно низкие значения по большинству факторов ZTPI. Для ориентирующихся на ценности социализации, наоборот, свойственны самые высокие показатели по всем факторам, за исключением «Негативного прошлого». Представители индивидуализирующегося типа выделяются среди остальных самыми низкими значениями по фактору «Фаталистическое настоящее» и самыми высокими по фактору «Негативное прошлое», что может быть интерпретировано как своего рода эмансипация от прошлого опыта. По методике СДВ адаптирующийся тип отличается самыми низкими величинами оценки прошлого, настоящего и будущего; социализирующийся тип – самыми высокими оценками своего настоящего и будущего; индивидуализирующийся – своего прошлого. Как показывают результаты другого нашего исследования, изменение уровня осмысленности прошлого является наиболее важным для благоприятного переживания последствий перенесенного стресса, значительно менее выраженная тенденция наблюдалась при изменении осмысленности настоящего, а в случае с осмыслением будущего наблюдалась противоположная ситуация [15]. Очевидно, что это отражает различия стратегий смыслового переживания жизненных событий и их эффективности в зависимости от уровня развития ценностной системы.

В отдельных работах рассматривались жизненные стратегии представителей описываемых ценностных типов. Было выявлено, что адаптирующийся тип в перспективе ориентирован на высокий доход, карьеру и создание семьи; социализирующийся – на высокий доход, карьеру и образование; индивидуализирующийся – на образование, самосовершенствование и творчество [16]. Конкретные взаимосвязи жизненных стратегий молодежи с особенностями системы ценностных ориентаций анализировались в работе М. А. Ляховой, по данным которой выделяемые типы жизненных стратегий студентов вуза – фаталистический, конформистский и целеустремленный – различаются содержанием ценностных компонентов, характеризуясь, соответственно, дефицитарными ценностями, ценностями социализации и ценностями самореализации [17].

М. С. Иванов на основе разработанной нами модели описывает аналогичные типы жизненных стратегий обеспечения личной безопасности, различающиеся особенностями реализации во внутренней сфере (в отношении собственного развития), микросреде (в организации своей жизни и быта) и макросреде (в отношении к обществу и государству):

- стратегия адаптации: быть сильным и здоровым; иметь защищенное жилище и средства, необходимые для обеспечения безопасности; жить в социуме, гарантирующем порядок и стабильность;
- стратегия социализации: быть общительным, обладать связями; иметь надежных друзей и близких; жить в обществе, в котором принято соблюдать нормы безопасности;
- стратегия индивидуализации: быть ценным и нужным; быть самодостаточным и автономным; жить в государстве, обеспечивающем соблюдение прав личности и собственности [18].

Таким образом, выделяемые нами ценностные типы характеризуются принципиальными различиями по целому ряду психологических параметров: по уровню осмысленности жизни, интернальности, самоактуализации, имеют отчетливую специфику временной перспективы и жизненной стратегии личности.

Выявленные психологические различия свидетельствуют в пользу уровневой организации системы ценностных ориентаций личности, где низшим уровнем является направленность на ценности адаптации, а высшим – на ценности индивидуализации. Разумеется, интерпретация выделенных групп ценностей как высших или низших, равно как и отнесение конкретных ценностей к тому или иному уровню, является достаточно условной и может вызвать обоснованные возражения. Семейные ценности в описываемой модели отнесены к среднему уровню ценностей социализации. Однако это не ставит под сомнение их важность и связано с тем, что даже в традиционных обществах на определенных этапах жизни семья по своей значимости может уступать приоритет ценностям еще более высокого порядка, таким как защита Родины, служение Богу, сопричастность и счастье всех людей, ответственность за мир, в котором мы живем, и т. п. Кроме того, очевидно, что в каждом конкретном случае та или иная ценность может иметь разный личностный смысл. Например, значимость творчества, рассматриваемого здесь в качестве высшей ценности, на самом деле может определяться не потребностью в самореализации и самовыражении, а выступать средством достижения общественного признания, которое в свою очередь может рассматриваться

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

как условие улучшения собственного материального положения. Возможность такой субъективной смысловой инструментализации или, наоборот, терминализации ценностей определяет перспективу дополнения описываемой модели смысловым измерением.

Наряду с эмпирическим подтверждением описываемой модели на личностном уровне была осуществлена и ее верификация на уровне социальных общностей. Для исследования представленности выделенных ценностных типов в массовом сознании был применен, в частности, метод фокус-групп. Данные фокус-группы были посвящены прояснению характера проблем, стоящих перед участниками и обществом, выявлению социальных установок респондентов, обсуждению критериев оценки ими значимых лиц. В самом конце обсуждения участникам группы задавался вопрос «Что бы вы пожелали себе в будущем?». Исходя из разработанной трехуровневой модели системы ценностных ориентаций личности называемые респондентами ценности были разделены на три группы, соответствующие при их доминировании трем типам ценностных ориентаций. К ценностям адаптации были отнесены высказывания, отражающие направленность на обеспечение выживания, на устранение тревоги по поводу физической и экономической безопасности, на сохранение достигнутого. Ценности социализации были представлены ответами, обусловленными ориентацией на других людей, на социальное одобрение, на достижение определенного социального статуса. Как ценности индивидуализации были интерпретированы высказывания, соответствующие направленности на саморазвитие, самоосуществление и имеющие, скорее, независимый характер. В целом ценности адаптации доминировали у 64 % исследуемых, ценности социализации – у 24 %, ценности индивидуализации – у 3 % респондентов [11].

В последующем мы разработали собственную методику исследования ценностной структуры массового сознания, позволяющую выявить ориентацию на ценности адаптации, социализации или индивидуализации [19]. Данная методика основана на выборе респондентами наиболее важных ценностей из предлагаемого списка, включающего индикаторы ориентации на данные группы ценностей. Список таких ценностей-индикаторов был составлен на основе личностных характеристик выделенных типов личности, полученных в ходе психологического исследования, и результатов фокус-групп, описанных выше. Следует отметить, что эта методика, предназначенная для изучения особенностей массового сознания, представляет собой скорее программу социологического исследования, а не психологический тест, поэтому ее валидность, надежность и стандартность не устанавливались в рамках специальных психометрических процедур. Однако в ряде случаев одновременно анализировались результаты нестандартизованного интервью, анкетного опроса, а также батареи психологических тестов. В частности, использовались методика изучения ценностей личности Ш. Шварца, методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г. У. Солдатовой, тест культурно-ценностных ориентаций Л. Г. Почебут, специально разработанный опросник, основанный на концепции М. Мид. Результаты по этим тестам свидетельствуют в пользу конструктной валидности разработанной методики.

В результате применения данной методики в собственных и независимых исследованиях, реализованных на различных выборках [19–22], были получены сходные результаты, подтверждающие ее надежность и определенную культурную независимость. В большинстве случаев доля отнесенных к адаптирующемуся типу составляла 40–45 %, к социализирующемуся – 30–35 %, к индивидуализирующемуся – 5–10 %, к промежуточному – 20–25 % от общей выборки.

В серии дальнейших исследований, проведенных с использованием описанной методики, изучалось влияние на распространенность рассматриваемых типов таких факторов, как материальное благосостояние и принадлежность к различным стратификационным группам, тип поселения, возраст, уровень образования, особенности родительской семьи и социальное положение родителей [16].

Было установлено, что с ростом материального благосостояния наблюдается существенное снижение направленности на ценности адаптации и рост доли ориентирующихся на ценности социализации и индивидуализации. Социальный статус, сопряженный с уровнем квалификации и характером профессиональной деятельности, оказывает, скорее, опосредованное воздействие на структуру ценностных представлений, более выраженное при сочетании с высоким уровнем доходов.

Тип поселения выступил определенным дифференцирующим фактором, однако его действие оказалось не столь линейным. Наибольшее число ориентирующихся на ценности адаптации отмечается среди сельских жителей, на ценности социализации – среди жителей малых и средних городов, на ценности индивидуализации – среди жителей крупных городов. Доля отнесенных к промежуточному типу последовательно возрастает пропорционально размеру населенного пункта, что может объясняться увеличением числа и разнообразия действующих агентов социализации и большей сложностью этого процесса в крупных городах.

Возрастные различия в распространенности описываемых типов ценностных ориентаций оказались наиболее существенными. С возрастом существенно возрастает доля отнесенных к адаптирующемуся типу за счет постепенного уменьшения процента исследуемых социализирующегося и индивидуализирующегося типов. Более молодые участники исследования существенно реже ориентировались на ценности адаптации и отчетливо чаще – на ценности социализации и индивидуализации, чем люди старшего возраста. Процент неопределившихся в ценностном отношении с возрастом последовательно снижается.

Еще одним значимым фактором, определяющим особенности ценностных предпочтений, выступает уровень образования. Более высокий уровень образования оказался

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

сопряжен с меньшей ориентацией на ценности адаптации и наоборот. Кроме того, полученные результаты свидетельствуют о поступательной динамике ценностного развития на протяжении обучения в вузе – развитие системы ценностных ориентаций личности заключалось в последовательном повышении субъективной значимости ценностей, относящихся к ее высшему уровню.

Особенности родительской семьи, в частности ее структура (полный или неполный состав, наличие братьев и сестер), социальный статус, уровень образования и доходов родителей, в значительной степени предопределяют ценностную структуру массового сознания нового поколения. Соответственно, существующая система ценностных представлений определяется не только социально-экономическим положением тех или иных поколений в их «формативные годы», но и является своеобразным «эхом», отражающим закономерности социального развития предыдущих поколений.

Полученные данные, свидетельствующие о влиянии рассмотренных социально-демографических факторов на ценностную структуру массового сознания, объясняют описываемые многими авторами существенные отличия современного российского общества от западного, которые заключаются в значительно большей ориентации россиян на ценности, связанные с фрустрацией потребности в экономической и физической безопасности. Очевидно, что социально-экономические и демографические условия современной России (ее нынешнее экономическое положение, уровень образования, возрастная структура населения) объективно задают ограничения в формировании направленности массового сознания на постматериалистические ценности.

Разработанная модель выступила методологической основой исследований, посвященных анализу регулятивной функции системы ценностных ориентаций и ее нарушений при различных социальных девиациях, а также характеристике ценностной регуляции поведения в отдельных социальных сферах – межличностном и межкультурном взаимодействии, социокультурных проявлениях сексуальности, экономическом поведении и отношении к деньгам, массово-коммуникационных и информационных предпочтениях, политическом и электоральном поведении [16]. Проведенные исследования ценностных представлений более чем 10 тыс. человек, респондентов ряда репрезентативных и случайных выборок, выявили существенные различия социального поведения в зависимости от типа индивидуальной ценностной системы, позволяющие дать обобщенную социально-психологическую характеристику рассматриваемым ценностным типам (табл.).

Приведенные социально-психологические характеристики в целом подтверждают уровневый характер ценностной структуры массового сознания, при этом наиболее низкому уровню развития соответствует система ценностей промежуточного типа, а наиболее высокому – индивидуализирующегося. Полученные результаты свидетельствуют, что эмпирически выявленный четвертый тип, изначально обозначенный как промежуточный, на самом деле не является смешанным или амальгамным, т. е. сочетающим в себе особенности трех основных ценностных типов, а характеризуется отсутствием какой-либо упорядоченной иерархии ценностей, несформированностью системы ценностных ориентаций. Это позволяет условно отнести его к нулевому уровню развития ценностной системы.

Поскольку распространенность ценностных типов в обществе определяется комплексом социально-экономических и социально-демографических факторов, то полученные результаты уточняют представления о механизмах взаимосвязи социально-экономического положения и социального поведения различных общностей. Описанная социально-психологическая характеристика ценностных типов открывает возможность прогнозирования социального поведения и последующей разработки технологий изменения ценностной структуры массового сознания за счет увеличения доли ценностных типов, имеющих более высокий уровень развития.

В отдельных исследованиях, основанных на описываемой модели, рассматривались ценностные детерминанты политического участия молодежи [23; 24]. Выявлена специфика политического участия в зависимости от направленности на различные системы ценностей. Полученные результаты подтверждают ценностную обусловленность таких характеристик политического участия молодежи, как активность, институционализированность и конвенциональность. Чем выше уровень ценностного развития, тем больший процент молодежи относится к общественно активным людям: наиболее активистским оказывается индивидуализирующийся ценностный тип, наиболее пассивным – промежуточный. Степень институционализированности молодежи, т. е. ее включенности в организационно и юридически оформленную общественно-политическую деятельность, прямо пропорциональна уровню ценностного развития. Конвенциональность политического участия молодежи аналогичным образом обнаруживает наиболее низкие показатели при несформированности ценностной системы, последовательно повышаясь при ориентации на ценности адаптации, социализации и индивидуализации соответственно. Так как распространенность ценностных типов в тех или иных группах молодежи определяется особенностями ее социально-экономического положения, то описанные результаты раскрывают механизм взаимосвязи уровня социально-экономического развития молодежи и характера ее политического участия, что открывает возможность прогнозирования его показателей и тем самым предупреждения радикализации и экстремизма в молодежной среде.

Приведенные результаты свидетельствуют о необходимости создания условий для повышения уровня ценностного развития нового поколения посредством специально

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

Табл. Социально-психологическая характеристика ценностных типов массового сознания
Tab. Social and psychological characteristics of value types of mass consciousness

Ценностный тип			
Адаптирующийся	**Социализирующийся**	**Индивидуализирующийся**	**Промежуточный**
Общие особенности регуляции социального поведения			
Основным механизмом социальной регуляции поведения является страх, следует нормам и правилам, чтобы избежать наказания. Антисоциальное поведение не является неприемлемым и может реализоваться, если риск разоблачения оценивается как невысокий. Допускаются различные ненормативные формы поведения. Отмечается склонность к алкоголизации	Базовым механизмом социального контроля является стыд, следует принятым в группе нормам, чтобы избежать осуждения со стороны значимых других. Если в качестве референтной выступает асоциальная или антисоциальная группа, то высока вероятность девиантного и делинквентного поведения	Отличается внутренней регуляцией поведения, интернализованностью социальных норм. Основным механизмом регуляции поведения выступает вина, следует принятым нормам и правилам, чтобы избежать эго-дистонии. Проявления девиантного и делинквентного поведения практически отсутствуют	Нормативная регуляция поведения не сформирована. Свойственен неустойчивый тип характера. Отмечается наибольшая распространенность различных форм девиантного поведения
Образ «иных» социальных групп и их психосемантическая характеристика			
Представлен преимущественно политически корректными конструктами. Корректность носит скорее внешний, этикетный характер, выступая средством приспособления к требованиям общества. Наиболее корректно определяются женщины и пожилые люди, наименее – психически больные, лица с ограниченными возможностями и национальные меньшинства. Характерно снисходительное отношение к правонарушителям	Употребляет корректные характеристики практически с той же частотой, что и адаптирующийся тип. Однако здесь наиболее толерантно обозначаются женщины и национальные меньшинства, наименее – лица пожилого возраста, что может определяться тем, что референтной группой в данном случае выступают сверстники	Наиболее редко использует в речи политкорректные конструкты, избегая ритуальных форм взаимодействия. Характеристики, которые употребляются при дифференцировании различных социальных групп, отличаются прямолинейной бестактностью формулировок. В то же время отмечается абсолютная корректность в отношении представителей других этнокультурных групп	Отчетливо характеризуется нетерпимостью в отношении национальных меньшинств, наиболее часто используя откровенно расистские определения. Не определившись в ценностном отношении, обретает позитивную самоидентичность через противопоставление себя уничижительно характеризуемым национальным меньшинствам
Сексуальный сценарий и сексуальное поведение			
Отличается наибольшей консервативностью взглядов и ригидностью сексуального поведения, в наименьшей степени склонен к изменению сексуального сценария. Сексуальные потребности в значительной степени фрустрированы, в наибольшей степени реализуются замещающие формы высвобождения сексуальной энергии	Система взглядов на сексуальное поведение неустойчива. Типичны раннее начало сексуальной жизни, наличие регулярных сексуальных отношений и одновременно измены своему партнеру. Характеризуется одновременно достаточно либеральными взглядами в отношении нетрадиционных форм сексуального поведения и относительно высоким уровнем их реализации, что может определяться подражанием	Характеризуется наибольшей гармоничностью и удовлетворенностью своим сексуальным поведением. Модель сексуального поведения в максимальной степени соответствует социокультурным нормам, принятым в обществе. Отмечаются наименьшие показатели фрустрации сексуальных потребностей – реализуются почти все желаемые формы поведения, т. е. сексуальный сценарий является наиболее реалистичным	Имеет самый раскрепощенный сексуальный сценарий. Характеризуется наиболее широким диапазоном приемлемости и наибольшим опытом нестандартных форм сексуального поведения, наиболее склонен к экспериментам и в сексуальной сфере. Одновременно обнаруживается и наибольший процент не имеющих опыта сексуальных отношений

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

Ценностный тип			
Адаптирующийся	**Социализирующийся**	**Индивидуализирующийся**	**Промежуточный**
Экономическое поведение и отношение к деньгам			
Отчетливый приоритет материального благополучия. Типично ощущение нехватки денег, допускаются незаконные способы обогащения. Качество жизни ассоциируется с наличием накоплений и собственности. Деньги воспринимаются как источник благосостояния и удовольствий. Наблюдается наибольший процент потерявших работу	Материальное благополучие ассоциируется с высоким социальным статусом. Свойственно уважение к деньгам и наличию собственности. Характерна подверженность рекламе. Типична ориентация на приобретение дорогих и престижных вещей. Наиболее высокий процент имеющих постоянную работу	Материальная обеспеченность имеет инструментальный характер, воспринимаясь как средство, прежде всего для получения образования и саморазвития. Деньги ассоциируются со свободой и с возможностью самореализации. Наиболее высокий процент занимающихся предпринимательской деятельностью и имеющих работу по совместительству	Характерен низкий уровень контроля своих финансов, нерациональное потребительское поведение. Склонность совершать покупки в долг. Отмечается наиболее высокий процент неработающих
Массово-коммуникационные предпочтения			
Предпочтения печатных СМИ ограничиваются в основном газетами объявлений и ТВ-программами. Из радиостанций и радиопрограмм предпочитают имеющие информационную направленность. Среди телевизионных передач наиболее востребованы местные новости, ток-шоу и сериалы. Интернет воспринимается как средство общения. Предпочтение отдается также развлекательным ресурсам	Из печатных СМИ предпочтение отдается легким, развлекательным изданиям. Составляет основную аудиторию музыкальных FM-станций, предпочитая отечественную музыку. Среди телевизионных программ наибольшей популярностью пользуются спортивные передачи, что сопряжено с принадлежностью к болельщикам той или иной команды. Интернет чаще выступает средством общения, обращаются также к справочным ресурсам	Отмечается высокая востребованность информационно-аналитических печатных изданий и FM-станций, центральных новостных ТВ-программ. Отличительной особенностью является выраженное предпочтение художественных фильмов сериалам и ток-шоу. Интернет воспринимается как средство получения информации, наиболее популярны новостные и образовательные ресурсы	Четко не определены, отличается определенной всеядностью в этом отношении
Политические представления и политическое поведение			
Преобладают идеи равенства, справедливости, протекционизма. Характерно представление о несправедливости ситуации, когда меньшинство управляет большинством, ностальгически позитивное восприятие власти советского периода, гипертрофированное представление о степени влиянии мафии, организованных преступных групп и спецслужб. Примерно равное количество считают себя демократами, коммунистами, социалистами или аполитичными. Свойственна низкая политическая активность	Свои политические взгляды оценивает как демократические, остальной политический спектр практически не представлен. В остальном система политических представлений существенно не отличается от имеющейся у адаптирующегося типа	Свойственно понимание и принятие руководящей роли меньшинства в управлении большинством, резко негативное отношение к власти советского периода, представление об ограниченности возможностей верховной власти, мнение о значимости влияния местной и региональной власти на положение в стране. Политические взгляды можно обозначить как умеренные. В политическом сознании не представлены идеи радикальной либо националистической направленности. Отличается наибольшей политической активностью и вовлеченностью в деятельность общественных организаций	Политические представления близки имеющимся у адаптирующегося типа и в наибольшей степени соответствуют характеристике «авторитарной личности» Т. Адорно. Характеризуется наибольшей политической пассивностью

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

организованной системы социальной, педагогической и воспитательной работы, что закономерно определяет повышение значимости таких институтов формирования системы ценностных ориентаций личности, как учреждения системы образования. Основным вектором развития личности в процессе образования сегодня является развитие системы ценностных ориентаций учащегося, которое можно рассматривать одновременно и в качестве цели, и в качестве результата педагогического процесса [25]. В монографии, обобщающей основные научные и практические результаты, полученные в собственных исследованиях по данной проблеме, охарактеризованы прикладные сферы педагогической психологии, в которых тренд на развитие системы ценностных ориентаций личности проявляется наиболее отчетливо: проблемы психолого-педагогического сопровождения и оценки развития личности в образовательном пространстве; практика личностного консультирования в системе образования и психологическая работа с обучающимися, оказавшимися в кризисной ситуации; психологические аспекты формирования отношения к личной безопасности в образовательной среде; психологические детерминанты сверхнормативной активности учащихся; проблемы становления гражданственности и патриотизма в процессе обучения и воспитания [26].

В серии прикладных психолого-педагогических исследований были обоснованы общие принципы и технологии формирования профессиональной системы ценностных ориентаций педагогов, психологов, социальных работников, военнослужащих и др., базирующиеся на описываемой модели и направленные на создание оптимальных условий для осознания, внутреннего принятия и реализации в собственной деятельности соответствующих профессионально-важных ценностей [27–30]. Так, в разработанной и внедренной нами программе обучения студентов деонтологического профиля основной акцент сделан на осмыслении и интернализации профессионально-значимых ценностей и тем самым на формировании у них профессионального образа мира. Как показала апробация разработанной программы, актуализация личностных смыслов участников в условиях практико-ориентированного и тренингового обучения способствует интернализации получаемых знаний, этических норм и принципов [26]. Это является основой для повышения значимости и внутреннего принятия ценностей, отнесенных к высшему уровню системы ценностных ориентаций личности.

На основе предлагаемого подхода А. А. Утюганов в своих исследованиях обосновывает нарративную технологию формирования системы ценностно-смысловых ориентаций личности, имеющей профессиональную направленность [31; 32]. Нарратив в рассматриваемом контексте понимается автором как способ организации опыта познания мира и одновременно как процесс формулирования ценностных конструктов путем описания жизненных событий. Психологическое содержание разработанной А. А. Утюгановым технологии заключается в создании необходимых условий для прояснения значения личных и профессиональных ценностей, актуализации их субъективной значимости, синхронизации временных локусов смысла, определения характера и направленности временной перспективы личности. Описываемая нарративная технология нацелена на поэтапное формирование ценностей адаптации, социализации и индивидуализации. Ведущими нарраторами на данных этапах выступают педагог или наставник; другие обучающиеся; сам обучающийся. При этом поэтапно задействуются основные психолого-педагогические механизмы формирования системы ценностно-смысловых ориентаций: интериоризация профессионально-важных ценностей; идентификация с их носителями; интернализация профессионально-важных ценностей. В качестве результатов применения такой технологии на этапе адаптации рассматриваются представления о профессионально-важных ценностях, на этапе социализации – их инклюзия, на этапе индивидуализации – их осмысленная реализация. Общим итогом использования описанной авторской технологии является осмысление, внутреннее принятие и последующая реализация в собственной деятельности профессионально-важных ценностей.

Очевидно, что технологии, основанные на предлагаемой модели, могут быть реализованы не только при создании условий для общего развития системы ценностных ориентаций учащейся молодежи, но и при решении задач, связанных с повышением значимости отдельных ценностей, например семейных и других традиционных ценностей, толерантности как ценностной основы человеческих взаимоотношений, а также гражданско-патриотических ценностей – т. е. ценностей, противоположных по своей направленности асоциальной или антисоциальной идеологии.

Заключение

Предложенная структурно-динамическая модель, выделяющая адаптирующийся, социализирующийся и индивидуализирующийся ценностные типы, продемонстрировала свою применимость для характеристики индивидуальных систем ценностных ориентаций, ценностной структуры массового сознания различных общностей, для объяснения закономерностей социального поведения их членов. Несмотря на свою условность и ограничения, свойственные любой теоретической конструкции, данная модель позволяет как выделить основные социально-демографические и социально-экономические детерминанты ценностных предпочтений и оценить степень их влияния, так и описать особенности социального поведения в различных сферах в зависимости от ориентации на ту или иную систему ценностей.

Выделяемые типы ценностных систем обнаруживают определенное сходство с некоторыми другими троичными классификациями. Однако описываемые типы, как это следует из приведенных результатов, являются самостоятельными и реальными и соответствуют существованию

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

отдельных ценностных систем, имеющих различное происхождение, уровень развития и характер влияния на социальное поведение.

Последующее развитие исследований данной проблематики видится в следующих направлениях: разработка и совершенствование методов, позволяющих отнести испытуемых к тому или иному ценностному типу; изучение с их помощью особенностей социального поведения в таких сферах, как учеба и работа, поддержание здоровья, питание и пищевые предпочтения, отдых и досуг и т. д.; использование выявленных психологических характеристик ценностных типов в психологическом консультировании и психологической помощи. В этой связи можно надеяться, что описываемая модель окажется полезной не только специалистам в области психологии, но и в других отраслях науки и практики.

Литература

1. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. 304 с.
2. Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
3. Klages H. Do we all become egos?: on the future of value change // Politische Studien. 1994. Vol. 45. P. 35–43.
4. Alderfer C. P. Existence, elatedness and growth: human needs in organizational settings. N. Y.: The Free Press, 1972. 198 p.
5. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.
6. Касьяник Е. Л., Макеева Е. С. Психологическая диагностика самосознания личности. Мозырь: Содействие, 2007. 224 с.
7. Kohlberg L. Moral stages and moralization: The cognitive developmental approach // Moral development and behavior: Theory research and Social issues. N. Y., 1976. P. 31–53. DOI: https://doi.org/10.1080/02103702.1982.10821935
8. Loevinger J. Ego development: conceptions and theories. San-Francisco: Jossey-Bass, 1976. 542 p.
9. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3
10. Мохова С. Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей X, Y и Z-поколений // Мир науки. 2017. Т. 5. № 2. Режим доступа: http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf (дата обращения: 02.12.2019).
11. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.
12. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
13. Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 175–180.
14. Проконич О. А., Яницкий М. С., Браун О. А. Особенности временной перспективы различных культурно-ценностных типов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1. С. 185–192.
15. Яницкий М. С., Иванов М. С., Утюганов А. А. Изменение осмысленности прошлого, настоящего и будущего как механизм переживания экстремальных ситуаций // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 2. С. 124–130.
16. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.
17. Ляхова М. А. Особенности ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1. С. 167–174.
18. Иванов М. С. Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 128–133.
19. Яницкий М. С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 7–27.
20. Дагбаева С. Б., Санжаева Р. Д. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. Чита: ЗабГГПУ, 2008. 135 с.
21. Зеленин А. А. Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 240 с.
22. Кригер Г. Н. Самосознание представителей телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики. Кемерово: КемГУ, 2010. 126 с.
23. Пфетцер С. А. Политическое участие молодежи российской провинции: структурно-содержательные характеристики и ценностные детерминанты: дис. … канд. полит. наук. Кемерово, 2013. 184 с.
24. Пфетцер С. А., Зеленин А. А., Яницкий М. С. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 143 с.
25. Яницкий М. С., Серый А. В., Пелех Ю. В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // Философия образования. 2013. № 1. С. 175–186.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

26. Яницкий М. С., Серый А. В., Иванов М. С., Утюганов А. А., Хакимова Н. Р. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд. Кемерово: КРИРПО, 2017. 202 с.
27. Яницкий М. С., Браун О. А., Пелех Ю. В., Франчек З., Саласса М. Социокультурные детерминанты становления системы ценностей учителей // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 27–35.
28. Яницкий М. С., Серый А. В. Развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности в профессиональной деятельности специалистов деонтологического статуса // Личность и профессиональная деятельность / под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. С. 147–159.
29. Серый А. В., Яницкий М. С., Иванов М. С. Динамика ценностно-смысловой сферы личности студентов специальности «Социальная работа» в период обучения в вузе // Профессиональная подготовка кадров для социальной сферы: региональный аспект / под ред. Т. Н. Мартыновой. Томск: ТГПУ, 2009. С. 123–146.
30. Костоусов А. Г., Утюганов А. А., Яницкий М. С., Иванов М. С. Представления о безопасности у курсантов военного вуза и ценностно-смысловые предикторы их сформированности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 5. С. 37–54. DOI: 10.15293/2226-3365.1705.03
31. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: дис. ... д-ра психол. наук. Кемерово, 2019. 401 с.
32. Утюганов А. А., Яницкий М. С., Серый А. В. Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 1. С. 76–92. DOI: 10.15293/2658-6762.1901.05

System of Value Orientations of Personality and Social Communities: Structural and Dynamic Model and its Application in Psychological Research and Psychological Practice

Mikhail S. Yanitskiy [a, @, ID]

[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[@] direktorspi@kemsu.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-3049-8594

Received 18.12.2019. Accepted 06.02.2020.

Abstract: The present article is an extended version of the report delivered at the meeting of the Presidium of the Russian Academy of Education. The paper introduces an authentic structural and dynamic model of the system of value orientations of the individual and social communities. The model was tested in a series of psychological studies over the past 20 years. The research objective was to verify the authentic structural-dynamic model of value orientations in psychological research and psychological practice. The author used a wide range of psychodiagnostic techniques, focus group research, questionnaire survey, and authentic methodology for the study of the value structure of mass consciousness, etc. The experiments resulted in a set of data that characterize the features of the selected value types, i.e. adapting, socializing, and individualizing. These value types are characterized by a focus on different in their origin and level of development of the value system. They differ in such significant features as the level of meaningfulness of life, internality, and self-actualization. They also have a distinct specificity of the time perspective and life strategy of the individual, as well as the regulation of social behavior. The revealed psychological characteristics of value types open the possibility of forecasting social behavior, as well as the development of technologies for psychological and pedagogical support of the formation of a Pro-social hierarchy of values. The proposed structural-dynamic model is applicable to the characteristics of individual systems of value orientations and the value structure of mass consciousness of different communities. It can explain the patterns of social behavior of community members. The model can be used in psychological science and practice.

Keywords: values, value representations, value types, mass consciousness, youth

For citation: Yanitskiy M. S. System of Value Orientations of Personality and Social Communities: Structural and Dynamic Model and its Application in Psychological Research and Psychological Practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

References

1. Maslow A. *Toward a Psychology of being.* Moscow: Refl-Buk; Kiev: Wakler, 1997, 304. (In Russ.)
2. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 344.
3. Klages H. Do we all become egos?: on the future of value change. *Politische Studien,* 1994, 45: 35–43.
4. Alderfer C. P. *Existence, elatedness and growth: human needs in organizational settings.* N. Y.: The Free Press, 1972, 198.
5. Stolin V. V. *Self-awareness of the individual.* Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1983, 284. (In Russ.)
6. Kasyanik E. L., Makeeva E. S. *Psychological diagnostics of self-consciousness of the individual.* Mozyr: Sodeisvie, 2007, 224. (In Russ.)
7. Kohlberg L. Moral stages and moralization: The cognitive developmental approach. *Moral development and behavior: Theory research and Social issues*. N. Y., 1976, 31–53. DOI: https://doi.org/10.1080/02103702.1982.10821935
8. Loevinger J. *Ego development: conceptions and theories.* San Francisco: Jossey-Bass, 1976, 542.
9. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. The value orientations system of Generation Z: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal,* 2019, (72): 46–67. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/72/3
10. Mokhova S. Yu. Hierarchy in Purpose-in-life system of the Generations X, Y, Z. *Mir nauki*, 2017, 5(2). Available at: http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf (accessed 02.12.2019). (In Russ.)
11. Yanitskiy M. S. *Value orientations of a person as a dynamic system*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000, 204. (In Russ.)
12. Bratus B. S. *The anomalies of the individual.* Moscow: Mysl, 1988, 301. (In Russ.)
13. Yanitskiy M. S., Seryy A.V., Prokonich O. A. Peculiarities of personality temporal perspective among representatives of different value types of mass consciousness. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2012, (2): 175–180. (In Russ.)
14. Prokonich O. A., Yanitskiy M. S., Braun O. A. Peculiarities of temporal perspective of different cultural and values types. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-1): 185–192. (In Russ.)
15. Yanitskiy M. S., Ivanov M. S., Utyuganov A. A. Changing of meaning-concepts of the past, present and future as the mechanism of experience of extreme situations. *The humanities and social studies in the Far East,* 2012, (2): 124–130. (In Russ.)
16. Yanitskiy M. S. *Value dimension of the mass consciousness.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012, 237. (In Russ.)
17. Lyakhova M. A. Value component peculiarities of life strategies of university students raised without parents'. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-1): 167–174. (In Russ.)
18. Ivanov M. S. Ensuring personal safety as a problem of psychology of the way of life, self-realization and personal identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2015, (3-3): 128–133. (In Russ.)
19. Yanitskiy M. S. The value structure of mass consciousness in modern Russia. *Political and psychological problems of mass consciousness research*, ed. Shestopal E. B. Moscow: Aspect Press, 2002, 7–27. (In Russ.)
20. Dagbaeva S. B., Sanzhaeva R. D. *Value orientations of modern students: ethno-psychological aspect.* Chita: ZabGGPU, 2008, 135. (In Russ.)
21. Zelenin A. A. *Regional model of state youth policy and practice of its implementation*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2008, 240. (In Russ.)
22. Krieger G. N. *Self-Consciousness of representatives of the Teleut ethnos: cultural and historical determinants; structural and content characteristics.* Kemerovo: KemGU, 2010, 126. (In Russ.)
23. Pfetster S. A. *Political participation of the youth of the Russian province: structural and content characteristics and value determinants.* Cand. Polit. Sci. Diss. Kemerovo, 2013, 184. (In Russ.)
24. Pfettser S. A., Zelenin A. A., Yanitskiy M. S. *Political participation and political values of the youth of the Russian province.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2014, 143. (In Russ.)
25. Yanitsky M. S., Seryy A. V., Pelekh Yu. V. The value-and-meaning paradigm as a basis of the post-nonclassical pedagogical psychology. *Philosophy of education,* 2013, (1): 175–186. (In Russ.)
26. Yanitskiy M. S., Seryy A.V., Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Khakimova N. R. *Post-mon-classical pedagogical psychology: value-semantic trend.* Kemerovo: KRIRPO, 2017, 202. (In Russ.)
27. Yanitskiy M. S., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Frączek Z., Salassa M. Sociol and cultural determinants of formation of the system of teachers' values. *Siberian pedagogical journal,* 2014, (6): 27–35. (In Russ.)
28. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Development of the system of value-semantic orientations of the individual in the professional activity of specialists in deontological status. *Personality and professional activity,* eds. Dikaia L. G., Nevstrueva T. Kh. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2008, vol. 1, 147–159. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

29. Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Ivanov M. S. Dynamics of value-semantic sphere of personality of students majoring in "Social work" during the period of university studies. *Professional training for the social sphere: regional aspect*, ed. Martynova T. N. Tomsk: TGPU, 2009, 123–146. (In Russ.)
30. Kostousov A. G., Utyuganov A. A., Yanitskiy M. S., Ivanov M. S. Cadet's representations of security and value-semantic predictors of its formation in military high school. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, 7(5): 37–54. (In Russ.) DOI: 10.15293/2226-3365.1705.03
31. Utyuganov A. A. *The system of value-semantic orientations of cadets of National Guard Universities: phenomenology and psychological and pedagogical determinants of formation*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Kemerovo, 2019, 401. (In Russ.)
32. Utyuganov A. A., Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Narrative technologies in developing personal value and meaning orientations: psychological content and application in education. *Science for Education Today,* 2019, 9(1): 76–92. (In Russ.) DOI: 10.15293/2658-6762.1901.05

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

оригинальная статья

УДК 81'42

Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов)

Марина В. Батюшкина [a, @, ID]

[a] Законодательное Собрание Омской области, Россия, г. Омск

[@] soulangeana@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-1472-5953

Поступила в редакцию 12.12.2019. Принята к печати 30.01.2020.

Аннотация: Приводятся результаты исследования сложившихся особенностей употребления юридических понятий и терминов в законодательных текстах. Обозначаются подходы к их изучению: логико-иерархический, дефиниционный, структурно-семантический и другие. Указываются факты отождествления наименований *юридический термин* и *юридическое понятие* (общая номинативная функция; общие особенности выражения с помощью слова, словосочетания, словесного комплекса; общий порядок видоизменения; вариативность употребления; наличие законодательной дефиниции). Формулируется вывод о широком и узком понимании терминированности законодательного текста. Особое внимание уделяется: (а) институциональным функциям законодательных определений (интерпретационной, дифференцирующей, правоустанавливающей, системообразующей); (б) расположению дефиниции внутри законодательного текста; (в) основным способам построения законодательной дефиниции (перечни, описания, комбинации), дефектам законодательных дефиниций. Эмпирической базой являются тексты российских федеральных и региональных законов. Привлекаются данные юридических словарей, судебной практики. Применяются дискурсивный, категориальный, дефиниционный и иные подходы, методы индукции, дедукции, контекстный, компонентный, сравнительный и другие виды анализа. Представленные результаты и выводы могут быть полезны исследователям, изучающим особенности создания и толкования законодательных (юридических) текстов, а также специалистам, осуществляющим экспертизу в рамках законотворческого и судебного дискурсов.

Ключевые слова: юридический дискурс, законодательный текст, терминосистема, синоним, дефиниция, многозначность

Для цитирования: Батюшкина М. В. Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 207–215. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

Введение

Вопрос о юридической терминологии является одним из наиболее исследуемых как в лингвистике, так и юриспруденции (К. И. Бринев [1], С. В. Власенко [2], М. Е. Воробьева [3], Н. Д. Голев [4], Т. В. Губаева [5], В. П. Реутов [6], В. Ю. Туранин [7], С. П. Хижняк [8] и др.). Во многом это обусловлено разработкой языковедческих курсов для студентов юридических факультетов, рассмотрением проблем перевода и толкования правовых текстов, развивающимися подходами к судебной лингвистической экспертизе.

Вместе с тем немало аспектов порождения и анализа юридических понятий и терминов остается за рамками научного освещения, но заслуживает всестороннего исследования. Особое значение это имеет для законотворческого дискурса, результатом которого являются тексты законов. От того внимания, которое уделяется юридическим понятиям и терминам на законопроектном этапе, в том числе со стороны научного сообщества, зависит понимание и реализация закона на практике. Как верно отметил В. Е. Чиркин, выбирая то или иное слово в качестве юридического термина, важно задуматься над тем, какие ассоциации оно может вызвать, всесторонне обдумать его не только с правовых, но и лингвистических, исторических, идеологических позиций [9, с. 18].

На наш взгляд, основными подходами к исследованию понятий и терминов, используемых при создании текстов законов и построении общего законодательного пространства, являются:

- логико-иерархический, предусматривающий разграничение понятий и терминов с точки зрения содержания и объема, отношений гипонимии (*род – видовые представители*), гетеронимии (*целое – части целого*), синонимии и антонимии;
- понятийно-терминологический, в рамках которого рассматриваются вопросы разграничения используемой лексики на юридические и неюридические понятия и термины, анализируются юридические клише (являющиеся, по сути, разновидностями юридических понятий);

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

- дефиниционный, позволяющий исследовать особенности формулирования определений понятий, сформировавшиеся в результате законотворческих традиций;
- структурно-семантический, демонстрирующий способы образования однословных и неоднословных понятий и терминов, продуктивность терминообразующих моделей, механизмы вербального выражения пресуппозиционной составляющей;
- переводческо-интерпретационный, позволяющий рассматривать особенности калькирования / трансформации норм закона при рецепции права, проблемы толкования правовых норм, эквивалентности терминов и текстов (если закон создается на двух и более государственных языках).

Взаимосвязь указанных подходов необходимо влечет за собой многоаспектность описания юридических понятий и терминов. Но это – предмет отдельного научного изыскания. В статье представлены результаты исследования соотношения и разграничения юридических понятий и терминов внутри пространства законодательных текстов. Исходными задачами для нас были определение функций понятий (терминов) и законодательных дефиниций, исследование структурной специфики дефиниций и их расположения внутри текста, изучение вопроса о многозначности понятий и вариативности определений.

Основным материалом послужили тексты российских федеральных и региональных законов. В процессе работы применялись компонентный, сравнительный, текстуальный и интертекстуальный анализ. Выбор понятий и терминов осуществлялся с привлечением ресурсов справочных правовых систем Консультант Плюс и Консультант Плюс Регион, в которых размещены актуальные редакции законов.

Понятие или термин

Несмотря на подробное научное освещение вопроса о терминологическом (понятийном) составе правовых текстов, анализ российских законов показывает, что до настоящего времени в законотворческом субдискурсе не сложилось однозначного понимания, чем отличаются юридическое понятие и юридический термин. Данные понятия либо противопоставляются, либо отождествляются. На это, в частности, указывают следующие факты.

Во-первых, единицы, которые в текстах законов выполняют номинативную функцию и применяются для правового регулирования, именуются и понятиями, и терминами, могут быть выражены словом (понятие *понятой*[1], термин *дорога*[2]), словосочетанием (понятие *национальный совет*[3], термин *внутренние налоги*[4]) или словесным комплексом (понятие *образец биомедицинского клеточного продукта*[5], термин *место концентрации дорожно-транспортных происшествий*[6]). Как составные юридические понятия, так и составные юридические термины образуются в целях определенности, однозначности и полноты (информативной достаточности) называния чего-либо, а в силу передачи устойчивого значения приближены к фразеологическим единицам, указывающим на какую-либо пресуппозиционную информацию (процесс, явление, модальную характеристику).

Во-вторых, и юридическое понятие, и юридический термин могут уточняться (видоизменяться) с помощью редактирования нормы закона или переименования. Особое внимание обратим на прием переименования, отражающий взгляд разработчиков закона на степень точности и актуальности используемого понятия или термина (*полиция / милиция*[7]*, обучающиеся / учащиеся*[8]*, хозяйственная деятельность / хозяйствование*[9]*, досудебное производство / дознание, предварительное следствие*[10] и т. д.). Не обладая информацией о мотивировке и обосновании переименования, адресат-реципиент закона, как правило, не ощущает особой разницы между *было* и *стало*, но осознает наличие определенной целеустановки, предшествующей данному процессу.

В-третьих, в законодательном текстовом пространстве юридическое понятие может рассматриваться в качестве юридического термина, а юридический термин нередко рассматривается в качестве юридического понятия. Поясним на примере. В ст. 3 закона «О персональных данных»[11] введено понятие *персональные данные* и его определение, а в ст. 9 закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих

[1] Уголовный процессуальный кодекс (УПК) РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019). Ст. 60 // Российская газета. 22.12.2001. № 249.

[2] О безопасности дорожного движения. ФЗ от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Ст. 2 // Российская газета. 26.12.1995. № 245.

[3] О независимой оценке квалификации. ФЗ от 03.07.2016 № 238-ФЗ. Ст. 2 // Российская газета. 06.07.2016. № 146.

[4] О таможенном регулировании в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 01.05.2019). Ст. 5 // Собрание законодательства РФ (СЗ РФ). 06.08.2018. Ч. I. Ст. 5082.

[5] О биомедицинских клеточных продуктах. ФЗ от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 03.08.2018). Ст. 2 // Российская газета. 28.06.2016. № 139.

[6] О безопасности дорожного движения…

[7] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О полиции». ФЗ от 07.02.2011 № 4-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Ст. 901 // СЗ РФ. 14.02.2011. № 7.

[8] О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ. ФЗ от 27.11.2017 № 346-ФЗ. Ст. 1 // Российская газета. 29.11.2017. № 270.

[9] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части приведения к единообразию терминологии, касающейся коренных малочисленных народов РФ. ФЗ от 27.06.2018 № 164-ФЗ. Ст. 4 // Российская газета. 29.06.2018. № 139.

[10] О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса РФ. ФЗ от 02.12. 2019 № 410-ФЗ. Ст. 1 // Российская газета. 04.12.2019. № 273.

[11] О персональных данных. ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Российская газета. 29.07.2006. № 165.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

органов»[12] сделана оговорка, что словосочетание *персональные данные* в тексте указанного закона используется в качестве термина в том значении, в каком оно применяется в законе о персональных данных. Такие текстуальные замены формируют представление о функционально-ролевой эквивалентности наименований *юридический термин* и *юридическое понятие* (и нередко критически оцениваются учеными-правоведами [10]).

Отмеченные альтернативность и отождествление категорий *юридическое понятие* и *юридический термин* характерны не только для законодательных текстов. Об этом свидетельствует состав словарей юридических терминов, в которые включаются понятия, закрепленные в законах в качестве юридического термина либо юридического понятия[13], научно-лингвистический и научно-правовой [11; 12], а также судебный дискурсы. Для иллюстрации приведем отрывок из Определения Верховного Суда: *Гражданское процессуальное законодательство, называя прокурора в составе лиц, участвующих в деле, не содержит нормы, определяющей содержание понятия «прокурор», что позволяет сделать вывод о том, что в ГПК РФ термин «прокурор» используется в качестве термина, имеющего обобщающий характер*[14].

В-четвертых, как юридическое понятие, так и юридический термин могут иметь «легальную» (от лат. *legalis* правовой, юридический) дефиницию, которая рассматривается в юридическом дискурсе в качестве «официального, аутентичного толкования, созданного законодателем» [13, с. 64]; толкования, исключающего вариативность понимания текста закона и, соответственно, конфликт интерпретаций [14, с. 140–141]. Проиллюстрируем данное наблюдение примерами названий и вводных формул дефиниционных статей, размещаемых в препозиции по отношению к основному предмету закона (табл.).

В связи с указанными фактами можно говорить о двух сложившихся подходах к пониманию сходства / различия юридических понятий и юридических терминов, а также к терминированности законодательных текстов. В широком смысле под юридическими терминами понимаются все употребляемые в законодательном тексте понятия: как имеющие, так и не имеющие установленного в законе определения (в этом случае юридический термин отождествляется с юридическим понятием, а юридическое понятие – с юридическим термином). В узком смысле в качестве юридических терминов рассматриваются только

Табл. Примеры введения и определения юридических понятий и терминов в дефиниционных статьях
Tab. Examples of introduction and definition of legal concepts and terms in dictionaries

Название статьи	Вводная формула	Образец определения понятия / термина
Основные *понятия*[15]	В настоящем Федеральном законе используются следующие основные *понятия*	туризм международный – туризм выездной или въездной
Основные *понятия*[16]	Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные *понятия* и *термины*	культурные ценности – движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение
Основные *понятия*[17]	Используемые в настоящих Основах *термины* означают	культурная деятельность – деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей
Основные *понятия* и *термины*, используемые в настоящем Федеральном законе[18]	Для целей настоящего Федерального закона используются следующие *понятия* и *термины*	страховой взнос – обязательный платеж на обязательное социальное страхование
Основные *термины*, используемые в настоящем Федеральном законе[19]	Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные *термины*	жалоба – просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц

[12] О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. ФЗ от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Российская газета. 26.04.1995. № 82.

[13] Словарь терминов, используемых в законодательстве РФ. М.: Издание Государственной Думы, 2014. 238 с.

[14] Определение Верховного Суда РФ от 15.01.2014 № 64-КГПР13-8 // СПС Консультант Плюс.

[15] Об основах туристской деятельности в РФ. ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 16.10.2019). Ст. 1 // Российская газета. 03.12.1996. № 231.

[16] О Музейном фонде РФ и музеях в РФ. ФЗ от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Ст. 3 // Российская газета. 04.06.1996. № 104.

[17] Основы законодательства РФ о культуре. Закон РФ от 09.10.1992 (ред. от 18.07.2019) № 3612-1. Ст. 3 // Российская газета. 17.11.1992. № 248.

[18] Об основах обязательного социального страхования. ФЗ от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 03.08.2018). Ст. 3 // Российская газета. 21.07.1999. № 139.

[19] О порядке рассмотрения обращений граждан РФ. ФЗ от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Ст. 4 // Российская газета. 05.05.2006. № 95.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

такие понятия, определения которых приводятся в специальной терминоустанавливающей статье закона.

В зависимости от того, какой подход выбирается адресатом закона, неоднозначно могут быть интерпретированы результаты исследования терминированности законодательного (и шире – юридического) текста, который создает «эффект официальности высказывания» [15, с. 246], является «имманентным признаком всех документных текстов» [16, с. 92].

Оставляя за рамками данной работы дискуссионный вопрос о разграничении юридических понятий и юридических терминов (разрешение которого находится в области не только терминоведения, но и правоведения, логики), в дальнейшем, учитывая названные выше особенности, наименование *термин* мы применяем по отношению к тем понятиям, которые получили законодательное определение и позиционируются в текстовом пространстве российских законов именно в качестве терминов. Как было отмечено выше, такие термины могут иметь первоначальное закрепление и в качестве юридического понятия. Иные категории, употребляемые в текстах законов, на наш взгляд, могут быть отнесены к понятиям, используемым без установленного «легального» определения (это такие традиционные понятия, как *права, свободы, гражданин* и др.), или к понятиям с «легальными» определениями.

Институциональные функции законодательных дефиниций

Полагаем, что определение понятия (термина) формулируется в тексте закона, прежде всего, для того, чтобы устранить неверную или неоднозначную интерпретацию данного понятия (термина) не вообще, а применительно к целям и предмету закона, области действительности, регулируемой данным законом (интерпретационная функция). В частности, об этом свидетельствуют определения таких общеупотребительных понятий, как: *год – любой период времени, состоящий из 12 месяцев, следующих подряд*[20]*; дорога – обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения*[21] и др.

В текстах законов, как правило, не определяются оценочные понятия (*добросовестность, разумный срок, утрата доверия*). Хотя имеются исключения (*моральный вред – физические и нравственные страдания*[22]), которые, впрочем, не вносят достаточной ясности, поскольку при построении определений таких понятий также используются различно интерпретируемые оценочные понятия.

Благодаря определению разграничиваются близкие по смыслу понятия, институциональное (правовое) и неинституциональное (неправовое) коннотационные значения (дифференцирующая функция). Так, в русском языке под *разбоем* понимается *нападение с целью ограбления, убийства*[23]. В ст. 162 Уголовного кодекса *разбой* определяется как *нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия*[24]. Употребление слова *клевета* в обыденной речи, публицистике, художественных текстах подразумевает экспрессивную коннотацию. Ср.: *это клевета, ложь* (высок.) – *это неправда* (нейтр.) – *это враньё, враки* (низк., разг.). В ст. 129 Уголовного кодекса под *клеветой* понимается *распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию*.

С помощью дефиниции утверждается истинность, неоспоримость юридически значимой информации, ее аргументированность и обязательность (правоустанавливающая функция). В этой связи согласимся с И. В. Палашевской [17, с. 132], Г. В. Мальцевым [18, с. 713] в том, что дефиниция заключает в себе минимальный состав юридических фактов, необходимый для возникновения, изменения или прекращения правоотношений.

По нашему наблюдению, многие законодательные определения отражают взаимосвязь определяемого понятия с иными понятиями, которые используются в законодательном пространстве (системообразующая функция). Поэтому на законопроектном этапе, для того чтобы убедиться в необходимости официального толкования понятия (термина) и определить, каковы должны быть его содержание и объем, родовидовые характеристики, определяется место понятия (термина) в системе законодательства, учитывается понятийный состав международных и модельных актов [13; 19].

Расположение дефиниции внутри законодательного текста

Наиболее частотные и значимые для той или иной сферы правового регулирования понятия (термины) и их определения приводятся в специальной статье закона. Такая дефиниционно-терминоустанавливающая статья размещается в начале закона и имеет типовое наименование (Основные понятия; Основные термины и понятия, используемые в настоящем Федеральном законе и т. п.). Кодексы в силу широкого предметно-родового содержания, наряду с такими вводными статьями, содержат дополнительные статьи, в которые включаются понятия (термины) и определения, используемые для регулирования узкой видовой сферы правоотношений. В качестве примера приведем ст. 142.1. Понятия и термины, используемые при осуществлении автоматического обмена финансовой информацией

[20] Налоговый кодекс РФ (НК РФ) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.12.2019). Ч. 1. Ст. 6.1 // Российская газета. 06.08.1998. № 148-149.

[21] О безопасности дорожного движения…

[22] Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) от 30.01.1994 № 51-ФЗ (ред. от 19.07.2019) Ч. 1. Ст. 151 // Российская газета. 08.12.1994. № 238-239.

[23] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов // Грамота.ру. Режим доступа: http://gramota.ru/slovari/dic/ (дата обращения: 10.12.2019).

[24] Уголовный кодекс РФ (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

с иностранными государствами (территориями) Налогового кодекса РФ.

Определению одного понятия (термина) может посвящаться отдельная статья закона: ст. 10. Конфликт интересов (закон «О противодействии коррупции»[25]); ст. 2. Понятие торгового мореплавания (Кодекс торгового мореплавания РФ[26]) – или примечание к статье закона: Особенности определения понятия *жилище* в примечании к ст. 139. Нарушение неприкосновенности жилища (Уголовный кодекс РФ). Определение можно встретить и после первого упоминания понятия (термина) в середине или конце текста закона: ст. 338. Дезертирство; ст. 357. Геноцид (Уголовный кодекс РФ). В связи с отмеченными особенностями расположения определения понятия (термина) приведем точку зрения А. И. Абрамовой, согласно которой предпочтительным является изложение дефиниции в той части закона, в которой «сконцентрированы предписания, непосредственно ориентированные на соответствующие правовые понятия» [20, с. 39]. Наконец, определению или уточнению понятия может быть посвящен закон в целом[27].

Основные способы построения дефиниций понятий (терминов)

В качестве дефиниций могут использоваться:

а) перечень уже известных понятий, с помощью которых раскрывается объем и содержание нового (род : видовые представители; целое : части целого);

б) тексты-описания, строящиеся не только на классическом определении через ближайшее родовое понятие и видовой качественный признак, свойственный определяемому предмету, но и на характеристике аспектов моделируемой ситуации.

При построении дефиниции на основе включения одних понятий в другое (гипонимия, гетеронимия) отмечается использование как закрытых дефиниций-перечней, содержащих исчерпывающий состав элементов (*основные части огнестрельного оружия – ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка*[28]), так и открытых перечней, в которых состав элементов может быть дополнен интерпретатором (*ассортимент – виды, модели, размеры, цвет и иные признаки товара*[29]). Связь между родовым и видовыми понятиями может быть выражена с помощью союзов и маркеров (*и, или, а также, и иные, и тому подобное* и др.), абзацев, порядковой нумерации.

При описательном способе указываются (перечисляются) какие-либо обстоятельственные, качественные, количественные признаки моделируемой ситуации, определяемого объекта. Например, такой способ используется при определении понятия *Выморочное имущество*: *…В случае, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника, имущество умершего считается выморочным*[30].

При совмещении перечневого и описательного способов образуются многокомпонентные комбинированные дефиниции. Например, следующая дефиниция построена на базе абзацно-буквенного перечня с маркером *должно составлять*, лексических и синтаксического повторов, градационного и количественного критериев определения понятия:

Установленное число депутатов должно составлять:

а) не менее 15 и не более 50 депутатов – при численности избирателей менее 500 тысяч человек;

б) не менее 25 и не более 70 депутатов – при численности избирателей от 500 тысяч до 1 миллиона человек;

в) не менее 35 и не более 90 депутатов – при численности избирателей от 1 миллиона до 2 миллионов человек;

г) не менее 45 и не более 110 депутатов – при численности избирателей свыше 2 миллионов человек[31].

Логическая связь между определяемым и определением может быть выражена прямым или инверсионным порядком членов предложения, пунктуационно (двоеточие, тире), а также с помощью глагольных (отглагольных) маркеров-указателей: *то есть, является, понимается, именуется, означает, признается, включает в себя, состоит из* и т. п. Примеры:

Клад [определяемое], ***то есть*** *зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право*[32].

Для целей настоящей статьи под ***предпенсионным возрастом*** [определяемое] ***понимается*** *возрастной период продолжительностью до пяти лет, предшествующий назначению лицу страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ*[33].

[25] О противодействии коррупции. ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 30.12.2008. № 266.

[26] Кодекс торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 26.12.2019) // Российская газета. 1999. 1–5 мая. № 85-86.

[27] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части приведения к единообразию терминологии…

[28] Об оружии. ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 26.07.2019). Ст. 1 // Российская газета. 18.12.1996. № 241.

[29] ГК РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 19.03.2019). Ч. 2. Ст. 467 // СЗ РФ. 29.02.1996. № 5. Ст. 410.

[30] ГК РФ от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) Ч. 3. Ст. 1151 // Российская газета. 28.11.2001. № 233.

[31] Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ. ФЗ от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 16.10.2019). Ст. 4 // Российская газета. 19.10.1999. № 206.

[32] ГК РФ. Ч. 1. Ст. 233.

[33] УК РФ. Ст. 144.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

Лицо, пользующееся услугами депозитария по хранению ценных бумаг и / или учету прав на ценные бумаги, ***именуется депонентом*** [определяемое][34].

В целях настоящей главы ***электронными системами доставки никотина*** *[определяемое]* ***признаются*** *одноразовые электронные устройства, продуцирующие аэрозоль, пар или дым путем нагревания жидкости в целях вдыхания пользователем (за исключением медицинских изделий, зарегистрированных в порядке, установленном законодательством РФ)*[35].

Отметим также продуктивность введения определения понятия (термина) в скобках, с невыраженной словесно логической связкой определяемого и определяющего. Например, на основании следующего примера: *заготовка валежника (сбор лежащих на поверхности земли остатков стволов деревьев, сучьев, не являющихся порубочными остатками в местах проведения лесосечных работ и (или) образовавшихся вследствие естественного отмирания деревьев, при их повреждении вредными организмами, буреломе, снеговале)*[36] – можно составить представление о том, что такое валежник и что подразумевается под его заготовкой.

К сказанному добавим, что правовые дефиниции не всегда отличаются информативной достаточностью. Например, когда понятие определяется через это же понятие (принцип круга: *курительные табачные изделия – табачные изделия, предназначенные для курения*[37]) или когда в дефиниции используются понятия, которые сами нуждаются в пояснении, но с помощью них делается попытка выделить наиболее существенные черты определяемого объекта: *табак – растение рода Nicotiana семейства пасленовых видов Nicotiana Tabacum, Nicotiana Rustica, возделываемое в целях получения сырья для производства табачных изделий*[38].

Многозначность понятий (терминов) и варианты их определений

С опорой на теорию А. А. Залевской [21] отметим, что юридическое понятие (термин), как и общеупотребительное слово, в силу экстралингвистических факторов может переосмысливаться: утрачивать первоначальное значение и приобретать новое значение. По мнению Н. В. Сандаловой, несмотря на специфические нормативные требования к унификации, вариативность в юридической терминологии так же закономерна, как и в общелитературном языке [22, с. 46].

В разных областях регулирования одно и то же понятие может не совпадать с точки зрения объема и содержания, что приводит к многозначности, фактической омонимии. На это, в частности, указывают разработчики «Словаря терминов, используемых в законодательстве РФ»: в связи с расширением российского законодательного поля, увеличением объема общественных отношений, «вовлеченных в правовое регулирование, < … > одни и те же отношения становятся объектами внимания различных отраслей, и как следствие один и тот же термин имеет несколько определений в различных законах»[39].

Приведем следующее наблюдение. В уголовном процессуальном праве родовое понятие *близкие родственники* раскрывается с помощью закрытого перечня видовых понятий: *супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки*[40]. С точки зрения административного производства к близким родственникам не относятся *супруг* и *супруга*[41]. В Семейном кодексе под близкими родственниками понимаются *родственники по прямой восходящей и нисходящей линии: родители и дети, дедушки, бабушки и внуки*[42].

Подобная «семантическая лабильность», по утверждению М. В. Преснякова, таит ряд опасностей, связанных не только с утратой термином его дефинитивного значения, но и сведением термина к слову [23, с. 54]. К. Т. Кабатаева объясняет разнобой в употреблении понятий (терминов) временным отрезком, разделяющим принятие законов, в которых данные понятия (термины) употребляются [24, с. 72], М. С. Бульба – переходными периодами развития права, заимствованием и спецификацией норм [25, с. 178–181].

Добавим, что в связи с осуществлением законотворчества на общегосударственном и региональном уровнях одни и те же понятия (термины) могут по-разному определяться в разных законодательных контекстах: федеральном и региональных. Сравните, например: *несовершеннолетний – лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет*[43]*; несовершеннолетний – лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, за исключением эмансипированных и лиц, вступивших в брак до достижения возраста восемнадцати лет*[44].

[34] О рынке ценных бумаг. ФЗ от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 02.12.2019). Ст. 7 // Российская газета. 25.04.1996. № 79.

[35] НК РФ от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.09.2019). Ч. 2. Ст. 181 // СЗ РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.

[36] О внесении изменений в статью 7 Закона Омской области «О регулировании лесных отношений в Омской области». Закон Омской области от 30.01.2019 № 2138-ОЗ. П. 2 // Омский вестник. 01.02.2019. № 4.

[37] Технический регламент на табачную продукцию. ФЗ от 22.12.2008 № 268-ФЗ. Ст. 2 // Российская газета. 26.12.2008. № 265.

[38] Там же.

[39] Словарь терминов, используемых в законодательстве РФ. М.: Издание Государственной Думы, 2013. С. 3.

[40] УПК РФ. Ст. 5.

[41] Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.12.2019). Ст. 25.7 // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

[42] Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019). Ст. 14 // Российская газета. 27.01.1996. № 17.

[43] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 26.07.2019). Ст. 1 // Российская газета. 30.06.1999. № 121.

[44] О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью и развитию несовершеннолетних в Московской области. Закон Московской области от 04.12.2009 № 148/2009-ОЗ (ред. от 06.07.2016). Ст. 2 // Ежедневные Новости. Подмосковье. 12.12.2009. № 237.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

Заключение

От выбора наименования (*юридическое понятие* или *юридический термин*) зависит передача имплицитной информации. Понятие соотносится с уровнями обобщения, реализованной возможностью субъективного вербального отражения подразумеваемого объекта и его признаков. С определением или без, понятие в тексте закона представлено, прежде всего, в качестве продукта речемыслительной деятельности. Наименование *термин* отражает узкоспециальный дисциплинарный или отраслевой подход, принадлежность какой-либо институциональной сфере общения, научной области, терминосистеме.

В законодательных текстах (сфере фиксации) и юридическом дискурсе (сфере функционирования) разграничение *юридических терминов* и *юридических понятий* условно, поскольку данные наименования:

1) в силу исходной позиции (закрепленности в определенном законе) выступают признаком конвенционального маркирования рассматриваемого объекта, имеют общее коммуникативное назначение, равным образом участвуют в построении единого институционального пространства;

2) потенциально эквивалентны и взаимозаменяемы: одно и то же явление в законодательном пространстве, юридическом дискурсе (включенном в более широкий социально-культурный контекст) трактуется и как юридическое понятие, и как юридический термин;

3) несмотря на контекстуальную зависимость, возможное наличие широкой или узкой трактовки (дефиниции / вариантов дефиниций) остаются содержательно неопределенными до конца, предполагающими дальнейшее развитие внутреннего семантического ресурса.

В качестве перспектив исследования отметим необходимость изучения вопроса об отождествлении / различении юридических терминов и понятий не только в законодательных, но и юридических текстах; углубленного исследования институциональных функций, наиболее продуктивных конструкций и способов текстуального представления законодательных дефиниций, в том числе в аспекте их многозначности (вариативности). Особый интерес представляют логико-иерархический, структурно-семантический, переводческо-интерпретационный и иные подходы к исследованию юридических понятий и терминов. Результаты таких изысканий могут быть востребованы в научно-педагогической, лексикографической, законотворческой и судебной практиках.

Литература

1. Бринев К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2. С. 117–123.
2. Власенко С. В. Метафоры в языке права // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2014. № 4. С. 23–30.
3. Воробьева М. Е. Юридическая терминология: системоцентрический и антропоцентрический подходы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-1. С. 183–186.
4. Голев Н. Д. О взаимодействии русской общенародной лексики и юридической терминологии в аспекте их юридизации и деюридизации // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 141–146.
5. Губаева Т. В. Язык и право: Искусство владения словом в проф. юрид. деятельности. М.: Норма, 2004. 160 с.
6. Реутов В. П. Единство терминологии как проявление культуры юридического языка // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 89–98.
7. Туранин В. Ю. Системность юридических терминов как форма проявления культуры законотворчества // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире / отв. ред. Н. О. Осипова. Будапешт-Киров: Радуга-ПРЕСС, 2019. С. 417–424.
8. Хижняк С. П. Терминообразовательные значения как результат категоризации научных понятий (на материале русской юридической терминологии) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 82–84.
9. Чиркин В. Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 13–19.
10. Салтыков К. Г. Юридические понятия и термины: вопросы соотношения и интерпретации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 5–9.
11. Бондарева Н. А. Прикладные аспекты моделирования терминологии (на материале терминосистем уголовного права в русском и английском языках): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2003. 21 с.
12. Малюкова Е. В. Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 21 с.
13. Апт Л. Ф., Дорофеева Т. А. Методические рекомендации по формированию понятийного аппарата законопроекта // Юридический вестник. 2009. № 3-4. С. 64–70.
14. Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148. DOI: 10.17223/18137083/53/15
15. Косова М. В., Шарипова Р. Р. Терминированность как основа классификации документных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 245–252. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.26

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

16. Кушнерук С. П. Знаковый состав современных документных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2013. № 3. С. 90–96.
17. Палашевская И. В. Юридические дефиниции: функциональные и типологические характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 131–141. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.13
18. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
19. Тонков Е. Е., Туранин В. Ю. Перспективы совершенствования юридической терминологии в контексте развития современной законотворческой деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 3. С. 113–116.
20. Абрамова А. И. Правовые понятия в общем цикле развития российского законодательства // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 34–42. DOI: 10.12737/article_59f067bf2fb468.89553258
21. Залевская А. А. Общенаучное и узкоспециальное значение термина // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2017. № 2. С. 7–13.
22. Сандалова Н. В. Норма и вариативность в юридической терминологии (по лексикографическим источникам) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2. С. 42–47.
23. Пресняков М. В. Сроки исковой давности в трудовом праве: о словах и терминах // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 53–65. DOI: 10.12737/art_2018_3_5
24. Кабатаева К. Т. Единство юридической терминологии и системный подход к правовой терминологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8-3. С. 71–74.
25. Бульба М. С. Особенности современной российской юридической терминологии в аспекте прагматической направленности текста законодательного акта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 177–184.

Legal Concept and Legal Term: Specificity of the Correlation and Definitions (Based on Russian Laws)

Marina V. Batyushkina [a, @, ID]

[a] Legislative Assembly of the Omsk Region, Russia, Omsk

[@] soulangeana@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-1472-5953

Received 12.12.2019. Accepted 30.01.2020.

Abstract: The present research featured legal concepts and terms in legislative texts. The paper focuses on various approaches to legal concepts and terms, e.g. logical-hierarchical, definitional, structural-semantic, etc. The author proved that the concepts of legal term and legal concept are often synonymous. They have the same nominative function, verbal expression, modification procedure, and variability. In addition, both terms possess legislative definitions. As a result, a legislative text can be understood in broad and narrow sense. The study touched upon the following issues: (a) the institutional functions of legislative definitions (interpretative, differentiating, legal, system-forming); (b) the location of the definition within the legislative text; (c) the main methods for constructing a legislative definition (lists, descriptions, combinations) and defective legislative definitions. The paper describes reasons for the ambiguity of legal concepts (terms) and the variability of their legislative definitions. The research was based on the texts of Russian federal and regional laws, legal dictionaries, and judicial practice. The methods included discursive, categorical, and definitional approaches, as well as induction and deduction and contextual, component, comparative analyzes. The obtained results and conclusions may be used in legislative text studies, as well as by experts in legislative and judicial discourse.

Keywords: legal discourse, legislative text, terminology, synonym, definition, polysemy

For citation: Batyushkina M. V. Legal Concept and Legal Term: Specificity of the Correlation and Definitions (Based on Russian Laws). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 207–215. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215

References

1. Brinev K. I. Methodological problems of linguistic expertise: defining the essence of extremism / defining the concept of "social group". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2012, (2): 117–123. (In Russ.)
2. Vlasenko S. V. Metaphors in legal language. *Vestnik TvGU. Seriia: "Filologiia"*, 2014, (4): 23–30. (In Russ.)
3. Vorobyova M. E. Juridical terminology: system-centric and anthropocentric approaches. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-1): 183–186. (In Russ.)
4. Golev N. D. On the interaction of Russian vocabulary and legal terminology in the aspect of their legalization and delegalization. *Dinamika iazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoi Rossii,* 2018, (6): 141–146. (In Russ.)
5. Gubaeva T. V. *Language and law: The art of word ownership in professional legal activities.* Moscow: Norma, 2004, 160. (In Russ.)
6. Reutov V. P. The unity of terminology as a manifestation of the culture of the legal language. *Seventh Perm Congress of Lawyers,* eds. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Moscow: Statut, 2017, 89–98. (In Russ.)
7. Turanin V. Yu. Systematic legal terms as a form of manifestation of the culture of lawmaking. *Politics and culture: problems of interaction in the modern world*, ed. Osipova N. O. Budapest-Kirov: Raduga-PRESS, 2019, 417–424. (In Russ.)
8. Khizhnyak S. P. Terminological derivational meanings as a result of scientific concepts' categorization (on the example of Russian legal terminology). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia,* 2019, (2): 82–84. (In Russ.)
9. Chirkin V. E. A word about constitutional terminology. *Zhurnal rossiiskogo prava,* 2013, (12): 13–19. (In Russ.)
10. Saltykov K. G. Legal concepts and terms: the correlation and interpretation. *Vestnik Dalnevostochnogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, (4): 5–9. (In Russ.)
11. Bondareva N. A. *Applied aspects of terminology modeling (based on the terminological systems of criminal law in Russian and English)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2003, 21. (In Russ.)
12. Malyukova E. V. *Legal terminology in systemocentric and anthropocentric aspects.* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2005, 21. (In Russ.)
13. Apt L. F., Dorofeeva T. A. Guidelines for the formation of the conceptual apparatus of the bill. *Iuridicheskii vestnik*, 2009, (3-4): 64–70. (In Russ.)
14. Golev N. D. Juridical terminology in the context of doctrinal interpretation. *Siberian Journal of Philology,* 2015, (4): 138–148. (In Russ.) DOI: 10.17223 / 18137083/53/15
15. Kosova M. V., Sharipova R. R. Termination as the basis for classification of document texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2016, 15(4): 245–252. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.26
16. Kushneruk S. P. Modern texts of documents: sign composition. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2013, (3): 90–96. (In Russ.)
17. Palashevskaya I. V. Legal definitions: functional and typological characteristics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2017, 16(3): 131–141. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.13
18. Maltsev G. V. *Social grounds of law.* Moscow: Norma, 2007, 800. (In Russ.)
19. Tonkov E. E., Turanin V. Yu. Prospects for improving the legal terminology in the context of the development of modern legislative activity. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries,* 2017, (3): 113–116. (In Russ.)
20. Abramova A. I. Legal concepts in the general cycle of development of the Russian legislation. *Zhurnal rossiiskogo prava,* 2017, (11): 34–42. (In Russ.) DOI: 10.12737/article_59f067bf2fb468.89553258
21. Zalevskaya A. A. General and specialized meanings of a term. *Vestnik TvGU. Seriia: "Filologiia"*, 2017, (2): 7–13. (In Russ.)
22. Sandalova N. V. Norm and variativity of legal terms (on lexicographical sources of material). *Perm University Herald. Russian and foreign philology*, 2010, (2): 42–47. (In Russ.)
23. Presnyakov M. V. Terms of limitation in labor law: about words and definitions. *Zhurnal rossiiskogo prava,* 2018, (3): 53–65. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_3_5
24. Kabataeva K. T. Unity legal terminology and systematic approach to legal terminology. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovanii*, 2013, (8-3): 71–74. (In Russ.)
25. Bulba M. S. Features of the modern Russian legal terminology in terms of pragmatic focus of the text of the legislative act. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication,* 2009, (1): 177–184. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

оригинальная статья
УДК 81`27

Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь / конь* в русской языковой картине мира

Феруза Ш. Бекмурзаева [a, @, ID]

[a] Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, Россия, г. Санкт-Петербург
[@] bekmur-feruza93@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-2600-6462

Поступила в редакцию 21.01.2020. Принята к печати 19.02.2020.

Аннотация: Рассмотрен один из ключевых концептов русской культуры, имеющих архетипическую природу, а именно концепт *лошадь / конь*. В статье установлены и описаны объективированные языком вторичные символические признаки, формирующие структуру исследуемого концепта. Цель – описать символические признаки в структуре исследуемого концепта. В качестве фактического материала используются источники из Национального корпуса русского языка, русские народные сказки и другие жанры художественного дискурса, представляющие разнородные функциональные стили языка. В ходе исследования была выявлена амбивалентная природа символической категоризации исследуемого анималистического концепта в русском языковом сознании сквозь призму религиозного и мифологического мировидения человека. Амбивалентная природа, заложенная в двустороннем образе коня, напоминает черно-белую оппозицию: как солярный символ, символ небесного начала, божества и как хтонический, демонологический. Отсюда вытекают следующие символические признаки: солнце; небо; дождь; земля; звезда; месяц; птица; огонь; свет; воздух; красный; вода; белый; золотой; иной мир; старость; море; горы; смерть; Келпи – водяной дух; бессмертие; черный; кентавр; троянский конь; волшебство, магия; время суток; число; единство; плодородие; духовность; скорость; вдохновение, созерцание; верность; упорство; бесстрашие; удача; благородство, знатность; чистота, недосягаемость; похоть, буйство; скрытность, коварство; сила; красота; разум; мудрость; мощь; жизненная сила. Амбивалентные признаки, выявленные на основе фактического материала, являются инвариантными, так как их исторически сложившееся и закрепившееся значение актуализируется и в современных языковых реалиях. Кроме того, в большинстве своем они положительно ориентированы, что свидетельствует о маркированности, значимости коня в сознании и жизни русского народа.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, структурно-символический признак, символ, мифология

Для цитирования: Бекмурзаева Ф. Ш. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь / конь* в русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 216–225. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

Введение

Становление в конце XX в. когнитивно-дискурсивной парадигмы обусловило признание центральной роли человека как носителя определенного опыта и знания. «В центре внимания когнитивной лингвистики находится решение сложнейшей задачи – объяснение тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [1, с. 9], «носитель языка предстает репрезентантом определенных концептуальных систем – концептуальной картины мира, средством аккумулирования и оформления которой является языковая картина мира» [2, с. 488].

Современная антропоцентрическая парадигма, в рамках которой зародилась лингвокультурология, задает вектор научного направления, выдвигая одну из насущных проблем «определения общей для языка и культуры онтологической платформы» [3, с. 6]. Для этого необходимо изучить «языковые единицы как средство хранения и передачи ментальности носителей языка, а также как средство, продуцирующее эту ментальность» [3, с. 6]. Для лингвокультурологии базисом выступает языковая картина, поскольку она по-особому структурирует, концептуализирует и категоризирует действительность.

А. А. Потебня в свое время утверждал, что язык национально специфичен и создан исключительно народом: «никто не имеет права вкладывать в язык народа то, чего сам народ в своем языке не находит» [4, с. 133]. Он считал, что язык живет по своим законам и что большую роль играет изучение народных мифов и сказаний – именно они объединяют людей в общество. По словам В. А. Масловой, «язык определяет не только наши мысли, но и способ видения мира, особенности его членения носителями определенной культуры, т. е. языковую картину мира» [5, с. 185–186].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

Многие ученые-лингвисты замечают, что языковая картина мира отражает существенные черты мифологического мышления [6, с. 127; 7, с. 32]. В первобытном обществе миф был единственным способом восприятия окружающего мира, существования культуры, в нем сокрыты истоки культуры.

Как утверждает Е. Н. Ковтун, мифологическая форма мировосприятия характеризуется невыделением человеком себя из окружающей среды, нерасчлененностью из-за еще неполного отделения эмоциональной и аффектно-моторной сферы, что вызывает персонификацию природы и метафорическое сопоставление естественных и культурных объектов, выражение сил, свойств и элементов космоса конкретно-чувственными и одушевленными образами, замену причинно-следственных связей прецедентом. Миф нечувствителен к противоречиям, не может провести грань между естественным и сверхъестественным [8, с. 20, 33].

По мнению К. Хюбнера, миф является первичной реальностью, которая существует независимо от сознания, а в современном периоде даже вытеснена в подсознание [9].

Мифологическое сознание закодировано в языке с помощью символов-образов, составляющих структуру концепта. «Язык есть главное и первообразное орудие мифического мышления» [4, с. 261]. «Мифология в высшем смысле слова есть власть языка над мыслью во всевозможных областях духовной деятельности» [4, с. 252].

Символическое мышление, в свою очередь, позволяет «представить понятия, которые мы не можем определить или полностью понять» [10, с. 25].

Основой категориального аппарата лингвокультурологии является концепт. Под ним понимают многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем [11], ментальный конструкт, содержащий информацию, являющуюся критерием идентификации, распознавания объекта окружающей действительности в рамках имеющейся у языковой личности определенной концептуальной системы [12–14].

Единицей нашего исследования выступает концепт как фрагмент картины мира, как базовая единица культуры, как «архетип культуры, первосмысл, первообраз, который постоянно возобновляет духовные запасы народной ментальности. Концепты так же реальны, как реальны элементарные частицы, которых никто не видел, как гены, которые видят опосредованно. Опосредованно мы знаем и концепт, который явлен в своих содержательных формах: в образе, в понятии, символе» [15, с. 19].

В символах и знаках зашифрованы законы мироздания. Символический язык – это особый, универсальный язык. Символы служат указателями и помогают лучше понять окружающий мир, а значит жить в гармонии с ним, лучше понять культуру, быт того или иного этноса. Символы чрезвычайно важны для понимания путей развития человеческой мысли, искусства, обычаев, религии и мифологии. У символа богатый импликационал и бесконечность границ смысловой интерпретации. Когда образы переходят в другие иноземные культуры, происходят изменения, развиваются сами образы.

Так, культурное богатство сокрыто, закодировано в знаке – минимально значимой репрезентативной единице языка. «Содержательной основой знака в языке является значение, а содержательной основой символа – образ» [16, с. 240]. Декодировать значение символа, сокрытого в знаке, возможно лишь «отвлекшись от языкового значения, выйдя в культурный контекст» [16, с. 240].

Таким образом, *метод и методология исследования*, используемые в данной статье, основываются на «лингвокогнитивном подходе к исследованию языка, который раскрывает исторически аккумулированный, референтивный, полифоничный потенциал продукта ментальной деятельности человека – концепта» [17, с. 113], на общем методе концептуальной лингвистики – «погружение в тайну "вещи в себе"» [18, с. 109], методах синкретичного научного направления в лингвистике – лингвокультурологии, на концептуальном анализе репрезентантов соответствующего ментального конструкта, на лексикографическом и компаративно-сопоставительном методе.

По мнению М. В. Пименовой, «символическими называются такие признаки, которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегории или культурного знака» [3, с. 149]. «Такие признаки могут быть выделены лишь у тех концептов, которые связаны с мифологической, религиозной и / или фольклорной картинами мира» [19, с. 118]. Это определение обусловливает рассмотрение культурного концепта *лошадь / конь* с позиции структурно-символической признаковой интерпретации, опирающейся на особую форму осознания мира – мифологию и религию, – с *целью* установления национальных особенностей в русской языковой картине мира. Лингвокультурный концепт анализируется на фактическом материале Национального корпуса русского языка[1], народных сказок и иных жанров художественного дискурса, представляющих разнородные функциональные стили языка.

Культ коня зародился еще в первобытных формах религии. В мифах разных народов конь присутствует как персонаж. Практически все народы, которым были известны лошади, использовали в своем фольклоре соответствующую символику. В русской лингвокультуре символика лошади на примере вербализатора *конь* сложна и многоаспектна.

Результаты

Рассмотрим несколько структурно-символических признаков исследуемого концепта на примере вербализатора *конь* в русской лингвокультуре. Форма *лошадь* не используется из-за ее историко-этимологического отсутствия в лексиконе славян.

[1] НКРЯ. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 01.02.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

Символ коня по праву считается одним из самых древних, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. В славянской культуре он занимает особо важное место, являясь одним из самых почитаемых в славянской традиции животных (***Были травы и кони. Совершенством своим Конь подобен иконе. Так же чист его лик, Так же взор его светел.*** Самойлов Д. В ночном).

Лошадь (конь) в русской культуре в первую очередь является посредником между царством живых и царством мертвых: «Конь одинаково считался детищем Белобога (стихия света) и Чернобога (стихия мрака), причем, доброму богу посвящался белый конь, а злому – черный»[2].

Как представитель царства живых конь олицетворяет саму природу. В славянской культуре образ коня неразрывно связан с почитанием солнца. Конь по древним славянским традициям представлялся в божественном облике золотого солнца. Солнце символизирует высшую космическую силу, всевидящее божество, сердце космоса, центр бытия, глаз мира и глаз дня[3] (*Загрохотали отодвигаемые стулья и духоту подвала всколыхнула грозная боевая песня:* ***Воздух, вода, земля и огонь, С неба спускается солнечный конь.*** Митьки. Громпопыка). В старину солнце представлялось колесом. Славяне верили, что колеса – это и колесница, и кони, и сам всадник. «Уже в Ведах солнце представляется в образе человека, стоящего на золотой, блестящей колеснице, которую влекут по воздушным пространствам две, семь или десять крылатых, золотошерстных, ретивых кобылиц. Лучи солнечные уподоблялись вожжам или поводьям, накинутым на чудесных коней» [20]. Через образ солнца конь является символом небесных богов, поэтому часто актуализируется эпитетом *небесный*: солнце – это небесный конь (*Зачем? Я был уверен, что это* ***небесный конь****, которого послали мне ламы!* Парнов Е. Третий глаз Шивы).

Связь с небом часто представлялась в обозначении стихий природы, образе птицы и звездных светил. Эти образы связывались с культом плодородия. Конь был атрибутом славянского бога Свентовита – бога плодородия и белого света. Природные стихии воды и земли актуализируются субстантивно-предикативным выражением: *дождь / орошать, земля / засевать* (*Потом* ***конь орошал землю дождём, засевая****, и Кирилл не решился уточнить способ орошения.* Иванов А. (Маврин А.) Псоглавцы; *Когда он взмахивал крыльями,* ***семена сыпались в море, и с водою их выпивал конь Тиштар.*** Иванов А. (Маврин А.) Псоглавцы). Тиштар является представителем иранского пантеона богов. Он выполняет важную космологическую функцию. В иранской мифологической энциклопедии Тиштар – златоухий и златоуздый конь, олицетворение звезды Тиштрия, он «выпивает воду океана с осыпающимися от взмаха крыльев Сэнмурва семенами различных растений и затем разливается дождем – так семена попадают в почву»[4]. Тиштрию авеставеды назвали звездою дождя. Дождь – благословенный подарок Небес, а звезда, указывающая на приближение сезона дождей, – благой вестник освобождения от жажды, засухи и смерти. Тиштрию считают небесным всадником, который одаривает дождем. Он способен разгонять тьму, предотвращать смерть и голод. Другими словами, образ Тиштрии соответствует космогоническому солярному божеству древних славян, покровителю солнечного света и плодородия – Дажьбогу (Дождь-богу). Белый конь – зооморфозная ипостась авестийского Тиштрии. «В авестийском мифе белый конь, как и всадник на белом коне, стали архетипическими символами борьбы с силами мрака и тьмы, что нашло свое отражение в иконографии и геральдике самых разных государств»[5].

Ассимиляция коня с птицами породила крылатого коня. Крылатый конь – это солнце или космический конь. Он представляет чистый интеллект, невинность, жизнь и свет; им правят герои. Наделение земного животного сказочными крыльями подчеркивало принадлежность лошади к культу солнца и служило символикой духовности. Схожесть с пернатыми олицетворяла и скорость (*В предчувствии торжества, столь чудным образом повторенного торжества, – Чертопханов загоготал победоносно, потряс нагайкой – охотники сами скакали, а сами не спускали глаз с лихого наездника, –* ***конь его летел стрелою****, вот уже водомоина перед самым носом – ну, ну, разом, как тогда!..* Тургенев И. С. Конец Чертопханова; *Смутно представляет он себе Большой театр, Москву,* ***летящую четверку коней****, свет между колоннами…* Казаков Ю. Трали-вали). В художественных произведениях можно встретить имя древнегреческого крылатого коня – Пегаса. В иносказательном смысле он символизирует «поэтическое вдохновение, красноречие и созерцание»[6] (– ***Пегас – крылатый конь вдохновения****. Все мои предки обожали музыку, живопись, театр, поэтому мой дедушка так назвал своего сына, моего папу. –* ***Лошадиным*** *именем?* Синицына В. Муза и генерал).

Солнце также является небесным огнем, и все проявления огня проецировались на мифологических коней. Конь-огонь является с пламенем из ноздрей и дымом из ушей (*Откуда ни возьмись* ***конь*** *бежит, земля дрожит,* ***из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит****.* Сказка «Сивка-бурка»). Этот образ актуализируется эпитетом *огненный* (*Здесь нелишне будет указать, что и сказочный* ***конь****, совершенно как* ***ведический огненный конь Агни, добывается***

[2] Конь // Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский Купец; Братья Славяне, 1996. Режим доступа: https://pagan.ru/slowar/kon-2/ (дата обращения: 12.12.2019).

[3] Солнце // Словарь символов. Режим доступа: http://religion.niv.ru/doc/dictionary/symbols/articles/54/solnce.htm (дата обращения: 12.12.2019).

[4] Тиштар // Мифологическая энциклопедия. Режим доступа: http://jandex.org/tishtar.html (дата обращения: 18.11.2019).

[5] Тиштрия – Дождь-бог // Зороастрийцы Санкт-Петербурга. Режим доступа: https://www.zoroastrian.ru/node/1870 (дата обращения: 10.12.2019).

[6] Пегас // Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицин В. Л. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / под общ. ред. В. Л. Телицына. М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик, 2005. С. 40.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

из огнива. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки). Огненный конь по древним верованиям был посредником между двумя мирами (*Нам достаточно указать, что* ***огненный конь, посредник между двумя мирами,*** *имеется в религии скотоводческого народа, создавшего государственность.* Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки). Надо отметить, что В. Я. Пропп, известный советский ученый-фольклорист, выявил поразительное сходство коня с индийским богом *Agni*.

Как огненная стихия конь имеет еще и значение света. Славяне очень почитали коней белых и рыжих мастей, потому что они воплощали свет, светлые силы, т. е. само солнце (*Но когда Чеюн и Дзийи бьются в воздухе на мечах в развевающихся красных одеждах и вихре желтых осенних листьев или когда та же Чеюн в голубых одеждах уходит вдаль на фоне голых серо-голубых гор, а сбоку стоит* ***ослепительно белый конь*** *– это все-таки здорово*. Гладильщиков Ю. Певцы Чикаго и Великой Китайской стены; *Боевые корабли рассекли волны реки, римские орлы полетели над когортами, и* ***белый конь понес*** *императора* ***навстречу восходящему солнцу***. Мережковский Д. С. Смерть богов; *По прошествии же трех дней царевич увидел, что из маленького жеребенка сделался* ***прекрасный конь***. Сказка вторая о Иване-царевиче). В далекой древности слово *красный* имело значение *красивый*.

В фольклоре встречается конь с красным цветом масти, который, несомненно, вызывает ассоциации с солярно-огненной природой коня (*Там, в прохладных безлюдных залах, в тихом свете, висели любимые картины.* ***Красный конь с золотым наездником*** *в лазурном озере – Петрова-Водкина.* Проханов А. Господин Гексоген).

Подобно стихии, конь был представителем одного из главных богов славян – бога-громовержца – Перуна, который разъезжал по небу на огненной колеснице, запряженной конями в сопровождении свиты – Грома, Молнии, Дождя и Урагана. Перуна считали покровителем воинов, учредителем нравственного закона и самым первым защитником Правды (*Веселый, пышный и все же поднадзорный огонь (пожарная машина стояла чуть поодаль, и резиновые удавы змеились по камням в полной готовности к удушению злого веселья) казал всем бешеные языки, пытаясь дотянуться до визжащей публики за столами…* ***Вдруг грохнуло и рассыпалось небо: высоко-высоко взметнулся и пролетел-проскакал ало-золотой конь*** *первого фейерверка.* Рубина Д. Русская канарейка. Блудный сын; *Народ, этот «****конь, встающий на дыбы****», ****эта стихийная сила, родственная горам и морям*** *(«толпа взволнованнее моря»), объект религиозного культа тысяч и сотен тысяч интеллигентов, народ готов, наконец, вручить свои «страшные судьбы» (с ударением на «ы») «рукам изнеженным поэта»*. Макушинский А. Город в долине).

В иранской мифологии колесница Ардвисуры Анахиты запряжена четверкой белых коней: ветром, дождем, облаком и мокрым снегом. Колесница Мага запряжена четверкой боевых коней, символизирующих четыре элемента и их богов (***Воздух, вода, земля и огонь, С неба спускается солнечный конь.*** Митьки. Громпопыка). Стихийная сила сделала коня символом жизненной силы, мощи.

Масть коня – одна из интереснейших областей колоративной картины мира русского народа. Как известно, для коней есть целый набор эпитетов, образующих палитру цвета: гнедой, саврасый, сивый, каурый, вороной и др. (***Саврасые кони, гнедые, каурые,*** *Мы слышать привыкли твой окрик хозяйский, Но вот смертоносной подхвачены бурею И мчимся галопом к последней развязке.* Блаженный В. Когда умирают поэты безропотно...). Доминирующим в зооморфной символике является белый цвет масти коня. Колоративный эпитет *белый* у древних предков также олицетворял светило, светлое время суток. На Руси белого коня считали одним из священных животных солнечного бога Дажьбога (*Сему идолу посвящен был* ***белый конь, у коего из гривы и из хвоста не позволялось ни единого выдернуть волоса, ниже сесть на него, кроме жреца, ибо народ верил, что Световид на нём ездил для поражения их неприятелей во время войны,*** *во уверение чего предлагалось в стойле, что когда оставляли его вычищенного и привязанного, то находили часто поутру вспотевшего и замаранного, как будто кто на нём ездил ночью в дальний путь.* Чулков М. Д. Пересмешник, или Славенские сказки). Белый конь был атрибутом Световида – сына светлого бога, покровителя воинов. Существовало поверье, что Световид с конем по ночам сражался с врагами, обеспечивая землю рассветом.

Часто в мифологии можно встретить лошадь золотой масти. Метафорически – это символический теоцентризм (*Углы ее заливал мрак, а в середине, поблескивая чуть-чуть,* ***высился золотой, поднявшийся на дыбы, конь.*** Булгаков М. А. Записки покойника; *… так, говорили, что в графининой гостиной, где висят портреты всех польских королей, находились большие столовые часы, имевшие форму утеса, на утесе стоял дыбом* ***золотой конь с бриллиантовыми глазами, а на коне сидел золотой всадник,*** *который всякий раз, когда часы били, взмахивал шашкой направо и налево.* Чехов А. П. Степь). Конь золотой масти был тотемным животным славянского солнечного бога Хорса.

Священный статус коня золотой масти подтверждается и народными сказками. Например, в русской народной сказке верный Золотой конь помог пережить добру молодцу Ивану непростые испытания (*Вот братья повымыли, повычистили своих коней, а* ***Иван только пером махнул: стал конь золотой,*** *волос к волосу лежит.* Сказка «Золотой конь»). Конь стал символом верности (*Ой,* ***конь мой верный!*** *Вот мне беда!* Сказка «Золотой конь»), упорства, бесстрашия (*Выслушал его конь и говорит: – Теперь беда.* ***Ну, что будет, то будет. Готовь двенадцать кож, двенадцать пудов бечевы, двенадцать пудов смолы и три пуда железных прутьев.*** *Поедем к морю за кобылицами.* Сказка «Золотой конь»; ***Не бойся, хозяин, – говорит ему конь.*** *– Делай так, как я скажу.* Сказка «Золотой конь»), благополучия (***Заржал конь на конюшне три раза. Тут***

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

Иван в котел прыгнул. Три раза от края до края проплыл. Вышел на свет живой, невредимый. И так хорош был, а теперь совсем красавцем стал: кровь с молоком. Сказка «Золотой конь») и удачи (*Все кони чисты, все хороши.* ***А Иван вывел – еще лучше. Конь*** *пляшет* ***золотой***. Сказка «Золотой конь»). Способность коня приносить удачу подтверждает и подкова, которую прибивают к порогу (*Снятая* ***подкова*** *блестела, как серебряная, я заслонил её, чтобы потом незаметно поднять, но дедушка отодвинул меня и поднял ее сам. Он тут же* ***прибил её к порогу – на счастье***. Фазиль Искандер. Лошадь дяди Кязыма), «следы конских копыт в древности нередко были знаками, дарующими благодать. В более поздние времена эту функцию стали исполнять подковы»[7].

Верность коня сделала его постоянным участником ратных дел. Как только конь стал незаменимым, непосредственным ратным помощником и спутником императоров, королей, рыцарей, он стал символом благородства и знати (*Боевые корабли рассекли волны реки, … белый* ***конь понес императора*** *навстречу восходящему солнцу.* Мережковский Д. С. Смерть богов. Юлиан Отступник; *Тут столько любопытного, но никто не может мне объяснить… Мне желательно знать, кто этот русской* ***рыцарь на коне***? Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея). Белый конь стал символом победителя (*Громкой славой увенчанный, в час неурочный,* ***Я въезжаю в столицу на белом коне***. Самойлов Д. Ревность).

Многие народные предания сохранили образы небесных защитников, приходивших на помощь своему народу в дни бедствий и войн. Существует предание о явлении Сергия Радонежского на Куликовом поле в виде всадника на белом коне, пришедшего на помощь русскому войску (*Земли не касаясь, с звездой наравне* ***Проносится всадник на белом коне****, А слева и справа Погибшие рати несутся за ним, И вороны-волки, и клочья, и дым – Вся вечная слава.* Кузнецов Ю. Сказание о Сергии Радонежском). Видя защиту и поддержку от небесных покровителей, русское войско одержало победу. Битва на Куликовом поле повторилась зеркально на небе (*На полном скаку остановится* ***конь, Копыта низринут туманный огонь*** *– То пыль с Куликова!* Кузнецов Ю. Сказание о Сергии Радонежском). В этом видятся отголоски культа духов-покровителей, предков, помогающих своему народу с того света. Конь олицетворяет воинскую доблесть и славу.

Существуют отдельные канонические сценарии поведения: идеальный суженый в русской лингвокультуре должен появиться обязательно на белом коне (*Где же ты, мой сказочный принц?* ***Принц на белом коне***. *Когда же ты спасешь меня от этой злой обыденности?* Ростовский А. По законам волчьей стаи; *Хорошо, слушай… Вначале у тебя каким-то образом решится квартирный вопрос, затем в твоей жизни наконец появится он –* ***сказочный принц на белом коне***. Милованов М. Естественный отбор).

Белые кони – символ чистоты и недосягаемости (*Хрустальная роща блистала над синим заливом, За старым пророком бежал розоватый ягненок, И* ***белые кони*** *вослед голубым переливам Несли золотистых, прекрасных, нагих амазонок.* Чиннов И. Как белые птицы, летали высокие ноты...).

Лошадь символизировала как жизнь, так и смерть (*Пронзительное* ***предсмертное лошадиное ржание. Из черного дыма вырвалась пара коней,*** *волоча разбитую повозку, устремилась в Днестр.* Бакланов Г. Я. Пядь земли). Пара коней, белый и черный, воплощают жизнь и смерть. Дуальность миров в едином образе объясняется тем, что лошадь в традициях древних народов считалась проводником между миром живых и миром мертвых. Поэтому конь у славян служил антагонистическим символом «смерти и воскресения, подобно восходящему и заходящему солнцу» [21] и описывался в фольклоре эпитетом *волшебный*. Бинарный принцип дня и ночи, вечера и утра встречается, например, в сказке «Волшебный конь» (*Ну так слушай меня, коли хочешь счастлив быть. Как придешь на конную, будет там один мужичок* ***лошадь*** *продавать крепко худую, паршивую; ты ее и выбери, и сколько б ни запросил с тебя хозяин – давай, не торгуйся! А как купишь, приведи ее домой и паси в зеленых лугах двенадцать* ***вечеров*** *и двенадцать* ***утров*** *по росам – тогда ты ее узнаешь!* Сказка «Волшебный конь»). Волшебство и бинарный принцип в свою очередь сокрыты не только в образе коня, но и в его привязанности к числу двенадцать. Проявляется качественная символика числа по отношению к физическому объекту (*Стал Иван водить свою* ***лошадь*** *каждое утро и каждый вечер в зеленые луга на пастбище, и вот* ***как прошло двенадцать зорь утренних да двенадцать зорь вечерних – сделалась его лошадь такая сильная, крепкая да красивая****, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать, и такая* ***разумная*** *– что только Иван на уме помыслит, а она уж ведает.* Сказка «Волшебный конь»). Нумерологический символ 12 является священным числом древних народов. Число божественное и мистическое. Произведение (3*4) и сумма (1+2) двух чисел, образующих число двенадцать, связывают друг с другом и отождествляют с единством целого мира, который формируют мир земной и мир небесный, божественный, мир человеческий и мир звездный. Получившееся от суммы чисел число три – это символ «божественной сущности, символ горнего мира, символ христианской Троицы и триад языческих богов»; число четыре, получившееся от произведения чисел – «число материальных стихий, стран света (север, юг, восток и запад), то есть символ земного, человеческой природы, дольнего мира»[8].

Соответственно, конь символизирует силу, красоту, разум. Сила, мудрость и магические способности коня воплощаются через умение заговаривать, предсказывать и предвидеть события, предвещать судьбу, прежде всего –

[7] Конь // Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицин В. Л. Символы, знаки, эмблемы... С. 26.

[8] Почему именно двенадцать? Режим доступа: https://rusvera.ru/stati/religion/pochemu-imenno-dvenadcat.html (дата обращения: 10.01.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

смерть. В русской народной сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» богатырский конь предупреждает главного героя не брать перо Жар-птицы, чтобы не попасть в беду, и заговаривает его, когда ему приходится окунуться в кипяток, а потом делает его красавцем писаным.

Еще одно нумерологическое число, связанное с лошадью, – число три. В сказке «Василиса Премудрая» красный конь символизирует солнце, черный – темную ночь, а белый – ясный день.

В различных традициях конь некогда представлял собой заупокойное животное, переносящее умершего в иной мир. Конь был психопомпом, хтоническим[9] существом, другими словами, представителем царства мертвых.

В русской лингвокультуре сохранился сложный символ того места, куда отправляются после смерти души умерших, – иной мир, тот свет. Локус того мира / света – небо [22].

Кони в русской лингвокультуре тесно связны с небом. На русских вышивках они символизировали солнце: «Сказка о Сивке-Бурке восходит к древним мифам о солнце… Если посмотреть на рисунки вышивок, то заметна тенденция к сохранению композиции в них. В центре композиции находится женщина (иногда ее заменяет дерево), по обеим сторонам которой есть 2 коня – со всадниками или без них. Считается, что эти кони символизируют день и ночь, т. е. время. С другой стороны, кони в общеиндоевропейской символике относились к солнцу (вспомните древнегреческий миф о Фаэтоне)» [23, с. 103; 24], день и ночь, времена года – лето и зиму: дошедший до нас символ – Сивка-Бурка. «Цвет в имени Сивки-Бурки указывает на зимнее и летнее солнце. Сивый = седой (холодный, "неплодородный" свет, относящийся к старости). В древнерусском *сивъ*, *сивый* – темно-серый с сединою. Бурый – красно-коричневый, насыщенный, сильный = ярый (у жаркого солнца в русском языке есть эпитет ярое)» [24, с. 35].

Достичь иного мира можно было на коне (*Седлайте* ***коней****, Мы* ***поскачем на царство теней****, Мы ударим в пустые засовы.* Кузнецов Ю. Тегеранские сны). В мифах Древней Греции таким конем был Пегас – крылатый, а точнее, пернатый конь (*Наросло на* ***перьях*** *мясо, Меньше скрытого тепла, Изменилась у Пегаса Геометрия крыла.* Липкин С. Конь), у которого был доступ на Олимп.

На земле, в этом мире, кони сопровождали умерших в их дороге на тот свет (*За медным медленным, как боль, маршем* ***Лафет в бессмертие влекут кони****.* Симонов К. Памяти генерала Леселидзе). Как указывается в Универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия, «согласно древним поверьям, лошади знают тайны загробного мира, поэтому их использовали в похоронных обрядах как проводников или посланцев в загробный мир»[10].

Особо следует остановиться на христианских символах коня. В тексте Библии в Откровении Иоанна Богослова встречается образ провозвестников конца света – четырех коней Апокалипсиса: конь белый символизирует чуму, красный (рыжий) конь – войну, черный (вороной) конь – голод, бледный конь – смерть. Эти четыре коня Апокалипсиса предвещают конец всей жизни[11].

Бледный конь – конь Блед – частый персонаж художественных произведений (*Показался с поворота* ***всадник огнеликий, Конь*** *летел стремительно и стал с огнем в глазах. В воздухе еще дрожали – отголоски, крики, Но мгновенье было – трепет, взоры были – страх! Был у всадника в руках развитый длинный свиток, Огненные буквы возвещали имя: Смерть...* Брюсов В. Я. Конь блед; ***Конь Блед Умчал*** *их* ***в*** *тот,* ***небесный вертоград****?* Чиннов И. Был освещен торжественный фасад...). Возможно, этот образ восходит к тексту Библии: «И се конь блед и сидящий на нем, имя ему Смерть»[12].

Белый же цвет есть цвет потусторонних существ, существ, потерявших телесность. Везде, где конь играет культовую роль, он всегда белый. Так, греки приносили в жертву только белых лошадей. В Апокалипсисе смерть сидит верхом на бледном коне; в германских народных представлениях смерть является верхом на тощей белой кляче[13].

Русская символическая картина мира имеет сходный с шотландским мифологическим образом образ водяного духа, сверхъестественной формы чудовища, водяной лошади – Келпи, обитающей в реках и озерах. Она чаще всего является в облике пасущегося у воды коня, почти всегда черной масти, с мокрой, холодной кожей, видимой только ночью, уже оседланная и взнузданная, подставляет путнику свою спину и затем увлекает его в воду, водную могилу (*– А ты тогда скажи, пожалуйста: если бы не было на месте этом проклятого города – зачем бы* ***выходил каждую ночь на Искандер-куль аспи-об, водяной конь. А он каждую, как есть, ночь пасется на берегу до зари****. – Ты видел? – Мог я видеть, если я на Искандер-куле не ночевал никогда?* Мстиславский С. Д. Крыша мира).

Конь как представитель царства мертвых, как хтоническая, лунная сила зачастую предстает в черном обличии. Черная масть коня является самой доминирующей в этом отношении. Этот колоративный признак интерпретировался предками как цвет нечистой силы, антагонист белого цвета, означающего смерть, потусторонний мир, ночное время суток, эзотерику (***Черный конь*** *из морских степей*

[9] Петрухин В. Я. Конь, кобыла, лошадь // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д–К. С. 591.

[10] Лошадь (конь) (символ) // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. Режим доступа: https://megabook.ru/ (дата обращения: 20.12.2019).

[11] Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. М.: Астрель; АСТ, 2007. С. 383.

[12] Откровение. Гл. VI. Стих: 8.

[13] Конь // Новый Акрополь. Режим доступа: https://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/horse/ (дата обращения: 20.12.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

плывет, летит вода из круглой ноздри около круглого глаза. Хлебников В. Дети выдры).

В эпоху Возрождения конь стал символизировать похоть, он мог являться в образе диморфического существа, в котором уживалась не только высшая человеческая природа, но и низшая – звериная натура, похоть, неистовство, буйство (***То я была по ту сторону преграды, то по эту. Кентавр врача и пациента. Какой-то перелом происходил во мне мучительный.*** Грекова И. Перелом; *Бова видит* ***вверху человеческое, но зверообразное, мохнатое лицо, нос красносиней, глаза как угли раскалённые, по пояс был весь мохнат, а ниже пояса конь сильной, у которого недоставало только шеи и головы****; на плече держал палицу дубовую или, лучше сказать, дубовое бревно.* Радищев А. Н. Бова). Кентавры часто появляются в обрядах, посвященных Дионису.

В символической картине мира русского народа отобразилась и греческая иноземная модель мира *конь – троянский конь*, иносказательно именующая тайный замысел, хитрую ловушку (*И этот вирус далеко не первый опаснейший «****троянский конь****», хотя, пожалуй, на сегодняшний день самый изощренный.* Потресов С. Год вирусного беспредела. Средневековье Интернета – эпидемии уносят миллионы долларов; *Может быть, это внеземной* ***троянский конь****, посланный на погибель нашей цивилизации?* Коваленко Е. Что мы знаем о молниях?).

В энциклопедии «Символы, знаки, эмблемы» В. Э. Багдасаряна и др. написано, что троянский конь – символ скрытности и коварства. Такое понимание интерпретируют появлением выражения «ход конем», несмотря на то, что в шахматах конь символизирует не столько скрытность, сколько жизнестойкость[14] (*Где же твои непоколебимые принципы?! Еще бы – гроссмейстер сделал* ***ход конем****… А что – правильно сделал, убедительно.* Завершнева Е. Высотка).

Выводы

Как показывает проведенный анализ словарей символов и фактического материала, культурно-символические потенции в структуре репрезентантов исследуемого концепта *лошадь / конь* разнообразны. В русской концептуальной картине мира исследуемый концепт является противоречивым, амбивалентным: ему свойственна ахроматическая (черно-белая, поглощающее излучающая) образная природа: мрак – свет, жизнь – смерть, земля – небо. Все выявленные структурно-символические признаки данного концепта так или иначе перекликаются между собой, даже выходя за рамки четкой оппозиции (например, когда белая масть коня олицетворяет диаметрально противоположные образы-представления в сознании народа). Следовательно, можно предположить, что все признаки являются составляющими одной символической модели: солярный символ – хтонический символ. В рамках данной символической модели были выделены следующие базовые признаки: солнце; небо; дождь; земля; звезда; месяц; птица; огонь; свет; воздух; красный; вода; белый; золотой; иной мир; старость; море; горы; смерть; Келпи – водяной дух; бессмертие; черный; кентавр; троянский конь; время суток; число; единство; волшебство, магия; время суток; число; единство; плодородие.

В зеркале выявленных символических признаков отражается нравственная сущность животного, его черты характера, интеллектуальные и физические способности: духовность; скорость; вдохновение, созерцание; верность; упорство; бесстрашие; удача; благородство, знатность; чистота, недосягаемость; похоть, буйство; скрытность, коварство; сила; красота; разум; мудрость; мощь; жизненная сила.

Все представленные признаки восходят к теоцентризму как исторической форме выражения субъекта, его особого места в мироздании. В центре мира находится Бог, он есть абсолютное, совершенное бытие и наивысшее благо, предопределяющее пути, по которым следует человек. Подражание и уподобление богу считалось высшей целью и главным смыслом человеческой жизни, а почитание и служение ему – основа нравственности. Отсюда, как представляется, и возникли образные признаки коня, символизирующие его опосредованную природную связь с богом.

Все олицетворения, содержащиеся в образах коня и выявленные через символическую группу признаков структуры концепта в большинстве своем носят антропоморфный характер.

Заключение

Количество описанных символических признаков, безусловно, не является исчерпывающим. Образ коня берет свое начало из древних мифов, что делает его символику чрезвычайно многогранной, сложной и не всегда очевидной. Он живет в трех мирах: земном, неземном и промежуточном, граница между ними размыта.

Фактический материал отразил преимущественно природную сущность исследуемого концепта. В символических признаках концепт *лошадь / конь* находит отражение в обозначении всех стихий природы, природных явлений и небесных светил. Природные стихии считают одними из самых величайших проявлений сил Мира, основой Вселенной. Символизм мощи, жизненной силы, скорости, бесстрашия и др. всегда ассоциировался со стихийными силами огня, воды, ветра, бури.

Часть этих признаков свидетельствует о культурной значимости концепта *лошадь / конь* в русском языковом сознании как положительно-ориентированного синкретичного образа: исторически сложилось так, что жизнь коня была связана с жизнедеятельностью человека – конь стал незаменимым помощником в сельском хозяйстве, в военном деле, самым быстрым и единственным средством передвижения, в конце концов, двигателем цивилизации. Все признаки являются инвариантными, поскольку до сих

[14] Конь // Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицин В. Л. Символы, знаки, эмблемы... С. 25.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

пор актуализируются в своих исконных значениях в русской языковой картине мира.

Проведенный анализ также говорит об историческом родстве многих культур – символические признаки в этих культурах имеют тенденцию перекликаться. Это говорит об общем начальном этапе развития человечества, схожем мифологическом мышлении и смежной мифологической картине мира.

Символ не есть обособленная частность, а есть автономная многослойная структура, расшифровать смысл, объяснить и понять которую требует от интерпретатора работы с различными лингвокультурными кодами (вербальным и культурным).

Таким образом, исследование мифосимволической составляющей анималистического концепта *лошадь / конь* с позиции языка как кладези исторически заложенного знания раскрыл индивидуально-специфический способ восприятия и объяснения существования образов лошади в жизни русского народа.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
2. Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концептов *horse* и *лошадь / конь* в кросскультурных концептуальных картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 488–495. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495
3. Пименова М. В. Концепт сердце: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
4. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
5. Маслова В. А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 184–197. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197
6. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 279 с.
7. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 203 с.
8. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные мифы фантастики, волшебной сказки, утопий, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
9. Хюбнер К. Истина мира. М.: Республика, 1996. 448 с.
10. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 493 с.
12. Алимурадов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск: ПГЛУ, 2003. 305 с.
13. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–280.
14. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.
15. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 238 с.
16. Башкатова Ю. А. Символические признаки соматических концептов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 239–246.
17. Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концепта horse (лошадь) // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 112–117.
18. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию. М.: Флинта; Наука, 2016. 248 с.
19. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение. М.: Флинта; Наука, 2011. 176 с.
20. Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/afan/03.php (дата обращения: 12.12.2019).
21. Трубаева Е. И. Соотношение понятий знак-символ-значение-концепт в исследовании текста // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по мат-лам VI Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 14 декабря 2011 г.) Новосибирск: СибАК, 2011. Ч. I. Режим доступа: https://sibac.info/conf/philolog/vi/26532 (дата обращения: 20.12.2019).
22. Демидова Е. Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов небо и heaven в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 25 с.
23. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. СПб.: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. 256 с.
24. Пименова М. В. Русская сказка. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2012. 68 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

Mythosymbolic Component of the Animalistic Concept Horse (Loshad' / Kon') in the Russian Language Picture of the World

Feruza Sh. Bekmurzaeva [a, @, ID]

[a] General A. V. Khrulev Military Academy of Logistics, Russia, St. Petersburg

[@] bekmur-feruza93@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-2600-6462

Received 21.01.2020. Accepted 19.02.2020.

Abstract: The research featured concept "horse", which is one of the key archetypal concepts of the Russian culture. The present article focuses on the secondary symbolic constituents that form the structure of the concept. The research objective was to describe symbolic features in the structure of the concept. The material involved sources of the Russian national corpus, Russian folk tales, and other genres of the belles-lettres discourse representing diverse functional styles of the language. The study revealed the ambivalent nature of symbolic categorization of the animal concept in the Russian language through the prism of religious and mythological worldview. The ambivalent nature represented in the bilateral image is in its polar opposition. On the one hand, it is a solar symbol, a symbol of celestial source, and deity. On the other hand, it is chthonic and demonological. Thus, it implies the following symbolic signs: sun; sky; rain; earth; star; month; bird; fire; light; air; red; water; white; gold; another world; age; sea; mountains; death; Kelpie – a water spirit; immortality; black; centaur; Trojan horse; the magic; time of day; number; unity; fertility; spirituality; speed; inspiration, contemplation; loyalty; persistence; fearlessness; luck; chivalry, nobility; purity, and inaccessibility; lust, riot; secrecy, deceit; power; beauty; intelligence; wisdom; power; life force. Ambivalent features revealed on the basis of factual material are invariant, since their historical significance is also actualized in modern linguistic realities. In addition, for the most part they are positively oriented, which indicates the marking and significance of the horse in the consciousness and life of the Russian people.

Keywords: cognitive linguistics, linguoculturology, structurally symbolic signs, symbol, mythology

For citation: Bekmurzaeva F. Sh. Mythosymbolic Component of the Animalistic Concept Horse (Loshad' / Kon') in the Russian Language Picture of the World. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 216–225. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

References

1. Kubryakova E. S. *Language and knowledge: towards the acquisition of knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world.* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 560. (In Russ.)
2. Bekmurzaeva F. Sh. Motivating signs of concepts "Horse" and "Loshad' / Kon'" in cross-cultural conceptual worldviews. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2019, 21(2): 488–495. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495
3. Pimenova M. V. *Heart concept: image, concept, symbol.* Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
4. Potebnya A. A. *Word and myth.* Moscow: Pravda, 1989, 624. (In Russ.)
5. Maslova V. A. The role of a language in the world's conceptualization: the aspect of cultural linguistics. *Russian Language Studies,* 2019, 17(2): 184–197. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197
6. Kasevich V. B. *Buddhism. World picture. Language.* St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996, 279. (In Russ.)
7. Tsivyan T. V. *Linguistic bases of the Balkan model of the world*. Moscow: Nauka, 1990, 203. (In Russ.)
8. Kovtun E. N. *Poetics of the extraordinary: Artistic myths of fiction, fairy tales, utopias, parables, and myth: (Based on European literature of the first half of the twentieth century)*. Moscow: Izd-vo MGU, 1999, 308. (In Russ.)
9. Hübner K. *The truth of the world.* Moscow: Respublika, 1996, 448. (In Russ.)
10. Jung C. G. *Archetype and symbol.* Moscow: Renessans, 1991, 304. (In Russ.)
11. Krasavsky N. A. E*motional concepts in German and Russian linguacultures.* Volgograd: Peremena, 2001, 493. (In Russ.)
12. Alimuradov O. A. *Sense. Concept. Intentionality.* Pyatigorsk: PGLU, 2003, 305. (In Russ.)
13. Askoldov S. A. Concept and word. Russian literature. *From the theory of literature to the structure of the text,* ed. Neroznak V. P. Moscow: Academia, 1997, 267–280. (In Russ.)
14. Karasik V. I. On the categories of linguaculturology. *Language personality: problems of communicative activity.* Volgograd: Peremena, 2001, 3–16. (In Russ.)
15. Kolesov V. V. *Language and mentality.* St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004, 238. (In Russ.)
16. Bashkatova Yu. A. Symbolic features of somatic concepts. *Siberian Journal of Philology,* 2014, (2): 239–246. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

17. Bekmurzaeva F. Sh. Motivating signs of the concept "horse". *Conceptual study in the aspect of linguoculture*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 2018, 112–117. (In Russ.)
18. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Introduction to conceptology.* Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 248. (In Russ.)
19. Pimenova M. V., Kondratyeva O. N. *Conceptual research. Introduction*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 176. (In Russ.)
20. Afanasiev A. N. *The tree of life: featured articles*. Moscow: Sovremennik, 1982, 464. (In Russ.) Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/afan/03.php (accessed 12.12.2019).
21. Trubaeva E. I. Correlation of the concepts sign-symbol-meaning-concept in the study of the text. *In the world of science and art: questions of philology, art history, and cultural studies:* Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, December 14, 2011. Novosibirsk: SibAK, 2011, pt. I. Available at: https://sibac.info/conf/philolog/vi/26532 (accessed 20.12.2019). (In Russ.)
22. Demidova E. E. *Structures and ways of updating the features of the concepts "nebo" and "heaven" in Russian and English language pictures of the world.* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2010, 25. (In Russ.)
23. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of Russian fairy tales.* St. Petersburg: VI ZhDV i VOSO, 2015, 256. (In Russ.)
24. Pimenova M. V. *Russian fairy tale.* Kiev: Izdatel'skii dom D. Burago, 2012, 68. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

оригинальная статья
УДК 811.111.376.46:796.8

Словообразовательная номинация в англоязычном терминообразовании смешанных единоборств

Надежда В. Дронякина [a, @, ID]; Дмитрий А. Старых [b]

[a] Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, г. Симферополь

[b] Государственный гуманитарно-технологический университет, Россия, г. Орехово-Зуево

[@] n-dronyakina@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-2036-8008

Поступила в редакцию 14.11.2019. Принята к печати 11.02.2020.

Аннотация: Статья посвящена многоаспектному лингвистическому изучению англоязычных терминов смешанных единоборств. Объектом изучения послужили англоязычные термины смешанных единоборств, предметом – словообразовательные способы формирования англоязычных терминов смешанных единоборств. Проанализировав структуру спортивных терминов, нами выделены одно-, двух-, трех-, четырех- и поликомпонентные терминообразования. К однокомпонентным терминам относим языковые единицы, выраженные одним словом, но с разным морфемным составом. Однокомпонентные термины представлены корневыми, аффиксальными и сложными единицами, двухкомпонентные – словосочетаниями, в которых ядерным элементом выступает существительное, прилагательное и глагол (и его формы). Путем сложного сокращения трех- и четырехкомпонентные терминологические словосочетания преобразованы в аббревиатуры. Поликомпонентные терминологические образования весьма малочисленны и выражены герундиальными словосочетаниями. В ходе исследования определены словообразовательные способы формирования англоязычных терминов смешанных единоборств: семантический, морфологический и синтаксический. Семантический способ выражен вторичной номинацией – метафоризацией и метонимизацией. Морфологический способ реализован посредством аффиксации, словосложения и аббревиации. Примером синтаксического способа образования терминов послужили словосочетания и герундиальные словосочетания. Выявлены доминантные модели построения спортивных терминов. Установлены ключевые виды терминов-словосочетаний – субстантивные и атрибутивные.

Ключевые слова: термин, термин-словосочетание, терминообразование, спортивный термин, словообразовательный способ, модель, компонент

Для цитирования: Дронякина Н. В., Старых Д. А. Словообразовательная номинация в англоязычном терминообразовании смешанных единоборств // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 226–233. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

Введение

В лингвистике XXI в. активно ведутся разноаспектные научные исследования англоязычной терминологии, в том числе спортивной, направленные на выявление номинативных процессов терминообразований, отображающих ментальность современного общества: Д. Л. Амитирова-Тургенева [1], С. Л. Васильева и Д. И. Аюшин [2], М. Е. Видерман [3], Т. Н. Винокурова [4], Н. Н. Бобырева [5; 6], С. В. Брыкина [7], Н. П. Бугаенко и Е. В. Жуликов [8], Н. В. Горохова [9], О. В. Дубовская и А. Ю. Лазько [10], А. А. Каленюк [11], М. В. Кислухина [12], Т. А. Кудинова [13], А. К. Купцова [14], К. С. Масейко [15], Л. В. Суслова [16], Е. А. Худинша [17], Н. А. Шафранова [18], Р. Р. Юсупова [19] и др. Однако на данный момент отсутствуют научные работы по изучению англоязычных терминов смешанных единоборств.

В настоящее время спортивная деятельность наряду с экономикой, медициной, политикой, культурой в целом занимает видное место. В силу популяризации в современном обществе здорового образа жизни особое внимание уделяется сфере профессионального спорта. За последнее десятилетие возрос интерес профессиональных спортсменов к занятиям, а общественности – к просмотру поединков смешанных боевых искусств (*MMA – mixed martial arts*), что вызвано утратой зрелищности боев профессионального бокса и эффективным PR-маркетингом ММА[1].

Данное исследование посвящено изучению английских терминов смешанных единоборств, их словообразовательных и структурно-морфологических характеристик. Объектом исследования послужили англоязычные термины смешанных единоборств, предметом – словообразовательные способы

[1] Общеизвестно, пропаганда здорового образа жизни, популяризация смешанных единоборств как вида спорта ведется телеканалом M1 Global, который получил техническую дистрибьюцию в третьей части всех домохозяйств России, присутствуя в «НТВ Плюс», «Триколор ТВ», «Ростелеком» и ряде других операторов, выпустив также мобильную платформу на iOS и Android.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

формирования англоязычных терминов смешанных единоборств. Цель данного исследования предполагает определить словообразовательные способы формирования англоязычных терминов смешанных единоборств. Сформулированная цель предполагает решение таких задач: 1) охарактеризовать понятия *термин, языковая картина мира*; 2) осуществить краткий аналитический обзор научных работ по изучению английских терминов спортивной тематики; 3) определить виды англоязычных терминов смешанных единоборств по компонентному наполнению; 4) выявить морфемное устройство англоязычных терминов смешанных единоборств.

Методы и материалы. В работе использован метод словообразовательного анализа спортивных терминов для установления ключевых способов их образования; метод структурного анализа для определения видов терминов по их компонентному наполнению; метод структурно-морфемного анализа для выявления моделей построения разных видов спортивных терминов; метод морфологического анализа для разграничения видов терминообразований по грамматическому признаку их ядерного элемента; метод количественного подсчета терминов, имеющих различный компонентный состав и образованных разными словообразовательными способами, для установления доминантных видов терминов и ведущих способов их образования.

Объектом научных работ по изучению англоязычных терминов спортивной сферы становились общие спортивные слова и словосочетания (Н. А. Шафранова [18]), футбольные термины (Ж. А. Терпелец и др. [20]), волейбольные термины (Е. В. Семенова и др. [21]), термины-эпонимы, т. е. слова и словосочетания с компонентом *имя собственное*, обозначающие специальное понятие из области спорта – явление, движение или артефакт (Н. Н. Бобырева [6]), термины бокса (И. Ю. Апалько [22]), художественной гимнастики (Н. Н. Бобырева [5]). Определено, что упомянутый выше языковой материал исследован в русле нескольких лингвистических подходов:

1) **лексико-семантический** – направлен на выявление семантических процессов в терминосфере бокса (И. Ю. Апалько [22]), определение этимологии волейбольных терминов (Е. В. Семенова и др. [21]), футбольных терминов (Ж. А. Терпелец и др. [20]);

2) **семантико-функциональный** – выявление механизмов расслоения спортивной лексики на терминологическую и общеупотребительную, установление влияния ситуационного и социолингвистического контекстов на термин (Н. А. Шафранова [18]);

3) **структурно-морфемный** – позволил установить структурно-языковые характеристики спортивных терминов-эпонимов (Н. Н. Бобырева [6]), определить деривационные процессы в терминологии бокса (Е. В. Семенова и др. [21]).

Для понимания особенностей объекта нашего исследования кратко необходимо обратиться к понятиям *термин* и *языковая картина мира.* В лингвистике терминологию трактуют как 1) совокупность терминов конкретной отрасли производства, области знания или деятельности человека, образующую особый сектор лексики [23, с. 116]; 2) раздел языкознания (лексикологии), посвященный изучению способов образования, состава и функционирования терминов [24, с. 333]. Термин (от лат. *terminus* предел, граница) толкуется как специальное слово или же словосочетание, точно называющее вещь или выражающее определенное понятие какой-либо узкой области науки, политики, техники, дипломатии и т. д. [23, с. 115]. С позиции его функциональной роли термин служит словесным обозначением понятия, имеющим профессиональный смысл. Термины входят в литературный пласт лексической подсистемы языка, характеризуются однозначностью в пределах конкретной терминологии (полисемичностью вне определенной терминологии), информационной насыщенностью и употребляются в научном стиле [23, с. 115].

В процессе познавательной деятельности человек отражает восприятие объективного мира в слове. Совокупность знаний об окружающем мире, зафиксированных в языковой форме, именуют языковой картиной мира. В национальном языке зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей. В нем манифестируется специфическая «окраска» окружающего мира, обусловленная значимостью для народа как носителя языка конкретных явлений, предметов, процессов. Такой неповторимый взгляд на мир (картина мира) объясняется избирательным отношением к его составляющим, что вызвано особенностями образа жизни, деятельности, культуры в целом конкретного народа [25, с. 52–53]. Языковая картина мира – это ментально-лингвальное образование, информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка [26, с. 398]. Таким образом, в нашей работе предпринята попытка реконструировать фрагмент мировидения народа на материале спортивных терминов, относящихся к смешанным боевым искусствам.

Иллюстративным материалом исследования послужили все представленные в готовых глоссариях англоязычные термины смешанных единоборств, которые размещены в интернет-журналах, интернет-ресурсах[2], их объем составил 96 единиц. В результате применения метода структурного анализа выявлены следующие виды терминов: однокомпонентные (41 единица), двухкомпонентные (32 единицы), трехкомпонентные (15 единиц), четырехкомпонентные (3 единицы) и поликомпонентные (5 единиц).

[2] Глоссарий UFC. Режим доступа: https://ru.ufc.com/glossariy (дата обращения: 01.11.2019); Термины ММА (смешанных единоборств) // Силовой спорт и спортивное питание. Режим доступа: http://powerlifter.ru/2011/05/terminy-mma-smeshannyx-edinoborstv/ (дата обращения: 01.10.2019); MMAJAB: Всё про единоборства. Режим доступа: http://mmajab.com/mma-terms/ (дата обращения: 04.10.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

Однокомпонентный вид терминов смешанных единоборств

К однокомпонентным относим такие термины, которые выражены одним словом с разным морфемным составом. По словообразовательному критерию нами определены два способа их формирования: 1) **семантический способ** (метафоризация, метонимизация) лежит в основе непроизводных (корневых) терминов (19 единиц); 2) **морфологическим способом** (аффиксация и словосложение) образованы производные термины (7 единиц) и термины-композиты (14 единиц).

Вторичная номинация, разновидности метонимических спортивных терминов

В современной теории номинации вторичная номинация трактуется как вторичное использование существующих языковых форм в роли названия. В основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, который позволяет устанавливать сходства и различия на основе признаков, присущих новым именам.

1. **Топонимическая метонимия**: *Americana* (букв. что-либо относящееся к Америке как части света или к США) – узел, болевой прием на руку, при котором дислоцируется плечевой сустав и локоть (прием похож на прием кимуру, но рука изгибается в другом направлении). В основе наименования термина лежит номинативный процесс ***географическое название → действие***.

2. **Антропонимическая метонимия**: *Kimura* – узел плеча; обратный узел; кимура, в миксфайте его именуют американо; болевой прием на руку, при котором дислоцируется плечо и иногда локтевой сустав (прием похож на прием американа, но рука изгибается в другом направлении). Термин *Kimura* получил свое название в память о знаменитой победе величайшего японского мастера дзюдо Масахико Кимура (*Masahiko Kimura*), но сам прием по большей части распространен в бразильском джиу-джитсу, где его именуют Гяку-Удэ-Гарами. Номинативным процессом термина *Kimura* служит модель ***имя человека → действие.***

3. **Соматическая метонимия**: *cardio* – кардио; выносливость бойца. Предположим, что основой наименования послужил медицинский термин, отсылающий к работе сердца (от лат. *cardio* сердце). В основе примера лежит номинативный процесс ***органы человека → действие***.

Перенос по сходству, метафорические спортивные термины смешанных боевых искусств

1. **Сходство формы:** *cross* (букв. крест, пересечение) – кросс, прямой удар задней рукой; *hook* (букв. крючок) – хук, удар рукой по закругленной траектории параллельно полу. В основе наименования приведенных примеров лежит предметный культурный код ***предмет → действие***.

2. **Сходство местоположения**: *mount* (букв. гора) – маунт, доминирующая позиция бойца; *top* (букв. высший, верхний) – один из лучших бойцов в своем дивизионе / весе. Если в основе термина *mount* лежит ортологический код, то термина *top* – пространственный код.

3. **Сходство в способе представления действия**: *clinch* (букв. скоба, зажим) – клинч, борьба стоя; *draw* (букв. тяга, вытягивание, выхватывание) – ничья, ничейный результат, получившийся из-за оценок судей, когда один судья дал победу одному бойцу, второй – другому, а третий – дружбе; *guard* (букв. охрана, стража) – гард, защита, позиция защищающегося, взятая из бразильского джиу-джитсу, при которой защищающийся лежит на спине, обхватив ногами тело или ноги оппонента; *jab* (букв. внезапный быстрый удар, толчок) – джеб, прямой удар передней рукой; *slam* (букв. громкое хлопанье) – мощный бросок или бросок, выполненный по большой амплитуде; *suplex* (фр. *souplesse* мягкость, гибкость) – суплекс (суплес), захват соперника за туловище и бросок через себя в большинстве случаев скручивая в одну сторону (при броске-прогибе требуются мягкость и гибкость для выполнения этого захвата); *sweep* (букв. подметать, мести) – подсечка; смена позиций в партере (например, из гарда в фулл маунт); *sprawl* (букв. сидеть развалившись) – спрол, растяжка, техника защиты от перевода боя в партер (включая любые тейкдауны и свипы); борцовская техника с убиранием ног назад (или с линии атаки) и перенесением веса вниз для давления на тело нападавшего; *stomp* (букв. топот) – прыжок ногами на противника или удар (шаг) по касательной.

Корневые термины

В терминологическом аппарате смешанных единоборств встречаются два корневых термина[3] иноязычного происхождения.

1) термин, выступающий предметной метафорой: *guillotine* (рус. гильотина) – удушающий прием, при котором проводящий захватывает голову оппонента подмышку и предплечьем перекрывает доступ кислорода и крови к мозгу;

2) термин, заимствованный из японского языка: *Gi* (от япон. одежда) – кимоно.

Примеры аффиксальных терминов[4]

1) **суффиксальные**: *biting* (от гл. *bite* кусать) – кусание; *grappling* (от гл. *grapple* обхватывать) – грэпплинг; «обнимашки»; любая борьба, включая клинч (в более узком смысле предполагает методы борьбы, цель которых – заставить противника сдаться); *decision* (букв. решение) – решение судей (по истечению лимита времени выявление победителя передается в руки судей). Как правило, поединок борцов оценивают трое судей, которые и выносят итоговое решение.

[3] слова, представленные корневой морфемой, в нашем исследовании корневой термин – это термин, выраженный одной морфемой – корнем.

[4] термин, выраженный аффиксом (приставкой, суффиксом).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

2) **префиксальный**: *counterpunch* (букв. контрудар) – удар на встречу.

На основании приведенной выше классификации терминов на суффиксальные и префиксальные видно, что в терминологическом аппарате рассматриваемого нами вида спорта не широко представлены деривационные единицы.

Структурно-морфемные модели построения терминов-композитов

Модель N+N: *armbar* (от англ. *arm* рука, *bar* брусок) – армбар, рычаг локтя, болевой прием на руку, при котором локтевые суставы изгибаются в неестественном направлении в точке опоры, такой как нога, рука или тело исполняющего; *gatekeeper* (от англ. *gate* ворота, *keeper* хранитель) – гейткипер, хранитель врат, крепкий середняк, после победы над которым бойца можно считать претендентом на топовые позиции в том или ином дивизионе; *gogoplata* (от порт. *gogo* кадык, *plata* клинок) – гогоплата, удушающий прием, при котором проводящий, находясь в раббер гарде, перекидывает свою ногу сверху руки (плеча) оппонента и прижимает его голову к своей ноге; heelhook (букв. *heel* пятка, *hook* крюк) – узел ноги / лодыжки, болевой прием на нижнюю часть ноги, при котором проводящий захватывает ступню оппонента и создает давление на несколько разных суставов и связок, выгибая и поворачивая ее; *kneebar* (букв. *knee* колено, *bar* брусок) – рычаг колена, болевой прием на ногу, при котором проводящий выгибает коленный сустав оппонента в неестественном направлении; *omoplata* (от греч. *ὦμος* плечо, *πλατύς* широкий) – омоплата; болевой прием, при котором атакующий спортсмен изолирует запястье и предплечье оппонента с помощью своей ноги, а не рук; прием заимствован из бразильского джиу-джитсу, редко используется в боях ММА по причине того, что является очень сложным в исполнении (в джиу-джитсу омоплата пришла из дзюдо); *piledriver* (букв. копёр, от англ. *pile* свая, *driver* водитель) – огнетушитель / свая, прием, в котором борец хватает своего противника, переворачивает его и пересаживается в положение сидя или стоя на коленях, вбивая противника головой в мат; такой опасный прием может привести к летальному исходу, т к. предполагает бросок противника на голову, поэтому запрещен правилами NSAC; *soccerkick* (от англ. *soccer* футбол, *kick* удар ногой) – футбольный удар, прием, в котором в качестве мяча используется голова или туловище соперника (в зависимости от правил).

Модель N+Gerund: *fish-hooking* (от англ. *fish* рыба, *hook* зацеплять) – прием, при котором руки засовываются в рот или ноздри оппонента; *headbutting* (от англ. *head* голова, *butt* соединять в стык, бодаться) – удар головой.

Модель Adj+N: *high-kick* (от англ. *high* высокий, *kick* удар ногой) – хай-кик, удар ногой в голову или шею; *low-kick* (от англ. *low* низкий, *kick* удар ногой) – лоу-кик, удар ногой по ноге противника.

Модель V+Prep: *takedown* (от англ. *take* хватать, захватывать, *down* вниз) – тейкдаун, перевод в партер.

Модель Adj+N: *uppercut* (от англ. *upper* верхний, *cut* сильный удар) – апперкот, удар рукой снизу (в подбородок или туловище).

Способы образования двух-, трех- и четырехкомпонентных терминов

В основе образования двух-, трех- и четырехкомпонентных терминов лежат морфологический (аббревиация) и синтаксический (словосочетание) способы. Так, путем сложного сокращения образованы такие термины-аббревиатуры (16 единиц):

KO (*knock out*) – нокаут, победа, полученная тем, кто смог ударными техниками заставить соперника потерять сознание.

NC (*no contest*) – термин, использующийся в боксе и ММА для описания завершения матча из-за неудачного стечения обстоятельств.

BJJ (*Brazilian Jiu Jitsu* – БЖЖ, бразильское джиу-джитсу) – стиль борьбы, уделяющий особое внимание техникам в партере. Одно из ответвлений японского дзю-дзюцу и дзюдо, модернизированный Мицуо Маеда и предприимчивой шайкой бразильских разбойников *Gracie* (Грейси).

BJP (*Baby Jay "B. J." Penn* – Би Джей Пенн) – один из лучших бойцов смешанного стиля в легком весе.

GnP (*Ground and Pound*, букв. вали и мочи) – тактика проведения боя в партере. Для победы используется эффективное добивание сверху для ослабления противника (с последующей сдачей или попыткой болевого).

GSP (*George Saint-Pierre* – ЖСП, Джордж Сен-Пьер) – один из лучших бойцов смешанного стиля в полусреднем весе.

LnP (*Lay and Pray* – ЛнП, букв. вали и молись) – тактика проведения боя в партере, позорящая ММА. Сводится к старинному принципу «собака на сене» – после перевода боя в партер не делать никаких действий для завершения боя и не давать противнику сделать оных.

MMA (*Mixed Martial Arts* – смешанные боевые искусства) – вид полноконтактного боевого спорта, зародившийся в конце XX в. Разрешает проведение эффективных действий как в стойке, так и в партере. В России благодаря «черному» пиару распространен вариант боев без правил.

P4P (*pound for pound* – вне весовых категорий) – сравнение бойцов по уровню оппонентов, частоте побед, техническим качествам вне зависимости от количества липидов, «широких костей» и белка, находящихся в организме.

PPV (*pay per view*, букв. плата за просмотр, «платник») – система платных кабельных трансляций на территории США.

SnB (*Sprawl and Brawl* – стой и мочи) – тактика проведения боя в стойке, когда боец с лучшей ударной техникой старается не допустить более хорошего грэпплера в партер, изматывая его в стойке.

T2T (*toe-to-toe*, букв. палец ноги к пальцу ноги) – бескомпромиссный бой.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

UFC (*Ultimate Fighting Championship*) – ведущая организация ММА в мире.

ADCC (*Abu Dhabi Combat Club* – Боевой Клуб Абу Даби) – «Большой шлем» грэпплинга, проводимый при финансировании шейха Тахуна Бин Найеда Аль Наяна (сына бывшего президента ОАЭ) и при ближайшем содействии семьи Грасье. Поединки данного клуба проводятся каждые два года, где запрещены удары, любые болевые приемы на шею, учитывает все, что входит в правила *NSAC*.

CSAC (*California State Athletic Comission*) – комиссия штата Калифорния по вопросам спорта (популярные города для проведения контактных единоборств – Лос Анджелес и Сан Хосэ).

NSAC (*Nevada State Athletic Comission*) – комиссия штата Невада по вопросам спорта. Город Лас-Вегас (штат Невада) является Меккой бокса и смешанных боевых искусств.

Модели построения двухкомпонентных терминов-словосочетаний

1. **Субстантивные** термины-словосочетания (13 единиц):

Модель N+N: *Achilles hold* (от англ. *Achilles* Ахилл, *hold* захват) – ущемление ахиллова сухожилия, болевой прием на нижнюю часть ноги, при котором проводящий захватывает ступню и давит на нее; *anaconda choke* (от англ. *anaconda* анаконда, *choke* удушье) – одна из разновидностей удушающих приемов, направленная на перекрытие потока крови путем увеличения давления на шею оппонента бицепсами рук; *arm-triangle choke* (букв. треугольное удушение) – удушающий прием, при котором проводящий боец обхватывает шею и одну руку оппонента своими руками, при этом рука противника душит его самого, а из-за создаваемого давления кровь не поступает к мозгу; *triangle choke* (букв. треугольное удушение) – удушающий прием, при котором проводящий боец обхватывает шею и одну руку оппонента своими ногами, при этом рука противника душит его самого, а из-за создаваемого давления кровь не поступает к мозгу; *split decision* (от англ. *split* расщепление, *decision* решение) – смешанное решение, два арбитра голосуют за победу одного бойца, один – второго бойца; *majority decision* (от англ. *majority* большинство, *decision* решение) – победа большинством голосов судей, двое – за одного, третий – за ничью; *majority draw* (от англ. *majority* большинство, *draw* ничья) – двое судей высказались за ничью, а третий отдал победу одному из бойцов; *half guard* (букв. полузащита) – одна из ног атакующего зажата между ног защищающегося; *rubber guard* (букв. резиновая защита) – защита с как можно более высоко поднятыми ногами; *turtle guard* (от англ. *turtle* черепаха, *guard* охрана) – защита «черепаха»; прием, при котором защищающийся в позе эмбриона сидит на коленях и закрывает все возможные щели между собой и полом (и молится, чтобы висок был закрыт); *side mount* (от англ. *side* сторона, *mount* гора) – маунт со стороны; прием, при котором атакующий лежит на противнике, образуя с ним угол 90°, и фиксирует его тело со свободными нижними конечностями; *neck crank* (от англ. *neck* шея, *crank* кривошипный рычаг) – ущемление шеи; болевой прием на шейный отдел позвоночника, при котором происходит выгибание шеи в неестественное положение; *superman punch* (от англ. *superman* сверхчеловек, *punch* удар кулаком) – «стрела», кросс в прыжке после обманного удара ногой.

2. **Атрибутивные** термины-словосочетания (13 единиц):

Модель Participle+N: *flying armbar* (букв. летящий рычаг локтя) – болевой прием, проведенный из стойки, при котором проводящий обеими ногами отрывается от земли; *flying knee* (букв. летящее колено) – удар коленом в прыжке; *spinning backfist* (от англ. *spinning* вращение, *back* тыльный, *fist* кулак) – бэкфист, удар кулаком после резкого разворота туловища; *spinning backelbow* (от англ. *back* тыльный, *elbow* локоть) – удар локтем после резкого разворота туловища; *unified rules* (букв. объединенные правила) – правила ММА, принятые на территории Северной Америки.

Модель Adj+N: *unanimous decision* (букв. единогласное решение) – решение, когда трое судей высказались в пользу победы одного бойца; *full guard* (букв. полная защита) – защищающийся обвил противника ногами и руками и весом тела прижимает атакующего ближе к себе; *open guard* (букв. открытая защита) – ноги защищающегося не сомкнуты в замок; *full mount* (от англ. *full* полный, *mount* гора) – полный маунт; прием, при котором атакующий сидит на животе или груди защищающегося; *verbal submission* (букв. словесная (вербальная) сдача) – признание поражения в том случае, когда боец не может признать свое поражение по традиции трижды похлопав, то ему достаточно сказать «Я сдаюсь» для остановки боя; *technical* (*knockout*, *submission*, *draw*) – приставка к итогу матча, означающее вмешательство судьи (врача или другого официального лица) в ход боя, для предотвращения травмы бойца.

3. **Глагольные** термины-словосочетания, в которых ядром выступает глагол или неличные формы глагола:

Модель V+prep: *tap out* (букв. постукивать) – троекратное постукивание по полу / противнику / себе; символичный жест, означающий сдачу бойца.

Модель N+Gerund: *eye gouging* (от англ. *eye* глаз, *gouging* выдавдивание) – удары и манипуляции с глазами; *hair pulling* (от англ. *hair* волосы, *pulling* натяжение, выдергивание) – хватание за волосы.

Субстантивные модели построения трехкомпонентных терминов-словосочетаний:

Модель N+prep+N: *kick to midsection* (букв. удар ногой в среднюю часть) – удар ногой по ребрам.

Модель Adj+Adj+N: *small joint manipulation* (букв. прием на небольшие суставы) – манипуляции и болевые приемы на пальцы.

Модель Prep+N+N: *inside leg kick* (букв. удар ногой в промежутке между ног) – удар ногой по ногам противника между ними (не в пах).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

Поликомпонентные термины

Один пример нашей выборки терминов представлен поликомпонентным субстантивным словосочетанием: *strikes to the back of the head and spinal area* (букв. удары по затылку и спине) – удары по затылку.

В нашем исследовании малочисленными являются поликомпонентные терминологические образования, выраженные герундиальными словосочетаниями: *attacking the groin* – удары в пах; *intentionally throwing your opponent out of the ring / cage* – выкидывание противника за пределы клетки или ринга; *purposely holding the ring ropes or cage fence* – целенаправленное хватание клетки или канатов ринга; *running out of the ring / cage* – покидание клетки или ринга.

Заключение

Англоязычный терминологический аппарат смешанных боевых искусств характеризуется разными словообразовательными и структурно-морфемными аспектами. С учетом компонентного наполнения нами выделены одно-, двух-, трех-, четырех- и поликомпонентные термины и терминологические образования. В основе критерия отнесения способа и модели построения термина к продуктивному / непродуктивному лежит активный / пассивный способ, модель формирования языковых единиц. На основании словообразовательного критерия определены ключевые способы формирования терминов: семантический, морфологический (аффиксация, аббревиация) и синтаксический (словосочетания, герундиальные словосочетания). Семантический способ послужил основой формирования терминов-метафор и терминов-метонимий. Морфологический способ, реализуемый посредством аффиксации (суффиксации, префиксации), относим к непродуктивному способу, т. к. он характеризуется малочисленными примерами. Морфологический способ словосложения и аббревиации выступает в нашей работе продуктивным. Доминантной моделью построения терминов-композитов (14 единиц) служит модель *N+N* (8 единиц). С учетом структуры и морфологических признаков ядерных компонентов терминообразований установлены доминантные модели их построения и видовое разнообразие. К числу доминантных относим модели, лежащие в основе субстантивных (13 единиц) и атрибутивных (13 единиц) терминов-словосочетаний. К продуктивным суффиксам относим *-ing*, входящий в состав субстантивных и атрибутивных терминов-словосочетаний. Герундиальные словосочетания как синтаксический способ образования термина определен как непродуктивный.

Литература

1. Амитирова-Тургенева Д. Л. Представление базовой англоязычной терминологии морского бурения в переводных онлайн-словарях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 9–22.
2. Васильева С. Л., Аюшин Д. И. Структурные особенности англоязычных многокомпонентных терминов строительной сферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3. С. 74–77.
3. Видерман М. Е. К вопросу об этимологии англоязычных терминов контрактного права // Молодой ученый. 2011. № 1. С. 129–133.
4. Винокурова Т. Н. Структурные особенности терминологии искусственного интеллекта в английском языке // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10-3. С. 14–23. DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.024
5. Бобырева Н. Н. Терминология художественной гимнастики: структурно-семантическое сопоставление в русском и английском языках. Казань: КФУ, 2013. 208 с.
6. Бобырева Н. Н. Структурно-языковые характеристики спортивных терминов-эпонимов в русском и английском языках // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-6. С. 1469–1472.
7. Брыкина С. В. Английские экономические термины: структура, семантика, перевод // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 223–229.
8. Бугаенко Н. П., Жуликов Е. В. Семантическая структура терминов и возможные критерии их отграничения от смежных пластов лексики (на материале англоязычной терминологии цементного производства) // Альманах современной науки и образования. 2013. № 5. С. 33–37.
9. Горохова Н. В. Структурные особенности образования терминов трубопроводного транспорта в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 1. № 17. С. 161–166.
10. Дубовская О. В., Лазько А. Ю. Терминология сферы логистики современного английского языка: социолингвистический подход // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 7. С. 24–30.
11. Каленюк А. А. Английские термины горнорудной промышленности (эволюционный и словообразовательный аспекты) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4. С. 99–101.
12. Кислухина М. В. Терминологические словосочетания подъязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-1. С. 83–88. DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-1.19

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

13. Кудинова Т. А. Способы компрессии словообразовательной структуры терминологических словосочетаний (на материале английского подъязыка биотехнологий) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1. С. 63–66.
14. Купцова А. К. Основные источники и способы терминообразования (на примере англоязычных терминов логистики) // Терминология и культура: сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов по мат-лам III Междунар. конф. (Москва, 04 апреля 2012 г.) / под общ. ред. К. Я. Авербуха, С. В. Гринева. М.: МГПИ, 2012. С. 81–85.
15. Масейко К. С. Англоязычные термины книгоиздательского дела в различных периодах английского языка // Омский научный вестник. 2013. № 5. С. 149–152.
16. Суслова Л. В. Особенности иноязычных экономических терминов в структурно-семантическом и переводческом аспектах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5-1. С. 199–204. DOI: 10.30853/filnauki.2018-5-1.42
17. Худинша Е. А. Структурные особенности терминов в английском языке // Концепт. 2014. № S1. С. 66–70.
18. Шафранова Н. А. Семантико-функциональная характеристика спортивной лексики в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 18 с.
19. Юсупова Р. Р. Английские термины права как особая терминосистема // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 932–934.
20. Терпелец Ж. А., Осадчая В. П., Шарикова Ф. Н. Современная футбольная терминология французского и английского языков: анализ основных источников формирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-1. С. 173–179.
21. Семенова Е. В., Понькина Д. В., Меркулов А. В. К вопросу о сравнительной терминологии в спорте (на примере английских и русских терминов) // Символ науки. 2015. № 12-1. С. 235–237.
22. Апалько И. Ю. Терминологическая лексика сферы бокса и динамика ее развития (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 19 с.
23. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1998. 536 с.
24. Немченко В. Н. Введение в языкознание. М.: Дрофа, 2008. 703 с.
25. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
26. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405.

Word-formative Nomination in the English Terminology of the Mixed Martial Arts

Nadezhda V. Dronyakina [a, @, ID]; Dmitry A. Starykh [b]

[a] V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia, Simferopol

[b] State University of Humanities and Technology, Russia, Orekhovo-Zuevo

[@] n-dronyakina@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-2036-8008

Received 14.11.2019. Accepted 11.02.2020.

Abstract: The research featured the English terms related to the sphere of mixed martial arts (MMA) and their word-formation. A detailed analysis of the structure of MMA terms made it possible to distinguish one-, two-, three-, four-, and polycomponential terminological units. One-componential terms were represented by linguistic units expressed by a word with different morphemic composition. Two-componential terms were represented by word-combinations with a noun, an adjective, or a verb (or its forms) as their core elements. Via complex contraction, three- and four-componential terminological units could be transformed into abbreviations. The polycomponential terminological units were few and expressed by gerund word-combinations. The research also revealed related principles of nomination and formation: semantic, morphological, and syntactical. The semantic way was realized via indirect nomination, i.e. metaphor and metonymy. The morphological way was represented by affixation, compounding, and abbreviation. The syntactic way was used to coin the MMA terms expressed by word combinations and gerund word-combinations. The paper focuses on the dominant models and the key types of terminological word-combination, e.g. substantive and attributive.

Keywords: term, term-word-combination, term formation, sport term, word-formative way, model, component

For citation: Dronyakina N. V., Starykh D. A. Word-formative Nomination in the English Terminology of the Mixed Martial Arts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 226–233. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-226-233

References

1. Amitirova-Turgeneva D. L. Presentation of basic English terminology of marine drilling in bilingual online dictionaries. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (8): 9–22. (In Russ.)
2. Vasil'eva S. L., Ayushin D. I. Structural peculiarities of English multicomponent terms of the bulding sphere. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (7-3): 74–77. (In Russ.)
3. Viderman M. E. On the etymology of the English terms of contract law. *Molodoi uchenyi,* 2011, (1): 129–133. (In Russ.)
4. Vinokurova T. N. Structural peculiarities of artificial intelligence terminology in the English language. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatelskii zhurnal,* 2016, (10-3): 14–23. (In Russ.) DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.024
5. Bobyreva N. N. *Terminology of rhythmic gymnastics: structural and semantic comparison in Russian and English*. Kazan: KFU, 2013, 208. (In Russ.)
6. Bobyreva N. N. Structural characteristics of eponymous sports terms in Russian and English. *Fundamental research,* 2014, (8-6): 1469–1472. (In Russ.)
7. Brykina S. V. English economic terms: structure, semantics, translation. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2012, (27): 223–229. (In Russ.)
8. Bugaenko N. P., Zhulikov E. V. The semantic structure of terms and possible criteria for distinguishing them from adjacent layers of vocabulary (based on the English terminology of cement production). *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia,* 2013, (5): 33–37. (In Russ.)
9. Gorokhova N. V. The process of structural pipeline transport terms forming in modern English language. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, 1(17): 161–166. (In Russ.)
10. Dubovskaya O. V., Lazko A. Yu. Logistics terminology in modern English: sociolinguistic approach. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2016, (7): 24–30. (In Russ.)
11. Kalenyuk A. A. English terms of mining industry (evolutional and word-building aspects). *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii,* 2009, 4(33): 99–101. (In Russ.)
12. Kislukhina M. V. Terminological word-combinations of sublanguage of agricultural and soil microbiology in the English, Ukrainian and Russian languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (6-1): 83–88. (In Russ.) DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-1.19
13. Kudinova T. A. Methods of compression of the word-forming structure of terminological phrases (on the material of the English sublanguage of biotechnologies). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*, 2018, (1): 63–66. (In Russ.)
14. Kuptsova A. K. The main sources and methods of term formation (based on English terms of logistics). *Terminology and culture*: Proc. III Intern. Conf., Moscow, April 04, 2012, eds. Averbukh K. Ya., Grinev S. V. Moscow: MGPI, 2012, 81–85. (In Russ.)
15. Maseiko K. S. English book publishing terms in different periods of the English language history. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2013, (5): 149–152. (In Russ.)
16. Suslova L. V. Specificity of foreign-language economic terms in structural-semantic and translation aspects. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki,* 2018, (5-1): 199–204. (In Russ.) DOI: 10.30853/filnauki.2018-5-1.42
17. Hudinsha E. A. Structural peculiarities of terms in English. *Koncept*, 2014, (S1): 66–70. (In Russ.)
18. Shafranova N. A. *The semantic and functional characteristics of sports vocabulary in modern English.* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Pyatigorsk, 2005, 18. (In Russ.)
19. Yusupova R. R. English terms of law as a special term system. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2008, 13(4): 932–934. (In Russ.)
20. Terpelets Zh. A., Osadchaya V. P., Sharikova F. N. Modern football terminology of the French and English languages: analysis of the main sources of formation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (2-1): 173–179. (In Russ.)
21. Semenova E. V., Ponkina D. V., Merkulov A. V. About comparative terminology in sports (based on English and Russian terms). *Simvol nauki*, 2015, (12-1): 235–237. (In Russ.)
22. Apalko I. Yu. *The terminological vocabulary of the boxing sphere and the dynamics of its development (based on Russian and English languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Krasnodar, 2005, 19. (In Russ.)
23. Reformatsky A. A. *Introduction to Linguistics.* Moscow: Aspekt Press, 1998, 536. (In Russ.)
24. Nemchenko V. N. *Introduction to Linguistics.* Moscow: Drofa, 2008, 703. (In Russ.)
25. Maslova V. A. *Linguaculturology.* Moscow: Akademiia, 2001, 208. (In Russ.)
26. Goncharova N. N. Linguistic picture of the world as a object of linguistic description. *Izvestiya Tula State University. Gumanitarnye nauki*, 2012, (2): 396–405. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

оригинальная статья
УДК 81'42

Роль речевых стереотипов в организации дискурса французской песни протеста (*Chanson engagée*)

Елена Г. Желудкова [a, @, ID]

[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] jld@rambler.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-6502-7798

Поступила в редакцию 11.02.2020. Принята к печати 13.03.2020.

Аннотация: Статья посвящена анализу роли речевых стереотипов в формировании дискурса протестной песни во французской языковой культуре. Материалом для исследования послужили тексты песен протеста, *chanson engagée*, которые являются жанром тематической песни, сформировавшейся из песни реализма, понятийно-ценностные составляющие которой представлены концептами, отсылающими к негативным реалиям общественной жизни. Для проведения исследования были использованы прием сплошной выборки, методы дискурсивного анализа и описательный метод. Под стереотипом, роль которого исследуется, понимается готовая к употреблению мысль, существующая в общественном сознании как представление о некой социальной группе или явлениях. Эти «образы в голове» не являются результатом практического опыта. Они представляют собой повторяющиеся суждения, в которых явление или событие упрощается, классифицируется, приобретает свойства общего, коллективного мнения, часто негативного характера. В результате наблюдения был выявлен ряд функций, выполняемых речевыми стереотипами в дискурсе песен протеста, и сделаны следующие выводы. Речевые стереотипы в песне протеста служат для организации дискурса, а также выполняют функцию драматизации, аксиологическую функцию, функции объективации, банализации и побуждения. Стереотипы способствуют упрощению понимания аудиторией адресованного ей песенного высказывания. Несмотря на порой сложный художественный образ, набор стереотипов практически одинаков у разных исполнителей. Используемые речевые стереотипы присутствуют, как правило, в медийном пространстве, сужая демонстрацию явления до его отрицательных характеристик. Речевые стереотипы неоднородны по составу. Они не всегда базируются на метафоре, а охватывают и другие языковые пласты.

Ключевые слова: коммуникация, анализ дискурса, песенный дискурс, речевое воздействие, функции речевых единиц

Для цитирования: Желудкова Е. Г. Роль речевых стереотипов в организации дискурса французской песни протеста (*Chanson engagée*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 234–241. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

Введение

Данное исследование посвящено изучению функций речевых стереотипов в дискурсе французской песни протеста. Для осуществления исследования мы предлагаем конкретизировать понятие *речевой стереотип* и охарактеризовать дискурс песенного жанра *chanson engagée*.

Понятие стереотип начали использовать в науках о человеке благодаря политологу У. Липпману, который употреблял его как социокультурное понятие для обозначения реальности как образов в человеческих головах, сформированных обществом [1, с. 39–45]. Культурологи видят в стереотипах культурный код, позволяющий выделять национальные и культурные особенности, присущие представителям различных национальностей и социальных слоев. В языковом преломлении стереотип – «это устойчивые, т. е. повторяющиеся, а не возникающие случайно сочетания семантических и / или формальных элементов, закрепленные в коллективной памяти на уровне конкретики, соответствующей лексемам» [2, с. 155]. Демонстрируя когнитивный подход, Р. Амосси понимает под стереотипом готовую к употреблению мысль, возникающую в обществе как суждение, представление о некой социальной группе и ее членах [3, с. 27]. Эти «образы в голове» не являются результатом практического опыта. Они представляют собой повторяющиеся суждения, в которых явление или событие упрощается, классифицируются и, обычно проходя через средства массовой информации, приобретают свойства общего, коллективного мнения, часто негативного характера. Ж.-К. Анскомбр характеризует стереотип как «открытую последовательность фраз, связанных со словом, определяющую его значение. Каждая фраза, входящая в стереотип для данного слова, – это стереотипическая фраза (= потенциальное высказывание)» [4, с. 58]. Таким образом, определения стереотипов разноплановы и отсылают к разным парадигмам. К понятию стереотипа обращались Е. П. Буторина [5], В. В. Красных [6],

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

Л. П. Крысин [7], Кутькова А. В. [8], Т. Б. Рябова [9], Ю. А. Сорокин [10], Ю. В. Филиппов [11], Э. Хоффман [12], P. Charaudeau [13] и др.

Определение речевого стереотипа

В контексте французской песни протеста нас будет интересовать функционирование речевых стереотипов. Представляя значительный интерес для исследований, речевые стереотипы не получили однозначного определения. Так, Т. П. Третьякова характеризует их как не существующие вне коммуникативной ситуации речевые идиомы [14, с. 203], Т. М. Николаева подразумевает под речевым стереотипом «отрезок высказывания (или целое высказывание), включенный в контекст, представленный "свободными" компонентами высказывания (высказываниями)» [15, с. 114], которые характеризуют все слои общества, но могут отличаться локально. Присутствие большого количества речевых стереотипов характерно для языка молодежи (доказательством тому являются сленг и молодежное арго).

Мы придерживаемся мнения И. В. Одарюк, которая считает, что речевой стереотип – это «готовая речевая формула, быстро и экономно передающая общезначимое и общепонятное содержание в типичных ситуациях общения, выбирая которую автор формирует положительное, нейтральное или отрицательное отношение у читателей к речевому событию» [16, с. 25]. Речевые стереотипы имеют ярко выраженный прагматический характер и взаимосвязаны с лингвокультурной средой. Формируясь в этой среде в связи с разными событиями социально-политической жизни, речевые стереотипы существуют, пока существует породившее их явление, и исчезают с исчезновением источника. С прагматической точки зрения они являются средством эффективного воздействия на адресата, поскольку способствуют формированию общего информационного поля между сторонами коммуникации. Т. Г. Винокур подчеркивает, что «в семантическом аспекте речевой стереотип представляет собой воспроизводимую (реализуемую в идентичной форме) лингвистическую единицу, предназначенную для обмена информацией между коммуникантами. В синтаксическом плане стереотипизированной речевой формулой может стать любая содержательно-смысловая единица языка (речи) – слово, словосочетание, предложение, лозунг, поговорка, фразеологизм, крылатое выражение и т. д.» [17, с. 558].

Дискурс французской песни протеста

Данное исследование было проведено на материале песенного дискурса, которому свойственен ряд характеристик. Л. Г. Дуняшева [18] выделяет такие особенности песенного дискурса, как способность отражать ценности, этнические воззрения, общественные изменения и стереотипы определенной эпохи, а также создавать модели поведения и культурные нормы. Понимая дискурс как непосредственное или опосредованное взаимодействие адресанта и адресата дискурса посредством языка в определенных социокультурных условиях, мы можем выделить в песенном дискурсе автора и исполнителя песен, с одной стороны, и слушателя – с другой; канал их взаимодействия может быть как прямым (концерт), так и опосредованным (в записи); языковая же составляющая зависит как от музыкального жанра, по правилам которого создается песня, так и от жанра литературного, в соответствии с которым создается текст. М. А. Потапчук отмечает, что каждый песенный жанр задает свои рамки коммуникации, он связан с когнитивной сферой личности исполнителя и адресата, с социумом и культурой в целом [19, с. 140–141]. В этой связи целью данной статьи является анализ дискурса французской песни протеста (*chanson engagée*) для выявления функций речевых стереотипов, ассоциирующихся с определенными явлениями и событиями в социуме, при формировании этого дискурса.

Дискурс французской песни протеста трудно квалифицировать как жанр с музыкальной точки зрения, этот дискурс представлен лирическими песнями 1970–1980 гг., рок-композициями, регги, рэпом. Во французском культурном пространстве рэп исполняется чаще музыкантами арабского и африканского происхождения (Карим Зену, Жиль Атеяба Коффи Солер, Садек Бургибу, Кени Аркана и др.), более мелодичные композиции с протестным содержанием в жанре шансон можно встретить у Ив Доне, в жанре популярной музыки – у Дамьен Саез.

Песня протеста – не только французское явление. Зародившись в США, название *Protest song* (песня протеста) распространилось в 60-е гг. XX в. для тех песен, которые выражали чувства протеста против социальной или политической несправедливости, войн, социальных проблем. Во французской лингвокультуре это же значение выражено термином *engagée*, включающим семы вовлеченность, добровольное участие, служение делу[1]. Таким образом, песня протеста является общекультурным жанром песенного дискурса. В отличие от американской, дискурс французской песни протеста не подвергался пристальному лингвистическому изучению. Отсылки к дискурсу песни протеста встречаются в работах по политологии [20], лингвокультурологии [21; 22]. Дискурс американской песни протеста исследует Ю. П. Смирнова [23].

Мы определяем песню протеста как жанр песенного дискурса, имеющий диалогическую структуру, характеризующийся острой злободневной тематикой, аргументативной структурой и побудительной модальностью. Эта песня защищает определенную точку зрения, текст содержит конкретный тезис и четкую аргументацию. Особенность песни протеста в том, чтобы разоблачить злоупотребления или проявления несправедливости и вызвать реакцию аудитории. Ее содержание может быть ироничным, провоцирующим, ее цель – пробудить сознание слушателя и побудить к действию.

[1] Robert P., Rey-Debove J., Rey A. Le nouveau petit Robert, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Dictionnaires Robert, 2008. 2837 p.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

Агенты дискурса песни протеста – это автор-исполнитель, с одной стороны, и народ – с другой, в этом смысле со времен Марсельезы ничего не изменилось. Автор песни протеста, как правило, выполняет роль «рупора», выражая не свое личное мнение, а представляя интересы адресата (народа), создавая иллюзию большинства. Канал связи со слушателем предпочтительно прямой, происходит непосредственное обращение к аудитории, т. к. прагматическая задача песни протеста заключается не только в воздействии на эмоции адресата, но и в вовлечении его в описываемые песней события. Потенциальный адресат песни протеста – это, как правило, объект несправедливого, с точки зрения исполнителя, обращения со стороны власти, более того, это чаще жертва последствий экономических катастроф, войн, диктатуры и т. д. Таким образом, аудитория имеет классовую детерминированность, т. к. это в основном малоимущие, безработные или рабочие и служащие с низким уровнем дохода. Задача песни протеста побудить эту жертву к действию, заставить проснуться, осознать свою роль в истории, однако, прежде всего, не для создания чего-то лучшего и прогрессивного, а для разрушения источника страданий. Апелляция к адресату осуществляется при помощи повелительного наклонения глаголов, средств адресации, приветствий с идеологической коннотацией: *camarade, révolutionaire, frère.*

Функции речевых стереотипов во французской песне протеста

С целью изучения функций речевых стереотипов нами было проанализировано 32 песни протеста, относящиеся к разным временным периодам. Количественно присутствие песен этого жанра невелико, песни протеста разных исполнителей объединены в коллекции на различных интернет-сайтах, посвященных этому жанру. Одним из критериев отбора послужило наличие в текстах песен социально-политической проблематики, диалогической структуры текста и побудительной тональности песен.

Нами было замечено, что в тематическом плане французские песни протеста делятся на две большие группы: песня-разоблачение, подразумевающая критику политических персоналий и их действий, а также экономических явлений; песня-призыв, задача которой – вызвать заинтересованность и возмущение аудитории, побудить ее к действию. Язык дискурса песни протеста с одной стороны, нарочито разговорный с просторечной лексикой, доступной любому слушателю. С другой стороны, он насыщен специальной лексикой из сферы политики, экономики, экологии. Эта специальная терминология отражает интертекстуальный характер дискурса песни протеста. Терминологический пласт охватывает перечень тех явлений и событий, которые регулярно обсуждаются в СМИ: темы политических дебатов, экономический кризис и его причины, исламофобия, влияние на человека общества потребления, глобальное потепление и факторы, влияющие на него, то, что обыватель слышит регулярно во всех новостных передачах. Речевые стереотипы отбирались методом сплошной выборки при условии их частотного употребления в песнях разных авторов. Источниками, подтверждающими присутствие сформированного ранее стереотипа, стали публикации в СМИ соответствующего временного периода. Среди изданий, послуживших базой для верификации, были архивы изданий *Le Point, L'OBS, France* 24, *RTL, Courrier international* и др. В результате наблюдения нами был выявлен ряд функций, выполняемых речевыми стереотипами в дискурсе песни протеста.

1. Самой общей является **функция организации дискурса**, которую можно наблюдать и в других жанрах песенного дискурса. В текстах песен встречаются типичные обращения для обозначения адресата: *camarade, tu, vous* (товарищ, ты, вы). Они часто повторяются для поддержания контакта со слушателем. Их задача состоит в выстраивании горизонтали взаимоотношений между коммуникантами. Аудитория должна чувствовать равенство между собой и исполнителем, чтобы возникло доверие и ответная реакция. Императивы глаголов: ***lève*** *le poing*, ***appelle****-moi*, ***niquons*** *la planète* (подними кулак, позови меня, овладеем планетой), а также объединяющее «мы»: ***allons****-y*, ***faisons*** *pas les choses* à *moitié*, ***nous sommes*** *d'une espèce non protégée* (вперед, не будем делать все наполовину, мы – незащищенный вид) – это средства открытой манипуляции адресатом, способствующие удержанию его внимания и вовлечению в коммуникацию.

Типично обращение на «ты», демонстрирующее доверительность и равенство статусов. Так, в песне группы *HK et les Saltimbanks "On lâche rien"*, которая представляет собой своеобразный манифест против пенсионной реформы, проведенной в 2010 г. во Франции, исполнитель указывает на схожесть образа жизни адресанта и адресата, начиная с местоимений мой, твой и заканчивая местоимением наш и наречием повсюду: *Du fond d'****ma*** *cité HLM / Jusque dans* ***ta*** *campagne profonde / **Notre** réalité est la même / Et **partout** la révolte gronde*[2] (От моего бедного квартала / до твоей далекой деревни / У нас одна реальность / И повсюду зреет протест[3]).

2. Второй функцией, характеризующей жанровый характер данного песенного дискурса, является **функция драматизации**. Она подразумевает создание определенной коллизии, часто неразрешимой, способствует обострению конфликта в репрезентации событий. Адресату приписывается роль пострадавшего, адресант (автор-исполнитель) – это изобличающее «мы», а виновник страданий варьируется, это может быть государство, полиция, но чаще всеобъемлющее «они»: ***ces casques lourds, prédicateur de la seinte finance, toxicomane, acro à la croissance*** (Эти тяжелые каски, предсказатель священных финансов, токси-

[2] HK et les Saltimbanks. On lâche rien. Режим доступа: https://www.paroles-musique.com/eng/HK_Et_Les_Saltimbanks-On_Lache_Rien-lyrics,p193553 (дата обращения: 01.02.2020).

[3] Здесь и далее перевод автора статьи, в приведенных примерах полужирным выделены речевые стереотипы.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

команы, подсевшие на экономический рост). Драматизация включает и описание способа борьбы. Речевые стереотипы, характеризующие борьбу со злом, воплощают концептуальную метафору *война*: *lutte, résistence, rage* (борьба, сопротивление, ярость). Тема Марсельезы, исторического революционного марша, звучит, например, в припеве песни *Fils de France* в исполнении Damien Saez: ***Allons, marchons ensemble enfants de la Patrie***[4] (Вперед, все вместе, дети Родины). Ему вторит *René Richard:* ***Allons enfants de la patrie / Le jour d'y croire est arrivé***[5] (Вперед, дети родины, пора поверить в это). Не обогащая дискурс песни протеста содержательно, речевые стереотипы создают драматическую канву, в которой адресату присваивается роль, выводящая его из пассивного состояния.

3. **Аксиологическая функция**, т. е. создание эмоционального фона посредством выражения оценки, демонстрирует способность речевого стереотипа воздействовать на настроение и чувства адресата. Поскольку протест связан с разоблачением, дискурс песни протеста демонстрирует образ современного мира в черно-белом цвете. Как правило, все, что вызывает протест, носит только отрицательную коннотацию. Набор стереотипов, характеризующих общество потребления в социальном смысле и политические процессы в нем, носит сугубо отрицательную окраску: *Moi, je préfère* ***rouler en Hummer*** */ Manger des sandwichs* ***OGM / Clim à fond, trois cent à l'heure / Total, GPS, GSM***[6] (А я привык кататься на Хаммере / есть сэндвичи с ГМО / ехать с включенным кондиционером на 300 км в час / Тоталь, GPS, сотовая связь). Так авторы песни описывают обывателя, не задумывающегося о проблемах общества. Его цель – потребление товаров в виде дорогих машин, удовлетворение вторичных потребностей (скорость, быстрая еда, спутниковая связь и т. д.).

Эти слова эхом отражаются в песнях Keny Arkana, который описывает негативное воздействие человека на природу. Такие явления, как утечка нефти, ГМО, стали постоянной темой обсуждения: *Et parce que tous leurs* ***champs OGM*** */ stérélisent la Terre! / J'ai vu Terre mère crier.../ et* ***des fuites de pétrole dans ses océans***[7] (И так как их поля с ГМО / делают бесплодной Землю! / Я видел, как кричит мать Земля... / и утечки нефти в океане). В свою очередь Bernard Lavilliers развивает тему возможной экологической катастрофы из-за работы атомных станций, танкеров с нефтью и клонирования животных: *Je vois* ***des grands Tchernobyl*** *en puissance / Je vois* ***des animaux clônés*** */* ***Des millions d'tonnes de pétrole*** *en souffrance /Sur des super-tankers rouillés*[8] (Я вижу огромный действующий Чернобыль / миллионы тонн нефти заключены / в ржавых супертанкерах). Подтверждением актуальности затронутой исполнителями темы служит, например, статья о зависимости от общества потребления в газете *L'Express*[9], называющая те же проблемы общества. Сила аксиологической функции, выполняемой речевыми стереотипами, в том, что они создают иллюзию объективности, где суждение подменяется очевидным знанием, констатацией факта, описываемые явления аккумулируются в одном высказывании в режиме перечисления. Авторы подкрепляют эффект объективности, используя глагол *видеть*, утверждая, что они были или являются свидетелями описываемого события.

4. **Функция объективации** реализуется за счет вкрапления в художественную текстовую ткань маркеров актуальности, сигнализирующих о проблемах общества, при этом создается иллюзия понятности явления. Постоянное употребление этих лексем ведет к их частичной десемантизации. По сути, их значение неважно, это клише, одно упоминание которых отсылает к негативной стороне жизни общества. Так, René Richard открывает слушателю экономические причины человеческих бед, напоминая о повышении цен в различных областях жизни: ***Plus d'impôts, de taxes foncières / D'augmentation du gasoil / D'assurances en surenchère / Plus d'surcoût à l'hôpital / Plus d'radars, de taxes routières / Plus d'épargne*** *qu'on met à mal / Avec des taux de misère*[10] (Все больше налогов и сборов / увеличение цен на топливо / сверхдорогие страховки / все больше радаров и дорожных штрафов / все меньше сбережений / с низкими процентами). Налоги, цена на газ и бензин, страховка, платная медицина, платные дороги – все это темы каждодневных новостных передач и статей[11], однако в экономическую суть терминов обыватель не вдается. В этой функции типично использование аббревиатур и жаргонизмов, обозначающих различные явления французской языковой картины мира: *SDF, OGM, CB, flic, mec.* Ее выполняют имена политических деятелей, названия стран и горячих точек, где шли или идут бои за освобождение.

5. **Функция банализации** представляется одной из самых важных функций речевых стереотипов в песне протеста.

[4] Saez Damien. Fils de France. Режим доступа: https://www.paroles.net/damien-saez/paroles-fils-de-france (дата обращения: 01.02.2020).

[5] Richard R. Misère, misère, désolation. Режим доступа: http://www.toupie.org/Chansons/Misere.htm (дата обращения: 01.02.2020).

[6] HK et les Saltimbanks. Niquons la planète. Режим доступа: https://www.paroles-musique.com/eng/HK_et_les_Saltimbanks-Niquons_la_planete-lyrics (дата обращения: 01.02.2020).

[7] Arkana K. La rage. Режим доступа: https://genius.com/Keny-arkana-la-rage-lyrics (дата обращения: 01.02.2020).

[8] Lavilliers B. Etat des lieux. Режим доступа: https://www.paroles.net/bernard-lavilliers/paroles-etat-des-lieux (дата обращения: 01.02.2020).

[9] Laville E. En finir avec notre addiction à la consommation // L'Espress. 23.10.2014. Режим доступа: https://www.lexpress.fr/emploi/business-et-sens/en-finir-avec-notre-addiction-a-la-consommation_1614837.html (дата обращения: 01.02.2020).

[10] Richard R. Oh galère! Режим доступа: http://www.toupie.org/Chansons/Oh_galere.htm (дата обращения: 01.02.2020).

[11] Pradel V. Taxe, surtaxe, contribution, redevance… Le matraquage fiscal (discret) du gouvernemen // Le Figaro. 09.02.2018. Режим доступа: https://www.lefigaro.fr/vox/economie/2018/02/09/31007-20180209ARTFIG00115-taxe-surtaxe-contribution-redevance8230-le-matraquage-fiscal-discret-du-gouvernement.php (дата обращения: 01.02.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

В. И. Карасик объясняет это явление следующим образом: «Банализация в общении проявляется как проговаривание общеизвестных утверждений и актуализация таких же импликаций с манипулятивной и / или развлекательной целью. Психологическим механизмом банализации является вытеснение рационального осмысления речи и подготовка объекта воздействия к некритическому эмоциональному восприятию сообщений» [24, с. 30]. Стереотипы упрощают ситуацию, делают ее обыденной, как в песне *"Racailles!"* Kery James: *Républicains ou PS / rangez vos promesses / dans vos* ***sacs Hermès***[12] (Республиканцы или социалисты / сложите свои обещания / в ваши сумки от *Hermès*). Сумка от *Hermès* как символ богатства и снобизма становится и символом обещаний республиканцев и социалистов (вариант: денежный мешок).

Эта функция проявляется в присвоении некоторым реальным персонажам определенных черт, очевидно отсылающих их или в лагерь чужих, или в лагерь своих, как это происходит в литературе при создании литературного персонажа. Фигуры положительного героя (***La nation des droits de l'Homme, SDF, prolétaires*** (Нация, соблюдающая права человека, бездомные, пролетарии)) или антигероя (***nos riches et nos puissants, des dictateurs, patrons millionnaires*** (наши богатеи и властители, диктаторы, патроны-миллионеры)) и источников добра и зла (***patrie, pétrole et pouvoir*** (родина, нефть и власть)) упрощены до понятных адресату характеристик, что облегчает понимание явления, вызывающего протест.

6. **Функция побуждения**. Побуждение к действию является основной целью песни протеста. Безусловно, разброс в действиях огромен: от формирования собственного мнения до выхода на баррикады. Побуждение носит как эксплицитный характер, выражаясь в императивах глаголов: ***jeunesse, lève-toi; vamos camarades!*** (Вставай, молодежь; вперед, товарищи!), так и имплицитный. В отсутствие очевидного призыва авторы-исполнители прибегают к использованию клише, которые прочно укоренились в мировой культуре, например, ***I have a dream*** Мартина Лютера Кинга. Функция побуждения на синтаксическом уровне представлена стереотипами в виде вопросительных, побудительно-восклицательных предложений. В припеве или в начале куплета императив – это инструмент давления на адресата, вынуждающий его сделать первый шаг в борьбе, например, в песне *"La rage"* Keny Arkana: ***Pars!! Imagine*** *un mur et* ***abolis la rage!***[13] (Иди! Представь перед собой стену и обрушь на нее свою ярость).

Заключение

С точки зрения тематической организации рассматриваемый нами песенный жанр сформировался из песни реализма, понятийно-ценностные составляющие которой представлены понятиями, отсылающими к негативным реалиям общественной жизни: безработице, проблеме социальной разобщенности, потребительскому отношению к природе, расизму, нетерпимому отношению к социальным меньшинствам и т. д. Взяв за основу американский дискурс *protest song*, французские песни протеста аккумулируют как национальную проблематику, так и глобальные проблемы общества. Конкретные временные периоды производства дискурса песни влияют и на частоту актуализации в текстах определенных стереотипов. Несмотря на порой сложные художественные образы, создаваемые авторами песен, набор стереотипов в песнях, посвященных одной проблеме, одинаков у разных исполнителей. Речевые стереотипы неоднородны по составу. Они охватывают морфологический, лексический, синтаксический пласты. На лексическом уровне они представлены как экономической, политической или экологической терминологией, так и сниженной лексикой.

Выделенные нами речевые стереотипы характеризуют песню протеста как жанр песенного дискурса с остро социальной проблематикой. С одной стороны, речевые стереотипы способствуют организации песенного дискурса в целом. С другой стороны, в жанре *chanson engagée* речевые стереотипы нацелены на реализацию жанровых задач.

Во-первых, речевые стереотипы способствуют организации взаимодействия между адресантом и адресатом. На уровне организации дискурса, в функции драматизации, они способствуют созданию доверительного диалога с аудиторией и объединения с ней. Создание драматической коллизии, всегда связанной с противостоянием и борьбой, способствует эмоциональному воздействию на адресата.

Во-вторых, речевые стереотипы способствуют упрощению понимания аудиторией адресованного ей песенного высказывания. Выполняя функцию банализации и объективации, они конкретизируют поднимаемую в песне проблему, при этом суть упоминаемого явления сужается до его отрицательных характеристик.

В-третьих, выполняя аксиологическую функцию и функцию побуждения, речевые стереотипы формируют негативную оценку демонстрируемых явлений и призывают к протесту. Этот призыв выражается как эксплицитно, посредством побудительного синтаксиса, так и имплицитно, и формирует критический взгляд на мир.

[12] James K. Racailles! Режим доступа: https://genius.com/Kery-james-racailles-lyrics (дата обращения: 01.02.2020).

[13] Arkana K., La rage...

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

Литература

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
2. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
3. Amossy R., Herschberg Pierrot A. Stéréotypes et clichés. Paris: Armand Colin, 2011. 123 p.
4. Anscombre J.-C. Le role du lexique dans la théorie des stéréotypes // Langage. 2001. № 142. P. 57–76.
5. Буторина Е. П. Стереотипы в описании черт характера при деловом общении // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре / отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 378–394.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003, 375 с.
7. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 450–455.
8. Кутькова А. В. Проблема речевого стереотипа: функциональный аспект // Древняя и Новая Романия. Т. 15. № 1. 2015. С. 141–151.
9. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. № 1-2. С. 120–139.
10. Сорокин Ю. А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы / ред. кол.: Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева. М.: Наука, 1978. С. 133–138.
11. Филиппов Ю. В. Об одном механизме формирования социально-языкового стереотипа: выражение чувств в текстах популярных песен // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре / отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 406–413.
12. Хоффман Э. Авто- и гетеростереотипы в рекламе продуктов питания в России // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре / отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 414–430.
13. Charaudeau P. Les stéréotypes, c'est bien. Les imaginaires, c'est mieux // Stéréotypage, stéréotypes: fonctionnements ordinaires et mises en scène. Т. 4. Langue(s), Discours / dir. H. Boyer. Paris: L'Harmattan, 2007. P. 49–63.
14. Третьякова Т. П. О лингвистической интерпретации современных стереотипов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 7. № 1. С. 201–208.
15. Николаева Т. М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры / отв. ред. М. Б. Ешич. М.: Наука, 2000. С. 112–131.
16. Одарюк И. В. Особенности стереотипного речевого поведения журналистов: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. 157 с.
17. Винокур Т. Г. Штамп // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 558–559.
18. Дуняшева Л. Г. Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 22–23 октября 2015 г.) Казань: Хэтер, 2015. С. 190–197.
19. Потапчук М. А. Песенный дискурс как коммуникативный процесс // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2. С. 140–143.
20. Трахтенберг А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 44–52.
21. Дуняшева Л. Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе (на материале жанров блюз и рэп): автореф. дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 23 с.
22. Шумкина И. В. Бытование и трансформация песенной цитаты в масс-медийном дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 1-1. С. 90–93.
23. Смирнова Ю. П. "Dangerous songs": Песни протеста как эмоциональный стержень общественного движения в США против войны во Вьетнаме в 60-е гг. XX века // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых – 2016: сб. мат-лов конф. (Архангельск, 1–30 апреля 2016 г.) Архангельск: САФУ, 2016. С. 1114–1119.
24. Карасик В. И. Банализация как манипулятивное действие в медиадискурсе // Медиалингвистика: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. семинар. (Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2015 г.) / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 30–33.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

The Role of Speech Stereotypes in the Organization of French Protest Song Discourse (Chanson Engagée)

Elena G. Zheludkova [a, @, ID]

[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[@] jld@rambler.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0001-6502-7798

Received 11.02.2020. Accepted 13.03.2020.

Abstract: The research featured the role of speech stereotypes in the formation of the discourse of protest songs, or chanson engagée, in the French language culture. The study included the method of continuous sampling, discursive analysis, and a descriptive method. Stereotype is a ready-to-use idea about a certain social group or phenomena. The research revealed a number of functions performed by speech stereotypes in the discourse of protest songs. Stereotypes appeared to have the following discourse organization function: they establish the horizontal relationship between communicators to create the communicative equality of the sender and the recipient. Their axiological function is in that they create emotional background that affects the mood and feelings of the recipient. Stereotypes create the illusion of objectivity, where judgment is replaced by the "obvious" knowledge, a fact statement. The dramatization function implies a certain collision. The objectification function is realized due to the incorporation of relevance markers in the artistic text fabric, signaling about the problems of society: if people regularly hear about something, they believe that they understand the phenomenon. The function of banalization means that stereotypes simplify the situation. The persuasive function is in the absence of an obvious appeal: songwriters resort to using clichés that are firmly rooted in the world culture.

Keywords: communication, discourse analysis, song discourse, speech exposure, functions of speech units

For citation: Zheludkova E. G. The Role of Speech Stereotypes in the Organization of French Protest Song Discourse (Chanson Engagée). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 234–241. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

References

1. Lippmann W. *Public opinion,* transl. Barchunova T. V., eds. Levinson K. A., Petrenko K. V. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004, 384. (In Russ.)
2. Bartminskii E. *The linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics.* Moscow: Indrik, 2005. (In Russ.)
3. Amossy R. Herschberg Pierrot A. *Stéréotypes et clichés*. Paris : Armand Colin, 2011, 123.
4. Anscombre J.-C. Le role du lexique dans la théorie des stéréotypes. *Langage*, 2001, (142): 57–76.
5. Butorina E. P. Stereotypes in the description of character traits in business communication. *Stereotypes in language, communication, and culture*, ed. Fedorova L. L. Moscow: RGGU, 2009, 378–394. (In Russ.)
6. Krasnykh V. V. "*Own" among "alien": myth or reality?* Moscow: Gnosis, 2003, 375. (In Russ.)
7. Krysin L. P. Ethnic stereotypes in modern linguistic consciousness: to the statement of the problem. *Philosophical and linguacultural problems of tolerance*, ed. Kupina N. A., Khomyakov M. B. Moscow: OLMA-PRESS, 2003, 450–455. (In Russ.)
8. Kutkova A. V. Speech stereotype: functional aspect. *Drevniaia i Novaia Romaniia,* 2015, 15(1): 141–151. (In Russ.)
9. Riabova T. B. Stereotypes and stereotyping as a problem of gender studies. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo,* 2003, 5(1-2): 120–139 (In Russ.)
10. Sorokin Yu. A. Stereotype, stamp, cliché: to the problem of definition of concepts. *Communication: Theoretical and pragmatic problems*, eds. Tarasov E. F., Sorokin Yu. A., Ufimtseva N. V. Moscow, 1978, 133–138. (In Russ.)
11. Filippov Y. V. To the mechanism for the formation of a social-language stereotype: expression of feelings in texts of popular songs. *Stereotypes in language, communication, and culture*, ed. Fedorova L. L. Moscow: RGGU, 2009, 406–413. (In Russ.)
12. Hoffman E. Auto- and heterostereotypes in food advertising in Russia. *Stereotypes in language, communication, and culture,* ed. Fedorova L. L. Moscow: RGGU, 2009, 414–430. (In Russ.)
13. Charaudeau P. Les stéréotypes, c'est bien. Les imaginaires, c'est mieux. *Stéréotypage, stéréotypes: fonctionnements ordinaires et mises en scène. T. 4. Langue(s), Discours*, dir. Boyer H. Paris: L'Harmattan, 2007, 49–63.
14. Tretyakova T. P. On interpretation of modern stereotypes. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina,* 2015, 7(1): 201–208. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-234-241

15. Nikolaeva T. M. Speech, communication and mental stereotypes: sociolinguistic distribution. *Language as a means of cultural transmission,* ed. Eshich M. B. Moscow: Nauka, 2000, 112–131. (In Russ.)
16. Odaryuk I. V. *Features of the stereotyped speech behavior of journalists*. Cand. Philol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2003, 157. (In Russ.)
17. Vinokur T. G. Stamp. *Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics.* Moscow: Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1998, 558–559 (In Russ.)
18. Dunyasheva L. G. Song discourse as an object of study of linguaculturology. *Actual problems of Romance languages and modern teaching methods*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. October 22–23. 2015. Kazan: Kheter, 2015, 190–197 (In Russ.)
19. Potapchuk M. A. Song discourse as a communicative process. *Bulletin of Chelyabinsk State University,* 2013, (2): 140–143. (In Russ.)
20. Trakhtenberg A. D. Discurse-analysis of mass communication and paradoxes of leftist consciousness. *Polis. Political Studies,* 2006, (4): 44–52. (In Russ.)
21. Dunyasheva L. G. *Linguistic and cultural features of the construction of the tender in the African American song discourse (based on the material of the blues and rap genres).* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2012, 23. (In Russ.)
22. Shumkina I. V. Functioning and transformation of the song quotation in the mass media discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia,* 2017, 23(1-1), 90–93. (In Russ.)
23. Smirnova Y. P. "Dangerous songs": Songs of protest as the emotional core of the US social movement against the Vietnam War in the 60s XX century. *Lomonosov scientific readings of students, graduate students, and young scientists – 2016*: Proc, Conf., Arkhangelsk, April 1–30, 2016. Arkhangelsk: SAFU, 2016, 1114–1119. (In Russ.)
24. Karasik V. I. Banalization as a manipulative action in media discourse. *Medialinguistics:* Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Seminar, St. Petersburg, April 23–24, 2015. St. Petersburg: SPbGU, 2015, 30–33. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

оригинальная статья
УДК 811.161.1.06

Русские эмотивные глаголы в семантической классификации предикатов

Ольга А. Кукатова [a, @]

[a] Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Узбекистан, г. Ташкент

[@] kukatova.olga@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2019. Принята к печати 30.12.2019.

Аннотация: Статья посвящена предикатам, выраженным возвратными эмотивными глаголами русского языка. Предметом рассмотрения являются высказывания, содержащие возвратные эмотивные глаголы и их конверсивные корреляты типа *волноваться – волновать, тревожиться – тревожить, сердиться – сердить*. Цель – определение места указанных пар эмотивных глаголов в семантической классификации предикатов русского языка. Метод семантического тестирования на локализованность / нелокализованность на оси времени, контролируемость / неконтролируемость дает возможность отнесения данных предикатов к тому или иному классу, а также выявления в их семантической структуре производного значения, не фиксируемого толковыми словарями русского языка. Результатами исследования можно считать отнесение исследуемых предикатов в два семантических класса: свойства и состояния, – что находит подтверждение в результатах семантических тестов на локализованность / нелокализованность на оси времени, контролируемость / неконтролируемость. Согласно проведенным тестам, предикаты, выраженные конверсивными парами эмотивных глаголов, входят в группу предикатов состояния, что обусловлено их локализованностью на оси времени. Семантический признак неконтролируемости присущ исследуемым предикатам состояния в эмотивном значении. Приобретение этими предикатами значения «целенаправленная деятельность», «имитация эмоционального состояния», «возможность, долженствование» и, соответственно, признака контролируемости относит их в группу предикатов деятельности.

Ключевые слова: семантическая роль, предикат свойства, предикат состояния, Эксперимент, Агенс

Для цитирования: Кукатова О. А. Русские эмотивные глаголы в семантической классификации предикатов. 2020. Т. 22. № 1. С. 242–250. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

Введение

Современные классификации предикатов русского языка строятся на различных основаниях, наиболее важными из которых являются логико-синтаксическое и семантическое. В основу данных классификаций так или иначе положены категории, выделенные еще Аристотелем: количество, качество, отношение, сущность, состояние, действие, претерпевание [1]. Как отметил Л. В. Щерба, каждая группа категорий находит свое соответствие в частеречной системе языка: предикаты действия, процесса выражаются глаголами, предикаты качества выражаются прилагательными, наречиями, предикаты состояния – словами категории состояния [2].

На логико-синтаксическом основании построена классификация предикатов, предложенная Н. Д. Арутюновой. В ней исследователь выделяет предикаты пропозиционального отношения (глаголы говорения, сообщения, суждения, памяти, знания, эмоционального переживания, оценочного суждения типа *знать, говорить, сказать* и т. д.), качественно-логические предикаты (глаголы эмоционального воздействия и их перифрастические аналоги типа *удивлять, вызывать удивление*), предикаты каузации (*ломать, валить*), межсобытийные предикаты, «указывающие на отношения между двумя ситуациями» (*причинять*) [3, с. 153–178].

На комплексе семантических признаков построена классификация предикатов русского языка Т. В. Булыгиной [4]. Исследователь выделил предикаты состояния, качества, явления, а также предикаты свойства, отношения и деятельности[1]. Каждая группа предикатов обладает определенной конфигурацией семантических признаков: временная локализованность / вневременность, контролируемость / неконтролируемость, статичность / динамичность, которые выявляются с помощью системы семантических тестов. Признак временной отнесенности связывается Т. В. Булыгиной с денотативным статусом окружающих имен. По ее мнению, «актуальное употребление предиката и нереферентность имен взаимно несовместимы» [4, с. 29]. Семантический признак *временная локализованность / вневременность* положен в основу разграничения явлений и качеств. Под локализованными во времени явлениями понимаются «события и процессы, представленные как конкретные, реально происходящие (происходившие, произошедшие) в некоторый момент или период времени» [4]. Качества же как класс предикатов характеризуются относительной независимостью от течения времени и выполняют характеризующую функцию, т. е. «характеризуют сам мир, для которого истинна соответствующая предикация», а явления (проявления), напротив,

[1] Характеризуя каждый тип предиката, Т. В. Булыгина обращает внимание на определенную размытость границ между различными типами [4, с. 66].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

способны описывать «момент или отрезок существования объекта» [4, с. 17–19]. Например, *снег бел* (качество) – *снег белеет вдали* (явление). Признак вневременности является «существенной характеристикой адъективных и субстантивных предикатов», тогда как локализованность во времени характеризует большую часть глаголов русского языка, т. к. у них имеется «способность к "актуальному" употреблению, указывающему на эпизодический, преходящий характер соответствующего положения вещей, его прикрепленность к конкретному временному отрезку» [4, с. 14–15].

Предикаты, относящиеся к явлениям, Т. В. Булыгина делит на две группы: статические и динамические. Статические явления, обозначаемые предикатами типа *лежать, висеть, сидеть*, указывают на «стабильность соответствующего положения вещей», а динамические (типа *бежать*) указывают на развивающиеся во времени действия [4, с. 13].

Предикаты качества и предикаты явления различаются также признаком контролируемости, который характеризует «роль субъекта в определении того, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей» [4, с. 21]. Предикаты явления могут быть неконтролируемыми (*светает*) и контролируемыми (*он бежит*), в то время как предикаты качества обладают признаком неконтролируемости (ср.: *он ленив*, но невозможно *он намеренно ленив*).

Признак *временная локализованность / вневременность* присущ и характеризующим глагольным предикатам, а именно предикатам свойства и отношения. К подгруппе предикатов свойства отнесены такие, как *зависеть, обладать, знать (математику), соответствовать*; к подгруппе предикатов отношения – *ненавидеть, любить*. Т. В. Булыгина подчеркивает, что высказывания с этими предикатами не могут служить ответом на вопросы «Что он сейчас делает? Что он тогда делал? Чем он был занят? Почему он отсутствует?» [4, с. 44]. Признак нелокализованности во времени обусловливает невозможность: 1) образования от данных предикатов производных с приставкой *по-*, имеющих уменьшительно-ограничительное значение (**он ее поненавидел и перестал*)[2]; 2) сочетания с показателями длительности типа *целыми неделями, часами, годами, и день и ночь* (**он часами полагал, что...*); 3) сочетания с показателями повторяемости действия *иногда, часто, редко* (**она редко знает японский язык*) [4, с. 46–47].

Предикаты состояния обладают признаком временной локализованности, т. к. они описывают «временные стадии существования предмета (лица), приписывая ему... признак, актуальный для данного отрезка времени» [4, с. 33]. Признак временной локализованности проявляется в неспособности предикатов состояния сочетаться с именами, имеющими неопределенный денотативный статус (**любой ребенок болен*, но возможно *мой ребенок болен*). Говоря о локализованности во времени предикатов состояния, Т. В. Булыгина отмечает, что они способны обозначать как отрезок на временной оси (*он уже сутки болен*), так и повторяющиеся действия (*в такие минуты ему всегда грустно*) [4, с. 34]. Это свойство предикатов состояния проявляется в сочетаемости с показателями: *в такие дни, в минуту жизни, в подобные моменты* [4, с. 36].

В сочетании с показателями *редко, часто, всегда, постоянно, обычно* предикаты состояния «характеризуют временные периоды существования субъекта» (*он иногда бывает невеселым*) [4, с. 37]. Т. В. Булыгина замечает, что даже если в высказываниях с предикатами состояния субъект имеет неопределенный денотативный статус, «предикат состояния описывает определенные эпизоды (стадии существования) лиц (предметов), ... а не устанавливает концептуальную связь между субъектом и признаком» [4, с. 38]. Отмечено, что, кроме указанных признаков, предикаты состояния характеризуются статичностью, которая проявляется в невозможности сочетаться с наречиями типа *постепенно, быстро, внезапно, вдруг* (**он внезапно утомлен*) [4, с. 39]. Наряду с этим им свойственны признаки длительности и неконтролируемости.

Охарактеризованность по свойству длительности проявляется в неспособности предикатов состояния сочетаться со словами, обозначающими конкретное время (**в 12 часов он утомлен*), а неконтролируемости – в невозможности сочетаться с наречиями цели типа *намеренно* (**он намеренно утомлен*).

Сочетаемость со словами *всегда, постоянно, обычно* Т. В. Булыгина считает показателем, разграничивающим предикаты состояния, с одной стороны, и предикаты качества / свойства, с другой. Если введение данных наречий в контекст не превращает высказывание в аномальное или существенно не меняет его значение, то мы имеем дело с предикатами состояния [4, с. 52].

Предикаты состояния сближаются с предикатами свойства тем, что сочетаются с делимитативными глаголами *перестать, прекратить(ся)* (*перестать волноваться*, но невозможно **кончить волноваться*) [4, с. 58]. Своеобразным развитием такого подхода можно считать более частные исследования. Например, изучение синтаксических и семантических свойств отдельно взятых предикатов [5–7], рассмотрение взаимодействия семантических различий предикатов с их видовыми характеристиками [8; 9], сочетаемость определенного типа предикатов [10; 11], соотношение семантических категорий и классов предикатов [12], изучение коммуникативной перспективы высказывания, а также характера презумпций [13; 14], анализ тема-рематического устройства предложения и интонации в высказываниях, содержащих определенный тип предиката [15], соотношение определенного типа текстов и типологии глагольных предикатов [16].

Соотношение эмотивных глаголов русского языка с признаком временности / вневременности

В классификации Т. В. Булыгиной нет предикатов, которые выражены возвратными эмотивными глаголами русского языка типа *сердиться, удивляться* и их конверсивными коррелятами типа *сердить, удивлять*.

[2] Здесь и далее звездочкой обозначены семантически неверные примеры.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

Важнейшей особенностью большинства исследуемых глаголов является способность формировать конверсивные пары, в которых переходный глагол выражает значение каузации («вызывать в ком-либо эмоцию под влиянием определенных причин») [17; 18], например, *волновать* – вызывать волнение, *страшить* – вызывать страх. Второй глагол – возвратный – имеет значение эмоционального состояния (*беспокоиться, волноваться, сердиться, пугаться, страшиться* и др.) [19, с. 75–121]. Такой глагол принято называть эмотивным декаузативом, т. е. таким, который не имеет семы «каузация» [20]. Эмотивными мы будем называть и глагол эмоциональной каузации (типа *волновать*), и эмотивный декаузатив (типа *волноваться*).

Традиционно считается, что возвратные эмотивные глаголы образуются от соответствующих невозвратных (переходных) глаголов, которым присущ семантический признак *каузативность*. Присоединение постфикса *-ся* лишает глагол данного семантического признака. В грамматическом плане постфикс *-ся* является носителем значения непереходности и имеет общевозвратное значение. Однако семантическое соотношение глаголов в парах типа *сердиться – сердить, страшиться – страшить* и подобных не представляется столь однозначным. По мнению И. С. Улуханова, отсутствие семантического признака каузативности в возвратном эмотивном глаголе и его наличие в переходном говорит о большей семантической сложности переходного глагола [21, с. 80]. Если же говорить о семантическом соотношении высказываний с переходным и возвратным глаголами, то в высказывании с переходным глаголом имеет место «выдвижение в позицию грамматического субъекта имен неодушевленных предметов и явлений, не способных быть реальным субъектом действия и состояния, … каузативная функция этих имен свидетельствует о вторичности, усложненности состава данных предложений» [22, с. 295].

Наряду с этим исследователи отмечают, что в паре *переходный – возвратный* эмотивный глагол последний обозначает ненамеренное действие, а их каузативные корреляты способны обозначать как намеренное, так и ненамеренное действие[3] [23, с. 154, 163]. Отношения в паре *переходный – возвратный* эмотивный глагол являются конверсивными, т. е. объект в высказывании с переходным глаголом соответствует субъекту в высказывании с возвратным глаголом и наоборот [23, с. 157].

Мысль, что предикаты, выраженные возвратными эмотивными глаголами русского языка, относятся к предикатам состояния, в самом общем виде была высказана И. Н. Яковлевой [24]. Однако семантические тесты на признак временной локализованности в высказываниях с данными предикатами не дают столь однозначного ответа.

Тест № 1[4]. На сочетаемость конверсивных пар эмотивных глаголов с темпоральными показателями *вечером, утром, днем, вчера, весь день* и другими, обозначающими отрезок на временной оси. Ср.: 1а. *Вчера он сердился на сына (огорчался по всякому поводу, раздражался по всяким пустякам, бесился от нетерпения, злился на прислугу, возмущался поведением сына, смущался зайти, стыдился своего поступка, беспокоился за мать, тревожился за друга). Весь день он чего-то страшится*, но невозможно *1б. *Весь день (вчера, утром) он ужасался предательству*. Таким образом, глаголы *волноваться, сердиться, огорчаться, раздражаться, злиться, возмущаться, смущаться, стыдиться, беспокоиться, тревожиться, страшиться, удивляться, поражаться, изумляться* способны обозначать отрезок на временной оси и поэтому могут быть отнесены к предикатам состояния. Глагол *ужасаться*, не обладая способностью сочетаться с темпоральными показателями данного типа, относится к предикатам свойства. Что касается соотносительных высказываний с переходными глаголами, то они некорректны (**вчера сын сердил / волновал его*). Более естественными являются высказывания с глаголами совершенного вида (*вчера сын рассердил / разволновал его*) или конструкции с отрицанием (*не серди меня*).

Тест № 2. На сочетаемость конверсивных пар эмотивных глаголов с темпоральными показателями *редко, часто, постоянно* и др., обозначающими повторяемость состояния, переживаемого субъектом. Ср.: 2а. *Он постоянно (часто, редко) волновался за жену (сердился на учеников, раздражался (злился) по пустякам, огорчался по всякому поводу, возмущался недисциплинированностью подчиненных, постоянно бесился от ревности, смущался (стыдился) своего происхождения, беспокоился за отца, тревожился за брата). Он постоянно удивлялся (поражался, изумлялся) тому, как другу удавалось пройти незамеченным*, но невозможно *2б. *Он постоянно (часто, редко) чего-то ужасался*. В контексте слов *постоянно, часто, редко* употребительны и каузативные корреляты данных предикатов, которые также являются предикатами состояния: *Его редко что-то раздражало (злило, возмущало). Его постоянно страшила перспектива потерять работу (пугала собака, волновали финансовые проблемы, сердили домашние, удивляли коллеги). Ученики постоянно сердили его. Его постоянно удивляло (поражало, изумляло) то, как другу удавалось пройти незамеченным. В последнее время он постоянно чего-то страшился* и т. д. В контексте показателя *постоянно* указанные предикаты, выраженные глаголами *волноваться, сердиться, огорчаться, раздражаться, злиться, возмущаться, смущаться, стыдиться, беспокоиться, тревожиться, страшиться, удивляться, поражаться, изумляться,* обозначают эпизоды, стадии существования, т. е. локализованы на оси времени и входят в группу состояний (2а). Глагол *ужасаться* относится к предикатам свойства (2б), поскольку сочетаемость данного глагола со словами *постоянно, часто, редко* и т. п. оказывается невозможной.

[3] Под намеренным действием понимается наличие в глаголе семы «воздействовать на кого-либо, каузируя в нем эмоцию». При этом переходный глагол присоединяет постфикс *-ся* только в значении ненамеренного действия.

[4] О семантических тестах на разграничение предикатов состояния и свойства см. [4].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

Тест № 3. На сочетаемость конверсивных пар эмотивных глаголов со словами *стать / перестать*, указывающими на переход субъекта в новое состояние[5]. Ср.: 3а. *Он стал / перестал волноваться (сердиться, тревожиться) по поводу работы, удивляться ее вкусам, злиться на сестру, раздражаться из-за постоянных нападок, беситься от обиды, смущаться внимания к себе, беспокоиться за отца, злиться на брата, страшиться выходить на улицу, стыдиться своих родителей*. Или: *Аргамаки их стали беситься, сбрасывая с себя седоков* (Косырев Е. М. Поход в Хиву в 1839 г.). Соотносительные конструкции возможны со всеми каузативными коррелятами, реализующими эмотивное значение. 3б. *Сестра стала / перестала его злить. Постоянные нападки коллег стали / перестали раздражать его* (эмотивное значение). Однако глагол *стыдить* прочитывается в значении целенаправленной деятельности, т. к. он содержит сему «намеренно»: 3в. *Родители стали / перестали стыдить его* (значение целенаправленной деятельности). В отличие от перечисленных предикатов состояния, глагол *ужасаться* не сочетается со словом *стать*. Ср.: невозможность высказывания типа *3г. *Он стал ужасаться чему-либо,* где предикат, выраженный глаголом *ужасаться*, ведет себя как предикат свойства, т. е. не локализован на оси времени.

Тест № 4. На сочетаемость предикатов, выраженных эмотивными глаголами *страшиться, пугаться, ужасаться, восхищаться, изумляться* и их конверсивными коррелятами, с фазисными глаголами *начать, продолжить, кончить*. Ряд эмотивных глаголов русского языка не может сочетаться с фазисными глаголами. Это прежде всего *страшиться – страшить, пугаться – пугать, ужасаться – ужасать, восхищаться – восхищать, изумляться – изумлять*. Так, семантически неверными являются высказывания типа *4а. *Продолжил ((за)кончил, начал) пугаться (страшиться, ужасаться, изумляться, восхищаться)*, а также невозможна сочетаемость с соответствующими каузативными коррелятами **Продолжил ((за)кончил, начал) изумлять, возмущать, восхищать, страшить, ужасать)*. Однако анализ материала показывает, что эмотивные глаголы *волноваться, тревожиться, сердиться, раздражаться, злиться, беситься, удивляться, смущаться* и их переходные корреляты все же сочетаются с фазисным глаголом *начать*. 4б. *Начал злиться (беситься, удивляться, волноваться, тревожиться, сердиться, раздражаться, возмущаться, смущаться). Он начинает его этим раздражать (удивлять, сердить, волновать, злить, пугать)*, но невозможно *4в. *Он кончил (продолжил) из-за чего-либо волноваться (тревожиться, сердиться, раздражаться, злиться, беситься, удивляться, возмущаться, смущаться)*. Возможной оказывается и сочетаемость лексемы *кончить* в императивной форме с глаголами *возмущаться, злиться, сердиться*. 4г. *Кончай злиться (сердиться, возмущаться)!* В примерах типа 4г данные предикаты, выраженные эмотивными глаголами, наделены семантическим признаком контролируемости и по своему значению приближаются к классу предикатов активной деятельности (*Кончай работать! Кончай разговаривать!*).

В этом отношении совершенно особыми являются сочетаемостные особенности глаголов конверсивной пары *возмущаться – возмущать*, в которой возвратный глагол возмущаться сочетается с *начать*, а переходный не сочетается. Ср.:4д. *Начал поминутно возмущаться,* но невозможно **Начал возмущать*, а также **Кончил продолжил / возмущаться (возмущать)*.

Тест № 5. На сочетаемость эмотивных глаголов с темпоральным наречием *всегда*[6]. Ср.: 5а. *Люди так устроены: они всегда чего-то страшатся. Людей всегда что-то страшит*, где *всегда* характеризует субъект, а *страшиться* прочитывается как свойство человека. 5б. *Иван всегда (все время, постоянно) чего-то страшится, чего-то пугается; из-за чего-то раздражается (злится, беспокоится, тревожится, волнуется, чему-то удивляется, огорчается, поражается, изумляется, кого-то смущается, чего-то стыдится, от чего-то бесится, возмущается. Его всегда что-то злит, беспокоит, тревожит, волнует, удивляет, огорчает* и т. д.), где наречие *всегда* характеризует и субъект, и предикат[7]. Подобная сочетаемость исключена с глаголом *ужасаться*. *5в. *Иван всегда чего-то ужасается – Ивана всегда что-то ужасает*. Употребление в данных контекстах наречия *всегда* обусловливает преимущественное использование неопределенного местоимения *кого-то, чего-то* в качестве правостороннего актанта. Данный семантический тест демонстрирует способность лексем *возмущаться, смущаться, стыдиться, беспокоиться, тревожиться, страшиться, волноваться, сердиться, огорчаться, раздражаться, злиться, удивляться, поражаться, беситься, изумляться* функционировать как предикаты состояния. Глагол *ужасаться* относится к свойствам.

Тест № 6. Особенности словообразовательной активности эмотивных глаголов, а именно возможность образования от них производных с уменьшительно-ограничительным значением при помощи приставки *по-*. Лексемы *злиться, возмущаться, волноваться, сердиться, беспокоиться, тревожиться, огорчаться, раздражаться, смущаться, стыдиться, страшиться, удивляться, поражаться, изумляться,*

[5] Как показывает анализ характера сочетаемости конверсивных пар эмотивных глаголов с фазисными глаголами, последние могут характеризовать либо само действие, либо субъект состояния. Так, фазисные глаголы *начать / начинать, кончить / кончать, продолжить / продолжать* характеризуют фазы самого действия, в то время как глаголы *стать / становиться, перестать / переставать* характеризуют субъект и его переход в новое состояние. Например, стал тревожиться – перешел в состояние тревоги, перестал тревожиться – обрел состояние покоя. В соответствии с этим в данном исследовании указанные ряды фазисных глаголов последовательно разграничиваются.

[6] Т. В. Булыгина говорит о двух значениях наречия *всегда*: 1) темпоральное, в котором оно характеризует продолжительность действия [4, с. 48]; 2) характеризующее, в котором оно определяет сам предикат и / или его субъект [4, с. 55].

[7] Темпоральный показатель *всегда* характеризует продолжительность действия, например в высказываниях с предикатами действия: *Он всегда приезжает на работу вовремя.*

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

ужасаться не способны обозначать фазу действия, вследствие чего производные типа 6а. **пострашился (поизумлялся, пораздражался, попугался, поудивлялся, потревожился, поужасался, поогорчался, попоражался* и др.) невозможны. Однако разговорная речь изобилует конструкциями типа 6б. *Поогорчался и хватит! Пораздражался и будет! Позлился и хватит!* Соотносительные конструкции с переходным глаголом возможны только в значении целеполагания: *Я потревожу Вас немного? Иван позлил брата и перестал. Он его попугал немного. Думал: сработает.*

Особое место среди предикатов, выраженных эмотивными глаголами русского языка, занимают лексемы *пугаться* и *пугать*. *Пугаться* может обозначать: а) ряд кратковременных состояний. 7а. *Я долго не могла уснуть, поминутно пугаясь крика совы и других лесных звуков…* 7б. *Я часто пугался, когда он обращался ко мне с речью, сопровождая ее энергичной жестикуляцией исключительно для меня*; б) отрезок времени. 8а. *Добрый конь поначалу пугался черной воды, журчавшей возле самого уха, потом, ободренный присутствием хозяина, успокоился и привык.* 8б. *Кажется, временами он пугался самого себя* (из разг. речи). Но указание на ограниченный временем отрезок времени невозможно. *8в. *С пяти до семи Игорь пугался, а потом уезжал на работу.* Соответствующий переходный глагол *пугать* имеет те же свойства и сочетаемость. 9а. *Каждый раз его пугали сильная гроза и гром.* 9б. *Раньше его пугали резкие и безапелляционные оценки окружающих.*

Приведенные примеры показывают, что русский язык интерпретирует состояние *пугаться* как а) неопределенно-ограниченное во времени, без четких границ; б) точку на временной оси. Вместе с тем можно говорить и об общих признаках предикатов свойства и состояния, по которым они противопоставляются активным действиям [4, с. 56–59]. Данную семантическую близость выявляет семантический тест на невключенность исследуемых предикатов в ряд предикатов активного действия: *10а. *Игорь огорчался (злился и т. д.), а затем пошел на работу (начал читать книгу, смотреть футбол).*

Соотношение конверсивных пар эмотивных глаголов с признаком контролируемости / неконтролируемости

Семантический признак контролируемости (активности, агентивности) характеризует некую ситуацию, в которой субъект действия способен воздействовать на ход события и его последствия. Контролируемые положения вещей связаны с волей и выбором субъекта ситуации. Соответственно, признак неконтролируемости по указанным параметрам противоположен контролируемости [25]. Данный семантический признак приписывается либо предикату [4], либо ситуации в целом [13, с. 158].

Понятие контролируемости / неконтролируемости изучается лингвистами с различных позиций. Основными направлениями изучения данного семантического признака являются, во-первых, определение взаимосвязи контролируемости / неконтролируемости с типом предиката (состояние, действие, процесс и др.) [26; 27] и, во-вторых, выявление системы грамматических средств выражения контролируемости [4, с. 21].

Анализируя контролируемые / неконтролируемые положения вещей с точки зрения взаимосвязи этого признака с типом предиката, Т. В. Булыгина разграничивает, прежде всего, предикаты действия (*бегать, говорить, ходить*), относимые ею к контролируемым, и предикаты состояния (*болен, здоров, раздражен, влюблен, рад*), относимые к неконтролируемым (ср.: 1а. *он болен*, но невозможно *1б. *он намеренно болен*, 1в. *он намеренно (специально) громко читает (бегает по утрам, говорит колкости)*) [4, с. 30–39]. Кроме сочетаемостных ограничений, исследователь указывает на другие признаки, «свидетельствующие о грамматической существенности рассматриваемого признака» [4, с. 69]. Таковыми являются:

1) невключенность предикатов состояния в сложноподчиненные предложения с придаточными цели и невозможность препозиции придаточного предложения с союзом *чтобы*, что служит различительным признаком контролируемых и неконтролируемых положений дел [4, с. 70]. Ср.: 2а. *Он все-таки нашел эту книгу, чтобы узнать интересующую его информацию.* 2б. *Чтобы узнать интересующую его информацию, он нашел эту книгу.* 3а. *Ветер утихает, чтобы через мгновенье задуть с новой силой*, но невозможно *3б. *Чтобы через мгновение задуть с новой силой, ветер утихает*;

2) невозможность употребления предикатов, обозначающих неконтролируемое положение дел, в утвердительных императивных конструкциях типа **Болей!* [4, с. 71];

3) предикату, обозначающему контролируемое положение вещей, в утвердительных конструкциях соответствует несовершенный вид императива в конструкциях с отрицанием. Ср.: 4а. *Защити диссертацию*. 4б. *Не защищай диссертацию*, но невозможно *4в. *Не защити диссертацию* [4, с. 75].

Рассмотрим место конверсивных пар эмотивных глаголов русского языка в семантической классификации предикатов по признаку контролируемости, противопоставив в их семантической структуре два основных значения: эмотивное значение[8] и значение интеллектуальной деятельности.

Тест № 1. На сочетаемость предикатов, выраженных эмотивными глаголами русского языка, в эмотивном значении с наречиями *намеренно, специально*[9]. *5а. *Он намеренно (специально) пугается (волнуется, бесится, поражается, изумляется, страшится, ужасается, стыдится, смущается)*. Употребление некоторых из данных предикатов становится возможным в конструкции типа *делает вид, что сердится (злится, пугается)*, что говорит о приобретении ими значения «имитация эмоционального состояния» и о их переходе в класс предикатов деятельности. Наиболее часто в данном значении

[8] Эмотивные глаголы русского языка имеют два значения: собственно эмотивное (первичное) и значение интеллектуальной деятельности (вторичное) [28].

[9] Здесь и далее тесты на выявление семантического признака контролируемости даны по Т. В. Булыгиной [4].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

употребляются предикаты *пугаться, сердиться, удивляться, смущаться, злиться*. Ср.: 5б. *Он делает вид, что злится (сердится), чтобы вызвать ответную реакцию.* Высказывания с другими предикатами некорректны: **Он делает вид, что страшится (стыдится)*. Скорее, *Он изображает испуг (смущение)*.

По замечанию Н. Д. Арутюновой, предикаты, выраженные переходными глаголами типа *пугать, сердить, тревожить, раздражать* и т. д., в контексте наречий *намеренно, специально* получают нехарактерное для глаголов эмоционального воздействия значение «целенаправленная деятельность» [3, с. 156–157]. Ср.: 6а. *Брат пугает нас своими переодеваниями (словами об отъезде)*. 6б. *Брат специально (намеренно) пугает нас своими переодеваниями*. В примере 6а актант *брат* не получает значение активного целеполагающего субъекта. Однако в примере 6б введение в контекст наречий *специально, намеренно* наделяет предикат *пугать* значением «целенаправленная деятельность». Это, как видим, влечет за собой модификацию семантической структуры предиката и изменение набора семантических ролей в высказывании. Субъект становится активным, целеполагающим и получает семантическую роль Агенса.

Контекстом, изменяющим семантический тип предиката в высказываниях с эмотивными глаголами, могут быть и наречия *открыто, зря* и др. 7а. *Соловков в 20-е годы уже не таили, Соловками открыто пугали* (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ). *И напечаталось и перепечаталось в большой вольной прессе, нашей и западной, от имени Сокола-Буревестника, что зря Соловками пугают, что живут здесь заключенные замечательно* (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ). Однако в контекстах, где Каузатор обладает культурно-значимыми коннотациями в сознании носителей языка и ситуация является хорошо знакомой, каузативный коррелят возвратного эмотивного глагола не нуждается в специальных операторах смысла для приобретения значения целенаправленной деятельности. 8а. *Сухановка – это та страшная тюрьма, которая есть только у МГБ. Ею пугают нашего брата* (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ). То же значение предикат *пугать* получает в высказываниях с модальными предикатами: 9а. *А, во-вторых, Страшным его прозвали не напрасно, он любил всех пугать* (Белобров В. С., Попов О. В. Наступление королей). *…И тогда турки… собираются пугать нас переходом через Дунай…* (Игнатьев Н. П. Походные письма 1877 года). *Пробовали пугать, будто по соседству дом горит…* (Лесков Н. С. Левша). Надо заметить, что значение целенаправленной деятельности предиката *пугать*, а также *удивлять, раздражать, поражать, изумлять, ужасать* и других возможно только в контексте одушевленного субъекта. Ср.: 10а. *Уши пугали своей величиной* (Мамлеев Ю. В. Дикая история), а также *Уши удивляли (раздражали, поражали, изумляли, ужасали, восхищали) своей величиной*, но невозможно *10б. *Уши специально (нарочно) пугали (удивляли, раздражали, поражали, изумляли, ужасали, восхищали) своей величиной. Уши любили (пробовали) пугать своей величиной.*

Тест № 2. На сочетаемость предикатов, выраженных эмотивными глаголами русского языка, с придаточным, вводимым союзом *чтобы*: *11а. *Он огорчается (волнуется, поражается, изумляется, страшится, ужасается, удивляется, пугается, стыдится, смущается), чтобы…*, но возможно 11б. *Он возмущается, чтобы показать свое несогласие. …Страшусь, чтоб, наконец, яд лести не проник в душу мою и не отравил добрых моих склонностей* (Фонвизин Д. И. Каллисфен). Такое употребление возможно только в значении «целенаправленная деятельность» (11б) или «имитация эмоционального состояния» 11в. *Он изумляется так громко, чтобы привлечь ее внимание*.

Тест № 3. На употребление предикатов, выраженных эмотивными глаголами русского языка, в повелительном наклонении. Ср.: *12а. *Сердись (злись, восхищайся, огорчайся, волнуйся, поражайся, изумляйся, ужасайся, смущайся)*, но возможно *Страшись предательства! (*Поражай, изумляй, страши, ужасай, смущай)*. Как видно из примеров, формы типа *страшись* в эмотивном значении невозможны. Формы повелительного наклонения данных глаголов употребляются и в отрицательных конструкциях, а также с глаголом *перестать* в повелительном наклонении. 12б. *Не волнуй (Не серди) бабушку! Не тревожься так! Не удивляйся такому повороту событий! Не злись! Не зли (не беси) меня!* 12в. *Перестань сердиться!* и т. д. В данных высказываниях возвратные эмотивные и переходные глаголы употреблены в значении пожелания.

Таким образом, рассматриваемая группа глаголов в эмотивном значении характеризуется семантическим признаком неконтролируемости и относится к предикатам состояния и свойства (*ужасаться – ужасать*). Приобретение ими значения «целенаправленная деятельность», «имитация эмоционального состояния», «возможность, долженствование» относит их в группу предикатов деятельности.

Заключение

Возвратные эмотивные глаголы и их конверсивные корреляты (переходные глаголы) были подвергнуты в русской лингвистической традиции комплексному анализу в семантическом, грамматическом, сочетаемостном, словообразовательном планах. Это позволило выявить ряд их важнейших особенностей. Однако вопрос о месте данных глаголов в семантической классификации предикатов, а также характере соотношения возвратных эмотивных глаголов и их конверсивных коррелятов остается открытым.

Характер соотношения возвратного эмотивного глагола и его конверсивного коррелята не является тривиальным. В смысловом отношении переходный глагол более сложен, чем возвратный, т. к. содержит сему «каузативность», хотя с формальной точки зрения более сложным, как известно, является возвратный глагол. К числу отличительных признаков конверсивных пар эмотивных глаголов русского языка относятся неакциональность (способность обозначать ненамеренное действие), направленность на объект (переходный глагол) и замкнутость в себе (возвратный глагол),

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

способность употребляться в императивном значении преимущественно в отрицательных конструкциях, описывать эмоциональное состояние, переживание, отношение.

Предикаты, выраженные рассмотренными формами, входят в два семантических класса – свойства и состояния, что находит подтверждение в результатах семантических тестов на их локализованность / нелокализованность на оси времени. Согласно проведенным тестам, предикаты, выраженные конверсивными парами эмотивных глаголов, входят в группу предикатов состояния, что обусловлено их локализованностью на оси времени. К предикатам свойства относятся глаголы *ужасаться – ужасать*, т. к. их значение не локализовано на оси времени.

Семантические тесты на возможность / невозможность образования от данных глаголов производных с приставкой *по-* и на сочетаемость с фазисными глаголами начать, продолжить, кончить, по-разному распределяют исследуемые предикаты между классами свойства и состояния. Предикаты *пугаться, страшиться, ужасаться, удивляться, поражаться, изумляться, смущаться, стыдиться, раздражаться* и их конверсивные корреляты не способны обозначать отрезок временной оси, не присоединяют приставку *по-* и поэтому могут быть отнесены к предикатам свойства, в то время как глаголы *сердиться, злиться, возмущаться, беситься* образуют производные с уменьшительно-ограничительным значением и могут быть причислены к предикатам состояния. Глаголы же *страшиться – страшить, пугаться – пугать, ужасаться – ужасать, восхищаться – восхищать, изумляться – изумлять* не сочетаются с указанными фазисными глаголами. Однако возможны сочетания конверсивных пар *волноваться – волновать, тревожиться – тревожить, сердиться – сердить, раздражаться – раздражать, злиться – злить, беситься – бесить, удивляться – удивлять, смущаться – смущать* с фазисным глаголом *начать* и невозможны с глаголами *кончить, продолжить*. Что касается пары *возмущаться – возмущать*, то возвратный глагол сочетается с фазисным глаголом *начать*, а переходный – нет. Сочетаемость с глаголами *продолжить, кончить* невозможна как с возвратным, так и с переходным глаголами. Таким образом, локализованность указанных предикатов на оси времени обусловливает их отнесенность в группу состояний, нелокализованность – в группу свойств.

Семантический признак неконтролируемости присущ исследуемым предикатам состояния в эмотивном значении. Приобретение этими предикатами значений «целенаправленная деятельность», «имитация эмоционального состояния», «возможность, долженствование» и, соответственно, признака контролируемости относит их в группу предикатов деятельности. Особенности семантической структуры описываемых предикатов определяются вхождением их в разные семантические группы и спецификой семантической структуры высказываний, содержащих данные предикаты, а именно наличием / отсутствием таких семантических ролей, как Эксперимент (при употреблении предиката в эмотивном значении) и Агенс (при употреблении предиката в значении «целенаправленная деятельность»).

Литература

1. Аристотель. Категории / пер. А. В. Кубицкого. М.: Ленанд, 2018. 80 с.
2. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. С. 77–100.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: URSS, 2019. 384 с.
4. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
5. Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1993. С. 67–77.
6. Кобозева И. М. О посессивности в русском языке: посессивные предикаты vs. генитив // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. 2015. Т. 11. № 1. С. 249–271.
7. Красина Е. А. Предикаты перформативного высказывания и речевого акта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3. С. 29–36.
8. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 46–63.
9. Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1993. С. 111–120.
10. Иоанесян Е. Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 116–133.
11. Кобозева И. М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения, знания // Логический анализ языка. Знание и мнение / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 82–98.
12. Мешкова Т. Н., Губанова Г. Ф., Губанов А. Р. Интенсивность как признак предикатов интенсионального состояния желания // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 252–255.
13. Шатуновский И. Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 155–186.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

14. Труб В. М. Лексика целесообразной деятельности (опыт описания) // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1993. С. 58–66.
15. Кодзасов С. В. Интонация предложений с пропозициональными предикатами мышления // Логический анализ языка. Знание и мнение / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 23–32.
16. Чень Ц. Типы предикатов в текстах новостных сообщений // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 271–276. DOI: 10.1555/2409-3203-2018-0-14-271-276
17. Михеева Н. А. Каузация эмоционального состояния и эмоционального отношения в испанском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 23 с.
18. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1969. С. 5–19.
19. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.
20. Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2000. № 1. С. 52–79.
21. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: URSS, 2019. 262 с.
22. Золотова Г. А. Очерки функционального синтаксиса русского языка. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2005. 352 с.
23. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во. Акад. наук СССР, 1962. 247 с.
24. Яковлева И. Н. Семантическая категория состояния и средства ее реализации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 22 с.
25. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 86–157.
26. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
27. Леонова А. В. Неконтролируемая акциональная ситуация: способы выражения и семантические типы: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 21 с.
28. Зализняк А. А. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1. С. 59–66.

Russian Emotive Verbs in the Semantic Classification of Predicates

Olga A. Kukatova [a, @]

[a] Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Uzbekistan, Tashkent

[@] kukatova.olga@mail.ru

Received 30.11.2019. Accepted 30.12.2019.

Abstract: The present research features predicates expressed by Russian reflexive emotive verbs. The paper focuses on statements containing reflexive emotive verbs and their convertible correlates, e.g. volnovatsia – volnovat, trevozhitsia – trevozhit, serditsia – serdit, etc. The research objective was to determine the place of these pairs of emotive verbs in the semantic classification of predicates of the Russian language. The author used the method of semantic testing for localization / non-localization on time axis and controllability / non-controllability. The method made it possible to assign these predicates to a particular class, as well as to reveal in their semantic structure a derived value that has not been fixed by explanatory dictionaries. As a result, the predicates were split into two semantic classes, i.e. properties and states. The division was confirmed by semantic tests for localization / non-localization on time axis and controllability / non-controllability. According to the tests, the predicates expressed by the convergent pairs of emotive verbs were included in the group of state predicates, due to their localization on the time axis. The semantic sign of uncontrollability was inherent in the studied predicates of the state in their emotive meaning. Acquisition by these predicates of the meaning "purposeful activity", "imitation of an emotional state", "opportunity, duty", and, accordingly, the sign of controllability made it possible to classify them as a group of activity predicates.

Keywords: semantic role, property predicate, state predicate, Experiment, Agent

For citation: Kukatova O. A. Russian Emotive Verbs in the Semantic Classification of Predicates. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 242–250. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250

References

1. Aristotle. *Categories*, tr. A. V. Kubitskii. Moscow: Lenand, 2018, 80. (In Russ.)
2. Shcherba L. V. *Language system and speech activity*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2004, 77–100. (In Russ.)
3. Arutiunova N. D. *Sentence and its meaning: Logical and semantic problems.* Moscow: URSS, 2019, 384. (In Russ.)
4. Bulygina T. V. Toward a predicate typology in Russian language. *Semantic types of predicates,* ed. Seliverstova O. N. Moscow: Nauka, 1982, 7–85. (In Russ.)
5. Arutiunova N. D. Secondary truth estimates: right, true. *Logical analysis of language. Mental actions,* eds. Arutiunova N. D., Riabtseva N. K. Moscow: Nauka, 1993, 67–77. (In Russ.)
6. Kobozeva I. M. On possessiveness in Russian: possessive predicates vs. genitive. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*, 2015, 11(1): 249–271. (In Russ.)
7. Krasina E. A. Speech act and performative proposition predicates. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics,* 2016, (3): 29–36. (In Russ.)
8. Bulygina T. V., Shmelev A. D. The question of indirect questions: is their relationship with factuality an established fact? *Logical analysis of the language. Knowledge and opinion*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1988, 46–63. (In Russ.)
9. Paducheva E. V. To the aspectual properties of mental verbs: perfective aspect pairs. *Logical analysis of language. Mental actions*, eds. Arutiunova N. D., Riabtseva N. K. Moscow: Nauka, 1993, 111–120. (In Russ.)
10. Ioanesyan E. R. Problems of epistemic matching. Logical analysis of the language. *Problems of intentional and pragmatic contexts*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1989, 116–133. (In Russ.)
11. Kobozeva I. M. Denial in sentences with predicates of perception, opinion, knowledge. *Logical analysis of language. Knowledge and opinion*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1988, 82–98. (In Russ.)
12. Meshkova T. N., Gubanova G. F., Gubanov A. R. Intensity as desire intensionality predicate of marker. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, (4): 252–255. (In Russ.)
13. Shatunovskii I. B. Propositional attitudes: will and desire. Logical analysis of the language. *Problems of intensional and pragmatic contexts*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1989, 155–186. (In Russ.)
14. Trub V. M. Vocabulary of expedient activity (description experience). *Logical analysis of language. Mental actions*, eds. Arutiunova N. D., Riabtseva N. K. Moscow: Nauka, 1993, 58–66. (In Russ.)
15. Kodzasov S. V. Intonation of a sentence with propositional predicates of thinking. *Logical analysis of language. Knowledge and opinion*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1988, 23–32. (In Russ.)
16. Chen J. The types of predicates in news texts. *Epokha nauki*, 2018, (14): 271–276. (In Russ.) DOI: 10.1555/2409-3203-2018-0-14-271-276
17. Mikheeva N. A. *Causation of the emotional state and emotional relations in the Spanish language.* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2007, 23. (In Russ.)
18. Nedialkov V. P., Silnitskii G. G. Typology of causative constructions. *Typology of causative constructions. Morphological causative,* ed. Kholodovich A. A. Leningrad: Nauka, 1969, 5–19. (In Russ.)
19. Vasilev L. M. *Semantics of the Russian verb.* Moscow: Vyssh. shk., 1981, 184. (In Russ.)
20. Paducheva E. V. Causative and decausative verbs in the Russian language. *Rus. iaz. v nauch. osveshchenii*, 2000, (1): 52–79. (In Russ.)
21. Ulukhanov I. S. *The word-building semantics in the Russian language and the principles of its description.* Moscow: URSS, 2019, 262. (In Russ.)
22. Zolotova G. A. *Essays on the functional syntax of the Russian language*, 2nd ed. Moscow: KomKniga, 2005, 352. (In Russ.)
23. Ianko-Trinitskaia N. A. *Reflexive verbs in modern Russian.* Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962, 247. (In Russ.)
24. Yakovleva I. N. *The semantic category of state and means of its implementation (based on Russian and English languages).* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Voronezh, 2004, 22. (In Russ.)
25. Seliverstova O. N. The second version of the classification grid and the description of predicative types of the Russian language. *Semantic types of predicates,* ed. Seliverstova O. N. Moscow: Nauka, 1982, 86–157. (In Russ.)
26. Volf E. M. Emotional states and their representation in the language. *Logical analysis of the language. Problems of intensional and pragmatic contexts*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1989, 55–75. (In Russ.)
27. Leonova A. V. *Uncontrolled action situation: methods of expression and semantic types.* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2007, 21. (In Russ.)
28. Zalizniak A. A. The semantics of the verb "fear" in the Russian language. *Izvestiia AN SSSR Ser. lit. i iaz*, 1983, 42(1): 59–66 (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

оригинальная статья
УДК 81.27; 81.42

Гендерные и теоморфные признаки мифологемы *Земля-мать* в русской лингвокультуре

Елена А. Мошина [a, @]

[a] Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, Россия, г. Санкт-Петербург

[@] moshina@inbox.ru

Поступила в редакцию 27.01.2020. Принята к печати 18.02.2020.

Аннотация: Цель исследования – описать мифологему *Земля-мать* в рамках фрагмента структуры макроконцепта *земля*. Рассматриваемая мифологема широко распространена в разных культурах. Материал для изучения взят из Национального корпуса русского языка. Основными методами исследования выступают концептуальный анализ и описание. Анализируемая мифологема воплощается в языке в виде целого набора метафор, реализующих коды русской лингвокультуры. Среди них выявлены витальные, соматические, антропоморфные и теоморфные метафоры. Земля в языковом материале актуализируется частотными когнитивными признаками: мать; дарующая блага / благодетельница; кормилица; родительница; жена; теща; хозяйка; повелительница; богиня. Теоморфизм земли подчеркивается устойчивым статусом «жены бога» и выражается языковой формулой *Мать-сыра-земля*, под этим именем скрывается культ Макоши. Гендерные и теоморфные признаки Земли-матери совмещаются, демиургический акт творения описывается метафорой рождения. Отмечается, что после принятия христианства вместо имени Матери-сырой-земли стало употребляться имя Богородицы – Девы Марии. При этом функция рождения как акт творчества в языковом сознании русского народа сохраняется. В ходе исследования выделено несколько взаимодополняющих кластеров образов Земли-матери в современной русской лингвокультуре: фольклорный, мифологический, религиозный, лингвокультурологический.

Ключевые слова: макроконцепт, код лингвокультуры, языковая картина мира, концептуальная система, лингвокультурология, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Мошина Е. А. Гендерные и теоморфные признаки мифологемы *Земля-мать* в русской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 251–257. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

Введение

Обращение к культуре позволяет исследователю взглянуть на известные факты под новым углом зрения. Недавно появившиеся когнитивная лингвистика и лингвокультурология помогают глубже изучить факты языка. «Исследование на стыке разных наук – мифологии, культурологии, социологии, психологии и лингвистики – способно пояснить некоторые "скрытые" для лингвистики области языкового картирования, в частности, область концептуальной системы, находящейся в основе любого языка, степень обоснованности тех или иных существующих концептуальных признаков как собственно языковыми законами, так и обусловленных закрепленными в сознании носителей языка культурными, мифологическими, психологическими и мифопоэтическими традициями» [1, с. 44]. По словам В. В. Воробьева, «незнание "культурного ореола" слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена» [2, с. 48]. Многие фольклористы, философы и лингвисты обращались к анализу языковых фактов в этом ракурсе: А. Н. Афанасьев [3], А. Вежбицкая [4], Г. Д. Гачев [5], А. Голан [6], В. В. Колесов [7], Н. И. Коновалова [8], А. Ф. Лосев [9], М. В. Пименова [1; 7; 10–14], Н. И. Пирманова [15], Л. Х. Самситова [16], В. Н. Телия [17], А. Д. Шмелёв [18], М. К. Голованивская [19], С. Г. Воркачёв [20], С. А. Кошарная [21] и др. В этом аспекте выполнены авторские работы [22–24].

Мифологема – это макроконцепт либо фрагмент структуры макроконцепта в концептуальной системе языка. «Под макроконцептом понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [13, с. 32]. Мифологема – это единица языкового сознания, которая проявляется во многих национальных картинах мира. Примером тому могут служить мифологемы *Древа жизни, потопа, Земли-матери*.

Цель исследования – описать мифологему *Земля-мать* в рамках фрагмента структуры макроконцепта *земля*.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

Материал для изучения был взят из Национального корпуса русского языка[1]. Основными методами исследования выступают концептуальный анализ и описание.

Результаты

Укоренившиеся в русской лингвокультуре признаки макроконцепта *земля* отображают метафорическую систему, сложившуюся в языке. Согласно М. К. Голованивской, «через метафорическую систему мы получаем доступ к ценностям той или иной культуры, причем даже к тем, которые не слишком очевидны» [19, с. 29]. В русской лингвокультуре, несмотря на смену религии, до сих пор сохраняется устойчивое выражение *Земля-мать*. Встречается несколько вариаций этого выражения: *Земля-матушка*, *Мать-сыра-земля*.

Гендерные и теоморфные признаки культурных концептов и макроконцептов проявляют свои характеристики в рамках существующих кодов лингвокультуры. Как замечает С. Г. Воркачев, «культурные концепты – это, прежде всего, ментальные сущности, в которых отражается "дух народа", что определяет их антропоцентричность – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и "личную сферу" носителя этнического сознания» [20, с. 49].

Языковой материал показывает наличие большого числа актуализаций признаков **матери** у анализируемого макроконцепта: *Тем и* ***земля*** *наша красна, что она тоже* ***мать*** (Гладков Ф. В. Повесть о детстве). Земля отождествляется с матерью всего живого в этом мире: *А за плечами –* ***земля, мати всех****, ширит на меня многоядными устами…* (Шергин Б. В. Офонина бабушка). У Земли-матери свои законы, по которым живут люди: *Ан, нет, не все – не будет мир нагим: среди законов* ***матери-Земли*** *две чистоты: незнанья и познанья – предпочитаю ясность пониманья, куда идем и что уже прошли* (Васильева Н. Б. Луч надежды). Сохранился ряд табу, которые люди соблюдают, например, нельзя осквернять землю: ***Сырая земля,*** *она –* ***мать*** *наша!* ***На нее плюешь – на мать плюешь*** (Сергеев-Ценский С. Н. Печаль полей). Людей, как детей своих, она вынашивает. От тех, кто преступает ее законы, она отстраняется: *По тяжести грехов моих меня бы и* ***земля не снесла*** (Лажечников И. И. Басурман); *Таким быть не место, как он… таких скакунов* ***земля-мать долго не носит****…* (Чапыгин А. П. Разин Степан).

Анализируемый макроконцепт воплощается соматическими и витальными метафорами. Витальные метафоры актуализируются признаками **жизни**: *Никониане древнюю веру сломали, а ею (поднял палец)* ***земля жила****…* (Толстой А. К. Петр Первый); **движения, стона**: *Ты для меня раз, в другой я для тебя, будут и за нас, мы за них, круговая порука, хоть* ***стоном пойди земля!*** (Лажечников И. И. Басурман); **болезни**: *Реки и озера, крови было так много, что, казалось, это сама земля сочится кровью, как* ***больная мать****, у которой из груди уже не течет молоко, только кровь* (Садулаев Г. У. Одна ласточка еще не делает весны). Соматические метафоры образованы на когнитивных признаках **рук**: *Так вот все то, что я любил! Холодный и бездушный прах, Горевший на моих устах, теперь без чувства, без любви Сожмут* ***объятия земли*** (Лермонтов М. Ю. Боярин Орша); **лица**: *Я верю в то, что если вам не везет в карты с самого начала, то вы будете проигрывать до конца; когда судьбе нужно стереть с* ***лица земли*** *вас и вашу семью, то все время она остается неумолимо последовательной и первое несчастье обыкновенно бывает только началом длинной цепи...* (Чехов А. П. Старый дом); **искалечения / изувеченности**: *Не верится, что там, внизу, все горит, ревет, сотрясается и смерть гуляет по* ***изувеченной земле****, в дыму и копоти, собирая обильную жатву* (Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке).

Земля в русской лингвокультуре описывается большим спектром **антропоморфных** метафор: *Года минули, страсти улеглись, И высоко вознесся ты над нами…* ***Плачь, русская земля!*** *но и* ***гордись*** *– С тех пор, как ты стоишь под небесами, Такого* ***сына не рождала*** *ты И в недра не брала свои обратно: Сокровища душевной красоты Совмещены в нем были благодатно…* (Некрасов Н. А. Памяти Добролюбова). У земли есть **уборы** и **наряды**, **сокровища** и **богатства**: *Мне не надобны* ***наряды*** *И* ***богатства*** *всей* ***земли****… Кудри молодца и взгляды Сердце бедное зажгли…* (Разорёнов А. Е. Песня); *Отошли дни ненужно-крикливые,* ***Землю*** *кроет осенний* ***наряд*** (Е. Кузьмина-Караваева. Замедляю шаги торопливые). Земле приписываются **эмоции** и **чувства**: *Счастье людское* ***землей любимо****. Тот, кто хоть раз на земле заплачет – Значит, удача промчалась мимо* (Есенин С. А. Свищет ветер, серебряный ветер). «Антропоморфизм – отличительная черта архаичных культур вообще, вне зависимости от национальной специфики» [21, с. 94].

Антропоморфные метафоры образованы на признаках волеизъявления. **Стремление**: *К востоку, все к востоку* ***Стремление земли*** *– К востоку, все к востоку Летит моя душа* (Жуковский В. А. Песня); **ожидание**: ***Земля звала*** *его,* ***ждала****, как* ***мать*** *сына* (Можаев Б. А. В Солдатове у Лозового). Чрезвычайно богата сфера реализации антропоморных метафор через интерперсональные признаки **обещания**: *Левинсон обвел молчаливым, влажным еще взглядом это просторное небо и* ***землю, сулившую хлеб и отдых****, этих далеких людей на току…* (Фадеев А. А. Разгром); **проклятия**: *И они пошли вдоль улицы, шутя и спотыкаясь, распугивая собак,* ***проклиная*** *до самых небес, нависших над ними беззвездным темнеющим куполом, себя, своих родных, близких, эту неверную, трудную* ***землю*** (Фадеев А. А. Разгром).

Гендерные признаки реализуются посредством метафор **родства**: *Не повторяй мне имя той, Которой память – мука жизни, Как на чужбине песнь отчизны Изгнаннику* ***земли родной*** (Давыдов Д. В. Романс); *Хоть бы умереть на* ***родной земле!*** (Лажечников И. И. Басурман). Земля по отношению ко всем живущим в этом мире почитается **матерью**: ***Земля – мать.*** *И она любит меня, как блудного*

[1] Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 12.01.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

сына, а? (Радзинский Э. С. Продолжение Дон Жуана). Отцом же считают **солнце**: *Они признают два физических начала всех земных вещей:* ***солнце-отца*** *и* ***землю-мать*** (Шишкин М. П. Письмовник); **небо**: *И* ***земля****, наша* ***добрая мать****, она не сумела спасти нас от гнева* ***неба-отца*** (Садулаев Г. У. Одна ласточка еще не делает весны); **христианского бога**: ***Господь Бог – отец*** *человеку, а* ***земля*** *ему –* ***мать*** *во веки,* ***родная мать****, как есть* (Гагарин Е. А. Поездка на святки); *Нет, говорю, у меня* ***ни отца, ни матери****, окроме* ***бога*** *и* ***земли****.* ***Бог – отец, земля – мать*** (Толстой Л. Н. Воскресение). Забота о детях земли и солнца выражается посредством вегетативных метафор: *Зря, значит,* ***растили*** *их солнышко да мать сыра-земля* (Леонов Л. М. Русский лес).

Родители земли неизвестны – она **сирота**: *Туманная и тихая лазурь Над грустно-****сиротеющей землею****, И, как предчувствие сходящих бурь, Порывистый, холодный ветр порою …* (Тютчев Ф. И. Осенний вечер). При раздроблении земли на государства люди стали владыками и отцами отдельных ее частей: *Когда явлюсь на страшный суд Христов, он, наверно, спросит меня: печаловался ли ты о* ***земле русской****,* ***над которою*** *я поставил тебя* ***владыкою и отцом****, соединил ли воедино, укрепил ли Русь, хилую, разрозненную, ободранную?* (Лажечников И. И. Басурман). У земли появляются признаки национальности и государственности: *Прекрасна земля* ***Саксония****, но не она* ***мать-земля, мать-земля*** *– далекая, дорогая, несчастная* ***Россия*** (Липкин С. И. Записки жильца).

На признаки матриархата указывает стертая метафора **муж(и) земли**: *Именно вот этой безумнейшей дерзостью человека, силою воображения, интуиции осуществлено все то, чего не было на земле – чудеса науки, волшебство искусства, все, чем великий* ***Муж Земли*** *может гордиться* (Горький М. Заметка читателя). Земля – **властительница, повелительница**, управляющая этим миром: ***Земля сыра – царица*** *и* ***мать*** *и нас пасет* (Личутин В. В. Любостай). Она возвеличивает человека до своего уровня, и он становится равным богу на земле: *Улучшил ты свою судьбину, Природной бедности помог, Суровость превратил в доброту, Влиял в сердца любовь, щедроту, –* ***Ты на земли****, что* ***в небе бог****!* (Пнин И. П. Человек).

Второй блок признаков рассматриваемого концепта связан с признаками **рождения**: *Все равно без хлеба теперь не сидят, все равно эта* ***земля родит*** *в последний раз, а могло случиться так, что и нынче б уже не родила – все равно …* (Распутин В. Г. Прощание с Матерой). «Демиургический акт – творчество / сотворение – выражается при помощи "женских" признаков, а именно признака "рождение"» [1, с. 44]. **Плодородие** – основной признак земли: ***Хлеб****, скажем, он тоже нерукотворный, его бог,* ***земля родит*** (Горький М. Жизнь Клима Самгина); *Уж я тебе говорил, што удобрять здесь землю и не слыхивали, – объяснил Вахрушка. –* ***Сама земля родит*** (Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб); *А у вас* ***плохо земля родит****?* (Семенов С. Т. Алексей заводчик). Выражение (*сама / мало / редко / плохо) земля родит* устойчиво, степень его актуализации достаточно высокая: *В этом государстве человек не сеет то, что хочет посеять, человек не хозяин поля, на котором работает, не хозяин яблонь и молока;* ***земля родит*** *по инструкции государства без свободы* (В. Гроссман. Все течет). С его помощью реализуется признак **материнства**: *У нас был фельдфебель Чуприков, молодец, каких мало* ***земля родит*** (Скобелев И. Н. Рассказы русского инвалида). Земля рождает **воду**: *Вода тушит огонь, огонь плавит металл, металл рубит дерево, дерево растет в земле,* ***земля родит воду*** (Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история); **камни**: *…в иных местах эти камни размещались в порядок, словно* ***земля родит каменные яйца****, по-прежнему черные, величиной в человеческую голову* (Пильняк Б. А. Заволочье); то, чем питается человек – **овощи, фрукты** и **злаки**: *У нас места хорошие,* ***земля родит, сыто жили*** (Гагарин Е. А. Советский принц).

Люди – это **дети земли**: *Нет, мой и не пьет и не курит, – сказала женщина, собеседница старика, пользуясь случаем еще раз похвалить своего мужа. – Таких* ***людей****, дедушка, мало* ***земля родит*** (Толстой Л. Н. Воскресение). Земля рождает таланты: *Такого человека* ***однова земля родит.*** *Горе принести людям и дурак может, а человека вознести трудно* (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве). Полярными качествами талантов, рожденных землей людей, является умение ловчить и обманывать: *Что вы, матушка барыня… с дураками и не сиживал… жулик, люди говорят,* ***каких мало земля родит****… в карты быдто подмешивать ловок!* (Клычков С. А. Князь мира). Существуют стереотипы, связанные с характером рожденных детей. В суровые времена у земли родятся закаленные дети, готовые к серьезным испытаниям: *Пустыня родит воинов. Сытная* ***земля родит*** *лень и тупость. Но сейчас его родина бедна как никогда, сейчас она может дать сильные всходы* (Иличевский А. В. Перс).

У земли есть **сыновья**: *Подалее на креслах там другой; Едва сидит согбенный* ***сын земли*** (Лермонтов М. Ю. Булевар). Родство – самое ценное явление в русской лингвокультуре. Род ассоциируется с матерью, землей, Родиной, духовной жизнью народа: *Оно ж готово отдать душу за крестового брата, за красную девицу-полюбовницу, за все* ***родимое – мать, землю, царя*** *и* ***веру*** (Лажечников И. И. Басурман). Сыновья отличаются верностью по отношению к своей матери-земле: *Нет, моего к тебе пристрастья Я скрыть не в силах, мать-Земля! Духов бесплотных сладострастья,* ***Твой верный сын****, не жажду я* (Тютчев Ф. И. Нет, моего к тебе пристрастья). Возвращение на Родину описывается метафорами встречи с матерью: *Упаду на* ***землю****,* ***обниму*** *ее и* ***расцелую****, как* ***мать родную!*** (Новиков-Прибой А. С. Цусима).

Третий блок признаков основан на стереотипах русской лингвокультуры. Поведение матери строго регламентировано. Ее обязанности выработаны веками и принимаются в культуре как должное. Мать обязана кормить, поить своих

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

детей, заботиться о них, баловать их, растить их до того времени, пока они не станут самостоятельными: *А ведь каждому радости хочется, каждому солнышко светит, для каждого* ***земля – мать родная****: и* ***поит****, и* ***кормит****, и* ***творит всякие щедроты****, и* ***ласкает*** *неописанной красотой…* (Гладков Ф. В. Повесть о детстве).

Русский фольклор сохранил важные эпитеты земли – **матушка**, **кормилица**: *Получается, что он от* ***земли-матушки, кормилицы*** *(эти ласковые прозвища земли ему нравятся, несмотря на фольклорную банальность их) всего через одно поколение отстоит* (Лимонов Э. В. У нас была Великая Эпоха); *Солнышко везде светит, и* ***земля-матушка*** *везде* ***кормилица****…* (Гладков Ф. В. Повесть о детстве). Этими же эпитетами наделяют землю и другие народы: *Поэтическая душа бурятского народа, почитающая* ***землю как мать-кормилицу****, складывала прекрасные легенды, которые до сих пор передаются из поколения в поколение* (Говорин Б. А. Поздравления).

Человека и родившую его землю связывает невидимая нить: *Почти все* ***они связаны с землей-кормилицей*** *и природой, землю оберегающей, скотов и людей производящей* (Астафьев В. П. Затеси). Человек обязан оберегать свою землю, защищать ее и охранять от посягательств: *Название деревни, как и фамилия наша, происходило, надо полагать, от прибрежного ее положения, а возможно, и от понятий «беречь», «оберегать», что вполне согласуется с крестьянским* ***бережным отношением к земле-кормилице*** (Брежнев Л. И. Жизнь по заводскому гудку). Люди платят земле за плодоношение своей любовью: *Кто привьет новым поколениям эту* ***любовь к земле-кормилице****, если садоводами и земледельцами никто, как известно, не рождается?* (Козлов Ю. В. Наши интервью). Русь традиционно заселяли землепашцы, народ издревле обрабатывал земли: *Не донской казак-хлебороб, но* ***землепашец, плугарь-землепашец****, как говорили в старину, для которого* ***земля была кормилицей*** (Дангулов С. А. Верейский).

Нам, носителям современного русского языка, практически ничего не известно о культах, распространенных у нашего народа до принятия христианства. «У русских (и, шире, у всех славян) первичным был культ почитания предков. Предки назывались обобщенно – дед и баба. Их основными функциями были функции богов: функции демиурга, функции покровителя, функции дарителя – подателя благ, функции патриарха – советчика, <…> функции судьи» [14, с. 96].

Мать-сыра-земля – богиня. «Один из древних культов Великой Богини-Матери в русском фольклоре скрыт в сакральной формуле: *Мать-сыра-земля – говорить нельзя*» [14, с. 58]. С ее именем связывают древнерусскую Макошь. Все женщины считаются ее дочерями. Рождение ребенка в этом мире ассоциируется с материнством земли: *Ох, не* ***роди*** *вас* ***на свет мать сыра земля****!* (Мельников-Печерский П. И. На горах). Мужья ее дочерей – воины-защитники земли – называются ее зятьями: *Ты скачи во станицу, конь вороной, Передай жене, отцу-матери, Что женился я на другой жене И другую себе выбрал матушку: Заручила меня пуля горская, Женила меня шашка острая,* ***Приняла в зятья мать сыра-земля****…* (Губин А. Т. Молоко волчицы). Мужем Земли-матери являлся бог Ярило: *Ликовала* ***Мать Сыра Земля*** *в счастье, в радости, чаяла, что* ***Ярилиной*** *любви ни конца, ни края нет…* (Мельников-Печерский П. И. В лесах). Люди, дети Матери-Земли и Ярилы, были детьми богов: *Плачется* ***Мать Сыра Земля****: «Не жалеешь ты,* ***Ярило****, меня, бедную, не жалеешь,* ***светлый боже, детей своих!****»* (Мельников-Печерский П. И. В лесах).

На теоморфизм земли указывает множество признаков. Земле бьют челом и ей кладут земные поклоны: *Тогда разве* ***ударю челом****, и то* ***матери сырой земле*** (Лажечников И. И. Басурман); *С другой стороны, глубокий, едва не* ***земной поклон****, которым Русалка хотел, казалось, скрыться от испытующего взора, вручение посоха и целование властительной руки* (Лажечников И. И. Басурман). Земле возносят тихую молитву, опускаясь перед ней на колени: *Есть, по старой книге. Как с цветочками встанем на коленки, ты и пошепчи в травку: «и тебе* ***мати-сыра земля****, согрешил, мол, душою и телом». Она те и* ***услышит****, и спокаешься во грехах* (Шмелев И. С. Лето Господне). Пока человек ходит по земле, его век не изжит: *А им поп причастье-то дает? – Стало быть, дает, когда* ***мать сыра-земля носит*** (Семенов С. Т. Из жизни Макарки).

Дохристианские боги мыслились по-особому: они были властителями, хозяевами. В сказах П. П. Бажова хтоническое божество гор называлось Хозяйкой Медной горы. «Хозяйка Медной горы – это дух-предок» [14, с. 58]. Земля концептуализируется признаками **повелительницы**: *Для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все* ***живут*** *одним –* ***землей****, у всех один труд – земледельческий, все говорят и делают одно – то, что* ***повелит мать сыра земля****!* (Успенский Г. И. Власть земли); **хозяйки**: *Раз он делает так, как* ***велит*** *его* ***хозяйка-земля****, он ни за что не отвечает* (Успенский Г. И. Власть земли).

В христианстве образ Земли-матери был заменен образом **Богородицы**: *Чудная Царица* ***Богородица****, Земля,* ***земля, Мати сырая****!* (Мережковский Д. С. Антихрист. Петр и Алексей). Супруг земли-матери стал уподобляться богу, царю небесному; люди – их дети: *А я, ваше благородие, с малолетствия по своей охоте суету мирскую оставил и странником нарекаюсь;* ***отец*** *у меня* ***царь небесный****,* ***мать – сыра земля****; скитался я в лесах дремучиих со зверьми дикиими, в пустынях жил со львы лютыими; слеп был и прозрел, нем – и возглаголал* (Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки).

Заключение

Изучение мифологемы *Земля-мать* показало, что в русской лингвокультуре существует устойчивый образ древней богини – Матери-сырой-земли. Этот образ воплощает черты культа, забытого вследствие смены религии. Данная мифологема актуализируется в языковом материале посредством признаков

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

мать, родительница, кормилица, повелительница, хозяйка, теща, жена бога. Мифологема как составная часть группы символических признаков входит в структуру макроконцепта *земля*. Самыми продуктивными метафорическими макромоделями являются «Земля → мать» и «Земля-мать → богиня». Языковой материал показывает, что эти модели неразрывно связаны друг с другом. Гендерные и теоморфные признаки земли можно сгруппировать в четыре основных блока:

1) земля – мать всех живущих;
2) земля – мать рождающая;
3) земля – мать кормящая;
4) земля – богиня.

Земле, как божеству, молятся, бьют поклоны. Демиургические функции земли объективируются материнским признаком *рождение*. Культ Макоши, в свою очередь, восходит к древнему культу Великой Богини-Матери. У макроконцепта *земля* отмечены признаки демиурга, покровительницы, дарительницы – подательницы благ, признаки главы рода, в которых сохраняются отголоски матриархата.

Литература

1. Пименова М. В. Гендер и концепты внутреннего мира // Мат-лы XXX Межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов (Санкт-Петербург, 1–17 марта 2001 г.) СПб., 2001. С. 42–44.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: (теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
3. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян: Поэт. воззрения славян на природу. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. III. 765 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. А. Д. Шмелева. М.: Языки славян. культуры, 2001. 287 с.
5. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира: сходства и отличия. М.: Эксмо, 2003. 541 с.
6. Голан А. Миф и символ. 2-е изд. М.: Русслит; Иерусалим: Тарбут, 1994. 371 с.
7. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. 3-е изд., доп. М.: ФЛИНТА, 2016. 134 с.
8. Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 209–215.
9. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 524 с.
10. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
11. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 127–131.
12. Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 13–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22
13. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с.
14. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. М.: ИНФРА-М, 2018. 354 с.
15. Пирманова Н. И. Культурные коннотации фразеологизмов с компонентами *свет – небо – земля*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
16. Самситова Л. Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2015. 55 с.
17. Телия В. Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 284 с.
18. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к слов. М.: Языки славян. культуры, 2002. 224 с.
19. Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М.: Диалог-МГУ, 1997. 279 с.
20. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
21. Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. 287 с.
22. Мошина Е. А. Мифологические параллели в метафорах земли в авторской картине мира М. И. Цветаевой // Языки и культура народов России и стран СНГ / под общ. ред. М. В. Пименовой. СПб.-Казань, 2019. Вып. 17. С. 91–96.
23. Мошина Е. А. Понятийная основа концепта *earth / land (земля)* в английской языковой картине мира // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 10. С. 231–239.
24. Мошина Е. А. Реализация метафорической модели *земля-мать* в русской языковой картине мира // Лингвистика XXI века: традиции и инновации / под общ. ред. М. В. Пименовой. СПб., 2019. Вып. 23. С. 135–140.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

Gender and Theomorphic Signs of the "Earth-Mother" Mythologeme in Russian Linguistic Culture

Elena A. Moshina [a, @]

[a] Military Engineering and Technical Institute of the A. V. Khrulev Military Academy of Material and Technical Support, Russia, Saint Petersburg

[@] moshina@inbox.ru

Received 27.01.2020. Accepted 18.02.2020.

Abstract: The research featured the "Earth-Mother" mythologeme within the "Earth" macroconcept structure. Earth-Mother is a well-known mythologeme widely distributed in different cultures. The present study was based on the National Corpus of the Russian Language and employed descriptive and conceptual analyses. The mythologeme proved to be embodied in the language as a whole set of metaphors that implement codes of Russian linguistic culture. They include vital, somatic, anthropomorphic, and theomorphic metaphors. The linguistic concept of Earth appeared to have the following cognitive signs: mother; caring parent; bestowal / benefactor; wet-nurse; parent; wife; mistress; lady; goddess. The theomorphism of the Earth concept was proved by its status as "the wife of God" expressed by the language formula "Mother-Wet-Earth". This name reflects the beliefs of the ancient Mokosh cult. The gender and theomorphic characteristics of the Earth-Mother overlap. As a result, the demiurgic act of creation is described by the metaphor of birth. After the adoption of Christianity, the name of the Virgin Mary began to be used instead of the name of the Mother-Wet-Earth. Moreover, the function of birth as an act of creativity was found to be preserved in the language consciousness of the Russian people. The research identified several clusters of images of the Earth-mother in the modern Russian language culture that can be classified as folklore, mythological, religious, and linguacultural.

Keywords: macroconcept, code of linguistic culture, language picture of the world, conceptual system, linguaculturology, cognitive linguistics

For citation: Moshina E. A. Gender and Theomorphic Signs of the "Earth-Mother" Mythologeme in Russian Linguistic Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 251–257. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

References

1. Pimenova M. V. Gender and concepts of the inner world. *Proc. XXX Interunivers. Sci.-Method. Conf. of teachers and graduate students,* St. Petersburg, March 1–17, 2001. St. Petersburg, 2001, 42–44. (In Russ.)
2. Vorobev V. V. *Linguaculturology: (theory and methods).* Moscow: Izd-vo Ros. un-ta druzhby narodov, 1997, 331. (In Russ.)
3. Afanasev A. N. *Myths, beliefs, and superstitions of the Slavs: Poetic views of the Slavs on nature.* Moscow: EKSMO; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2002, vol. III, 765. (In Russ.)
4. Wierzbicka A. *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese,* tr. Shmelev A. D. Moscow: Iazyki slavian. kultury, 2001, 287. (In Russ.)
5. Gachev G. D. *Mentality of the peoples of the world: similarities and differences.* Moscow: Eksmo, 2003, 541. (In Russ.)
6. Golan A. *Myth and symbol,* 2nd ed. Moscow: Russlit; Jerusalem: Tarbut, 1994, 371. (In Russ.)
7. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *The linguistic basis of the Russian mentality,* 3rd ed. Moscow: FLINTA, 2016, 134. (In Russ.)
8. Konovalova N. I. Mythologeme as a concise sacred text. *Political Linguistics*, 2013, (4): 209–215. (In Russ.)
9. Losev A. F. *Philosophy. Mythology. Culture.* Moscow: Politizdat, 1991, 524. (In Russ.)
10. Pimenova M. V. *Soul and spirit: features of conceptualization.* Kemerovo: Grafika, 2004, 386. (In Russ.)
11. Pimenova M. V. The types of concepts and the stages of conceptual research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 127–131. (In Russ.)
12. Pimenova M. V. Conceptology at the present stage (methods of investigation of conceptual structures). *Gumanitarnyi vector,* 2017, 12(5): 13–22. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22
13. Pimenova M. V. *Concepts of the inner world (Russian-English correspondence)*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2001, 497. (In Russ.)
14. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of a Russian fairy tale.* Moscow: INFRA-M, 2018, 354. (In Russ.)
15. Pirmanova N. I. *The cultural connotations of phraseological units with the components of "light" – "sky" – "earth"*. Cand. Philol. Sci. Dis. Abstr. Ekaterinburg, 2008, 24. (In Russ.)
16. Samsitova L. Kh. *Cultural concepts in the Bashkir language picture of the world.* Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ufa, 2015, 55. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257

17. Teliia V. N. *Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguacultural aspects.* Moscow: Shk. "Iazyki rus. kultury", 1996, 284. (In Russ.)
18. Shmelev A. D. *Russian language model of the world: materials for the dictionary.* Moscow: Iazyki slavian. kultury, 2002, 224. (In Russ.)
19. Golovanivskaia M. K. *French mentality from the point of view of a native speaker of the Russian language.* Moscow: Dialog-MGU, 1997, 279. (In Russ.)
20. Vorkachev S. G. *Happiness as a linguistic and cultural concept.* Moscow: Gnozis, 2004, 236. (In Russ.)
21. Kosharnaya S. A. *Myth and language: the experience of linguacultural reconstruction of the Russian mythological picture of the world.* Belgorod: Izd-vo Belgor. gos. un-ta, 2002, 287. (In Russ.)
22. Moshina E. A. Mythological parallels in land metaphors in M. I. Tsvetayeva author's picture of the world. *Languages and culture of the peoples of Russia and CIS countries*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg-Kazan, 2019, iss. 17, 91–96. (In Russ.)
23. Moshina E. A. Conceptual basis of "earth" in English linguistic picture of the world. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2019, (10): 231–239. (In Russ.)
24. Moshina E. A. Implementation of the "earth-mother" metaphorical model in the Russian language picture of the world. *Linguistics of the XXI century: traditions and innovations,* ed. Pimenova M. V. St. Petersburg, 2019, iss. 23, 135–140. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

оригинальная статья
УДК 811.133.1'25

Способы перевода французских киноназваний с антропонимами

Анна Н. Ткачева [a, @, ID]

[a] Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Россия, г. Санкт-Петербург
[@] Tkatcheva-Ann@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-1316-1247

Поступила в редакцию 06.11.2019. Принята к печати 15.01.2020.

Аннотация: Цель данной статьи состоит в анализе, классификации и описании средств перевода названий французских фильмов, содержащих антропонимы. Имя (фамилия / прозвище / псевдоним) используется для передачи дополнительной существенной оценочной характеристики персонажа и культурно-содержательной информации. Французские антропонимы в заголовках подвергаются нескольким приемам буквального перевода: этимологическая транспозиция, практическая транскрипция, морфограмматический метод, транслитерация. Утверждается, что французские имена собственные обладают специфической национально-культурной семантикой. Оригинальные антропонимы и их переводные аналоги не могут рассматриваться как тождественные взаимоэквивалентные единицы. При переводе на русский язык утрачиваются стилистические и художественные ценности, ассоциации, языковая игра, заложенные авторами в названия с антропонимами для отражения в сознании французской публики. Модифицируются названия, состоящие из французского имени и многокомпонентного текстового расширения. При модификации сокращаются языковые элементы ради благозвучия и исправления непривлекательного заголовка на русском языке. Субституция и добавление языковых деталей производятся для логичного соединения заголовка с тематикой и жанром фильма и коммерческого успеха. Заменяются названия, содержащие неизвестные русской аудитории псевдонимы и прозвища французских знаменитостей. Иногда переводчики искусственно переименовывают франкоязычные названия и намеренно заимствуют элементы из заголовков ранее выпущенных успешных картин, чтобы привлечь внимание публики. В работе применяется описательный метод, включающий классификацию и обобщение анализа переводов французских заголовков с антропонимами. Изучение приемов перевода французских личных имен имеет большое значение в вузовской практике преподавания французского языка и специальных дисциплин студентам творческих профессий кинематографа и медиаиндустрии, а также для разработки универсальных правил киноперевода.

Ключевые слова: говорящее имя, прямой перевод, транскрипция, эквивалент, трансформация, замена

Для цитирования: Ткачева А. Н. Способы перевода французских киноназваний с антропонимами // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 258–267. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

Введение

Французский кинематограф называют «реалистическим и интимистским» из-за создания многочисленных игровых фильмов, в которых изображаются люди в периоды переживания острых личных и социальных проблем [1, с. 103]. Названия подобных кинодрам часто совпадают с именем (фамилией / прозвищем / псевдонимом) героя, играющего главную или весьма значительную роль в сюжете. Если в повседневном общении смысл личного имени не играет большой роли, то в художественных фильмах имя является важнейшей характеристикой вымышленного персонажа, сообщая его этническую и социальную принадлежность, а зачастую и большое количество добавочной информации: типизацию или уникальность [2, с. 55]. По замыслу авторов, имя персонажа выбирается с учетом национальных антропонимических норм и художественной целесообразности.

Наиболее важной и востребованной частью перевода является заголовочный текст. Вследствие растущего числа французских фильмов в отечественном кинопрокате и незатухающего интереса к переводу названий за последние годы появилось несколько исследований, посвященных переводу французских кинозаголовков на русский язык [3–6]. Однако среди них нет работ, в которых перевод названий с антропонимами был бы предметом специального изучения. «Антропонимы, включающие в себя имена, фамилии, прозвища персонажей, являются важным элементом перевода. Корректная передача антропонимов позволяет правильно понять концепцию… авторов» [7, с. 558]. Таким образом, исследование приемов передачи французского именослова при переводе киноназваний представляется актуальным и новым. Цель данной статьи состоит в описании способов перевода названий, содержащих антропонимы. Достижение этой цели осуществляется посредством решения следующих задач: 1) составить список франкоязычных названий с антропонимами; 2) исследовать переводы оригиналов на русских язык; 3) выделить основные применяемые стратегии перевода; 4) количественно и качественно охарактеризовать переводные заголовки.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

Французские кинозаголовки и их переводные эквиваленты, выбранные с сайта *kinopoisk.ru*[1], стали объектом рассмотрения в данной статье. Предметом исследовательского интереса послужили 123 названия, которые включают в себя имена собственные (фамилии / прозвища / псевдонимы). В работе применяется описательный метод, включающий классификацию и обобщение анализа переводов оригиналов. Изучение способов перевода французских имен собственных имеет большое значение в вузовской практике преподавания французского языка и специальных дисциплин студентам творческих профессий кинематографа и медиаиндустрии, а также для разработки универсальных правил кинопереводa.

Как правило, российские переводчики, работая с названиями кинолент, прибегают к трем видам перевода: 1) буквальному / прямому переводу; 2) трансформации; 3) целостному преобразованию [8]. Буквальный перевод предполагает полное совпадение переводного и исходного текстов. При трансформации некоторые элементы иноязычного названия замещаются релевантными для языка перевода единицами (с точки зрения культуры, социальной психологии, функционально-стилистического стиля, норм языка и др.). При целостном преобразовании образуются новые названия, не имеющие ничего общего с оригиналами. Все виды перевода (буквальный, трансформация, преобразование) являются естественными характеристиками переводческой деятельности. При этом переводчик становится своеобразным посредником между текстом исходного языка и текстом языка перевода. Филологи считают потери, сдвиги, приращения элементов плана содержания переводного текста по отношению к исходному тексту неизбежными и объясняют их речевыми и социокультурными нормами принимающего языка [9, с. 89].

В статье приводятся результаты сравнительно-сопоставительного анализа заголовков, проведенного по трем главным лингвистическим стратегиям перевода.

Буквальный (прямой) перевод

Проведенное исследование показало, что оригинальные кинозаголовки с именами собственными, идентифицирующими главных героев, подвергаются прямому переводу в 57 % случаев (70 названий из проанализированных 123). Это вполне согласуется с мнением ученых о том, что прямой дословный перевод применяется чаще всего, если «название фильма представлено именем главного персонажа» [10, с. 26]. Франкоязычные заголовки, которые подвергаются буквальному переводу на русский язык, чаще всего состоят только из языковых единиц одного грамматического статуса, т. е. имени собственного: *Lucas* (Лукас) (реж. Ж. Леклерк, 2018); *Arlette* (Арлетт) (реж. К. Зиди, 1997), или же включают в себя личные имена двух героев и соединительный союз: *Marius et Jeannette* (Мариус и Жаннетт) (реж. Р. Гедигян, 1997). Реже в названиях используются слова разного грамматического статуса: *Le Genou De Claire* (Колено Клер) (реж. Э. Ромер, 1970).

Каждый народ обладает собственным инвентарем личных имен. Именослову присуща связь с народом, с национальными традициями и культурой. Считается, что ономастическая лексика образует «особое национально-культурное пространство, единое для конкретного языкового коллектива» [11, с. 27–28]; «содержит богатую информацию, как языковую, так и внеязыковую» [12, с. 14]; отражает историю народа, культуру данной региональной территории [13, с. 491]; является загадкой, каламбуром или шифровкой, которую можно раскрыть, опираясь на общеязыковые и психологические коннотации имен собственных в сознании народа [14, с. 147].

По форме имен зрительская публика может определить национальную принадлежность героев картин. Ученые называют форму имени «фактором идентификации», указывая на принадлежность формы антропонима к определенному этносу и языку [15, с. 78]. Многие французские женские имена заканчиваются на непроизносимое *-e*: *Celine et Julie vont en bateau* (Селин и Жюли совсем заврались) (реж. Ж. Риветт, 1974); *Je vous salue, Marie* (Приветствую тебя, Мария) (реж. Ж.-Л. Годар, 1985). Антропонимы *Celine, Julie, Marie*, согласно статистическим данным, входят в список наиболее популярных французских женских имен[2]. Называя своих героев распространенными и актуальными на территории Франции именами, французские авторы кинолент (режиссеры / сценаристы) изображают собирательный портрет типичного современного француза (француженки).

По замыслу авторов, персонаж с уникальным именем (модным или иностранным) должен существенно отличаться от характерного французского жителя по какому-либо признаку: мировоззрением, образом мыслей, жизненной позицией, культурными нормами, положением в обществе. Нестандартное имя намекает на неординарность героя, его общественную и личностную эксклюзивность. Так, эволюционной тенденцией последних десятилетий во Франции стала латинизация женских имен (мода на женские имена с окончанием на букву *-a*). Мода в образовании и употреблении французского именослова отражается в наименовании девочек и экстравагантных персонажей картин [16, с. 57–58]:

- *Eva* (Ева) (реж. Б. Жако, 2018): *Eva* вместо *Ève*.
- *Barbara* (Барбара) (реж. М. Амальрик, 2017): *Barbara* вместо *Barbe*;
- *Viva Maria!* (Вива, Мария!) (реж. Л. Маля, 1965): *Maria* вместо *Marie*.

Герои французских фильмов могут носить иностранные имена, что показывает их нефранцузское происхождение. В этом проявляется культурно-этническая взаимосвязь французского народа с другими этносами [13, с. 491]:

- *Антониета* (Antonieta) (реж. К. Саура, 1982): *Antonieta* – испанское имя. По сюжету драмы французская писательница пишет книгу о яркой и сложной судьбе мексиканской танцовщицы;

[1] Кинопоиск. Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/ (дата обращения: 19.10.2019).

[2] Французские имена // Европейские имена: значение и происхождение. Режим доступа: http://kurufin.ru/html/french.html (дата обращения: 19.10.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

- *Stella* (Стелла) (реж. С. Верейд, 2008): *Stella* – латинское имя. Фильм повествует о жизни Стеллы, дочери польских иммигрантов, проживающих в рабочем парижском квартале;
- *Dheepan* (Дипан) (реж. Ж. Одиар, 2015): *Dheepan* – фамилия беженца из Шри-Ланки. Картина описывает перипетии иммиграции героя во Францию.

Нетрадиционное для французов имя указывает не только на иностранное происхождение персонажа, но и на религиозную принадлежность героя, его социальную характеристику и общественное положение. По большей части в упомянутых выше фильмах главные герои – представители другой (нефранцузской) культуры, носители чуждых французам эстетических норм и моделей поведения.

Из имен и фамилий можно извлечь множественные национально-культурные сведения. Например, фамилии персонажей могу указывать на место их проживания [17, с. 259]:

- *Valmont* (Вальмон) (реж. М. Форман, 1989): фамилия *Valmont* распространена на северо-западе Франции, департаменте Кальвадос региона Нормандия [14];
- *Mademoiselle de Joncquieres* (Мадемуазель де Жонкьер) (реж. Э. Муре, 2018): фамилия *Joncquieres* распространена в Гаскони (Окситания) и Руссильоне, провинциях южной Франции [14].

Равным образом личные имена могут свидетельствовать о времени и месте рождения героев: *Tanguy* (Танги) (реж. Э. Шатилье, 2001): имя *Tanguy* традиционно бретонское (региональный язык жителей Бретани северо-запада Франции)[3].

Антропонимы проливают свет на происхождение героев: *Juillet en septembre* (Жюйе в сентябре) (реж. С. Жапризо, 1988). В кинокартине девочка, найденная в июле, получила фамилию Жюйе (слово *juillet* означает июль). Во Франции традиционно обнаруженным и рожденным детям часто дают фамилии (клички), созвучные названию месяца. Могут быть фамилии или прозвища *février* (февраль), *juin* (июнь), *mars* (март), *septembre* (сентябрь) и т. д. [18].

В персонажных названиях регулярно используются уменьшительные или краткие формы французских имен:

- *Jacquot de Nantes* (Жако из Нанта) (реж. А. Варда, 1991): краткое *Jacquot* от *Jacques*;
- *Quatre aventures de Reinette et Mirabelle* (Четыре приключения Ренетт и Мирабель) (реж. Э. Ромер, 1987): краткое *Reinette* от *Régine*;
- *Fanny* (Фанни) (реж. Д. Отой, 2013): уменьшительное *Fanny* от *Stéphanie*.

Французские уменьшительно-ласкательные имена собственные, как правило, обладают эмоциональным компонентом и выражают субъективное отношение к герою со стороны других персонажей или авторов киноленты.

Имена (фамилии / прозвища / псевдонимы) являются одним из важнейших средств построения ярких запоминающихся художественных образов. Антропонимы в своей изначальной языковой среде наделены культурно значимой символикой и обладают эмоционально-оценочным значением. Российские зрители, малознакомые с национальной и языковой французской культурой, не владеющие всей культурно-исторической информацией об иностранном ономастиконе, не могут знать степень популярности имен (французских и нефранцузских) на территории Франции, национальной содержательной информации, заложенной в антропонимах, оттенки значений кратких вариантов личных имен и т. д.

Кроме того, антропонимы в произведениях призваны порождать в сознании франкоязычной публики сеть ассоциаций (исторических, мифологических, религиозных, литературных и политических). Именно вокруг имен собственных происходит средоточие фоновых знаний, значение которых определяется типизированным образом, сложившимся в национальном сознании [15, с. 78]. При наименовании героев авторы могут проводить параллель с каким-либо известным французской аудитории персонажем литературы, например: *Nana* (Нана) (реж. В. Массадян, 2011). Сюжет драмы разворачивается вокруг маленькой девочки по имени Нана, проживающей в деревне. Название отсылает к одноименным французским фильмам: *Nana* (Нана) (реж. Ж. Ренуар, 1926); *Nana* (Нана) (реж. Э. Молинару, 2001) и роману Э. Золя.

В рамках прямого перевода применяют несколько приемов передачи имен.

1. **Принцип этимологического соответствия (транспозиция)**, который заключается в том, что имена собственные в разных языках, различающиеся по форме, но имеющие общее лингвистическое происхождение, являются друг для друга регулярными соответствиями [19, с. 80].

В русском и французском языках существуют именные параллели библейского и греко-латинского происхождения. Ученые объясняют их наличие тесными связями славянязычников с греками и заимствованием византийских имен Западной Европой [20, с. 15]. Традиционно французские женские имена заканчиваются на непроизносимое *-e*, а русские – на *-a*. Звуковое и формальное своеобразие антропонимов идентифицирует национальную антропонимическую систему и культуру:

- *Marguerite* (Маргарита) (реж. К. Джанноли, 2015);
- *Alice* (Алиса) (реж. С. Балльо, 2002).

Французское имя, переведенное русской этимологически тождественной единицей, искажает этническую принадлежность героя, национальный и исторический колорит произведения. Антропонимы русского и французского языков в произведениях культуры и искусства не могут быть тождественными и взаимоэквивалентными единицами, потому что не имеют точного смыслового соответствия. Русское имя сигнализирует о принадлежности героя к русской культуре и выражает коннотативное значение, сформированное в российской культурной среде.

[3] Там же.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

2. **Морфограмматический метод**, при котором французское имя подстраивается под русскую традицию образования женских имен:

- *Babette s'en va-t-en guerre* (Бабетта идет на войну) (реж. Кристиан-Жак, 1958);
- *Aloïse* (Алоиза) (реж. Л. де Кермадек, 1975).

Лингвисты называют модификацию иностранного антропонима с целью вписать его в систему русского языка «морфограмматическим методом» и не включают его в полноценный перевод имени [21, с. 199].

3. **Комбинация транслитерации и транскрипции.** Метод включает в себя передачу звуковой оболочки франкоязычного слова и сохранение некоторых элементов транслитерации: написание «буквами (символами) принимающего языка на основе заранее установленной единообразной системы их соответствия буквам и буквосочетаниям исходного языка» [22, с. 19]. Буквы латиницы и кириллицы, имеющие исторически общее происхождение, соотносят друг с другом исходя из тех звуков, которые они регулярно обозначают: *Marvin ou la belle éducation* (Марвин, или прекрасное воспитание) (реж. А. Фонтен, 2017): Марвин вместо Марвэн.

4. **Практическая транскрипция (транскрибирование),** унифицированные правила которой предполагают запись франкоязычных слов посредством русского алфавита с учетом их произношения [23, с. 32]. Чаще всего названия с антропонимами подвергаются практической транскрипции (транскрибированию): 82 % случаев (58 из 70 заголовков, подвергшихся прямому переводу). Особенность практической транскрипции состоит в том, что при передаче на русский язык французские имена сохраняют свой первоначальный звуковой облик. Транскрипция учитывает факт того, как французские графемы и графические сочетания произносятся в каждом конкретном случае. Названия с «французским акцентом» передают национальный колорит фильма:

- *Julie Lescaut* (Жюли Леско) (реж. Л. Голденберг, П. Акнин, Ж. Дайан, 1992–2014);
- *Lacombe Lucien* (Лакомб Люсьен) (реж. Л. Малем, 1975).

Переводчики сохраняют звуковой облик передаваемого слова, несмотря на наличие в русском языке стойкого эквивалента:

- *Robert Et Robert* (Робер и Робер) (реж. К. Лелуш, 1978): *Робер*, а не русское *Роберт*;
- *Edouard est marrant* (Эдуар смешон) (реж. Р. Либман, 2002): *Эдуар*, а не русское *Эдуард*.

Следует отметить, что в современной переводческой практике все традиции передачи имени равноправны. Выбор между несколькими вариантами перевода французского имени на русский язык зависит от личного вкуса и пристрастий переводчика. Можно обнаружить, что одно и то же французское имя передается по-разному (с добавлением окончания *-а* и с буквальным звуковым произношением оригинального имени):

- *Violette Nozière* (Виолетта Нозьер) (реж. К. Шаброль, 1978) и *Violette* (Виолетт) (реж. М. Прово, 2013);
- *Juliette ou la Clé des songes* (Жюльетта, или Ключ к сновидениям) (реж. М. Карне, 1951) и *Juliette* (Жюльетт) (реж. Ж. Фулон, 1999).

При помощи практической транскрипции сохраняется национальная специфика иностранных (нефранцузских) имен:

- *Sam suffit* (Сэму достаточно) (реж. В. Теневе, 1992): имя *Сэм* – английское произношение;
- *Frantz* (Франц) (реж. Ф. Озон, 2016): имя *Frantz* – немецкое произношение.

Также методом транскрибирования передаются образные прозвища и говорящие имена. Проведенный анализ выявил 9 французских кинозаголовков, содержащих клички (прозвища / говорящие имена). В основном говорящие имена и клички используются для создания более яркого образа героя [24, с. 120]. Они указывают на отличительные качества персонажа и становятся как бы эпиграфом к образу [25, с. 45]. В говорящих именах преобладает эмоционально-оценочное значение [26, с. 76]. Перевод при помощи практической транскрипции антропонимов с эмоционально-оценочным значением образа персонажа искажается и даже вызывает ложные аналогии и ассоциации у русскоязычной публики:

- *Blanche et Marie* (Бланш и Мари) (реж. Ж. Ренар, 1985): французское прозвище *Blanche* используется в отношении женщин с белым цветом кожи [18, p. 46];
- *Belle et Sébastien* (Бель и Себастьен) (реж. Н. Ванье, 2013): по-французски *Belle* означает красавица, прозвище дают красивым девушкам [18, p. 33], в фильме так называют огромную собаку-чудовище;
- *Chouchou* (Шу-шу) (реж. М. Аллуаш, 2003). Драма о юноше по кличке *Chouchou*. Буквально слово *chouchou* обозначает любимчик. Прозвище героя коррелирует с сюжетными коллизиями героя в киноленте.

Имена *Blanche* и *Belle* характеризуют персонажей по внешнему признаку, а *Chouchou* выражает оценку изображаемого героя со стороны других персонажей.

У говорящих имен «помимо прямого смысла, есть другой, непосредственно связанный с ассоциациями, понятными лишь данному национально-культурному кругу» [27, с. 230]. Названия с говорящими именами содержат элементы языковой игры, что требует их разгадывания. При этом специфика языковой игры определяется психолингвистическими особенностями восприятия антропонимов носителями языка [28, с. 42].

Транскрибирование и транслитерация передают звуковую и буквенную оболочку слов, но не передают семантики и национально-культурной специфики значения. При всех моделях передачи антропонимов своеобразие и аллюзии на литературные произведения или знаменитые личности утрачиваются. При буквальной звуковой или буквенной точности оригинала перевод снабжает отечественного зрителя непонятной бессмысленной информацией и порождает

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

неудобопроизносимые или неблагозвучные имена [29, с. 50]. Перенос имени на другую лингвистическую почву не только не облегчает, но и затрудняет идентификацию носителя имени, создает ложные ономастические реалии и серьезно искажает восприятие иноязычной культуры [30, с. 5].

Адекватное восприятие идей французских кинорежиссеров требует от русскоговорящей публики глубоких знаний французских национально-культурных реалий и языка, поэтому переводческие потери при передаче личных имен не предотвратимы и носят объективный характер. Можно усомниться в том, что возможно максимально приблизить языковое воплощение авторского художественного посыла к языку принимающей культуры.

Итак, антропонимы аккумулируют определенную национально-лингвокультурную информацию. Очевидно, что существующие традиции перевода антропонимов не достигают равнозначности по содержательным параметрам. Переведенные названия с именами собственными не сохраняют всех функций (идентификации, содержательной), стилистических и художественных ценностей. Восприятие переводных заголовочных текстов в русскоязычной среде неидентично восприятию исходных единиц во франкоязычной среде.

Трансформация (модификация)

Около 28 % (35 заголовков) французских киноназваний с антропонимами подвергаются разнообразным трансформациям, итогом которых становится частичное несходство исходных и переводных текстов. Модифицируются чаще названия, состоящие из франкоязычного имени и многокомпонентного текстового расширения. При модификации наблюдаются потери, вызванные сокращением дополнительных текстовых комментариев к антропониму:

- *Les Aventures extraordinaires d'Adèle Blanc-Sec* (реж. Л. Бессон, 2010) – *Необычайные приключения Адель* вместо *Необычайные приключения Адель Блан-Сек*;
- *Madame Mills, une voisine si parfaite* (реж. С. Марсо, 2018) – *Миссис Миллс* вместо *Миссис Миллс, такая идеальная соседка*).

Объяснить опущения в переводах можно субъективными факторами. На переводческое решение могут влиять эстетические вкусы переводчиков (локализаторов / менеджеров по прокату), когда исправляется непривлекательный заголовок, сокращается громоздкое название или признается несущественной и исключается некоторая информация, содержащаяся в названии: *Lovely Rita, sainte patronne des cas désespérés* (реж. С. Клавье, 2007) – *Милашка Рита вместо Милашка Рита, святая покровительница безнадежных дел.*

Приращение элементов плана содержания переводного текста по отношению к исходному тексту можно объяснить необходимостью жанровой адаптации, чтобы привлечь потенциальных зрителей. Для устранения жанровой неопределенности переводной текст обогащается словами, сигнализирующими о сюжетно-событийной сущности произведения. Вводимые короткие комментарии выступают в качестве дополнений к исходному заголовку. Добавочные текстовые комментарии к французскому имени настраивают аудиторию на определенную эмоциональную тональность:

- *Fabio Montale* (реж. Ж. Пинейро, 2001–2002) – *Комиссар Монтале*: *Смертельные игры* вместо *Фабио Монтале*, детектив;
- *Renoir* (реж. Ж. Бурдо, 2012) – *Ренуар. Последняя любовь* вместо *Ренуар,* мелодрама;
- *Remi sans famille* (реж. А. Блоссье, 2018) – *Приключения Реми* вместо *Реми без семьи*, приключения;
- *Jean de la Fontaine, le défi* (реж. Д. Вин, 2007) – *Жан де Лафонтен – вызов судьбе* вместо *Жан де Лафонтен, вызов*, драма.

Переводчики посчитали существенным введение ключевых слов (комиссар, любовь, приключения, судьба) в русские версии для восполнения смысловой и жанровой недостаточности оригиналов. Новые компоненты к французскому оригиналу позволяют создать жанровое название (приключение, ромком, детектив, драма), передающее суть фильма и сообщающее, о чем он.

Однако цель введения интерпретирующих языковых деталей состоит не только в том, чтобы определить сюжетную и жанровую характеристику фильма. Вводимые слова гарантируют востребованность и коммерческий успех киноленты, поскольку побуждение (воздействие) к просмотру осуществляется часто через эффектный и заметный заголовок, способный возбудить интерес публики:

- *Paulette* (Полетта. Во все тяжкие) (реж. Ж. Энрико, 2012);
- *Amanda* (Новая жизнь Аманды) (реж. М. Херс, 2018).

Трансформация «усиливает рекламную функцию заголовка, … позволяет сделать заголовок более звучным и запоминающимся для потенциальной аудитории» [31, с. 173].

Субституция (замещение) лексических единиц также используется для создания аттрактивных названий. Переводчики (кинодистрибьютеры) используют слова, которые могут привлекать внимание реципиентов, вызывать желаемые аналогии и эмоциональную реакцию:

- *Lucie Aubrac* (реж. К. Берри, 1997) – *Война Люси* вместо *Люси Обрак*;
- *Gainsbourg, vie heroïque* (реж. Ж. Сфар, 2010) – *Генсбур. Любовь хулигана* вместо *Генсбур, героическая жизнь.*

К модификации текстовых компонентов прибегают в рекламных и коммерческих целях. Опущение, расширение, субституция языковых компонентов вызваны желанием переводчика придать названию больше ясности, яркости или же в целях раскрыть жанр (важный аспект) картины.

Целостное преобразование (замена)

Стратегия полной замены исходных заголовочных текстов с антропонимами применяется редко, что демонстрирует незначительное количество единиц в собранном материале.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

При переводе полностью заменяется примерно 15 % заголовков (18 названий из 123). При полном переименовании образуются новые названия, не имеющие ничего общего с оригиналом.

Возможно, что фактором, определяющим реконструкцию оригинала, является благозвучие заголовка. Замена антропонимов продиктована желанием сделать заголовочный текст проще и понятнее для российской аудитории. Как правило, для создания нового заглавия берется основная идея фильма:

- *Ombline* (реж. С. Каз, 2012) – *Я стану лучше* вместо *Омблайн*;
- *Anthony Zimmer* (реж. Ж. Саль, 2005) – *Неуловимый* вместо *Энтони Зиммер*.

Меняются заголовки с прозвищами реальных исторических личностей, которые известны любому носителю французского языка, но совершенно неизвестны в принимающей русскоязычной культуре:

- Cloclo (Мой путь) (реж. Ф.-Э. Сири, 2012): дословно – Клокло, биографическая драма о жизни французского певца Клода Франсуа (*Cloclo* – прозвище);
- *Victor Young Perez* (Жестокий ринг) (реж. Ж. Уаниш, 2013): дословно – *Виктор «Янг» Перес*, картина о трагичной судьбе тунисского боксера по имени Виктор Юнки, проживающего в Париже с 1930-х гг. (Янг – прозвище; Перес – псевдоним);
- *La Môme* (Жизнь в розовом цвете) (реж. О. Даан, 2007): буквально – *Малышка*, фильм о жизни певицы Эдит Пиаф, которая в начале своей карьеры выступала под псевдонимом *Малышка* (*La Môme* – псевдоним).

Псевдоним отличается от других типов антропонимов тем, что выбирается самостоятельно, в то время как личное имя человеку дают родители, прозвище – со стороны, а фамилия передается по наследству [32, с. 155].

Псевдонимы и прозвища французских звезд относятся к непереводимым национально-специфическим реалиям. В случаях перевода названий, содержащих подобные компоненты, переводчики вынуждены придумывать новые заголовки, опираясь на какой-то другой аспект содержания картины, а не подыскивать максимально подходящий по смыслу эквивалент.

Переводчики могут перекодировать оригиналы, чтобы намекнуть на сюжет, например: *Edmond* (Сирано. Успеть до премьеры) (реж. А. Михалик, 2018). Имя *Edmond* для русской публики малосодержательно. Заголовочный текст *Сирано. Успеть до премьеры,* наоборот, вызывает ассоциации с классической театральной драмой «Сирано де Бержерак». Несмотря на популярность пьесы в России, немногие отечественные зрители знают, что ее создателем был французский драматург Эдмон Ростан. Исторический фильм А. Михалика рассказывает об истории написания и первой постановки пьесы.

Замена названий может быть продиктована требованиями маркетинга. Российские дистрибьюторы преобразуют название, чтобы фильм заинтересовал потенциальных зрителей и принес наибольшую прибыль. При переименовании локализаторы сосредотачиваются на коммерческой стороне проката с учетом содержания картины. Для увеличения спроса на продукцию у как можно большего количества реципиентов менеджеры по прокату намеренно искажают название, эксплуатируя названия ранее выпущенных успешных картин [33, с. 103]. Благодаря зрительским ожиданиям, связанным с наделением картин знакомыми повествовательными ходами, фильмы получают гораздо большее распространение и более высокие кассовые сборы:

- *Joséphine* (реж. А. Абадья, 2018) – *Хочу как Бриджет* вместо *Жозефин*;
- *Clara Sheller* (2005–2008) – *Секс в большом Париже* вместо *Клара Шеллер.*

Русские заголовки данных фильмов ассоциируются с сюжетными и стилистическими признаками популярных американских фильмов «Дневник Бриджит Джонс» и «Секс в большом городе». Цель намеренного искажения франкоязычных названий заключается в том, чтобы «зритель заметил сходство с предыдущей историей» и «принял решение посмотреть картину, базируясь на своем предыдущем положительном опыте» [34, с. 451].

Таким образом, франкоязычные названия с антропонимами целенаправленно подвергаются перевыражению для благозвучия и прельщения публики с опорой на культурные фоновые знания русскоговорящей публики. Решающую роль в трансформации и замене заголовочного текста играет не переводчик, а прокатчик, который действует исходя из принципа коммерческой привлекательности названия.

Заключение

Имя собственное (фамилия / прозвище / псевдоним) используется как художественный прием для дополнительной существенной оценочной характеристики персонажа и передачи культурно-содержательной информации. Оригинальные франкоязычные кинозаголовки с антропонимами подвергаются буквальному переводу в 57 % случаев. Существующие методы передачи антропонимов (этимологическая транспозиция, практическая транскрипция, морфограмматический метод, транслитерация) не передают ассоциаций и языковой игры, задуманных авторами для отражения в сознании национальной публики. Восприятие исходных антропонимов во франкоязычной культуре не тождественно восприятию переводных аналогов в русскоязычной среде. Антропонимы следует признать безэквивалентными культурно-специфическими элементами.

Трансформируется 28 % французских киноназваний, состоящих из французского имени и многокомпонентного текстового расширения. При модификации наблюдается сокращение некоторых языковых компонентов для благозвучия и исправления непривлекательного заголовка. Субституция и добавление языковых деталей производятся ради логичного соединения с тематикой и жанром фильма и коммерческого успеха.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

Около 15 % киноназваний с антропонимами в переводе на русский язык имеют название, кардинально отличающееся от оригинального. Перекодируются кинозаголовки, содержащие неизвестные русской аудитории псевдонимы и прозвища французских знаменитостей. Также наблюдается искусственная и намеренная целостная реконструкция франкоязычных названий с антропонимами для побуждения русскоговорящих потенциальных зрителей к просмотру фильма.

Литература

1. Брагинский А. В. Французское кино в европейском контексте // Современная Европа. 2002. № 2. С. 96–105.
2. Белова Ю. Г. Семантические приращения при переводе «говорящих» имен собственных // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3. С. 55–58.
3. Анисимов В. Е. Особенности перевода франкоязычных кинозаголовков: прагматический аспект // Гуманитарные технологии в современном мире: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 17–19 мая 2018 г.) Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. С. 206–208.
4. Прокопчук А. С. Лингвокультурные проблемы перевода названия (на материале фильма «Intouchables») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2016. № 14. С. 174–177.
5. Фролова Ю. Б. Реализация переводческих трансформаций при переводе на русский язык названий французских кинофильмов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. № 2. С. 34–38.
6. Ткачева А. Н. Особенности российской локализации французских кинозаголовков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 2. С. 144–148. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.31
7. Фомин А. Г., Чоботар В. И. Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 558–564. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-558-564
8. Коротаева Е. В. Перевод названий фильмов // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 59–61.
9. Самарская Т. Б., Мартиросьян Е. Г. Перевод как объект теоретических исследований // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 3. С. 86–92.
10. Середа Е. Стратегии адаптации при переводе фильмонимов с английского языка на русский // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2018. № 4. С. 24–33.
11. Горбунов Ю. И. Лингвостилистический потенциал антропонимов в языке современной французской прессы // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 4. С. 27–35.
12. Ариткина А. А. Характеристика французской антропонимики // Scripta manent. 2016. № 22. С. 13–21.
13. Белова М. А. Имена собственные в фоновых знаниях носителей языка и культуры // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. М.: РГУП, 2018. Вып. 8. С. 484–492.
14. Скрыльник А. В. Способы перевода антропонимов с английского на немецкий и русский языки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1. С. 146–150.
15. Семёнова М. Б. Имя собственное как носитель этнической информации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 616. С. 77–82.
16. Бойчук И. В., Лавриненко А. О. Французские личные имена и закономерности их адаптации в русском языке // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 57–61.
17. Котляр Н. А. Этимологические классы французских фамилий в историческом развитии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 259–261.
18. Dauzat A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. Paris: Larousse, 1989. 626 p.
19. Соломыкина А. С., Каширина Н. А. Способы перевода имен собственных на материале американской публицистики // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7-1. С. 80–81.
20. Ярмухаметова А. Р. Русские и французские антропонимы (сопоставительный аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Чебоксары, 2013. 24 с.
21. Новичков А. А. Передача антропонимов при переводе произведений жанра фэнтези // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 1. № 17. С. 199–206.
22. Ермолович Д. И. О пользе транслитерации // Тетради переводчика. Вып. 25 / под. ред. С. Ф. Гончаренко. М.: МГЛУ, 2004. С. 19–32.
23. Панкратова С. А., Колганова Е. Е. Транскрибирование в переводе киноназваний // Лексикографическая копилка / под ред. В. В. Гончаровой. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 29–34.
24. Явари Ю. В., Шилова О. Г. Перевод как способ передачи имен собственных на другой язык // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 119–126.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

25. Сабынина К. И. «Говорящие» имена как переводческая проблема // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. 2018. № 5. С. 44–48.
26. Литвинова М. Н., Пинягин Ю. Н. Говорящее имя собственное как объект перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 76–79.
27. Шимик-Козачко П. Адаптированные названия англоязычных фильмов в переводе на польский и русский языки // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 225–238.
28. Александрова Е. М. Особенности создания языковой игры с использованием антропонимов // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4. С. 39–42.
29. Потапова С. Ю. Переводоведческая ономастика: вызовы преподавателям и лексикографам // Иностранные языки в высшей школе. 2014. № 3. С 49–53.
30. Фефелов А. Ф. Имена собственные и названия в межкультурной коммуникации и переводе. Новосибирск: НГУ, 2017. 250 с.
31. Анастасян С. А. Основные стратегии перевода названий фильмов // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2011. № 6. С. 172–175.
32. Котляр Н. А. Французские псевдонимы как класс антропонимов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 154–158.
33. Ткачева А. Н. Названия французских фильмов и их русские переводы как творчество с аттрактивными задачами // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 4. С. 97–104.
34. Анисимов В. Е., Борисова А. С., Консон Г. Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 435–459. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459

French Film Titles with Anthroponyms: Translation Issues

Anna N. Tkacheva [a, @, ID]

[a] St. Petersburg State University of Film and Television, Russia, St. Petersburg

[@] Tkatcheva-Ann@yandex.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0002-1316-1247

Received 06.11.2019. Accepted 15.01.2020.

Abstract: The research objective was to analyze, classify, and describe the ways of translation of French film titles that contain anthroponyms. Proper names (surnames, nicknames, or pseudonyms) are used to add additional characteristics to the personage or to express some cultural information. The principles of translation of French anthroponyms into Russian include etymological transposition, practical transcription, morphographic method, and transliteration. The anthroponyms do not correspond semantically in different languages. Therefore, they cannot be considered identical equivalents. When translated from French into Russian, anthroponym-containing film titles often lose their stylistic and artistic value, associations, or puns. As a rule, such titles are transformed using reduction, substitution, or addition of some language elements. The transformation serves to correct a seemingly unattractive title, to link the title to the topic and genre, or to achieve commercial success. Titles with pseudonyms and nicknames of French celebrities always undergo some kind of transformation. Sometimes, translators change the title completely or borrow some elements from commercially successful films to attract the attention of the potential audience. The research results can be applied to train specialists of cinema and media industry and teach them French, as well as to develop universal rules of cinema translation.

Keywords: token name, direct translation, transcription, equivalent, transformation, replacement

For citation: Tkacheva A. N. French Film Titles with Anthroponyms: Translation Issues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 258–267. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

References

1. Braginskii A. V. French cinema in the European context. *Contemporary Europe*, 2002, (2): 96–105. (In Russ.)
2. Belova Y. G. Semantic increments in "tell-tale" names translation. *Bulletin of the Cherepovets State University,* 2009, (3): 55–58. (In Russ.)
3. Anisimov V. E. Features of French titles translation: pragmatic aspect. *Humanitarian technologies in the modern world*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Kalinigrad, 17–19 May, 2018. Kaliningrad: Zapadnyi filial RANKhiGS, 2018, 206–208. (In Russ.)
4. Prokopchuk A. S. Linguistic and cultural translation problems of "Intouchables" film. *Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*, 2016, (14): 174–177. (In Russ.)
5. Frolova Yu. B. Translation transformations in rendering the names of French movies into Russian. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2009, 9(2): 34–38. (In Russ.)
6. Tkacheva A. N. Features of the Russian localization of the French film titles. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki,* 2019, 12(2): 144–148. (In Russ.) DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.31
7. Fomin A. G., Chobotar V. I. Anthroponyms in fantasy fiction and computer games: approaches to translation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 558–564. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-558-564
8. Korotaeva E. V. Translation of film titles. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo universiteta. Seriia: Obshchestvenno-politicheskie i gumanitarnye nauki*, 2012, (1): 59–61. (In Russ.)
9. Samarskaya T. B., Martirosyan E. G. Translation as object of theoretical researches. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Filology and the Arts*, 2018, (3): 86–92. (In Russ.)
10. Sereda E. Adaptation strategies in translation of film titles from English into Russian. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniia i ekonomiki*, 2018, (4): 24–33. (In Russ.)
11. Gorbunov Yu. I. Linguo-stylistic potential of antroponyms in the language of modern French press. *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev*, 2018, 1(4): 27–35. (In Russ.)
12. Aritkina A. A. Characteristic of the French antroponimic. *Scripta manent*, 2016, (22): 13–21. (In Russ.)
13. Belova M. A. Proper names in background knowledge of native speakers and culture. *Organization of educational and educational work at the university*. Moscow: RGUP, 2018, iss. 8, 484–492. (In Russ.)
14. Skryl'nik A. V. The ways of anthroponyms translation from English into German and Russian. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (3-1): 146–150. (In Russ.)
15. Semyonova M. B. Proper names as a sourse of ethnic information. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta,* 2011, (616): 77–82. (In Russ.)
16. Boichuk I. V., Lavrinenko A. O. French proper names and factors of their adaptation in the Russian language. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2017, (1): 57–61. (In Russ.)
17. Kotlyar N. A. Etymological classes of French family names in historical development. *Theory and Practice of Social Development,* 2012, (1): 259–261. (In Russ.)
18. Dauzat A. *Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France*. Paris: Larousse, 1989, 626.
19. Solomykina A. S., Kashirina N. A. Methods of translation of proper names in the case of American press. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2013, (7-1): 80–81. (In Russ.)
20. Yarmuhametova A. R. *Russian and French anthroponyms (comparative aspect)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Cheboksary, 2013, 24.
21. Novichkov A. A. Translation of fantasy genre personal names. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, 1(17): 199–206. (In Russ.)
22. Ermolovich D. I. On the advantage of transliteration. *Translator's notebooks*, ed. Goncharenko S. F. Moscow: MGLU, 2004, iss. 25, 19–32. (In Russ.)
23. Pankratova S. A., Kolganova E. E. Transcription in filmonyms' translation. *Lexicographic Bank*, ed. Goncharova V. V. St. Petersburg: SPbGEU, 2019, 29–34. (In Russ.)
24. Yavari Yu. V., Shilova O. G. Translation as a means of proper names transition. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriia: Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki*, 2018, (1): 119–126. (In Russ.)
25. Sabynina K. I. Charactonyms as a translation problem. *Perevod i mezhkulturnaia kommunikatsiia: teoriia i praktika*, 2018, (5): 44–48. (In Russ.)
26. Litvinova M. N., Pinyagin Yu. N. "Speaking" proper names as an object of translation. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2018, (4): 76–79. (In Russ.)
27. Shimik-Kozachko P. Adapted names of films in English in translation into Polish and Russian. *Lingvokul'turologiya*, 2010, (4): 225–238. (In Russ.)
28. Aleksandrova E. M. The specifics of creating puns based on personal names. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2013, (4): 39–42. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-258-267

29. Potapova S. Y. Translation of onomastics: challeges for translation and lexicigraphers. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole*, 2014, (3): 49–53. (In Russ.)
30. Fefelov A. F. *Proper names and titles in intercultural communication and translation*. Novosibirsk: NGU, 2017, 250. (In Russ.)
31. Anastasyan S. A. The main strategies of movie title translation. *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova*, 2011, (6): 172–175. (In Russ.)
32. Kotlyar N. A. French pseudonyms as a class of anthroponyms. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, (3): 154–158. (In Russ.)
33. Tkacheva A. N. The names of French films and their Russian translations how creative work with attractive objectives. *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev*, 2018, (1): 97–104. (In Russ.)
34. Anisimov V. E., Borisova A. S., Konson G. R. Linguocultural localization of movie titles. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(2): 435–459. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

оригинальная статья
УДК 811.512.15

Информационная структура простого предложения в телеутском языке: к постановке проблемы*

Денис М. Токмашев [a, @, ID]

[a] Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, г. Томск
[@] kogutei@yandex.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0003-3941-043X

Поступила в редакцию 22.01.2020. Принята к печати 12.02.2020.

Аннотация: Рассматриваются основные подходы к изучению информационной структуры простого предложения и их применение к материалу тюркских языков. Цель – выявить и охарактеризовать различные типы информационных структур простого предложения в их взаимосвязи с формально-грамматическими и акцентными характеристиками на материале телеутского языка. Основными средствами выражения информационной структуры простого предложения, которую мы представляем в виде соответствующего функционально-семантического поля, в телеутском языке являются порядок синтагм и интонация, составляющие ядро средств управления информационной структурой, а также периферические средства – лексемы, частицы и аффиксы. Синтаксически информационная структура выражается порядком синтагм. Для повествовательных предложений характерно понижение частоты основного тона на синтагме, составляющей фокусную часть. Для прагматически нейтральных повествовательных предложений, не имеющих пресуппозиций, характерно прогрессивное расположение элементов информационной структуры «топик > фокус» с предикатом в крайней правой позиции. Поскольку топик и фокус являются шифтерными категориями, возможны как инверсии синтагм с сохранением прогрессивной информационной структуры, так и инверсии компонентов «фокус < топик» с сохранением порядка синтагм. Инверсия линейных (синтагм) и нелинейных (топика и фокуса) элементов предложения обусловлена различными пресуппозициями. Лексико-грамматические средства управления информационной структурой находятся на периферии функционально-семантических полей. Их информационно-структурные характеристики совмещаются с основными функциями: выражением аспектуальности, модальности, эвиденциальности, (не)определенности. Тюркские языки обнаруживают значительное сходство в выборе средств управления информационной структурой. Выводы сделаны на основе полевого, сравнительно-исторического и описательного методов, структурного и компонентного анализа, методов моделирования семантики и визуализации спектрограмм.

Ключевые слова: интонация, синтаксис, тюркские языки, актуальное членение предложения, акустическая фонетика

Для цитирования: Токмашев Д. М. Информационная структура простого предложения в телеутском языке: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 268–277. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

Введение

Под информационной структурой (ИС) в лингвистике принято понимать членение высказывания на информационные сегменты, понимание которых является минимально достаточным для реализации коммуникативных намерений собеседников. Иными словами, ИС – это план выражения прагматики предложения, подобно тому как сегментные структуры предложения (лексемы и граммемы) являются планом выражения его семантики. ИС находится в тесном взаимодействии с сегментными структурами и управляет ими в акте коммуникации. Это позволяет рассматривать ИС предложения как глубинную структуру, на поверхностном уровне реализуемую в виде набора грамматических и акцентных характеристик, соответствующих контексту высказывания и регулирующих соотношение в нем старой и новой информации, которая, в свою очередь, является планом содержания ИС.

В рамках исследования ИС в естественных языках сформировался ряд подходов к ее изучению, а также разветвленный терминологический аппарат, специфический для каждой школы – их подробный анализ выходит за рамки задач данной статьи. При многообразии подходов и терминов большинство работ по ИС учитывает речевую синхронию оппозиций *говорящий – слушающий, известное – новое, семантика – прагматика* и то, что некоторые формальные свойства предложения (например, порядок слов) могут быть поняты только с учетом контекста. Согласно У. Л. Чейфу, ИС отражает то, как закодированная с помощью языковых средств

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 18-012-00775 А «Типология простого предложения в языках обско-енисейского языкового ареала: информационная и аргументная структуры».

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

информация соотносится с представлением говорящего о ментальном состоянии адресата высказывания [1].

В качестве примера исследования ИС в отечественной лингвистике (называемой также *коммуникативной структурой*) можно привести работу Е. В. Падучевой, выполненную на материале русского языка [2]; подробно история вопроса представлена у Я. Г. Тестельца [3]. В зарубежной лингвистике, как отмечает К. Ламбрехт, ИС впервые привлекла внимание младограмматиков в конце XIX – начале XX в. (противопоставление психологического и логического субъектов и предикатов у Г. Пауля) [4]. Долгое время терминологическим эквивалентом ИС в советском и российском языкознании служило *актуальное членение предложения* (В. Матезиус), затем получившее развитие у представителей Пражской лингвистической школы под названием *функциональная перспектива предложения*, а также у М. Хэллидэя, который и ввел в оборот понятие *информационной структуры.* М. Хэллидэй характеризовал ее как грамматическую категорию, отличную от синтаксиса и семантики, но тесно взаимодействующую с ними. У. Л. Чейф предложил синонимичный термин *information packaging*. Проблема ИС затрагивается и в более поздних работах по дискурсивной прагматике. Из обзорных публикаций по истории изучения, терминологии и проблематике ИС можно отметить работы Д. Матича [5] и М. Крифки [6].

В статье ИС понимается в смысле, предложенном К. Ламбрехтом, – как трихотомия взаимосвязанных оппозиций *пресуппозиция – ассерция, узнаваемость – активация* и *топик – фокус*. Противопоставление пресуппозиции и ассерции тесно связано с инкрементальной моделью (*incremental model*) дискурса, смысл которой в том, что изначально коммуниканты обладают различным объемом знаний, а цель коммуникации – минимизировать это различие за счет расширения ментальной репрезентации (*common ground*) говорящего и слушателя [7]. Под пресуппозицией в этом контексте понимается информация, на момент начала речевого акта входящая, по мнению говорящего, в общую установку коммуникантов. Ассерция – информация, ранее не известная слушателю и добавленная в его ментальную репрезентацию; в последующем коммуникативном акте она переходит в разряд пресуппозитивных компонентов высказывания и может служить основанием для ассертивных.

Топик высказывания может определяться двояко: как с позиции говорящего (*aboutness*, т. е. о чем сообщается новая информация), так и с позиции слушающего (*giveness*, т. е. что слушающему уже известно об объекте высказывания). Причем оба определения вынужденно пересекаются, так что несмотря на преобладающее в лингвистике определение топика с позиции говорящего (что сообщаем слушающему об объекте?), говорящему неизбежно приходится учитывать, какой информацией об объекте высказывания владеет слушающий к началу коммуникативного акта (что слушающий должен знать для правильной интерпретации новой информации?). Таким образом, топик можно определить как компонент пропозиции, лежащей в основе высказывания, доступный обоим собеседникам. «Topics are thus elements of the proposition that the utterance is construed about, and that are usually restricted to given, accessible elements» [5, p. 96].

Фокус высказывания (в прочих работах именуемый также *новой информацией, ремой* и *комментарием*), по К. Ламбрехту, – это информация, посредством которой ассерция отличается от пресуппозиции [4, p. 213]. Другой подход к определению фокуса связан с теорией альтернативной семантики: фокус – это семантический оператор, порождающий альтернативу фокусной части высказывания, например, в предложении с интонационно выраженной частью (*Он **закрыл** окно)* фокусом является предикат *закрыл*, который допускает альтернативный вариант *открыл*, не выбранный говорящим как несоответствующий его коммуникативному намерению.

На сегодняшний день в лингвистике нет, таким образом, единого прототипического определения фокуса; выделяют два взаимно перпендикулярных подхода: *топик* vs. *комментарий* (фокус – часть высказывания, добавляемая к ментальной репрезентации слушающего) и *фокус* vs. *фон* (фокус – часть высказывания, допускающая альтернативную переменную, а фон – не допускающая ее) [5, p. 97]. Как нетрудно заметить, *комментарий* в первом подходе в широком смысле соответствует фокусу, а *фон* во втором – топику, т. е. теме высказывания.

ИС на формально-языковом уровне реализуется с помощью различных средств, охватывающих фонетику (акцентология и просодия), синтаксис (порядок слов в клаузах и самих клауз, стратегия кодирования актантов и т. д.), морфологию (модальные и служебные слова, клитики, артикли, фокусные частицы и т. д.) и лексику (ремовыделительные наречия типа русского *именно*). Их разнообразие затрудняет выработку единых моделей предложения, заданных ИС, чему препятствует большой разброс типовых структур в языках мира. У. Л. Чейф предполагал, что каждый язык имеет свои средства управления ИС, а ведущую роль «по-видимому играют порядок слов и интонация, причем, возможно, во всех языках» [8, с. 266]. Закономерным представляется вывод Д. Матича, который он сделал в своей обзорной работе по ИС в лингвистике: информационная структура предложения – универсальная категория дискурса, но необязательно универсальная категория языка [5, p. 99].

Перейдем к рассмотрению понятия ИС применительно к телеутскому языку и шире – к тюркским языкам. Исследователь караимского синтаксиса К. М. Мусаев пишет, что «вопрос о функции порядка слов в предложении на материале тюркских языков изучен весьма слабо. Помимо общих замечаний отсутствуют специальные глубоко анализированные исследования большого фактического материала» [9, с. 253].

Одна из первых работ в российской тюркологии, косвенно затрагивающих вопросы выражения «старого» и «нового» в высказывании ,– статья Л. Ю. Тугушевой [10],

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

в которой упоминаются три основных функции порядка слов – грамматическая (расположение субъекта и объекта относительно предиката), коммуникативная (тема и рема) и стилистическая (стилистически мотивированное нарушение порядка слов) с сохранением грамматичности предложений, построенных с нарушением базового порядка слов, которые приобретают дополнительные характеристики. О влиянии порядка слов на ИС в тюркских языках автор пишет: «тюркские языки *нельзя* безоговорочно отнести к категории языков со *связанным порядком слов*, в которых сугубо синтаксическая (грамматическая) функция порядка слов выдвигается на первый план в ущерб функции *коммуникативной* и стилистической» [10, с. 121]. Исследователь отмечает, что порядок слов в тюркских словосочетаниях выполняет только грамматическую и стилистическую функции, а логико-грамматическая (т. е. информационно-структурная) функция порядка слов реализуется в единицах более высокого порядка – синтагмах (единицах логико-грамматического членения). Уточняется, что ИС (в современном понимании) определяется не столько *порядком слов,* сколько порядком *синтагм*, хотя линейно одна синтагма может соответствовать одному слову.

Н. К. Дмитриев также обращает внимание на коммуникативно-прагматические функции порядка слов в тюркских языках (башкирском и кумыкском): «В башкирском синтаксисе (как и в синтаксисе других тюркских языков) существует такое положение: для того, чтобы логически оттенить какой-нибудь член предложения в целой фразе, необходимо изменить место этого члена» [11, с. 210]. Ср.: «Причины инверсии лежат вне грамматики, как таковой. Инверсия является отображением особых логических или психологических условий, под впечатлением которых говорящий высказывает свою мысль. Прежде всего инверсия является средством усиления так называемого фразового ударения, или логического акцента» [12, с. 163]. Иными словами, инверсия в тюркских языках выступает как средство управления ИС.

Актуальное членение предложения в уйгурском языке выражается с помощью порядка слов, интонации и других средств [13, с. 378].

Анализу коммуникативной структуры простого предложения в чувашском языке посвящено исследование А. В. Емельяновой, во введении к которому автор отмечает, что «теория актуального членения агглютинативных языков имеет совсем непродолжительную по научным меркам историю (Андреев И. А., Абдулаев К. М., Амиров Р. С., Сафиуллина Ф. С., Тугушева Л. Ю. и другие)» [14, с. 3]. Основным средством выражения коммуникативной структуры чувашского простого предложения автор считает порядок слов, а тема и рема соотносятся как определяющее и определяемое. В реме при этом дополнительно выделяется «информативно более нагруженная часть – смысловое ядро высказывания», а основными средствами «актуализации коммуникативных частей высказывания являются порядок слов, формально-грамматические средства: аффиксы, частицы, лексические элементы» [14, с. 23].

Говоря о просодии как маркере ИС, автор считает ее сопутствующим и второстепенным по отношению к словопорядку явлением, отмечая тем не менее, что для прогрессивного (неинвертированного) порядка слов характерна окситония (постепенное нарастание интонации с пиком на фокусной части), а для регрессивного – баритония (резкое усиление интонации в начале с постепенным затуханием). Также характерно наличие пауз перед ремой и после нее [14, с. 22].

В кумыкском языке коммуникативные типы высказываний были изучены Н. К. Токтаровой, сделавшей аналогичный и универсальный для тюркских языков вывод: «В кумыкском языке в число средств, маркирующих актуальное членение, входит, прежде всего, порядок слов, интонация, лексические и грамматические средства» [15, с. 4]. Как и А. В. Емельянова, Н. К. Токтарова пишет о примате синтаксиса над фонетикой в формировании ИС кумыкского предложения: «логическое ударение выражается синтаксическим путем: употреблением логически выделенного слова перед сказуемым: *Беш* ***къонакълай*** *бардыкъ* "Мы в гости ходили"… Роль фонетических средств при этом незначительна» [15, с. 18]. Автор приводит следующие примеры реализаций отмеченных стратегий кодирования ИС в кумыкском языке:

1) порядок слов: *Ахшам / кьар явду* (Вечером / выпал снег) ~ *Кьар явду / ахшам* (Снег выпал / вечером). Обычная позиция ремы – перед глагольным сказуемым: *Мен охумагъа тюшдюм* (Я поступила учиться). Тематическая препозиция ремы указывает на экспрессивность: *Макътай адам / бийиклигин тавланы* (Славит человек / высоту гор);

2) интонация с выделением ремы с помощью фразового ударения, представляющего интонационный центр предложения, а темы – повышением тона: *Ишине ону / анасы сююндю* (Его делу / мать обрадовалась) ~ *Ишине / ону анасы сююндю* (Делу / его мать обрадовалась);

3) лексико-грамматические средства: «в кумыкском языке аффикс *да*[1], выполняющий функцию союза "и", служит средством выделения ремы в предложении: *Авруйгъан анасыны уьстюне / уланы* ***да*** *гирди* "К болеющей матери / зашел и сын". С другой стороны, тема может быть выделена при помощи частицы *чы* "же": *Шагьарда яшамагъа* ***чы*** */ тынч* "В городе же / жить легко"» [15, с. 10].

Рассмотрим различные стратегии кодирования ИС собственно в телеутском языке – одном из миноритарных тюркских языков Саяно-Алтая. Необходимо отметить, что ИС телеутского простого предложения ранее не исследовалась как из-за отсутствия единых определений и подходов

[1] В действительности *DA* является частицей, в телеутском языке она также оттеняет фокус высказывания: *Эмди меен-де палдарым тил пилбей јалар* (Сейчас и мои-то дети языка не знают).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

к анализу ИС, так и из-за слабой изученности телеутского языка в целом[2] и его синтаксиса в частности.

Гипотезой исследования выступает утверждение, что ИС – обязательный элемент дискурса, речевая реализация которого обусловлена структурой языка. Ожидается, что генетически и / или типологически близкие языки должны использовать сходный инвентарь языковых средств выражения ИС. Мы предполагаем, что в данном аспекте телеутский язык (горно-алтайская группа) будет близок прочим тюркским языкам, например, чувашскому (булгарская группа), кумыкскому (половецко-кыпчакская группа) и др., а именно: использовать словопорядок, акцентные характеристики и лексико-грамматические средства для организации ИС простого предложения.

Методы и материалы. Эмпирической основой исследования служит аннотированный корпус устных бытовых и автобиографических текстов (наиболее нейтральных в стилистическом отношении), записанных от носителей телеутского языка разного возраста и пола. В работе используются полевой, сравнительно-исторический и описательный методы, методы структурного и компонентного анализа, моделирования семантики и визуализации спектрограмм.

Результаты

Базовым средством управления ИС в телеутском языке, как и в других тюркских языках, является порядок слов, в простом повествовательном предложении[3] соответствующий модели SOV.

Пример (1) представляет собой экспрессивно-нейтральное простое предложение с типично тюркским SVO-синтаксисом. Для правильной интерпретации анафорического местоимения *аны* слушающему необходим контекст, понятный из предшествующего предложения: *Алтон јылда паштық Фоменков Николай Сергеевич полгон, мени ийе перген ӱренеге, Кемеровский сельскохозяйственный техникумга, агрономго* (В шестидесятом году председателем Фоменков Николай Сергеевич был, меня послал учиться в Кемеровский сельскохозяйственный техникум на агронома).

Слово *техникум* формирует ассертивный компонент высказывания, который в последующем предложении редуцируется до местоимения *аны* и, в свою очередь, формирует пресуппозицию для синтагмы *алтон пеш јылда,* которая и является фокусом высказывания, а глагол и его аргументы образуют его топик, линейно включающий в себя и фокус. Схематически ИС примера (1) можно представить следующим образом:

Мен аны алтон пеш јылда тӱгезип ийгем.
ФОКУС
ТОПИК

Как видно, сказуемое *тӱгезип ийгем* включается в топик, поскольку, хотя и является формально новой информацией для слушателя, относится к пресуппозиции, т. к. коммуникативное намерение говорящего – сообщить, в каком году он закончил обучение. Его «новизна» второстепенна по отношению к «истинному» фокусу. Непосредственно фокусная часть, в свою очередь, раскладывается на более мелкие смысловые компоненты *алтон пеш* и аффикс местно-временного падежа *-да*, но поскольку отдельное взятое сочетание *алтон пеш јылда* не образует пропозиции, оно не может иметь собственной ИС.

Тональный рисунок примера (1) (рис. 1), выполненный в программе *Praat*, соответствует его линейной структуре. Частота основного тона (ЧОТ) падает по мере развертывания фокусной части высказывания и достигает минимума на его последнем и коммуникативно наиболее нагруженном отрезке – аффиксе место-временного падежа, соответствующего русскому предлогу *в*.

Повышение тона на сказуемом обусловлено следующим предложением, которое начинается с союза и придает примеру (1) оттенок недосказанности.

(1)	*men anі*	*alton*	*peš*	*jіl-da*	*tügez-ip*	*iy-gem*
	1SG.PP 3SG.ACC	шестьдесят	пять	год-LOC	заканчивать-CVB	AUX:посылать-PST2.1SG

Мен аны алтон пеш јылда тӱгезип ийгем – Я окончил его в шестьдесят пятом году.

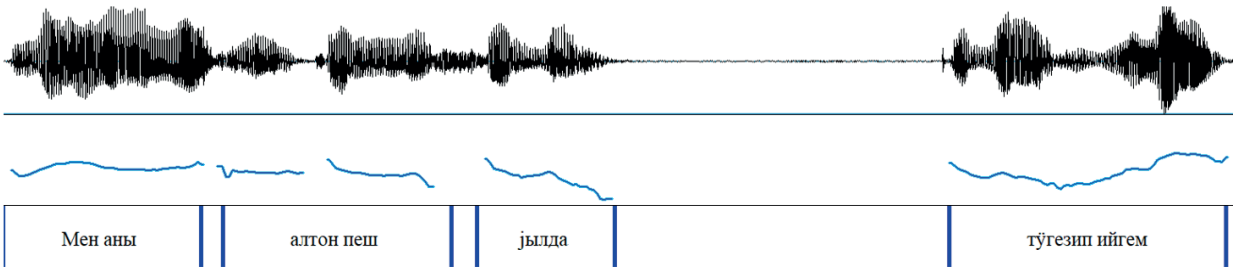

Рис. 1. Тональный рисунок примера (1)
Fig. 1. Tone visualization of example (1)

[2] Исследования отдельных уровней языка отражены в трудах кемеровской дериватологической школы, например в коллективной монографии [16] и пропозиционально-фреймовом словаре телеутского языка.

[3] То есть содержащем одну предикативную единицу.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

Пример (2) – ИС простого предложения, осложненного причастной конструкцией, образующей таксисную пару с главной частью:

(2)	*kalkos-to*	*ište-gem*	*soldat-qa*	*par-ɣan-ča*
	колхоз-LOC	работать-PST2.1SG	солдат-DAT	идти-PST2-DEL

Калкосто иштегем солдатқа парганча – В колхозе (я) работал до ухода в армию.

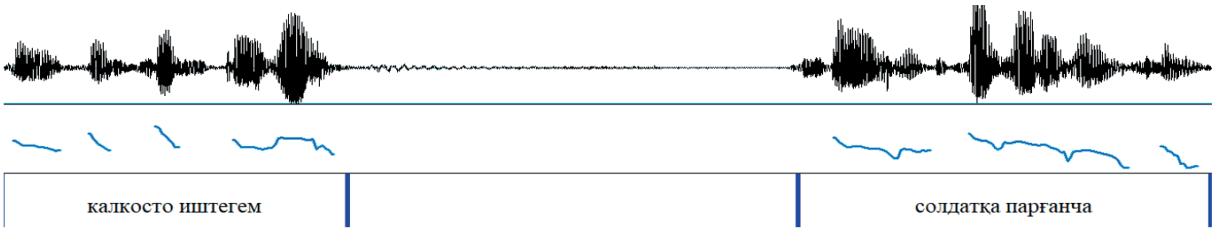

Рис. 2. Тональный рисунок примера (2)
Fig. 2. Tone visualization of example (2)

Можно предположить, что в данном примере сдвиг сказуемого с ожидаемой терминальной позиции (*Калкосто солдатқа парганча* ***иштегем***) обусловлен его вхождением в топик, т. е. ИС. По мнению Л. Ю. Тугушевой, для ИС тюркского предложения важен порядок синтагм, а не слов. Схематично ИС примера (2) выглядит следующим образом:

а) *Калкосто иштегем* (ТОПИК) *солдатқа парганча* (ФОКУС),

Тональный рисунок примера (2) (рис. 2) подтверждает, что фокусная часть высказывания находится после топикальной – на ней фиксируется максимальное понижение тона. Понижение тона отмечается и на главном сказуемом *иштегем*, поскольку оно располагается в конце синтагмы, а фокусной части предшествует длительная пауза. Как отмечает Е. А. Шестера, в телеутском повествовательном предложении «на слогах существительного… реализуется восходящий тон, …на глаголе… – нисходящий, с различными вариациями мелодики отдельных слогов на фоне общего понижения основного тона» [17, с. 68].

Поскольку топик и фокус являются шифтерными категориями, возможны как инверсии синтагм с сохранением прогрессивной ИС (топик > фокус), так и инверсии компонентов ИС (фокус < топик) с сохранением порядка синтагм. Соответственно, пример (а) может иметь три дополнительных варианта реализации, отличающиеся порядком синтагм и / или компонентов ИС. Например, может быть инвертирован порядок компонентов ИС, фокус высказывания – «до каких пор говорящий работал в колхозе». ИС этого варианта совпадает с примером (а), но отличается экспрессивностью:

б) *Солдатқа парганча* (ФОКУС) *калкосто иштегем* (ТОПИК).

Вариант с инвертированным относительно примера (а) порядком синтагм, фокус высказывания – «чем занимался говорящий до ухода в армию»:

в) *Солдатқа парганча* (ТОПИК) *калкосто иштегем* (ФОКУС),

Экспрессивной реализацией данной ИС будет вариант с инверсией синтагм и, соответственно, закрепленных за ними компонентов ИС:

г) *Калкосто иштегем* (ФОКУС) *солдатқа парганча* (ТОПИК),

Таким образом, при сохранении прогрессивного порядка компонентов ИС инверсия синтагм в предложении приводит к изменению ИС, а инверсия синтагм вместе с выраженными ими компонентами ИС (препозиция фокуса) – к повышению экспрессивности (при этом на глубинном уровне все 4 варианта имеют одинаковую синтаксическую, но разную семантическую структуру). Схожее явление отмечено и в других тюркских языках, например, караимском и узбекском. «Когда мы говорим о порядке слов в простом распространенном предложении, в первую очередь оперируем материалами повествовательного предложения со спокойным равномерным тоном. В предложениях, эмоционально насыщенных, а также при особом подчеркивании или выделении какого-либо слова в предложении порядок слов может измениться» [9, с. 253]. «Инверсия помогает усилению содержания и эмоциональности речи. Такое положение особенно заметно в инверсии подлежащего и сказуемого» [18, с. 135].

Важным представляется предложенное К. Ламбрехтом разграничение прагматических и семантических субъектов и предикатов. Исследователь предлагает трехчастную структуру расположения фокуса в предложении в зависимости от его прагматики. Фокус может выражаться а) предикатом; б) аргументом; в) суждением в целом [4, p. 226–238]. Проиллюстрируем ее с помощью примера (2).

ИС с фокусом *предикат* – ответ на вопрос: *Солдатқа праганча нени иштеген?* (Чем ты занимался до ухода в армию?):

(2а) *Солдатқа парганча* (ФОКУС) *калкосто иштегем*.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

Пресуппозиция: то, чем занимался говорящий до ухода в армию – топик для комментария X
Ассерция: X = работал в колхозе
Фокус: работал в колхозе
Область фокуса: VP

ИС с фокусом *аргумент* – ответ на вопрос: *Қачанға јеттире калкосто иштегең?* (До какого времени ты работал в колхозе?):

(2б) *Солдатқа парганча* калкосто иштегем.
ФОКУС

Пресуппозиция: говорящий работал в колхозе до X
Ассерция: X = уход в армию
Фокус: до ухода в армию
Область фокуса: NP

ИС с фокусом *суждение* – ответ на вопрос: *Нени пол парды?* (Что произошло?):

(2в) *Солдатқа парганча калкосто иштегем*,
ФОКУС

Пресуппозиция: –
Ассерция: до ухода в армию говорящий работал в колхозе
Фокус: до ухода в армию говорящий работал в колхозе
Область фокуса: S

В последнем примере отсутствие пресуппозиций приводит к совпадению ассерции и фокуса, которые распространяются на все высказывание в целом; оно, таким образом, приобретает событийный характер.

К лексико-грамматическим способам управления ИС в телеутском языке можно отнести использование модальных слов и фокусных частиц, в меньшей степени – аспектуальных показателей. Как отмечает Л. А. Шамина, «значения, выражающие эксплицитное указание на источник сведений говорящего о сообщаемой им ситуации, относятся к сфере категории эвиденциальности. <…> Указание же на то, что информация об описываемой ситуации является неожиданной, "новой" для говорящего, относится к сфере категории миратива. В тюркских языках эвиденциальность и миративность выражается либо специализированными средствами, либо совместно с другими значениями, модальными и аспектуальными» [19, с. 15]. К. В. Кичеева предлагает следующую типологию семантики эвиденциальных форм в хакасском языке:

1) пересказывательность (абсентив) – получение информации из косвенного источника;

2) инференциальность – вывод говорящего о событии;

3) адмиративность (миративность) – констатация события в момент сообщения, неожиданность (удивление, восхищение, удовлетворенность) [20, с. 121].

Л. Йохансон выделяет в тюркских языках категорию индиректива (непрямой засвидетельствованности) в качестве эвиденциальной [21, p. 274], когда реципиентом коммуникативного акта выступает не только слушающий, но и сам говорящий, выражающий свое отношение к описываемой ситуации, ср. тел. *Пу қорқышту пала тур!* (Этот мальчик страшным, пожалуй, будет!), которое говорящий адресует самому себе и которое содержит фокусную (модально-эвиденциальную) частицу *тур* (пожалуй, однако же). Употребление этой частицы усиливает именное сказуемое *қорқышту* (страшный) и одновременно указывает на фокус высказывания. В ней совмещается как инференция (говорящий делает вывод, что мальчик – страшный), так и миратив (испуг и удивление говорящего фактом сообщения).

В телеутском языке (как и в других тюркских языках Сибири) к ядерным способам выражения индиректива относится аффикс прошедшего т. н. «заглазного» времени *-tIr*, выражающий набор условно-эвиденциальных значений, приведенных К. В. Кичеевой для хакасского языка.

Индирективное значение абсентива реализуется в пересказе говорящим событий, свидетелем которых он не был (характерно для фольклорного нарратива):

(3) *abišqa*	*ämegen-i-n*	*čɨɣara*	*sür-ip*	*iy-**tir***
старик	старуха-POSS3-POSS.ACC	PSTP: наружу	гнать-CVB	AUX-PST3

*Абышқа эмегенин чыгара сүрип ий**тир*** – Старик старуху свою прочь выгнал.
ФОКУС

Индирективное значение инференциальности (говорящий делает умозаключение):

(4) *aba-m*	*türme-de*	*otur-ɣan*	*aniŋ.üčün*	*ol*	*tirü*	*jad-a*	*qal-**tir***
отец-POSS1	тюрьма-LOC	сидеть-PST2	PSTP: поэтому	3SG	живой	жить-PTCP1	AUX-PST3

*Абам түрмеде отырған, ааң учун ол тирү јада қал**тыр*** – Отец сидел в тюрьме, поэтому он остался жив.
ФОКУС

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

Индирективное значение миративности (модально-оценочная коннотация):

(5) *i tak* *apar* *al-bay* *qal-**tir***
RUS.и так уносить AUX-CVB.NEG AUX-PST3

*И так апар албай қал**тыр*** – И так и не смогли унести.
ФОКУС

В примерах (3)–(5) эвиденциальный показатель *-tIr* косвенно указывает на то, что синтагма, в которой он употреблен, входит в фокус высказывания. В примере (4) на фокус также указывает сложный союз *ааң учун* (поэтому). Тем не менее ИС предложения в телеутском языке напрямую не зависит от эвиденциальности и формы на *-tIr*. Возможны ситуации, когда синтагма с *-tIr* будет входить в топик высказывания (в зависимости от его прагматики), как в примерах (6б)–(6г):

(6а) *Пир чанақ ölöң АРТЫҚ ПОЛ ҚАЛТЫР.*
Одни сани сена ЛИШНИМИ ОКАЗАЛИСЬ.

(6б) *Пир чанақ ÖЛÖҢ артық пол қалтыр.*
Одни сани СЕНА лишними оказались.

(6в) *Пир ЧАНАҚ ölöң артық пол қалтыр.*
Одни САНИ сена лишними оказались.

(6г) *ПИР чанақ ölöң артық пол қалтыр.*
ОДНИ сани сена лишними оказались.

Пример (6а) иллюстрирует тот факт, что при неинвертированном порядке синтагм в тюркских языках фокус высказывания располагается на глагольной группе, а логический акцент – на той части, которая непосредственно примыкает к сказуемому. Это доказывается ровным тоном синтагмы подлежащего и его падением на синтагме сказуемого. Тон начинает понижаться на слове *артық* (лишний) и продолжает – на сказуемом *пол қалтыр* (оказался). Понижающийся тон между синтагмами называется хезитацией (рис. 3).

На казахском материале это показано Р. С. Амировым: «В казахском языке, так же как и в других тюркских языках, есть одна позиция, определяющая актуализацию, – предсказуемостная позиция. Эта позиция является актуализирующей для всех несказуемостных членов. Сказуемое не подвергается специальному приему актуализации. Оно по своей природе является тем членом, который всегда заключает в себе новое сообщение» [22, с. 38]. Это также характерно для уйгурского и туркменского языков: «Если актуальное членение предложения выражается с помощью порядка слов, член предложения, выражающий рему, становится в предсказуемую позицию. Например: *Бовай // яр тувигэ // барди…* "Старик подошел к подножию обрыва". Здесь рема передается обстоятельством места *яр тувигэ*» [13, с. 379]. «Любой член предложения, не исключая и субъекта, может быть поставлен непосредственно перед предикатом, если говорящий хочет обратить на него внимание своего собеседника» [23, с. 53].

Данная особенность отмечается как типологически характерная для всех тюркских языков: «Логическое ударение во фразе, как правило, находится непосредственно в позиции перед сказуемым» [24, с. 186]. «В состав ремы в тюркологии обычно выделяют смысловое ядро – предсказуемостный член или (при отсутствии такого члена) само сказуемое, на которое падает наибольшее логическое ударение» [25, с. 137].

Вернемся к рассмотрению гипотетической «фокусной» природы сказуемого на *-tIr*. По корпусным данным финитное сказуемое на *-tIr* более устойчиво в крайней правой позиции, в отличие от форм на *-dI* и *-GAn*. Это дает основание предположить, что синтагма, к которой относится форма на *-tIr*, будет чаще выступать в качестве фокуса высказывания, чем синтагмы с иными аспектуальными и модальными формами, хотя это требует корпусной верификации с учетом прагматики предложений, поскольку в нейтральном контексте любое сказуемое будет попадать в фокус высказывания.

Ранее отмечалось, что, согласно К. Ламбрехту, ИС предложения состоит из трех взаимно связанных оппозиций: *пресуппозиция – ассерция, топик – фокус* и *узнаваемость – активация*. Поэтому интересно также рассмотреть средства, кодирующие узнаваемость (*identifiability*) либо неопределенность (*unidentifiability*) участника ситуации. В тюркских языках одним из таких средств является числительное *bir* (один) в функции неопределенного артикля. Пример оппозиций из турецкого языка: *Ahmet öküzü aldi* (Ахмет купил (этого) быка) – *Ahmet bir öküz aldi* (Ахмет купил (одного; некоторого) быка) [4, p. 85].

Это же характерно и для телеутского, например, *пир сöс* (какое-то слово), *пир пеш-алты* (примерно пять-шесть) и т. д.

(7) *Körzö – агаштың төзинде ПИР КИЖИ отур jат.*
Смотрит – под деревом ЧЕЛОВЕК сидит.

Фокус высказывания приходится на именную группу *пир кижи* (какой-то человек), примыкающую к предикату. В безартиклевом русском языке фокус выражается понижением

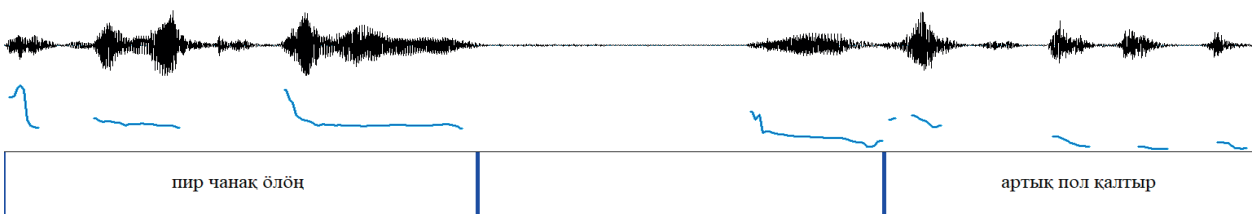

Рис. 3. Тональный рисунок примера (6а)
Fig. 3. Tone visualization of example (6а)

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

ЧОТ на слове *человек*. В телеутском, кроме интонации, сигнальную функцию выполняет числительное *пир* (один), придающее слову *кижи* (человек) семантику неопределенности и неидентифицируемости. Соответственно, именно эта синтагма относится к «новой» информации, которая должна быть добавлена в ментальную репрезентацию слушающего, а числительное *пир* в ненумеративной функции указывает на фокус.

Заключение

Телеутский язык обнаруживает изоморфизм способов и стратегий управления ИС простого предложения с другими тюркскими языками. Как в языке типа SOV, в котором сказуемое занимает терминальное правое положение, топикальные и фокусные части простого предложения в телеутском языке линейно не обособлены, фокусная часть (комментарий) и особенно его смысловое ядро тяготеет вправо и примыкает к сказуемому, за исключением случаев, когда сказуемое выражает непосредственно фокус предложения. При вхождении сказуемого в топик предложения (превращения его в «прагматический субъект» по К. Ламбрехту), оно может менять свою традиционную терминальную позицию и примыкать к другому топикальному элементу в составе синтагмы. Таким образом, порядок слов (синтагм) играет определяющую роль в ИС телеутского простого предложения.

Интонационно фокусная часть простого повествовательного предложения характеризуется максимальным понижением частоты основного тона. Таким образом, акцентные и структурные характеристики телеутского взаимно связаны и обусловлены ИС предложения. В отличие от чувашского языка, фокусная часть телеутского предложения характеризуется понижением ЧОТ. Лексико-грамматические средства управления ИС в телеутском языке располагаются, в отличие от синтаксиса и просодии, на периферии функционально-семантических полей[4]. Они совмещают функции выражения элементов ИС с иными лексико-грамматическими категориями.

Интерес для дальнейшего исследования представляет изучение лексико-грамматических средств телеутского языка с позиций выражения ИС (например, грамматических категорий перфектива и кунктатива, падежных форм, кондиционалиса и т. д.), изучение ИС предложений других типов (вопросительных и побудительных), а также возможное влияние русского языка на стратегию кодирования ИС телеутского простого предложения.

Список условных обозначений

(VP) – *verb phrase*, глагольная группа; (NP) – *noun phrase*, именная группа; (S) – *sentence*, предложение; (1) – 1 л.; (3) – 3 л.; (SG) – *singular*, единственное число; (POSS) – *possessive*, посессив; (PSTP) – *postposition*, послелог; (PP) – *personal pronoun*, личное местоимение; (ACC) – *accusative*, винительный падеж; (LOC) – *locative*, местно-временной падеж; (DAT) – *dative*, дательно-направительный падеж; (CVB) – *converb*, деепричастие; (AUX) – *auxiliary*, вспомогательный глагол; (PST2) – *past 2*, давнопрошедшее время; (PST3) – *past 3*, неочевидное прошедшее время; (PTCP1) – *participle 1*, причастие настоящего длительного времени; (DEL) – *delimitative*, ограничительный падеж; (.) – кумуляция показателей.

Литература

1. Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // Subject and Topic / ed. C. N. Li. N. Y.: Academic Press, 1976. P. 27–55.
2. Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / под ред. А. В. Циммерлинга, Е. А. Лютиковой. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 25–75.
3. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 796 с.
4. Lambrecht K. Information structure and sentence form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p. DOI: 10.1017/CBO9780511620607
5. Matić D. Information structure in linguistics // The International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / ed. J. D. Wright. Amsterdam: Elsevier, 2015. Vol. 12. P. 95–99. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.53013-X
6. Krifka M. Basic notions of information structure // Interdisciplinary Studies on Information Structure / eds. C. Fery, G. Fanselow, M. Krifka. Potsdam: Potsdam University Press, 2007. Vol. 6. P. 13–55.
7. Stalnaker R. C. Context and content: essays on intentionality in speech and thought. N. Y.: Oxford University Press, 1999. 294 p.
8. Чейф У. Л. Значение и структура языка / пер. Г. С. Щура. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 426 с.
9. Мусаев К. М. Синтаксис караимского языка. М.: Academia, 2003. 347 с.
10. Тугушева Л. Ю. О порядке слов в тюркских языках (к постановке вопроса) // Тюркологический сборник / под ред. С. Г. Кляшторного. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 120–127.
11. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: АН СССР, 1948. 276 с.
12. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: АН СССР, 1940. 206 с.
13. Строй уйгурского языка / отв. ред. Г. С. Садвакасов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 470 с.

[4] Термин *функционально-семантическое поле* носит условный характер из-за отсутствия единого мнения о том, является ли ИС грамматической либо прагматической категорией.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

14. Емельянова А. В. Коммуникативная структура чувашского простого повествовательного предложения: автореф. дис.… канд. филол. наук. Чебоксары, 1999. 23 с.
15. Токтарова Н. К. Коммуникативные типы высказывания в кумыкском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Махачкала, 2011. 41 с.
16. Языковая картина мира телеутов / под ред. Л. А. Араевой. Кемерово: КемГУ, 2016. 237 с.
17. Шестера Е. А. Телеутский язык: интонация повествовательных и вопросительных высказываний // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 61–75.
18. Уринбаев Б. У. Синтаксический строй узбекской разговорной речи. Ташкент: Фан, 1978. 144 с.
19. Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004. 50 с.
20. Кичеева К. В. Глагольные формы со значением эвиденциальности в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-1. С. 121–124.
21. Johanson L. Evidentiality in Turkic // Studies in Evidentiality / ed. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins PC, 2003. P. 273–290. DOI: https://doi.org/10.1075/tsl.54.15joh
22. Амиров Р. С. Способы актуального членения в казахском языке // Советская тюркология. 1970. № 6. С. 34–38.
23. Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад: ТуркменОГИЗ, 1943. 100 с.
24. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: словосочетание и предложение. 2-е изд., стер. М.: URSS КомКнига, 2006. 285 с.
25. Убрятова Е. А., Ефремов Н. Н., Неустроев Н. Н., Алексеев И. Е., Петров Н. Е., Васильев Ю. И. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2: Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995. 336 с.

Simple Sentence Information Structure in Teleut: Problem Statement*

Denis M. Tokmashev [a, @, ID]

[a] National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

[@] kogutei@yandex.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0003-3941-043X

Received 22.01.2020. Accepted 12.02.2020.

Abstract: The present research featured the main approaches to the study of the information structure of a simple sentence, as well as their application to the Turkic languages. The paper focuses on the case of the Teleut language. The research objective was to identify and characterize various types of information structure of a simple sentence in their relationship with formal-grammatical and prosodic characteristics. The study involved field, comparative-historical, and descriptive methods, structural and component analysis, methods of modeling semantics and visualization of spectrograms. The information structure of a simple sentence can be modeled as the corresponding functional-semantic field. In Teleut, it is represented mostly by syntagm order and intonation, which make the core of information structure management. The peripheral means are represented by lexemes, particles, and affixes. Syntactically, information structure is expressed by the phrase order. Narrative sentences are characterized by the decrease of the fundamental frequency of the phrase that makes up the focal part. Pragmatically neutral narrative sentences that do not have presuppositions are characterized by a progressive arrangement of topical and focal elements with a predicate in the terminal right position. Since topics and foci are shifter categories, syntax inversions with preservation of the progressive information packaging "topic > focus" are possible, as well as inversion of its components "focus < topic" while retaining the phrase order. The inversion of both linear (syntagms) and non-linear (topics and foci) elements of the sentence is due to various presuppositions. The lexical and grammatical means of information packaging management are on the periphery of the functional-semantic field. Their potential to control the information structure is combined with their other functions, namely the expression of aspectual, modal, evidential, definiteness, and other characteristics. Most Turkic languages share the means of information packaging management.

Keywords: intonation, syntax, Turkic languages, actual division of the sentence, acoustic phonetics

* This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No 18-012-00775 A "Typology of a simple sentence in the languages of the Ob-Yenisei language range: information and argument structure".

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

For citation: Tokmashev D. M. Simple Sentence Information Structure in Teleut: Problem Statement. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 268–277. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

References

1. Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. *Subject and Topic,* ed. Li C. N. N. Y.: Academic Press, 1976, 27–55.
2. Paducheva E. V. Communicative structure and linear-accentual sentence transformations (based on Russian). *Clause architecture in parametric models: syntax, information structure, word order,* eds. Tsimmerling A. V., Liutikova E. A. Moscow: Izdatelskii dom IaSK, 2016, 25–75. (In Russ.)
3. Testelets Ia. G. *An introduction to general syntax*. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t, 2001, 796. (In Russ.)
4. Lambrecht K. *Information structure and sentence form.* Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 388. DOI: 10.1017/CBO9780511620607
5. Matić D. Information structure in linguistics. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, ed. Wright J. D. Amsterdam: Elsevier, 2015, vol. 12, 95–99. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.53013-X
6. Krifka M. Basic notions of information structure. *Interdisciplinary Studies on Information Structure,* eds. Fery C., Fanselow G., Krifka M. Potsdam: Potsdam University Press, 2007, vol. 6, 13–55.
7. Stalnaker R. C. *Context and content: essays on intentionality in speech and thought.* N. Y.: Oxford University Press, 1999, 294.
8. Chafe W. L. *Meaning and the structure of language*, tr. Shchur G. S., 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2003, 426. (In Russ.)
9. Musaev K. M. *Karaim syntax.* Moscow: Academia, 2003, 347. (In Russ.)
10. Tugusheva L. Iu. On the word order in Turkic languages (a problematic approach). *Turkic collection*, ed. Kliashtornyi S. G. Moscow: Nauka, GRVL, 1966, 120–127. (In Russ.)
11. Dmitriev N. K. *Grammar of Bashkir.* Moscow-Leningrad: Nauka, 1948, 276. (In Russ.)
12. Dmitriev N. K. *Grammar of Qumyk.* Moscow-Leningrad: Nauka, 1940, 206. (In Russ.)
13. *Uighur language system,* ed. Sadvakasov G. S. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1989, 470. (In Russ.)
14. Emelianova A. V. *Communicative structure of the simple declarative sentence in Chuvash.* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Cheboksary, 1999, 23. (In Russ.)
15. Toktarova N. K. *Communicative sentence types in Qumyk*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Makhachkala, 2011, 41. (In Russ.)
16. *The language picture of the world of Teleuts*, ed. Araeva L. A. Kemerovo: KemGU, 2016, 237. (In Russ.)
17. Shestera E. A. Teleut: Intonation of declarative and interrogative utterances. *Voprosy yazykoznaniya,* 2014, (2): 61–75. (In Russ.)
18. Urinbaev B. U. *Syntactic system of the Uzbek colloquial speech.* Tashkent: Fan, 1978, 144. (In Russ.)
19. Shamina L. A. *System of bipredicative constructions with non-finite verbal forms in the Turkic languages of South Siberia*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2004, 50. (In Russ.)
20. Kicheeva K. V. Verbal forms the meaning of evidentiality in the Khakass language. Filologicheskie nauki. *Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (1-1): 121–124. (In Russ.)
21. Johanson L. Evidentiality in Turkic. *Studies in Evidentiality,* eds. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins PC, 2003, 273–290. DOI: https://doi.org/10.1075/tsl.54.15joh
22. Amirov R. S. Ways of actual segmentation in the Gazakh language. *Sovetskaya tyurkologiya*, 1970, (6): 34–38. (In Russ.)
23. Potseluevskii A. P. *Basics of Turkmen literary syntax*. Ashgabad: TurkmenOGIZ, 1943, 100. (In Russ.)
24. Baskakov N. A. *Historical and typological characteristics of Turkic languages' structure: phrase and sentence,* 2nd ed. Moscow: URSS KomKniga, 2006, 285. (In Russ.)
25. Ubriatova E. A., Efremov N. N., Neustroev N. N., Alekseev I. E., Petrov N. E., Vasilev Iu. I. *A grammar of contemporary literary Yakut. Vol. 2: Syntax*. Novosibirsk: Nauka, 1995, 336. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

оригинальная статья
УДК 81-139

Переводческие приемы Питера Ньюмарка на материале переводов метафор в произведениях Стивена Кинга

Дина В. Шалимова [a, @]; Инна В. Шалимова [b, ID]

[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[b] Акционерное общество «Полиметалл УК», Россия, г. Санкт-Петербург

[@] avsh86@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-0551-5698

Поступила в редакцию 09.01.2020. Принята к печати 03.02.2020.

Аннотация: Предметом исследования являются стратегии и приемы перевода метафор П. Ньюмарка. Цель – выявить особенности приемов П. Ньюмарка при переводе метафор применительно к анализу перевода художественных текстов. На материале известных произведений С. Кинга показана зависимость перевода от функционального типа текста и вида метафоры (стертой, метафоры-клише, общей, адаптированной, недавней и оригинальной). Применен сравнительно-сопоставительный анализ переводов метафор различных авторов. С помощью общего функционального анализа исследуются грамматические и лексические трансформации, которые претерпевают метафорические высказывания в процессе реализации переводческих стратегий и приемов П. Ньюмарка. Анализируются оптимальные способы перевода метафор: сохранение исходного образа в тексте перевода, сохранение исходной метафоры, замена исходного образа на общеупотребительный, передача метафоры сравнением с сохранением исходного образа и экспликацией смысла, отказ от смысловой экспликации метафоры, «снятие» образа. Используются описательный, когнитивно-семантический и лексикографический методы. Анализ переводческих решений при работе с метафорами из произведений С. Кинга подтверждает значимость теоретических и практических подходов П. Ньюмарка, имеющих методологический статус для современной теории и практики перевода. Результаты исследования могут быть использованы как в профессиональной переводческой деятельности, так и в процессе обучения переводу.

Ключевые слова: алгоритм перевода метафоры, переводческая стратегия, коммуникативная стратегия перевода, семантическая стратегия перевода, степень переводимости, принцип частотности, принцип лексической сочетаемости

Для цитирования: Шалимова Д. В., Шалимова И. В. Переводческие приемы Питера Ньюмарка на материале переводов метафор в произведениях Стивена Кинга // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 278–287. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

Введение

Метафора, являясь широко распространенным художественным приемом, тем не менее представляет определенную переводческую сложность и ставит перед теоретиками перевода вопрос: возможен ли в принципе перевод метафоры. Данный посыл основывается на теории Э. Бенвениста об объективно-субъективном характере семиотической системы, которая не может существовать вне говорящего [1]. На сегодняшний день большое количество ученых соглашаются с тем, что перевод метафоры возможен, однако в рамках определенных «условий межлингвистической эквивалентности» [2, с. 85].

Этнолингвистический анализ и эмпирические данные приводят исследователей к заключению, что носители разных языков по-разному воспринимают и категоризируют окружающую действительность [3–5]. С точки зрения психологии выделение общих семантических переменных в разных языках возможно, что подтверждается исследованиями понимания образных выражений, переведенных с других языков [6, с. 43]. Иными словами, переводчик, осуществляя трансформацию смыслов, не может не учитывать различия, существующие в языковых культурах.

По мнению С. Л. Пшеницына, работа переводчика над текстом (т. е. применение переводческих стратегий и приемов) включает в себя «общее понимание смысла текста» и «задачи [переводчика], которые при переводе данного текста складываются в переводческую программу, которая влияет на множество конкретных переводческих решений» [7, с. 78].

По поводу разложения переводческого процесса на определенные этапы и процедуры нет единого взгляда, как не существует и единого определения терминов *стратегия* и *прием* перевода. Так, Р. К. Миньяр-Белоручев, не разграничивая данные понятия, определяет деятельность переводчика при работе с текстом «как целенаправленную систему взаимосвязанных действий, учитывающую вид перевода и закономерно существующие способы перевода» [8, с. 155]. В понимании Х. П. Крингса переводческая

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

стратегия воплощает потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи [9, s. 18]. Н. К. Гарбовский рассматривает переводческую стратегию как «генеральную линию поведения переводчика, позволяющую ему решить, что менее важно и может быть опущено в конкретной переводческой ситуации» [10, с. 508].

В переводческую программу П. Ньюмарка входят как стратегии перевода, так и переводческие приемы. Эти два понятия тесно связаны друг с другом иерархическими отношениями: стратегия (в своих книгах П. Ньюмарк синонимично использует термин *method*) обращена к тексту целиком и направлена на решение общей многокомпонентной переводческой задачи, предполагающей решение широкого спектра переводческих проблем. Решая данную задачу, переводчик отвечает на множество вопросов: Как следует перевести данный рассказ?; Необходимо ли «снять» (убрать) образность метафорических выражений в данном тексте? и т. д. Переводческий прием, в свою очередь, входит в состав стратегии и представляет собой какую-либо переводческую процедуру (*procedure*), применяемую в рамках не целостного текста, а его составляющих: предложения, словосочетания, лексической единицы (ЛЕ). Именно общая стратегия решения той или иной переводческой проблемы определяет использование тех или иных переводческих приемов.

В инструментарии переводчика имеется большое количество приемов для передачи метафоры на языке перевода: калькирование, поиск аналога в языке перевода, дифференциация, конкретизация и генерализация значения, компенсация, перевод с заменой образа [11]. Несмотря на это, до сих пор не была сформулирована объективная стратегия, позволяющая определить, в каких случаях необходимо сохранять специфику метафоры в переводе, а когда можно ограничиться понятийной передачей ее содержания; какие факторы являются определяющими при выборе того или иного приема для перевода метафоры.

Проводимые на разнообразном языковом материале (художественные произведения, тексты экономической тематики, газетные статьи) исследования рассматривают процесс реализации метафоры в рамках какого-либо дискурса или прецедентного текста, однако не предлагают конкретного алгоритма, который бы основывался на выявлении закономерностей использования различных переводческих приемов при передаче метафоры на языке перевода. Некоторые исследователи полагают, что выбор переводческой трансформации определяется наличием лексических соответствий в языке перевода и исходном языке и субъективным выбором переводчика [12]. Данная трактовка деятельности переводчика применительно к метафоре представляется нам абстрактно-схематичной.

Восприятие метафоры П. Ньюмарком как явления, требующего творческого подхода и специальных процедур, является более близким к реальному переводческому процессу [13, с. 234]. Дж. Лакофф определял метафору как феномен, обеспечивающий понимание [14, p. 208]. Современные исследователи отмечают большую роль метафор в концептуализации реальности, в частности, при формировании категорий структур знания и опыта [15; 16]. Такой же точки зрения придерживает и П. Ньюмарк, отмечавший, что главная функция метафоры заключается не в переносе признаков с одного предмета на другой, а в облечении смысла в образную форму. Метафора позволяет наилучшим образом транслировать смысловые оттенки, т. к. соединяет в себе когнитивную и эстетическую функции, усиливая эмотивное воздействие на читателя. По мнению П. Ньюмарка, значение метафоры трудно переоценить. Он отмечает: «Any translation theorist must protest… about the frivolous and unhelpful attitude of many linguists towards metaphor, which is the basic device and driving force in language and thought and in the formation of concepts» [17, p. 156]. Главная задача переводчика заключается в передаче не самого художественного приема, а его функции воздействия на читателя: «the last thing he [translator] can do is to be... dismissive of metaphor» [17, p. 155].

Алгоритм перевода метафор по П. Ньюмарку

Под метафорой П. Ньюмарк понимает любое фигуральное выражение: персонификацию абстрактного понятия (*скромность запрещает мне…*), обозначение словом объекта, к которому данная характеристика не применяется в буквальном своем значении (описание какого-либо объекта в терминах другого объекта или понятия). Потенциал для построения метафоры присущ всем многозначным словам. Также, по мнению переводчика, большой метафорической силой в английском языке обладают фразовые глаголы. Метафоры П. Ньюмарк разделяет на одиночные (*single*), состоящие из одного слова, и развернутые (*extended*), которые могут выражаться словосочетанием, поговоркой, идиомой, предложением [17, p. 104].

Первым шагом к выработке алгоритма для перевода метафор может служить постановка принципиально важных задач, которые возникают при работе с метафорой и благодаря которым становится возможным обоснованный выбор того или иного переводческого приема:

1) определить, на чем основывается сходство предметов, и тем самым выяснить, несет ли сравнение положительную или негативную оценку;

2) понять, в какой степени необходимо передать семантическое значение метафоры, т. к. одна и та же метафора может характеризовать предмет с разных сторон.

Метафора есть способ восприятия сходства между двумя явлениями. Для более успешного понимания метафоры и выбора оптимального переводческого приема П. Ньюмарк предложил алгоритм рассмотрения структуры метафоры, выделив ее составляющие:

- *объект* – то, что описывается при помощи данной метафоры;

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

- *образ* – явление / предмет, в категориях которого или относительно которого описывается объект;
- *смысл* – «точка соприкосновения», которая показывает, в каких аспектах совпадают образ и объект [18];
- *собственно метафора* – средства описания образа, перенесенные на объект (то, чем выражен перенос образа на непосредственный объект);
- *метонимия* – образ, выраженный одним словом, заменяющим объект, в перспективе обеспечивающий переход данного образа в разряд стертых метафор [17, p. 85].

Безотносительно к переводу метафор П. Ньюмарк выделяет две стратегии перевода: семантическую, ориентированную на оригинал и его автора (*a source-oriented translation*), и коммуникативную, направленную на адресата переводческого процесса (*a target-oriented translation*). Коммуникативный перевод адресован, прежде всего, читающему на языке перевода, которого мало интересует специфика текста исходного языка и который ожидает закономерного переноса основной информации оригинала в свою культурную среду и язык. Семантический перевод ориентирован, главным образом, на культурно-языковую среду оригинала, и только самые основные общекультурные коннотации будут понятны неподготовленному читателю. Коммуникативный перевод усиливает выразительную (и прагматическую) силу высказывания (*force*), в то время как семантический – акцентирует содержательный, смысловой компонент.

Коммуникативный перевод может применяться для произведений нехудожественной литературы, публицистики, статей и книг технического характера, учебников, деловой корреспонденции, объявлений и т. д. [19]. Семантический перевод используется при переводе не только художественных, но и всех других текстов, авторство или культурный, юридический, политический статус которых культурно значим. Например, политический дискурс изобилует уникальными, индивидуальными текстами (речи У. Черчилля), авторские тексты встречаются среди публицистических статей и даже методических пособий [20].

Анализируя взгляды П. Ньюмарка, известный австралийский лингвист Э. Пим относит их к разряду теорий направленной эквивалентности, в которых отсутствует представление о единственно возможном переводческом эквиваленте. Тем не менее Э. Пим считает, что П. Ньюмарк более тяготеет к семантической стратегии перевода, подчеркивая необходимость пристального внимания переводчика к качеству и точности перевода [21, с. 58].

Разделяя отношение П. Ньюмарка к роли каждой из стратегий перевода, мы считаем крайне важным сохранение стилистических особенностей текста оригинала. Для максимально точной передачи какой-либо авторской идеи возможно сочетание стратегий в пределах перевода одного произведения. Например, в рассказе С. Кинга «N.» авторская метафора *My skin began to thrum* (King S. Just After Sunset: Stories) переведена буквально: «Кожа задребезжала»[1]. В то же время фраза *How golden we were!* (King S. Just After Sunset: Stories) передана переводчиком без сохранения референциального значения: «И перед нами лежал весь мир!»[2] [22, с. 229].

Главным недостатком и причиной ошибок при переводе авторских (в том числе художественных) текстов является, по мнению П. Ньюмарка, боязнь переводчика передавать индивидуальное авторское слово индивидуально на языке перевода, не прибегая к устоявшимся клише. С другой стороны, нежелание идти за текстом оригинала может привести к большим опущениям частей текста, потере логики и смысловым неточностям.

В связи с этим правомерным является вопрос о степени переводимости метафоры. Как считает Т. Б. Радбиль, «чем сложнее и девиантнее языковой строй оригинала, тем менее достижима его языковая переводимость» [23, с.244]. При этом практические задачи перевода художественных текстов успешно решаются благодаря компенсаторным возможностям смысла, который выражается не только эксплицитно, но и имплицитно [23, с. 244]. На наш взгляд, именно метафора является важным средством имплицитного выражения мысли в силу ее контекстуальной зависимости и возможности приобретения новых смысловых оттенков. В зависимости от вида метафоры можно определить и степень ее переводимости. Метафоры, которые не имеют функциональной нагрузки, обладают высокой степенью переводимости, а метафоры, несущие большую информативную нагрузку – низкой, т. к. передают контекстуальную, семантическую и прагматическую информацию.

П. Ньюмарком описаны следующие способы перевода метафор:

1. Сохранение исходного образа в тексте перевода с учетом принципа сохранения частотности в соответствующем языковом регистре. Принцип частотных соответствий заключается в том, что при переводе выбирается не первое словарное или контекстуальное значение, а то значение, которое будет с такой же частотностью соответствовать данной ЛЕ в данном типе текста на языке перевода (*equivalent frequency of usage*) [17, p. 145]. Перевод с сохранением исходного образа характерен для одиночных метафор (*ray of light*)[3]. Сохранение образа в переводе развернутых метафор (идиом, целых предложений) представляет большую переводческую трудность и встречается реже.

2. Замена исходного образа на общеупотребительный образ в языке перевода (распространенный в общих метафорах), не противоречащий образу оригинала. Для передачи эвфемизмов П. Ньюмарк в особенности советует

[1] Кинг С. После заката / пер. А. Ахмеровой, В. Вебера, Е. Доброхотовой и др. М.: АСТ, 2013. 413 с.

[2] Кинг С. После заката...

[3] Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2013. 1896 p.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

использовать соответствующие аналоги для сохранения задуманного автором эффекта, т. к. различия на уровне ассоциаций в разных языках могут быть значительными.

3. Передача метафоры сравнением с сохранением исходного образа. Такой способ перевода подходит как для одиночных, так и для более сложных, развернутых метафор. Цели метафоры и сравнения совпадают – точная передача характеристики объекта, поэтому не считается необходимым использование приема нейтрализации в передаче сравнений.

4. Передача метафоры сравнением с экспликацией смысла. Если существует риск, что для широкого круга читателей метафора окажется незнакомой, имеет смысл сочетать коммуникативную и семантическую стратегии перевода. При таком подходе передаваемый стилистический прием будет с большей вероятностью понят читателем.

5. Передача смысла без передачи образа – «снятие» образа. Данный способ перевода П. Ньюмарк считает одним из самых оптимальных (в зависимости от типа текста) и отдает ему предпочтение по сравнению с приемами замены исходного образа на аналогичный образ в языке перевода. Для раскрытия смысла, заложенного в метафоре, переводчик также может прибегнуть к компонентному анализу.

6. Отказ от метафоры и ее смысловой экспликации. Используется, если метафора избыточна и неэффективна, а текст не является экспрессивным или авторским. Решение об использовании данного приема переводчик может принять только после тщательного соотнесения компонента текста с его интенцией. Причина для отказа от метафоры может быть разной. Так, опущение метафоры может быть вызвано желанием переводчика избежать редупликации, когда функция метафоры выполняется в другом сегменте текста.

7. Сохранение исходной метафоры с экспликацией смысла. В случаях, когда переводчик сохраняет исходный метафорический образ, чтобы удостовериться в прозрачности данной метафоры для читателя, он может прибегнуть к добавлению пояснения. При повторении образа далее по тексту, когда метафора уже понятна читателю, пояснения можно опустить [17, p. 88].

При анализе метафор мы исходили из положений переводческой концепции П. Ньюмарка, согласно которой метафоры разбиваются на 6 видов: стертую (*dead*), метафору-клише (*cliche*), общую (*stock*), адаптированную (*adapted*), недавнюю (*recent*) и оригинальную (o*riginal*).

Результаты

Несмотря на то, что материалом исследования стали художественные тексты, в них встречаются не только авторские, оригинальные метафоры: *Time was drawing like a blade* (King S. Rita Hayworth and Shawshank Redemption) – «Время тянулось как лезвие финки»[4]. В такого рода текстах не менее частотными являются и другие вышеупомянутые виды метафор (например, стертая и метафора-клише), что также определяет способ их перевода в художественном тексте.

Стертая метафора является особым видом метафоры, «утратившей семантически мотивированные связи значений» [24, с. 200]. Так как носитель, например, английского языка уже не воспринимает некоторое словосочетание как метафору, то и на языке перевода данное словосочетание не должно быть метафоризировано. Поэтому образ, лежащий в ее основе, может не совпадать в языке оригинала и в языке перевода. Но это и определяется спецификой такого вида метафоры – ее образность нейтрализована, важно передать лишь семантическое значение. При переводе стертых метафор следует руководствоваться принципами лексической сочетаемости в языке перевода, т. е. стертым метафорам языка оригинала следует подбирать эквивалентные стертые метафоры языка перевода.

К метафорам-клише можно отнести такие, которые несколько потеряли свою эстетическую составляющую и встречаются во всех функциональных стилях. Их роль – яснее, с большей экспрессией выразить свою мысль. Соответственно, задача переводчика – подобрать схожие клишированные метафоры в языке перевода, например: *At the bottom of a hill* – «у подножия горы»[5]. П. Ньюмарк выдвигает идею, что способ перевода метафоры всегда зависит от типа текста. Таким образом, метафора-клише, используемая в анонимном типе текста, не должна переводиться дословно. Переводчику следует либо вообще снять образность переводимой метафоры, либо предложить менее образную метафору: *John Q Public* (King S. Rita Hayworth and Shawshank Redemption) – «Широкие слои населения»[6], *Reno divorce* (King S. Just After Sunset: Stories) – «быстрый развод»[7].

Отмечается, что общие метафоры и метафоры-клише во многом схожи: их семантические поля могут пересекаться. Под обычной метафорой понимается такая метафора, которая является эффективным способом описания конкретного или абстрактного понятия, которая оказывает эмоциональное воздействие на читателя и, в отличие от стертой метафоры, обладает активной эстетической функцией.

Конкретизируем вышеприведенные положения примерами из некоторых произведений С. Кинга, опубликованных в период с 1991 г. по 2016 г. и переведенных на многие языки мира.

He was a real-estate agent, and breathed his last on the kitchen floor of someone else's house (King S. Hearts in Atlantis) – «Он был агентом по продаже недвижимости и испустил

[4] Кинг С. Стивен Кинг идет в кино: все лучшие произведения «Короля ужасов», по которым сняты фильмы: перевод с английского. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. 468 с.

[5] Collins English Dictionary: Complete and Unabridged. N. Y.: Harper Collins Publishers, 2003. 1888 p.

[6] Кинг С. Стивен Кинг идет в кино...

[7] Кинг С. После заката...

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

дух на полу чьей-то чужой кухни»[8]. Прием перевода метафор № 1 – сохранение образа в переводе развернутых метафор, где образ, выраженный одним словом, заменяет объект (используется метонимическая пара *пол – недвижимость*). Возможна трактовка данного образа как стертой метафоры, которая усиливает иронический эффект путем использования обыденного образа *кухонный пол* для описания смертного часа человека.

В следующих фрагментах из произведений цикла «Сердца в Атлантиде» персонажи, не имеющие имен, ведут диалог, для перевода которого применен прием № 5: *Number 6: "You won't get it!"... Number2: "By hook or by crook... we will"* (King S. Hearts in Atlantis) – «Номер 6: "Не получите!"... Номер 2: "Так или эдак… мы ее получим"»[9]. Идиоматическое выражение *By hook or by crook* эквивалентно в языке перевода пословице «Не мытьем, так катаньем»; оно также могло быть переведено устойчивым выражением «правдами и неправдами». Однако переводчик передает смысл идиомы без передачи образа на языке перевода.

В том же романе С. Кинг прибегает к оригинальным метафорам: *Although Randall had been dead ever since Truman was President and now Eisenhower was almost done with his eight-year cruise…* (King S. Hearts in Atlantis) – «Хотя Рэндолл упокоился в могиле тогда, когда президентом был еще Трумэн, а теперь и Эйзенхауэр завершил свой восьмилетний круиз…»[10]; *Foolish men make messes, and it's usually the women of the world that have to clean them up later on* (King S. Hearts in Atlantis) – «Дураки-мужчины напакостят, а всем женщинам в мире приходится потом убирать за ними»[11]. Благодаря данным метафорам президентский срок сравнивается с круизной поездкой, а разрешение мужских проблем женщинами – с уборкой квартиры. В обоих случаях переводчик использует переводческий прием № 3 – передает метафору сравнением с сохранением исходного образа.

It was April of 1960, the night breathed spring perfume (King S. Hearts in Atlantis) – «Был апрель 1960 года, вечер дышал весенними ароматами»[12]. Многозначное слово *breathed*, использованное в значении «издавать приятный запах», переведено на русский язык общей метафорой с использованием приема № 2 – заменой исходного образа на общеизвестный образ в языке перевода (ср. «Дыша духами и туманами»), что не противоречит образу оригинала.

When he asked about them Mrs. Gerber said they were migrants, just like some kinds of birds – always on the move, picking whatever crops had just come rip (King S. Hearts in Atlantis) – «Он спросил у миссис Гербер, что это за люди, а она сказала, что это сезонники, ну, вроде перелетных птиц – они все время перебираются с места на место, собирая урожай чего бы то ни было, когда он созревает»[13]. Развернутая метафора *kinds of birds – always on the move, picking whatever crops* передается калькированием (прием № 1). Цель сравнения – точная передача ключевой характеристики рабочих: они приезжают только два раза в год, чтобы собрать созревшие плоды.

Donald Biderman liked Randall and felt sorry for her – widowed with a son barely out of diapers (King S. Hearts in Atlantis) – «Дональду Бидермену нравился Рэндолл, и он жалел ее [Лиз] – оставшуюся вдовой с сыном, который только-только вышел из пеленок»[14]. В данном случае используется способ перевода № 3 – передача метафоры-клише с сохранением исходного образа и использованием аналогичной метафоры в языке перевода.

Вопрос о степени переводимости остается актуальным, на наш взгляд, для развернутой метафоры: *You had to keep your nose to the grindstone and your shoulder to the wheel* (King S. Just After Sunset: Stories) – «Надо натирать мозоли и не покладать рук»[15]. Идиома *keep your nose to the grindstone* переведена метафорой-клише «натирать мозоли», при этом сохраняется исходный смысл «не переставать работать усердно». Для части *shoulder to the wheel* в языке перевода отсутствует эквивалентное идиоматическое выражение, поэтому используется фразеологизм «не покладать рук», эксплицирующий смысл метафоры оригинала. В данном случае используется, скорее, переводческий прием № 4. Однако недостатком такого перевода является то, что фразеологизм существует в русском языке в виде деепричастного оборота «не покладая рук».

Идеальным решением было бы подобрать эквивалентную метафору со схожим образом в языке перевода. Такой метод, подходящий для одиночных метафор, для перевода развернутых метафор считается менее универсальным. В романе С. Кинга *Langoliers* один из персонажей находился под гнетом отца и всю жизнь не мог от него освободиться, даже после смерти тирана. Автор сравнивает героя с глубоководной рыбой, которая не может покинуть давящую на нее глубину: *Prisoners of their own alien bodies, they are locked forever in their dark depths. If they are captured and drawn toward the surface, toward the sun, they simply explode. It is not external pressure that destroys them, but its absence. Craig Toomy had been raised in his own dark trench…* (King S. Four Past Midnight. Signet) – «Пожизненно заключенные в своем странном теле, они обречены вечно существовать в черных безднах. Если их ловят и вытаскивают на поверхность, к солнцу, они просто

[8] Кинг С. Сердца в Атлантиде / пер. И. Гуровой. М.: АСТ, 2004. 476 с.

[9] Кинг С. Сердца в Атлантиде...

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Кинг С. После заката...

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

взрываются. Не внешнее давление разрушает их, а как раз его отсутствие. Крэг Туми вырос в своей собственной темной трещине и жил в собственной атмосфере высокого давления… »[16]. При переводе данной развернутой метафоры были использованы образы оригинала – *prisoners of their own alien bodies, dark trench* – «заключенные в своем странном теле», «темная трещина», благодаря чему переводчику удалось сохранить смыслообразующий элемент метафоры: гнет и притеснение – это давление толщи воды на глубине.

К адаптированным метафорам относятся авторские метафорические окказионализмы, при переводе которых П. Ньюмарк советует максимально адаптировать метафору на иностранном языке в интересах носителя языка перевода. Переводчик должен стремиться сохранить и форму, и содержание. Когда метафоры основываются на схожих образах, уровень эквивалентности при переводе значительно возрастает. Тем не менее в случае, когда это не представляется возможным, выбор делается в пользу последнего, т. к. не всегда удается подобрать метафору, которая была бы создана на схожем образе. В романе «Доктор сон» один из героев, описывая старика-педофила, называет его *bad bicycle* – отрицательная коннотация данного метафорического образования очевидна, однако метафорообразующая основа (образ велосипеда) слишком выбивается из ассоциативных связей, выстраиваемых в контексте ЛЕ «велосипед» носителем русского языка.

При переводе авторской метафоры сохранение ее специфики (например, использование того же метафорообразующего образа) играет ключевую роль и представляет для переводчика задачу столь же важную, как и передача смысла, который несет в себе данная метафора: *Stone hotel full of thieves* (King S. Rita Hayworth and Shawshank Redemption) – «Отель, в каждом втором номере которого живет вор»[17]. *Johnny discovered he could actually feel that glance, like soft, skilled fingers patting their way along the top of a window, feeling for the catch that would unlock it* (King S. Desperation) – «Джонни обнаружил, что может ощущать этот взгляд, словно мягкие умелые руки прокладывают себе путь вдоль оконной рамы, нащупывая задвижку, которая его откроет»[18].

В романе С. Кинга «Сияние» довольно много эпитетов и сравнений, представляющих собой метафорические образования. *His mouth was dry, his eyes like hot marbles, his heart trip hammering in his chest…* (King S. The Shining) – «Во рту пересохло, глаза походили на мраморные шарики, сердце молотом стучало в груди… »[19] – «Во рту у мальчика пересохло, на место глаз вставили словно бы раскаленные голыши, сердце кувалдой стучит в груди… »[20]. Переводческую сложность здесь представляет метафоричное наполнение автором ЛЕ *marble* – отсутствующей в русской лингвокультуре реалии. Мраморные шарики – это предмет для детской игры: «small balls of coloured glass that children roll along the ground in a game»[21]. Метафорическое высказывание в оригинале описывает ощущения пятилетнего мальчика, который, обладая даром ясновидения, остается маленьким ребенком. К сожалению, ни в одном из вариантов перевода не получила отражение эта двойственность, типичная для характеристик «плохого места» в романах С. Кинга.

Авторы данных переводов считают «камень» центром семантического значения метафоры, опираясь, по-видимому, на широко распространенное в русском языке выражение «каменный взгляд», значение которого не соотносится с контекстом романа. Образ камня, по нашему мнению, лишь отчасти передает метафору оригинала. Кроме этого, в первом варианте перевода опущено прилагательное *hot*, что лишает метафору изначального смысла – по задумке автора глаза мальчика стали сухими, а не бездушными, как камень.

Проявляя индивидуальность при переводе авторских метафор, переводчики должны, следуя концепции П. Ньюмарка, стремиться к соблюдению баланса общеупотребительных метафор языка оригинала и языка перевода. Рассмотрим пример, где этот баланс, на наш взгляд, сохранен не в полной мере: *He would be saccharin sweet with the guests, a petty tyrant when he was backstage with the help. But now school was out and the head clerk's pleasure was written large on his face* (King S. The Shining) – «С клиентами он умел быть сахаринно-сладким, а за кулисами, с персоналом, превращался в мелкого тирана. Но сейчас дисциплине пришел конец, и на лице главного клерка читалась написанная крупными буквами радость»[22] – «Слащав с гостями и неумолим за кулисами к подчиненным. Но сегодня рабочий год закончился, и лицо администратора прямо-таки сияло от радости»[23]. В первом переводе эпитет передан буквально, а во втором – с помощью аналога, т. к. *saccharin sweet* означает очень сладкий, приторный с соответствующей отрицательной коннотацией.

Согласно стратегии П. Ньюмарка, перевод широко распространенной, общей метафоры должен передаваться такой же распространенной и общеупотребительной метафорой на языке перевода. В первом примере переводчик отнес метафору *saccharin sweet* к авторской. Однако интернет-поиск показывает, что она встречается довольно часто. Возможно, переводчик посчитал нестандартной замену ЛЕ *sugar* на *saccharin*, но выражение *sugar sweet* имеет

[16] Кинг С. Четыре после полуночи / пер. В. Вебера и др. М.: АСТ, 2013. 793 с.

[17] Кинг С. Стивен Кинг идет в кино...

[18] Кинг С. Безнадега / пер. В. А. Вебера. М.: АСТ, 2001. 384 с.

[19] Кинг С. Сияние / пер. Е. Александровой. М.: АСТ, 2013. 478 с.

[20] Кинг С. Сияние. СПб.: Экоцентр-ВНИРО, 1992. 462 с.

[21] Collins English Dictionary...

[22] Кинг С. Сияние / пер. Е. Александровой...

[23] Кинг С. Сияние...

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

положительную коннотацию, в то время как *saccharin* – отрицательную. Таким образом, второй вариант перевода является более предпочтительным, т. к. переводчик верно передал ключевую коннотацию.

Passively, with no say, you ceased to be a creature of the mind and became a creature of the nerve endings; from a college-educated man to wailing ape in five easy seconds (King S. The Shining) – «...вы перестаете быть существом, которым управляет рассудок, и превращаетесь в существо, управляемое нервными окончаниями; из человека с высшим образованием за пять секунд вы превращаетесь в воющую обезьяну»[24] – «Ты теряешь человеческий облик, становишься комком нервов, из человека с высшим образованием превращаешься в вопящую обезьяну»[25]. Данный пример наглядно иллюстрирует необходимость комплексного подхода в переводе художественного текста: оба переводчика сохраняют исходный образ, и, с точки зрения классификации метафор П. Ньюмарка, смысл метафоры передан верно. Но в первом варианте очевидно применение семантической стратегии перевода: перед нами перевод близкий к тексту с сохранением грамматического ударения, благодаря которому переводческое решение является более предпочтительным.

Описывая мальчика в романе «Сияние», С. Кинг использует необычное в английском языке сочетание для описания внешности *an almost insolently beautiful boy* (King S. The Shining). В русском языке существует точный аналог данного выражения – «до неприличия красивый, неприлично красив». Несмотря на это, более удачным нам представляется перевод, где переводчик (возможно, неосознанно) применил стратегию П. Ньюмарка: «почти вызывающе красив»[26]. В другом варианте перевода используется прием калькирования: «почти оскорбительно красивым юношей»[27], – который, несмотря на наличие лексического соответствия, является менее точным в смысловом отношении.

Заключение

Переводчики реализуют алгоритмы перевода метафор П. Ньюмарка, однако соблюдение узуальных норм русского языка удается лишь тем, которые стремятся к оптимальному выделению главных семантических компонентов метафорообразующих единиц и классифицируют метафору по видам. Анализ переводов произведений С. Кинга подтверждает зависимость перевода метафоры от функционального типа текста и вида метафоры.

Так как художественное произведение относится к экспрессивному типу текста, стратегия перевода метафорических образований требует соблюдения принципа частотного соответствия, который выступает ключевым при определении вида метафоры (относится ли переводимая метафора к авторской или общей метафоре). Эквивалентная частотность перевода является условием успешности художественной коммуникации, при этом необходимо принимать во внимание разные культурные коды эпох. По выражению Е. М. Масленниковой, «включенность переводчика в диалог культур предопределяет установление межъязыковых и межкультурных связей, для которых ему надлежит найти способы, ... чтобы обеспечить вторичному читателю возможность для выхода в национально-культурную спецификацию "другого"» [25, с. 159].

Результаты исследования подтверждают положение П. Ньюмарка, что при переводе метафор переводчик решает две принципиально важные задачи:

1) определяет основания сходства предметов и тем самым выявляет положительную или негативную оценку, лежащую в основе сравнения;

2) оценивает необходимость передачи семантического значения метафоры, в силу того что одна и та же метафора может характеризовать разные аспекты предмета.

Теоретический и практический подходы П. Ньюмарка к переводу метафор представляют собой составляющую единой концепции перевода и могут служить методологической основой перевода художественного текста.

Литература

1. Плотников Е. Е., Сенцов А. Э. К вопросу о лингвистических парадигмах и методах исследования языка // Молодой ученый. 2015. № 5. С. 661–663.
2. Шитиков П. М. Процедуры перевода метафоры (на материале библейских текстов) // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2012. № 8. С. 84–87.
3. Gibian G. How Russian proverbs present the Russian national character // Russianness: Studies on a Nation's Identity: In honor of Rufus Mathewson, 1918–1978 / ed. R. L. Belknap. Ann Arbor: Ardis, 1990. P. 38–43.
4. Березович Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.

[24] Кинг С. Сияние / пер. Е. Александровой...

[25] Кинг С. Сияние...

[26] Кинг С. Сияние...

[27] Кинг С. Сияние / пер. Е. Александровой...

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

5. Абдукаримова К. Р. Идиоматическая репрезентация мира в казахской и английской лингвокультурах // Актуальные проблемы современного общества: сб. мат-лов XV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. (Новосибирск, 15–16 ноября 2018 г.) Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С. 12–16.
6. Шалимова Д. В. Взаимные трансформации смыслов и значений при понимании пословиц // Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 42–47.
7. Пшеницын С. Л. О смысловых различиях при переводе // Studia Linguistica. 2000. Вып. IX: Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. С. 76–83.
8. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
9. Krings H. P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern. Tübingen: Narr, 1986. 570 S.
10. Гарбовский Н. К. Теория перевода. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 542 с.
11. Казакова Т. А. Художественный перевод: теория и практика. СПб.: ИнЪязиздат, 2006. 535 с.
12. Гудкова-Кученкова А. Б., Коптякова Е. Е. Особенности передачи метафоры при переводе (на материале романа Стивена Кинга «Зеленая миля» и его перевода на русский язык) // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по мат-лам VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 12–22 марта 2018 г.) Новосибирск: АНС СибАК, 2018. С. 61–67.
13. Рябцева Н. К. Концепция перевода Питера Ньюмарка и ее теоретическое и практическое значение // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков / под ред. Е. Р. Иоанесян. М.: ИЯз РАН, 2013. Т. 5. С. 200–247.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
15. Чекулай И. В., Прохорова О. Н., Кучмистый В. А. Специфика метафорических моделей структурирования ценностных концептов // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 350–355.
16. Сенцов А. Э., Онищенко А. К. К проблеме исследования концептуальной метафоры // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 802–804.
17. Newmark P. Approaches to translation. Oxford-N. Y.: Pergamon Press, 1981. 200 p.
18. Beekman J., Callow J. Translating the word of God. Michigan: Zondervan, 1997. 399 p.
19. Nida E. A. Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.
20. Эко У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе / пер. А. Коваля. СПб.: Symposium, 2006. 568 с.
21. Пим Э. Д. Теоретические парадигмы в переводоведении / пер. Т. А. Казаковой; под ред. А. В. Ачкасова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 254 с.
22. Шалимова Д. В., Шалимова И. В. Перевод художественного текста как средство формирования переводческой компетенции // Достижения вузовской науки. 2014. № 8. С. 224–229.
23. Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 591 с.
24. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. А. Н. Баранова. 2-е. изд. М.: URSS; Изд-во ЛКИ, 2008. 252 с.
25. Масленникова Е. М. Художественная коммуникация перевода: параметры и особенности. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 194 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

Peter Newmark's Translation Procedures as Applied to Metaphors of Literary Texts (Based on Stephen King's Works)

Dina V. Shalimova [a, @]; Inna V. Shalimova [b, ID]

[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[b] JSC Polymetal Management Company, Russia, St. Petersburg

[@] avsh86@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-0551-5698

Received 09.01.2020. Accepted 03.02.2020.

Abstract: The present research featured P. Newmark's translation strategy and procedures applied to the translation of metaphors in literary texts, namely Stephen King's oeuvre. The study revealed the effect of functional style on metaphor translation. The type of metaphor, e.g. dead, cliché, stock, adapted, recent, and original, also proved important for adequate translation. The authors performed a comparative and correlative analysis of metaphors in translations made by different authors. The study was based on descriptive, cognitive, semantic, and lexicographic methods. The general functional analysis revealed grammar and lexical transformations that metaphors undergo in the process of application of P. Newmark's translation strategy and procedures. The article focuses on the optimal ways of metaphor translation as described by P. Newmark. The translator can preserve the original image in the translated text, keep the original metaphor, replace the original image with a common one, render the metaphor using a figurative comparison while preserving the original image and notion explication, ignore the notion explication of the metaphor, or totally remove the image. The analysis proved the significance of P. Newmark's approach to metaphor translation and its methodological value for modern translation theory and practice. The results obtained can be applied both in professional translation and in corresponding disciplines.

Keywords: metaphor translation algorithm, translation strategy, communicative translation strategy, semantic translation strategy, degree of translatability, frequency principle, lexical collocation principle

For citation: Shalimova D. V., Shalimova I. V. Peter Newmark's Translation Procedures as Applied to Metaphors of Literary Texts (Based on Stephen King's Works). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 278–287. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

References

1. Plotnikov E. E., Sentsov A. E. Revisiting the linguistic paradigms and language research methods. *Molodoi uchenyi,* 2015, (5): 661–663. (In Russ.)
2. Shitikov P. M. Procedures of metaphor translation (based on the Scriptures). *Perevod i sopostavitelnaia lingvistika*, 2012, (8): 84–87. (In Russ.)
3. Gibian G. How Russian proverbs present the Russian national character. *Russianness: Studies on a Nation's Identity: In honor of Rufus Mathewson*, 1918–1978, ed. Belknap R. L. Ann Arbor: Ardis, 1990, 38–43.
4. Berezovic E. L. On the ethnolinguistic interpretation of semantic fields. *Voprosy jazykoznanija*, 2004, (6): 3–24. (In Russ.)
5. Abdukarimova K. R. Idiomatic representation of the world in Kazakh and English languages and cultures. *Urgent problems of modern society:* Proc. XV Intern. Sci.-Prac. Conf. of young scientists, Novosibirsk, November 15–16, 2018. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2018, 12–16. (In Russ.)
6. Shalimova D. V. Experimental study of sense and meaning mutual transformations in verbal substances comprehension. *Voprosy psikhologii,* 1990, (4): 42–47. (In Russ.)
7. Pshenitsyn S. L. Revisiting the meaning differences in translation. *Studia Linguistica*, 2000, iss. IX, 76–83.
8. Miniar-Beloruchev R. K. *General theory of translation and interpreting.* Moscow: Voenizdat, 1980, 237. (In Russ.)
9. Krings H. P. *What is going on in the minds of translators: An empirical study of the structure of the translation process for advanced French learners*. Tubingen: Narr, 1986, 570. (In Germ.)
10. Garbovskii N. K. *Theory of translation*, 2nd ed. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007, 542. (In Russ.)
11. Kazakova T. A. *Literary translation: theory and practice.* St. Petersburg: Iniazizdat, 2006, 535. (In Russ.)
12. Gudkova-Kuchenkova A. B., Koptyakova E. E. Peculiarities of metaphor translation (based on S. King's novel "The Green Mile" and its Russian translation). *Culturology, philology, art studies: topical issues of contemporary science:* Proc. VIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, March 12–22, 2018. Novosibirsk: ANS SibAK, 2018, 61–67. (In Russ.)
13. Riabtseva N. K. Translation studies by Peter Newmark and their theoretical and practical impact. *Linguistics and methods of teaching foreign languages*, ed. Ioanesian E. R. Moscow: IIaz RAN, 2013, vol. 5, 200–247. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287

14. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by.* Chicago: University of Chicago Press, 2003, 276.
15. Chekulai I. V., Prokhorova O. N., Kuchmistyy V. A. The specific character of metaphoric and metonymic structuring the value concepts. *Kognitivnye issledovaniia iazyka,* 2019, (37): 350–355. (In Russ.)
16. Sentsov A. E., Onishchenko A. K. A view on the issue of conceptual metaphor research. *Molodoi uchenyi,* 2015, (4): 802–804. (In Russ.)
17. Newmark P. *Approaches to translation.* Oxford-N. Y.: Pergamon Press, 1981, 200.
18. Beekman J., Callow J. *Translating the word of God*. Michigan: Zondervan, 1997, 399.
19. Nida E. A. *Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating.* Leiden: Brill, 1964, 331.
20. Eco U. *To say nearly the same: experiences in translation,* tr. Koval A. St. Petersburg: Symposium, 2006, 568. (In Russ.)
21. Pym A. D. *Exploring translation theories,* tr. Kazakova T. A; ed. Achkasov A. V. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2018, 254. (In Russ.)
22. Shalimova D. V., Shalimova I. V. Translation of literary texts as a means of translator's competence formation. *Dostizheniia vuzovskoi nauki,* 2014, (8): 224–229. (In Russ.)
23. Radbil T. B. *Language and the world: paradoxes of interreflection.* Moscow: Izdatelskii dom IaSK, 2017, 591. (In Russ.)
24. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*, trans. Baranov A. N., Morozova A. V., ed. Baranov A. N., 2-nd ed. Moscow: URSS; Izd-vo LKI, 2008, 252. (In Russ.)
25. Maslennikova E. M. *Literary communication through translation: parameters and peculiarities.* Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2016, 194. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Контакты для сотрудничества:
Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com
Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Contacts for co-operation:
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com
Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Редакторы выпуска:
Лоншакова К. А., Митько Н. В.,
Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 23.03.2020.
Дата выхода в свет 6.04.2020.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 36,6. Уч.-изд. л. – 32.
Тираж 500 экз.
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область,
650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.